

ИРЦ
М.Н.Тихомиров

РОССИЯ
В XVI
СТОЛЕТИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

М.Н.Тихомиров

РОССИЯ
В XVI
СТОЛЕТИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1962

РУССКОЕ
в XVI
СЛОВЕЧНИ

9

T-46

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ЛИНГВИСТИКИ

57600

В В Е Д Е Н И Е

Глава I

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

ИСТОРИОГРАФИЯ

Исторической географией России занимались относительно мало, хотя существуют крупные труды, посвященные истории городов, отдельных поселений и в особенности в большом количестве монастырей. Однако только в немногих из этих трудов рассматривается география России XVI в. в целом. Поэтому о них и не столь сложно сказать в нашем кратком введении.

Одним из наиболее ранних трудов по исторической географии России является книга Е. Замысловского «Герберштейн и его историко-географические сведения о России»¹. Труд Замысловского является как бы комментарием к изданию записок Герберштейна о Московском государстве. Цель автора доказать, что известия Герберштейна в высокой степени достоверны. В связи с этим Замысловский анализирует сведения Герберштейна в свете других источников, а так как Герберштейн дает обзор тогдашней России, то этот анализ имеет прямое отношение к исторической географии. Однако исторической географией России XVI в. труд Замысловского назван быть не может по той причине, что собственно историко-географические категории (история населения, границы России, характеристика областей, городов и т. д.) Замысловским не рассматриваются. То, что пишет Замысловский, невозможно перенести на карту. Фактически его труд является как бы введением в историческую географию XVI в., но не исторической географией.

---

¹ Е. Замысловский. Герберштейн и его историко-географические сведения о России. С приложением материалов для историко-географического атласа России XVI в. СПб., 1884.

Некоторые, впрочем, разрозненные сведения о России XVI в. дает другая книга Замысловского, представляющая собой пояснительный текст к его учебному атласу².

Значительно большее значение для нашей темы имеет известная книга С. Ф. Платонова «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.» (М., 1937). В этом труде, написанном с большим талантом, эрудицией и яркостью, имеется особая глава под названием «Области Московского государства».

Это своего рода краткий очерк исторической географии России XVI в., написанный с большим знанием дела. Расположен очерк по «городам», как распределялись в приказном делопроизводстве XVI в. области России: Замосковные города, города от Немецкой украины, города от Литовской украины и т. д. Задача главы, впрочем, чисто служебная: она должна ввести читателя в дальнейшие события, о которых говорит Платонов. Наибольшее внимание автор обращает на города и социальные отношения в городах. Ряд же важных вопросов, связанных с сельскими местностями, оставлен без всякого рассмотрения. Само деление по городам является условным. Например, к Познским городам причислены одинаково и Нижний Новгород и Астрахань, районы которых различаются друг от друга чрезвычайно резко. В очерках Платонова мы найдем мало указаний или только беглые указания на хозяйство отдельных областей России. Платонов почти не касается и вопроса о территориальном делении тогдашней России, без чего понимать должным образом историческую географию России XVI в. крайне трудно. Таким образом, очерк исторической географии России XVI в., может быть наиболее яркий во всей большой книге Платонова, остается как бы наброском, введением в историческую географию XVI в.

Книгой историко-географического содержания является и труд М. К. Любавского «Историческая география России в связи с колонизацией». Этот курс, читанный в Московском университете и изданный литографическим способом студентами-филологами по запискам студентов, прослушал и я в студенческие годы в Московском университете. В свое время книга Любавского, хотя и выпущенная в литографированном издании, была своего рода откровением ввиду полного отсутствия трудов по исторической географии России позднего времени (XVI—XVIII вв.). Теперь можно отнестись к книге Любавского более критически. Основная особенность его курса заключается в том, что он рассматривает историческую географию России с точки зрения колонизационного движения, подчеркивая это даже в заглавии: «в связи с колонизацией». Конечно, колонизация, заселение и освоение пустых пространств, имела громадное значение в истории

---

² Е. Замысловский. Объяснения к учебному атласу по русской истории. СПб., 1887.

России, но нельзя забывать и того, что историческая география рассматривает не только одну колонизацию. Да и сама колонизация России останется непонятной и необъясненной вне изучения социальной структуры и политических событий XVI в.

Благодаря своему построению книга Любавского, как ни странно, дает для исторической географии России XVI в. меньше материала, чем очерк Платонова. Так, у Любавского после подробного изучения исторической географии Киевской Руси дается лишь беглый обзор России в XIV—XV вв., а при изложении исторической географии России XVI—XVII вв. на первый план поставлены колонизационные вопросы. Поэтому историческая география Поволжья дана значительно более подробно, чем география центра. Увлечение колонизационным вопросом привело к тому, что Любавский придает громадное значение и так называемой монастырской колонизации севера России, хотя не монастыри колонизировали русский Север, а сами шли вслед за крестьянской колонизацией в уже освоенные места.

Обратимся теперь к различного рода дополнительным трудам, рассматривающим вопросы исторической географии России XVI в. не в целом виде, а по частям, по отдельным областям страны.

Ряд крупных трудов был написан по социально-экономической истории России в XVI—XVII вв. К ним в первую очередь принадлежит книга Ю. В. Готье «Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта», вышедшая в свет в 1906 г. и переизданная в 1937 г. Ю. В. Готье говорит о Замосковном крае в целом. В приложении дано перечисление уездов Замосковского края с делением их на станы и волости. Приложение снабжено краткими примечаниями и картой, на которой нанесены границы уездов и станов XVI—XVII вв. Работа Ю. В. Готье заслуживает быть особо отмеченной ввиду ее большой ценности. Сам же автор был настолько скромным человеком, что поместил свою карту в приложение, относясь к ней, как к простому добавлению. Наиболее существенным пробелом в книге Готье является отсутствие достаточных сведений о городах Замосковского края, хотя в него входила вся центральная часть России. Следуя за другими историками своего времени, Готье считал, что русские города были экономически очень слабыми, и обращал главное внимание на сельское хозяйство. Основной материал в монографии Готье относится к XVII столетию, а предыдущее время затрагивается только попутно.

Для изучения Поморья большое значение имеет первый том труда М. М. Богословского «Земское самоуправление на русском севере в XVII в.» (М., 1909). Хотя эта книга также посвящена XVII в., тем не менее она имеет значение и для более раннего времени. Впрочем, историко-географическая сторона представлена здесь значительно слабее, чем в книге Готье. Правда, в труде

Богословского помещены сведения об областном делении Поморского края, об его уездах и волостях и прочее, но эти сведения слабо связаны с исторической географией. К книге Богословского приложена карта, на которой показана территория поморских областей. К сожалению, в отличие от карты Замосковского края на карте М. М. Богословского не отмечены границы уездов и волостей Поморья. Недостатком работы Богословского является крайне малое внимание, обращенное автором на состояние городов в Поморье. Не могу не отметить, что в беседе со мной покойный С. В. Бахрушин, работавший тогда над изучением процесса формирования всероссийского рынка, точно так же отмечал, что работой Богословского трудно пользоваться для характеристики поморских городов и даже деревни. Богословский интересовался не столько сельским хозяйством, сколько земским самоуправлением; мирские челобитные, мирские сказки для него являлись главным сюжетом, а историко-географические задачи имели только второстепенное значение.

Поволжье посвящена монография Г. Перетятковича «Поволжье в XV—XVI вв. Очерки из истории края и его колонизации» (М., 1877). Эта работа дает много материала по нашей теме, хотя и не ставит собственно историко-географические задачи, а написана в плане истории завоевания и освоения Среднего Поволжья.

Из числа других работ, касающихся исторической географии, в первую очередь надо отметить книгу Н. Д. Чечулина «Города Московского государства в XVI в.» (СПб., 1889). Чечулин изучил города этого столетия на основании писцовых книг. Это позволило ему восстановить картину таких крупных и мелких городов, как Казань, Свияжск, Псков, Новгород, Корела, Яма и т. д. Однако Чечулин недостаточно проанализировал писцовый материал и не принял во внимание его односторонности. Ведь писцы рассматривали город как объект обложения. Поэтому в тех случаях, когда некоторые категории населения по тем или иным причинам не облагались государевым тяглом, писцы ими не интересовались. В связи с этим в писцовых книгах иногда отсутствует указание на население в беломестных слободах, в стрелецких, в конюшенных и т. д. В городе Дмитрове, например, была Конюшенная слобода, и в ней жило около половины населения всего Дмитрова. В писцовых же книгах эта слобода не упомянута, потому что ее население не несло посадского тягла.

Чистый историко-географический характер имеет книга А. М. Андриашева о селениях Шелонской пятины³. Андриашев поставил своей задачей на основании писцовых книг установить местоположение селений Шелонской пятины в XV—XVI вв.;

³ А. М. Андриашев. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг., т. 1. Списки селений. М., 1914.

им написано небольшое введение и составлены списки селений. Они нанесены на карту⁴. Труд Андриашева пока что является единственным по тщательности разработки и заслуживает быть отмеченным как своего рода научный подвиг. Карты погостов, составленные Андриашевым, имеют большое значение вообще для истории Новгородской земли на протяжении нескольких веков.

Некоторое значение для исторической географии XVI в. имеет труд В. Н. Дебольского «Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический материал» (2 тома. СПб., 1901—1902). Дебольский поставил перед собой ограниченную задачу: установить на современной карте местонахождение тех пунктов, которые названы в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV — начала XVI в. Он приложил к исследованию небольшую карту, на которой отмечены селения или волости, названные в грамотах. В большинстве случаев материал, собранный Дебольским, относится к XIV—XV вв., но надо иметь в виду, что прежние названия селений и волостей сохранились по старой традиции и в XVI столетии. При этом некоторые уезды и волости даже в начале XVIII в. занимали территории, сложившиеся еще в удельное время.

По своей структуре и выполнению к работе Дебольского очень близка монография М. К. Любавского «Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра» (Л., 1929). Эта книга говорит в основном о XIV—XV вв., но частично захватывает первую половину XVI в., тем самым непосредственно относясь к нашей теме. Любавский рассматривает отдельные земли в порядке их присоединения к России, причем наносит на карту поселения, упоминаемые в великокняжеских договорах и других актах XIV—XV вв. Это сделано не всегда с должной осторожностью, но в целом книга Любавского содержит хорошей справочный материал.

Попытку деления территории России XVI в. по хозяйственным признакам сделал Н. А. Рожков. По его мнению, территорию Московского государства, как она сложилась к концу XVI в., можно разделить на шесть естественных областей: центр, западное Полесье (Новгородско-Псковская область), север, Прикамье, степь и Поднепровье. Климатические и почвенные условия этой территории были лишь немногим лучше современных. Лучшей естественной областью была степь, за ней следуют в нисходящем порядке Поднепровье, Прикамье, центр, западное Полесье и север⁵.

⁴ Атлас селений носит заглавие: А. М. Андриашев. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг., карты погостов. СПб., 1913.

⁵ Н. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. (без года и места издания), стр. 2—3.

Схема Н. А. Рожкова не может быть принята ни с какой точки зрения, и в первую очередь именно с естественной точки зрения. Прежде всего, название «степь» совершенно не подходит для характеристики территории не только бывшей Калужской, но и Тамбовской, Пензенской и Симбирской губерний. Территория их покрыта богатыми лесами и относится к лесостепи. К тому же земли позднейшей Рязанской и Тульской губерний никогда не причислялись к степи («дикому полю»). Термин «Поднепровье» также мало обоснован даже для киевского времени. В XVI в. различия между Северщиной и Смоленской землей были настолько велики, что объединять их по хозяйственному признаку совершенно невозможно.

Автор «Сельского хозяйства» делает обширные примечания к тексту, но выдержки из многочисленных опубликованных и архивных документов даются в столь урезанном виде, что ими порой невозможно пользоваться. Многочисленные таблицы — плод поистине каторжного труда — представляют собой смешение самых различных известий, а в результате получаются выводы, противоречащие самой природе сельского хозяйства в России, в силу чего центр России оказывается безлесным, земледельческие приемы в нем регрессируют от середины XVI в. к его концу и т. д. Иногда сведения подбираются в таком разнообразии и количестве, что превращаются в сухую библиографическую справку. Так, для доказательства «перевеса сохи над плугом», о чем сказано в нескольких строчках, приводятся четыре страницы ссылок, набранных петитом (стр. 112—115). В целом для характеристики России XVI в. труд Н. А. Рожкова дает гораздо меньше, чем можно было бы предполагать.

Крупнейшее значение для исторической географии имеют труды советских историков, посвященные истории хозяйства и городов. Среди них на первом месте должны быть поставлены книги и статьи С. В. Бахрушина⁶. Ему принадлежит большая работа о предпосылках формирования всероссийского рынка и о территориальном разделении труда в XVI — начале XVII в. В сущности, труд Бахрушина представляет собой очерк экономической географии XVI в., к сожалению, оставшийся неоконченным. Бахрушин собрал громадный материал, в значительной мере основанный на архивных источниках, и положил прочное основание изучению экономической истории России в XVI столетии.

Покойный ученый вообще проявлял большой интерес к исторической географии, что нашло яркое отражение в его статьях и книгах по истории Сибири и Приуралья, которые к тому же иногда дополнялись картами и схемами.

Крупное значение для исторической географии России имеют также работы П. П. Смирнова, посвященные в основном XVII в.,

⁶ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. 1. М., 1952.

но включающие обширный материал и по более раннему времени. Здесь в первую очередь надо отметить его книгу о городах России в XVI в.⁷ Проследивая историю форм землевладения, количество и движение городского населения, Смирнов не ограничивается анализом сведений только XVII столетия, а справедливо привлекает и анализирует сведения более раннего времени. Да и материалы XVII в. даются им в сочетании с известиями XV—XVI вв. Если принять еще во внимание, что книга Смирнова основана на обширном архивном материале, то значение ее для хозяйственной истории России в XVI—XVII вв. надо признать неопределимым. Изданная в 1917—1919 гг. в Киеве книга покойного ученого требует скорейшего переиздания, тем более необходимого, что киевское издание давно сделалось библиографической редкостью.

То, что сказано о первой книге П. П. Смирнова, в значительной мере относится и к его работе о классовой борьбе посадских людей до середины XVII в.⁸ Значительная часть этой книги посвящена истории XVI в.

Особенное значение для истории церковного землевладения имеет монография С. Б. Веселовского о феодальном землевладении.⁹ Книга состоит из двух частей, посвященных частному землевладению и землевладению митрополичьего дома. Монография С. Б. Веселовского является плодом многолетних изысканий и дает множество сведений о феодальном землевладении в XIV—XV столетиях. Что касается истории митрополичьих владений, то книга Веселовского дает исключительный по ценности материал, основанный на неопубликованных источниках.

Нельзя, впрочем, не отметить и того, что покойный ученый довольно неровно говорит в своей книге о формах феодального землевладения. Впрочем, это могло зависеть и от редактора книги, скрывшего свою фамилию как в предисловии, так и в выходных данных, вероятно, от ненужной скромности, так как это предисловие явно дезориентирует читателя своей поверхностью и теоретической беспомощностью.

Книга С. Б. Веселовского в основном посвящена истории землевладения в XIV—XV вв., но дает немало сведений и для более позднего времени.

Общим пособием для изучения исторической географии России во все столетия ее существования, кончая второй половиной

---

⁷ П. П. Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII века, т. 1, вып. 1. Формы землевладения. Киев, 1917; вып. 2. Количество и движение населения. Киев, 1919.

⁸ П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. I—II, М.—Л., 1947, 1948.

⁹ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси, т. 1, ч. I. Частное землевладение; ч. II. Землевладение митрополичьего дома. М.—Л., 1947.

XIX в., является многотомное издание «Россия» под редакцией В. П. Семенова-Тян-Шанского, хотя собственно исторический материал в этой книге представлен очень пестро, с фактическими ошибками. Такие ошибки встречаются и в пятитомном «Словаре Российской империи»¹⁰ П. Семенова, который тем не менее заслуживает быть отмеченным как пособие по исторической географии России, в том числе и XVI в. Ценность «Словаря» заключается, в частности, и в том, что в нем даются топографические указания и ссылки на местную литературу.

Что касается описаний отдельных местностей России в XVI в., то количество их почти необозримо. Такие труды широко использованы в этой книге.

Кроме того, имеется немалое количество книг и статей по вопросам, связанным с исторической географией России в XVI в. Многие провинциальные издания заключают ценный материал по истории городов и местечек, собранный и сохраненный любителями старины. Особенно много сочинений посвящено описанию монастырей. Однако материал этот очень пестрый: рядом с основательными трудами, где приводятся подлинные документы, описания зданий и прочее, мы имеем ничтожные по своему историческому материалу книжонки чисто церковного, иной раз даже церковно-учительного характера. Тем не менее такими изданиями пренебрегать нельзя, так как в них печатались сведения, имеющие большое значение для исторической географии. Интересный материал находим в таких местных изданиях, как губернские и епархиальные «ведомости». Этот своеобразный вид печатных изданий царской России отличается крайней пестротой, которая отражает в первую очередь вкусы и интересы издателей «ведомостей» и их провинциального начальства. Однако в подобных изданиях нередко напечатаны тексты погибших или утерянных документов, почему-либо заинтересовавших составителей «ведомостей», документов иногда даже уникального значения. Подборку таких сведений для настоящего издания выполнил В. И. Сергеев.

Историческая география России стала усиленно, хотя и неполно разрабатываться в советское время, в особенности в последние годы. Впрочем, главное внимание историко-географов и в наше время обращено или на ранние периоды истории СССР, или на XVII—XIX вв. Значительно меньшее внимание отводится исторической географии XVI в. И это в известной степени закономерно. По истории России в XVII—XIX вв. имеются более или менее компактные материалы почти по всем тогдашним об-

¹⁰ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под редакцией В. П. Семенова-Тян-Шанского, т. 1—19. СПб., 1899—1914 (далее — Россия). Географическо-статистический словарь Российской империи. Составил П. Семенов, т. I—V. СПб., 1865—1885 (далее — П. Семенов. Словарь).

ластям; краткие известия летописей о Древней Руси успешно пополняются археологическими находками, а Россия XVI в. в историко-географическом отношении изучена слабо. Историческая география России XVI в., несмотря на обширную литературу по отдельным вопросам, фактически еще не написана. Приходится работать заново, поднимать новые пласты, привлекать большое количество источников.

ИСТОЧНИКИ

Основным источником для этой монографии явились в первую очередь писцовые книги и сотные выписи. Не приходится доказывать значение писцовых книг для истории хозяйства и исторической географии России XVI—XVII вв. Только благодаря их существованию мы можем представить себе картину сельского хозяйства, землевладения и промыслов России того времени. В некоторых случаях путем сопоставления писцовых книг разных годов можно составить понятие и о движении населения, а также о динамике сельского хозяйства.

Однако не следует забывать и особый характер писцовых книг, неоднократно отмеченный в различного рода исследованиях, начиная от Н. В. Калачова и кончая С. Б. Веселовским и Г. Е. Кочиним. Писцы ставили перед собой различные задачи в зависимости от наказов, которые они получали, а сами наказы составлялись на основе тех требований, которые правительство предъявляло к писцовым описаниям¹¹. От этого так разнообразен материал писцовых книг как дошедших до нас, так и не дошедших, но известных по сотным выписям. Особенно опасно приписывать таблицам, составленным на основании писцовых книг, такое же статистическое значение, какое можно, да и то не всегда, было бы сделать на основании статистики XIX в. с ее более или менее разработанными методами.

Одной из особенностей писцовых книг является то, что в них далеко не всегда попадали беломестные слободы и вообще обеленные двory в городе. Вот почему подсчеты населения в том или ином городе или селении, сделанные в этой книге, не претендуют на какую-либо полноту, а тем более на абсолютную точность. Картина селения мало изменится от того, было ли в селении 28 или 30 дворов. То же можно сказать и о городах. Цифра в 200 дворов или цифра в 220 дворов дает примерно одно и то же представление о городе XVI в. Конечно, в некоторых случаях, когда, например, речь идет об отдельных ремесленных слободках, нужна большая точность подсчетов, что и делается в этой книге.

¹¹ С. Б. Веселовский. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посонного обложения Московского государства, т. 1—2. М., 1915, 1916.

К сожалению, количество писцовых книг по отдельным областям России в XVI в. очень ограничено. Лучшее представлено писцовые книги Новгородской земли, а также некоторых подмосковных уездов (Коломенского, Каширского и др.). Имеются писцовые книги по Пскову с его пригородами, по Рязанскому уезду и т. д. Однако большинство уездов России таких описаний не имеет. Между тем позднейшие переписные книги XVII в. практически дают материал малонадежный для суждения о более раннем времени.

Отсутствие писцовых книг в какой-то мере восполняется сотными выписями. Однако сотные выписи имеются также лишь по немногим городам (Серпухов, Устюжна Железопольская и др.). Этим объясняется то обстоятельство, что сведения о городах России XVI в., даваемые в настоящей книге, отличаются известной непоследовательностью. В отдельных случаях о городе говорится подробно, в других — приходится довольствоваться лишь немногими отрывочными сведениями. В особенности отрывочными оказываются наши сведения о таких городах, как Путивль, Чернигов, Рыльск и другие города Северной и Запечной земель. Только обрывки сведений мы имеем, например, о Великих Луках, о Брянске и др. Это не вина, а беда исследователей, так как в данном случае мы сталкиваемся с очевидным недостатком источников. Возможно, такие пробелы в наших знаниях по исторической географии России XVI в. будут в какой-то мере заполнены дальнейшими изысканиями, но пока в иных случаях приходится довольствоваться только скудными и маловыразительными сведениями о некоторых городах. Так, Запечные города XVI в. неоднократно упоминаются в разрядных книгах XVI в., но их экономика, количество населения в них и прочее не поддаются изучению. Даже такой глубокий исследователь, как покойный П. П. Смирнов, оставил без заполнения графу о количестве дворов в Запечных и Северских городах. Вот почему автор этой книги с огорчением должен сознаться в том, что и к его книге буквально приложима старая поговорка: «Где густо, а где и пусто».

Кроме писцовых книг и сотных выписей для истории России XVI в. большое значение имеют различного рода грамоты, заключающие в себе значительный и интересный материал. Особенностью многих актов является их однотипность, тот пресловутый формуляр, которым так усердно занимались некоторые исследователи. Как известно, по определенному формуляру составлялись в первую очередь жалованные грамоты монастырям — одни из самых распространенных документов, дошедших до нашего времени. За типичным формуляром грамот иногда трудно увидеть какие-нибудь реальные черты той вотчины, на которую выдавалась подобная жалованная грамота.

Столь же однотипный характер имеют и такие документы, как ввозные грамоты, выдаваемые дворянам и детям боярским на

владение поместьем. Эти акты содержат материал по исторической географии России, но отличаются иногда большой краткостью именно там, где исследователь надеялся бы найти более подробные сведения.

Значительно большим богатством историко-географических сведений отличаются такие виды актов, как правые грамоты и духовные завещания. Как раз в правых грамотах и завещаниях и помещены сведения о крестьянских пожитках, о составе имущества того или иного служилого человека и т. д.

Интересный и ценный материал дают различного рода хозяйственные документы XVI в.: приходо-расходные книги; различного рода записи и т. д. Документы такого вида особенно широко использовал покойный С. В. Бахрушин в своих последних, к сожалению, не законченных трудах по истории России XVI в.

Дополнительный, но существенный материал к различного рода писцовым книгам, сотным выписям и актам можно извлечь из летописей, сказаний, записок путешественников и т. д. Вообще следует признать, что при более тщательном исследовании, вероятно, можно было бы извлечь больше, чем сделал автор этой книги, несмотря на то, что он писал эту работу в течение 13 лет (в основу монографии положен курс лекций, прочитанный на Историческом факультете Московского университета в 1948 г.).

Автор издает эту книгу, что называется, скрепя сердце, так как чувствует ее несовершенство и неполноту. Но издание этой книги он считает необходимым ввиду отсутствия каких-либо пособий по исторической географии XVI в., если не считать очерка С. Ф. Платонова, о котором говорилось выше.

К сожалению, о таком отсутствии общих обзоров по исторической географии России можно говорить не только для XVI, но и для предыдущих и последующих веков, за исключением, быть может, Киевской Руси. На необходимость более широкой разработки исторической географии неоднократно указывал В. К. Яцунский. Но призывы более глубоко изучить историческую географию России пока так и остаются призывами. Ведь куда легче идти по проторенным тропам, а историк-географ почти всегда должен прорубать дорогу в чащах источников, идти «неготовыми дорогами».

При изучении топографии русских городов и селений XVI в. автор этой книги пользовался также старинными планами и картами, в частности, академическим «Атласом России», изданным в 1745 г.¹², а также другими атласами и картами, на которые делаются ссылки в тексте.

---

¹² Атлас Российской, состоящей из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую Империю с пограничными землями, сочиненной по правилам географическим и новейшим наблюдениям, с приложенною при том генеральною картою великия сия империи, старанием и трудами Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге 1745 года.

Некоторую помощь оказало и личное знакомство автора со многими городами, которые ему удалось посетить, не говоря уже об окрестностях Москвы. К их числу относятся: Азов, Александрова Слобода, Алексин, Архангельск, Астрахань, Боровск (Боровский Пафнутьев монастырь), Валдай, Верея, Владимир, Вологда, Волоколамск (Волоцкий Иосифов монастырь), Выдропуск, Высокое (Егорьевск), Вышний Волочек, Гдов, Горницкий монастырь, Дмитров, Зарайск, Звенигород (Саввино-Сторожевский монастырь), Казань, Калуга, Калязин (Калязинский Макарьев монастырь), Каргополь, Касимов, Кашира (Каширский Белопесочный монастырь), Кашин, Кириллов Белозерский и Ферапонтов монастыри, Коломна, Кострома, Малоярославец, Медное, Мещовск, Можайск, Молога, Мосальск, Муром, Нижний Новгород, Новгород Великий, Остров, Павлов-на-Оке, Переяславль Залесский, Псков, Псково-Печерский монастырь, Рогачево (Медведева пустынь и Песношский монастырь), Ростов Великий, Руза, Рязань (Переяславль Рязанский), Самара, Саратов, Серпейск, Серпухов, Смоленск, Сольвычегодск, Старая Русса, Суздаль, Талдом, Таруса, Тверь, Торжок, Троице-Сергиев монастырь, Тула, Углич, Устюг, Царицын, Чебоксары, Чернигов, Яжолбицы, Ярославль.

Глава II

ТЕРРИТОРИЯ РОССИИ

СКЛАДЫВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ТЕРРИТОРИИ В XVI В.

Длительный процесс объединения русских земель под главенством Москвы фактически закончился к началу XVI столетия. Присоединение Пскова (1510 г.) и уничтожение остатков самостоятельности Рязанского княжества (1521 г.) явились только завершением той борьбы за создание единого Российского государства, которая развернулась в предшествующие столетия.

Складывание российской территории в XIV—XV вв. достаточно освещено в литературе¹, и это позволяет автору ограничиться здесь только краткими замечаниями, имеющими целью напомнить об основных моментах в истории объединения русских земель вокруг Москвы, обратив свое внимание на более позднее время.

Одним из важнейших событий в истории складывания Российского или Русского государства была междоусобная война середины XV в., связанная с именами великого князя Василия Темного и его соперника Дмитрия Шемяки.

Победа великого князя привела к резкому изменению карты центрального района России и к уничтожению крупных и мелких уделов в позднейшем Замосковном крае. Последние суздальские князья или бежали в другие земли, или подчинились великому князю.

В центре России создалось компактное государство, которое не столько по территории, сколько по населенности и по своей

¹ См. подробнее: А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства. Летопись занятий Археографической комиссии. Выпуск тридцатый. Пг., 1920; Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XVI вв., М., 1960.

экономике несомненно превосходило остальные русские земли, еще не присоединенные к Москве. При этих условиях уничтожение самостоятельности других русских княжеств и земель произошло очень быстро. Великий Новгород, еще сопротивлявшийся в 1471 г., спустя всего 7 лет капитулировал перед войсками великого князя (1478 г.). Впрочем, эта капитуляция не была безусловной. Великий князь согласился сохранить некоторые особенности новгородской жизни, о чем будет сказано дальше.

Присоединение новгородских земель к московскому центру создало условия, при которых небольшое Тверское княжество, естественно, не могло долго сопротивляться и признало власть великого князя. Ликвидация самостоятельности Тверского княжества произошла в течение нескольких недель, и позднейший летописец с насмешкой отзывался о последнем тверском князе Михаиле Борисовиче, даже не защищавшем свой город от московских войск. Этот князь, пишет летописец, любил дудеть на дудке и продудел свое княжество. Уничтожив самостоятельность Тверского княжества (1485 г.), великий князь оставил в неприкосновенности его внутренний строй, придав своему захвату даже некоторый вид законности. Он посадил на княжение в Твери своего сына Ивана Ивановича Молодого, который по матери, великой княгине Марии Борисовне, был потомком тверских князей.

Это обстоятельство показывает стремление великого князя Ивана III передать своему сыну Тверскую землю как бы по наследству; права княжат и бояр, видимо, не были подвергнуты особенному ущемлению, о чем можно судить по тому обстоятельству, что и в XVI столетии в Тверской земле многие дворяне «служили» не великому князю, а тверскому епископу и князю Микулинскому.

В 1489 г. последовало уничтожение самостоятельности Вятской земли, которая в XV в. уже не была связана с Новгородом, хотя и считалась старой новгородской колонией. Вятская земля имела свое управление и поддерживала связи с соседним Казанским ханством, вступая иногда с ним в договорные отношения. Вятчане упорно отстаивали свою самостоятельность, но вынуждены были капитулировать. «Большие люди» получили поместья в подмосковных городах и сделались слугами великого князя («и писалися вятчане в слуги великому князю») ². Зачисление в разряд великокняжеских слуг показывает, что вятские «большие люди» принадлежали к разряду местных бояр, землевладельцев, привычных к ратной службе. Вывод «больших людей», однако, не означал полного уничтожения местных вятских особенностей. Вятская земля выступает в XVI столетии как некоторое объеди-

² Устюжский летописный свод. Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербинной. М.—Л., 1950, стр. 96.

нение «всей земли Вятцкой», от имени которой «большие люди» вели переговоры с воеводами великого князя.

Уже в конце XV в. началось и постепенное присоединение Рязанского княжества к московскому центру. Оно происходило своеобразным мирным путем, причем династические связи московских и рязанских князей скорее задерживали, чем ускоряли этот процесс. Княжна Анна, сестра Ивана III, вышла замуж за рязанского князя Василия Ивановича и тем самым создала возможность для московских великих князей претендовать на рязанские земли в качестве «отчичей», по наследству. Сыновья Василия Ивановича, Иван и Федор, владели Рязанской землей раздельно. Федор Васильевич завещал свою «треть» рязанской земли Ивану III, и, таким образом, московский великий князь уже в 1503 г. (год смерти Федора) стал обладать значительной частью Рязанской земли.

Окончательное присоединение Рязанского княжества к Москве произошло в 1521 г. Последний рязанский князь Иван Иванович, бежав из Москвы, где содержался под арестом, попытался вернуться в Рязанское княжество, но понял безуспешность своих попыток и бежал в Литву. Постепенное вхождение Рязанской земли в состав складывающегося Российского государства объясняет нам долгую устойчивость рязанских удельных традиций. И в XVI столетии Рязанский край сохранял еще некоторые особенности своего социального устройства, восходившие к более раннему времени. Система управления в «трети», перешедшей под власть великого князя, едва ли резко отличалась от управления в остальных частях Рязанского княжества.

Практически присоединение Тверского и Рязанского княжеств к Москве было осуществлено почти бескровно. Последние тверские и рязанские князья смотрят на себя как на обреченных; единственное спасение лично для себя они видят только в бегстве в Литовское великое княжество.

В 1510 г. произошло бескровное присоединение к московскому центру Псковской земли. Жалобщики на наместника великого князя были приглашены в Великий Новгород к великому князю Василию Ивановичу и там арестованы. Узнав об этом, псковичи, хоть и «с великим плачем», постановили на вече о присоединении к Московскому княжеству.

Объединение русских земель произошло с большой быстротой и относительной легкостью. В течение каких-нибудь 50 лет, с 1471 по 1521 год, с того времени, когда Новгород первый раз покорился великому князю, вплоть до окончательного присоединения Рязани, самостоятельные русские земли и княжества были ликвидированы.

Несколько сложнее дело обстояло с русскими землями, находившимися в составе Литовского великого княжества (Смоленская земля, земли Северских и Верховых княжеств).

Смоленская земля присоединена была к Литовскому великому княжеству в 1404 г. при Витовте, однако ее русское население издавна тяготело к Москве. Уже в 1493 г. Вязьма была взята русскими войсками и вяземский князь пожалован своей прежней вотчиной, которая вскоре, впрочем, была у него отнята. Но для занятия Смоленска понадобилось три похода. Только в 1514 г. Смоленск был присоединен к Российскому государству, но это также не было безусловной капитуляцией. Смоленску были даны особые жалованные грамоты. Одна из таких грамот сохранилась до нашего времени.

Сложнее было с Верховыми и Северскими землями. «Верховыми» назывались те княжества, которые располагались по верховью Оки с ее притоками. Здесь небольшие городки, центры особых княжеств, были разбросаны иногда на расстоянии 20—30 км друг от друга (Серпейск, Мосальск, Мещовск, Белев, Одоев и др.). Затерянные среди глухих лесов и болот Верховые княжества сохраняли некоторую самостоятельность до конца XV в., точнее, были вассальными землями Литовского великого княжества. Для литовских великих князей местные князьки не представляли никакой опасности, но были хорошими сторожевыми слугами. Однако связи Заоцкой земли с Литовским великим княжеством были столь непрочны, что уже в 1486 г. верховые князья перешли на сторону московского великого князя.

Примерно то же произошло и в Северской земле, где в конце XV в. литовские великие князья стали наделять уделами родичей московского великого князя, бежавших в Литву после разгрома сторонников Шемяки. Здесь князь Семен Иванович Можайский получил во владение Чернигов и Стародуб. Здесь же утвердился и князь Василий Иванович Шемячич, внук Дмитрия Юрьевича Шемяки, получивший Новгород-Северский и Рьльск. Литовские великие князья, видимо, рассчитывали, что потомки Шемяки и Можайского князя будут их верными ставленниками, но ошиблись в своих расчетах. Уже в 1503 г. Чернигов, Рьльск, Путивль, Новгород-Северский и Брянск оказались в руках московских князей. Таким образом, не успел еще завершиться процесс ликвидации всех удельных русских княжеств, как земли Северщины и Заоцкого края присоединились к Московскому княжеству.

Переход Верховых и Северских земель под власть московского великого князя был также обеспечен сохранением привилегий местных князей. Князья Воротынские, Одоевские, Мезецкие (Мещовские) и другие еще долго сохраняли свои владения, а некоторые из них (Воротынские) даже носили почетный титул «слуг», т. е. вассалов великого князя.

Длительный период объединения русских земель под властью великого князя можно считать законченным в княжение Василия III. При нем окончательно утверждаются, по показаниям некоторых летописей, и «титла» государей, т. е. формуляры обыч-

ных титулов, которыми московские великие князья именуют иностранных государей, а также титул самих московских князей, в котором нашло отражение феодальное строение России в период ее раздробленности на земли и княжества.

Год окончательного присоединения Рязанской земли — 1521 — можно считать условной датой завершения формирования территории Русского государства, включившего в свой состав земли, населенные преимущественно русскими.

На севере и западе уже устанавливаются прочные границы России с соседними странами. На севере такой границей был Северный Ледовитый океан с Белым морем, составлявший надежный оплот, на который опиралось все государство. В наших исторических работах нередко подчеркиваются неудобства для экономики России надолго замерзающих северных морей в отличие от открытых морей Западной Европы. И это правильно. Однако, как это часто бывает, недостаток в одном является достоинством в другом. Неудобные для плавания в зимнее время водные пространства Ледовитого океана и Белого моря служили надежным барьером для России на севере, таким барьером, какого не имело ни одно западноевропейское государство. Недаром во время военных осложнений Кострома, Ярославль и Вологда нередко были сборными пунктами для русских войск и убежищами для великих князей и их семейств.

На западе границы России также установились довольно прочно, хотя их приходилось непрерывно отстаивать. Они начинались у берегов Баренцева моря, в районе Колы, где территория, впрочем, долгое время считалась спорной со Швецией. Отсюда граница шла на юг среди обширных лесов, в основном совпадая с современной советско-финляндской границей, причем русские поселения тяготели здесь к Белому морю. Война России со Швецией в конце XVI в. не принесла существенных изменений границы, хотя шведские войска и доходили до берегов Белого моря. Южнее граница доходила до Финского залива. Здесь тоже лежали спорные земли, но Нева прочно оставалась во власти России вплоть до заключения перемирия на Плюсе в 1583 г., когда русские исконные земли с городами Яма, Копорье и Ивангород были отданы Швеции. Впрочем, в XVI столетии Швеция владела этими землями очень недолго и в 1595 г. по Тявзинскому миру вернула их России.

Дальнейшая граница России на западе была обозначена старинными естественными рубежами: рекой Наровой, Чудским и Псковским озерами, продолжаясь от юго-западных берегов Псковского озера далее на юг. Полоса лесов и болот прочно отграничивала Псковскую землю от Ливонии, а наиболее удобный путь из Ливонии в Россию через Изборск был защищен русскими крепостями: Печерским укрепленным монастырем и Изборском. Южнее Опочки российская граница довольно резко поворачивала на

восток. Здесь она была защищена естественными рубежами в виде обширных лесов и болот, множеством озер и речек. Эта граница только временно спускалась к югу, в 1563—1579 гг. после взятия Полоцка русскими войсками. От Торопца граница снова поворачивала на юг, также опираясь на естественные рубежи и препятствия, создаваемые болотистыми и лесными пространствами, озерами и реками. Западные границы России в XVI в. во многих своих участках точно обозначаются в посольских книгах и в записях о пограничных спорах России с Литовским великим княжеством, позже (после 1569 г.) с Речью Посполитой, объединившей Литву и Польшу.

Наиболее неустойчивыми были рубежи России на юге и востоке, так как складывание российской территории происходило в условиях непрерывной борьбы с возникшими на прежней территории Золотой Орды государствами. После создания Крымского ханства, положение в южных степях очень резко изменилось. Главным центром нападения на русские и украинские земли сделался Крым, находившийся в вассальном подчинении у могущественной Турецкой империи. Хищнические набеги крымских татар не только опустошали населенные земли России и Украины, но и задерживали освоение обширных лесостепных и степных пространств на юге Восточной Европы. «Дикое поле», как характерно называли русские пустынные земли к югу от Оки, стало заселяться только к концу XVI столетия.

Неустойчивая южная граница смыкалась почти с такой же неустойчивой границей на востоке России.

К юго-востоку от центра России по среднему и нижнему течению Волги располагалась громадная территория, населенная в первой половине XVI в. в основном татарами, чувашами, марийцами и мордвой. По ней протекала величайшая река Европы — Волга.

Известно, что Волга делается особенно многоводной от Нижнего Новгорода, где с ней сливается в одну мощную артерию Ока. Новую мощь придает Волге ее другой приток — Кама. Ниже Камы в Волгу уже не впадают какие-либо другие большие реки. Волга гордо несет свои мутные воды в южном направлении, затем делает резкий поворот на юго-восток и начинает дробиться на множество притоков. Самый большой из них, известный под названием Ахтубы, течет почти параллельно Волге. При своем впадении в море Волга образует обширную дельту и вливается в море, по образному выражению летописи, «семьюдесятью жерель» (70-ю рукавами), множеством протоков.

Волга для всех прилегающих территорий была с давнего времени кормилицей. По ней шли караваны речных судов, партии рыбаков отправлялись на Волгу для рыбной ловли, в засушливых южных районах она орошала пашни и бахчи, заливные луга, прилегавшие к реке, давали обильный корм скоту.

Для России Волга имела особое значение. Она была широким и удобным путем, который соединял ее со Средней Азией, Закавказьем и Персией. По Волге с давних времен можно было добраться до полусказочного Хорезма, от которого и самое Каспийское море долгое время называлось Хвалынским или Хвалиским.

Русские стали появляться на Волге очень рано. В X в. их встретили на Волге арабские послы, в числе которых находился знаменитый Ибн-Фадлан. Позднее, в XIV—XV вв., русские купцы постоянно плавали по средней и нижней Волге. В Нижнем Новгороде собиралось громадное количество речных судов: карбасов, учанов, стругов, лодок, принадлежавших русским, татарам и армянам³. Пользуясь временным ослаблением Золотой Орды, Дмитрий Донской пытался утвердить русское господство в Великих Болгарах. В 1376 г. болгарские князья вынуждены были посадить у себя русских таможенников и признать свою зависимость от русских князей⁴, но не надолго.

В середине XV в. на средней Волге возникло сильное Казанское ханство. Центральная часть ханства занимала примерно то же пространство, что и современная Татарская АССР, но к нему примыкали обширные территории, населенные чувашами, марийцами, удмуртами и мордвой. На юге земли Казанского ханства едва ли доходили до реки Самары. Впрочем, достоверно известно, что пространства, лежавшие по течению Майны, Ика и Демы, подчинялись Казани. На западе и на севере к Казани примыкали обширные лесистые области, населенные мордвой, чувашами, удмуртами и мари. Подчиненные Казанскому ханству народы были обложены ясаком. Одним из средств утверждения татарской власти был ислам. Мордовские и чувашские мурзы, принимая ислам, делали татарскими феодалами.

Ислам прочно утвердился в центральных частях Казанского ханства и был господствующей религией в обжитых районах, примыкавших к Волге. В глухих мордовских и марийских лесах мусульманство не утвердилось. Здесь даже в начале XX в., после нескольких веков принудительной христианизации, старики и молодежь устраивали свои языческие праздники, молились языческим божествам, жгли священные костры, приносили жертвы своим богам, справляли священные пиры в глухих лесных чащах под звездным летним небом Поволжья.

Казанские татары в основном жили в старых культурных областях, там где ранее находилась Камская, или Волжская Булгария. С самого своего возникновения Казанское ханство поддерживало связи с великими культурами Средней Азии, Персии

³ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. XVIII, стр. 104.

⁴ Там же, стр. 118.

и мусульманского Кавказа. Очень рано установились связи с Турцией. В XVI в. турецкие султаны претендуют на роль защитников Казанского ханства, покровителей всего «мусульманского юрта».

В первой половине XVI в. Казань была одним из крупнейших городов Восточной Европы. Русские воины, осаждавшие и взявшие Казань в 1552 г., восхищались ее каменными («мурованными») мечетями и ханским дворцом, остатки которого еще существовали во второй половине XVI в.

Русским людям первой половины XVI в. Казанское ханство казалось «подрайской землицей», как называет ее Иван Пересветов. Действительно, природа буйно наградила Среднее Поволжье своими дарами. Плодородные открытые пашины чередовались здесь с величественными смешанными лесами. В Поволжье росли те знаменитые хвойные леса, которые давали корабельную сосну, славившуюся как замечательный строевой лес во всей Европе. В довершение всего, две великие европейские реки Волга и Кама прорезывали «подрайскую землицу». Это восхищение средневожской природой, и теперь оставляющей неизгладимое впечатление на человека, побывавшего в этих местах, прекрасно выразил автор истории о Казанском царстве, рассказывая о выборе места для его столицы Казани: «Место пренарочито и красно велми и скотопажно и пчелисто и всяцами семяны родимо и овощми преизобильно и зверисто и рыбно, и всякого много угодыя, яко не обрести можно другаго такова места по всей Руской земле нигде же, подобно такову месту красотою и крепостию и угодыем человеческим и не вем же, аще есть в чужих землях»⁵.

Ко времени завоевания Казанского ханства царем Иваном Грозным в его пределах скопилось большое русское население, состоявшее, главным образом, из пленных и бывших пленных, которые насчитывались десятками тысяч. Некоторые из этих пленников были рабами казанских вельмож и феодалов, другие оседали на татарских землях. Казанские феодалы охотно сажали пленных русских на свои земли в качестве зависимого земледельческого населения.

Характерно и другое. Несмотря на ожесточенные войны казанцев с русскими, они не питали к русским той непримиримой вражды, которую мы, например, наблюдаем в Крымском ханстве. Нравы Казанского ханства в этом отношении были гораздо мягче, чем в Крыму, где пленников либо отправляли для продажи на невольничьи рынки Константинополя, либо у себя дома держали для тяжелой работы и для удовлетворения своих прихотей.

Наши источники пестрят сообщениями о постоянных набегах казанских татар на русские окраины. Как бы подытоживая эти

⁵ ПСРЛ, т. XIX, стб. 10—11.

постоянные нападения, летописец пишет, что казанцы до взятия Казани в 1552 г. невозбранно воевали на окраинах России, многих погубили и «грады пусты сотвориша». К числу опустошенных городов летописец причисляет Нижний Новгород, Муром, Мещеру, Гороховец, Балахну, Владимир, Шую, Юрьевец-на-Волге, Кострому, Галич, Вологду, Тотьму, Устюг, Пермь, Вятку⁶.

Поэтому в истории восточных русских областей XVI столетия ясно различаются два периода: до завоевания Казани в 1552 г. и после. В первой половине XVI в. восточные русские города и области живут в постоянном страхе. Во второй половине того же столетия области к северу от Волги — это уже тихий, почти безопасный район.

Борьба России с Казанским царством была ожесточенной и закончилась взятием Казани в 1552 г. Однако этому драматическому событию предшествовало другое, менее заметное и яркое, но оказавшее большое влияние на позднейшее административное деление Среднего Поволжья: присоединение Горной стороны к России.

Вскоре после построения Свияжска (1551) в Москву пришли послы «от всея горние стороны, от князей и от мурз и сотных князей и десятных, и чувашей и черемисы и казаков, чтобы им государь гнев свой отдал, а велел бы у Свияжского города быти».

Это событие, по Казанскому летописцу, произошло уже на третий день после прихода судовой рати к Круглой горе на р. Свияге, когда началось строительство Свияжска. По тому же летописцу, к русским воеводам прислали послов «старейшины и сотники горные черемисы». Они мотивировали свое обращение к воеводам тем, что князья и мурзы оставили их на произвол судьбы и бежали в Казань. Это обращение горных людей имело громадные последствия, так как, по словам летописца, Горная сторона составляла половину Казанского царства: «Тогда вся горная черемиса царю и великому князю приложися, пол-земля Казанских людей».

В ответ на посольство царь приказал взять горных людей в свое подданство «к своему Свияжскому городу»⁷, признав Горную сторону самостоятельной областью с центром в новом городе Свияжске.

Тогда же была произведена и первая перепись Горной стороны. Писцы учитывали только взрослых людей, умевших стрелять из лука, не считая стариков и малолетних. Тем не менее в Горной стороне оказалось 40 тыс. «луков гораздых стрельцов, кроме мала и стара»⁸.

⁶ ПСРЛ, т. XX, стр. 451.

⁷ Там же, стр. 481.

⁸ Житие Сергия Радонежского. Московское издание 1646 г., л. 125. О Свияжском городе сказание.

Положение чувашей и других народов, населявших Горную сторону Волги, было обеспечено царским правительством жалованной грамотой с золотой печатью⁹.

Жалованная грамота Горной стороне не сохранилась, но можно предполагать, что одним из ее условий было сохранение за горными людьми их земель. По крайней мере во второй половине XVI в. бортные ухажай в лесах и бобровые гоны еще оставались во владении только татар, черемисов и чувашей, а не принадлежали русским крестьянам: «Бортные ухажья в лесех и бобровые гоны в реках во всех [в] Свияжском уезде татарские и черемиские и чувашские, а за крестьяны бортных ухажьев и бобровых гонов не было»¹⁰. Вероятно, жалованные грамоты получили и отдельные феодалы Горной стороны, отложившиеся от Казанского ханства, наподобие жалованной грамоты арским князьям, владевшим землями в Вятской земле. Эти князья имели право судить и собирать пошрины с подвластных им людей.

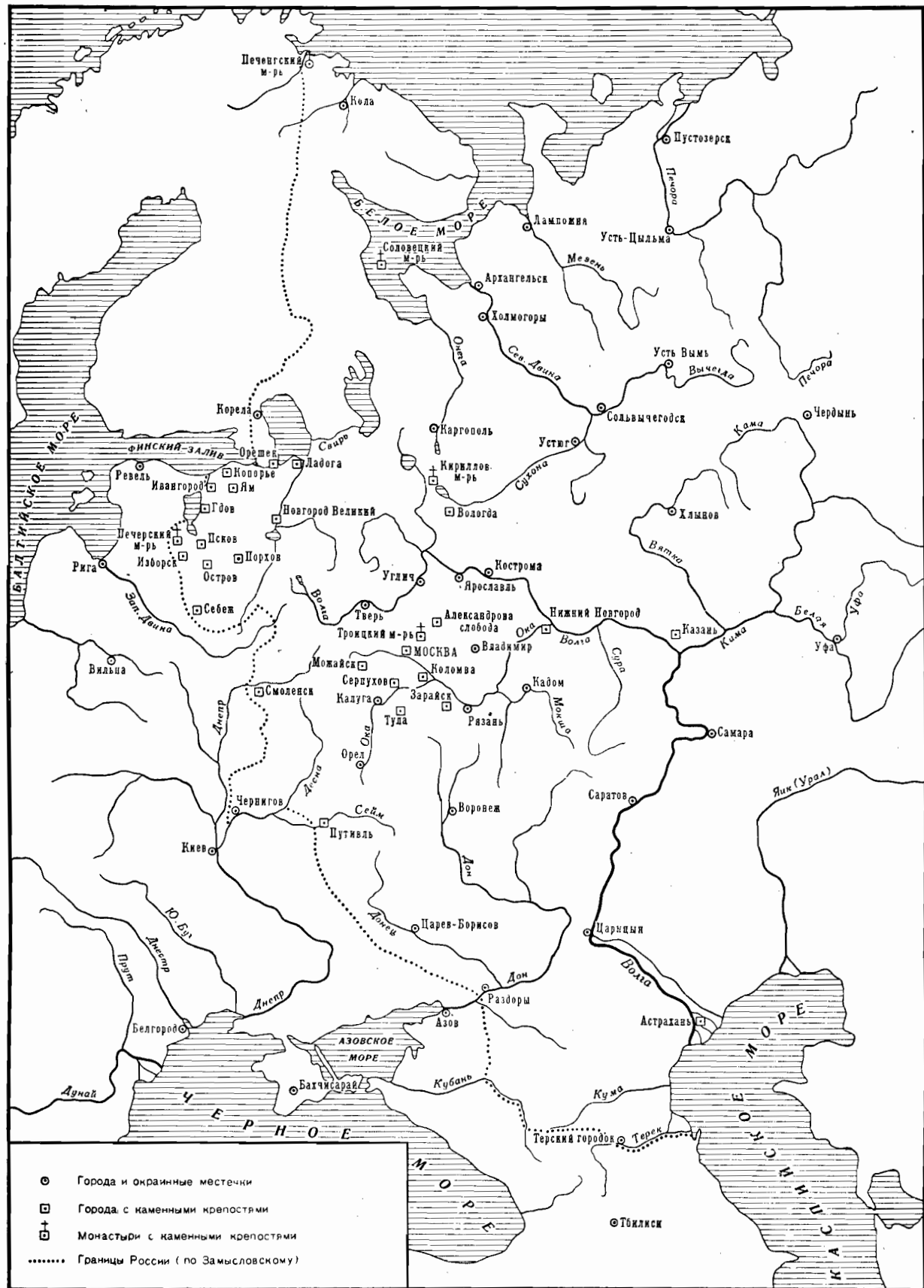
Взятие Казани в 1552 г. привело к решительным изменениям в исторических судьбах Среднего и Нижнего Поволжья. Последний оплот прежних золотоордынских владений — Астрахань была занята русскими войсками в 1556 г. Таким образом, все течение Волги вошло в состав России, хотя освоение Поволжья русскими людьми затянулось еще, по крайней мере, на столетие. Только во второй половине XVII столетия Волга окончательно сделалась «русской рекой», воспеваемой в народных песнях и в русской прозе и поэзии.

Завоеванные военной силой обе татарские столицы, Казань и Астрахань, фактически сделались русскими городами, а прежнее татарское население обязано было жить вне крепостных сооружений под городом в особых слободках. Но татарские князья и мурзы оказались в лучшем положении, чем их крестьяне, сохранив кое-какие феодальные права, к сожалению, до сих пор еще фактически не изученные. Жалованные грамоты, данные Горной стороне, просуществовали ограниченное время и стали скоро разрушаться. Тяжелое положение горных и луговых черемисов (чувашей, мордвы, мари, удмуртов) вызывало постоянные восстания против царской власти и ее порядков. Это привело к длительной и кровопролитной «черемисской войне» конца XVI в., упоминания о которой имеются во многих документах того времени.

Завоевание Казани и Астрахани создало предпосылки к освоению дикого поля, как бы теперь зажатого с двух сторон: городами и населенными землями Северщины на западе и поволжскими городами на востоке. Медленно, но упорно русский крестьянин идет на юг в богатые черноземные места, наконец,

⁹ ПСРЛ, т. XX, стр. 481.

¹⁰ Слосок с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда 1565—1567 гг. Казань, 1909, стр. 65.

Россия XVI столетия

добравшись до Дона и в его низовьях непосредственно подступив к Азовскому морю.

Во второй половине XVI в. появляются первые русские го-родки на Северном Кавказе, на Тереке. В конце столетия проис-ходит дальнейшее расширение российской территории на восток, ознаменованное построением Уфы. К этому же времени относит-ся начало присоединения Сибири, история которой уже выходит за пределы нашего повествования.

Таким образом, к концу XVI в. большая часть территории Восточной Европы оказывается в составе России. Перед нами процесс необыкновенно быстрого расширения государственной территории за одно столетие. Стоит только сравнить территорию России в начале и в конце XVI в., чтобы заметить громадные пе-ремены, произошедшие за это время.

В начале XVI в. южной границей России служила Ока, посе-ления к югу от нее располагались как бы островками. В конце века территория России дошла до Донца, охватила бассейн ниж-него Дона, где уже разместились донские казаки, и простиралась еще южнее на Северный Кавказ.

На востоке пограничными русскими городами в начале XVI в. были Нижний Новгород, Вятка и Чердынь. К концу века терри-тория России плотно подступила к Уралу и начала еще дальше расширяться, уже в Сибири, за Уральскими горами.

Эту громадную территорию (без Сибири) и предполагается рассмотреть в дальнейших главах этой книги.

РОССИЙСКОЕ, ИЛИ РУССКОЕ, ГОСУДАРСТВО

Громадное государство, сложившееся к началу XVI столетия в Восточной Европе, носит в нашей учебной и научной литера-туре название «Русского». Это название хорошо отражает нацио-нальный состав России до ее превращения в государство много-национальное, но плохо соответствует более позднему времени, когда даже в официальных бумагах утверждается современное название страны — «Россия» (теперь Российская Советская Фе-деративная Социалистическая Республика — РСФСР).

Слово «Россия» рано появляется в памятниках иностранного происхождения. В русских источниках название «Россия» для обозначения страны, населенной русскими, появляется только в XV в.¹¹ Во второй половине XVI в. оно утверждается в титуле царей («на всех Российских государствах») и в литературе. По-этому мы в праве говорить одинаково как о Русском, так и о Рос-сийском государстве.

¹¹ М. Н. Тихомиров. О происхождении названия «Россия». «Вопро-сы истории», 1953, № 41, стр. 93—96.

Существовало также третье название: «Московское государство». Оно употреблялось в официальных документах XVI в. Под этим названием по преимуществу знали Россию в западноевропейских странах. Отсюда название «москвиты», употребляемое иностранными авторами, хотя русские так себя никогда не называли. Термин «Московское государство» имеет свои права на существование в качестве подзаголовка к общему названию Россия, Российское, Русское государство, но только для определенного времени — для XVI—XVII вв., так как позже окончательно утверждается название Россия и даже производные от него — «росс» и «россиянин».

В официальных русских документах XVI в. находим разные термины для обозначения России как государства. В титуле великих князей и царей, как и в титуле митрополитов и патриархов, всегда ставились слова: «всёя Русии». Эти слова можно производить от слова «Русия» (производное от Русь). В посланиях Грозного к Курбскому находим «Руское царство» («искра благочестия доиде и до Руского царства»), но в том же послании имеется и термин «Российское царство» («до нас смиренных скиптродержания Российского царствия») ¹². В грамотах употребляется и термин «Московское государство» («чтоб был на Московском государстве царем») ¹³.

В грамоте об избрании Михаила Федоровича на царство 1613 г. сосуществуют оба термина — «скифетр великого Российского царствия», «Российское государство» («по нем на Российском государстве седе сын его»), «Московское государство» («всенародное множество всего Московского государства», «на Московское государство») ¹⁴. Однако иногда под Московским государством понималась лишь часть России: «обрали на Владимирское, и на Московское, и на Ноугородцкие государства, и на царство Казанское, и Астороханское, и Сибирское, и на все великие и преславные государства Российского царствия». Таким образом, Российское царство, или государство, включало в себя русские государства или великие княжения (Московское, Новгородское и др.) и татарские царства (Казанское и др.).

Грамота об избрании Михаила Федоровича на царство при этом проводила мысль о единой истории России до воцарения Михаила Романова. Искони век установлено, чтобы «земля наша Руская своими государями обладаема быти». По грамоте Рюрик произошел из рода римского цесаря Августа и держал «скифетр

---

¹² Переписка князя А. М. Курбского с царем Иоанном Грозным, Пг., 1914, стр. 10—11; в Собрании государственных грамот и договоров (далее — С. Г. Г. и Д.), ч. 4, стр. 593 см. в грамоте царя Федора Ивановича 1584 г. — «скифетр Российского царствия».

¹³ Летопись о многих мятежах. Изд. 2. М., 1798, стр. 6.

¹⁴ С. Г. Г. и Д., ч. 1, стр. 600, 603, 605, 607.

великого Российского государства в Великом Новеграде», а от него пошли другие князья, сидевшие на Российском царстве. Далее кратко излагается история Российского государства по царствованиям. Эту схему, составленную дьяками московских приказов начала XVII в., впоследствии положил в основу периодизации своей «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзин.

Исследование истории термина «Россия» не входит в задачи этой книги, но нельзя не отметить того факта, что название «Россия» для обозначения всей страны, включившей территорию почти всей Восточной Европы, утверждается к концу XVI в., постепенно побеждая старое название «Русь». Это нашло непосредственное отражение в сочинении Джильса Флетчера, назвавшего свою книгу, напечатанную в Лондоне в 1591 г., «О государстве русском, или образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем московским)»¹⁵. Назвав государство русским, Флетчер далее всюду пишет о России как о стране. Тут можно видеть свидетельство того, что название Россия заменило прежний термин Русь уже в XVI столетии. В грамотах начала XVII в. термин «Россия» и царский титул «всея России» утверждаются окончательно¹⁶.

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ РОССИИ

Территория России в XVI в. в основном делилась на уезды, волости и станы. Это административно-территориальное деление перемежалось с делением феодально-территориальным, которое существовало одновременно и параллельно с первым. Земельное владение, составлявшее уезд, волость или часть уезда и волости, в то же время могло пользоваться особыми феодальными правами, находиться «в тарханах», являться феодальным владением князя, боярина или монастыря.

Общепринятым в России XVI в. было деление на уезды. Уезды занимали самые различные пространства — от небольших по территории уездов, вроде Рузского и Верейского, вплоть до громадных Вяземского или Дорогобужского уездов.

О происхождении названия «уезд» существуют различные мнения. В. О. Ключевский считал, что слово «уезд» первоначально обозначало ту территорию, которую князь объезжал для сбора дани, тогда как А. С. Лаппо-Данилевский полагал, что слово «уезд» происходит от слова «уехано» или «заехано», т. е. отме-

¹⁵ О государстве русском. Сочинение Флетчера. Изд. 2. СПб., изд. Суворина, 1905.

¹⁶ С. Г. Г. и Д., ч. III, № 1—7.

жевано в данной местности¹⁷. По-видимому, первое мнение о раннем происхождении слова «уезд» следует считать более правильным. По крайней мере, слово «уезд» появляется уже в уставной грамоте Смоленской епископии 1150 г. («и озера Нимикорская и с сеножатми, и уезд княж, и на Сверковых луках сеножати, и уезд княж»). Здесь под словами «уезд княж» как раз понимается территория, непосредственно подчиненная князю. Нельзя забывать и того, что более или менее точное межевание земель — явление относительно позднее; недаром в документах постоянно встречается указание на территорию, принадлежавшую какому-либо владельцу, «куда соха, коса и топор ходит».

Территории уездов складывались долгое время на основе прежних феодальных владений. Это можно проследить на примере уездов Замосковского края, обозначенных на карте, составленной Ю. В. Готье. Границы некоторых уездов Замосковского края более или менее соответствуют территории княжеств XIII—XV вв. Таковы, например, уезды Юрьев-Польский, Переяславский и некоторые другие. Это обстоятельство имеет важное значение для реконструкции территории феодальных владений более раннего времени. Если нет данных, что уезд возник позднее, то старые границы уездов помогают восстановить конфигурацию того или иного удельного княжества. Уезды XVI в., как правило, были теснее связаны с более ранним земельным делением, чем с делением более позднего времени.

Территории некоторых уездов стали складываться еще в XIII—XIV вв. Однако даже в XVII в. границы уездов порой не были определены. Находились, например, такие селения, которые причислялись то к одному, то к другому уезду. Ю. В. Готье указывает, например, село Петровское недалеко от впадения Истры в Москву-реку, которое одновременно считалось в Московском, Рузском и Дмитровском уездах, в зависимости от различных писцовых описаний; Хотунская волость, причисляемая в XVI в. к Коломенскому уезду, в XVII столетии считается состоящей в Московском уезде и т. д.

Центрами уездов были более или менее значительные города.

Уезды делились на более мелкие территориальные единицы: волости и станы. По Ю. В. Готье, волость составляла «совокупность нескольких населенных пунктов, большую часть расположенных в одной меже, объединенных общей выборной организацией, имевшей целью обеспечение правильного несения тягла и отправление судебных и административных обязанностей внутри волости»¹⁸.

¹⁷ А. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве (со времен смуты до эпохи преобразований). СПб., 1890, стр. 98.

¹⁸ Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII в. М., 1906, стр. 186. (Далее всюду цитируется это издание как более точное, чем переиздание 1937 г.)

Возникновение волостной организации надо относить к самому древнему времени. В XVI столетии центром ее было какое-нибудь крупное поселение, обычно большое село.

Рядом с волостью существовала другая территориальная единица — стан. Причем, уезд мог состоять из волостей и станов: станы не вытесняли волости, а существовали одновременно с ними. Первоначально термином «стан» обозначали место стоянки князя или его представителя при сборе дани. В этом значении слово «стан» употребляется в летописях XI—XII вв. В отличие от волости, связанной еще со старой крестьянской общиной, стан был чисто административной единицей. По словам Ю. В. Готье, «стан вообще был совокупностью известного количества населенных местностей и пустошей, не объединенных какой-либо организацией, но принадлежавших различным владельцам на различном праве и составлявших одно целое только в территориальном отношении»¹⁹.

При дальнейшей централизации Российского государства стан сделался более удобной территориальной единицей для управления, чем волость, и постепенно ее вытеснил.

Волости и станы были относительно крупными территориальными единицами, более мелкой единицей являлось село с тяготевшими к нему деревнями и починками. Интересные наблюдения над тем, что представляли собой село и деревня, сделал Н. Н. Воронин. В таблице, составленной им на основании писцовой книги Тульского уезда конца XVI в., убедительно показано, что село, как правило, имело значительно большее количество дворов, чем сельцо, деревня или починок. В среднем приходилось на село 15 дворов, на сельцо 11, на деревню 6, на починок 4 (цифры округлены). В основном примерно такую же пропорцию дворов в названных типах поселений найдем и в других случаях.

Рассмотрев данные о владельцах селений, Н. Н. Воронин приходит к выводу, что «село является преимущественно местом поселения княжеско-боярской знати, является центром крупного землевладения»²⁰. Этот в основном правильный вывод нуждается, впрочем, в поправке, так как село было центром и для дворцовых и черных деревень. Таким образом, понятие села шире, чем оно определено Н. Н. Ворониным. Село — это центр сельской округи, принадлежавшей одному владельцу или крестьянской общине. Понятие села как места, где стоит церковь, как отметил Н. Н. Воронин, не совпадало с понятием о поселении с церковью, но в XVI столетии в селах как правило, стояли церкви.

К селу примыкали деревни и починки с их угодьями. Починком в отличие от деревни называлось новое поселение, чаще

¹⁹ Ю. В. Готье. Указ. соч., стр. 168.

²⁰ Н. Н. Воронин. К истории сельского поселения феодальной Руси. М., 1935, стр. 65—69.

всего в один двор. В отличие от названий сел, которые обычно восходят или к имени владельца села или к наименованию церкви, в нем находящейся, или к какому-либо иному признаку, починки и деревни сохранили имена своих первоначальных основателей. От них ведут свое начало бесчисленные Ивановки, Касьяновки, Васильевки и т. д.

Писцовые и переписные книги в основу своих записей и подсчетов кладут три вида территориальных единиц: уезд, стан, или волость, село. Город описывается в качестве особой территориальной единицы, составляющей центр уезда. Такой тип описаний, конечно, нарушается, если центром владений вотчинника было не село, а деревня. Но в целом село или погост оставались основной территориальной единицей в писцовых книгах и сотных выписях.

Наряду с делениями уездов на станы и волости встречаются и некоторые другие территориальные единицы. В Новгородской земле существовали погосты. В Псковской сохранялось деление на губы. Эти местные территориальные деления указываются в дальнейшем изложении.

Присоединение ранее самостоятельных земель к Московскому княжеству происходило постепенно и нашло свое выражение в административно-территориальном устройстве России XVI в., отразившем борьбу старого и нового: деление на земли, сложившееся в период феодальной раздробленности, с одной стороны, деление на «города» как результат развивающейся централизации государства, с другой.

Сами центральные учреждения, приказы, ведали городами и уездами чересполосно, по каким-то неясным основаниям. Например, город Дедилов, поблизости от Тулы, ведался в Костромской чети, а его уезд — в Поместном приказе, Мценск — в Галицкой чети, а его уезд — в Большом Приходе. Тверь с уездом — во Владимирской чети, к которой причислялась и Таруса. Подробные сведения о таком делении городов и уездов по приказам даны С. Б. Веселовским, сделавшим наблюдения над тем, к каким ведомствам относились те или иные города и уезды в XVI—XVII вв., но сложная и запутанная история такого деления пока не нашла полного объяснения.

В управлении больших и малых областей России XVI в. еще чувствовалась старинная традиция, подчас совпадающая с делением на земли и княжества времен феодальной раздробленности. В силу этого наряду с воеводами в небольших городах сидели наместники и воеводы в крупных центрах (подобных Новгороду, Пскову, Казани и другим), фактически являвшиеся начальниками больших областей, совпадающих по своей территории со старым делением на земли и царства: Новгородская земля, Казанское царство и т. д. Это традиция сохранялась в некоторых случаях и в XVII в., выражая дробное и чересполосное деление России, сложившееся в более раннее время.

Деление на Поморские, Позимовые города и т. д. вызывалось жизненными потребностями государственного управления. Ведь при большом количестве уездов управление ими из центра было крайне затруднено. Поэтому уезды были подчинены наместникам и воеводам больших городов, когда-то центров отдельных княжеств и царств. Это деление удерживалось в течение всего XVI в. и нашло свое отражение в приказных документах, где области России обобщенно назывались «городами». Так, северные области именовались «Поморскими городами», Новгородская и Псковская земли — «городами от Немецкой Украины», Торопецкая и Смоленская области — «городами от Литовской Украины», области Среднего и Нижнего Поволжья — «городами Позимовыми», южные города — «Польскими» (от слов поле — степь). Центральная область России именовалась «Замосковными городами».

Такое деление в какой-то мере отражает историю складывания России, но в очень неполном и неточном виде. Тем не менее именно оно было положено С. Ф. Платоновым в основу его историко-географического очерка России в XVI столетии. При этом Платонов утверждает, что «все названные области постоянно упоминаются в разрядных росписях и иных документах XVI—XVII вв., как общепринятое деление страны»²¹. В действительности же такое деление было общепринятым в приказах при распределении военных сил, ежегодно выставляемых в пограничных районах для обороны государства, поэтому и «города» именовались в зависимости от рубежей, возле которых они стоят. Те же «города», которые не были связаны с охраной границ, вовсе не вошли в приказно-разрядную схему. Такова, например, Тверь, которая почти не упоминается в древнейшей разрядной книге как город, находившийся в глубоком тылу.

Приказное деление на «города» оказывалось иногда довольно удачным, хотя в существе своем было чисто условным. Никакого общего управления Замосковными или Поморскими городами не было, хотя их территории и ведались в соответствующих приказах. При этом разрядное деление на города от рубежей совершенно не совпадало с подразделением городов по признакам финансовым. Приход и расход государевым деньгам производился на иных основаниях, чем устройство военных сил.

По приходо-расходным книгам Владимирской чети, составленным в 1614 г. на основании старого деления, в пределах одного финансового ведомства объединялись самые различные города: Владимир, Воротынец-на-Оке, Рязань, Путивль²². При этом распределение доходов и расходов велось чересполосно с другими

²¹ С. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 5.

²² Русская историческая библиотека (далее — РИБ), т. XXVIII, кн. 1. Приходо-расходные книги Московских приказов.

приказами, в силу чего Калуга ведалась одновременно и во Владимирской чети и в Разрядном приказе.

Насколько территориальная терминология в России XVI в. была пестрой, видно из следующего факта. Когда Ливония была занята русскими войсками, то появился новый царский титул: «государь отчинный и обладатель земли Лифляндские немецкого чина». Так «немецкий чин» и «Лифляндия» соединились в царском титуле для обозначения завоеванных земель в Прибалтике.

При громадности российской территории XVI в. ее области вообще трудно группировать по таким обширным комплексам земель, как Понизовые или Замосковные города, так как в этом случае под одну рубрику попадают земли, не только не связанные друг с другом исторически, но и различные по своим природным особенностям. Поэтому в дальнейшем изложении речь будет идти о комплексах земель, объединяемых и природными особенностями и их историческими судьбами. Так, Псковская и Новгородская земли изучаются отдельно, а не вместе, как области исторически отдельно сложившиеся. Громадная территория Замосковных городов, или Замосковского края по Ю. В. Готье, изучается не вместе, а по исторически сложившимся областям: Московский край, Замосковский край (старые земли Владимиро-Суздальской земли), Тверская земля и Заволжье. Такое деление позволяет более детально остановиться на общих чертах, характерных для данных земель, хотя, конечно, как всякое деление, оно имеет свои неудобства.

Глава III

ФЕОДАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО РОССИИ

ВЫСКАЗЫВАНИЕ В. И. ЛЕНИНА О МОСКОВСКОМ ЦАРСТВЕ XVI В.

Для понимания феодального устройства России XVI в. громадное значение имеет известное высказывание В. И. Ленина в его работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов». К сожалению, в трудах многих советских ученых и не только в учебниках, но даже в специальной монографии Л. В. Черепнина о русском централизованном государстве это высказывание дано в купюрах, искажающих, хотели ли того авторы или нет, основные положения В. И. Ленина, сделанные им в полемике с Михайловским. Поэтому приведем слова Ленина в их полном виде:

«Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси, то несомненно, что уже в средние века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле этого слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные „земли“, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это было вызвано не родовыми связями, почтеннейший г. Михайловский, и даже не их продолжением и обобщением: оно

вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным как созданием связей буржуазных»¹.

В словах В. И. Ленина проведено четкое отличие общественного устройства России в XVI в., «в средние века, в эпоху московского царства», с одной стороны, по сравнению с новым периодом русской истории — «примерно с 17 века», с другой. Именно к России XVI в. и относятся слова В. И. Ленина о сохранении следов прежней автономии областей, особенностей в их управлении, об особых войсках и особых таможенных границах. С тем же явлением — с долгим сохранением пережитков феодальной раздробленности — историк встречается и в других странах Европы, в частности, во Франции и Англии, где централизация власти достигла в свое время больших успехов, чем в России. Игнорирование этого факта является крупной ошибкой в построениях историков, неправильно говорящих о централизации власти в те годы, когда не было и самих центральных учреждений.

Существование единой власти русского «самодержца» в XVI столетии не уничтожило остатков феодальной раздробленности России, где еще сохранялись княжеские уделы, крупные княжеские, боярские и церковные вотчины, поместные чернососшные земли, жившие на разных правах и по своим внутренним установлениям.

Без учета этого внутреннего деления России трудно понять ее феодальное устройство в XVI в., а также развитие централизации страны.

УДЕЛЫ КНЯЗЕЙ МОСКОВСКОГО ПРАВЯЩЕГО ДОМА

Наиболее крупными феодальными образованиями в России XVI в. были уделы. В исторической литературе сведения о них очень кратки. Иногда существование уделов, хотя оно и характерно для России XVI в., почти игнорируется, так как главное внимание обращено на централизацию государственного аппарата. При этом могущество великого князя как единого правителя государства часто смешивается с понятием централизации, хотя это совсем не одно и то же. Тимур, например, был страшным и абсолютным владыкой, но кто же назовет государство Тимура централизованным? Абсолютизм во Франции XVI—XVII вв. не

---

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 1, стр. 137—138.

прекратил существования особых феодальных владений, в частности удел Гастона Орлеанского сохранился до 1660 г. Названия отдельных герцогств или графств сохранялись во Франции вплоть до Французской революции, а некоторые даже ее пережили. Несмотря на то что Франция давно уже разделена на департаменты, названия Бретань, Нормандия, Турень и т. д. сохранились до настоящего времени для обозначения определенной территории. В Германии феодальная раздробленность задерживается еще дольше, чем во Франции.

В России крупные уделы были уничтожены еще в XV столетии: бывшие потомки удельных князей вошли в состав придворной знати или смешались со средним провинциальным дворянством.

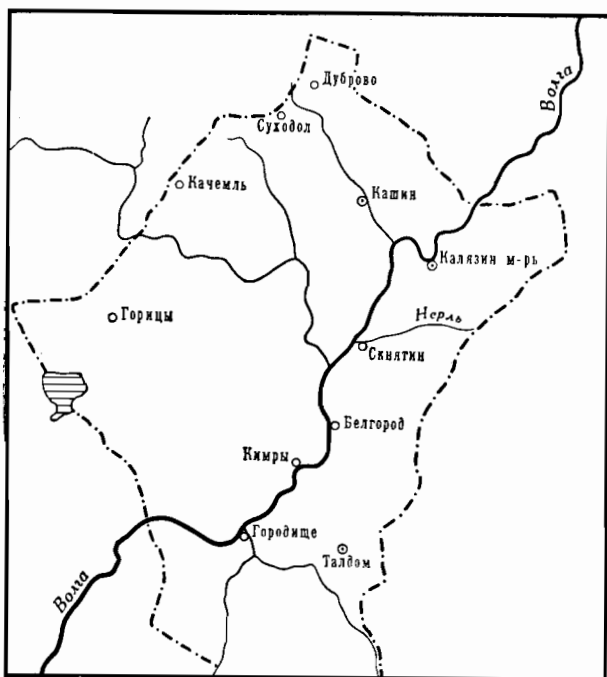
Дольше других продержался Волоцкий удел, перешедший в руки великого князя в 1513 г., после смерти последнего волоцкого князя Федора Борисовича.

Уделы XVI в. — это уделы вторичного происхождения. Они ведут свое происхождение от Ивана III, того самого правителя, который уничтожает старые уделы, ликвидирует власть своих боковых родичей и тут же создает новые уделы для своих сыновей.

Иван III имел большое потомство. Ко времени его смерти в живых остались пять его сыновей: Василий, Юрий, Дмитрий, Андрей и Симеон. Василий Иванович получил во владение Москву и лучшие области, а также титул великого князя. Но и удел Юрия Ивановича не был малозначительным. Он получил в удел Дмитров, весьма значительный город в XVI столетии. К Дмитровскому уезду были примежованы некоторые волости Переяславского и Московского уездов. Впоследствии эти владения составили Дмитровский уезд, просуществовавший в таком виде почти до XVIII в. Кроме того, Юрий получил во владение Звенигород с уездом, Рузу с уездом и Кашин в Тверской земле со всеми волостями. Обозначенный на карте удел Юрия Ивановича образует компактное владение к северу и к западу от Москвы. Юрий Иванович получил также Брянск с рядом волостей, Серпейск и некоторые другие волости к югу от Москвы.

Выбор городов и уездов удела Юрия Ивановича был сделан с видимым расчетом передать в его удел земли и раньше находившиеся в удельном владении. Не только Дмитров и Звенигород были старинными владениями боковых ветвей московского княжеского дома, другие земли, перешедшие под власть Юрия, также находились раньше в руках удельных князей. В самом духовном завещании Ивана III отмечается, что Юрий Иванович получил, например, Гнездиловск как прежнюю вотчину князей Гнездиловых.

Удел Юрия Ивановича просуществовал почти 30 лет; он был дан Юрию Ивановичу еще при жизни Ивана III около 1504 г.,

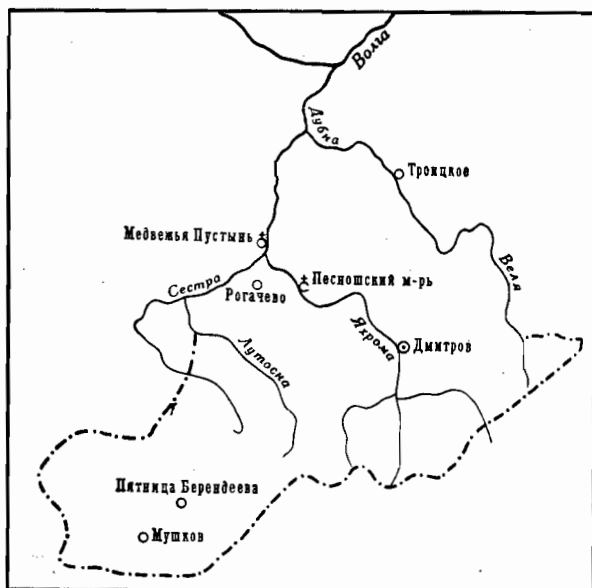

Кашинский удел Юрия Ивановича (по Дебольскому)

а ликвидирован в 1533 г., когда Юрия Ивановича посадили в тюрьму, где он скончался от голода («гладную нуждою») или, по другим источникам, погиб «под железною шапкою»², т. е. под тяжелыми железными оковами и железным шлемом, надеваемым на голову. Позже таким способом уморили и князя Ивана Бельского. Он 11 дней не ел, а цепей и других оков было на нем «пудов з десять».

Уделы двух других сыновей Ивана III, Дмитрия и Симеона, были недолговечными: Дмитрий Иванович получил Углич, Устюжну, Зубцов и половину Ржевы, Мещовск (Мезеческ) и дру-

² Донос на князя Юрия подал боярский сын Тишков, о котором известно следующее. В декабре 1532 г. по приказу великого князя Василия III у Офони у Микитина сына Тишкова, который назван парбокком князя Юрия Ивановича, была отписана его отчина сельцо Постушино (Петровское) в Горетовом стане Московского уезда. Великий князь приказал отписать у Тишкова отчину «в своей опале в разбойном деле» (Акты гражданской расправы, т. I, № 74, стр. 200). Человек, замешанный в разбойном деле, и стал доносчиком. Впоследствии Иван Грозный никогда не обвинял своего дядю Юрия в измене и даже косвенно реабилитировал его память, раздавая монастырям и церквам села и деревни по завещанию князя Юрия Ивановича, текст которого до нас не дошел.

Дмитровский удел Юрия Ивановича (1505—1533)

гие города. Это был удел обширный по территории, но имевший меньшее экономическое значение, чем владения Юрия Ивановича.

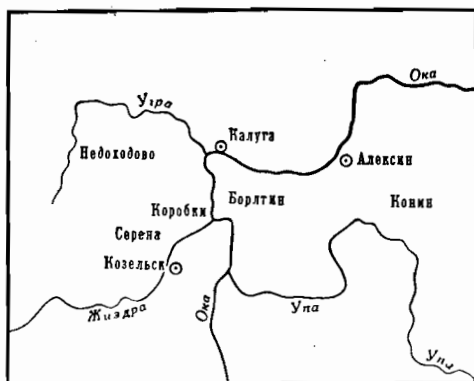
В 1521 г. Дмитрий Иванович умер, и его удельные владения вернулись в руки великого князя.

Симеон Иванович получил в удел Бежецкий Верх и Козельск, а также Калугу, где он обычно жил. Симеон Иванович умер очень рано, в 1518 г., и его земли вновь отошли к великому князю Василию Ивановичу.

Более долговременным был удел Андрея Ивановича, третьего сына Ивана III. По отцовскому завещанию он получил во владение город Старицу вместе с окружающими волостями, а также Верею, Алексин и Любутск (последние два города стояли на Оке). В отличие от других братьев, Андрей имел потомство — сына Владимира, которого в литературе обычно называют Старицким, так как этот город был обычной резиденцией Андрея Ивановича и его сына³.

Во время болезни великого князя Василия Ивановича, завещавшего свой престол малолетнему сыну Ивану, впоследствии

³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, стр. 353—364. Духовная грамота Ивана III (далее — Духовные и договорные грамоты).

Удел Симеона Ивановича. (ум. 1518)

Грозному, Андрей Иванович не был в Москве и оставался в своей вотчине. В 1537 г., опасаясь повторения участи Юрия, Андрей Иванович бежал в Новгородскую землю и поднял открытое восстание против своего племянника Ивана IV. Новгородские дворяне поддерживали восстание, но вскоре Андрей Иванович увидел себя изолированным. Современный летописец показывает, как дворяне и дети боярские постепенно покидали Андрея Ивановича во время его похода на Москву. Обманутый лживыми боярскими обещаниями, Андрей приехал в Москву и там был посажен в тюрьму. В ней он страдальчески умер в 1538 г., по словам одних — «пужною» (насилъственной), «гладною смертью», по словам других — «от железной шапки».

Удел Андрея Ивановича был восстановлен в юные годы правления Ивана Грозного. В 1540 г., когда Владимир, сын Андрея Ивановича вместе с матерью был выпущен из заточения, бояре, правившие от имени малолетнего царя Ивана, отдали вдове Старицкого князя и ее сыну «весь... княж Одреевской удел» и устроили для них бояр и дьяков⁴.

В середине XVI в. Владимир Андреевич часто упоминается в разных грамотах как брат царя и великого князя Ивана Васильевича. Характерно, что Грозный, которого так часто описывают как безудержного тирана и мстительного властелина, долгое время терпел рядом с собой остатки удельного владения, хотя Владимир Андреевич явно считался претендентом на престол. Во время кризиса 1553 г., когда молодой царь Иван был болен, Владимир Андреевич отказался присягнуть младенцу царевичу Дмитрию Ивановичу как наследнику престола.

⁴ М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1537 гг. «Исторические записки», т. 46, 1954, стр. 285.

Окончательное уничтожение Старицкого удела произошло только во второй половине царствования Ивана Грозного, спустя 60 лет после образования Старицкого удела. Грозный выменял Старицу с волостями у Владимира Андреевича, дав ему взамен прежний Дмитровский уезд⁵ несмотря на то, что Дмитров с уездом представлял собой более высокую с экономической точки зрения территориальную единицу, чем Старица. При этом Грозный согласился даже на то, что вотчинники и помещики могут перейти со своим князем в новый удел и служить по желанию или царю, или князю Владимиру Андреевичу. Однако цель обмена Старицы на Дмитров ясна: это желание вырвать у удельного князя его старинную опору. К тому же Старица имела крупное стратегическое значение во время Ливонской войны.

В 1569 г. произошла окончательная катастрофа. По русским и иностранным сказаниям, Владимир Андреевич вынужден был выпить отраву вместе с матерью и со всем семейством на Богоне (или Багане), как называлась ямская станция между Александровой слободой и Переяславлем. Однако известие о гибели всего старицкого семейства неправильно. У Владимира остался сын Василий Владимирович, которому в 1573 г. был возвращен Дмитров, «отца его город». Он умер в следующем 1574 г., может быть, не своей смертью, потому что летописец пишет кратко и неясно: «Князя Василья Володимировича не стало»⁶.

Последним уделом был Углич, отданный во владение царевичу Дмитрию Ивановичу. Со смертью его в 1591 г. окончательно исчезли и уделы.

Итак, удельные владения сохранялись в России в течение почти всего XVI в. В первой половине XVI в. они охватывали большую территорию от устья Мологи до Калуги. Интересно было бы сравнить эту территорию с территориями опричнины. Ведь в опричные территории были выделены в первую очередь земли прежних удельных князей.

Экономическая и военная сила удельных князей в XVI в. была незначительной, во всяком случае неизмеримо меньшей, чем сила великих князей и царей, но политическое значение боковых отпрысков дома Калиты было весьма заметным, так как оно держалось на их происхождении и на феодальных традициях.

Удельные княжества представляли собой владения, подчиненные великому князю, позже царю, на началах вассальной службы, но фактически автономные. Взаимоотношения великих князей и царей с удельными князьями даже в XVI столетии определялись особыми договорами. Подобное «докончание» Василий III заключил с братом Юрием Дмитровским в 1531 г. в связи с рождением наследника престола, будущего царя Ивана. Договор

⁵ С. Г. Г. и Д., ч. I, № 187—188, стр. 526—533.

⁶ М. Н. Тихомирсов. Малоизвестные летописные памятники XVI в. «Исторические записки», 1941, т. 10, стр. 92.

определял обязанности удельного князя по отношению к великому князю, содержал некоторые постановления о правах вассала. Важнейшим из них было право удельного князя иметь свои войска и посылать их на войну под начальством особых воевод: «И где пошлем своих воевод и тебе с нашими воеводами послати своего воеводу, со своими людьми». Тщательно соблюдалось и общепринятое правило вассальной зависимости, выражаемое в Западной Европе формулой: вассал моего вассала — не мой вассал. «Бояром и детем боярским и слугам промеж нас волным волы», — объявлялось в договоре; они имели право «служить» и выходить на войну с тем князем, которому служили и чьими вассалами были⁷.

Права удельных князей постепенно урезались, но даже в период опричины принудительный обмен Старицы на Дмитров был обставлен такими формальностями, которые показывают стремление Ивана Грозного не нарушать традиционных норм удельного времени. «Меновная» 1566 г. на Старицу была составлена при участии представителей царя и удельного князя, действовавших от имени своих доверителей. Бояре и дьяки удельного князя составляли меновную грамоту «по государя своего княж Володимиру Андреевича приказу»⁸.

Во внутренней своей жизни уделы были автономны и порядки в них соответствовали порядкам других областей России. Таможенные границы удельных княжеств и царских земель соблюдались строго. Нередки были и конфликты, возникавшие на почве взаимных неудовольствий и жалоб и с той, и с другой стороны. В своих землях удельный князь действовал полновластно, как показывают письма Иосифа Волоцкого о притеснениях, которые волоколамский князь Федор Борисович творил разным людям в своем княжестве. Правда, доверять старцу Иосифу целиком и безоговорочно не приходится, ведь он вступил в открытую распрю со своим князем, но дело идет не о характеристике поступков Федора Борисовича, а о правах удельного князя.

В лице удельного князя Федора перед нами выступает маленький тиран, грабящий своих подданных, не боясь вмешательства князя. Князь невозбранно вымучивает деньги и ценные вещи у своих горожан и богатых крестьян. Он казнит мучительной смертью монаха одного волоколамского монастыря, приказывая после битья кнутом сжечь его на костре⁹.

Делопроизводство удельных канцелярий дошло до нас главным образом в виде различных грамот на пожалование тех или иных льгот для монастырей; любопытнее документы, вышедшие непосредственно из канцелярий удельных князей. Приведем

⁷ Духовные и договорные грамоты, стр. 416—420.

⁸ Там же, стр. 420.

⁹ Послания Иосифа Волоцкого. Подготовка текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.—Л., 1959, 211—214.

неизданную грамоту дмитровского князя Юрия Ивановича 1532 г. к его воеводе:

«От князя Юрия Ивановича в Кашин воеводе моему городовому Павлу Микитину сыну Носову. Бил мне челом Борис Иванов сын Кожина на моих христиан Покровского села на Федка на Степанова да на Ивашка на Семенова сына Булыгина да на Фому на Кореневского да на Матфейка на Губина сына. А сказывает, что деи у него вступаютца в землю в пашенную и в поженную и в лес у его деревни у Юрьева да у пустошы у Солоденцова, а называют деи ту землю и лес к своей деревне х Кореневу. И ты б, взяв с собою моего поселского Покровского села да и сотцских и старосту и десятцких и людей добрых тутошных старожилцев с обе стороны, да ту бы еси им землю розъехал и между, и обыском обыскали, чьи то земли изстари, да суд свой и обыск, написав на список, подлинно да скажите мне, князю Юрию Ивановичу, поставя перед мною обоих истцев с очи на очи. Писан в Дмитрове лета 7040 августа в 13 день»¹⁰.

Положение удельных княжеств резко меняется после опричнины и уничтожения последнего крупного удела, принадлежавшего Владимиру Андреевичу. В своем завещании, составленном около 1572 г., Иван Грозный требует от своего второго сына Федора полного подчинения старшему брату и наследнику престола царевичу Ивану Ивановичу. В своей обычной наставительной манере царь Иван приказывает Федору держать старшего брата «в мое место, отца своего», и тем не менее он выделяет Федору большой удел с городами Суздаlem и Ярославлем. Права удельного князя в завещании Ивана Грозного уже чрезвычайно уменьшены, сведены почти к правам «служебного» князя, но обособленность выделенных удельных земель все-таки сохраняется¹¹. Так, никто из вассалов удельного князя не имеет права самовольно, без его согласия вместе со своими вотчинами перейти в вассальную зависимость к великому князю.

Права удельного князя были еще более урезаны для царевича Дмитрия Ивановича, получившего во владение Углич. Царевич живет под неусыпным наблюдением доверенных людей правителя государства Бориса Годунова.

Тем не менее длительное существование уделов ясно свидетельствует об удивительной живучести пережитков феодальной

¹⁰ Грамота написана на маленьком клочке бумаги скорописью (Рукопись собрания автора книги).

¹¹ Духовные и договорные грамоты, № 104, стр. 426—441. Время составления завещания Грозного определяется тем, что в нем говорится о возможном пожаловании Василия Владимировича уделом, который был ему дан в 1573 г. Значит, грамота была написана до этого времени, но не раньше женитьбы царя на Анне Колтовской (1572). Новое супружество, видимо, и послужило основным побуждением для составления духовной, которая, таким образом, датируется 1572 г. Царь предусматривает возможность рождения у него сына или дочери.

раздробленности в России XVI в., весьма еще далекой от настоящей централизации.

Удельные князья московского правящего дома всегда оставались претендентами на великокняжеский, позже на царский престол. Отсюда и те яростные преследования и варварские расправы с ними, которые обрушились на Андрея и Юрия Ивановичей, позже на Владимира Старичьего, причем смерть последнего от отравы была все-таки менее мучительной, чем гибель от голодной смерти или от тяжких оков в темнице.

Для исторической географии России, впрочем, имеют значение не политические мотивы, вызывавшие выступления или гибель удельных князей, а то обстоятельство, что последние уделы представляли собой владения со своим особым правительством и особыми порядками управления, иногда копировавшими порядки великокняжеской канцелярии. Поэтому при обзоре отдельных областей России в XVI столетии необходимо принимать во внимание тот факт, что некоторые из них входили в состав удельных княжеств.

КАСИМОВСКОЕ ХАНСТВО И УДЕЛЫ ТАТАРСКИХ ЦАРЕВИЧЕЙ

Помимо удельных княжеств в пределах России XVI в. существовали и другие феодальные образования типа уделов, но с более ограниченными правами их владетелей. Такие уделы выделялись татарским царевичам во временное или потомственное владение, о чем довольно часто сообщается в документах. Имеются о них и специальные монографии, но в общих исторических работах об уделах татарских царевичей почти не упоминается. Между тем само существование на территории России XVI в. мелких вассальных княжеств ярко рисует феодальное устройство страны, особенно сказавшееся во время событий крестьянской войны и интервенции начала XVII в., когда отдельные области и города превратились в своего рода феодальные земли, где иной раз воеводы делались как бы местными князьками.

Наиболее долговременным из такого рода феодальных княжеств было Касимовское ханство, или царство¹².

Царевич Кайсим основал городок в середине XV в. на старом месте, где раньше существовал «Мещерский городок». Резиденция касимовских царей стояла при впадении реки Бабенки в Оку на крутом живописном мысу. Касимовские татары сохранили свою магометанскую веру. Минарет, мечеть и тюрбе (мавзолей

---

¹² В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах. Части первая — четвертая. Труды Восточного отделения имп. археол. об-ва, ч. 9. СПб., 1863, 1864, 1866, 1867.

касимовских царей) сохранились до настоящего времени. Возведение каменной мечети относится к началу XVI в., но она не сохранилась до нашего времени, современная мечеть построена в XVIII в. на старых фундаментах. Старые татарские обычаи в Касимове сохранились до нашего времени. Совсем недавно еще можно было видеть стариков в шелковых бухарских халатах, отправлявшихся в мечеть на молитву.

В то время как в Казани второй половины XVI в. исповедание мусульманской веры если не запрещалось, то и не поощрялось царским правительством, сохранение мусульманских обрядов в Касимове входило в правительственную программу. Во время переговоров с турецким султаном в ответ на упреки султана в том, что московское правительство якобы преследует магометанскую веру, Иван IV ссылался на Касимов как на особый уголок, где сохранялись мечети и татарские обычаи. Касимов оставался как бы маленькой Казанью, своего рода реликтовым остатком среди земель, населенных русскими. Даже в XVII в. сохранялись старые обычаи воцарения касимовских ханов: нового царя поднимали на ковре и провозглашали властителем.

В Касимове обычно сидели претенденты на казанский престол, нередко принимавшие участие в русских походах против своих казанских сородичей. Княжество управлялось по внутренним законам. На войну посылались вспомогательные войска. В XVI столетии особенно прославился царь Шиг-Алей как предводитель татарских войск, опустошавших Ливонию. Самое большое количество обвинений в различного рода зверствах и насилиях, которые западноевропейские источники выставляют против русских во время Ливонской войны, большей частью относится как раз к служилым татарам.

В Касимове жили не только татары. Кроме Татарской слободы существовал русский городок, в котором «годовал» окольный. Русское население в Касимове жило в особой Ямской слободе. Сам Касимов не представлял собой сколько-нибудь крупного центра, это был небольшой город XVI в. Гораздо большее значение имела соседняя Татарская слобода.

По описанию 1627 г. укрепления Касимова были сооружены из дерева, «рублен в одну стену, крыт тесом, около города осыпь». В городе помещались съезжая изба (воеводская канцелярия), пушкарский двор и двор рассыльщиков. Но это описание позднего времени. Видимо, город раньше стоял на другом месте, потому что об одной башне сказано, что она находилась «против старого городища».

Наиболее интересно описание Татарской слободы, которое показывает, что эта слобода в свое время представляла особый городок. В ней стояли мечеть, а напротив мечети двор царевича Сеид-Бурхана, «дом и врата каменные». Судя по всему, это была укрепленная усадьба, имевшая в длину 75, а в ширину 55 сажен.

К царскому двору примыкали дворы, принадлежавшие придворным касимовских царей, которые названы «придворными сеитами». В слободе находились также дворы мастеровых людей и огородников, служилых мурз, татар и т. д. Всего в Татарской слободе, по выписи 1627 г., можно насчитать более 100 дворов. Нет никакого сомнения, что в начале XVII столетия Татарская слобода в Касимове находилась уже в состоянии некоторого упадка. Действительность XVI в. была, конечно, более представительной. Касимов в это время — центр особого удела, главным сосредоточием которого являлся двор царя или царевича¹³. В городе стояли двор царя Арслана (был царем с 1614 г.), 7 дворов «царевичевых служилых людей да 8 дворов служилых сеитов, мурз и татар». В 1627 г. этих татарских дворов не было, оставались только пустые дворовые места.

Касимовское царство существовало в течение двух с половиной столетий и, таким образом, было длительным явлением в истории России. Но в XVI в. существовали и другие уделы татарских царей и царевичей. Наиболее долговременным из них был удел татарских царевичей в Романове на Волге. Время его возникновения относят к 1570 г. Удел был создан для ногайских царевичей. В 1593 г. в Романове отмечен двор «Ильмурзы Юсупова сына княжова», вероятнее всего, сына ногайского князя Юсупа.

Романов был русским городом, окруженным русскими же поселениями, среди которых в виде своеобразного островка стояла Татарская слобода. Татары жили на посадской земле, «на посадских на дворовых местех да на выпусках». Всего на посадской земле стояло 3 двора ногайских мурз и 98 дворов их людей; это были служилые казаки татары. Помимо этого романовским мурзам принадлежали земли в Романовском уезде. Трем ногайским мурзам дано было за службу 9 сел, 5 селец, 360 деревень и 4 починка, да еще 3 деревни и 2 починка были «пригужены в пашню», как и 114 пустошей. Любопытно отметить, что на землях романовских мурз жили русские крестьяне (1260 дворов) и латыши (4 двора), видимо, пленные, увезенные романовскими мурзами из Ливонии, или их потомки¹⁴.

П. П. Смирнов, написавший интересное исследование о татарских служилых царевичах, отмечает и другие пожалования, данные татарским феодалам: Каширу, Юрьев Польский, Рузу и т. д. Крупным уделом обладал знаменитый Симеон Бекбулатович, бывший касимовский царевич Саид-Булат, сыгравший такую исключительную роль в русской истории и кончивший свою жизнь в 1616 г. в монашеском чине.

¹³ В. В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч., ч. 3, стр. 62—65 и сл. О терминах «царь» и «царевич» в применении к касимовским ханам В. В. Вельяминов-Зернов дает подробное разъяснение.

¹⁴ П. П. Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII века, вып. 1, стр. 89.

О природе владельческих прав татарских царевичей, получивших земли на территории России, имеются разные высказывания. В. В. Вельяминов-Зернов называет владения касимовских царей и царевичей уделом. Великий князь Василий III, пишет он, пожаловал Касиму «в удел Мещерский городок на Оке»¹⁵. Недостаточно различая тонкости официальной терминологии XVI в., Вельяминов-Зернов на той же странице смешивает понятия удела и кормления.

По этому случаю П. П. Смирнов правильно замечает, что формулировка «в удел или в кормление» является едва ли удачным определением. Но и сам покойный ученый не дает достаточно ясного определения, в чем заключалось различие между уделом и кормлением. Видимо, таким различием являлось временное или потомственное право на землю, так как земли, поступавшие в кормление, в некоторых случаях фактически давали их владельцам права удельных князей, несмотря на временность и условность владения землей. Ведь крупные земельные пожалования, передаваемые во временное владение, переходили к новым держателям вместе со всеми феодальными правами. Фактически кормленщик делался на определенное время феодальным владыкой и в качестве такового выдавал жалованные грамоты с иммунитетными правами, которые впоследствии считались достаточным обоснованием для того, чтобы они были признаны царской властью вполне законным пожалованием. Конечно, нельзя забывать глубокого различия в положении татарских царевичей и мурз и удельных князей русского происхождения.

Царское правительство зорко следило за тем, чтобы мусульманская пропаганда не могла проникнуть в русскую среду. Поэтому можно не сомневаться в том, что пленные латыши, жившие на земле романовских мурз, не были обращены в мусульманство, а сделались православными.

П. П. Смирнов совершенно прав, когда пишет, что пожалования посадков во владение татарским царевичам не обращало посады в вотчину и поместную собственность их новых владельцев, а лишь передавало им право собирать на себя некоторые доходы, в том числе и поземельные¹⁶. Это правильно по отношению к русским горожанам и крестьянам, отданным под власть татарских князей. Однако по отношению к подчиненным им татарам касимовские цари и романовские мурзы были настоящими феодальными государами. Касимовские цари и царевичи жили своим двором, своим придворным обиходом, по своим татарским обычаям, по своей мусульманской вере. Таким образом, оставаясь кормленщиками по отношению к русским крестьянам, жившим на

¹⁵ В. В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч., ч. 1, стр. IV (предисловие).

¹⁶ П. П. Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII века, вып. 1, стр. 83.

пожалованной им территории, татарские цари и царевичи в то же время были своего рода удельными князьями для служилых татар. Поэтому определение В. В. Вельяминовым-Зерновым, как и некоторыми другими историками, касимовских царей как вассалов московских великих князей и царей с некоторыми ограничениями представляется правильным.

Перед нами очень крупное явление — длительное существование в России XVI в. таких феодальных владений, которые обладали всеми чертами княжеских уделов. Касимовские цари и царевичи окружены вассалами, служилыми мурзами и татарами. Служилые татары живут не в Касимове, а в своих поместьях, подобно русским служилым людям. По описи 1627 г., в 24 дворах служилых мурз и татар Касимовской Татарской слободы жило всего 17 человек, некоторые дворы были заселены только дворниками. Значит, хозяева их были в отъезде или жили в своих вотчинах. Из служилых татар и составлялись те татарские вспомогательные отряды, которые воевали в Ливонии и стояли в порубежных городах.

Город Касимов иногда по-старому именовался Городцом, а жившие в нем татары городецкими. При царе Шах-Али (Шиг-Алее) Касимов иногда назывался Шигалеевым Царевым городком. Ногайские дела сообщают некоторые интересные детали о Касимове. В середине XVI столетия в нем процветала работоторговля. Так, человек одного ногайского князя купил в Касимове «девку», которую отобрал у него сын боярский, ссылаясь на то, что в пропускной грамоте имя этой девки написано не было. Иван Грозный обещал отыскать купленную девку и вернуть ее ногайскому князю. В пользу касимовских царей и царевичей на Оке собиралась особая пошлина с судов подобно тому, как такие же пошлины на царя собирались во Владимире, Коломне и Рязани.

УДЕЛЫ СЛУЖЕБНЫХ КНЯЗЕЙ

Наряду с уделами, принадлежавшими близким родственникам московских великих князей и царей, в XVI в. еще сохранялись старинные владения князей из рода Рюриковичей, сделавшихся «служебными князьями» или «слугами» московских властелинов. Положение служебных князей определялось особыми «докончаниями» — докончальными грамотами, устанавливавшими взаимоотношения между великим князем и князем служебным. Великий князь признавался старшим, а служебный князь «молодшим». Обе стороны обязывались сообща бороться против врагов по формуле: «а кто будет, господине, тебе и твоему сыну друг, то и нам друг». Служебный князь обязывался выходить на войну в случае необходимости вместе с войсками своего сюзерена. Все эти особенности службы «местных князей», как вассальные князья иногда

называются в произведениях XIV—XV вв., хорошо обрисованы в монографии Л. В. Черепнина¹⁷.

К сожалению, докончальные грамоты московских великих князей с их вассалами от XVI в. не сохранились, но о них можно хорошо судить по договорам великих князей с их ближайшими родичами — мѡжайскими, верейскими и другими князьями, а также по тем грамотам, которые «местные» князья заключали с литовскими великими князьями. Конечно, права удельных князей, принадлежавших к московскому правящему дому, были более широкими, чем права служебных князей, но смысл феодального договора оставался примерно одним и тем же.

Сохранилось докончание новосильских и одоевских князей с королем Казимиром 1459 г., которое, несмотря на некоторые особенности текста, обнаруживающие в письце грамоты белоруса, сохраняют особенности русских документов того времени. А это позволяет предполагать, что и грамоты служебных князей, заключенные с московскими великими князьями, примерно содержали те же статьи, которые находятся в докончальной грамоте 1459 г.¹⁸

Главной особенностью докончания 1459 г. является подчеркивание «службы» вассальных князей, которая рассматривается уже как пожалование: «и господарь, король и великий князь, нас, слуг своих, пожаловал прынял у службу».

Служебные князья обязываются служить верно, без всяких хитростей и во всем быть послушными великому князю. Их земли остаются в старых границах, которые существовали с давнего времени. Если великий князь не станет выполнять условий договора, то служебные князья имеют право отказаться от своих вассальных обязанностей, «а нам воля».

Надо предполагать, что подобного же рода докончания были заключены между служебными князьями Северской и Запцкой земель с московским великим князем в начале XVI в., когда эти земли присоединились к России.

В Литовском великом княжестве права крупных феодалов, магнатов, сохранялись очень долго, так как там процесс централизации страны всячески тормозился магнатами и шляхтой. Князья Вишневецкие и Острожские были распорядителями и владыками в своих вотчинах. В особенности это относится к владениям князей Вишневецких на Левобережной Украине, где город Лубно, резиденция Вишневецких, долгое время являлся столицей небольшого удельного княжества, которое прекратило свое существование только после восстания Хмельницкого в середине XVII в.

В России судьба служебных князей была иная. Наиболее могущественные служебные князья Северской земли прекратили свое

¹⁷ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 1. М.—Л., 1948.

¹⁸ Духовные и договорные грамоты, № 60, стр. 192—193. Приложение.

существование в 1523 г. Мелкие же служебные князья в заюцких городах сохранили свои вотчины отчасти и во второй половине XVI в.

В начале XVI в., когда Северщина и Заюцкие города только что перешли под власть московского великого князя, в них сидели еще целые гнезда местных князьков. В летописи говорится о переходе северских и заюцких князей в вассальную зависимость от великого князя в 1509 г. в следующих словах: «великий князь заключил вечный мир с королем Сигизмундом, да и князей служебных, князя Василья Ивановича Шемячича да князя Василья Семеновича Стародубьского, и Новосильских князей, и Одоевских, и Воротынских, и Белевских, и Трубетцких, и Мосальских, и съ их вотчинами написал в свою сторону, и грамоты докончальные написаха на всей воле великого князя Василья Ивановича всеа Руси»¹⁹.

Переход князей, названных «служебными», т. е. обязанными вассальной службой великому князю, как видим, был обставлен формальными договорами — докончальными грамотами. Таким образом, северские и заюцкие князья не просто присоединили свои владения к землям великого князя и сделались его подданными, а сохранили права местных князей, небольших полусамостоятельных государей. Наиболее крупными владениями обладали северские князья в Стародубе и в Новгороде Северском («с Рыльском и Новым городком Северским»). В 1500 г. упоминаются и трубетцкие князья «с городом Трубетцим».

В разрядных книгах первой четверти XVI в. особое положение северских князей отмечается тем, что они выходят на войну со своими войсками. В 1508 г. «от Стародубскова и от Шемячича ходили воеводы на литовские ж места». В иных случаях московские войска, посланные на Северщину, идут под командой великокняжеских воевод: «и ис тех воевод» (имеются в виду воеводы, стоявшие против татар на Угре) «послал князь великий в Стародуб к двема князем Васильем, к Стародубскому да к Шемячичу, князя Ивана Ушатого да князя Семена Серебрянова с людьми».

Несколько позже, в 1515 г., когда стародубские князья уже потеряли свою вотчину, царские воеводы, посылаемые в Северскую землю к Шемячичу, отмечались также особо, как те, которым «велено быти у Шемячича»²⁰.

Наши отрывочные сведения о северских князьях первой четверти XVI в. несколько пополняются сообщениями Герберштейна, писавшего вскоре после уничтожения их уделов. По его словам, в Новгороде Северском сидел князь Василий Шемячич. Другой Василий Шемячич владел Стародубом, в Путивле же находился

¹⁹ ПСРЛ, т. XXVI, стр. 300.

²⁰ П. Н. Милуков. Древнейшая разрядная книга (официальной редакции) по 1565 г. М., 1901, стр. 41 и 65.

«некий государь» Дмитрий. «Василий Шемячич, человек храбрый на войне и гроза татар, возымел столь сильное желание властвовать, что стал один домогаться княжества, и он не успокоился до тех пор, пока не довел Василия Стародубского до последней крайности и по изгнании его не занял его области». Шемячич оклеветал и Дмитрия, который был арестован и отвезен в Москву²¹.

Из слов Герберштейна вытекает, что северские княжества фактически представляли собой настоящие уделы. Василий Шемячич, стремился округлить свои земли за счет соседних князей — стародубского и путивльского. В летописях он именуется «слугой» великого князя, что соответствует понятию «служебного князя, связанного вассальными отношениями с великим князем». В качестве такого удельного владетеля Василий Шемячич в 1519 г. прислал в Москву «своего человека Михаила Якова» с уведомлением о нападении татар «на их вотчину, на Путивльские места». Терминология летописи крайне показательна, так как она подчеркивает особое положение Северной земли. Гонец, присланный в Москву для извещения о победе над татарами, был служилым человеком Василия Шемячича. «Их вотчина» — это обозначение местностей, принадлежавших северским князьям, о которых говорится во множественном числе²².

Князь Василий Иванович Шемячич, внук Дмитрия Шемяки, был фигурой настолько опасной, что его попросту постарались убрать с дороги, хотя он удачно сражался с татарами. Злобный, но дальновидный митрополит Даниил так и называл Шемячича «запаушным врагом» великого князя. Понадобились обман и клятвопреступление, чтобы заманить Василия Шемячича в Москву. В 1523 г. великий князь «поймал князя Василия Ивановича Шемячича». Заключение в тюрьму Шемячич был еще жив в 1526 г.²³

Не все ясно в деле Шемячича, которого заманили в Москву при помощи «опасной грамоты», гарантировавшей ему безопасность и бесстыдно нарушенной великим князем с согласия митрополита Даниила. Но это дело интересно одной своей особенностью: с северским удельным князем трудно было справиться, пока он находился в своих владениях. Его хитро заманили в Москву, видя, обещав какие-либо щедрые пожалования. Так, кажется, можно объяснить летописное упоминание о том, что «Васильевские городки Шемячича» отданы были князю Мстиславскому (Ижеславскому). Эти городки, Ярославец, Кременец и Мышага, находились в прямой близости от Москвы.

²¹ Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах, перевед. Малеева. СПб., 1908, стр. 109.

²² ПСРЛ, т. XX, стр. 260; в других летописях слова: «их вотчина» заменены словами: «их места».

²³ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VI. СПб., 1816.

Что положение служебного князя, в данном случае Василия Шемячича, значительно отличалось от положения обыкновенного наместника или воеводы, дает понять отписка Третьяка Губина 1521 г., ездившего в Стамбул к турецкому султану с поручениями от великого князя Василия III. Губин сообщает, что он приехал в Путивль из Перекопа после пашаи, встретив по дороге около 500 татар, о чем сообщил Василию Шемячичу особой грамотой. Отписка Губина, в частности, подтверждает слова Герберштейна о том, что Василий Шемячич владел Новгородом Северским, а не Путивлем²⁴.

Служебные князья Заозьского края потеряли свои феодальные привилегии и земли еще быстрее, чем сильные северские князья. Многие из них, вроде Одоевских, Трубецких и Мосальских, затерялись среди титулованной и нетитулованной знати, теснившейся вокруг царского престола, или бежали в Литву и появились опять на родине уже в смутные годы начала XVII в. Однако некоторые мелкие уделы иногда длительное время находились в руках одной и той же фамилии. К их числу принадлежал город Воротыньск с уездом. Из рода князей Воротыньских вышло несколько замечательных полководцев. Самым знаменитым из них был князь Михаил Иванович. Он участвовал во многих военных предприятиях середины XVI в., в частности, во взятии Казани, имея почетный титул «слуги и воеводы». В разрядах он упоминается на втором месте после князя Ивана Федоровича Мстиславского, вместе с которым был иногда воеводой Большого полка, отражая нападения крымских татар.

Судьба Воротыньских князей была прихотливой. Воротыньские попадали в опалу и лишались своей вотчины, которая тем не менее в 1572 г., судя по завещанию Грозного, вновь оказалась в их руках, как старых отчичей.

И это, конечно, не единственный случай. Князья Трубецкие, о переходе которых на службу московского великого князя говорилось выше, владели до этого времени удельным княжеством с центром в Трубчевске. Какие связи остались у них с этим городом в дальнейшем на протяжении многих лет, неизвестно. Однако в 1659 г. царь Алексей Михайлович жалует князя Алексея Никитича Трубецкого городом Трубчевском с уездом. Этот внезапный рецидив в XVII столетии старой удельной практики объясним только тем, что князья Трубецкие на протяжении полутора столетий после потери своего удела сохраняли еще какие-то феодальные права на Трубчевск.

Мало известно о происхождении и владениях князей Мещерских, но из местнических дел узнаем, что князь Федор Мещерский

²⁴ Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), Турецкие дела, кн. 1, лл. 207 об.—208. В отписке сказано: «а ко князю Василию Ивановичу есмь о том послал грамоту, чтоб велел ей по украинам беречи».

предводительствовал мечерянами, следовательно, был связан с Мещерской стороной²⁵, по названию которой именовался его род.

Воротыньские, Трубецкие и Мещерские были старыми отчичами в своих землях, но и пришлые служебные князья были в своих уделах феодальными государями.

Во второй половине XVI в. князья Мстиславские полноправно господствовали в своих городах на границе Рязанской земли с Тульским уездом и диким полем. Писцовая книга 1571 г. сообщает, что в этот год по царскому наказу «княж Ивановскую вотчину Федоровича Мстиславского писали и мерили на Веневе на посаде и около Веневского посаду»²⁶.

Городок Городенск (впоследствии Венев) стоял на горе на реке Веневе «под засечным лесом». Он имел укрепления окружностью в 200 сажен, стены которого в виде треугольника состояли из деревянных срубов («городень»), засыпанных землей. В стенах насчитывалось 65 таких городень, высота их равнялась полутора саженим. Над стенами была устроена крыша, крытая дубьем и тесом. В город вела башня с воротами, состоявшая из трех этажей с верхним, средним и нижним «боями» (бойницами). В башне хранились порох и боевые припасы. Городок охранялся в тревожное («всполошное») время 50 стрельцами с пищалями.

Внутри города стояла церковь Прасковьи Пятницы, 4 житницы «с хлебом с рожью» и другие житницы, общим числом до 10. Внутри города находились избы стрельцов, 71 клетка «бренные и пластинные» для осадного времени на случай нападения крымских татар.

К городу примыкал посад. В нем стояла церковь Преображения, построенная «клетцки». На посаде находилась Стрелецкая слободка из 49 дворов, 33 двора беспашенных черных людей, 4 крестьянских двора и 3 двора «княж Ивановских людей, которые служили у князя Ивана з земли», 4 церковных двора и 12 келий нищих. Таким образом, общее количество дворов в Веневе доходило до 143. Городенск был еще типичным укрепленным городом. Даже торг состоял всего из двух рядов, где посадские люди и стрельцы торговали «всяким мелким товаром еженедель по пятницам». Как настоящий феодал князь Мстиславский не только содержал стрельцов, но и раздавал землю своим людям. Таких «княж Ивановских людей», впрочем, было немного, но они жили и в соседнем Каширском уезде, один из станов которого назывался Мстиславским.

Сведения писцовых книг рисуют городок князя Мстиславского как настоящий владельческий город, подобный Острогу или

²⁵ Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских, т. II, кн. 1—4, М., 1838, стр. 81.

²⁶ Писцовые книги XVI в. Под ред. Н. В. Калачова. Отд. II. СПб., 1872, стр. 1537.

Лубнам, которые принадлежали на Украине князьям Острожским и Вишневецким.

Писцовые книги 1571—1572 гг. были составлены при переходе Городенска из рук князя Мстиславского под царскую власть, но они же дают понятие о более раннем времени, когда Городенск был вотчиною Мстиславского. Сам Мстиславский, впрочем, не был первым владельцем Городенска. Этот город был «поставленьем» боярина Ивана Васильевича Шереметева Большого. Когда Городенск перешел от Шереметева к Мстиславскому, неизвестно, вероятно, во время опалы Шереметевых.

Центром городка был двор Мстиславского, представлявший собой обширный дворец с большой избой, повалушей и рядом горниц и комнат, с двумя поваренными избами, двумя пивоварнями и другими хозяйственными постройками. Большими размерами отличался и конюшенный двор, где конюшни тянулись на 145 сажень в длину, имея 57 отделений, «перерубов». Кроме того, для увеселения феодала служили царский двор и сруб «медвежий», где держали медведей для потехи. Крепкий дубовый тын огораживал двор Мстиславского.

Как видим, Венев представлял собой типичный феодальный владельческий городок. Черные беспашенные люди сидели «ново» и получали льготы от князя Мстиславского. Мстиславский держал 100 стрельцов, получавших от него денежное и хлебное жалованье.

Сохранилось описание и другого феодального владения князя Ивана Федоровича Мстиславского — Елифани (см. стр. 388). «Это было целое небольшое государство», — пишет С. В. Бахрушин по поводу земельных имуществ Мстиславского в Веневском и Елифанском уездах²⁷. Конечно, владения Мстиславского явно выделялись из общего уровня княжеских и боярских вотчин, но не были единственным исключением.

КНЯЖЕСКИЕ И БОЯРСКИЕ ВОТЧИНЫ

Более мелкими единицами, чем удельные княжества и земли служебных князей, были княжеские и боярские вотчины, очень близкие по своему устройству к уделам. Княжеские и боярские вотчины иногда имели за собой многолетнюю историю, связанную с одним и тем же владельческим родом. Указания на такие родовые вотчины князей и бояр приведены в книге С. В. Рождественского о служилых людях в Московском государстве. Собранный им материал приводит к выводу об устойчивости вотчинного землевладения во многих областях России XVI столетия. В Мосальском уезде даже в начале XVII в. больше половины владений при-

²⁷ С. В. Бахрушин. Указ. соч., т. 1, стр. 344.

надлежало князьям из рода Мосальских. При Самозванце князь Василий Мосальский претендовал на владение «городком Мосальском с посадом и с уездом»²⁸. С таким же явлением — сохранением старинных вотчин в руках их давних владельцев — встречаемся и в других областях России, в частности, в Оболенском уезде, где ими владели князья Оболенские.

Потомки прежних удельных князей густо сидели в некоторых областях России XVI в. О них дает представление тысячная книга 1550 г. вместе с дворовыми тетрадами. Тысячная книга знает князей Оболенских, Ярославских, Мосальских, Суздальских и т. д. Что речь идет о целых княжеских гнездах, сохранявших еще некоторые феодальные права прежних удельных князей, а вовсе не об отдельных князьях, упомянутых и по другим городам, видно из самих обозначений: «князи оболенские», «ярославские» и т. д. В этом отношении особенно показательна дворовая тетрадь, вводящая нас в самую гущу феодальной структуры России XVI в. с ее пережитками феодальной раздробленности. Здесь указан высший слой феодальной знати — «князи служилые», за ними следуют «князи оболенские», «князи ростовские», «князи суздальские», «князья ярославские», «мосальские князья»²⁹.

Сгустки прежних княжеских родов располагались в определенных районах. Таковы были районы Суздаля, Ростова, Ярославля — в центральных областях России; Мосальска, Оболенска — в районе Заозских городов.

Выделение суздальских и других князей в особую группу находит себе объяснение в особых условиях, при которых эти князья потеряли свою самостоятельность и сделались служилыми людьми. Например, ростовские князья потеряли половину Ростова еще при Иване Калите, а вторая половина была ими продана Ивану III. Однако продажа вовсе не обозначала полную потерю ростовскими князьями владельческих прав на землю и была в сущности переходом на службу великого князя. Таких князей в XVI в. иногда называли «княжатами».

В своих вотчинах князья и бояре жаловали земли, подтверждая свое пожалование грамотами, как об этом рассказывается в житии Александра Ошевенского, поставившего монастырь «близ моря дышущего окиана, в области града Каргополя». Его отец Никифор захотел устроить слободу и для этого выпросил у одного новгородского боярина XV в. «слободскую грамоту», которую тот

²⁸ С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897, стр. 199 и сл. Рождественский, впрочем, исходит из мысли о неустойчивости земельных владений в руках одних и тех же родов, не обращая внимания на различие в истории землевладения в России в XVI и XVII вв. Все виды землевладения он называет «служилым землевладением», хотя тверская писцовая книга знает людей, которые никому не служили.

²⁹ А. А. Зимин. Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.—Л., 1950, стр. 117—124.

выдал ему с правом «слобода копити и жилищцов называть и дворы ставить». Эта боярская грамота по своему формуляру ни в чем не отличалась от тех грамот, которые выдавали великие князья и цари. Так было положено начало новой слободе. Позже Александр, сын Никифора, основавший Ошевенский монастырь, добился новой грамоты у Настасьи, жены боярина Ивана.

Настасья и ее сын Георгий выдали Александру четыре грамоты. В первой из них они пожаловали новому монастырю Николы Чудотворца на монастырское строение земли и леса с условием, чтобы игумен не присваивал эти земли, не окняживал, не обояривал их, не продавал, не закладывал, не отдавал за долг. В другой грамоте Настасья с сыном отдавали в монастырь землю с условием, что пошлинники боярыни не должны въезжать в монастырские земли. Третья грамота дана была боярыней на луга (наволоки) с запрещением боярскому ключнику и соседним крестьянам вмешиваться в эти угодья. Четвертой грамотой утверждалась за монастырем деревенька, куда точно также не должен был вступаться боярский ключник. Как видим, Настасья раздавала свои владения на правах настоящей государыни, феодального владельца, утверждая свои раздачи грамотами такого же характера, какой имели грамоты великих князей и царей. Позже грамоты Настасьи казались сомнительными. В дело вмешался боярин Иван Михайлович Юрьев, один из приближенных «сильного царя и грозного государя нашего великого князя Иоанна Васильевича»³⁰.

И в XVI в. княжата и бояре продолжали пользоваться остатка-

---

³⁰ Государственный исторический музей (далее — ГИМ). Единоверческое собрание, № 218. Сборник с житием Александра Ошевенского.

«И прииде Александр к оной боярине к Настасеи ꙗ Бѣановской жене и к сыну ея Георгию... Аз есмь грешный чернец именем Александр, а сном игумен есмь, со Онеги реки, от вас зовется из Заволочиа, Каргопольския области, а есть ваша области над Чирьюгою рекою волостка зовома Слобода и об ону страну реки тоя есть место угодно к монастырскому строению... Настасея же рече: Аз, отче, совещаю с сыном, велю написати таковы грамоты, каковы тебе угодны и дам ти... И дасть ему четыре грамоты. Первую грамоту Настасея дает и сын ее Юрий о том игумену Александру: „Что дали Николѣ чудотворцу в дом на монастырское строение земли и лесу. И игумену тое земли не осваивати, ни окняживати, ни обояривати, ни продати, ни заложити, ни за долг не отдати, что та земля домовая Николѣ Чудотворца и монастырская вековая. И игумену на той земли поставити церковь во имя Николѣ чудотворца и монастырь строити“. А другую грамоту дали о том: „что дала я Настасея с сыном земли и лесу Николѣ чудотворцу в дом, и начнет игумен з братиею называти жилцов и садити, откуда буди, ино на них нет наших пошлин никоторых, ни нашим пошлинником“. А третью грамоту дасть Настасея о том: „что пустых наволоков по Чурьюге по реке, и те наволоки придала Николѣ чудотворцу в дом, и монастырю и игумену з братиею по тем наволоком пожни распичати. А ключнику нашему Лытке и христьяном до тех наволоков дела нет“. А четвертую грамоту дает Настасея о том, „что есмь придала Николѣ Чудотворцу в дом игумену с братиею деревеньку Лисицынскую, опричь ободные земли. И ключнику нашему в то не вступатися“».

ми прежних феодальных прав, несмотря на незначительные размеры их прежних вотчин. Так, мелкие ярославские вотчинники, князья Юхотские, владевшие волостью Юхоть в Углицком уезде, еще в 1510 г. жаловали Спасскому монастырю в Ярославле свои деревни со всеми иммунитетными правами. Грамота князя Федора Ивановича Юхотского устанавливала иммунитет монастырской вотчины совершенно так же, как это делали и великие князья: «не надобе наша дань, ни данские пошлины, ни которое дело, ни к становщиком, ни к десятским, ни в какие наши проторы, ни в разметы не тянуть ничем». В начале XVI в., после смерти князя Федора Ивановича, волость поступила во владение князя Мстиславского, а после прекращения его рода в XVII в. сделалась дворцовой. Особенностью волости было существование в ней соколиного промысла. В нескольких дворах в деревне Павловой, приписанной к Новому, еще в XVII в. жили соколиные помытчики (4 двора), обеленные от повинностей³¹. Впоследствии в селе Новом этой волости существовал торг.

Об обособленном положении княжеских и боярских вотчин мы узнаем из сведений, сохранных боярской книгой 1556 г. Вотчинники выходили на войну и военные смотры вместе с вооруженными людьми. Князь Андрей Дмитриевич Мосальский владел старой вотчиной в Мосальске. В Астраханский поход он вывел 23 человека «в судех». На смотр Мосальский явился в сопровождении 9 человек. Нелюб Тимофеевич Зачесломский, владевший вместе с братьями вотчиной в Костромском уезде, пришел на смотр с 10 вооруженными людьми³².

В XVI столетии бояре и даже дворяне в своих владениях по-прежнему распорядились как местные владыки, жаловали церкви и своих слуг различными угодьями. Об этом сообщает малоизвестная запись, данная боярином Алексеем Басмановым с его детьми Федором и Петром. Даты в записи нет, но ее надо относить примерно к 1570 г., так как она написана после казанского похода 1552 г., но еще при жизни старшего Басманова. Пустошь Вишки, которой распорядился боярин, была раньше поместной, но потом была куплена Басмановым, который отдал ее «на престол» в церковь Никиты мученика в селе Елизарове Переяславского уезда «с тростники и с луги и со всем угодьем». Пожалование в церковь было сделано им не только по себе, но своим детям и родителям, но и «по моим людем, которые на государевой службе под Казанью при мне при Алексее побиты, а имена их написаны в большой церкви над жертвенником». Два священника и дьякон при церкви обязывались петь вседневные обедни с поминовением басма-

³¹ А. Барсуков. Сведения об Юхотской волости. СПб., 1894, стр. 4 и сл.

³² Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым, кн. 3. СПб., 1864, стр. 50. Боярская книга 1556 г.

новских родителей. Впрочем, Басманов в это время был уже не уверен в своем положении и предусматривал случай, если «грех ради наших не благоволит нам бог тою отчиною владети»³³.

Большого вотчинника окружала не только дворня, но и зависимые от него мелкие служилые люди. Нередко вотчинники отпускали на свободу своих зависимых слуг по завещанию и дарили им деревеньки. Князь Михаил Васильевич Горбатой отпустил на свободу своих «слуг», а одного из них пожаловал «деревнею отца его Отяевым»³⁴. Таким образом, и дворянский «послужилец» порой делался наследственным землевладельцем.

Княжеские и боярские вотчины пользовались различными иммунитетными правами. Они представляли собой как бы небольшие удельные княжества и против них-то и обрушился яростный гнев Ивана Грозного, преследовавшего не только самих вотчинников, но и шреданных им людей. Генрих Штаден рассказывает характерный случай, когда один из «земских князей», не состоявших в опричнине, собрал до 300 вооруженных людей, вступивших в схватку с опричниками. Такой внушительной силой порой обладали владельцы крупных вотчин.

Боярские владения XVI в. в центральных районах выдавались своими большими размерами и богатством. Церковь, сад, пруды иногда считались прямым признаком боярской усадьбы. Так, Иван Грозный отдал во владение дьяку Василию Щелкалову четверть вотчины печатника Ивана Михайлова Висковатого, но этот четвертый жеребей оказался «пустее» остальных трех, потому что в нем не было «усадища и двора боярского», тогда как в остальных трех жеребьях стояли «церковь со всем украшеньем и двор боярский с садом, и с пруды устроены».

О размерах боярских вотчин в Замосковном крае можно судить по раздельной владений князей Мезецких в Стародубе Рязоловском. «Княжнина» — вотчина, доставшаяся одному из Мезецких, состояла из села Лучкино и 45 починков и деревень с общим количеством в 120 дворов. Центр боярской вотчины село Лучкино насчитывало 33 двора, в том числе княжий двор. В раздельной отмечено 6 дворов княжих людей; один из них назван трубником, вероятно, не мастером, а дворовым музыкантом. В 17 дворах жили непашенные люди, и только 8 дворов были крестьянскими. Кроме того, в селе стояло 15 келий нищих, под которыми следует понимать может быть чернорабочих. К селу Лучкину примыкал пруд с мельницей, другая мельница стояла на устье реки Жижехты. Названное село, конечно, выделялось своими размерами среди других селений, но не было большой редкостью в центральных областях России³⁵.

³³ «Владимирские губерньские ведомости», 1855, № 48.

³⁴ Там же, 1856, № 22.

³⁵ Акты гражданской расправы, т. I, № 50, стр. 64—65, 1539 г.

ЦЕРКОВНЫЕ И МОНАСТЫРСКИЕ ЗЕМЛИ

Крупнейшими феодалами страны были епископы и монастыри. Епархий в России XVI в. насчитывалось сравнительно немного, но каждая епископия, новая и старая, была наделена крупными земельными владениями.

Среди церковных иерархов первое место занимал митрополит (с 1589 г. патриарх). Митрополичьи земли составляли особые территории, освобожденные от великокняжеских повинностей со времен седой древности. Главный их ступок размещался поблизости от Владимира, куда митрополит Максим перенес свою резиденцию из Киева в самом начале XIV в. Возможно, митрополичьи вотчины под Владимиром были остатками владений владимирских и суздальских епископов, наделенных селами уже во времена первоначального устройства суздальской епархии в XI столетии.

Другие владения митрополита были разбросаны в разных уездах, в том числе и в Московском. Подробный обзор митрополичьих земель сделан С. Б. Веселовским, книга которого дает яркое представление о митрополичьем доме XIV — начала XVI в.³⁶

Из других церковных феодалов особенно могущественны были новгородские архиепископы, несмотря на то, что часть их земель была отнята еще Иваном III. Б. Д. Греков всесторонне обрисовал хозяйственное и политическое устройство архиерейского дома в Новгороде, носившего пышное название Дома св. Софии. В некоторых отношениях новгородские «владыки» даже в еще большей степени, чем митрополиты, сохраняли старинный феодальный обиход и свои претензии на роль крупнейших феодалов Новгородской земли. В то время как московские митрополиты невольно отступали на второй план перед царским двором, новгородские архиепископы (после введения патриаршества митрополиты) занимали самое почетное положение в Новгороде.

При каждой епископской кафедре существовал целый придворный штат, вершину которого составляли владычные бояре и дети боярские. В Новгороде придворные архиепископа были выделены особо от других дворян и детей боярских; с давнего времени их называли «софиянами». В их число входили и крупные должностные лица при дворе новгородского владыки (дворецкий, казначей) и мелкие служители (повара, конюхи и т. д.)³⁷.

По такому же типу создавались штаты и при новых епископских кафедрах: в Казани, в Астрахани.

Б. Д. Греков на примере новгородского дома св. Софии показал сложное строение архиерейских домов — подлинных оплотов феодальных пережитков в XVI в. Московские великие князья и цари

³⁶ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, стр. 347—385.

³⁷ Б. Д. Греков. Новгородский Дом св. Софии, ч. I. СПб., 1914, гл. 3; его же. Избранные труды, т. IV. М., 1963.

вели борьбу за уменьшение привилегий церковных иерархов, и это в первую очередь отразилось на положении московских митрополитов, сменявшихся в царствование Ивана Грозного по его произволу. Но первые, особенно сильные удары по митрополичьему престижу нанес не царь, а сами бояре, правившие государством в его малолетство. Митрополит Даниил был смещен со своего места «бояр нелюбим», занявший его место Иоасаф испытал от бояр «великий срам и поношение», бояре «мало его не убиша». Эти расправы послужили своего рода предметными уроками для Ивана Грозного, как надо поступать с неугодными высшими иерархами.

Дело митрополита Филиппа и расправа Грозного с новгородским архиепископом Пимином были только повторением более ранних расправ боярства с Даниилом и Иоасафом. Житие Филиппа показывает, что вопрос о судьбе митрополита интересовал и беспокоил остальных епископов, справедливо видевших в умалении митрополичьих прав подрыв их собственного положения.

При всем богатстве и значении епископских кафедр первенствующее место в ранге церковных феодалов занимали все-таки не они, а многочисленные крупные и мелкие монастыри.

Складывание монастырского землевладения особенно усиливается во время продолжительных внутренних усобиц. В XV столетии крупнейшими землевладельцами становятся Троице-Сергиев и Кирилло-Белозерский монастыри. В XVI в. вплоть до конца столетия владения их пополняются и расширяются. И лишь приговоры духовенства в конце XVI в. ставят предел дальнейшему расширению монастырских вотчин. По иронии судьбы это произошло не при жизни Ивана Грозного, а при его сыне Федоре Ивановиче, прославленном богомольце.

В конце XV столетия создаются вотчины и других крупных монастырей, но они уже не могут догнать старые монастыри — Троице-Сергиев и Кирилло-Белозерский. Даже такие вотчинники, как Макариев и Иосифо-Волоколамский монастыри, кажутся почти бедняками по сравнению с Троицким монастырем. Только Соловецкий монастырь расширил свои земельные владения до громадных размеров, захватив окрестные территории по берегам Белого моря и его заливов.

Церковные и монастырские земли, как правило, пользовались обширными иммунитетными правами и управлялись при посредстве монахов — «посельских старцев» и мелких служилых людей, монастырских «слуг», тиунов и ключников. Архиерейские дома представляли собой настоящие феодальные замки с целым штатом придворных, носивших разные названия, частично монахов, частично дворян, которые имели свои вотчины и поместья. «Владычные» дети боярские в целом составляли довольно внушительную военную силу. Большие монастыри вдобавок представляли собой хорошо защищенные крепости со значительным гарнизоном из монахов и монастырских слуг. Памятные обороны больших монасты-

рей — Троицкого в России, Ченстохова в Польше — опирались на постоянные монастырские гарнизоны и хорошо поставленную военную службу, подкрепленную боевым духом сопротивления иноземным захватчикам. Таким образом, церковные земли в России XVI столетия представляли собой мощную феодальную силу. На нее, как и на города, опирался Иван Грозный в своей борьбе с боярством. Это не была борьба только двух противоположных сил, самодержавия и феодалов, как часто изображается в наших исторических трудах. Мероприятия Ивана Грозного были поддержаны крупнейшими феодалами страны — церковными феодалами, что и обеспечило самодержавию его быструю победу над боярством. Именно ко времени опричнины относится рост монастырских вотчин и быстрое увеличение самого количества монастырей. Самодержавие одержало победу над светскими феодалами при помощи церковных — вот тот вывод, который можно сделать, изучая историю опричнины.

Во внутренней своей жизни монастырские и архиерейские вотчины представляли собой особые миры со своими порядками и уставами. Сохранилось несколько уставных грамот, данных монастырскими властями крестьянам отдельных волостей. В них устанавливается распорядок в делах, касающихся хозяйства и взаимоотношений крестьян с монастырем. Особо рачительные игумены включали подобные распоряжения и в монастырские уставы, как это сделал, например, Иосиф Волоцкий³⁸ — великий стяжатель земельных имуществ и строгий управляющий монастырским имением.

Как говорилось выше, монастыри определяли пошлыны, которые крестьяне давали в монастырь, особыми уставными грамотами. В них скрупулезно устанавливались размеры пошлын, шедших на монастырь и на монастырских приказчиков. Уставная грамота Кирилло-Белозерского монастыря 1593 г. обязывала крестьян уплачивать «праздничное» три раза в год: на Пасху, на Петров день (29 июня) и на Рождество Христово (25 декабря). Так три наиболее торжественных праздника с типичным монашеским лицемерием сопровождалась для крестьян не только торжественными церковными службами, но и необходимостью платить деньги из тощего крестьянского кармана. Не довольствуясь деньгами, монастырские власти для себя к празднику собирали по 10 яиц

³⁸ В уставе Иосифа Волоцкого имеются такие распоряжения о крестьянах: «Да как съидутся крестьяне и старцы, приказано управливати их, и они идут на дворец, и их разслушают, и которые дела обычные, и старцы, управа, да прочь отпустят; аще ли дела необычные, и старцы скажут игумену или келарю, и игумен, обговоря с келарем и с соборною братиею да тех старцев пошлют на дворец, и они скажут христианом о их делех да прочь отпущают з двор, а на монастырь им не велят ходить. О судех и о пошлынах. Суднам же монастырским и приставам имать свои пошлыны на крестьянех, которых судили, в полы того, как написано в великого князя судбныне».

с выти. Впрочем, так как куры в декабре плохо несутся, Рождество Христово было заменено более удобной датой — Успеньем (15 августа). К праздничным же дням полагалось платить еще по сыру. В таком же духе устанавливались и различного рода другие пошлины.

Самое интересное, однако, заключается не в том, какие пошлины собирались, а в том, что монастырь действовал в своих владениях как настоящий феодальный государь, устанавливая пошлины по судебным делам, по случаю продажи и покупки скота. Многие из постановлений уставных монастырских грамот явно перебиваются с теми статьями, которые записаны в царском Судебнике; в них встречаются те же выражения («езд», «хоженое», «явка» и т. д.). При этом даже не ставится вопрос о согласовании уставной грамоты с царскими законами, и по совершенно понятной причине: в своих вотчинах монастырь пользовался всеми правами государя на основании жалованных грамот. В таком качестве он и рассылал грамоты по своим селам: «таковы грамоты христианом даваны по всем селам»³⁹.

Монастырские вотчины ведались посельскими старцами, жившими по селам в «монастырских дворах». Но посельские старцы наблюдали в сущности за собственно монастырскими хозяйственными делами: монастырской пашней, монастырским скотом и пр. Наблюдение за крестьянами и сборание в них пошлин находилось в руках монастырских «слуг».

Книга ключей Иосифова монастыря, как и документы других больших и малых монастырей, сохранила сведения о порядках в монастырских вотчинах. Сборание пошлин на монастырь по селам и деревням передавалось в ведение монастырских слуг, получавших во временное держание то или другое село с деревнями. Такие держания в России XVI в. назывались «ключами», что напоминает о ключниках «Русской Правды», делавшихся холопами «по ключу». В Иосифове монастыре «ключи» раздавались ежегодно в виде жалованья слугам, причем размеры тех доходов, которые слуга получал с крестьян, варьировались в зависимости от его положения. Один получал во временное кормление пошлыны с судов и доводов, с явки скотины при продаже и покупке, другой — только «указ», иногда лимитированный рублем или полтиной, иногда с пометою «указ ему весь», третий наделялся не только этими пошлинами, но и другими: он получал в держание «попрос», «роздвинское» и пр.⁴⁰

Слуги занимали наиболее высокое место среди служилых людей, чем остальные зависимые люди в монастырских и боярских

³⁹ Акты Археографической экспедиции (далее — ААЭ), т. I, № 357, стр. 435—436.

⁴⁰ Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века. М.—Л., 1948, стр. 16 и сл.

вотчинах. Нередко такой слуга возглавлял отряд вооруженных людей.

В приходо-расходных книгах Иосифова Волоколамского монастыря нередко упоминается, например, о слуге Богдане Иванове. В 1580 г. он ходил «со государем в поход с посохою». В помощь ему был снаряжен конюх, «идти ему с Богданом с Ивановым до Пскова»⁴¹.

При больших монастырях состоял постоянный штат ремесленников: седельники, плотники, бочарники и т. д., не говоря уже об обслуживающем персонале (конюхи, сторожа, повара). Большой монастырь представлял собой в сущности город, населенный монахами, послушниками и зависимыми людьми, низший разряд которых именовался «детенышами»; это были по преимуществу чернорабочие.

В своей повседневной жизни монастырь XVI в. не был тихой обителью, где только звон колокола, собиравший на очередную службу, нарушал тишину и спокойствие. Иван Грозный, опричники которого в «тафьях и власяницах» так возмущали Карамзина и многих последующих историков, в сущности не внес ничего нового в обычный монастырский обиход; он только его незаконно копировал, не имея монашеского сана, как и его опричники.

Никто иной, как самый строгий блюститель монастырских порядков Иосиф Волоцкий, изобразил картину шумной монастырской трапезы, для которой ежедневно надо было припасать большое количество «кормов». В послании к некоей «пороптавшей» княгине Иосиф так пишет о монастырских расходах: «А расходится на всякой год по полутора ста рублей деньгами, а иногда более хлеба по три тысячи четвертей на год розходится, занеж на всяк день в трапезы едят иногда шестьсот, а иногда семьсот душ»⁴².

При таком количестве ежедневно обедающих людей, от 600 до 700, которому позавидовал бы любой крупный ресторан нашего времени, трудно было сохранить благочиние.

В целом церковные феодалы, в первую очередь крупные монастыри, обладали в России XVI в. большей военной силой, чем феодалы светские, князья и бояре. Монастырь, как правило, окружал себя крепкими стенами с башнями, делался настоящей крепостью с большим гарнизоном. Он посылал на службу своих людей под начальством монастырских слуг. В случае нужды монастыри открывали свои сундуки с казною и посылали значительные суммы денег в царскую казну. В приходо-расходной книге Иосифова Волоколамского монастыря 1606 г. имеется запись о том, что монастырь послал в Москву несколько тысяч рублей по требованию

⁴¹ Приходо-расходная книга Иосифова-Волоцкого монастыря 1579—1580 гг., запись 8 июня (л. 108).

⁴² Послания Иосифа Волоцкого, стр. 182.

Самозванца. Именно монастыри, оказавшись союзниками царя Ивана Грозного, помогли ему справиться с феодальной оппозицией. Без этой помощи грозный царь не сумел бы так властно и бесцеремонно обращаться с непокорными князьями и боярами. Игнорируя это значение монастырей в борьбе Ивана Грозного с боярством, мы не поймем и его победы. Путем одной феодальной силы Грозный справился с другой: опираясь на церковных феодалов, он разгромил светских.

КРЕСТЬЯНСКИЕ И ГОРОДСКИЕ ОБЩИНЫ

Из сказанного выше видно крайнее своеобразие и пестрота территориального деления России XVI в., порожденного ее феодальной структурой. Россия подразделялась на множество небольших миров. Как раз на отсутствие в Московском царстве XVI в. какой-либо единой национальной связи и указывает В. И. Ленин. Конечно, сознание общности русского народа, его языка и культуры существовало не только в XVI в., но и гораздо раньше: в Киевской Руси XI—XIII вв. и в эпоху феодальной раздробленности Русской земли в XIV—XV вв. Но это не были национальные связи в собственном смысле этого слова, как подчеркивает В. И. Ленин в своем высказывании о Московском царстве XVI в. Представление о единстве Русской земли не мешало великим и удельным князьям вступать в борьбу друг с другом, отстаивать местные интересы, блокироваться с литовскими великими князьями и даже с Золотой Ордой.

Громадные пространства России и плохое состояние путей сообщения, когда распутица на несколько недель прерывала возможность хоть какого-либо движения по дорогам, усиливали обособленность отдельных областей России.

Нельзя забывать и о том, что в течение почти всего XVI в. существовало право перехода крестьянина от одного владельца к другому, пресловутый Юрьев день — последняя опора крестьянских переходов.

Крестьянская община в XVI столетии еще сохраняла многие черты древней верви времен Киевской Руси. Писцовые книги подчеркивают различие между крестьянским и боярским хозяйствами. На вотчинных и помещичьих землях сидят деловые люди, господские холопы, тогда как крестьянское землепользование производилось по разверстке самими крестьянами. О различного рода столкновениях между крестьянами различных деревень сообщается в ряде судебных дел, больше всего в правых грамотах. Грабеж и «наезд» на чужие земли совершались не только светскими и церковными феодалами, они практиковались и в земельных спорах крестьян между собою.

В известном труде Н. П. Павлова-Сильванского «Феодализм в удельной Руси» первая книга носит название «Община». Это из-

бавляет нас от необходимости подробно рассматривать деятельность крестьянской общины, о которой собственно и идет речь в книге Павлова-Сильванского, кстати сказать, традиционно игнорирующего русский средневековый город. Значение волостного мира в России XVI в. было очень большим. На вопрос, кто же управлял деревней, Павлов-Сильванский справедливо отвечает следующими словами: «Мирской сход и староста волости. Волостная община самостоятельно ведала сбор податей, низший суд и полицию». Он отмечает, что кое-где в России мирское самоуправление сохраняло вполне свое древнее значение главной опоры государственного порядка.

Действительно, многие документы рисуют перед нами крестьянское самоуправление в черных государевых и дворцовых волостях. Царские праведчики и доводчики сносятся непосредственно со старостой и сотскими. Крестьяне иногда ведут самостоятельные тяжбы о земле, упорно, но чаще всего безуспешно отстаивают свои земли от захватов соседних вотчинников. Они производят и передел земель, как это видно из писцовой книги владений Симеона Бекбулатовича в Тверской земле, по которой «землями и лугами, и лесом, и всякими угодья верстатися крестьяном меж себя самим полосами или десятинами на всякую выть поровну, а не через землю»⁴³.

Крестьянский «мир» еще сохранял свою обособленность от феодала-землевладельца и сносился с ним с помощью своего выборного аппарата, старост и сотских, как это показывают монастырские уставные грамоты. К тому же не только на севере, но и в центральных областях России оставались еще многие земли, населенные черными крестьянами. Конечно, количество черных земель непрерывно уменьшалось, но в XVI столетии крестьянское землевладение все-таки играло еще большую роль.

В некоторых случаях крестьяне черных волостей (это в первую очередь относится к северным областям) собирали дань на царя с помощью своих целовальников, получали жалованные грамоты. Сохранилась разрубная книга Сысольского села (позже города Усть-Сысольска) 1587 г. Для собирания дани «засели дани рубити сысольские целовальники», составившие особую ведомость. Платежи указаны в деньгах и в «белках», являвшихся в это время еще платежной единицей на севере. Разрубные книги посланы были в Москву с государским оброком и с данью. С ними отослали 202 рубля. При этом оговаривалось, что деньги будут сдаваться в Посольский приказ Андрею Щелканову: «А своих нам дел не делати на Москве никаких и на земских сысольские земли крестьян грамот не навозити никаких, ни судимых, ни зазывных, ни правяжных»⁴⁴.

⁴³ Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси. Соч., т. III. СПб., 1910, стр. 77 и сл.

⁴⁴ «Вологодские губернские ведомости», 1853, № 47.

Сысольские крестьяне пользовались особой жалованной грамотой 1608 г., по которой давалось право крестьянам Вычегодской и Вымской земель платить оброк «за соболи, и за белку, и городовое и за сечное и за ямчужное дело, и за рыбную ловлю, и за бобровые гоны и всякие угодыя платить с двора по полушке»⁴⁵.

С еще большим разделением русского общества мы встречаемся в городах России XVI в. Основное население русского города должны были составлять посадские люди, которые несли «тягло», повинности и платежи в пользу государства. Но в городах находились дворы, даже целые слободы, принадлежавшие духовенству, боярам, дворянам и детям боярским. Эти слободы и дворы считались «обеленными», освобожденными от посадского тягла. Таким образом, в пределах одного города создавались два мира: с одной стороны, посадская община, в которую входили посадские люди, обязанные нести государевы повинности и пошрины, с другой — беломестцы, владевшие своими землями на посаде, но без выполнения посадского тягла. Борьба посадских людей с беломестцами была ожесточенной и очень часто безуспешной, так как в дело вмешивались царские власти, норовившие помочь феодалам за счет горожан. Количество беломестцев в городах особенно увеличилось во время Ливонской войны.

Таким образом, и в городе перед нами выступают те же бесчисленные перегородки, которые характеризуют феодальную структуру России в XVI в. и перед которыми иногда отступали и сами самодержавные московские цари, как это случилось во время «посадского строения» Бориса Годунова.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ О ФЕОДАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ДЕЛЕНИИ РОССИИ XVI В.

Если бы мы были в состоянии отметить на карте России XVI столетия границы уделов, а также боярских и церковных вотчин, то перед нами предстала бы картина множества мелких территорий, принадлежавших отдельным феодалам и малосвязанных единой центральной властью.

Россия XVI в. включала в свой состав многие земли с разной социальной структурой. Без понимания этого факта представление о Российском государстве будет неправильным, непонятны будут и причины, вызвавшие ожесточенную и длительную борьбу с пережитками феодальной раздробленности. Россия XVI в. по

⁴⁵ «Вологодские губернские ведомости», 1853, № 47. Это, видимо, была устаревшая подать, восходящая, может быть, к XIV в., когда в Усть-Выми находилась еще резиденция пермских епископов. Ведь по той же грамоте с бобыльских дворов полагалось брать по алтыну, т. е. в несколько раз больше, чем с крестьянского двора, так как бобыли были пришлыми людьми.

своей социальной структуре представляла собой государство, в котором наряду с удельными княжествами существовали крупные владения княжат, бояр и монастырей. Тут же, можно сказать рядом с обширным доменом князя или боярина, жили в своих небольших вотчинах и поместьях дворяне и дети боярские. Отсюда и вытекало разное положение соседящих друг с другом землевладельцев и подчиненных им крестьян. Феодал, пользовавшийся иммунитетными правами, был государем в своем владении, соседний вотчинник, не имевший подобных льгот, естественно, находился в большей зависимости от «волостелей», правивших в станах и волостях, от воевод и наместников.

Вдобавок ко всему Россия не имела еще в XVI в. многих центральных учреждений. Приказное управление только складывалось и охватывало далеко не все области внутренней жизни страны. Централизация существовала только в виде власти великого князя как государя; присоединенные же земли сохраняли старые обычаи, жили своей обособленной жизнью. Прошло не меньше столетия, прежде чем русские земли ликвидировали остатки феодальной раздробленности. Это случилось уже после крестьянской войны и интервенции начала XVII в. Именно это время и обозначено в известных словах В. И. Ленина о новом периоде русской истории, который начинается примерно с XVII в. В более раннее время, в Московском царстве XVI в., централизация страны только утверждалась и развивалась.

Глава IV

МОСКВА -- СТОЛИЦА ГОСУДАРСТВА

НАСЕЛЕНИЕ И ТЕРРИТОРИЯ МОСКВЫ

Цифру населения Москвы в XVI в. установить с какой-либо достоверностью очень трудно, так как писцовых и переписных книг по Москве не сохранилось. Герберштейн говорит, что в Москве было 41 500 домов, но и сам считает такое количество домов преувеличенным. Объясняя эту цифру, П. П. Смирнов справедливо замечает, что, по-видимому, речь идет не о домах, а о людях, взрослом мужском населении. Известно, что писцовые книги очень часто имеют в виду не только количество дворов, но и количество взрослых людей. Судя по территории, занятой Москвой, можно предполагать, что в среднем в ней жило около 100 тыс. человек. Примерно эту цифру указывает и один путешественник конца XVI в. По его словам, в Москве жило «не меньше 80 000 человек»¹.

Ремесленники и торговцы составляли преобладающую часть населения Москвы, и во время больших восстаний, например, в 1547 г., они иногда являлись опасной силой, выступавшей против самодержавия. Московские черные люди, «чернь», как их иногда называли, порой решали судьбу правительства. Когда послы Дмитрия Самозванца прочитали его грамоты в Красном селе, одной из московских слобод, «чернь вся» вместе с дворянами арестовала царицу Марью и царевича Федора Борисовича и принесла присягу Самозванцу². «Шубники и пирожники» посадили Ва-

¹ История Москвы, т. 1. Период феодализма XII—XVII в. М., 1952, стр. 179.

² Пискаревский летописец. Материалы по истории СССР, вып. II. М., 1955, стр. 113.

сила Шуйского на престол. Позже Красносельская слобода принимала участие в восстании Болотникова, выступая против Шуйского.

Москва была не только большим городом с развитой торговлей и ремеслом. Она была центром страны, резиденцией царя и средоточием управления государством. В ней жили многочисленные служилые люди, бояре, черное и приходское духовенство, большое количество боярских холопов. Во время восстаний холопы часто примыкали к посадским и ремесленным людям, в обычное же время составляли дерзкую боярскую челядь. Москва была столицей, государевым городом по преимуществу, «царствующим градом». Общественная верхушка выделялась среди остального населения своими нарядами, пышными выездами, но в обычное время она тонула среди массы посадского населения, мелких ратных людей и холопов. Это был город больших контрастов. Рядом с лачужками или просто бедными домами возвышались боярские усадьбы с их высокими светлицами и переходами. Представление о них дает модель Коломенского дворца XVII в., здания необыкновенного по красоте очертаний, которое можно было бы воспроизвести и в камне, если бы наши архитекторы не увлекались только иноземными образцами. Впрочем, такого же вида постройка и до сих пор красуется на Красной площади. Это собор Василия Блаженного с его галереями и башнями.

Иностранцы нередко описывают Москву XVI—XVII вв. как город с непролазной грязью, но такими были и многие средневековые города Европы того времени. Да и нельзя забывать о русской осени и весне, о русской распутице, с которой с трудом борются и наши современные города. Франция, Италия, Испания, большая часть Германии не имеют даже представления о русских трудностях, зависевших не от народа, а от той суровой природы, среди которой он жил и которую мужественно одолевал.

Впрочем, не все иностранные авторы изображают Москву в темных красках. Английский путешественник XVI в. так говорит о русской столице: «Москва — большой город: дома в нем большей частью деревянные и лишь немногие выстроены из камня с железными окнами, служащими для летнего времени. В Москве много прекрасных каменных церквей, но еще больше деревянных, отапливаемых зимой... Главные рынки, где торгуют всем, находятся внутри указанного замка [т. е. Китай-города], а для отдельных предметов есть особые рынки: для каждого ремесла отдельно. А зимой бывает большой торг за стенами замка на замерзшей реке: там продают хлеб, глиняные горшки, кадки, сани, и т. п.»³.

³ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Перевод Ю. В. Готье, стр. 78. Путешествие Дженкинсона в 1557—1558 гг. [6. т. и м. изд.]

Характерно указание английского путешественника на немные здания, служившие для летнего времени. Обычай жить в деревянных помещениях как более здоровых и удобных для жилья по сравнению с каменными домами, сохранялся в России долгое время, едва ли не до XX в. Даже XVIII столетии богатые вельможи предпочитали строить обширные деревянные дворцы, наподобие того, который и теперь стоит в Кускове. Сады, «садишки» и огороды были постоянной принадлежностью городской усадьбы старого времени вместе с хозяйственными постройками, разного рода погребями и сараями. Недаром Москву еще в начале нашего века петербуржцы с пренебрежением называли «большой деревней». Но эта деревня уже в XVI столетии была украшена красивыми каменными церквями, башнями, стенами, была для русских «царствующим градом», средоточием политической и духовной жизни России, самым дорогим и любимым городом.

Известия о Москве XVI в. многочисленны, но пестры и разрозненны, так как писцовые книги по Москве этого времени не сохранились и относятся к более позднему времени. Имеются известия иностранцев, но они субъективны, неточны и зависели от взглядов на Россию и ее правительство того или иного приезжего посла или путешественника. Например, Павел Иовий Новокомский, писавший со слов русского посла Дмитрия Герасимова, описывает Москву, как город, тянущийся длинной полосой по берегу реки на пространстве пяти миль.

Герберштейн, приезжавший в Москву в качестве посла германского императора, говорит о нашей столице, опираясь уже на личное с ней знакомство, поэтому его описание Москвы заслуживает доверия. Герберштейн пишет о Москве: «Самый город деревянный и довольно обширен, а издали он кажется еще обширнее, чем есть на самом деле, ибо большую прибавку к городу делают обширные сады и дворы при каждом доме; еще более увеличивается он от растянувшихся длинным рядом в конце его домов кузнецов и других ремесленников, действующих огнем»⁴. Сведения Герберштейна относятся к первой половине XVI в., во второй половине этого столетия Москва уже сильно расширилась, сделавшись крупнейшим городским центром не только тогдашней России, но и всей Восточной Европы. В течение всего XVI столетия происходил почти непрерывный рост территории Москвы, сопровождавшийся постоянным расширением ее укреплений.

Представление о топографии нашей столицы в конце XVI в. дает роспись воевод по Москве, сделанная по случаю царского похода против татар. Воеводы оберегали следующие городские районы: 1) старый каменный город, или Кремль; 2) Китай-город; 3) Большой посад в новом каменном, или цареве, городе, «от Неглинной по Яuzu и по Москву-реку», а также Занеглименье,

⁴ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 99.

окруженное тем же новым каменным городом; 4) деревянный город, окружавший новый каменный город и разделенный на три части: от Москвы-реки до Тверской улицы, от этой улицы до Яузы, от нее до Москвы-реки; 5) Замоскворечье. Таким образом, к концу столетия Москва состояла из пяти районов. Общий план города напоминал окружность. Так и рассказывает о Москве Флетчер, посетивший ее в самом конце XVI в.: «Вид этого города имеет очертание кругловатое, с тремя большими стенами, окружающими одна другую, между коими проведены улицы»⁵.

МОСКОВСКИЙ ПОСАД

Городское население Москвы, посадские люди, пользовались некоторыми особыми правами, восходившими к далеким векам, когда «мужи москвичи», как их называет один летописец, также, как и «мужи новгородцы», еще не были посадскими людьми, отягощенными государевым «тяглом». Это подчеркивалось существованием московских тысяцких. Сын последнего тысяцкого Иван Васильевич Вельяминов был в конце XIV столетия всенародно казнен на Кучково поле, по словам летописца, оплаканный многими москвичами.

На месте тысяцких появились большие наместники, облеченные крупными полномочиями, но уже не имевшие той силы, какой обладали тысяцкие. Большие наместники ведали порядком и судами в городе. Рядом с ними существовали «третние наместники», сидевшие на прежней «трети» города, когда-то принадлежавшей московскому удельному князю Андрею Ивановичу, сыну Калиты. Последний владелец трети Василий Ярославич Боровский умер в заточении, а его «треть» перешла к великому князю. Третние наместники существовали в Москве до конца XVI в. В одном московском синодике отмечен род «постелничева и наместника трети Московские Харитона Осиповича Безобразова»⁶. Впрочем, никаких указаний на то, что «третью» называлась в Москве какая-либо часть города, у нас нет. Третней наместник, вероятно всего, ведал не частью города, а частью пошлин, раньше собираемых в Москве на удельного князя.

Самоуправление московских посадских людей в XVI в. сосредоточивалось на Земском дворе, который в этом столетии помещался на месте современного Исторического музея. В начале XVII в. появился «новый» Земский двор, стоявший на месте здания манежа⁷. Время создания Земского двора неизвестно. Возможно, он возник во время опричнины на основе более раннего подобного же учреждения. На это отчасти указывает само его название «земский», в отличие от опричного.

⁵ Д. Флетчер. Указ. соч., стр. 17.

⁶ ГИМ, Успенское собр., № 64, Синодик конца XVI в., л. 95.

⁷ История Москвы, т. 1, стр. 242.

Позднейшие документы XVII в. показывают, что Земский двор сделался одним из приказов. Он ведал делами столицы и столичного населения.

О значении Земского двора во времена опричнины рассказывает Штаден. Он называет его «судной избой» (Richthause) или «Hofe Semskouoga». В этом испорченном названии угадываются два слова: Земско(й) и двор (уога). Немецкое «Hofe» только повторяет слово «двор» в переводе.

Земский двор рассылал недельщиков для вызова в суд; на Земском дворе разбирались дела о тайной продаже вина, пива и меда, сюда приводили пьяных и подозрительных людей, схваченных ночью на улицах, и т. д. Но это только та сторона деятельности Земского двора, которая особенно бросалась в глаза Штадену, изображающему московские порядки в явно каррикатурном виде.

Главным судьей на Земском дворе во время опричнины был Григорий Грязной, брат одного из любимых царских опричников, но Штаден упоминает и других судей: Ивана Долгорукова и Ивана Мятлева⁸.

Земский двор ведал не только посадскими тяглыми людьми, но и привилегированными корпорациями торговых людей: «гостями» и «суконниками». В 1593 г. после большого пожара в Москве гости, суконники и черные люди получили от правительства на дворовое строение заем в 5 тыс. рублей — сумму по тому времени очень крупную⁹.

Городское население Москвы выступает как корпорация во время принятия важных правительственных решений. Начало опричнины в 1565 г. ознаменовалось тем, что Иван Грозный прислал в Москву свою грамоту, обращенную к гостям, купцам и ко всему православному христианству города Москвы, с заверением, что «гневу на них и опалы некоторые нет». Эту грамоту читали «перед всеми людьми». В дальнейших событиях принимали участие «гости, купцы и многие черные люди»¹⁰.

Московские гости и купцы составляли видную группу представителей на земском соборе 1566 г. Кроме них упомянуты просто «москвичи торговые люди». И позже московское городское население представлялось на земских соборах, порою и от имени посадских людей других городов. Вместе с боярами, приказными людьми и детьми боярскими «гости, лутчие и середние торговые люди» били челом Борису Годунову о принятии им царской власти¹¹. Они же выбирали на царство Василия Шуйского,

⁸ Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Перевод и вступительная статья И. И. Полосина. Изд. М. и С. Сабашниковых, 1925, стр. 80.

⁹ История Москвы, т. 1, стр. 240—241.

¹⁰ РИБ, т. II, стб. 249.

¹¹ Пискаревский летописец. Материалы по истории СССР, вып. II, стр. 104—105.

участвуя в земском соборе 1606 г., не отмеченном нашими историками. По Пискаревскому летописцу, «приговорили все бояре, и дворяне, и дети боярские, и гости, и торговые люди, что выбрать двух бояринов и на Лобном месте их поставить и спросити всего православного христианства и всего народу: ково выберут народом, тому быти на государстве»¹². Земский собор 1606 г., постановивший выбрать двух кандидатов, таким образом, включал и представителей от города. Хотя собор и отличался поспешностью и необычностью своих решений, он действовал, как и другие соборы: «приговорил», т. е. вынес свое решение, «приговор».

Составлявшие верхушку московского городского населения гости, суконники и смольняны были освобождены от посадского тягла и пользовались старинными привилегиями, потому что они исполняли всякие «государевы службы». Этот порядок возник очень рано, по крайней мере с XV столетия. Из челобитной тяглицев Суконной сотни видно, что у них была грамота прежних царей и великих князей «такова жа, какова дана гостем и Гостиные сотни торговым людем, и та у них в Московское разоренье сгорела», видимо, во время пожара 1610 г. Указание на великих князей ведет нас по крайней мере к времени Ивана III и Василия III.

Льготы тяглицев Суконной сотни или «суконников» были такими же, как и у гостей. Суконники подлежали непосредственно суду казначая, а не бояр и окольных. При принесении присяги они сами крест не целовали, целовать крест должны были их люди. Впрочем, это правило в XVII в. распространялось только на «лучших» людей, тогда как «средние» и «молотшие» приносили судебную присягу сами. Тяглицы Суконной и Гостиной сотен были освобождены от постоев и некоторых поборов, имели право держать «питье» для себя и могли с черными людьми никаких дел не делать¹³.

Гости и суконники принимали участие в торжественных царских встречах. Провозглашение Бориса Годунова царем было обставлено пышно и помпезно. При въезде в Москву он был встречен за Земляным городом гостями и другими московскими жителями. Встречали его с хлебом и солью, а в подарок подносили соболиные меха и позолоченные кубки¹⁴. «Всенародное христианское множество» Москвы также принимало участие в таких встречах.

Посадские люди, жившие в черных слободах, составляли только часть городского населения. Наряду с черными сотнями в Москве существовали многочисленные слободы, где жили ремесленники и торговые люди на землях, принадлежавших боярам,

¹² Пискаревский летописец. Материалы по истории СССР, вып. II, стр. 124.

¹³ И. Забелин. Материалы для истории, археологии и статистики Москвы, ч. 1—2. М., 1891, ч. 2, стр. 1105—1106.

¹⁴ С. Г. Г. и Д., ч. 2, № 70, стр. 148.

монастырям и пр. В дворцовых слободах селились люди, связанные с обслуживанием царского двора, с его разнообразными хозяйственными заведениями.

Интересные сведения о населении Москвы сообщает С. К. Богоявленский. К сожалению, эти сведения большей частью относятся уже к XVII столетию, когда многое изменилось после разорения Москвы и междоусобице. В конце XVI в. в городе насчитывалось восемь черных сотен: Дмитровская, Мясницкая, Новгородская, Ордынская, Покровская, Ржевская, Ростовская и Сретенская¹⁵.

Названия черных сотен отчасти указывают на их происхождение. Так, Мясницкая сотня могла получить свое название от объединения мясников. Такая корпорация мясников существовала, например, в Пскове. В западноевропейских городах мясники также объединялись в цехи, выдававшие по своему значению среди цеховых организаций.

Названия других черных сотен по преимуществу связаны с некоторыми русскими городами, что, возможно, указывает на их первоначальное и древнее происхождение. Названия четырех сотен соответствуют как раз тем городам, с которыми Москва вела торговлю в XIV—XV вв.: Дмитров, Новгород, Ржев, Ростов. Название Ордынской сотни намечает еще одно торговое направление, связанное с Золотой Ордой. При этом названия черных сотен в XVI в. не связаны с городами, получившими торговое значение в более позднее время, как, например, Казань, Вологда, Архангельск и др. Таким образом, можно предположить, что древнейшие черные сотни объединяли людей, связанных торговлей с определенными городами.

В пользу предположения, что сотни XVI в. по своему происхождению восходят к гораздо более ранним временам, чем XVI век, говорит их топография. По наблюдению С. В. Бахрушина, «черные сотни, судя по их названиям и по данным XVII в., могут быть прослежены в виде сплошного поселения от Чертольи до Покровки». Значит, древнейшие сотни располагались на древнейшей территории Москвы, в пределах Белого города. Только Ордынская сотня находилась в Замоскворечье, на старой дороге в Золотую Орду, проходившей по трассе современной улицы Ордынки.

Наоборот, слободы находились на окраинах тогдашней Москвы, окружая территорию старинных сотен. Уже одно это обстоятельство указывает на их более позднее происхождение.

Наиболее старые слободы находились в Заяузье, где Котельническая слобода еще в XV в. принадлежала князьям Патрикеевым.

---

¹⁵ История Москвы, т. 4, стр. 179. Известны были также три полусотни (Кожевницкая, Прибылая и Устюжская) и три «три четверти сотни» (Арбатская, Митрополья и Чертольская).

Некоторые слободы были связаны с ямской службой; таковы ямские слободы у Тверских ворот, там, где позже находились Тверские-Ямские улицы, уже за пределами Белого города. Многие слободы носили старинные названия, показывавшие ремесленную специализацию их жителей: Гончарная, Кожевники, Бронная и пр.¹⁶

С. В. Бахрушин справедливо отмечает, что прозвища посадских людей, принимавших участие в земском соборе 1598 г., соответствуют их ремесленной специализации: красильник, ножевник, пицальник, серебреник, масленик¹⁷.

КРЕМЛЬ

В центре Москвы находился каменный Кремль, отделенный от остального города рвом со стороны Красной площади и прудами, образованными запруженной рекой Неглинной. Теперь на месте этих прудов находится старинный парк у кремлевских стен. В 1508 г. ров, шедший вокруг Кремля, был выложен камнем и кирпичом, а пруды исправлены¹⁸. С наиболее опасной стороны, выходившей на Красную площадь, Кремль был укреплен тремя стенами, из которых теперь осталась только одна.

Кремль был средоточием политической жизни России. Вся западная часть его была занята обширными зданиями царского дворца, оконченного постройкой при Василии III, но достраиваемого при его преемниках. Важнейшей частью дворца были каменные терема и Грановитая палата, первоначально носившая название «Большой палаты, что на площади»¹⁹. К царскому дворцу примыкали дворы удельных князей, долго еще именовавшиеся по своим старым владельцам. Подробных описаний этих дворов мы не имеем, но можно предполагать, что они представляли собой небольшие дворцы, соответственно оформленные в архитектурном отношении.

В непосредственной близости к царскому дворцу располагались соборы, воздвигнутые еще в конце XV в., за исключением Архангельского собора, построенного в 1504 г. Строительство церковных зданий в Кремле продолжалось и позже, но в основном оно выразилось в создании большой колокольни на площади, известной под названием Ивана Великого, и некоторых церквей. Основное свое оформление дворец и соборы получили в первой половине XVI в. при Василии III, который был одним из крупнейших строителей дворцовых и церковных зданий Москвы.

¹⁶ М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957, гл. III.

¹⁷ История Москвы, т. 4, стр. 179—182.

¹⁸ ПСРЛ, т. XX, стр. 380. В летописи сказано, что великий князь велел «пруды чинити вокруг града». Речь, по-видимому, идет о почине плотин.

¹⁹ ПСРЛ, т. XXVI, стр. 286.

В непосредственном соседстве с дворцом и собором находился митрополичий дом. И дворец, и соборы, и митрополичий дом, и дворы удельных князей группировались в районе площади «у колокольницы». Поблизости от нее находились здания приказов и различного рода каменные палаты служебного назначения. Остальная часть Кремля была густо застроена дворами по преимуществу бояр, духовенства, служилых и приказных людей. Особенно густо они заселяли «подол» Кремля, находившийся под горою, у берегов Москвы-реки.

Возле дворов московской знати располагались небольшие слободки их людей. Двор Василия Ивановича Ларионова, например, помещался у Фрола Великого «у великого князя конюшни». На дворе стояли хоромы, при них житницы «и иной всякой дворовый запас». В числе холопов Ларионова названы плотник, два сапожника, сокольник²⁰.

Крупные каменные строения стояли в Чудове и Вознесенском монастырях. Чудов монастырь был митрополичьим и пользовался особенным вниманием со стороны царей и князей. Вознесенский «девичий» (женский) монастырь служил местом погребения великих и удельных княгинь, а позже царяц. В нем обычно постригались московские аристократки. Оба монастыря имели каменные соборы.

КИТАЙ-ГОРОД

За пределами Кремля в первой трети XVI столетия находился посад, особенно многолюдный к юго-востоку от Кремля на высоком холме и в низине под ним, «на подоле».

Здесь непосредственно у кремлевских стен помещалась Красная площадь — место торжественных церковных и гражданских церемоний, где стояло Лобное место, а во второй половине XVI столетия и Покровский собор, получивший название Василия Блаженного, потому что в нем был похоронен московский юродивый Василий, провозглашенный святым при юродивом же царе Федоре Ивановиче.

Крупнейшим событием в истории посада в Москве было построение вокруг него каменных стен в 1535 г.²¹

²⁰ Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, вып. 1—2. СПб., 1895, стр. 8. Духовная Василия Иванова Ларионова 1533—1538 гг.

²¹ Забота о постройке и содержании в порядке стен крепостных сооружений лежала не только на горожанах, но и на окрестных крестьянах. (См. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XV веков, ч. 1—3. М., 1951, 1956, 1961, ч. 1, № 25, стр. 47, далее — АФЗ). Василий III в виде особой милости освободил крестьян митрополичьего села Голенищева от обязанности делать город: митрополичьи «христиане города моего не делают, ни камени, ни извести к городу, ни в ров».

Об этом событии обычно рассказывается на основании так называемой Ростовской летописи, которая цитируется Карамзиным следующим образом: «Поставиша град около посада, сплетаху тонкий лес около большого древия и внутри насыпаху землю и крепко утверждаху, и приведоша к каменной стене и на версе устройша град по обычаю и нарекоша Китай»²². Это известие справедливо вызывало недоумение исследователей, так как земляное основание китайгородской стены должно было быть очень непрочным²³.

И. Е. Забелин полагал, что название свое «Китай-город» получил от слова «кит», означавшего сплетенную из травы веревку. Но существует и слово «китай», которое ближе объясняет название построенного в Москве деревянного города. По Далю, слово «китай» обозначает в русских говорах плетеную корзинку, наполненную землей. Это как раз сходится с известием Ростовской летописи, по которой около больших деревьев (бревен) сплетали тонкий лес и внутрь насыпали землю.

О характере и размерах деревянного города «китая» имеется следующее любопытное сообщение литовских лазутчиков. Рассказав о приготовлениях в Москве к отражению литовского нападения, один из них добавляет, что в Москве около торговых рядов срублен деревянный замок, начиная от каменной стены Кремля возле речки Неглинной, а от нее вилот до Москвы-реки, вдоль же Москвы-реки до каменной кремлевской стены. Около деревянной новосрубленной стены был выкопан ров глубиною в рост трех человек, а шириною шести сажен. Здесь ясно показано направление деревянной стены, которая начиналась от кремлевской крайней башни у реки Неглинной, шла вначале вдоль Неглинной, а далее поворачивала к Москве-реке. От наугольной башни у реки стена тянулась вдоль реки, примыкая затем к Кремлю. Главной защитой для такого не очень прочного укрепления был ров глубиною в три человеческих роста, примерно в 2—2½ сажени, и шириною до 6 саженей²⁴.

В Вологодско-Пермской летописи находим еще более точное указание на направление деревянной стены, в основном целиком соответствующее показанию литовских лазутчиков. В 1534 г., по рассказу летописи, «князь великий Иван Васильевич велел на Москве город Китай делати, торги все ввести в город». По словам летописи, от Никольских ворот в Кремле вели стену вверх по

²² Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. VIII, стр. 324, прим. 64.

²³ Н. И. Фальковский. Москва в истории техники. М., 1950, стр. 26.

²⁴ Акты, относящиеся к истории Западной России, т. 2. СПб., 1848, стр. 331—332. «На Москве около всех торгов обрублен деревянный замок, почавши от муру, от стены замковое подле Неглинны речки, аж до Москвы реки, и подле Москвы реки аж за ся до стены замков мурованое, и около той деревянной новорубленной стены выкопан перекоп, с трех стоячих человек в глубки, а в ширки шести сажон».

Неглинной «к Троице, где ся поля били», да по двор Ивана Ивановича Челяднина. Направление стены от Никольских ворот вверх до Неглинной определяется тем, что она доходила до церкви Троицы на Старых полях, стоявшей поблизости от того места, где теперь находится памятник первопечатнику Ивану Федорову. От Никольских ворот стена направлялась к Васильевскому лугу, место которого позже занял Воспитательный дом. Вдоль Москвы-реки она доходила до церкви Кузьмы и Демьяна на Остром конце, а отсюда поворачивала к Кремлю и смыкалась с ним у Свибловой башни²⁵. Таким образом площадь, занятая Китай-городом, в основном соответствовала его современному пространству. Острым концом называлось то место, где китайгородская стена подходила к Москве-реке и поворачивала к Кремлю. Поблизости от этого места теперь стоит церковь Зачатия св. Анны, построенная в конце XV в.

Деревянный Китай-город простоял очень недолго и был заменен каменной стеной, за которой сохранилось ее временное название «Китай-город».

Каменная китайгородская стена была заложена 16 мая 1535 г., «по рву земляного града». Таким образом, она шла по рубежам, уже установившимся раньше при строительстве деревянных укреплений. Строителем нового города был обрусевший итальянец Петрок Малый, сразу заложивший четыре башни с воротами: Сретенские ворота на Никольской улице, Троицкие у той же улицы по направлению к Пушечному двору, Всесвятские на Варварской улице и Кузьмодемьянские на Великой улице²⁶ в Зарядье.

После построения китайгородской стены, Кремль иногда стали называть «старым городом», а Китай-город «новым городом»²⁷.

Китай-город пересекали три главные улицы: Никольская, Ильинская и Варварская, или Варварка. Все они носили названия по церквям: Никольская от монастыря Николы Старого, Варварская от церкви Варвары, построенной, впрочем, только в XVI столетии. Раньше эта улица называлась «Варьской» от «варей», где пригоготовлялись медовые и пивные напитки.

Четвертая магистральная и древнейшая московская улица за пределами Кремля тянулась под горой, по низменному прибрежью Москвы-реки, носившему название «Зарядье» (оттого, что этот

²⁵ ПСРЛ, т. XXVI, стр. 315—316: «Того же лета князь великий Иван Васильевич велел на Москве город Китай делати, торги все ввести в город. От Никольских ворот по Неглинне вверх к Троице, где ся поля били, да по Иванов двор Иванова сына Челяднина, да по коневой площадке на Васильевской луг к Кузьма Демьяну на Вострой конец, да от Кузьма Демьяна вверх по Москве реке к Свиблове стрелнице. А мастер городской Петрок Малой Фрязин архитектор. А опосле князь великий велел около того города Китая делати город камен».

²⁶ ПСРЛ, т. XX, стр. 429.

²⁷ АФЗ, ч. 2, стр. 59.

район помещался за торговыми рядами). Ее называли Великой улицей. Она тянулась от Кремля к Острому концу и к церкви Кузьмы и Демьяна. Южные Кузьмодемьянские ворота выводили к Москве-реке. Вдоль реки располагался Васильевский лут, на месте которого в XVIII в. было воздвигнуто здание Воспитательного дома. В самом углу, в Остром конце, образуемом двумя сходящимися здесь китайгородскими стенами, помещалась каменная церковь Зачатия св. Анны.

Дворы в Китай-городе стояли очень тесно. Поэтому их площадь за исключением крупных боярских и купеческих дворов была очень незначительной. О размерах московского двора, находившегося в Китай-городе, дает представление купчая 1586 г. Торговый человек Воропаев, записанный в Гостиной сотне, продал игумену Соловецкого монастыря «двора своего поперег пол-сажени и две пяди земли» за 5 рублей. В данном случае речь идет только о полоске земли шириною в полсажени с лишним. Она тянулась рядом с двором, принадлежавшим Соловецкому монастырю, который хотел расширить свою усадьбу за счет соседней земли.

Вскоре Воропаев продал остальной свой участок тому же монастырю. Двор его стоял против Введенского монастыря в Китай-городе. На нем помещались «горенка да сени бревенные не покрыты, да погреб под сенями, да мыленка ветха кругом, да городьба кругом». Двор торгового человека Гостиной сотни рисуется по этому описанию очень бедным, но в данном случае мы, возможно, имеем прикрытую кабальную сделку.

Несколько ранее дворовый дьяк Семен Дементьев дал вкладом в Соловецкий монастырь свой двор, оценив его в 80 рублей²⁸.

Многие строения в Китай-городе были каменными, притом не только церкви, но и гражданские постройки — «палаты». Из старых церквей XVI столетия в Китай-городе сохранилась церковь Максима Исповедника на Варварке, стоящая на краю холма, круто обрывающегося к низменному подолу, или Зарядью. В Китай-городе находился и древнейший московский монастырь, Богоявленский, построенный, по преданию, в 1292 г. при родоначальнике московских князей Данииле Александровиче.

Подобно тому как Кремль был средоточием управления Россией, Китай-город являлся торговым центром Москвы и уже начинавшего складываться всероссийского рынка. Значительную площадь в нем занимали торговые ряды и «гостинные дворы». На Никольской улице помещался Печатный двор (с 1563 г.), а также, по свидетельству Штадена, — Денежный двор. Старый Соляной двор, позже переведенный на Солянку, по одной летописной заметке, первоначально стоял в Зарядье, поблизости от тюрем.

²⁸ И. Забелин. Указ. соч., ч. 2, стр. 609—611.

В Китай-городе во второй половине XVI в. помещался Английский двор. Мало понятные, мало говорящие нам, но понятные современникам записи называют владельцев дворов, почему-либо особо известных в городе, например, двор гостя Юрия Урвихвостова, двор Тютрюмов и т. д.

Улицы Китай-города были наполнены разным людом, приехавшим в Москву по торговым и другим делам. Эта пестрая и необычная для нас жизнь хорошо отображена в житии Василия Блаженного, написанном на основании рассказов и припоминаний в конце XVI или в самом начале XVII столетия. Василий разгуливал по городу иногда без всякого одеяния, иногда прикрывшись рубищем, вызывая смех девушек. Один из его поклонников, некий князь, приближенный к царскому двору, видя наготу юродивого в жестокие морозы, накинул на Василия дорогую «княженецкую» шубу. В этом наряде Василий расхаживал по городу, продельвая разные «юродства». То Василий идет в корчму, хозяин которой, «ропотливый и злой», отпускает пьяное зелье не иначе, как с ругательством: «бери пьяница, черт с тобою». То он ходит по улицам и прислушивается, в каких дворах творятся пьянство и другие мерзкие скаредные дела. У таких домов Василий останавливается, что-то бормочет, точно с кем-то о чем-то беседует, целует углы дома. Зато у домов, где люди живут тихо и богобоязненно, Василий входит в раж, собирает камни бомбардирует ими углы дома с большим шумом. Такое блаженное хулиганство жите тут же объясняет прозорливостью юродивого. У богобоязненных домов стоят бесы, поджидая подходящее время, чтобы сделать пакость истинным христианам, их-то и прогоняет камнями «блаженный». А по углам домов, где живут скаредные люди, с печалью ютятся ангелы. Так разве в ангелов можно бросать камнями? ²⁹

В Китай-городе стояли дворы иностранцев, а также подворья православных монастырей. Об одном из них, подворье сербского Хиландарского монастыря на Афоне, известно, что монастырь по царской грамоте 1556 г. «получил двор со всеми потребными хоромы в Новом городе Китае с правую сторону Богоявленской монастыря, возле Устужнаго двора» ³⁰. В конце Никольской улицы находился греческий монастырь Николы Старого, возникший в XIV в., его иногда называли «Никола Большая глава».

Кремль и Китай-город были особенно густо населенными в Москве XVI в.

---

²⁹ И. И. Кузнецов. Святые блаженные Василий и Иоанн... московские чудотворцы (без года и места издания), стр. 79—93.

³⁰ Споменик, т. XXXIX. Други разред. 35. Београд, 1903. Выписки из «греческих статейных списков» Главного архива министерства иностранных дел в Москве. Тут под № 18 помещена грамота «царска дата Силвестру», под № 20 — царская грамота 1557 г. В ней Иван IV пишет о поминовении «отца нашего великого государя Василья и матерь нашу царицу и великую княгиню Ележу» (стр. 26).

БЕЛЫЙ И ЗЕМЛЯНОЙ ГОРОД

Известие о пожаре 1547 г. показывает, что к середине XVI в. территория Москвы вышла далеко за пределы обоих каменных городов. «Большой посад», как по традиции еще в середине века называлась та часть города, которая располагалась между Неглинной и Москвой-рекой, тянулся до Яузы, а вместе со слободами и далее, за пределы современного Садового кольца. Занеглименье, продолжавшее Большой посад к западу от реки Неглинной, простиралось в основном до нынешнего бульварного кольца. Координатами его могут служить указания на церковь Феодора на Арбате и село Семчинское у современных Кропоткинских ворот. Можно предполагать, что пространство, вошедшее в позднейший Белый город, уже в XV в. было огорожено рвом и частоколом. В конце XVI в. по направлению этого рва были сооружены новые каменные стены, построенные архитектором Федором Конем. В 1585 г. был заложен каменный город «подле валу», получивший имя «Белого» или «Царёва города». Это новое каменное сооружение строилось несколько лет, по некоторым сведениям 7 лет, хотя летопись и уверяет, что он «совершен бысть вскоре»³¹.

К этому времени московский посад и слободы настолько расширились, что понадобилось сооружение деревянного города «кругом Москвы около всех посадов». Назначение этого нового укрепления заключалось в том, что он должен был охранять от «царя крымского, чающе впредь к Москве приходу»³².

Деревянный город, получивший название «Земляного», был воздвигнут в 1591—1592 гг. Деревянный город, по известиям иностранцев, получил название «Скородума», или «Скородома». Слободы, однако, не вмещались в пространство и Земляного города. Насколько велика была территория Москвы в конце XVI в., показывает замечание Флетчера, что «Москва немного более Лондона». Между тем Лондон конца XVI в. был одним из крупнейших городов Европы.

Топография московского посада, окруженного стенами Белого и Земляного города, представится, примерно, в таком виде. Река Неглинная делила московский посад на две части: Занеглименье и собственно Большой посад. С запада к Кремлю примыкала обширная площадь, находившаяся в черте Белого города. Ее называли общим названием «Чертолье», возможно, от перерезанности местности оврагами. Здесь помещались царские конюшни, которые иногда назывались «большими конюшнями». Они располагались

³¹ Летопись о многих мятежах. М., 1788, стр. 14. В «Ином сказании» читаем: «каменный град Белый, именуемый Царев град» (РИБ, т. XIII, стр. 126). В летописи под 1589 г. записано: «а того же году совершен бысть в Москве Белой город каменной и наречен Царев город, а заложен в 93-м [1585] году» («Исторический архив», т. VII, стр. 229).

³² Летопись о многих мятежах, стр. 29.

поблизости от Пречистенских ворот, к которым выводила улица Пречистенка (теперь Кропоткинская). Далее на запад за пределами крепостных каменных стен стояло село Семчинское. Эта местность известна была в Москве под названием Остожья (старинное название дуга или покоса). Тут когда-то находились обширные великокняжеские дуга. Позже здесь помещалась Конюшенная слобода³³.

Значительно гуще был населен район Белого города, примыкавший к Кремлю с северо-запада. Одна из старинных улиц называлась здесь «Арбатом», что считают искажением слова «рабад», которым в восточных городах обозначали территорию предместья. Арбатом называлась не только современная улица с таким названием, но и б. Знаменка (теперь ул. Фрунзе). Находившиеся здесь ворота Белого города носили название не только Арбатских, но и Смоленских, так как далее начиналась дорога на Смоленск. За пределами каменных стен, непосредственно у Смоленских ворот, находилась местность, известная под характерным названием «в Плотниках»³⁴. К ней примыкала Поварская улица и урочище «в Трубниках». Этот район был населен по преимуществу дворцовыми служителями, к числу которых принадлежали повара. Тут же помещалась Иконная улица. Еще далее у самого Земляного города стоял царский Кречетный двор³⁵, где держали ловчих птиц (кречетов и соколов) для царской охоты.

Три большие улицы выводили от Кремля и Китай-города на север и северо-запад. Одна из них называлась Никитской (ул. Герцена) по Никитскому монастырю, раньше на ней стоявшему. Она шла к Красной Пресне, местности еще слабо заселенной в XVI столетии, и была продолжена Волоколамской дорогой. Другая радиальная улица называлась Тверской (ул. Горького); она сливалась с большой тверской дорогой. Почти параллельно с ней шла Дмитровка (ул. Пушкина), выводившая к Дмитрову. Район между Арбатом и Дмитровкой был заселен еще сравнительно слабо, главным образом ремесленниками. У стен Белого города стояли два московских монастыря: Рождественский и Петровский, давшие свое название и улицам, на которых они были построены.

За Никитскими воротами находился главный центр ремесленников, занимавшихся производством оружия. Здесь существовала местность «в Бронниках» с Большой и Малой Бронными улицами. Тут же за Никитскими воротами отмечаются урочища с типичными средневековыми названиями: «в Старых Палачах»³⁶, «во Псарех»³⁷.

³³ И. Забелин. Указ. соч., ч. 1, стр. 418—422, 598, ч. 2, стр. 741—742.

³⁴ Там же, ч. 1, стр. 418—422, 428, 606, ч. 2, стр. 741—742.

³⁵ Там же, ч. 1, стр. 614, 650, 690.

³⁶ Там же, стр. 754.

³⁷ Там же, стр. 489—490.

Занеглименье в XVI столетии было заселено довольно густо, в особенности те его районы, которые находились в непосредственной близости к Кремлю и Китай-городу.

Слободы и отдельные дворы не умещались в стенах Белого и Земляного города, но заселенность территории за их пределами была незначительной. Тотчас же за Земляным городом начинались пахотные поля, луга и рощи, и так держалось до начала нового строительства Москвы. Даже автор этой книги помнит еще, как он, будучи мальчиком, собирал землянику на окраине рощи у села Всесвятского. От рощи остались только немногие остатки в виде садов, а все кругом застроено новыми домами в хорошо известном для москвичей районе, который в просторечье называют Соколом, или Песчаными улицами.

Река Неглинная разделяла посад на две неравные части: Занеглименье занимало значительно более обширную территорию, чем юго-восточная часть посада.

Важной магистралью здесь являлась Лубянка, в самом начале которой находилось старинное урочище «в Лучниках». Происхождение его восходит, видимо, к раннему времени, хотя еще в XVI в. лук находился на вооружении русского войска. В непосредственной близости к Китай-городу находилось урочище, «что в Столешниках», позднейший Столешников переулок. Столешник — это ремесленник, делавший «столец», стул или сидение³⁸, в более широком смысле слова столяр. Тут же поблизости стоял Пушечный двор, происхождение которого надо отнести по крайней мере к XV в.

Продолжением Лубянки была Сретенская улица, поблизости от нее находилось урочище «в Пушкарях», известное также под названием Пушкарской слободы. В районе Сретенской улицы были поселены псковичи, переведенные из Пскова в Москву. Поэтому и местность здесь носила название «в Псковичех»³⁹.

Мясницкой улица именовалась по урочищу «в Мясниках», находившемуся у нынешних Кировских, ранее Мясницких ворот. В непосредственной близости к нему располагалась местность, носившая название «в Басманниках». Здесь жили ремесленники, выделывавшие басму, металлические оклады с вытисненными на них узорами⁴⁰. Мясницкая улица выводила к дороге на Ростов и Ярославль — важнейшему торговому пути, связывавшему Москву с северными областями.

Другая радиальная улица — Покровка имела крупное значение и проходила по местности, густо заселенной ремесленниками.

У Варварских ворот Китай-города находилась местность «Кулишки», видимо, от слова «кулига» — заболоченное пространство.

³⁸ И. Забелин. Указ. соч., ч. 1, стр. 462—466, 677.

³⁹ Там же, стр. 469—476, 727.

⁴⁰ По представлению Снегирева, басманники — дворцовые ремесленники, производившие хлеба с украшениями (И. М. Снегирев. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. М., 1865, стр. 161).

Поблизости от нее располагались «старые сады», оставившие о себе память в названии урочища в «Старых садах». От Кулишек шла большая и важная уличная магистраль Солянка, выводившая к Яузским воротам Белого города и далее смыкавшаяся со старинной дорогой на Рязань.

Поселения продолжались и дальше за пределами Белого города в виде отдельных слободок, часть которых возникла еще в удельные времена.

Многочисленное ремесленное население было сосредоточено за Яузскими воротами, за пределами Белого города. Там в XVII в. находились местности: «в денежных мастерах», «в серебрянниках», «в Кошелях». Ворота Земляного города, выводившие на старинную Болвановскую дорогу, ведущую на Рязань, назывались «Таганными». Тут находилось несколько урочищ с названиями разных ремесленных специальностей. Кузнецы и котельники жили за Яузой на возвышенности, круто обрывающейся к Москве-реке. О них напоминают урочища с названиями: «в Кузнецах», «в Котельниках», «в Таганной слободке», «в Старой Кузнецкой», «в Гончарех» и т. д.

За пределами Земляного города были разбросаны отдельные слободы: Суцова, село Напрудное, село Красное, Казенная слобода, Данилова слобода, Кудрина слобода, село Елохово, село Покровское-Рубцово и пр.⁴¹ Местности за пределами Земляного вала имели целиком деревенский характер. Даже в XVII столетии царь Алексей Михайлович занимался в полях между Суцевым и Напрудным соколиной охотой на уток⁴².

Территория в Замоскворечье, примыкавшая непосредственно к Китай-городу, называлась Балчугом, по правдоподобному предположению от татарского названия «балчуг», грязь. Поблизости от этой улицы находилось урочище «в Ендове», или «в Яндове», т. е. в яме. Неуролазная грязь отделяла Замоскворечье от города и в других местах, оставив о себе воспоминание в названиях «болото», «за болотом». Крупнейшую ремесленную слободу в Замоскворечье называли Кадышевской слободой — «в Кадышове», «что на грязи»⁴³.

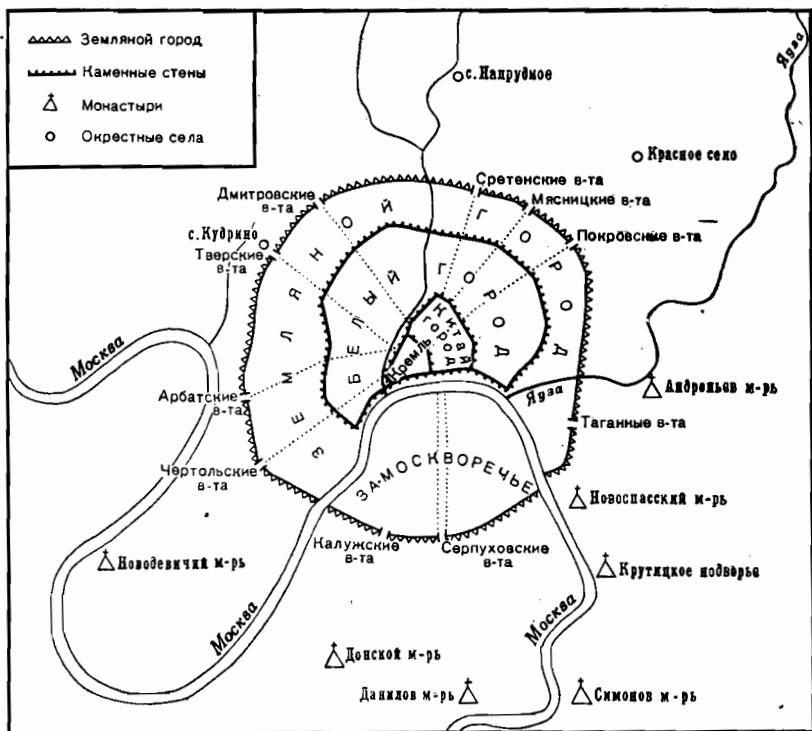
Дворы в Белом и Земляном городе стояли широко, обычно с садами и огородами. Тут жили просторно, потому что земли еще было много и стоила она дешевле, чем в Кремле и в Китай-городе.

Интересные сведения о московских дворах или «подворьях» сообщаются в духовных завещаниях. Григорию Михайловичу Валугеву (1544 г.) принадлежал, например, двор в Москве напротив Чертольа за Москвой-рекой. Его соседями были некие Мансуровы. Другой дворянский двор стоял в Москве на Сивцевом Враге

⁴¹ И. Забелин. Указ. соч., ч. 1, стр. 717, 791, 809.

⁴² «Московские губернские ведомости», 1846, № 7.

⁴³ И. Забелин. Указ. соч., ч. 1, стр. 862—868.

Москва с ближайшими окрестностями в XVI столетии

у церкви Вознесения. Наряду с такими краткими сведениями, имеются и относительно подробные, например опись московского двора князя Юрия Андреевича Оболенского (не позднее 1565 г.). Усадьба его была обширной и состояла из двух дворов. На переднем дворе располагалась столовая с комнатой на подклете (нижнем этаже), повалуша — высокое строение в виде башни, сени — летнее обширное помещение для приемов. Этот комплекс комнат был связан переходами и имел два крыльца, одно из которых выходило на задний двор. На переднем дворе возвышались две повалуши, стояли амбар, два погреба, конюшня, две сеницы и житница. На заднем дворе находились строения, предназначенные для хозяйского жилья. Тут были горница с комнатой и сенями, повалуша с сенями, а также хозяйственные постройки, две хлебных избы, пивоварня, поварня, баня. Все эти здания окружал забор с воротами⁴⁴.

⁴⁴ АФЗ, ч. 2, стр. 173, 185, 212.

Сохранились купчие на московские дворы XVI в. По документу 1559 г., Яков Степанович Бундов передал во владение Кирилло-Белозерского монастыря двор «на Орбате подле Савинского монастыря, а з другую сторону Субботина двор Осорьина». На дворе стояли три избы «да пристена, да клеть», мыльня, погреб, ледник с напогребницами. Двор был огорожен заметом⁴⁵.

МОСКОВСКОЕ РЕМЕСЛО

Москва XVI в. по своей ремесленной специализации напоминала такие крупные города Западной Европы, как Париж и Лондон, где сосредоточивались передовые, редкие и тонкие ремесла. Именно в Москве особое развитие получили ювелирное, иконное, железоделательное дело и пр., что прекрасно показано в статье С. В. Бахрушина о Москве как ремесленном и торговом центре XVI в.⁴⁶

Важнейшей отраслью московского ремесла было производство огнестрельного оружия и боеприпасов. О размерах изготовления пороха дает представление рассказ о пороховом взрыве в 1531 г. «Зелье пушечное» делали на Алевизовском дворе, расположенном на Успенском овраге. Зелье взорвалось (в летописи сказано «загореся внезапно») и за один час погибло на дворе больше 200 человек⁴⁷.

Москва была в полном смысле арсеналом России, где изготовлялись предметы передового вооружения того времени, в первую очередь пушки и пицали. Центром изготовления огнестрельного оружия был Пушечный двор, помещавшийся у реки Неглинной (в районе современной Пушечной улицы). Здесь стояли «пушечные избы», сгоревшие в пожар 1500 г. и после восстановленные. Пушечный двор представлял собой государственное промышленное предприятие. Кроме пушек здесь выливались колокола. Делавшие их мастера так и именовались: «государевы колокольные литцы».

Как видные художники и мастера своего дела пушечные и колокольные литцы подписывали свои имена на выпущенных изделиях. Крупнейшим таким мастером в XVI в. был знаменитый Андрей Чохов⁴⁸.

⁴⁵ А. Барсуков. Род Шереметевых, кн. 1. СПб., 1881. Фототипия на особом листе к стр. 223.

⁴⁶ С. В. Бахрушин. Указ. соч., т. 1. Москва как ремесленный и торговый центр XVI в.

⁴⁷ ПСРЛ, т. XX, стр. 441.

⁴⁸ Материалы о московском ремесле собраны в книге: Н. И. Фальковский. Москва в истории техники. К сожалению, в этой книге материал расположен несколько разбросанно и не всегда проверен. Тем не менее труд Фальковского заслуживает внимания как сводка известий о московском ремесле.

Особой специальностью московских ремесленников было производство холодного оружия и конских уборов. Ремесленники выделывали «тебеньки московские» (подколенники у седла), «зерцала московские», панцири московские⁴⁹. «Зерцалом» называлась дощатая броня без рукавов, составленная из двух половинок, соединяемых на плечах и на боках. Называлась же она так потому, что обе «доски» блестели и отражали в себе предметы наподобие зеркал. В описи казны царя Бориса Годунова упоминается несколько предметов с отметкой: «московское дело». В их числе названы 5 луков, украшенных черной буйволовою кожей, около 70 московских шлемов, 66 немецких и московских панцирей, московские зерцала, юмшаны (броня из мелких и крупных дощечек), 12 московских труб и т. д.

Некоторые из этих предметов отличались тщательной отделкой; шлемы были украшены серебром, имели по две или четыре грани. Железный щит имел украшение в виде золотых трав, среди которых выделялась «подпись»: имя Бориса Федоровича (Годунова). Буквы были наведены золотом среди трав на поверхности железного шлема. Такие изделия с царским именем обычно делались царскими мастерами⁵⁰. В Москву ехали и простые служилые люди для закуски оружия и конских уборов. Образцы некоторых изделий XVI в. сохранились в Оружейной палате и до сих пор восхищают своей красотой и тщательностью отделки⁵¹.

Одним из крупнейших центров ремесленного производства в Москве была Кадашевская слобода. Здесь вырабатывались полотна, известные под названием «кадашевских». Их иногда обозначали терминами: «ровное», «которые ровны», «полотно кадашевское ровное». Из него выделывались простыни и другие постельные принадлежности для царского двора. По-видимому, это были узкие полотнища, которых шло на одну простыню штук по пяти. Некоторые полотнища были окрашены или покрыты узорами, как это видно из пометки — «три полотна кадашовских полосатых»⁵². Кадашевские полотна не только поставлялись непосредственно на царский двор, но и продавались на рынке⁵³.

В Москве как столице, где находились резиденции царя и митрополита, где жило много бояр, дворян и духовенства, естественно, получили развитие и другого рода редкие и тонкие производства. Среди них на первом месте надо назвать иконописание. Помимо

⁴⁹ АФЗ, ч. 2, стр. 91, 164, 165.

⁵⁰ П. Савваитов. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. Зап. имп. археол. об-ва, т. 11. СПб., 1865.

⁵¹ Государственная оружейная палата Московского Кремля. Сборник научных трудов по материалам Государственной оружейной палаты. М., 1954.

⁵² И. Забелин. Указ. соч., ч. 1, стр. 1210 и 1213—1214.

⁵³ Там же, стр. 1210 и 1212 («а триста рубашок нищим старцом скроила в торговых полотнах»).

митрополичьих и царских иконописцев существовали ремесленники-иконники, продававшие свои изделия в Иконном ряду. Как и другие мастера, иконники иногда делали записи о своей работе на обороте икон. Их имена порой отмечают и летописи, в особенности когда речь идет о больших росписях. Иконный ряд в Москве, как отмечает С. В. Бахрушин, упоминается уже в 1601 г., но, конечно, существовал гораздо раньше. В Москве также продавались сусальное золото, краски для икон, иконные доски, «тябла» для иконостасов, требовавшие особого мастерства изготовления.

Значительный разряд ремесленников занимался перепиской книг, о чем свидетельствуют записи на рукописях. В 1553 г. в Москве началось книгопечатание. Как известно, первыми печатными мастерами были Иван Федоров «москвитин» и Петр Тимофеев Мстиславец (из города Мстиславля в Смоленщине).

О ремесленном производстве в Москве дают непосредственное представление записи о предметах обихода и оружия, сделанных «на московское дело», по образцу московских изделий. Так, в одной описи имущества 1614 г. (следовательно, составленной тотчас после разорения Москвы интервентами) отмечены следующие предметы: три самопала долгих с шведскими замками, а «стволы и ложки московское дело». Самопальные ложка были украшены костью «изредка». Тут же упомянуты удила «московское дело», ремень черное, жучки медные, а также «сабля московское дело»⁵⁴.

Конечно, сказанным выше не исчерпываются сведения о московском ремесле. Производство одежды, бытовых и кожаных изделий и прочее получило широкое развитие в Москве, как это будет видно из обзора московского рынка.

Ремесленный облик Москвы XVI в. хорошо подчеркивается названиями большого количества урочищ и слобод, указывающих на занятия их жителей. О московских слободах много говорится в ценных трудах С. К. Богоявленского и В. Снегирева⁵⁵. О более раннем времени даны материалы в моей книге о средневековой Москве⁵⁶. Поэтому здесь мы можем ограничиться только краткими замечаниями. В этом отношении Москва занимает среди других русских городов особое место, что резко бросается в глаза при сравнении названий ее местностей и улиц с названиями местностей таких больших городов, как Новгород и Псков. Обычно названия московских урочищ тесно связаны с приходскими церквями, но сами церкви обозначаются стоящими в «Плотниках», «в Мясниках» и т. д. Названия московских местностей показы-

---

⁵⁴ Русский архив, 1863. Дело об измене ротмистра Хмелевского, стр. 67.

⁵⁵ История Москвы, т. 1, библиография; В. Снегирев. Московские слободы. М., 1956.

⁵⁶ М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV вв.

вают, что ремесленники и торговцы одной специальности объединялись по территориальному признаку, живя в черных сотнях и слободах.

Ремесленное население, жившее в пределах посада, окружавшего Кремль, постепенно отодвигалось все дальше от центра столицы. Еще в первой половине XVI в. слободки плотников, бронников и серебрянников тесно жались к воротам Белого города. Во второй половине того же столетия ремесленники расселились далеко за его пределами. Большинство ремесленных слобод было связано с дворцовым хозяйством, но это не значит, что их жители работали только на дворец. Основная ремесленная продукция шла на рынок, а для дворцовых нужд ремесленники обязывались выполнять те или иные повинности, о которых сообщают жалованные грамоты XVII в., восходящие к более раннему времени. Сила традиции была так велика, что еще в начале нашего века мещане города Москвы делились на слободы, правда уже только воображаемые. Автор этой книги сам по царскому паспорту до поступления в университет именовался «московским мещанином Барашской слободы», хотя в то время даже само слово «бараши» уже стало непонятным.

МОСКОВСКИЙ ТОРГ

Главная торговая площадь с давнего времени располагалась в Москве в непосредственном соседстве с Кремлем, на территории Китай-города. Из летописи узнаем, например, о пожаре торгового посада от Панского двора, стоявшего где-то у китайгородской стены между Никольской и Ильинской улицами (1508 г.)⁵⁷. Церковь Введения на Варварке (теперь улица Разина) находилась уже за торгом. Территория, лежавшая у Москвы-реки, внизу под холмом, называлась Зарядьем, как находившаяся за торговыми рядами.

Четкое представление о расположении и количестве московских торговых рядов дает книга об их устройстве в 1626 г. Она была составлена после опустошительного московского пожара, случившегося в том же году. После пожара одни ряды были передвинуты «для уличного простору», другие заново устроены в каменных лавках, у третьих уменьшена занимаемая ими площадь. Под документом подписались представители торговых рядов, «выборные люди»⁵⁸.

В Москве существовало множество торговых рядов. Вот их названия по книге 1626 г.: Иконный, Седельный, Саадачный, Сапожный, Скобяной (два ряда), Замочный, Котельный, Ветчинный, Масленный, Завязочный, Хлебный, Калачный, Свежий, Рыбный,

⁵⁷ ПСРЛ, т. XX, стр. 380.

⁵⁸ И. Забелин. Указ. соч., ч. 2. Книга об устройстве торговых городских рядов.

Золяной, Семенной, Луковый, Чесноковый, Соляной, Медвяной, другой Медвяной, Москотильный, Железный, Судовой, Москотильный (другой), Подошвенный, Свечной, Мыльный, Хлебный (другой), Калачный («что в Зарядье»), Ряд столовых калачников, Щепетильный, Игольный, Пирожный, Харчевный, Ряд сдобных калачников, Яблочный, Дынный, Ряд становых квасников и калашников, Плетной ряд, Ряд белорыбицы, Ряд селедочников паровых, Ряд грешников, Ряд гороховников, Молочный ряд, Ряд квасников ячных, Ряд копустников. Всего насчитывалось около 50 рядов. Кроме того, в книге указаны «мелких скамей торговые всякие люди».

Однако перечисление рядов, сделанное выше, явно неполное. В самой же книге далее упоминаются ряды Ветошный, Жемчужный, Белильный⁵⁹, Орешный, Пушной.

Позднейшее описание 1693 г. прибавляет еще несколько рядов: Суконный старый ряд, Самопальный, Вандышный (вандыш — сняток). Самопальный и Вандышный ряды могли возникнуть в XVII столетии, но Суконный старый ряд, почему-то не отмеченный в книге 1626 г., наверняка существовал и в предыдущем веке.

Некоторые заметки «книги об устройстве» дают понятие о расположении рядов до 1626 г. Выясняется, что московский рынок занимал значительную территорию, прилегавшую к Красной площади. Ниже церкви Покрова (Василия Блаженного) до переустройства располагались Сапожный, Красный и Скобяной ряды. Территория между Покровским собором и Водяными воротами Китай-города, выводившими к Москве-реке, была густо покрыта хлебными, калачными и соляными лавками. Примыкая почти непосредственно к Кремлю в районе Покровского собора, лавки и скамьи простирались на громадную площадь, захватывая значительную часть Китай-города.

Городской рынок, или «торг», был средоточием ремесленной и торговой деятельности Москвы. Основные магистральные улицы Китай-города XVI в. (Никольская, Ильинка, Варварка) были заполнены торговыми помещениями. На Никольской улице помещались Иконный, Седельный, Саадашный, Котельный ряды. «До московского разоренья», т. е. до 1611 г., лавки находились и в переулках, соединявших Никольскую улицу с Ильинкой. Тут были каменные лавки, обращенные лицом к Кремлю; в них сидели пирожники и харчевники.

На Ильинке и Варварке помимо лавочных помещений находились также дворы для приезжих торговых людей: Купецкий и Гостиный. На Варварке помещались Москотильный, Железный, Судовой, Седельный и Масленный ряды. Торговые помещения спускались вниз, «под гору», в Зарядье. Тут помещались Хлебный

⁵⁹ И. Забелин. Указ. соч., ч. 2, стр. 1122. «А торговати им белилы и румянцом, приносом в коробях; накрылся в шалашах».

и Калачный ряды; места им даны были «по-прежнему, как было до московского разоренья».

При перечислении рядов центрального московского рынка по «книге об устройстве» может создаться представление, что этот рынок был заполнен мелкими лавками и скамьями, что на нем преобладала торговля съестными припасами. Но это представление будет явно ошибочным. Существование большого количества рядов, торговавших различного рода съестными припасами, объясняется особенностями московской жизни XVI—XVII вв. Торговые ряды в Москве обслуживали город, куда съезжалось большое количество людей со всех концов России. Квасники, хлебники, рыбаки, селечники и т. д. обслуживали пестрое московское население и многочисленных приезжих в столицу, в том числе ратных людей.

Следует отметить еще одну особенность московского рынка: разнообразие тех товаров, которые на нем продавались. Прежде всего бросается в глаза большое значение торговли различного рода металлическими предметами. Котельные, замочные, скобяные, игольные и железные изделия продавались в особых рядах. Предметами вооружения и одежды заполнялись Седельный, Саадачный, Сапожный, Завязочный, Красный и Подошвенный ряды. Химическое производство было представлено Москотильным, Свечным и Мыльным рядами. Интересно существование особого Судового ряда, где продавались предметы, нужные для судоходства. В 1626 г. в нем находились лавки гостей Судовщиковых. Особенностью московского торгового рынка большого города, было существование в нем таких рядов, как Иконный.

В целом московский торговый рынок XVI — начала XVII в. представляется крупным и значительным явлением. Впрочем, нельзя забывать и того, что о нем мы судим по документу 1626 г., который не может дать полного понятия о московском рынке XVI в.

Замечательной особенностью книги 1626 г. является отсутствие в ней каких-либо указаний на торговлю тканями и целым рядом других товаров, в частности иноземного происхождения. Объяснение этому найдем в том, что книга 1626 г. говорила о переустройстве рядов, оставляя в стороне те торговые помещения, которые этого не требовали.

В Китай-городе кроме рядов существовали Гостиный и Купецкий дворы для приезжих купцов. В них была сосредоточена торговля привозными товарами, в том числе суконными, шелковыми и хлопчатобумажными тканями. В 1648 г. Гостиный двор был соединен с Купецким «для того, что смежно сошло то место с Гостиным двором»⁶⁰.

Поздние документы о Купецком дворе (1638 г.) позволяют судить о его внешнем виде. Когда Посольский приказ взял в свое

⁶⁰ И. Забелин. Указ. соч., ч. 2, стр. 1153. Выписки о Старом Дележном и Купецком дворах, 1638 г.

ведение старый Денежный двор, велено было его огородить, построить на нем хоромы и покрыть крышей так же, «как строен Купецкий двор». На Купецком дворе стояли каменные строения, «палаты». Царский указ приказывал на Денежном дворе «ворота и полаты поделать и покрыть из Большого приходу так же, как строен был Купецкой двор». Местоположение Купецкого двора определяется тем, что он находился за Рыбным двором, в Зарядье, т. е. уже в низине под китайгородским холмом. Там же находился и старый Соляной двор⁶¹.

Купецкая палата ведалась в Посольском приказе, что указывает на ее назначение служить торговым помещением для иноземных купцов. В одном документе эта палата названа каменной. По книге 1626 г. Купецкая палата представляется обширным и красивым зданием. Строить Купецкий двор надо было «вскоре до приезде купецких людей розных государств». Купецкий двор окружали деревянные лавки. В 1626 г. было велено вокруг Купецкого двора поставить низкие каменные лавки⁶².

Несколько иной вид имел Гостиный двор, построенный для приезда купцов из других городов. Существовал особый «ряд на Гостине дворе», где торговали всякими «суроужскими товарами», т. е. по преимуществу шелковыми тканями, привозимыми из Турции и Персии. Кроме того, в Китай-городе на том же Варварском крестце стоял Устюжский Гостиный двор. Позади него находилось место, «что ставились на нем армяны и греченя». Это повелось с отдаленной древности, когда армянские и греческие купцы составляли крупный контингент торговцев, приезжавших в Москву из иноземных стран. В XVII в. армяне стали селиться и останавливаться за пределами китайгородских стен, в позднейшем Армянском переулке. Греческие же купцы как особая прослойка торговых людей постепенно теряли значение в московской торговле. В Китай-городе находился Английский двор, принадлежавший английской компании. Он стоял поблизости от церкви Максима Исповедника на Варварке, где и теперь заметны старые строения, входившие в состав более нового дома. По старой памяти двор называли Юшковским, по имени купца Юшки (Юрия) Урвихвостова, а не Юрия Траханиотова, как думал Гамель⁶³.

⁶¹ В одной рукописи находим такое топографическое указание: «Тогда же бысть ино чудо предивно за великим торгом близ старого Соляного двора в дому подъячего Третьяка Теплаго, у него же образ пресвятыя богородицы стояше в древяной храмине. И во оба те великия пожары все дворы и храмы оба полы его погореша, той же храм посреди пламени невреджен бысть, к нему же ни дымная воия прикоснуся, в сей же храмине бысть тогда образ богоматери. Ныне же той чудесный образ Богоматери поставлен бысть близ двора того у церкви Зачатия святыя Анны». (ГИМ, Забел. собр., № 260, л. 291—291 об.).

⁶² И. Забелин. Указ. соч., ч. 2, стр. 1151—1152.

⁶³ Гамель. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1865, стр. 255; ГИМ, Забел. собр., № 260, л. 291.

В Китай-городе, а может быть, уже и за его стенами, находились также Литовский и Армянский дворы, как можно судить по распоряжению о маршруте сибирских цариц и царевичей. От Гребенской церкви на Лубянке они должны были ехать «полым [пустым] местом мимо пречистые Гребенские и мимо Литовского двора (а в ту пору Литовской двор и Армянской не затворяти)» к Ильинскому крестцу, а оттуда к Фроловским воротам⁶⁴.

Громадное торговое значение Москвы четко показано в записях прихода-расходных книг Дорогобужского Болдина монастыря о покупке в Москве различных товаров. За один только год монастырь закупил в Москве 2 фунта перца, 10 фунтов серы горючей, 1000 сапожных гвоздей, некоторое количество цветов, образ на золоте⁶⁵.

Значительное количество лавок и погребов были каменными. На Гостином дворе каменные лавки стояли на каменных погребках. «А на Гостине дворе,— читаем в книге 1626 г.,— лавкам велели быть по-прежнему, а погребом каменным, что под каменными лавками, к городу х Кремлю лицом, велели быть, покамест столбы каменные, как было до московского разоренья»⁶⁶. Деревянные лавки и скамьи иногда просто именовались «шалашами».

При переустройстве 1626 г. обращалось внимание на порядок в городских рядах. Поэтому торговцы различного рода съестными припасами и мелочными предметами были переведены в другие места, подальше от больших улиц, чтобы они «больших улиц и площадей не займывали». Запрещено было также торговать котлами вне Котельного ряда с угрозой за нарушение этого запрета «чинить наказанье». Торговцам мелким щепетильным товаром предписано было торговать «мелким щепетинным товаром, приносом, а рубленых ящичков не делать» и пр.⁶⁷ Все эти постановления не были новинкой. В большинстве случаев они опирались на более старую практику, как это видно из описания Китай-города, сделанного Маскевичем в начале XVII в. Вся крепость застроена домами, частью боярскими, частью посадскими, а более лавками, пустых мест мало. «Трудно вообразить, какое множество там лавок: их считается до 10 000. Какой везде порядок; для каждого рода товаров, для каждого ремесленника, самого ничтожного, есть особый ряд лавок, даже цирюльники бреют в своем ряду». На рынке, по словам Маскевича, стояло до 200 извозчиков; за грош извозчик скачет как бешеный и поминутно кричит во все горло: «гис, гис, гис»⁶⁸. Предупредительный крик извозчиков, восприня-

⁶⁴ Акты исторические (далее — АИ), т. II, № 20, стр. 19.

⁶⁵ РИБ, т. XXXVII. Расходная книга Дорогобужского Болдина Троицкого монастыря 1585—1586 гг.

⁶⁶ И. Забелин. Указ. соч., ч. 2. Книга об устройстве торговых городских рядов, стр. 1108.

⁶⁷ Там же, стр. 1109—1116.

⁶⁸ Сказания современников о Дмитрие Самозванце, ч. 2. СПб., 1859, стр. 58—59.

тый Маскевичем, как «гис», это был обычный извозчикий окрик: «берегись!».

Торговые места в Китай-городе ценились очень дорого. В 1604 г. торговый человек Гостиной сотни продал пол-лавки в Москотильном ряду за 47 рублей. В 1608 г. за половину лавки в том же Москотильном ряду платили 75 рублей⁶⁹.

О московских торговых рядах дает представление еще один любопытный документ, составленный незадолго до разорения Москвы в 1606—1607 гг. Это — расходная книга Денежного стола Разрядного приказа. В ней содержатся заметки о различного рода покупках в московских торговых рядах. В Оконничном ряду купили фонарь, в Тележном ряду — телегу, в Свечном ряду — 300 сальных свечей, в Коробейном ряду — новгородскую коробью и дубовый ящик и т. д.

Эти покупки хорошо очерчивают торговую деятельность специализированных московских рядов.

Однако далеко не все ряды по своим названиям соответствовали тем товарам, которые в них продавались. Так бумага почему-то продавалась в Овощном ряду. Там покупали стопы писчей бумаги, называемой то «бораборской», то «английской лучшей». В том же Овощном ряду продавалась не только бумага, но и деревянные фляжки для хранения чернил, а также чернила. В Котельном ряду продавались металлические предметы, имеющие весьма малое отношение к котлам, например, медные чернильницы и железные песочницы для посыпания песком бумаги взамен промокашки. В Железном ряду продавались подсвечники — «шандалы».

Записи приказных людей, покупавших канцелярские предметы для Разряда, однообразны. В них больше всего говорится о покупке различного рода канцелярских предметов: сальных свечей, бумаги, чернил. Но иногда приказным людям приходилось заниматься и не свойственным им делом, например, покупать белье для тюремных сидельцев, которые называются ими «изменниками», пойманными «на делех в языцах». Это немножко непонятное обозначение требует расшифровки. Речь идет о людях, выступавших против правительства Василия Шуйского своими действиями («на делех») и разговорами, пропагандой («в языцах»). Таких людей, посланных в Новгород в тюрьму, оказалось 120 человек. Для них были куплены рубашки «поношенные», а в Ветешном ряду — белый сермяжный «кафтанишко». Всего приказные закупили 117 рубашек, на которые было истрачено 7 рублей и 4 деньги, в среднем по 6 копеек за рубашку. Продащицами рубашек названы женщины с различными уменьшительными именами: то Татьяна Иванова дочь, то Анница Яковлева, то Агафьца Михайлова и т. д. Это были мастерицы, работавшие на дому и торговавшие своими изделиями на рынке. Три рубашки купле-

⁶⁹ И. Забелин. Указ. соч., ч. 2, стр. 612—613.

ны были у тюремного сторожа совсем уже по дешевке — по 4 копейки за рубашку. Вероятно, они достались сторожу в наследство от арестантов, умерших в тюрьме⁷⁰.

МОСКВА — ЦЕНТР ВОДНЫХ И СУХОПУТНЫХ ПУТЕЙ РОССИИ

Москва уже в XVI столетии сделалась центром важнейших сухопутных и речных путей России. Такое значение Москвы подчеркивается Книгой Большому Чертежу, составленной при Михаиле Федоровиче на основании ветхого чертежа, изготовленного давно, «при прежних государех».

Важнейшим водным путем была Москва-река, что доказывается древним расположением торгового пункта вблизи от нее. Этим объясняется и свидетельство Павла Иовия Новокомского о том, что Москва тянется на 5 миль вдоль Москвы-реки. Значение Москвы-реки в XVI столетии как начального отрезка большой водной дороги от Москвы до Астрахани еще более увеличивается.

Судоходство по Москве-реке начиналось от «живого моста», соединявшего Китай-город с Замоскворечьем. Тут садились на речные суда и плыли вниз по реке. Так сделал царь Иван IV. 6 мая 1546 г. он отправился к Николе на Угреше в судах, а оттуда на Коломну, по замечанию летописи, «в судах же»⁷¹.

В нескольких километрах от столицы на противоположных берегах Москвы-реки, друг против друга стояли село Беседы и монастырь Николы на Угреше. Отсюда иногда и погружались на суда, потому что путь от Москвы до Угрешы изобилует песчаными мельями. Угрешский монастырь владел несколькими деревнями (Копотня и др.), стоявшими на Москве-реке⁷². Свое название село Беседы, возможно, и получило от того, что тут была остановка для судов. На Дону также имелось урочище с названием Донская беседа. По словарю Даля, «беседой» называлась клетка, устроенная на речном судне для работы на высоте. От этого слова произошло само название села. Эта догадка находит некоторое подтверждение в том, что от Бесед, точнее от монастыря Николы на Угреше, обычно начинали дальнейшее речное путешествие по Москве-реке. Монастырь существовал уже в XIV в. В 1570 г.

---

⁷⁰ Исторический архив, т. 8, стр. 29—60. О торговках на рынке сообщается и в житии Василия Блаженного. Девки высмеивали голого юродивого, разгуливающего по рынку: «девы оныя беша торговицы и продающия свои рукоделия» (И. И. Кузнецов. Указ. соч., стр. 79—80).

⁷¹ ААЭ, т. I, стр. 257—261 (№ 141); ПСРЛ, т. XX, стр. 467. «Живыми мостами» до самого последнего времени назывались мосты из деревянных плотов, соединенных вместе.

⁷² Летопись занятий Археографической комиссии, вып. V, СПб., 1871. Списки с жалованных грамот Николаевскому Угрешскому монастырю.

он был разорен татарами и стоял «в пуге» несколько лет после своего разорения. В Беседах уже в 1584—1598 гг. была построена каменная шатровая церковь, сохранившаяся до нашего времени. В это время Беседы были вотчиной Дмитрия Ивановича Годунова. При нем на реке поставили каменную плотину⁷³.

По Москве-реке в столицу доставлялись на речных судах хлебные припасы, как это видно из рассказа об одном купце, прибывшем «от других градов со стругами, обремененными товарами хлебными»⁷⁴.

Москва поддерживала связи с волжским путем и через Дмитров, куда на протяжении 70 км шла сухопутная дорога. От Дмитрова начинался сплошной водный путь по рекам Яхроме, Сестре и Дубне до Волги. Мелкие суда во время половодья спускались вниз по Яхроме и товары с них перегружали в более крупные недалеко от впадения Яхромы в Сестру, где стояло большое село Рогачево. В нем крестьяне торговали в лавках «солью и рыбой и всяким товаром», а на торгу — хлебом и животиною. По Сестре и Дубне спускались до Волги, где производили новую перегрузку товаров с мелких судов на более крупные.

С XVI в. водные пути начинают иметь уже меньшее значение для столицы по сравнению с теми сухопутными дорогами, которые расходились от Москвы и хорошо известны по Книге Большому Чертежу, которая ведет свое описание городов и дорог от «царствующего града Москвы».

Можайская дорога шла на запад, на Вязьму и Смоленск, Волоцкая выводила к Волоколамску и Ржеву, Тверская была дорогой по преимуществу новгородской. Особое значение в XVI в. получает дорога от Москвы на север к Холмогорам и Архангельску через Троицкий монастырь, Переяславль, Ростов, Ярославль и Вологду. В XVII в. ее обозначали довольно витиевато: «От царствующаго града Москвы дорога к Архангельскому городу к морской карабельной пристани, да дорога в Сибирские города»⁷⁵. Этот путь получил особое значение после создания большого торгового центра в устье Северной Двины — Архангельска.

Старой дорогой, постепенно терявшей свое значение, являлась Стромынка, выводившая на Юрьев и Суздаль. По-прежнему большое значение имела Владимирская дорога на Владимир и Нижний Новгород, иногда ее называли Великой Владимирской дорогой. Она непосредственно вела к Нижнему Новгороду, от которого начинался судовый путь по Волге.

Несколько дорог вели на юг. Тут самое большое значение имела дорога на Коломну и дальше на Рязань. Важная дорога шла на юг через Серпухов и Тулу. До Серпухова считали 90 верст. Эта

⁷³ Пискаревский летописец, стр. 99.

⁷⁴ И. И. Кузнецов. Указ. соч., стр. 79.

⁷⁵ Книга Большому Чертежу. Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950, стр. 1661.

дорога заканчивалась в Крыму. Другой путь вел на юго-запад, в Калугу. Все эти дороги получили большое значение в XVI в., но существовали и ранее.

В целом Москва в XVI в. уже сделалась основным узлом всех сухопутных путей Европейской России, хотя развитие сухопутного транспорта в России того времени тормозилось бездорожьем.

О состоянии дорог, ведущих к столице России в XVI в., дает понятие летописное сообщение 1560 г. Иван Грозный «хотел ехати вскоре из Можайска к Москве, да невозможно было ни верхом, ни в санях, беспута была, кроме обычая, на много время»⁷⁶. Летописец отмечает, что в это время царица Анастасия была больна. Грозный впоследствии в своих письмах к Курбскому отмечал это событие, обвиняя бояр в их недоброжелательстве по отношению к покойной царице. Как же не вспомнить, восклицает он, немилостивое путное прохождение от Можайска в царствующий град с нашей больною царицей Анастасией.

Возможность задержки в Можайске из-за беспутницы даже царского поезда показательна для характеристики русских дорог, притом больших проезжих дорог, подобных пути из Смоленска в Москву, на котором стоял Можайск.

МОСКВА — ЦЕНТР КНИЖНОСТИ И ОБРАЗОВАННОСТИ РОССИИ

Значение Москвы для России не ограничивалось только ее хозяйственной и политической ролью. Москва была крупнейшим центром книжности и образованности тогдашней России. О культурном значении Москвы можно было бы написать многие книги и все-таки не исчерпать того многообразия и того значения в духовной жизни страны, которое Москва имела в XVI в. Она бесспорно занимала первое место, была среди других русских городов передовой и ведущей.

В России XVI столетия крупными очагами книжности были в первую очередь монастыри. К числу крупнейших центров книжной переписки в Москве принадлежал Чудов монастырь в Кремле, начавший собирать книжную коллекцию уже вскоре после своего основания в XIV столетии. Этот монастырь был митрополичьим. Поэтому в его библиотеке попадаются книги, написанные самими митрополитами. Такова Степенная книга, написанная полууставом XVI в., на листах которой сделана запись: «Собрана смиренным Афанасием митрополитом». Афанасий занимал митрополичий престол в 1564—1568 гг. и покинул его, согласно официальным данным, «по немощи», а вероятнее всего по требованию Ивана Грозного.

⁷⁶ ПСРЛ, т. XX, стр. 617.

Позже в библиотеку Чудова монастыря поступали также и книги царских приближенных. Среди них выделяется роскошная Псалтырь, принадлежавшая близкому царскому родственнику боярину Дмитрию Ивановичу Годунову. «Книгохранителем» Чудова монастыря, по московским сказаниям, был в начале XVII в. Григорий Отрепьев, этот «недостойный чернец Чудова монастыря», которого официальные русские документы считают самозванным царем Дмитрием Ивановичем, называя его, как бывшего дьякона, презрительным названием «расстрига»⁷⁷.

Другим митрополичьим собранием рукописей была библиотека Успенского собора в Кремле, куда поступили 12 громадных фолиантов, содержащих Четьи-Минеи митрополита Макария — эту своего рода церковную энциклопедию XVI в., включившую в свой состав жития святых и церковные поучения.

Значительные собрания рукописей имели и другие монастыри (Андроньев, Симонов, Новодевичий), но эти коллекции с течением времени были разрознены и от них сохранились только отдельные экземпляры XVI в. Записи на книгах позволяют утверждать, что книги переписывались и при отдельных церквях. В частности, сохранились книги, принадлежавшие церкви Николы Мокрого в Зарядье и церкви Никиты Мученика в Заяузье⁷⁸.

В монастырях и при церквях по преимуществу переписывались церковные книги: евангелия, служебники, октоихи (сборники церковных песнопений) и т. д., а также летописи и различного рода сказания. Но кроме церковных переписчиков существовали писцы-ремесленники, готовившие рукописи для продажи и поэтому торопившиеся. Среди наших манускриптов немало найдется таких, которые испещрены ошибками и не отличаются тщательностью передачи текстов. Против них и были направлены строгие постановления Стоглавого собора. Но имеются и роскошные рукописи, тщательно выверенные по различным текстам. В предисловии к одной из таких рукописей (Беседы Иоанна Златоуста) ее заказчик, вологодский и великопермский архиепископ Иона, пишет, что текст писали для него «з добрых переводов, а трудов и потов много положено, как правили сию святую книгу». Действительно, красные галочки под отдельными словами и фразами показывают, что тут возможны разночтения, а на полях написа-

---

⁷⁷ Рукописи Чудова монастыря в настоящее время хранятся в Государственном историческом музее. Среди них имеются рукописи конца XVI — начала XVII вв., когда книгохранителем был Григорий Отрепьев. Может быть, некоторые из них были им переписаны, но глубокого изучения этих рукописей до сих пор не сделано («Археографический ежегодник за 1958 г.», стр. 23, № 62; стр. 28—30, 102).

⁷⁸ Церковь Николы Мокрого давно уже сломана. Церковь Никиты Мученика в Заяузье, стоящая на высокой горе, в настоящее время прекрасно реставрирована. Она состоит из комплекса двух или трех церквей. Одна из них, крытая по законам, напоминает храмы конца XV в., другая построена в 1584—1598 г. (Пискаревский летописец, стр. 99).

пы тексты, взятые из других «переводов». Рукопись обошлась архиепископу в 30 рублей, что представляло собой в 1593 г., когда изготовили книгу, значительную сумму⁷⁹.

Историки литературы, как правило, ограничиваются указаниями на церковные центры переписки и составления книг. Но Москва обладала и гражданским центром, учреждением, которое занималось переводами с иностранных языков, преимущественно с латинского и немецкого. Это был Посольский приказ, при котором состоял штат писцов и толмачей. Как доказал А. И. Соболевский, толмачам Посольского двора поручалось составление переводов разных сочинений, главным образом написанных на польском и латинском языках. Толмачи переводили и с восточных языков, в частности с турецкого и татарского. Хорошие образцы таких переводов содержатся в посольских книгах XVI в., хранящихся теперь в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА).

Довольно внушительные библиотеки принадлежали некоторым боярам, судя по записям на отдельных экземплярах, оставшихся от этих книжных собраний. Мало известно нам о царской библиотеке, но таковая, несомненно, существовала. Иностранные и русские свидетельства сообщают о громадной библиотеке латинских и греческих рукописей, принадлежавшей московским царям. Теперь уже можно с определенностью утверждать, что рассказы иностранцев об этой библиотеке были основаны на действительном факте, а не только на легендах⁸⁰.

В Москве впервые зародилось русское книгопечатание. Настоящим годом его возникновения «при митрополите Макарии» надо считать 1553 год. Печатное дело нашло поддержку Ивана Грозного, тогда еще человека молодого и отзывчивого на новые начинания. В 1563 г. началось официальное печатание книг, которому предшествовал выпуск так называемых безвыходных изданий, книг, вышедших без обозначения времени и места их печатания. В 1564 г. появился на свет первенец царской типографии — знаменитый первопечатный Апостол, результат трудов двух русских мастеров — Ивана Федорова и Петра Мстиславца⁸¹.

Книгопечатание в Москве было трагически нарушено в 1565 г. отъездом первопечатников в Литовское великое княжество, но оно стояло на прочных ногах и возобновилось уже через три года. На этот раз печатниками были Никита Тарасьев и Невежа Тимофеев, может быть, ученики первопечатников. С этого времени книгопечатание долгое время находится в руках одной и той же фамилии. Невеже Тимофееву наследует сын его Андроник Тимофеев,

⁷⁹ Рукопись собрания автора. Беседы Иоанна Златоуста, в 1°, красивой скорописью 1593 г.

⁸⁰ «Новый мир», 1960, № 1.

⁸¹ У истоков русского книгопечатания. М., 1959.— М. Н. Тихомиров. Начало книгопечатания в России.

работающий при царях Федоре Ивановиче и Борисе Годунове. Он выпускает ряд книг, в послесловиях к которым называет себя Андроником Тимофеевым Невежею. Ему наследует его сын Иван Андроников сын Невежин. Он так и подписывается на Апостоле 1606 г., напечатанном при Дмитрие Самозванце: «напечатана же бысть сия богодухновенная книга художством и труды многогрешнаго Ивана Андроникова сына Невежина и прочих сработников, трудившихся любезными труды».

Печатный двор в Москве XVI в. занимал уже почетное место среди других учреждений столицы. По словам летописца, при Борисе Годунове «печатали книги: Еуангелья, Апостолы, Псалтыри, Часовники, Минеи общие, Триоди постные и цветные, Охтай, Службеники. А печатаны в розных городех»⁸². К сожалению, издания, напечатанные в других городах России того времени, пока не обнаружены.

Печатное дело требовало не только технического мастерства, но и определенного литературного таланта. Большие и витиеватые послесловия к книгам, сочиненные первопечатниками и утвержденные царем и митрополитом,— источник очень своеобразный и пока еще не изученный. Чего стоит, например, изложение титула Лжедмитрия в Апостоле 1606 г., напечатанного «повелением благочестия поборника и божественных велений изрядна ревнителя, благовернаго и христолюбиваго исконнаго государя всея великия Росии крестоноснаго царя и великаго князя Дмитрия Ивановича всея Росии самодержца».

В Москве сосредоточивались лучшие художники и мастера тогдашней России. Они принимали участие в росписи московских соборов и церквей, расписывали Грановитую палату с ее аллегорическими изображениями, выполняли большие иконописные композиции, подобные изображению воинствующей церкви в Мироваренной палате в Кремле. Из Москвы посылали архитекторов для строительства городов. Сюда собирали лучших зодчих, подобных Барме и Постнику, строителям Покровского собора (Василия Блаженного). В Москве находились любители, своего рода болельщики того времени, восхищавшиеся новыми постройками. «Во дни благочестиваго царя и великаго князя Федора Ивановича всея Русии,— читаем в одном летописце,— зделаны верхи у Троицы и у Покрова на рву розными образцы и железом немецким обиты и от пожару от самага не бысть верхов на тех храмах»⁸³. Под пожаром, видимо, понимается большой пожар Москвы в 1571 г.

Как говорилось выше, Москва давала для страны лучших пушечных и колокольных мастеров. Странные и необычные замыслы различного рода технических усовершенствований предлагались иногда царскому двору. Об одном из таких любопытных случаев

⁸² Пискаревский летописец, стр. 105.

⁸³ Там же, стр. 99.

рассказывает летописец. Некий человек из Твери заявил, что он может делать золото. Его привели в Москву и заставили делать опыты, но «не дашася ему такая мудрость». Царь приказал боярам пытаться тверского алхимика вместе с его учеником. Алхимик оправдывался тем, что он, как и раньше, кладет в сосуд зелье и водку, однако, ничего не получается. Не выдержав мучений, оба алхимика отравились ртутью «и в той муке и преставися»⁸⁴.

Москва была своего рода законодательницей мод. По московским образцам старались одеваться щеголи того времени, карикатурные изображения которых дал в своих посланиях митрополит Даниил.

Лучшие образцы вооружения и конских уборов обозначались почтительным термином «на московское дело». В столицу собирались со всех концов страны для покупок различного рода товаров. Одним словом, Москва XVI в. была застрельщиком всего нового, что создавалось в стране. Недаром русские люди горько ошлакивали разорение своей столицы интервентами. «Преславная, но и паче превеликая Москва, — восклицает Катыврев-Ростовский, — коль немилостиво раскопана и тяжкими пореваема падении, и стрелницы твои высоки низу опровержеса». Тот же автор дальше добавляет: «Слышанна же сия бывшая победа во всех градах московских, яко превеликая Москва разрушена и раскопанна, и плакашеса о таковой победе вси людие»⁸⁵.

ПОДМОСКОВЬЕ

В непосредственной близости к столице, на ее окраине располагались большие монастыри, служившие и оборонными фортами.

К Замоскворечью примыкал Донской монастырь, основанный в 1592 г. или несколько позже, когда в нем была построена каменная церковь Донской Богоматери, сохранившаяся до настоящего времени. Донской монастырь имел прозвание, «что в обозе», так как он стоял на месте русского лагеря (обоза) при войске, защищавшем в 1591 г. Москву от набега крымского хана Казы-Гирея⁸⁶.

Поблизости от Москвы-реки, на южной окраине столицы стоял Данилов монастырь, считавшийся старейшим московским

⁸⁴ Там же, стр. 94, 99.

⁸⁵ РИБ, т. XIII, стр. 607—608.

⁸⁶ И. Забелин. Историческое описание Московского ставропигиального Донского монастыря. М., 1865. В связи с победой над татарами под Москвой Годунов получил в 1592 г. «служное имя», три города в Ваге «да судно золотое, слово Мамай, что на Мамаеве побоище побил великий князь Дмитрий Иоаннович Донской Мамай царя, и то судно тогда взято, его мамаевское царю, и государь пожаловал Бориса Федоровича для памяти роду его».

монастырем, поставленным князем Данилом Александровичем. Впрочем, древность монастыря не соответствовала его бедной обстановке. Зато своими церквями, башнями и стенами выдавался Симонов монастырь, лежавший на другой стороне Москвы-реки. Женский Новодевичий монастырь прикрывал столицу с запада. Это была особо почитаемая обитель благодаря постригавшимся тут аристократкам — своеобразный московский Сен-Сир XVI в., за высокими стенами которого скрывалось множество разбитых женских сердец. В непосредственной близости к столице «на Крутицах», высоком обрывистом берегу Москвы-реки, возвышалась резиденция крутицких епископов, позже митрополитов с ее каменными церквями, сохранившимися до нашего времени.

На Яузе стоял Андроников монастырь с каменным собором и кельями.

Таким образом, укрепленные монастыри окружали столицу с запада, юга и востока, тогда как на северной окраине стояли только небольшие монастырьки, которых в тогдашней Москве было немало. Они помещались и на окраинах столицы, и в ее центральных районах.

Высокие соборные храмы больших монастырей иногда служили своего рода ориентирами. Летописец записал о необычном небесном явлении, которое он видел из Кремля. Вокруг солнца появился круг, точно дуга из красных, зеленых, багряных и желтых лучей. Солнечный круг стоял вровень с верхом собора в Андроньевом монастыре. От него шли два луча: один простирался к церкви Ильи под Соснами (поблизости от Кремля), другой к церкви Никиты Мученика за Яузою⁸⁷.

В непосредственной близости к столице находилось несколько сел и деревень, теперь уже давно вошедших в состав городской территории. На северной окраине города к их числу принадлежало село Напрудское с каменной церковкой Трифона, построенной в XVI в. и сохранившейся до нашего времени, а также Красное село в районе нынешней Красносельской улицы. Эти села с давнего времени были дворцовыми. Из них Красное село особенно прославилось своей верностью восставшим крестьянам и холопам, осаждавшим Москву под предводительством Болотникова. На западной окраине города в его состав уже вошло село Дорогомилово, принадлежавшее раньше ростовским епископам. На южной оконечности города стояло село Хвостово, принадлежавшее в XIV в. крамольным боярам Хвостовым; теперь оно сделалось просто Хвостовым переулком в Замоскворечье. На высоком берегу реки Москвы, там, где открывается величественный вид на столицу, находилось село Воробьево с царским дворцом. Отсюда в мятежный 1547 г. молодой Иван IV со страхом глядел на горящую Москву. Место села и теперь обозначено церковью, стоящей на

⁸⁷ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 252. Примечание.

крутом берегу Москвы-реки на Ленинских горах. Свое название село Воробьево, вероятнее всего, получило от боярской фамилии Воробьевых, известной в XIV в.

На реке Сетуни, тогда в глухой и тихой местности, а теперь поблизости от университета, раскинулось село Голеницево — любимая загородная дача московских митрополитов, куда они уезжали в тиетных поисках уединения.

На северо-западной окраине столицы возвышались Три горы, память о которых дошла до нашего времени в названиях Трехгорного переулкa и Трехгорной мануфактуры. Когда-то здесь на живописном берегу Москвы-реки помещался двор серпуховского князя Владимира Андреевича, двоюродного брата Дмитрия Донского, сражавшегося вместе с ним на Куликовом поле против татар. Местность эта в XVI в. могла уже считаться московской окраиной.

Ближайшая подмосковная округа была усеяна селами и деревнями. Наиболее живописные уголки на реке Москве, выше и ниже столицы, с давнего времени принадлежали великим князьям, их родственникам, крупным боярам, высшему духовенству и монастырям.

К юго-западу от столицы на реке Москве стояло село Кожухово — вотчина крутицкого митрополита, а поблизости от него старинный монастырь Николы на Перерве. Ниже по реке находились села Коломенское и Остров, известные уже с XIV столетия. Коломенское было постоянной загородной царской резиденцией. Здесь на высоком речном берегу возвышались две каменные церкви — Вознесения и Иоанна Предтечи (в Дьякове) — замечательные произведения русского искусства XVI столетия. О шатровой церкви Вознесения точно известно, что ее построили в 1533 г. «на древеное дело», т. е. по образцу деревянных церквей. Поблизости от церкви в Коломенском располагался царский дворец с многочисленными деревянными и каменными постройками. Широкая река, необозримый простор заливных лугов, высокие холмы и глубокие овраги, заросшие вековыми липами и вязами, придают этой местности очарование и в наше время. В прежние же времена Коломенское с прилегающими деревнями имело особый интерес для царского хозяйства, так как на глинистой коломенской почве хорошо произрастали фруктовые деревья и ягодные кустарники — неременная принадлежность старорусских садов.

Другим дворцовым селением, особенно любимым царями, был Остров. И в наше время это селение с группами старых липовых деревьев кажется как бы островом среди окружающих лугов. Над деревьями подымается высокий шатер каменной церкви XVI в., как бы венчая лесной островок среди полей и лугов. Остатков дворца уже давно нет, но можно предполагать, что он стоял в непосредственной близости от церкви.

На другой стороне Москвы-реки, против Острова, и теперь еще сохранились остатки обширных лесов, тянувшихся вдоль реки Москвы до впадения в нее Пахры, где стояло село Мячково, известное своими каменоломнями. Белый мячковский камень нашел большое применение при строительстве. Мячковские каменщики пользовались привилегиями и имели особую жалованную грамоту.

К югу от Москвы, в живописных местностях по берегам прудов и речек, были разбросаны села и деревни, упоминаемые уже в грамотах XIV в.: Ясенево, Черная Грязь (теперь Царицыно) и др. В этой части Подмосковья долгое время держались остатки боярского землевладения, и многие села получили свое наименование по имени их владельцев, феодалов своего времени.

Большая часть этих сел и деревень входила в древний Васильцев стаи. Это название восходит уже к первой половине XIV в. Так, в духовных Ивана Калиты говорится о медовом городском оброке «Васильцева веданья». Василий, или Василец,— это, вероятно, известный московский тысяцкий Василий, в ведении которого должны были находиться сборы, «оброки», собиравшиеся в городе и в предгородной территории. Сила традиции была так велика, что даже Иван Грозный в своей духовной, написанной в 1572 г., упоминает о давно исчезнувшем Добрятинском селе с бортью «и с Васильцовом столом». Впрочем, бортный лес с дикими пчелами еще долгое время мог существовать в обширном Лосином острове, носившем в начале нашего века полудикий характер, несмотря на его непосредственную близость к столице. Большие леса со всех сторон подступали к Москве XVI в., и их благословенные сени, точнее, их остатки, до сих пор украшают наше Подмосковье.

К западу от столицы, вверх по течению Москвы-реки также располагались царские и боярские села. Крупнейшим из них было Крылатское — одно из самых любопытных подмосковных селений по своему местоположению. Строения здесь расположены и по склонам холмов, и на своеобразных террасах, напоминая не равнинную русскую деревню, а крымские поселения. Еще ближе, к Москве, тоже на берегу реки, стояло село Хорошево, само название которого напоминает о чудесном виде на Москву-реку, на окрестные луга и рожи. Здесь в конце XVI в. была поставлена каменная церковь, сохранившаяся до нашего времени.

На Москве-реке стояло село Тушино с монастырем Спаса на Восток. Все церковное имущество в нем принадлежало вотчиннику Андриану Тушину «с братьею». По неизвестным причинам село Тушино перешло во владение Троице-Сергиева монастыря, оставившего на старом месте игумена с шестью монахами. Монастырь был для своего времени богато обстроен, имел две каменные церкви, одна из которых в конце XVI в. только еще строилась и стояла недоделанной.

В Тушине помещался монастырский двор и «задней» (короткий) двор. Главный свой доход монастырь получал от мельниц на реке Восточной (ныне Сходней). Тут работали четыре мельницы: мельница «подзаразная», мельница мостовая, мельница поселенная, мельница «на усть Восточной реки». Каждая из них давала от 15 до 25 рублей дохода в год, доход очень немалый по тому времени⁸⁸.

Не лишне отметить, что и другие речки вокруг Москвы были перегорожены мельничными плотинами. Это вносит хорошую поправку к нашим представлениям о подмосковном пейзаже XVI в., который оживлялся многочисленными большими прудами с плотинами и мельницами.

К северной окраине столицы примыкали обширные и болотистые леса. Большие села здесь располагались по течению Яузы. В непосредственной близости к городу стояли старинные села на Яузе: Свиблово, Медведково, Тайнинское. Первое название произошло от бояр Свибловых, вошедших в крामолу к великим князьям в XIV в. и наказанных за это отнятием у них вотчин, носивших тогда общее название «свибловских сел».

Село Тайнинское, или Танинское, что может быть и более правильно, было дворцовым и упоминается в летописных известиях XVI в. В нем ночевал Иван Грозный во время своего возвращения в Москву после взятия Казани⁸⁹.

С севера Москва была окружена поместьями и вотчинами, которые принадлежали боярам, дворянам, а также монастырям и церквам. Вот неполные, выборочные сведения о подмосковных вотчинах и поместьях к северу от столицы: село Измайлово принадлежало Никите Романовичу Юрьеву, Рубцово — Протасию Васильевичу Юрьеву. Эти села, стоявшие в непосредственной близости к Москве, вошли теперь в городскую территорию⁹⁰.

На Клязьме и Уче находились «старые вотчины» Вельяминовых (село Федосьино), князей Шуйских (село Степаново), Траханиотовых (село Козодавлево), Шеиных (село Курово). Тут же обзавелся вотчинами знаменитый временщик конца XVI столетия дьяк Василий Щелкалов.

В деревне Вантеево на реке Уче одно время стояла бумажная мельница — первое бумажное предприятие в России. В 1576 г. указывали место, «что бывало за Федором за Савиным, который бумажную мельницу держал»⁹¹.

⁸⁸ Писцовые книги XVI века. Под ред. Н. В. Калачова. Отделение I—II. СПб., 1872 (далее — ПК). I, стр. 54—55.

⁸⁹ ПСРЛ, т. XX, стр. 534, 576.

⁹⁰ ПК, I, стр. 2—3.

⁹¹ Н. П. Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891, стр. 3.

Большие люди захватывали в свое распоряжение и поместные земли. В их числе находим, например, Никиту Романовича Юрьева, брата царицы Анастасии, жены Ивана IV. Ему принадлежало село Чальшиново на реке Лоби, где отмечена каменная церковь о 5 верхах во имя Троицы с приделом Алексея божьего человека. Раньше это село принадлежало Григорию Степановичу Собакину, а еще раньше князю Ивану Юрьевичу Токмакову (до его опалы). Теперь — это село Чашниково, немножко севернее реки Клязьмы, по которой в XVI в. располагались покосы Романовых.

Подмосковные вотчины служили местами отдыха для их владельцев и порой **насчитывали очень малое** количество крестьянских дворов. В вотчине Траханиотовых (село Козодавлево на Клязьме) стояло два вотчинниковых двора, двор челядинный, четыре двора людских, крестьянских дворов не показано вовсе. Следовательно, это была типичная боярская усадьба⁹². С небольшим количеством крестьянских дворов в подмосковных селах, принадлежавших крупным вотчинникам, встречаемся и в других случаях.

Дворы мелких землевладельцев, естественно, были гораздо скромнее. Сохранилось описание двора митрополичьего певчего дьяка. Двор стоял на реке Уче на большой Дмитровской дороге. Усадьба занимала площадь в 30 на 20 сажень. Тут стояли две избы, одна длиною в 3, а другая — в 2,5 сажени. Тут же находился сенник на подклете — низком деревянном сооружении, служившем как бы полуподвальным этажом. Была и другая изба с сенником и еще сенник на подклете; между сенников стояла конюшня. Двор окружал плетень, в него вели бревенчатые («брусяные») ворота. Строения были покрыты лубьем (липовой корой) и дранкой («драницами»). Такая усадьба имела назначение служить местом отдыха. Владелец ее не заводил пашни, но зато очень заботился о корме для скота, судя по количеству хранилиц для сена.

Северное Подмосковье усеяно было также селами и деревнями, перешедшими во владение монастырей и церковей. В непосредственном соседстве со столицей на речке Сосенке стояло Черкизово — село Чудова монастыря, которое упоминается уже в завещании митрополита Алексея как село Серкизовское, видимо, по имени боярина Серкиза, убитого на Куликовом поле.

Троицкому монастырю принадлежало село Ростокينو на Яузе с церковью Воскресения. Угодья Ростокина составлялись главным образом из лугов. Доход в монастырь поступал от мельницы на Яузе (15 рублей в год) и от перевоза через эту речку (2 рубля). Мельница была такой прибыльной, что ростокинские крестьяне были освобождены монастырем от платежа оброков. Зато «сже-

⁹² АФЭ, ч. 1, № 44, стр. 57—58.

веснь» (каждую весну) они чинили плотину, возили для нее землю и навоз, готовили лесные материалы.

Митрополиту принадлежало село Пушкино на Уче с церковью Николы, а также мельница и перевоз на той же речке. Половиной села Пирогова на Клязьме владел Кириллов Белозерский монастырь, а селом Образцовым на Клязьме же — Спасо-Евфимьев монастырь в Суздале.

В селе Воздвиженском по дороге из Москвы в Троицкий монастырь находился царский дворец. Грамота 1526 г. была дана Троицкому монастырю в этом селе⁹³ во время богомольного путешествия великого князя Василия III в Троицкий монастырь после его женитьбы на Елене Глинской.

Подмосковье было самым густонаселенным районом во всей России. Таким образом, Москва XVI в. выступает перед нами как город с обширной округой, имеющей крупное сельскохозяйственное, ремесленное и торговое значение. Этого мы не найдем ни в одной области России того времени, в том числе ни в Псковской, ни в Новгородской, ни в какой-либо иной русской земле XVI в.

---

⁹³ М. Дьяконов. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве, вып. II. Юрьев, 1897, стр. 4.

Глава V

МОСКОВСКИЙ КРАЙ

ОБЩИЙ ОБЗОР

Границы Московского края очерчиваются приблизительно так: на западе крайними пунктами края можно считать Можайск и Волоколамск. Западные рубежи Подмосковья были устойчивыми и сложились уже в XIV столетии. К западу от Можайска начинались густые леса и болота и на большом, почти 100-верстном протяжении, между Можайском и Вязьмой, не было ни одного города. Дорога шла по местности, изрезанной речками и оврагами; польские послы насчитали между Дорогобужем и Вязьмой 140 мостов, отмечая, что здесь «дорога не слишком хороша».

Южная граница Московского края очерчивалась рекой Окой. Наиболее опасными местами на Оке были броды между Серпуховом и Каширой, через которые переправлялись крымские татары во время своих набегов на Москву и ее окрестности. При Василии III мерили броды, «сколь который глубок черезо всю реку или до половины, или до трети, и сколь те броды широки, и с которую сторону мель, с сю ли сторону или с ту сторону»¹. По этим бродам татарам нередко удавалось переправиться через Оку и вторгнуться в южные уезды Московского края. Наиболее памятными были набеги крымцев в 1521 и 1571 гг., когда татары опустошили даже окрестности Москвы. Еще в 1526 г. приходилось давать льготу крестьянам Коломенских и Боровских волостей, так много сел и деревень было «от татар выжжено и вывоевано»².

На востоке границей Московского края служили лесные массивы верстах в 50—80 от Москвы. Это были остатки громадных лесов, в которых плутали княжеские военные отряды во время

¹ Русский исторический сборник, т. III. М., 1838, стр. 85—86.

² М. Дьяконов. Указ. соч., вып. II, стр. 3.

междоусобиц XII—XIII вв. Леса служили хорошей защитой от татарских набегов, настолько надежной, что за два столетия (XIV—XV) не было ни одного случая татарского нападения на Москву, совершенного с востока.

На севере границей Московского края служила река Дубна, впадающая в Волгу. Леса и болота отделяли Дмитровский уезд от соседней Переяславщины.

Климатические условия центра России, как известно, отличаются умеренностью и континентальностью: холодная зима сменяется жарким летом, с большой разницей температур самого холодного месяца (января) и самого теплого (июля). Между севером и югом эта разница меньше заметна, чем между западом и востоком. Континентальность климата в центральной полосе России усиливается по направлению на восток (вернее с северо-запада на юго-восток). Поэтому климат Тверского края более умеренный, чем Рязанского.

Большая часть Московского края была покрыта лесами. Растительный покров довольно резко отличен в северной и в южной частях. Север края входит в полосу хвойных лесов, юг покрыт лиственными лесами. Москва выросла на стыке двух лесных покровов. Это и порождает тот поразительный контраст между великими березовыми и дубовыми лесами к югу от Москвы и строгим обlichem сосновых боров, обступающих Ярославскую дорогу.

Основной речной артерией Московского края была Москва-река с ее наиболее крупными притоками Истрой и Рузой. На севере особое значение имели Яхрома и Дубна, связывавшие Московский край с Поволжьем. Меньшее значение имела Клязьма, протекающая в Подмосковье только в своем верхнем течении. Что касается Оки, то она долгое время была, как говорилось выше, пограничной линией, но всегда являлась основной торговой артерией края, выведившей к Волге и Каспийскому морю, важной водной дорогой, связывавшей Подмосковье с Поволжьем.

Московский край изобилует селами и деревнями. И города здесь располагались относительно близко друг от друга, гораздо ближе, чем в других районах страны. Крупнейшими из них были Коломна, Серпухов, Можайск и Волоколамск, находившиеся как бы на периферии Московского края. К юго-западу от столицы размещались второстепенные города: Звенигород, Руза, Веря, Боровск. Впрочем, и малые и большие города края одинаково были крепостями, защищавшими подступы к Москве со всех сторон. Безопасная восточная сторона края была в то же время и самой пустынной. На обширном протяжении от Москвы до Владимира не было ни одного города, кроме небольшого Коврова.

В Московском крае сосредоточивались крупнейшие монастыривотчинники: Пафлутиев Боровский, Иосифов-Волоколамский, Савино-Сторожевский, Троице-Сергиевский. Каждый из них представлял собой настоящую крепость. Под ее стенами размещались

слободки, заселенные монастырскими людьми и имевшие торговое значение.

В целом же центр Российского государства представлял собой старинный обжитой и густо населенный район с предприимчивым населением.

ПАШНЯ И ЛЕС

Как показывают сохранившиеся писцовые книги, Московский край в XVI в. был уже сильно распахан. Причину этого трудно искать в особо благоприятных почвенных условиях подмосковных районов, как это делал покойный П. П. Смирнов, так как почва Подмоскovie не принадлежит к числу особо плодородных.

Лучшие земли лежали к югу и юго-востоку от Москвы, но и здесь «худая» и «средняя» земля преобладала над «доброй». Так, в некоторых селениях Васильцова стана, примыкавшего к Москве с юго-востока, считалось пашни «доброй земли» 100 четей, «средней земли» — 400 четей и «худой земли» — 400 четей³. Следовательно, тут «средняя» и «худая» земля явно преобладала над «доброй». В северных же и западных подмосковных станах постоянно встречаем указания на «худую землю». В Рязском уезде, например, некоторые села обладали только «худой землей», у других количество «средней земли» не превышало $\frac{1}{5}$ всей пашни.

Поражает и большое количество пахотных земель, лежавших в Подмосковном крае под перелогом или поросших лесом («пашни лесом поросло»). В описаниях про некоторые земли, покрывшиеся кустарниками, так и говорится: «кустарем поросло». Иногда вместо кустарника отмечается поросняк: «и поросником поросло»⁴. «Поросняк», по Далю, — мелкий кустарник с преобладанием ивняка.

В поисках новых пашен лесные пространства распахивались довольно безжалостно, и Н. А. Рожков, писавший на основании писцовых книг о недостатке леса в Московском крае, не был уже так далек от истины, как укорял его В. О. Ключевский. Ошибка Рожкова была в том, что относительный недостаток леса при некоторых селах он распространил на весь Московский край. Огромные лесные массивы еще стояли в XVI столетии в Московском крае в болотистых и малодоступных по тому времени местах, далеких от больших городов и селений. Но в более населенных местностях лес ценился высоко. Во многих случаях отмечалось качество леса: «у деревень рощи в бревно 20 десятин да в кол и в жердь 100 десятин»⁵. Это явный показатель того, что ценился

³ ПК, I, стр. 9.

⁴ Там же, стр. 610.

⁵ Там же, стр. 688.

не просто лес, а его качество. Многие территории Московского края были покрыты мелким лесом «в кол и в жердь» — следствие усиленной вырубки леса, а также оставления земли под перелог. Лес, принадлежавший Белопесочному монастырю под Каширой, описывается по всем его видам: «лесу пашенного кустарю 5 десятин, а непашенного лесу, болота, по реке по Оке по смете 15 десятин, да большого лесу, бору, по смете и по сказке в длину на версту, а поперек полверсты».

Строчевой лес ценился настолько дорого, что подарки лесными угодьями отмечались во вкладных книгах. В Махрицкий монастырь, например, было дано по одному вкладу 7 десятин, по другому 10 десятин леса, «а цена 20 рублей». Значит, десятина леса стоила 2 рубля, столько же, сколько 20 четвертей ржи в урожайный год. Это прекрасная иллюстрация относительной дороговизны леса в Московском крае в XVI в.⁶

Еще в конце XV в. районы к юго-западу от Москвы были покрыты густыми лесами. Межевые грамоты рисуют перед нами эту лесную сторону. Лес, принадлежавший селу Почап, по словам старожильцев, «пошел и до Колужского рубежа», т. е. до границы с Калужским уездом. Характер хозяйства в этом районе довольно четко определяется спором о селище Зеленово, считавшемся принадлежавшим к названному селу. Зеленово отдавалось в аренду, «в наймы сена косити», в пашню, а также для различного рода лесных промыслов: лес секли и драли бересту на деготь.⁷

Громадный массив леса был расположен в излучине, образуемой Сестрой и ее притоком Дубной в том самом якобы «безлесном»; по Н. А. Рожкову, Дмитровском уезде. Здесь и в начале XIX в. было очень мало селений, а монастырь, основанный при слиянии Дубны с Сестрой, получил характерное название Медвежьей пустыни. Обширные малопроезжие леса лежали на границе Московского края с Владимирским.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ, САДОВОДСТВО И ОГОРОДНИЧЕСТВО

Земледелие в Московском крае в XVI в. отличалось значительной прогрессивностью по сравнению с многими другими областями тогдашней России. Об этом можно судить по писцовым книгам, где земля измеряется обычно в трех полях. Уже в 1498—

⁶ Леонид. Махрицкий монастырь. «Чтения ОИДР», 1878, кн. 3.

⁷ Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI в., т. I—II. М., 1952, 1598 (далее — АСВР), т. I, № 607—607а.

1499 г. писец, измеряя митрополичью землю, насчитал в одной деревне «пашни во всех трех полах» тридцать десятинов. В 1555 г. в селе Орудьево с деревнями Дмитровского уезда хозяйственные угодья измерялись пашней в трех полях.

Трехполье в Московском крае прочно установилось: «пашни девяносто одна четверть в одном поле, а в двух полах потому ж, сена восьмьсот семьдесят пять копен»⁸. Что слова «в одном поле, а в двух потому ж» указывают именно на трехполье, видно из одного судного дела 1553 г., где читаем о пашне: «рожь сеяли наши крестьяне монастырские в 61 году, а ярь сего лета пахали силно те дети боярские». Речь идет о боярских детях, насильно захвативших чужую землю⁹. Здесь ясно указывается, что в одно лето сеяли озимое (рожь), в другое «ярь». Поэтому и при перечислении имущества отмечались деревни «с хлебом, с рожью и с ярью».

Основными хлебами Московского края были рожь и овес, в меньшей степени пшеница и ячмень.

Примерный состав культурных растений, возделываемых в Московском крае, перечисляет документ, по которому князь Пожарский передал в Троицкий монастырь деревню Гуцино в Звенигородском уезде. Эта вотчина перешла в монастырь вместе с хлебом земляным, с рожью и с ярью, «со княжим хлебом, опричь крестьянского хлеба». На княжеской земле были посеяны рожь, овес, ячмень, немного пшеницы, его меньше гороха и конопли. Существовал и огород «с капустою и с овоци». Тут названы основные культурные растения, типичные для Московского края¹⁰.

Пшеницу, впрочем, сеяли сравнительно редко, иногда указывалось, что ее не сеют, «потому что не родится». Пшеница в Московском крае давала небольшие урожаи, так как техника земледелия стояла на низком уровне.

В середине XVI в. вдова дворянка, происходившая из рода Сатиных, так перечисляла продукты, которые она получала по духовному завещанию мужа на свое содержание «оброком з году на год»: 13 четвертей ржи, 7 четвертей овса, 2 четверти пшеницы, 2 четверти солоду ячного, 2 четверти солоду ржаного, 1 четверть толокна, 1 четверть конопли, 1 четверть гороха¹¹.

Количество хлеба, производимого в различных селах, изме-

⁸ Акты до юридического быта относящиеся (далее — АЮБ), т. I, стр. 83. Четверть равнялась 0,5 десятины.

⁹ Акты гражданской расправы, т. II, № 66, стр. 129.

¹⁰ С. Ш у м а к о в. Сотницы, грамоты и записи, вып. 5. «Чтения ОИДР», 1909, кн. 4, стр. 27. Хлеба состояли из «ржи моей княжой на 30 четвертях, а овса на 40 четвертях, да ячменя на 7 четвертях, да пшеницы на 1½ четверти, да на чети гороху, да на чети конопел, да огород с капустою и с овоци».

¹¹ АФЗ, ч. 2, стр. 293, запись 1560 г.

рялось нередко возами. Например, Симонов монастырь имел право беспоплинно вывозить из своих вотчин жито на 100 возах; возы сопровождали пешие крестьяне, обычно зимой. Впрочем, в этом случае монастырь указывал 100 возов с большим запросом во избежание уплаты пошлин¹².

Средние урожаи ржи и овса по Московскому краю за ряд лет установить нельзя, но можно утвердительно сказать, что они сильно колебались из года в год. Об этом свидетельствуют записи о ценах на рожь и овес во вкладной книге Махрицкого Стефанова монастыря, находившегося поблизости от Александровой слободы. Махрицкий монастырь нуждался в хлебных запасах, о которых упоминается во вкладной книге под разными годами с отметкой о ценах на рожь и овес. В 1557 г. монастырь получил вклад: 50 четвертей ржи общей стоимостью в 10 рублей. Значит, каждая четверть ржи обошлась в 2 гривны (20 коп.). В 1564 г. четверть ржи стоила 5 алтын (15 коп.), а овса 2 алтына (6 коп.). В 1570 г. в неурожайный год четверть ржи стоила 1 рубль. В 1583 г. рожь опять ценилась по 2 гривны за четверть, а овес по 1 гривне. В том же году за горох платили по полуполтине (25 коп.) за четверть. Вкладная книга отмечает годовую рыночную цену на продукты: «рожь того лета была» и пр.¹³

Замечание о прогрессивности сельского хозяйства, сделанное выше, стоит в противоречии с выводом Н. А. Рожкова. По его мнению, в центральных уездах России к концу XVI в. наблюдается упадок земледелия по сравнению с 60-ми годами того же столетия¹⁴. Но вывод этот сделан на основании статистических наблюдений над писцовыми книгами и сотными, которые привели Н. А. Рожкова и к выводу о беслесности Московского края. Между тем всякая повременная статистика имеет доказательную силу только при возможности сопоставить показания разных годов, а сделать это по разрозненным писцовым книгам XVI в. для Московского края невозможно. Основным признаком упадка земледелия Н. А. Рожков считал увеличение перелого и пашни наездом. Но эти показатели говорят не о способах обработки земли, а об увеличении площади, занимаемой под пашню. Пашня наездом была одной из стадий в распахивании лесных земель, и увеличение ее говорит не об упадке земледелия, а об его распространении на лесные угодья, где отыскивались лучшие земли, расположенные в отдалении от сел и деревень. К тому же нельзя забывать о своеобразии статистики XVI в., то отмечающей перелог и пашню наездом, то ее пропускающей. Так, из таблицы, составленной Н. А. Рожковым, со всей ясностью вытекает, что некоторые описания 60-х годов вообще пропускали указание на перелог, будто

¹² АСВР, т. II, стр. 467 и 474.

¹³ Леонид. Указ. соч. «Чтения ОИДР», 1878, кн. 3.

¹⁴ Н. А. Рожков. Указ. соч., стр. 66—72.

такого перелога не было вовсе, а хозяйство велось по всем передовым правилам трехполья.

К счастью, у нас есть возможность более детально ознакомиться с сельским хозяйством в Московском крае XVI в. на основании одного совсем почти не использованного источника — ужиных, умолотных и других хозяйственных книг Иосифова Волоколамского монастыря. Только в последнее время этот источник стал использоваться в научных трудах. Выписки из хозяйственных книг сделаны автором еще во время нахождения их в монастырском архиве, до разорения монастыря фаллистскими войсками.

Размеры сельскохозяйственных предприятий Иосифова монастыря были весьма обширными. Все вотчинные земли монастыря были разделены сперва на три, в конце XVI в. на шесть приказов, каждый во главе с посельским старцем. В 1592 г. во всей монастырской вотчине было высеяно 6658 четвертей, а собрано ярового хлеба 16045 четвертей. Под пашни занимали не только прежние поля, но сеяли и «на новом раздоре».

Покупка и продажа хлеба производилась редко; свой хлеб обычно удовлетворял потребности монастырских вотчин¹⁵. Громадные скирды немолоченого хлеба стояли в монастырских селах, дожидаясь голодных лет. В 1600 г. во всей монастырской вотчине по селам оказалось 7792 четверти молоченого и немолоченого хлеба. Немолоченая рожь стояла «в кладех» — в скирдах.

Особенностью Московского края было распространение в нем садоводства и огородничества. К XVI — началу XVII в. относятся названия различных сортов яблок, например, налив, бель Можайская и др. Некоторые названия явно заимствованы из других стран: «аркат», «скруп», «малеты белые и красные», «штрюцель». Вероятно, эти сорта были вывезены для дворцовых и боярских садов из-за границы¹⁶.

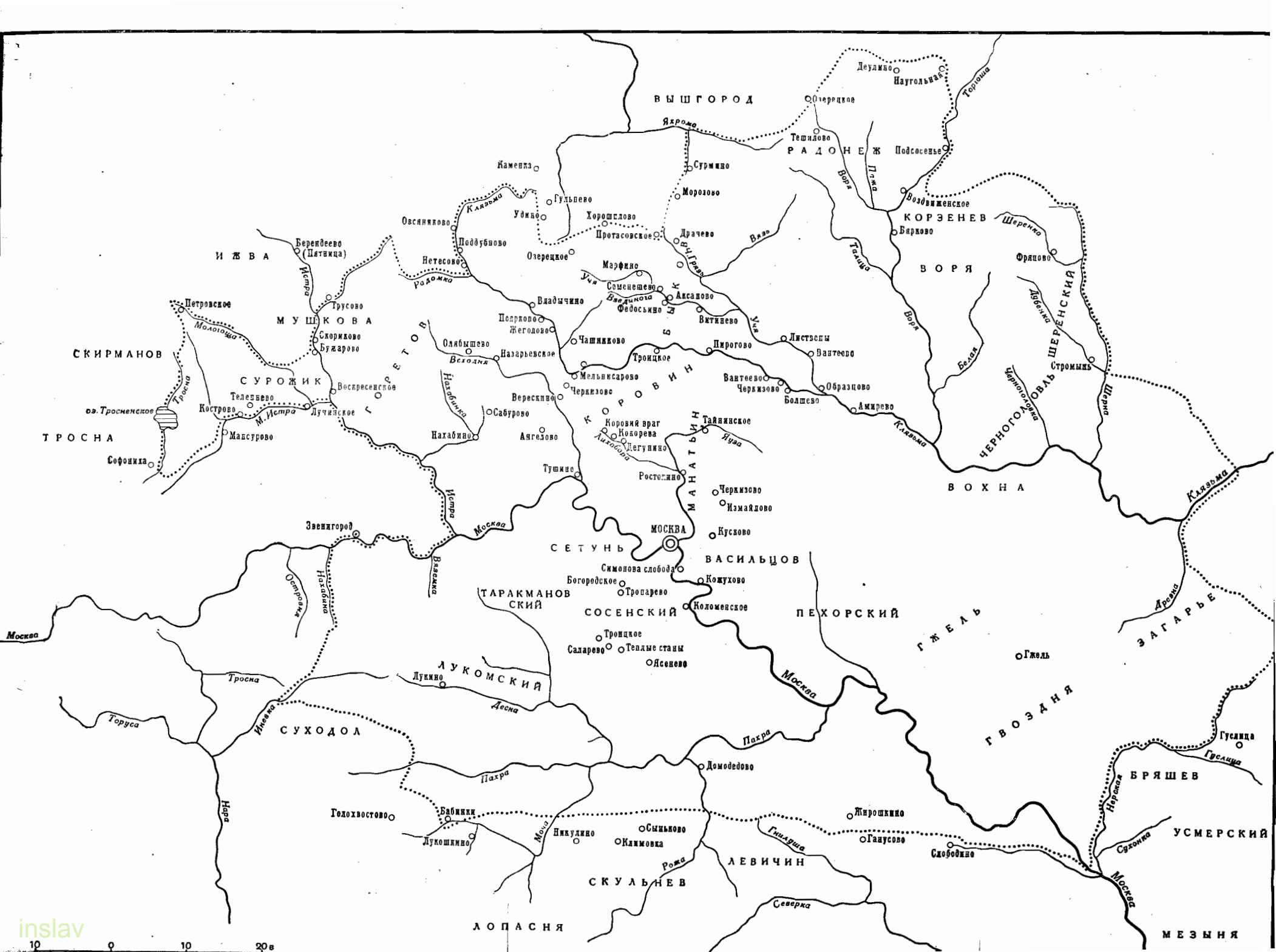
В документах встречаются указания на особых садовников.

Кроме того, немалое значение имели огороды. В Иосифове Волоколамском монастыре чеснок шел даже на продажу. В Обиходнике этого монастыря указываются в довольно изобильном, хотя и постном питании монахов в числе постоянных блюд и приправ («в недели во все») «капуста белая в осень, а с весны новая, трава медуница, а здесь щемелица словет, или борщ молодой, или кислица, свекла с чесноком или с луком»¹⁷. Свежая, или «новая», капуста появлялась в монастырской трапезе очень рано, «с весны», самое позднее в июне или июле.

¹⁵ М. Н. Тихомиров. Монастырь — вотчинник XVI века. «Исторические записки», т. 3, 1937, стр. 140—142.

¹⁶ Ю. В. Готье. Указ. соч., стр. 458—459.

¹⁷ Обиходник Иосифова Волоколамского монастыря XVI в. ГИМ, Синод. собр., № 1720.

СКОТОВОДСТВО

Земледельце в Московском крае было тесно связано с продуктовым скотоводством. В связи с этим в повинности крестьян нередко входила обязанность поставлять вотчиннику сметану и другие молочные продукты¹⁸.

В документах XVI в. постоянно отмечается не только земля пахотная, но и сенные угодья. При этом замечен некоторый недостаток в лугах, в силу чего траву косили на лесных «сечах», полянах и просеках, образовавшихся после рубки леса¹⁹. Имеется значительное количество документов на продажу и покупку лугов — «пожень». С какой тщательностью отмечались границы покосов, видно из межевых грамот XVI в., по которым границы покосов указывались ямами, у ям росли кусты, помеченные в межевых документах, как особые признаки: ивовый куст, березовый, рябиновый²⁰.

В вотчинах Иосифова Волоколамского монастыря на скотоводство обращалось большое внимание. Посельские старцы и монастырские слуги внимательно следили за скотом и давали точные справки о его количестве и о заготовленных для скота кормах. Приведем выписки из книг монастыря за 1593 г., показывающие, какое значение имело скотоводство для монастырского хозяйства.

«Ко сту первому [1593] году во всеи монастырской вотчине укошено монастырского сена на лутех и на пустоших и на всяких покосех 8908 копец мерных двусаженных и те мерные копны положити против летошних 8 немерных волоковых копен копну в полтары копны. И того 13 062 копны. И тому сену расход: в приказе конюшево старца Арсения монастырских и служных лошадей, в большем стаде на дворце 120 лошади да у Алексея у Растегая в стаде 92 лошади, да в Луковникове у Степашка в стаде 80 лошадей, да в Трызнове у Мартышка 36 лошадей. И всего монастырских лошадей во всех стадах 328 лошадей, да служных лошадей, которые живут на дворце, 33 лошади, да поместных слуг 24 лошади. И всего служных лошадей, и дворцовых и поместных 57 лошадей, и всего в приказе конюшево старца Арсения Тучина монастырских и служных лошадей 385 лошадей». Далее дается расчет, сколько необходимо сена, и приводится итог: «сена за расходы за всякими 5 126 копен мерные».

Расчет сена для приказа старца Иякова Соколова сделан в таком виде: «Село Луковниково, а в нем монастырского сена 263 копны мерных двусаженных. А на дворе животины монастырской 14 коров да телица третьяка, да две телушки лонских, да три бычка лонских, да 49 овец, да боран. И на корову на одну копна сена мерная на двенадцать недель, да соломы яровой к тому.

¹⁸ См., например, ПК, I, стр. 278 и 280.

¹⁹ АФЗ, ч. 1, № 51, стр. 65.

²⁰ См. например, межевую грамоту 1558 г. (АФЗ, ч. 2, № 273, стр. 277).

И всего в Луковникове животины монастырской: коров и быков и телиц 25. И на всю животину надобно сена на шесть месяц, от ноября месяца по май месяц 50 копен мерных, а на овцу на одну кошна сена на десят недель, да мякина всякая, да к тому лист на них пасен. И на все овцы надобно сена на шесть месяц 125 копен.

И всего корму в Луковникове на сена, за животинною прокормью, 88 копен. И то достолное сена в Луковникове на монастырские обиходы. А животине опришно того не давати, а приказшикова лошади авес три сотныцы отметны, а сена указ ему будет от конюшево со всеми с монастырскими лошедми ровно»²¹.

РЫБНЫЕ И БОРТНЫЕ УГОДЬЯ

Большое значение в центральном районе придавалось рыбным угожьям, в первую очередь различным озерам, которых, впрочем, здесь немного. Крупнейшим водоемом было Тростенское озеро, из которого вытекает река Озерна. В конце XVI столетия оно принадлежало трем владельцам: царю Симеону Касаевичу, Саввину Сторожевскому монастырю и Онуфриевскому монастырю, стоявшему на самом озере («под Онофреевским монастырем большое озеро Тростенское») ²².

Ближе к Москве находились два сельца Озерецких, стоявших на озерах. Одно из них лежало поблизости от дороги, шедшей из Москвы в Дмитров, и принадлежало дворцовому ведомству, оно служило местом отдыха царей.

Второе Озерецкое («на Галицком озерке») находилось на дороге из Дмитрова в Троицкий монастырь и перешло во владение этого монастыря в XVI в. ²³

К числу значительных озер относили и озеро Ижво к северу от Москвы, в котором особенно отмечались щуки. Озеро принадлежало удельным дмитровским князьям, а после них перешло в дворцовое ведомство. При нем находились рыболовецкие деревни. В озере ловили щук и голавлей ²⁴.

Но и озера небольшого размера считались завидным владением. Кроме того, с давнего времени устраивались пруды с мельницами, стоявшими на запрудах.

В писцовых книгах постоянно отмечаются даже небольшие озера и пруды с краткой характеристикой их рыбных богатств: «в речке и в озере рыба всякая белая», или «в селе ж в Черкизове пруд, а в нем рыба карасы, да два пруда за лесом, а в них рыба карасы же» ²⁵.

²¹ Запись сделана по книгам 1593 г. (лл. 246—258) в монастырском архиве.

²² ПК, I, стр. 707.

²³ Там же, стр. 734.

²⁴ АФЗ, ч. 2, стр. 481.

²⁵ ПК, I, стр. 167.

Рыбу, конечно, ловили и в реках и в речках, но в целом Московский край испытывал в XVI столетии явный недостаток в рыбе, которую привозили из Поволжья и Рязанской земли, богатых рыбными угодьями.

Некоторое значение для края имели охота и бортничество. Впрочем, ценный пушной зверь уже почти не водился в московских лесах, хотя по старой традиции некоторые села еще назывались «бобровничьими». Уставная грамота, данная в 1509 г. дмитровским князем Юрием Ивановичем «бобровым» деревням, указывает все повинности крестьян в обычных земледельческих и скотоводческих продуктах. Бобровники дают княжескому ловчему с пяти деревень полти мяса, хлеб, возы сена и т. д. Поборы с крестьян установлены в зависимости от того, сколько та или другая деревня имеет пашни и других угодий: «которая деревня болши пашнею и угодьем, и они [писцы] на ту деревню болши корму и поборов положат»²⁶. Ловля бобров уже перестала быть главным занятием жителей бобровых деревень, перешедших в разряд обыкновенных пашенных поселений.

Значительно большее значение, чем охота, имело бортничество. В Каширском уезде «медвяный оброк» кое-где сохранялся еще в конце XVI в. Владелец села Есипова платил, например, в Большой дворец, ведавший царскими доходами, оброк медом по 7 пудов с четвертью²⁷. Иосифов монастырь иногда продавал воск на относительно значительную сумму. Тому же монастырю принадлежали деревни, где жили бортники, обязанные платить оброк со своих лесов «по своим старым знаменем», т. е. по отметкам на бортных деревьях²⁸. Но бортничество, постепенно отходя в прошлое, в целом уже не было характерным для Московского края XVI в.

ДЕРЕВЕНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Обычным типом поселения в Московском крае было село с окружающими его деревнями. В селе стояли церковь, двор вотчинника, если село принадлежало землевладельцу, а также несколько десятков дворов. Деревни были поселениями небольшими, состоящими всего из одного — пяти дворов.

Интересные наблюдения можно сделать, изучая сотную выпись на села и деревни Иосифова монастыря в Волоцком уезде (1544 г.), где указывается только число дворов и «людей». Под последними понимаются только хозяева дворов и мужчины. В монастырских селах числилось по 12, 21, 10, 17 дворов. В селе Черленково крестьянских дворов не показано вовсе, хотя там была

²⁶ ААЭ, т. I, № 450, стр. 121.

²⁷ ПК, II, стр. 1348.

²⁸ АФЗ, ч. 2, № 400, стр. 447.

церковь и жил монастырский дворник. В деревнях стояло от 2 до 10 дворов, но деревни с 10 дворами были редкостью. Количество деревень, тянувших к селу («а деревень к селу»), равнялось, примерно, 10—15²⁹.

В черной волости Вохпа, которую в конце XVI в. все еще называли «княж Володимерская вотчина Ондреевичча», как принадлежавшую раньше князю Владимиру Андреевичу Старицкому, центрами были погосты. Из них три погоста названы живущими, а два пустыми. В погосте стояли одна, иногда две церкви (теплая и холодная), попов двор, кельи старцев или нищих.

Можно даже наблюдать, как возникали такие погосты. На реке Вохопке у деревни Климовы «на поле поставлен погост ново Парасковген, нареченные Пятницы, церковь древена, клетцки, стоит без пенья, да на монастыре келья, живет в ней старчик, да 2 кельи, да двор попов пуст. А строил тот погост деревни Климовы крестьянин Ивашко Оксенов. Да под тою же деревней была мельница колотовка, и тое мельницу вода снесла». Кроме погостов в волости насчитывалось 119 деревень, а в них 535 крестьянских и 74 бобыльских дворов³⁰.

В вотчине Троице-Сергиева монастыря в селе Сабурове Коломенского уезда, стоявшем на берегу реки Москвы, располагались деревянная церковь, дворы попа и пономаря, монастырский и коровий двор, 27 крестьянских дворов. В прилегающих к селу деревнях насчитывалось по 16, 4 и 6 дворов³¹.

Деревня с ее крестьянскими дворами имела неказистый, убогий вид. Случайно сохранилось описание деревни Черной в Хованском стане Волоцкого уезда. Она состояла из трех дворов, «а на дворах хором: по избе, да по клетке, да хлевы крестьянские»³². Значит, каждый двор состоял из теплой избы и «клетки», т. е. холодной избы. Подсобными помещениями были хлева.

В XVI столетии население Московского края жило более разбросанно, чем в последующие века, так что при первом поверхностном взгляде может создаться впечатление, что край был более населен в XVI столетии, чем в последующие. Но такое наблюдение было бы неправильным. Проведенное мной изучение топографии Олявидовщины (округи села Олявидова в Дмитровском крае) показало, что многие деревни и починки, тянувшие к Олявидову по писцовым книгам XVI в., уже не существуют по писцовым книгам 1626 г. Однако их местоположение устанавливается и теперь по показаниям местных жителей, называющих соответствующие урочища. Зато количество дворов в селе и в существующих

²⁹ АФЗ, ч. 2, № 179, стр. 178 и сл.

³⁰ ПК, I, стр. 86, 94.

³¹ Там же, стр. 608—611.

³² С. Шумаков. Обзор грамот коллегии экономии, вып. 3, стр. 173. «Чтения ОИДР», 1902, кн. 3.

ющих деревнях явно увеличилось, произошло как бы стягивание населения в села и деревни.

Таким образом, устанавливается интересный факт большей разбросанности населения Московского края в XVI столетии по сравнению с последующим временем.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Московский край в основном был областью боярского и церковного землевладения. Только кое-где как остаток далекого прошлого еще оставались дворцовые и черносошные земли. Вотчины больших людей и монастырей плотно окружали столицу; они преобладали и в остальных уездах Московского края.

В Звенигородском уезде находились вотчины крупных боярских родов и служилых людей: князей Шуйских, Фупиковых, Мецецких, Палецких. Однако боярское землевладение тут все-таки отступало на второй план перед церковным. Церковные вотчины окружали город Звенигород тесным кольцом. На реке Москве, ниже Звенигорода, стояло митрополичье село Оксиньинское, а выше его село Луцыно, принадлежавшее Крутицкому митрополиту. В непосредственной близости к Звенигороду располагалась вотчина Саввино-Сторожевского монастыря, которому принадлежали села Корабчеево, Шерапово, Софьино, Дютково, Локотна, Покровское и др. Вотчинами в Звенигородском уезде обладал и Троице-Сергиев монастырь (село Андреевское). В конце века в Угожском стане были помещены бояре и дети боярские царя Симеона Бекбулатовича. Земли получили 1 боярин и 32 сына боярских. Всего же царю Симеону служили 2 боярина и 172 сына боярских.

Большое развитие получило вотчинное землевладение и в Коломенском уезде. Здесь находились имения крупнейших московских боярских родов: Шереметевых, Романовых, Головиных, Яковлевых и других. Вотчины Шереметевых были сосредоточены в непосредственной близости к городу, в Большом Микулине стане. Федору Васильевичу Шереметеву принадлежало село Чиркино на речке Городенке («старая их вотчина»). В селе стояла каменная церковь, по-видимому, в это время только строящаяся (одни придел «почет делать, а не свершен, камен»). Рядом находилось село Федоровское на речке Северке, принадлежавшее вдове Семена Васильевича Шереметева. Тут же была вотчина другого Шереметева, Федора Ивановича, состоявшая из трех сел, сельца и восьми деревень. В их число входило село Городна с каменной шатровой церковью, сохранившейся до нашего времени. Старая вотчина Федора Васильевича Шереметева помещалась и в Маковском стане (село Оксиньино на речке Большой Городенке), в Скулневском стане (деревня Рудино). Ранее Шереметевым

принадлежало и село Прус в Похрянском стане тоже с каменной церковью. Село было продано ими коломенскому епископу³³.

Для шереметевских вотчин характерно существование в них каменных церквей. Может быть историкам искусства следовало бы заинтересоваться этими памятниками каменного зодчества, связанными с Шереметевыми. Ведь рассматривают же они особый «нарышкинский стиль» в конце XVII в. Существование каменных церквей в селах Коломенского уезда говорит о том, что в этом уезде каменное зодчество было относительно развито.

Вид богатой боярской вотчины имело село Степаново в Большом Микулине стане, принадлежавшее боярину Никите Романовичу Юрьеву. В нем находилась каменная церковь, а «среди села 2 пруда с рыбою», у прудов стояла мельница. К Степанову примыкали село Лысцово Цепово и четыре деревни.

Юрьевы-Романовы владели вотчинами в Коломенском уезде с давнего времени. Это видно из того, что Григорий Романович Юрьев дал Спасскому монастырю в Москве свою деревню Хлопенки на речке Коломенке³⁴.

В Коневском стане находилась старая вотчина Головиных село Игнатьево, принадлежавшая Петру Ивановичу Головину. Поблизости от нее была расположена старая вотчина Ивана Ивановича Головина³⁵.

В Большом Микулине стане писцовые книги отмечают «Семеновские вотчины Яковля» (Яковлевых) село Желивы у Оки. К нему примыкали пустоши, «что были в вотчине за Семеном Яковля»³⁶. Старобоярское землевладение, впрочем, в конце XVI в. находилось в Коломенском уезде в упадке. Боярские вотчины переходили в руки новых владельцев. Тем не менее и в конце XVI в. среди вотчинников Коломенского уезда найдем немало старинных дворянских фамилий: Копниных, Колтовских и др.

Крупнейшим среди церковных феодалов Московского края был Троице-Сергиев монастырь. В конце XVI в. только в одном Дмитровском уезде ему принадлежало 12 сел, 14 сельцов, 137 деревень и 2 починка. В них насчитывалось 917 крестьянских и 40 бобыльских дворов. Такие троицкие вотчины, как села Ольявидово или Сянково с деревнями, были хорошо организованными хозяйствами. В Ольявидове стояла церковь «древяна вверх», дворы церковного причта и 8 келий нищих, монастырский двор, в котором жил «старец», 14 пашенных крестьянских дворов. К селу тянуло 25 деревень, представлявших собой небольшие поселения в два — четыре двора.

В селе Рождественском на реке Нудоле в Берендеевском стане монастырский двор представлял собой целую усадьбу. На нем

³³ ПК, I, стр. 382—385, 442, 452, 492.

³⁴ Там же, стр. 378, 389.

³⁵ Там же, стр. 426—427.

³⁶ Там же, стр. 364, 371, 392.

стояли горница, а против нее повалуша с сенами, изба, против нее клетка, ледник, тут же две житницы, поварня, а на заднем дворе челядинная изба. Во дворе жили представители монастырских властей — «для пашни Давыд Перхушков», приказчик и доводчик. В монастырском хозяйстве немалое значение имела десятинная пашня, «что крестьяне пашут на монастырь»³⁷.

Троицкий монастырь успешно собирал земельные имущества и в других подмосковных уездах. В Оболенском уезде ему принадлежало село Пажа на реке Протве и 16 деревень, в которых числилось 13 бобыльских и 93 крестьянских дворов. Таким образом, здесь деревни представляли собой очень незначительные поселения, всего в пять-шесть дворов. В Боровском уезде Троицкий монастырь имел 2 сельца и 8 деревень — всего 120 крестьянских и 14 бобыльских дворов. Деревни здесь были более населенными, чем в соседнем Оболенском уезде.

В Ярославецком уезде в Холохолском стане Троице-Сергиев монастырь владел селом Почеп, «Завалье тож», а также 8 деревнями (90 крестьянских дворов). В Угодском стане тому же монастырю принадлежало село Передол поблизости от Протвы и 8 деревень с 71 крестьянским двором³⁸.

Троице-Сергиев монастырь был одним из крупных вотчинников и Верейского уезда. Ему здесь принадлежали 2 села и 20 деревень, около 300 дворов (из них 273 крестьянских). В селе Егорьевском стояла каменная церковь. Эксплуатация крестьян монастырскими властями достигла здесь таких размеров, что монастырская пашня была только в два раза меньше крестьянской: Крестьянской пашни считалось 516 четей, а монастырской — 250, «средние земли». Кроме того, большое количество земли считалось «худой» и поросло лесом³⁹.

Но и помимо Троицкого монастыря земли жадно расхватывались как монастырями, так и епископами. В Коломенском уезде, например, на первом месте среди церковных феодалов стоял «владыка» (епископ). Основные его владения группировались поблизости от города на речке Коломенке. Тут стояло село Городище с каменным храмом. Всего в одном только Большом Микулине стане «в вотчине владыки Коломенского» числилось 5 сел, 2 погоста, сельцо, 17 деревень и 26 пустошей⁴⁰. Кроме того, владыка прикупил у Шереметевых село Прус. Значительные владения принадлежали также монастырям Голутвину и Бобреневу в Коломне, Богоявленскому и Данилову в Москве, Угрешскому и др. Большой вотчиной обладал Чудов монастырь. Ему принадлежала Высоцкая волость по реке Гуслице. Центром волости было село

³⁷ ПК, I, стр. 751—756.

³⁸ С. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи. «Чтения ОИДР», 1902, кн. 2, № 46, стр. 151—170.

³⁹ Там же, № 46.

⁴⁰ ПК, I, стр. 385—389.

Высокое (теперь город Егорьевск), к которому тянуло 65 деревень и 29 пустошей⁴¹.

В целом Московский край по своему землевладению резко шагнул в сторону развития крупного землевладения.

Поместное владение сохраняло особенно большое значение на юге Московского края, в непосредственной близости к Оке, к которой уже близко подходило дикое поле, — главным образом в Каширском и Коломенском уездах.

Судя по писцовым книгам, отдельные поместья часто меняли своих владельцев. Возьмем для примера Коневский стан Коломенского уезда. В нем деревня Семеновская была за Толстовым, «а прежде того была в поместье за Григорьем Сухотиным». Поместье Бирево принадлежало раньше Ильину, поместье Зачесломского — Котеневу, Телешова — Баранову и т. д.

Интересной особенностью Коломенского уезда было испомещение в нем значительного количества татар, а также выезжих немцев, чухон и т. д.⁴²

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПОВИННОСТИ

Самой распространенной формой крестьянских повинностей в Московском крае была барщина на земле вотчинника или помещика. Пахать барскую пашню, убирать барское сено, возить на боярский двор дрова было таким обычным явлением, что при перечислении доходов вотчинника иногда даже не считали нужным их особо указывать, просто замечая: «а доходов собирают на монастырь [следует перечисление доходов], oprичь пашни, и сена, и дров». В других случаях обязанность крестьян отбывать барщину изложена в таких словах: «а доходов с селца Олабышева и с деревни сказали крестьяне князю Ондрею оброку не платят никаких, а пашют на него пашню и сено косят и дрова секут и к Москве возят на своих подводах»⁴³. Кроме барщины крестьяне платили продуктами: сметаной и яйцами. Крестьяне села Давыдовского в Сурожском стане давали своей боярыне 3 ведра сметаны и 600 яиц в год⁴⁴. В вотчинах Троицкого монастыря, как и в других монастырских деревнях, собирали «за масло, и за сметану, и за яйца», за выделанные овчины, лосконные и льняные холсты. Кроме того, крестьяне платили монастырскому приказчику свадебные пошлины за выводную куницу, за «новоженной убрूस».

В большом троицком селе Сабурове крестьяне также были обложены повинностями в пользу монастыря. Прежде всего они платили денежный оброк за барщину («изделье»), затем со всякой окладной единицы («выги») давали по четверти ржи, по выделан-

⁴¹ ПК, I, стр. 569—575.

⁴² Там же, стр. 337, 416, 445.

⁴³ Там же, стр. 59.

⁴⁴ Там же, стр. 62.

ной овчине, а с двух вытей по холсту. В Троицкой вотчине, находившейся в том же Коломенском уезде, в сельце Екиматово, крестьяне в монастырь денежных доходов «не дают никаких, oprичь того, что пашут на монастырь пашню и сено косят, да тот хлеб и сено отвозят с монастырь и к Москве на Троецкое подворье». Пашню на монастырь крестьяне пахали и в других троицких вотчинах⁴⁵.

ЗАПАДНЫЕ УЕЗДЫ И ГОРОДА МОСКОВСКОГО КРАЯ

Западная окраина Московского края не отличалась богатством природных условий. В основном это была равнина, изрезанная долинами речек и ручейков, без особенно заметных повышений почвы, иногда живописная, с крутыми оврагами и холмами, покрытыми хвойными или смешанными лесами.

Большие села густо располагались по Москве-реке и по Истре. На реке Истрце (в печатном тексте ошибка — Кстрце) стояло село Лучинское с церковью Николая, находившееся в конце XVI в. в поместном владении князя Семена Ардасовича Черкасского. К селу тянуло 18 деревень. Село Татищево на Истре принадлежало Татищевым. В их владении был и погост на реке Истрце, где стояла каменная церковь Рождества Христова с двумя приделами (Петра и Алексея митрополитов)⁴⁶.

Крупными селами здесь были Бужарово и Пятница Берендеево. Бужарово, принадлежавшее Иосифову Волоколамскому монастырю, по сотной 1538 г. насчитывало вместе с приписными деревнями 45 дворов. Спустя 36 лет в тех же селениях отмечалось около 60 дворов. Еще крупнее было село Пятница Берендеево на Истре, где стоял Пятницкий монастырь. Окружающий его стан назывался Берендеевым⁴⁷.

Два больших села Буйгород и Ярополч носили названия, которые заставляют предполагать, что первоначально это были городки. В Буйгороде в середине XVI в., когда это село еще оставалось дворцовым, а не перешло во владение Иосифова монастыря, стояли две церкви. В селе насчитывался 101 крестьянский двор⁴⁸. Следовательно, это было крупное поселение. В селе Ярополч, также попавшем во владение того же монастыря, насчитывалось (вместе с деревнями) 67 дворов.

Западные уезды были краем небольших уделов, находившихся долгое время в руках потомков боковых ветвей московского

⁴⁵ ПК, I, стр. 608—611.

⁴⁶ Там же, стр. 96 и сл. Каменная церковь стояла в 1562 г. и в селе Черленкове (АФЗ, ч. 1, № 295, стр. 303).

⁴⁷ Имеется статья о документах, связанных с Берендеевым («Московские губернские ведомости», 1854, № 24).

⁴⁸ АФЗ, ч. 2, № 178, стр. 174—178.

правлящего дома. Можайские и Волоцкие князья всеми правдами и неправдами додержали свои владения до конца XV — начала XVI столетий.

Можайский удел возник в конце XIV в., когда он достался во владение Андрею Дмитриевичу, сыну Дмитрия Донского. После смерти Андрея удел был разделен на две части между его сыновьями. Старший Иван Андреевич получил Можайск, младший Михаил Андреевич — Верею. Иван Можайский принял участие в междоусобной войне середины XV в. на стороне Шемяки и заплатил за это потерей своего удела (1454 г.). Он бежал в Литовское великое княжество, где получил во владение Чернигов и Стародуб.

Позже на короткое время Можайск был уделом князя Юрия Васильевича (1462—1473).

Верецкий удел также просуществовал недолго. Михаил Андреевич скончался в 1486 г., а незадолго до этого (1484 г.) его сын Василий бежал в Литву. По вынужденному завещанию Михаила Андреевича его удел перешел во владение великого князя.

Дольше просуществовало Волоцкое, или Волоколамское, княжество. Оно возникло в 1462 г., когда Василий Темный передал Волоколамск, Ржев и Рузу своему сыну Борису, тогда еще мальчику. Борису наследовал его сын Федор, умерший в 1513 г., после чего Волоцкий удел был присоединен к великому княжеству⁴⁹.

В западных уездах находились крупные и почитаемые монастыри XVI в.: Пафнутиев Боровский, Иосифов Волоцкий (Волоколамский), Саввино-Сторожевский. Все они возникли в прежних удельных княжествах, как, впрочем, и другие крупнейшие монастыри России XV—XVI столетий — Троице-Сергиевский и Кириллов Белозерский. Видимо, пребывание под властью удельных князей способствовало развитию монастырского землевладения и усилению феодальной мощи монастырей, так как власть удельных князей была слабее и монастыри легче накапливали свои земельные владения под их эгидой, чем под сильной рукой великих князей.

О названных выше монастырях имеется большая литература, и это позволяет ограничиться здесь несколькими замечаниями.

Иосифов Волоцкий монастырь был основан в лесистой местности километрах в 20 от Волоколамска. О хозяйстве этого монастыря написано очень много⁵⁰, так как хозяйственные монастырские

⁴⁹ А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 гг., т. II. СПб., 1891, стр. 317—336, 352—363.

⁵⁰ М. Н. Тихомиров. Монастырь — вотчинник XVI века. «Исторические записки», т. 3; Книга ключей и долговая книга Иосифова Волоколамского монастыря XVI века. Документы монастыря изданы А. А. Зиминим (АФЗ, ч. 2).

документы (приходо-расходные, ужинные и умолотные книги, акты, записи) сохранились довольно полно даже от XVI в. Монастырь был окружен крепкими стенами с башнями, в нем стоял каменный собор, великолепно украшенный иконами. Под монастырем находилась подмонастырская слободка. Иосифов Волоцкий монастырь на северо-западной окраине Московского края представлял собой значительную крепость. Ему принадлежало большое количество сел в ближайших уездах. «Презлые иосифляне» были постоянными участниками церковных соборов и яростными гонителями своих врагов. В то же время монастырь был крупным центром книжности и обладал большой библиотекой⁵¹. Творения иосифлян многочисленны. Из их среды вышел такой видный писатель, каким был митрополит Даниил. При Василии III и Иване Грозном монастырь находился под особым царским покровительством и был связан с опричными кругами. В нем был похоронен Малюта Скуратов, ежегодно поминаемый монахами; «и цки есть», — замечает монастырский Обиходник о его могиле. Дцки («цки») — надгробные камни.

В нескольких километрах от Звенигорода находился **Саввино-Сторожевский монастырь**, основанный еще в XIV в. Название монастыря «на Сторожех» указывает на его значение как передового пункта, прикрывавшего доступы к Москве с западной стороны. Иногда монастырь обозначали как стоявший «в Звенигороде на посаде»⁵². Каменный собор в монастыре, созданный в начале XV в., был его главной достопримечательностью. Но та прекрасная обстройка, которая украшает монастырь в настоящее время, возникла позже, при царе Алексее Михайловиче.

Пафнутиев Боровский монастырь, основанный в XV столетии, находился поблизости от Боровска, который в годы основания монастыря принадлежал Серпуховскому княжеству. Из Боровского монастыря вышел Иосиф Волоцкий, бывший одно время его игуменом.

Наиболее значительными городами в западных уездах Московского края были Волоколамск и Можайск. Остальные города представляли собой небольшие крепости.

Самым ближним к столице был **Звенигород** на Москве-реке — когда-то столица князя Юрия Дмитриевича, оспаривавшего московский трон у Василия Васильевича Темного. В XVI столетии он находился во владении удельного князя Юрия Ивановича, а позже Владимира Андреевича Старицкого. Крепость в Звенигороде давно потеряла свое значение, а посад был, видимо, ничтожным. В начале XVII в. он насчитывал два-три десятка дворов. По росписи 1622 г. в Звенигороде считалось 23 двора «да 29 дворовых

⁵¹ Н. А. Булгаков. Преподобный Иосиф Волоколамский. Изд. 2. М., 1905.

⁵² ПК, I, стр. 111.

мест старые и новые пустоши»⁵³. О прежнем значении города свидетельствовал только каменный собор начала XV столетия, стоявший на высоком Городище.

Боровск, столица удельного княжества в более раннее время, в XVI в. считался незначительным городом. В первой половине этого столетия в нем существовало пороховое производство — «зеленый амбар». Крестьяне соседних сел обязаны были поставлять для него с крестьянской выти по возу земли и возу дров⁵⁴.

Город **Руза** стоял на берегу реки Рузы, образующей тут большую излучину. Остатки прежней крепости ясно очерчиваются большим насыпным валом крутого речного берега. Крепость эта имела некоторое значение даже в начале XVII столетия, когда она оказала успешное сопротивление польским войскам.

Посад в Рузе XVI в. был довольно большим и насчитывал, по некоторым сведениям, 200 дворов. Правда, это указание позднее и, возможно, преувеличенное, но едва ли его можно полностью отвергать. В 1624 г. посадские люди указывали, что когда Руза была за царевичем Араслан-Алеем Кайбулиным, «было их в Рузе жильцов за 200 человек и больше»⁵⁵. Точное время, когда Араслан-Алей владел Рузой, установить трудно. Вероятно, это было в конце XVI — начале XVII в., потому что Араслан с августа 1614 г. сделался уже касимовским царем⁵⁶. Араслан получал с посадских людей деньги за оброк на землю, полавочное, за рыбные ловли и сменные покосы на «Княжем лугу» на реке Рузе. В целом же Руза имела только местное значение⁵⁷.

Почти ничего не известно о Верее в XVI столетии, кроме указаний на закуску там одним монастырем хлеба. Как и соседние небольшие города, **Верея** уже сделалась местным рынком небольшого значения.

К числу относительно значительных городов на западе Московского края принадлежал **Волоколамск**, — старинный Волок Ламский. Город был расположен на двух речках — Городенке и Весовке, впадающих в Ламу. Крепость Волоколамска стояла на холме на берегу речки Городенки и была обнесена высоким валом. В XVII столетии на вершине вала возвышался город, срубленный из дерева, с проезжими воротами и башнями. Внутри крепости находился собор, построенный, по старым сведениям, в 1480 г. Старые планы Волоколамска показывают, что к Кремлю с юго-

⁵³ Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Собрал и отредактировал С. Веселовский, т. I (акты 1587—1627 гг.). М., 1913 (далее — Акты писцового дела), № 128, стр. 271.

⁵⁴ М. Дьяконов. Указ. соч., вып. II, стр. 8.

⁵⁵ Акты писцового дела, т. I, № 143, стр. 296. По росписи 1624 г., в Рузе был 41 двор, да из 12 дворов посадские люди разошлись, «да старые пустоши 38 дворов» (там же, № 128, стр. 271).

⁵⁶ В. В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч., ч. 3, гл. XIII.

⁵⁷ АФЗ, ч. 2, стр. 125—131.

восточной стороны примыкал посад, частично обнесенный валом⁵⁸. На посаде находился Возмицкий монастырь с каменным собором XV в., «Пречистая на Возмище»⁵⁹.

Крайне интересны названия некоторых церквей Волоколамска. В нем находились церкви Никола Мокрого и Никола Гостунского. Никола Мокрый был покровителем путешественников по воде, Никола Гостунский — покровителем купцов, торговавших льном. Эти известия могут указывать на некоторые особенности в хозяйственной жизни Волоколамска.

О ремесле и торговле Волоколамска в XVI столетии известно очень немного. С. В. Бахрушин отмечает значительное развитие в городе кожевешного и отчасти кузнечного промыслов. Городской рынок имел чисто местный характер⁶⁰.

МОЖАЙСК

Самым значительным городом в западной части Московского края был Можайск, о котором дают ясное представление писцовые книги 1596—1598 гг.⁶¹

Можайская крепость состояла из деревянных стен, обмазанных глиной, с деревянными башнями и большими каменными Никольскими воротами. Кремль стоял на высоком холме при речке Можаяе, отделяясь от посада рвом, через который был перекинут деревянный мост «на взрубех». Длина каждой городни в стене равнялась 3 саженим. В кремле стояло несколько церквей, в том числе каменный собор Никола Можайского. Внутренность кремля была к концу XVI в. почти пустой. Здесь находились присутственные места: избы городского приказчика, губных старост, целовальников, сторожей при Никольских воротах, а также две тюрьмы. В городе постоянно жили протопоп и церковный причт Никольского собора, а также 12 нищих в богадельне.

Основная масса населения Можайска жила на посаде, где стояло 205 дворов посадских людей (из них 175 дворов принадлежало «молодшим людям», а 30 — «средним»). Внешний облик города выглядел богато. На посаде стояло до 25 церквей, из которых многие были шатровыми, «древяны вверх». Существование на посаде большого числа шатровых церквей (не менее десяти) говорит не только о художественных вкусах посадских людей, но

⁵⁸ Н. А. Рождественский. Описание города Волоколамска Московской губернии. Сборник материалов для изучения Москвы и Московской губернии, изданный Московским губернским статистическим комитетом, вып. I. М., 1864.

⁵⁹ АФЗ, ч. 2, № 97, стр. 92.

⁶⁰ С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 155—156.

⁶¹ Писцовые книги XVI века, I, стр. 612—654. Книги полностью опубликованы в издании Арх. Дионисий. Можайские акты (1506—1775). Издание Общества любителей древней письменности. СПб., 1892, стр. 5—69.

и об их относительной зажиточности, так как сооружение шатровых зданий требовало значительно больших затрат, чем создание церковей «клетчки» по образцу обычных строений.

На посаде непосредственно у крепости находилась торговая площадь и стоял царский двор. Кроме того, документы упоминают о «государевом саде», за которым ухаживали садовники, занимавшие на посаде два двора.

Церкви Можайска отличались значительным богатством. Бархатные и атласные оплечья, вышитые золотом, дорогие украшения на иконах существовали не только в ружных царских церквях, но и в приходских храмах, где были «образы и свечи и книги и всякое церковное строенье приходных людей». Это тоже показатель зажиточности посадских людей.

Общую картину Можайска дополняли довольно многочисленные для такого города монастыри. К их числу принадлежал монастырь Иоакима и Анны с каменной и с одной деревянной шатровой церковью. В монастыре стояли две игуменские и шесть монашеских келий. Менее значительными были монастыри Сретенский, Борисоглебский, Троицкий, Петропавловский, а также два девичьих монастыря: Петровский и Благовещенский. Самым крупным был Лужецкий монастырь Рождества Богородицы с каменной церковью о пяти верхах, про которую сказано, что в ней «подписано все стенным письмом». В монастыре стояла колокольница с боевыми часами, келья архимандрита и десять монашеских келий.

Главную массу населения Можайска составляли «черные» посадские люди, что отметил уже Н. Д. Чечулин. «В Можайске, — писал он, — очевидно, ремесленная деятельность находится именно в руках посадских людей»⁶². Основной специальностью можайских ремесленников было изготовление кожаных изделий. Среди черных людей отмечены 24 сапожника, 13 кожевников, 3 овчинника, 2 рукавишника, 2 подошвенника, 2 скорняка, 2 сырейщика, 1 сыромятник, 1 башмачник. Общее же число ремесленников таких специальностей в Можайске доходило до 33. В целом, по подсчетам Чечулина, в Можайске занимались кожевенным и сапожным делом свыше 60 человек.

Среди других ремесленных специальностей выделялись кушничники (5), горшечники (4), плотники (13), камешники (2), серебряники (7), иконники (6), ножевники (3), гладильщики (6), «трушники» (4). Среди посадских черных людей находим немалое количество ремесленников, занимавшихся производством пищевых продуктов: хлебников, мясников, калачников, пирожников и пр. Эта группа по численности даже превышала остальных ремесленников, как и в других русских городах, но не придавала

⁶² Н. Д. Чечулин. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889, стр. 181.

можайскому ремеслу какого-либо специфического оттенка. Только большое количество прасолов (10) позволяет говорить об особом значении мясного промысла, возможно, связанного с доставкой мяса в Москву.

Как видно, заметную группу населения в Можайске составляли посадские люди, которых насчитывалось 205 живущих дворов. Однако посадские люди в Можайске по численности явно отступали перед другими категориями городского населения. Здесь на первом месте выступают зависимые люди, жившие в разных беломестных слободках, населенных ремесленниками. «Слободки монастырские, — читаем в писцовой книге, — а в них живут торговые и мастеровые молотчие люди, а с посадскими с черными людьми тягла не тянут, оприч городского дела». Таких монастырских слободок было несколько. В Сретенской слободке стояло 5, в Благовещенской 5, в Якиманской 22, в Лужецкой 13 дворов, а всего 45 дворов. В слободке, находившейся при самом Лужецком монастыре, было 25 дворов. Таким образом, в Можайске вместе с посадскими дворами насчитывалось по крайней мере 275 дворов. Раньше же количество дворов в беломестных слободах было еще большим, как это видно из сотной 1544 г.

Хозяйственное значение и состав населения монастырских слободок легко проследить на примере большой слободки Лужецкого («Лужковского») монастыря с церковью Ивана Богослова (по сотной 1544 г.). Слободка помещалась за посадом по реке Москве и была населена монастырскими слугами, «поварами и плотниками», которых насчитывалось 12. В той же слободе стояли «дворы крестьянские тяглые» общим числом 61. Несмотря на название «крестьянские», дворы были населены и ремесленниками; там стояли дворы четырех кожевников, одного кузнеца, одного портного, двух скоморохов. Другая Лужковская слободка из 48 дворов находилась за Москвой-рекой при церкви Ильи Пророка. В ней также найдем кожевника и двух хлебников.

Слободки платили оброк в царскую казну, «а разводити им тот оброк тех слободок христианам меж себя самим по животом и по промыслу». Следовательно, это были типичные пригородные поселения, где главное значение имело не земледелие, а промыслы. Они и платили вместе с городовыми людьми пищальные деньги, бражный оброк и выполняли городовое дело⁶³.

Очень заметную группу населения Можайска составляли дворяне, дети боярские, рассыльщики, пушкарки и ямщики. В Стрелецкой слободке дворянам и детям боярским принадлежало примерно 13 дворов; в некоторых из них жили не владельцы, а дворники. В шести дворах жили рассыльщики, в двух — садовники при царском саде, в двух — рыболовы (на берегу реки Москвы),

⁶³ Сотница с можайских писцовых книг 1544 г. на слободки Лужковского монастыря. «Чтения ОИДР», 1908, кн. 4, стр. 19—20.

в шести дворах — пушкари и рассыльщики. Особенно была многолюдна Ямская слобода, где стояло 46 дворов ямского приказчика и ямских охотников. Следовательно, различного рода ратным людям и ямщикам принадлежало в Можайске не менее 75 дворов.

Как и в других русских городах, в Можайске жило многочисленное духовенство. Всего попам, дьяконам и остальному причту принадлежало 63 двора; тремя дворами владели патриарх и два ближайших монастыря: Иосифов Волоцкий и Колоцкий. Поражает обилие «нищих» при церквях, которые населяли 82 двора. В их число, возможно, входили не только люди, питавшиеся подаением, но и поденщики-бедняки. Всего на церковных землях вместе с нищими находилось 146 дворов. Общее же количество дворов в Можайске превышало 500.

Торговля в городе, по-видимому, занимала второстепенное место по сравнению с ремеслом. Во всех рядах насчитывалось 239 лавок, не считая полков, скамей и т. д. Можайский торг состоял из следующих рядов: Большого, Пушного, Сапожного, Подошвного, Овчинного, Солодяного, Пирожного, Рыбного, Седельного, Масленного, Мясного, Кувшинного, Горшечного, Иконного. Вероятно, были и другие ряды, почему-либо не отмеченные в писцовых книгах. Большинство лавок принадлежало ремесленникам: шубному мастеру, пирожнику, сусленику и т. д.

Можайск был довольно крупным центром по торговле сукнами. Например, в конце XVI столетия здесь монахи Болдина монастыря в Дорогобуже купили сукон «монатейных и рясочных и свиточных» 1195 аршин на большую сумму в 40 рублей. Там же ими было закуплено 160 серых и белых овчин, крашенина и войлок⁶⁴. «Можайские сукна» упоминаются в приходо-расходных монастырских книгах как особый сорт; их покупали для изготовления монашеских ряс и мантий. Как думает С. В. Бахрушин, такие сукна производились окрестными крестьянами, судя по такой записи: «сукно сермяжное Можайского уезду»⁶⁵.

Особенностью можайского рынка было то, что значительное количество лавок принадлежало пригородным крестьянам; в них торговали «дворцовых сел крестьяне». По подсчетам Чечулина, 39 человек, торговавших в Можайске, прямо названы крестьянами восьми государственных сел, 13 человек показаны крестьянами Дягилевского стана⁶⁶.

Можайск имел и некоторое значение для внешней торговли. В нем находились два гостиных двора, «а ставятца на тех дворах литовские торговые люди и московских городов приезжие люди»⁶⁷. В гостиных дворах стояли строения: на одном изба,

⁶⁴ РИБ, т. XXXVII. Расходная книга Дорогобужского Болдина Троицкого монастыря 1585—1586 гг. (см. Можайск и Дорогобуж).

⁶⁵ С. В. Бахрушин. Указ. соч., т. 1, стр. 83—84.

⁶⁶ Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 192.

⁶⁷ У Н. Д. Чечулина и в Писцовых книгах XVI века (отд. I, стр. 631—

мыльня и шесть амбаров, на другом изба и клеть. Судя по небольшим размерам построек на гостиных дворах, отпускная торговля Можайска была незначительной. Возможно, она имела главным образом посреднический характер — транспортировку грузов по реке Москве.

На гостиных дворах останавливались при поездках из Москвы в Смоленск и обратно. Некоторое значение имела и Москва-река. На это может намекать существование в Можайске церкви Николая Мокрого, почитание которого было связано с речным и морским транспортом.

Ремесленный характер Можайска подчеркивается сравнительно небольшой дифференциацией посадских людей. Среди них не было ни одного «лучшего» человека.

Можайск в конце XVI в., несомненно, уже переживал некоторый упадок. На это указывает резкое уменьшение количества посадских людей. На 205 посадских дворов насчитывалось 127 дворов пустых и 1446 дворовых мест. Одной из причин запустения указывается моровое поветрие 1570—1571 гг., от которого запустело 366 дворовых мест. Размеры бедствия, как видим, были исключительно велики, но этим все-таки нельзя объяснить общее запустение Можайска, которое неудержимо продолжалось и после поветрия. За короткий промежуток времени в 4—5 лет в конце XVI столетия запустело еще 126 дворов, причем причины этого запустения указаны тут же в писцовой книге — это смерть владельцев дворов или безвестный уход.

Дворы покидали не только мужчины, но и вдовы. «Сшол безвестно», «сошли безвестно» — таковы пометки. Таким образом, из 1446 пустых дворов около 500 запустели на глазах составителей писцовых книг. Об остальных дворах и сами посадские люди не могли сказать, «кто на тех местах имяны жили и сколь давно и от чево запустели».

СЕВЕРНАЯ ОКРАИНА МОСКОВСКОГО КРАЯ

Северная граница Московского края в XVI столетии обозначалась течением реки Дубны с ее притоком Велей. К северу от этой реки находился Переяславский уезд. Граница здесь была традиционной и соответствовала границам двух княжеств — Дмитровского и Переяславского.

Леса и болота покрывали обширные пространства на северной окраине Московского края, особенно в излучине, образуемой Сестрой и Дубной. Стоявший при слиянии Сестры с Дубной монастырь прозывался Медвежьей пустынью. Тут даже в середине XVI в. сохраняло значение бортничество, как видно из одной жало-

632) «литовские торговые люди»; в издании Дионисия — «московские торговые люди».

ванной грамоты Песношскому монастырю. Игумен этого монастыря скупил борти у местного вотчинника, другие борти получил от детей боярских в виде вкладов «в селе и в деревнях и в пустошах». Монастырь выхлопотал освобождение приобретенных бортей от вмешательства царского чашника⁶⁸.

Лучшие земли находились к югу от Дмитрова, где проходила возвышенная Клинско-Дмитровская прыда. Эта часть Московского края была относительно густо заселена и обжита.

Главным видом поселения на северной окраине Московского края было село с прилегающими к нему деревнями, очень небольшими по размерам: в два—четыре двора. В основном заселение этого района закончилось к концу XVI в. Об этом нам говорит цифра починков на землях Троице-Сергиева монастыря в Дмитровском уезде, где на 137 деревень числилось всего два починка.

Межевая грамота 1504 г., отделившая владения дмитровского князя Юрия Ивановича от соседних волостей, ясно показывает отличия между северной и южной границей Дмитровского уезда. На севере граница тянется по рекам Веле и Дубне. Села и деревни находятся в отдалении от этих рек; их обозначают общими терминами: «на праве реки Вели села и деревни Мишутина стала, на леве реки Вели села и деревни Инобожские волости». Зато часто упоминаются болота — «великий мох мокряк». Прибрежье Дубны и Вели сохраняло этот характер глухой и болотистой местности еще и в начале нашего столетия. Совсем по-иному в межевой грамоте 1507 г. обозначается граница между Дмитровским уездом и городком Радонежом. Она вьется по оврагам и речкам мимо сел и деревень, по давно обжитой и населенной местности⁶⁹.

Река Дубна с ее притоком Сестрой и впадающей в нее Яхромой имела в XVI в. крупное транспортное значение. По этим речкам вниз и вверх в летнее время плыли суда, нагруженные разными товарами. Их перегружали на более крупные суда у села Рогачева или при устье Дубны. В одной грамоте конца XV в. говорится о случаях застревания волжских судов при устье Дубны, когда груз из одного речного судна приходилось перегружать на три суденышка, чтобы доставить его в Дмитров.

От устья Дубны начиналось судоходство вверх по Волге к Твери и вниз к Нижнему Новгороду, но особенно крупное значение имел путь на север по Мологе к Белоозеру⁷⁰. Во второй половине XVI в. этот путь теряет свое значение в связи с установлением сухопутной дороги из Москвы на Вологду, а оттуда к Холмогорам и Архангельску. Тогда же начинается и падение дмит-

⁶⁸ Грамота 1548 г. К. Ф. Калайдович. Историческое и топографическое описание мужского общежительного монастыря св. Николая, что на Песноше. М., 1837, стр. 119.

⁶⁹ С. Г. Г. и Д., ч. 1, № 138, стр. 351—353.

⁷⁰ ААЭ, т. I, №№ 116, 140, 272. Свидетельства о торговом пути по Яхроме и Дубне очень многочисленны.

ровской торговли, о которой с похвалой отзывался еще Герберштейн.

Крупнейшие поселения на севере Московского края располагались как бы цепочкой по водному пути, выводившему от Дмитрова на Волгу. По яхромской водной дороге везли соль и рыбу с Волги, с Мологи и Белого озера. По сообщению одной грамоты конца XVI в., соль, добытую или купленную в Поморье, «проводят Шексною рекою и Волгою и иными реками, и ту соль продают на Двине и во Твери и в Торжку и на Угличе и на Кимре и в Дмитрове, и в Ростове и на Кинешме»⁷¹.

На пути из Дмитрова к устью Дубны стояло торговое село **Рогачево**. Оно находилось у Яхромы, там, где эта река выходит из болот и лесов. В XVI в. Рогачево было видным поселением, о котором имеется ряд известий. Село принадлежало соседнему Песношскому монастырю, который получил его в дар от князя Петра Дмитриевича, т. е. до 1428 г. В Рогачеве монастырские крестьяне («тутошные жилцы») торговали в лавках солью, рыбой, всяким товаром, а на торгу — хлебом и скотом⁷².

Поблизости от Рогачева в низменной болотистой местности стоял Никольский **Песношский монастырь**, шодлучивший свое название от речки, впадающей тут в Яхрому. Основанный еще в XIV столетии, монастырь особенно расширился в XVI в., когда в нем были построены две каменные церкви и колокольня. Монастырь, вероятно, тогда же был укреплен стенами, так как защищал подступы к Дмитрову — северному порту российской столицы.

Еще севернее, при слиянии Яхромы с Сестрой, стояла **Медведа пустынь** (Рождества Богородицы), от которой и до настоящего времени сохранилась каменная церковь XVI в. В непосредственной близости к монастырю располагались его владения. Монастырю принадлежали 6 сел, 2 погоста и 161 деревня, 40 починок — всего 434 крестьянских и 43 непашенных двора. Характерно, что все селения Медведевой пустыни (в том числе села Новое и Чернеево) представляли собой небольшие поселения в два — пять дворов⁷³.

Медведа пустынь была также одной из перевалочных станций на дороге из Дмитрова на Волгу.

Из других местностей, заслуживающих упоминания, надо отметить прежний удельный город **Радонеж**, успевший уже запустеть. В 1550 г. в Радонеже сидел сытник, ведавший царским бортым хозяйством⁷⁴. Остатки валов и до сих пор показывают место земляных укреплений, а соседнее село носит название Городок.

⁷¹ РИБ, т. XXV, № 40.

⁷² ЛАЭ, т. I, № 223, стр. 212—213. См. подробнее И. Т. Покровский. Торговое село Рогачево, ч. I—II. М., 1886.

⁷³ С. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи. «Чтения ОИДР», 1902, кн. 2, № 45, стр. 138—147.

⁷⁴ М. Дьяконов. Указ. соч., вып. II, стр. 12.

ДМИТРОВ

Крупнейшим городом на северной окраине Московского края, да и вообще одним из крупных русских городов первой половины XVI в. был Дмитров. Он считался настолько завидным уделом, что доставался в руки второго по старшинству сына из числа наследников великого князя. Одно время Дмитров был удельным владением Юрия Васильевича (умер в 1472 г.), а затем Юрия Ивановича Дмитровского, сына Ивана III. Позже некоторое время он находился во владении старицкого князя Владимира Андреевича, после его смерти на короткое время попал в руки его сына Василия Владимировича. Таким образом, это был район особого удельного владения в течение почти всего XVI в.

Долгое княжение Юрия Ивановича (1505—1533 г.) было периодом расцвета Дмитрова. К этому времени, видимо, относится построение величественного дмитровского собора, впрочем, впоследствии неоднократно реставрировавшегося. Юрий Иванович заботился об укреплении своей столицы. Кажется, этими заботами можно объяснить сооружение в дмитровском кремле необычного по своей мощности и высоте вала, сохранившегося до нашего времени.

Обладая богатым уделом, Юрий Иванович прославился своими благодеяниями монастырям, что в немалой степени было результатом нечистой личной жизни этого князя, старательно замаливавшего свои грехи. Из всех удельных князей XVI столетия Юрий Иванович был самым могущественным и популярным.

Житие Макария Калязинского дает кое-какие любопытные детали о дворе дмитровского удельного князя. Оно упоминает служившего Юрию Ивановичу «лебедьчика» Патрика — ловца лебедей, возможно, особой породы, так как современные лебеди в пищу не идут. Об игумене Макариева монастыря Пимине сообщается, что он был «в Дмитрове у государя у князя Юрья Ивановича», т. е. употребляется совершенно такая же терминология, как и по отношению к великому князю. Во время пребывания Пимина у князя разболелся сын дьяка Ильи Шестакова; об его болезни сказано образно: болен «утробною болезнию, чрево пышит». Юрий был инициатором открытия мощей Макария Калязинского⁷⁵.

Дмитров стоял на низменной равнине у берегов реки Яхромы. Громадный земляной вал окружает старинную крепость, где стоит каменный собор. Перед валом была расположена торговая площадь с находившимся здесь Пятницким монастырем. На окраине города стоял старинный Борисоглебский монастырь с каменным собором XV в., сохранившимся до нашего времени. Планировка

⁷⁵ ГИМ, Чудовское собр., № 21/323. Сборник житий святых, в 4°, полууставом XVI в., листы 184—185 об. Чудеса были написаны в 1547 г.

старого города была еще заметна в Дмитрове до его переустройства в XVIII столетии.

Посад лежал в болотистой низменности, где дворы стояли разбросанно, окруженные громадными огородами.

Дмитровский посад XVI в., судя по сотной 1624 г., был довольно значительным. Общее число посадских и церковных дворов подходило к цифре 300. Но эту цифру следует несколько повысить, так как в ней не принято во внимание существование в Дмитрове большой Конюшенной слободы. В XVII в. в Конюшенной слободе жило около четверти населения Дмитрова (в 1625 г. 50 дворов). Она помещалась отдельно от посада, за рекой Яхромой, по дороге из Дмитрова в Рогачево. Слобода находилась в ведении Конюшенного приказа; ей принадлежали обширные луга на реке Яхроме. Тяглецы Конюшенной слободы обязаны были выкармливать царских лошадей, но эта феодальная повинность по обыкновению не мешала тяглецам слободы заниматься ремеслами и торговлей, подобно посадским людям. Вероятно, во время существования особого Дмитровского удела Конюшенная слобода обслуживала удельного князя⁷⁶.

Особая слободка принадлежала Медведевой пустыни. В ней находился монастырский двор, а рядом с ним мельница на реке Яхроме «о дву колесах». В слободке стояли дворы «молодчих людей», всего десяти человек, пять из которых были калачниками, а один сапожником. Таким образом, это была типичная подгородная слободка, населенная ремесленниками⁷⁷.

Троице-Сергиев монастырь имел в Дмитрове двор, находившийся поблизости от Яхромы («место гостиное белое»). Раньше этот двор принадлежал Андрею Федоровичу Долгово⁷⁸. По-видимому, о нем говорит документ 1534 г., по которому Троицкому монастырю в Дмитрове принадлежали «один двор на посаде в берегу над Яхромою, а другой их двор внутри городе»⁷⁹.

О ремесле Дмитрова известно очень мало. Одна из дмитровских улиц называлась Красильной, что может указывать на занятие ее жителей красильным делом.

Большее значение имела торговля. В Дмитров и в Кимры приезжали на речных судах торговать «со всяким товаром и с солью»⁸⁰.

⁷⁶ См. подробнее М. Н. Тихомиров. Город Дмитров. Дмитров, 1925, стр. 31—32; его же. Население Дмитрова в XVII и начале XVIII века. «Московский краевед», вып. I. М., 1927, стр. 20—39.

⁷⁷ С. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи. «Чтения ОИДР», 1902, кн. 2, № 45, стр. 147. Выпись из писцовых книг 1562 г.

⁷⁸ С. Шумаков. Обзор грамот коллегии экономии, вып. 3.— «Чтения ОИДР», 1912 г., стр. 10.

⁷⁹ Акты гражданской расправы, т. I, № 43, стр. 44—45. Грамота дана 9 февраля 1704 г., когда дмитровский князь Юрий Иванович был уже в тюрьме.

⁸⁰ ААЭ, т. I, № 223, стр. 218.

В конце XV — начале XVI столетия среди дмитровских жителей находим крупных купцов. Демид и Иван Шудебовы упоминаются в завещании дмитровского князя Юрия Васильевича в числе кредиторов князя. Они были сыновьями Шудеба, подарившего в 1455 г. Троице-Сергиеву монастырю двор «в городе в Дмитрове, тяглой, на посаде».

В XVI в. среди дмитровских купцов выделялся Михаил Воронцов. О нем в сказании о построении собора в Калязинском Макариеве монастыре говорится как о некоем купце, «кипящем именем довольно». На свои средства он воздвиг каменный собор в Макариеве монастыре — факт не исключительный, но много говорящий о богатстве Воронцова⁸¹.

ТРОИЦКИЙ СЕРГИЕВ МОНАСТЫРЬ

Основанный в XIV столетии Сергием Радонежским в глухих лесах Троице-Сергиев монастырь уже в следующем веке сделался крупнейшим монастырем России. В XVI в. его окружали мощные каменные стены, постройка которых началась примерно с 1540 г. По более поздним описям длина стены равнялась 642 сажням, т. е. 1400 м, но первоначально их протяженность была меньшей, как и их высота. Неодновременная постройка стен подчеркивается их структурой в некоторых частях современной стены. Внутри монастыря стояли каменный собор Троицы и церковь св. Духа. Позже, во второй половине XVI в., был построен громадный каменный собор Успения⁸².

Кроме многочисленных монахов («братии») в монастыре и под монастырем жило значительное количество работных людей, а также «слуг», или «служек», — мелких служилых людей, получавших от монастыря в держание села и деревни в качестве «приказчиков» и тиунов. Это был высший разряд монастырских послужильцев, выполнявших обязанности монастырских управителей и несших военную службу. Помимо них к слугам причислялись повара, кузнецы и другие ремесленники. Попадали в слуги различным путем. Один муромский дворянин в конце XVI в. отдал в монастырь половину своей деревни, а с другой половины он «у

⁸¹ В сказании о построении собора о Воронцове сказано в таких многозначных словах: «Бе убо некий купец христоролюбив сый имя ему Михайло, кипящей именем довольно, служаще же благоверному князю Боргию Ивановичу, князь же любя его почиташе» (ГИМ, Епархиальное собр., № 407/648. Сборник, в лист, полууставом 1548 г., лл. 142—143 об.). Рукопись была написана по распоряжению «Олены Ивановы Васильевы жены Михайловича Воронцова» ее человеком Гаврилкой Даниловым, «замышлением государыни нашей Олены». Позже сборник принадлежал князю Дмитрию Оболенскому Немову. В сказании сильно отразилась феодальная идеология, выдвигавшая на первый план удельных князей.

⁸² Е. Г о л у б и н с к и й. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М., 1909.

Троицы в Сергиеве монастыре служит». По документам XVII в. выясняется, что в слуги попадали подростки сироты из числа разоренных боярских детей, которые воспитывались в монастыре.

Слуги составляли довольно внушительный отряд, который при царе Федоре Ивановиче был расписан на три статьи: в первую вошли «лучшие» слуги (31 человек), во вторую — 69 человек, третью статью составляли молодые и пешие служки (43 человека). В монастыре числились и женатые слуги (16 человек), «за которыми монастырские деревни». В конце XVI в. монастырь держал более 150 военных слуг. По царскому указу молодые служки, которых нельзя было назначать в села для заведывания ими, должны были получать по 2 рубля в год и ездить на монастырских лошадях⁸³.

Укрепленный Троицкий монастырь, как и всякий город, имел свой посад в виде подмонастырского села **Клементьево**. Ярмарка в Клементьеве была утверждена в 1595 г. по образцу таких же торгов в городке Радонеже и в дворцовом селе Воздвиженском⁸⁴. В селе стояли две церкви, одна шатровой постройки, другая «клетцки» — типа обычных хоромных строений. Все снаряжение церкви было «мирское», сделанное за счет самих крестьян. Многие дворы в Клементьеве были непашенными; с них шел оброк.

По монастырской справке конца XVI в. крестьяне села Клементьева давали в монастырь небольшой денежный и натуральный оброк помимо «изделия» — обязанности варить на монастырь пиво и квас. Основной обязанностью клементьевских крестьян была «ямщина», — они давали подводы для царских гонцов и для монастырских посылок⁸⁵. В первой половине XVI в. в Клементьеве насчитывалось 134 двора⁸⁶.

Троице-Сергиев монастырь был крупнейшим центром русской книжности XVI столетия. Монахи тщательно собирали рукописи и составили большую библиотеку. В ризнице монастыря хранились драгоценные предметы, подаренные в монастырь великими и удельными князьями, а также другими богатыми вкладчиками. В монастыре жили многие церковные писатели XVI в., в том числе знаменитый Авраамий Палицын, описавший памятную осаду монастыря поляками. Монастырь имел своих иконописцев и «доброписцев» — каллиграфов, переписывавших рукописи.

В той или иной мере Троицкий монастырь принимал участие во всех крупнейших политических событиях своего времени и был тесно связан с царским двором, был по преимуществу «царским богомолем».

⁸³ Арсений. Доклады, грамоты и другие акты Троицкого Сергиева монастыря о служках. «Чтения ОИДР», 1867, кн. 3.

⁸⁴ ААЭ, т. I, № 363, стр. 445—448.

⁸⁵ ПК, I, стр. 82—83.

⁸⁶ АСВР, т. I, № 649, стр. 565—566.

Троицкий монастырь особенно усиленно собирал вотчины вокруг себя. Крупнейшими селами здесь были Зубачево, Кошино, Морозово, Панино, Рязанцы, Офонасьево, Глинково. Всего вокруг монастыря насчитывалось 43 села и деревни почти с 500 дворами.

В волостях Воре и Корзеневе монастырю принадлежали села Иевле, Петровское, Борково, Путилово, сельцо Богородицкое, Муромцево, Михайловское — всего 4 села и 3 сельца с 62 деревнями и 16 починками. Всего здесь насчитывалось 376 дворов. Кроме того, Троицкому монастырю были подчинены два подсобных монастыря: Троица в Березниках и Илья Святой на Воре. Таким образом, подмонастырская вотчина насчитывала примерно до 900 дворов.

В ряде сел стояли монастырские дворы. В Туракове находился «двор большой». Здесь жил дьяк Ивашко и двое монастырских людей. В некоторых селах сидели поселские старцы. На особом положении находилось только «село Иевле Ивана Иванова Ощерица». Тут было шесть дворов его людей и десять крестьянских дворов. Почему это село попало в опись под рубрикой «села и деревни боярские, их купли и вотчины», неизвестно. Может быть, по той причине, что оно было заложено в монастыре⁸⁷.

Троицкий монастырь сделался как бы центром особого удельного княжества, заменив собой соседний Радонеж.

ВОСТОЧНЫЕ ВОЛОСТИ МОСКОВСКОГО КРАЯ

Как уже говорилось выше, восточная окраина Московского края была покрыта густыми малопроездными лесами, среди которых там и здесь находились довольно многочисленные села и деревни. Наиболее значительным поселением к северо-востоку от Москвы был **Киржач**, где стоял Благовещенский монастырь, приписной к Троице-Сергиеву монастырю.

По описанию конца XVI в., в монастыре стояли две каменные церкви (Благовещения и Сергия), деревянная часовня и деревянная колокольня «с резью», каменная палата, кельи и хозяйственные постройки. Вокруг шла каменная ограда, на воротах возвышался «шатер каменной вверх», стояли две круглые башни. Всех келий было 21. Под монастырем стояли три двора служней слободки, монастырскую пашню пахали детеныши. На реке Киржаче работала на монастырь двухколесная мельница.

В Киржаче собиралась три раза в год местная ярмарка («а съезжаютца торговати многие люди, а торгуют всяким товаром»). Перевода этой ярмарки со своей земли монастырские власти добились в 1537 г.⁸⁸

⁸⁷ АСВР, т. I, № 649, стр. 568.

⁸⁸ ПК, I, стр. 841; М. Дьяконов. Указ. соч., вып. II, стр. 12; С. Шумяков. Обзор грамот коллегии экономии, вып. 4, стр. 806, 1048, 1094 и др.

На юго-восточной окраине Московского края начиналась «Мещера» — болотистый и лесистый район, лежавший на стыке Московской, Рязанской и Владимирской земель. И в настоящее время леса занимают больше половины Мещерской стороны. Здесь множество болот, озер, но нет сколько-нибудь значительных рек, если не считать Цны, впадающей в Оку несколько ниже Коломны. Но и Цна по спаде весенних вод превращалась в ничтожный ручей⁸⁹. Наиболее значительным поселением был погост **Высокий**, который значился в списке русских городов дальних и ближних как город Залесской земли, а в XVIII в. был переименован в город Егорьевск. Погост, а в 1578 г. село Высокое, представлял собой большое поселение с несколькими дворами причта и нищих. Оно принадлежало Чудову монастырю, считаясь родовой вотчиной митрополита Алексея⁹⁰.

ЮЖНАЯ ОКРАИНА МОСКОВСКОГО КРАЯ

Естественной границей на юге Московского края издавна была Ока, протекающая здесь на большом протяжении от Калуги до Коломны. Притягательная сила этой мощной реки была настолько велика, что вдоль нее на северном берегу стояли крупнейшие города Московского края Коломна и Серпухов, а также более мелкие городки вроде Тарусы и Каширы, первоначально основанной также на северном берегу Оки.

О характере южной окраины Московского края говорилось уже выше (см. стр. 106). Здесь же следует только отметить, что в некоторых уездах южной окраины уже чувствовался недостаток пашенных земель и лугов, как это можно видеть из дела о потраве земель Троицкого монастыря в конце XV в. в Малоярославецком уезде. Соседние вотчинники пахали монастырские земли «сильно». Таким же нападением подвергались и обширные монастырские луга, на которых ставилось по 500 копен сена. На этих лугах паслись 40 коней князей Лыковых, которые «своими стады коневыми и коровьими» портили луга. Общая протрава на лугах была оценена в 1000 копен сена (по 2 деньги за копну)⁹¹.

Серпуховский, Коломенский и Каширский уезды принадлежали к числу самых населенных в Московском крае. Села и деревни были тесно расположены в окрестностях Серпухова и Коломны, хотя земля в этих уездах чаще всего оценивалась «средней» или «худой». Здесь встречались и такие поместья, где имелась только пашня и полностью отсутствовали луга и леса. В деревне Ветрилова

⁸⁹ Е. Смирнова. Реки и озера Московской области. М., 1958, стр. 14—15.

⁹⁰ Гос. биб-ка им. В. И. Ленина, рукоп. отд., фонд 28, № 117 (1561). Сотная Коломенского уезда Высоцкой волости «лета 7069» (1561 г.).

⁹¹ АСВР, т. I, № 603, 604, стр. 500—503.

Раменской волости, по писцовым книгам, «сена и леса нет». В седнем починке «сена нет, лесу пашенного десятина»⁹².

О маленьких городках, подобных Малоярославцу (Ярославцу) и Тарусе, известно очень мало, главным образом по позднейшим сведениям. По писцовым книгам 1625 г., в городе **Таруса** находилась «осьшь» — вал, окружавший небольшое укрепление. В нем стояла деревянная церковь Николая Чудотворца. Другие церкви, тоже деревянные, находились на посаде⁹³.

Тарусский торг в XVI в. в сущности был небольшим местным рынком, где торговали крестьяне медом, рыбой, хлебом, солью, сеном и дровами, торговля велась и домашним продажным хлебом.

Таруса, как и Кашира, принадлежала к числу тех городов, которые иногда давались в кормление.

В 1575 г. «Воложский воевода Богдан Александрович» владел Тарусой и дал Владычному монастырю в Серпухове свою жалованную грамоту на два сельца Искань и Волковичи («в моей вотчине в Торуском уезде»). Грамота заканчивается словами: «К сей грамоте воложский воевода Богдан Александрович печать свою приложил. Лета 7083 марта в 28 день». Под Тарусой и в XVI столетии простирались большие поемные луга, один из них («против Тарускова посаду») принадлежал Владычному монастырю в Серпухове⁹⁴.

Незначительность наших сведений о небольших городках к югу от Москвы восполняют подробные сведения о крупных городах, стоявших на Оке: Серпухове, Коломне, Кашире.

СЕРПУХОВ

В XIV—XV вв. Серпухов был крупным удельным городом, принадлежавшим потомкам младшего сына Калиты — Андрея Ивановича. После ликвидации этого крупнейшего московского удела Серпухов никогда уже не выделялся во владение какой-либо другой княжеской ветви.

Большим событием в истории Серпухова было построение каменного кремля в 1556 г.

Стены Серпуховского кремля, сложенные из белого камня, еще в конце XIX в. сохранялись в относительной целости, хотя все башни уже были полуразрушены. В настоящее время от стен

⁹² ПК, I, стр. 533.

⁹³ Калужская старина, т. 4. Изд. под ред. И. Ф. Цветкова и В. М. Каширкова. Калуга, 1904. Материалы для истории церквей Калужской епархии, вып. I. Тарусская десятина, стр. 1.

⁹⁴ В. А. Рождественский. Историческое описание Серпуховского Владычного общежительного девичьего монастыря. М., 1866, стр. 122, 128. Грамота написана на большом листе. Воевода Богдан был сыном Александра Лапушняна. Свергнутый после четырехлетнего царствования в 1572 г., Богдан бежал в Россию.

кремля, поставленного на старом городище, на высоком холме над рекой, осталось одно звено. Это звено показывает редкую по качеству отделку камня и дает представление вместе со старыми фотографиями о серпуховской крепости XVI в.

В XVI в. Серпухов был одним из значительных русских городов, с большим посадом.

Из описаний Серпуховского кремля XVII в. видно, что это была солидная крепость, внутри которой стоял собор Троицы, приказные и осадные дворы. Каменные стены и башни служили главным украшением крепости, тогда как остальные кремлевские постройки не отличались великолепием.

К городу примыкал посад, часть которого, расположенная непосредственно под кремлем, на берегу реки Нары, носила название «подола», как и в Москве. В XVI в. посад занимал гораздо большую территорию, чем прежний подол и разросся по холмам, примыкавшим к кремлю. Три главные посада назывались по церквям: Ильинская, Егорьевская и Фроловская. Переулки и просто группы домов обозначались различными терминами: «у Пятницы», «за Фролом святым» и пр. Отдаленные части города носили названия концов: «Острый конец», «Богоявленский конец». Эти названия не имеют никакого отношения к новгородскому влиянию, как предполагал П. Симсон, а являются общепринятыми в русском языке обозначениями частей города или большого поселения.

На обстройке Серпухова, по-видимому, отразилось московское влияние. Так, главные кремлевские ворота носили название Спасских, а торг располагался у церкви Фрола и Лавра (в Москве Красная площадь лежала у Фрола-Лаврских, позже Спасских ворот).

Представление о Серпухове в середине XVI в. дает сотная выпись 1552 г. письма князя Василия Семеновича Фуникова⁹⁵. Эта сотная, впрочем, дает неполное представление о населении Серпухова, так как она, включив тяглые дворы на посаде, молчит о дворах духовенства и беломестцев. Особенностью сотной является то, что она зачислила в посад и дворы, находившиеся в отдельных слободках. По-видимому, сотная была составлена в тот момент, когда производился сыск беломестцев и возвращение их на черные места в тягло.

Как уже говорилось выше, сотная пропускает описание собственно города, т. е. кремля, а начинается с перечисления дворов на посаде.

---

⁹⁵ Эта сотная хранилась в архиве Серпуховской городской управы и опубликована в кн. П. Ф. Симсона. «История Серпухова» (М. 1880, стр. 311—334). Где теперь находится этот документ, неизвестно. Сотная выписана Симсоном очень старательно, но, по-видимому, не всегда без ошибок. Так, вместо «зеленой» напечатано «зеленый», вместо «сумеж» — «сумес» и др.

По исчислению сотной общее количество «дворов в Серпухове на посаде» равнялось 623, «а людей в них 796». В это число включены не только собственно посадские дворы, но и дворы, стоявшие в слободах, не входивших в посадское общество. Таковой прежде всего была Благовещенская слобода за рекой Нарой, где насчитывалось 87 дворов. В Зеленой слободе стояло 3 двора (она также помещалась за Нарой). Малое количество дворов находим в слободах: Сокольничей и Пищальниковой. Значительно большими размерами отличались оброчные слободки, до сотной 1552 г. также не причислявшиеся к тягловому посадскому миру. К их числу принадлежали: 1) слободка, что была за татарами, 2) Ивановская слободка, 3) слободка Ключничья, или Подключничья, 4) бывшие оброчные бобровники, 5) дворы, что были оброчные конюшенные, 6) слободка Кузьмодемьянская, 7) на посаде дворы, что были оброчные⁹⁶.

Слободку, что была за татарами, П. Симсон справедливо считает принадлежавшей ранее казанским царям Магмет-Аминю и Шиг-Алею; в ней считалось 11 жилых дворов. В Ивановской слободке, помещавшейся за рекой Нарой, было 39 дворов. Здесь жили люди, занимавшиеся обработкой камня («тешет камень»). В Ключничьей (Подключничьей) слободке стояло 16 дворов. Вероятно, эта слободка возникла еще во времена самостоятельного существования Серпуховского княжества и была подчинена княжескому ключнику. Такое же происхождение, вероятно, имели оброчные дворы бобровников (10 дворов) и «оброчные конюшенные» дворы, которых насчитывалось 5. Кроме того, на посаде были разбросаны дворы, «что были оброчные».

Если сложить количество дворов, находившихся в слободах и приписанных заново к посаду, то общее число их превысит цифру 200. Иными словами, в Серпухове беломестные дворы равнялись по крайней мере $\frac{1}{3}$ всех городских дворов. Таким образом, сотная 1552 г. обнаруживает в Серпухове примерно ту же картину, что и в других подмосковных городах. Здесь старина в виде Ключничьей, Бобровой, Конюшенной и других княжеских слободок сохранялась еще сильнее, чем в других городах, хотя Серпухов потерял уже значение удельного центра. Посад буквально оброс слободками, жившими на особом праве. «А оброку давали, — читаем в сотной, — великому князю городские люди по старому з земли за дань восемьдесят пуд меду, а оброчники, да Ивановская слобода, да Ключничья, да бобровники, за Кузьмадемьянская слобода давали великому князю оброку за дань и за посошной корм тридцат четыре пуды меду с полупудом, а Конюшенная слобода давали деньгами по дватцати алтын».

Таким образом, мы застаем серпуховский посад в очень интересное время — в момент приписки к нему слобод. Сотная прямо

⁹⁶ П. Ф. Симсон. Указ. соч., стр. 138.

предусматривает возможность того, что посадские люди все-таки попытаются уйти от тягла путем перехода на церковные места: «а городцким людем торговым и мастеровым в тех дворах на церковных местех не жити, а которые городцкие люди торговые и мастеровые учнут в тех дворах жити, и серпуховскому сотцкому и всем городцким людем тех людей ис тех дворов вывозити да сажати в свои в старые дворы в тяглые». Сотная отмерила и городскую землю: «а земли у города, по обе стороны реки Нары, у всех городцких людей, и с оборочники и слободцкими, тысяча тридцат три четверти, сена три тысячи сто пятнатцат копен».

Сотная 1552 г. была своего рода уставной грамотой для серпуховского посада и это подтверждается тем, что к ней приложена печать князя Фуникова, производившего описание города. Этим объясняется и сохранность сотной в местном городском архиве. Документ долго служил обоснованием городских прав на землю. Вместе с тем, этот документ бросает некоторый свет на политику избранной рады при Иване Грозном, которая, видимо, ставила вопрос о сокращении беломестного владения в городах.

Тем не менее и сотная Фуникова при всей решительности писцов не уничтожила беломестное владение в Серпухове. При 20 городских церквах (их цифра дана с приделами) стояло 27 церковных дворов и 30 дворов попов и дьяконов («а поповских двадцать шесть, да попадья, да три дьяконы»). Таким образом, на церковной земле находились 57 дворов.

При церквах находилось 42 крестьянских двора, «которые у тех церквей на церковных местех живут без пашни». Таким образом, к 623 посадским дворам надо причислить еще до сотни дворов. Можно быть уверенным, что были и другие дворы, не попавшие в сотную. Так, при Высоцком монастыре наверняка существовала слободка, а в самом городе стояли дворы приказных людей и осадные дворы, не попавшие в сотную.

Серпухов середины XVI в. рисуется как крупный ремесленный и торговый центр, притом центр с довольно определенной ремесленной специализацией. Большое количество посадских людей Серпухова занималось ремеслами. Даже по неточным данным сотной, таких людей насчитывается 420 человек, больше половины учтенного населения посада. Основными ремесленными специализациями были обработка железа, кожевенное и гончарное дело.

Наибольшее развитие в Серпухове имело кожевенное дело. В городе насчитывалось 48 сапожников (и сапожных мастеров), 36 кожевников, 8 овчинников, 2 рукавщика, 1 чоботный мастер⁹⁷. Таким образом, около сотни серпуховских ремесленников, почти 1/4 всех посадских людей, занимались обработкой кожи и производством кожаных изделий. На это обратил внимание уже

⁹⁷ Берем подсчеты П. Симсона, данные им в «Истории Серпухова», стр. 153—154.

Н. Д. Чечулин, отметив, что «в Серпухове заметно особенное развитие изготовления предметов домашнего обихода»⁹⁸.

Кожевенное дело было распространено во многих русских городах, но все-таки не так, как в Серпухове. Этот город в XVI в. представляется до некоторой степени кожевенным центром, и только по недоразумению не отмечен С. В. Бахрушиным.

Вторая ремесленная специальность Серпухова — обработка железа. В Серпухове насчитывалось 63 кузнеца. Под словом «кузнец» понимался, конечно, не только кузнец в современном смысле слова, но и ремесленник, добывающий или обрабатывающий металл. Развитие этого производства в Серпухове объясняется тем, что поблизости от города находились залежи железной болотной руды. О железной руде в районе Каширы и Серпухова упоминает и Герберштейн. Здесь, по его словам, «даже и на ровном месте добывается железная руда»⁹⁹.

Серпуховской «уклад», как и прутное железо, имел большое распространение. По Далю, укладом называлась сталь, которую укладывают, наваривают на лезвия столярных и других орудий. Серпуховские железные товары пользовались широкой известностью и распространением, их везли в Сибирь, продавали в других городах, в частности, в Туле. Железодельное производство держалось в Серпухове до конца XVI в., когда оно начинает перемещаться в соседнюю Тулу¹⁰⁰.

Третьей специальностью Серпухова было гончарное дело, которым занимались 29 человек. Серпуховские гончары, судя по их количеству, обслуживали не только город, но и ближайшую округу.

Большая группа ремесленников была занята производством продуктов питания. В Серпухове насчитывалось 19 мясников, 18 хлебников, 9 калачников, 4 ситника, 3 масляника, 2 пирожника, 2 солоденика, хмельник, соляник, рыбак, пивовар, кисельник¹⁰¹. Тем не менее количество ремесленников, занятых производством съестных припасов, значительно уступало числу кузнецов, сапожников и гончаров. Серпухов больше был ремесленным, чем торговым центром.

Среди других ремесленников бросается в глаза небольшая группа посадских людей, которые «камень тешут», их было 5 человек. К ним надо причислить еще посадского человека, занятия которого определены неясными словами «за каменем стоит». Это ремесленники-строители, почему-то названные не просто каменщиками, а иносказательно. Упомянут также «шаровой мастер», мастер, изготовлявший «шары» — краски, а не бубенчики, как ду-

⁹⁸ Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 199.

⁹⁹ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 108.

¹⁰⁰ С. В. Бахрушин. Указ. соч., т. 1, стр. 56.

¹⁰¹ Количество ремесленников указано по П. Ф. Симсону; у Чечулина есть небольшие отличия в подсчете.

мал Симсон. Среди ремесленников находим также 2 гусельников и доморника. Под последним, как и предполагал П. Симсон, следует видеть мастера, изготовлявшего домры. И гусельник, и доморник были ремесленниками, а не музыкантами, так как отдельно указаны скомоорохи в количестве 5 человек.

Сотная 1552 г. сохранила нам описание серпуховского торга, к сожалению, только в виде перечисления лавок. Главный ряд, как и в других городах, назывался Большим. Кроме того, существовали Сапожный и Хлебный ряды, а также группы лавок без обозначения их рядов. Всех лавок было 250, но чем они торговали, неизвестно.

Сопоставление имен и прозвищ владельцев дворов и лавок позволяет сделать заключение, что торговым людям во многих случаях и принадлежали лавки в торговых рядах Серпухова. Таков был, например, Семен Бакшеев, живший в Остром конце и державший две лавки. Другой Бакшеев Иван, может быть брат первого, также жил в Остром конце и имел пол-лавки. Торговый человек Роман Иванов, живший на Богоявленской улице, держал лавку. В той же Богоявленской улице жил другой владелец лавки и торговый человек Семен Кузьмин. Имел лавку торговый человек Андрей Омелянов, живший в Пищальной улице, а также Григорий Паршин, тоже торговый человек, живший во Фроловской улице.

Как видим, название «торгового человека» в основном присваивалось владельцам лавок в рядах, торговавшим разными товарами.

Среди владельцев лавок обычно находим ремесленников. Самое замечательное, что среди них чаще всего встречаются ремесленники, связанные с обработкой кожи. Так, среди владельцев дворов и одновременно лавок находим 4 кожевников, 3 сапожников, 2 овчинников. Среди владельцев лавок встречаем доморника. Очень интересны также указания на существование «железного скупщика» и «животинного прасола». В первом надо видеть скупщика железных изделий. Занятия второго понятны и без пояснений — это скупщик скота. Следует заметить, что эти немногие сведения о серпуховских торгах получаются только при помощи сопоставления по той же сотной 1552 г. имен владельцев дворов и владельцев лавок.

Сопоставления, систематически проведенные Симсоном, оставляют много неясного, потому что среди владельцев лавок встречаются чаще всего имена и прозвища, не совпадающие с именами и прозвищами владельцев дворов. Выходит, как будто, что владельцы лавок жили в таких дворах, какие не вошли в сотную, что допустить очень трудно. Поэтому приходится предполагать, что в сотной одни и те же люди выступают под разными именами. Например, Иван Алексеев, владел лавкой, а Вешняк Алексеев имел двор в Благовещенской слободе. Вероятно, это одно и то же лицо, только под двумя именами, одно церковное — Иван, другое

прозвище — Вишняк. Впрочем, и в этом случае среди владельцев лавок найдем таких людей, которые не упомянуты в числе владельцев дворов¹⁰².

Из 600 с лишним дворов посадских людей на долю «средних» приходится более сотни дворов (109). Зато в сотной нет и упоминания о «лучших людях». Это тоже показатель того, что Серпухов был скорее ремесленным, чем торговым центром, так как среди средневековых ремесленников имущественное расслоение было меньшим, чем среди торговых людей.

Наиболее значительным серпуховским монастырем был Владычный монастырь, стоявший на окраине города, рядом с начинавшимся здесь обширным бором. Монастырь был основан в 1360 г. митрополитом Алексеем. Тогда же, в 1362 г., в нем заложили каменный собор Введения во храм и трапезу. С давнего времени при монастыре существовала подмонастырская слободка, но о количестве дворов в ней и о занятиях ее жителей ничего не известно.

Монастырю принадлежал луг «под Серпуховым по Нарс реке» и мельница «в Серпухове на посаде». Эта мельница была подарена монастырю царем в 1572 г. «со всем на ходу избрану без перекупки»¹⁰³.

КОЛОМНА

Пожалуй, самым крупным из всех подмосковных городов была Коломна. Это определялось прежде всего ее выгодным положением при слиянии Москвы-реки и Оки. Уже в XIII столетии Коломна могла считаться как бы ключом к внутренним районам обширного междуречья Оки и Волги. После присоединения к Московскому княжеству Коломна всегда находилась во владении самих

---

¹⁰² П. Ф. Симсон. Указ. соч., стр. 243—276. Список имен и фамилий составлен по сотной князя Фуникова.

¹⁰³ В. А. Рождественский. Историческое описание Серпуховского Владычного общежительного девичьего монастыря. Василием Шуйским был подарен в монастырь образ царевича Дмитрия со следующей любопытной надписью на нем: «В лето 7115-го [1607] июня в 22 поставлен бысть сий святыи образ святаго великомученика царевича Димитрия во Владычне монастыре в церкви пречистыя богородица честнаго и славнаго ея введения, повелением благочестиваго и христоролюбиваго царя и великаго князя Василя Ивановича всея Русии вины ради сицевыя. В то убо время бысть межоусобица попущающу богу, а врагу действующу грех ради наших, понеже людие завистию побеждаеми и гордостию. Воста убо Северная страна на Московское государство корыстей ради великих, научени бесовскими лестьми. И крови пролишася тогда яко воды на землю. И божиею милостию и молитвами святаго царевича Димитрия бысть победа велия на богпротивныя тья люди и лютыя разбойники и пришествием святаго сего образа с Москвы в Серпухов июня в 5 день на память святаго мученика Дорофия епископа Тирьского» (там же, стр. 36).

великих князей и не передавалась в удел кому-либо из великокняжеских родственников, как другие подмосковные города.

Коломна стояла на невысоком речном берегу при впадении в Москву-реку небольшой речки Коломенки. Свое название город, впрочем, получил не от этой речушки, а скорее сам дал ей свое наименование. В богатом русском языке существовало слово «коломище», обозначавшее могильник. Срезневский указывает на имеющиеся в финском языке слова *kalma* (могила) и *kalmisto* (пробище)¹⁰⁴. Возможно, от этого слова и произошли многочисленные Коломны и Коломенские — названия довольно распространенные в России.

На берегу Москвы-реки возвышался каменный кремль. Его начали постройкой в 1525 г. и закончили в 1531 г.¹⁰⁵ Это было одно из самых мощных оборонительных сооружений в России, к сожалению, в настоящее время запущенное и разрушающееся без достаточного присмотра. К крепости примыкал посад с его слободами. На другой стороне реки стоял Бобринев монастырь.

Значение Коломны подчеркивалось существованием особой коломенской епархии, возникшей уже в первой половине XIV в. Коломенский «владыка» не принадлежал к первостепенной церковной иерархии, но пребывание такого крупного церковного феодала накладывало на город особый отпечаток; среди населения Коломны насчитывалось немало людей, зависевших от владыки.

Хорошее, хотя и дошедшее до нас в неполном виде описание коломенской крепости имеем в писцовой книге 1577—1578 гг. В это время коломенский кремль имел в окружности 1020 сажен с толщиной стены в 1½ сажени. Мощные башни, ворота и стены сохранились до нашего времени на некотором протяжении. В писцовых книгах названы ворота Молаховские («а в них не ходят»), Михайловские, Косые, Мельничные, Водяные, Пятницкие. Крепость была снабжена в достаточном количестве пушками и боевыми припасами.

Внутри кремля находилось немало количество церквей. Тут стоял каменный собор Успения, который по иконе Донской Богородицы в XVI в. назывался «Успение Донская». Собор сохранился до наших дней и поражает своей промоздкостью и некоторой неуклюжестью — результат многочисленных перестроек. Нижний его этаж (подклеть) частью восходит к первому каменному собору XIV столетия. Собор Успения имел богатую библиотеку (до 100 рукописей).

В кремле стояло и несколько других каменных и деревянных церквей. На колокольне были устроены «часы боевые большая». В стенах кремля стояли два монастыря: Девичий монастырь

¹⁰⁴ И. Срезневский. Материалы для словаря древне-русского языка, т. I, СПб., 1893, стр. 1258.

¹⁰⁵ ПСРЛ, т. XX, стр. 403, 411.

и Успенский «у Брусеные», т. е. у брусяной царской избы. Из числа построек Брусенского монастыря сохранилась до нашего времени шатровая церковь XVI в.¹⁰⁶

В кремле стоял государев двор с обширными хоромами, хотя в это время он был уже полуразрушен. Это было красивое и большое строение. Особенно выделялась столовая «брусаяная» изба, сложенная из больших бревен, что придавало особую внушительность зданию. Брусаяная изба стояла на подклети. В нее вели сени, а перед ними помещалось «красное крыльцо» с шатровым верхом. Переходы соединяли избу со сложным из дубовых бревен «чердаком» — светлым летним помещением с 25 большими окнами. Под «чердаком» находилась каменная палата, а перед ним другое «красное крыльцо» с тремя шатровыми верхами.

«Брусаяная изба» и «чердак» были окружены другими строениями, соединенными переходами. Тут возвышалась «повалуша» бочкою — высокое строение с крышей наподобие бочки. Особо стояли хоромы царицы и царевича. К дворцу примыкали хозяйственные постройки и дворцовая церковь Воскресения. Государев двор был обнесен забором и занимал большую площадь. Два других государевых двора (конюшенный и житничный) стояли рядом с дворцом.

Кроме царского двора в Коломне находился двор удельного князя Владимира Андреевича Старицкого, называвшийся так по традиции спустя несколько лет после смерти этого князя. Впрочем, двор удельного князя не отличался ни обширностью, ни богатством, а имел, по-видимому, чисто хозяйственное значение: на нем стояли хоромы, ледники, погреба, «портомойная изба» и пр.

В городе находился также двор коломенского епископа, «владычен двор», окруженный «заметом»¹⁰⁷. Владычные покои состояли из брусаяной кельи с комнатою и сенями, к которым примыкали «казенные» строения, служившие не для личных удобств епископа, а имевшие служебное или хозяйственное применение, в том числе каменная палата.

Коломна была типичным феодальным центром, где боярское и монастырское землевладение преобладало над посадским. По подсчетам Н. Д. Чечулина, в Коломне находилось 215 «осадных» дворов, которые заполнялись дворянскими семьями во время набегов крымских татар. Это все были «дворы бояр и князей и дворян и детей боярских осадные»¹⁰⁸. В мирное время на таких дворах жили дворники, по крайней мере на 188 дворах из общего

¹⁰⁶ ПК, I, стр. 291—335. Описание Коломны и далее дается по этому источнику со ссылками на дополнительные материалы.

¹⁰⁷ Замет — дощатый забор, в котором доски вкладываются в прясла столбов.

¹⁰⁸ Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 156 и сл.

числа 215 осадных дворов. Дворники занимались ремеслом и торговали на рынке. В их числе находим портных мастеров, сапожников, колпачников, овчинника, шубника и пр.¹⁰⁹

Дворян, владевших дворами на Коломне, по подсчетам Чечулина, насчитывалось не менее 280 человек. Часть их в мирное время жила на Коломне. Двор князя Ивана Бельского представлял собой сложное сооружение с множеством жилых и хозяйственных строений. Однако хоромы стояли пустыми и ветхими, при них жили только два дворника. Кроме того, в кремле насчитывалось девять дворов различных монастырей.

Крупнейшим феодалом-землеладельцем в Коломне был епископ. Ему принадлежали слободки и дворы, разбросанные по всему городу «на владычье земле».

Самая большая владычная слободка располагалась в непосредственной близости от крепости «у Пятницы святые на Ямках»: В ней, по выражению писцовой книги, «живут лопатников 29 дворов». Термин «лопатники» неясен и оставлен без объяснения Чечулиным. Можно предполагать, что речь идет о строительных рабочих, от слова «лопатка» — приспособление для штукатурных работ¹¹⁰. По словарю Даля, впрочем, лопатниками называли землекопов. Возможно, это название сохранялось за жителями слободы по традиции. По писцовой книге, слобода была населена ремесленниками разных специальностей (два калачника, пирожник, извозчик, квасник, колпачник, сапожник и пр.).

Другая владычная слободка находилась у Троицы на Репне. В ее 18 дворах также жили ремесленники. Вместе с другими дворами общее количество дворов, принадлежавших коломенскому епископу, достигало цифры в 50—60. Но эта цифра дает только отдаленное представление о количестве дворов коломенского епископа. По подсчетам Чечулина, «за владыкою разных людей в городе, в двух слободах на посаде и в числе владельцев лавок, перечислено 154 чел., дворов у них 123»¹¹¹.

Документ более раннего времени, жалованная грамота коломенскому епископу Васьяну 1538 г., дает возможность установить, что обе владычные слободы были населены ремесленниками. В 1538 г. в 11 дворах владычных слободок жили подошвенник, рожечник, животинный прасол, хлебники, пирожник, хлебник-пирожник, плотник, доморник. В других 14 дворах отмечены гвоздочники (2), хлебщик, колпачник, портные (2), пирожник. В остальных 5 дворах, принадлежавших епископу, жили колпачник, скорник, сапожники (2). Коломенский владыка выхлопотал

¹⁰⁹ ПК, I, стр. 309, примечание.

¹¹⁰ Материалы для терминологического словаря древней России. Составил Г. Е. Кочин. Под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1937. Известь «мазаше лопатками железными» (ПСРЛ, т. XXII, стр. 302).

¹¹¹ Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 156.

для себя жалованную грамоту, поставившую его «владычных людей» в особое положение, выделив их из посадской общины¹¹².

Коломна была наполнена и другими беломестными слободками.

Отдельные слободки и дворы принадлежали государевым ратным и приказным людям. Самой большой слободой была Ямская с ямским двором, где стояли хоромы (три избы, два сеника, конюшни), во дворе жил дворник. В Ямской слободе помещались 73 двора ямских охотников, занимавшихся различными ремеслами (овчинник, кожевник, мыльник, гончар и пр.). Ямские охотники, кроме того, жили в трех деревнях. По писцовой книге, ямским охотникам принадлежал 81 двор, да 4 двора бобыльских¹¹³.

Некоторые слободки были населены ратными людьми. В слободке Затинцовой стояло 19 дворов затинщиков, в Михайловской слободке жили рассыльчики (2 двора), в Свищовской — плотники струговые, строители речных судов (10 дворов). Отдельными пружмами стояли дворы пушкарей (7 дворов), казенных кузнецов (8 дворов), дворцовых плотников (19 дворов), «у Спаса за торгом» жили сторожа (4 двора). Существовали также слободки каменщиков (9 дворов) и кирпичников (8 дворов).

В писцовой книге не указаны стрелецкие слободки, но о стрельцах говорится в самом тексте. Следовательно, надо добавить сюда и стрелецкие дворы. В описываемое время стрельцов в Коломне было, по-видимому, мало. В Степановской слободе Сухобоква (стрелецкой слободе) «в разных местах» считалось всего 20 дворов (28 человек). Стрелецкая слободка была почти пустой, в ней числилось 357 дворовых мест. Население всех этих слободок также занималось ремеслом.

Как и в других русских средневековых городах, значительную группу населения составляло духовенство. По подсчетам писцовых книг, в самой крепости 16 дворов принадлежали духовенству. На посаде стояло 12 дворов духовенства и 13 дворов нищих. Кроме того, на церковной земле находились 4 двора ремесленников и 12 дворов «богадельных старцев», 1 двор калачника. На церковных местах жили также «черкасы».

К этим цифрам надо добавить духовенство, жившее в монастырях. В Брусенском монастыре стояло 14 келий и 2 игуменских; в них жило 13 монахов. В Девичьем монастыре считалось 9 келий, «а в них 15 старцев, а питаютца о миру»¹¹⁴. В монастыре Спасском «на посаде за торгом» считалось 10 дворов да 3 двора

¹¹² В. А. Кучкин. Жалованная грамота 1538 г. на две слободки в Коломне. «Археографический ежегодник за 1959 г.», стр. 340—343.

¹¹³ Н. Д. Чечулин. (Указ. соч., стр. 156) насчитывает 135 ямских охотников, но оснований для своих расчетов не дает, поэтому придерживаясь подсчетов писцовой книги.

¹¹⁴ Несмотря на свое название, Девичий монастырь был мужским. «Поле Девиче» в Коломне упоминается в Сказании о Мамаевом побоище. В XIV столетии оно находилось вне кремля.

ремесленников в слободке. За рекой Москвой находился Бобренев монастырь с одной игуменской кельей и остальными пустыми.

Самой незначительной группой населения в Коломне были тяглые посадские люди, им принадлежало всего 12 тяглых дворов, раскинутых по всему городу в улицах и слободках. На черных посадских местах жили «черкасы», всего 54 двора.

Изданные писцовые книги дают неполное представление о Коломне. Издатели подвергли сокращению как раз сведения о населении и его занятиях. Не вполне точны сведения о Коломне и у Н. Д. Чечулина, который насчитывает в Коломне 930 человек, замечая: «так что всего, с женщинами и детьми, тут было, несомненно, более 3000 жителей»¹¹⁵. Действительно, по писцовым книгам, в Коломне можно насчитать значительно больше 600 дворов.

Учитывая неполноту данных, цифру дворов в Коломне можно округлить до 700, считая же в среднем по пять человек на двор, получим почти ту же цифру, что и у Чечулина. Следовательно, Коломну надо отнести к довольно крупным русским городам того времени¹¹⁶.

Коломна была типичным феодальным центром XVI в., где беломестцы подавляли своей численностью посадских тяглых людей. По сравнению с количеством зависимых людей, живших на «осадных дворах и в слободках», посад кажется совсем ничтожным. Посадских людей, как мы знаем, насчитывалось 14 человек в 12 дворах. Зато стояло 54 пустых тяглых двора и числилось 249 дворовых мест и 357 мест оброчных. Таким образом, примерно 650 пустых дворов, дворовых и оброчных мест приходились на 12 дворов посадских людей.

Тяглые люди, как видим, тонули в общей массе беломестцев. В 54 бывших посадских черных дворах жили «черкашени», под которыми, возможно, надо понимать не черкасов, т. е. украинцев, а настоящих черкесов, кабардинцев и других пришедших с Михаилом Темрюковичем и его сестрой царицей Марьей Темрюковной. Казалось бы, при таком маленьком количестве посадских людей Коломна как торговый центр должна была бы являть картину полного запустения. В действительности же так не было. Уже Н. Д. Чечулин отметил, что в Коломне велась значительная торговля.

Как же объяснить ничтожное количество посадских людей в таком торговом и ремесленном центре, каким была Коломна

¹¹⁵ Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 157.

¹¹⁶ Попытку охарактеризовать хозяйство в Коломне XVI в. сделала О. П. Булич в книге «Коломна. Пути исторического развития города. Общий очерк» (М., 1928). К сожалению, выводы о хозяйстве Коломны сделаны в этой книге так суммарно и небрежно, что они ничего не прибавляют к итогам Чечулина. Точный подсчет количества дворов затруднителен ввиду особенностей писцовых книг, но и он не изменит представления о Коломне как о городе.

в конце XVI в.? По этому поводу в исторической литературе высказано следующее мнение. Указывая на огромное количество пустых мест в Коломне, Н. Д. Чечулин пишет, «что не менее заметно стремление населения отсюда из центра, чем стремление туда, ибо в пограничных городах по южной окраине мы находим приходцев преимущественно из подмосковных городов»¹¹⁷. Коломна, по его мнению, пустеет ввиду непрерывного отлива населения. В доказательство этого положения Чечулин указывает на огромное количество пустых тяглых дворов и особенно пустых дворовых мест. Мысль Чечулина была еще резче поддержана Платоновым, отметившим следующее: «Есть признаки, что народный поток, стремившийся к югу от Москвы, уносил с собой и население этих городов, расстраивая их общественное хозяйство и торг»¹¹⁸. Ту же мысль о «запустении Коломны и других русских городов в XVI в.» поддерживает П. П. Смирнов.

Если принять выводы Чечулина и других, то надо прийти к заключению, что к концу XVI в. почти все коломенские посадские люди покинули город, Коломна пустеет, посадские люди «бредут розно». Следовательно, надо допустить, что Коломна как город в какой-то период времени была богаче. Однако сведения о ремесле и торговле Коломны, приводимые той же писцовой книгой, не говорят о полном запустении города. Объяснение бегства посадских людей из посадской общины надо искать в другом. В Коломне происходили те же явления, что и во многих других русских городах конца XVI столетия: развитие беломестного феодального землевладения за счет посада.

Писцовые книги 1577 г. рисуют состояние города вскоре после набега на него крымских татар в 1571 г., когда Коломна была разорена. Посадские люди, потеряв имущество, поступали в дворники к служилым людям, имевшим на посаде осадные дворы, но продолжали заниматься ремеслами и промыслами. Таким образом, посад пустел, а посадские люди попадали в зависимость от феодалов.

Кроме того, не надо забывать, что само понятие «пустое дворовое место» представляет собой понятие, исторически сложившееся. С точки зрения писца и посадских людей формально считалось, что дворовые места в городе заустели с такого-то времени, но дворы ставили и на новых местах, принадлежавших посаду. Поэтому нельзя сказать, что, например, в 1510 г. коломенский посад был заселен полностью, а к 1577 г. он заустел.

Один документ середины XVI в. ярко характеризует господство беломестцев в Коломне. Стрелецкий голова жаловался на то, что в городе «многие люди и пошлинники держат корчмы вели-

¹¹⁷ Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 175.

¹¹⁸ С. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 35.

кия», где пропиваются коломенские стрельцы. Эти «пошлинники», вероятнее всего, беломестцы¹¹⁹.

Преобладание беломестных групп в населении Коломны не лишает ее черт крупного ремесленного и торгового центра. Мы видели уже, что дворники осадных дворов и жители слободок были ремесленниками самых различных специальностей. Однако найти какую-либо преобладающую ремесленную специализацию в Коломне очень затруднительно, так как сведения писцовой книги неполны. Впрочем, здесь, как и в других подмосковных городах, находим большие группы ремесленников, занятых производством одежды: сапожников (13), овчинников (5), подошвенников (3), скорняков (3) и т. д. Бросается в глаза большое количество казенных плотников (30) и каменщиков (9). Есть основания предполагать, что в писцовых книгах упомянуты не все плотники и каменщики, жившие в Коломне. Во всяком случае, перед нами факт, заслуживающий упоминания, в особенности, если вспомнить, что Коломна и ее окрестности богаты памятниками каменного зодчества XVI в. Отметим также относительно значительное количество коломенских серебряных мастеров (6).

Ремесленный облик Коломны более или менее ясен. Перед нами значительный городской центр с большим количеством ремесленников разных специальностей, обслуживающих в первую очередь ратных людей и ближайшую городскую округу.

Коломна имела большое торговое значение, что определялось ее положением поблизости от впадения реки Москвы в Оку. Через нее шел речной путь из Москвы в Рязанскую землю и в Заозкий край. Коломна являлась передовым портом Москвы и в этом отношении напоминает Дмитров.

Большие торговые ряды располагались на посаде в непосредственном соседстве с кремлем. Среди них в писцовых книгах отмечены: Большой ряд, Пушной, Колпачный, Чупрунный, Сермяжный, Овчинный, Щепной, Железный, Рогожный, Соляной, Иконный, Щепетинный, Рыбный, Мясной, Льняной, Масляной, Сапожный, Ветошный, Малый Щепетинный, Хлебный, Калачный, Овощной, Горшечный, Сырейный, Хмельный, Шалашный, Солодейный. Из всех этих рядов наибольшее значение имел Большой ряд носивший также названия Большого Суконного ряда, в лавках которого торговали сукнами и шелком. В большом ряду насчитывалось 17 лавок с полулавкою, 5 лавок стояли пустыми, имелось еще 14 лавочных мест.

В Коломне находился также Соляной гостиный двор, стоявший на берегу реки, а напротив него «онбар соляной кладовой» Стро-

¹¹⁹ Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Собрал и издал Александр Юшков (далее — Акты Юшкова). Ч. 1. 1257—1613 гг., М., 1898, стр. 166.

гановых. У моста через Москву-реку стояла «зелеяня» для порохового производства.

При изучении количества пустых лавок и лавочных мест в различных рядах коломенского рынка бросается в глаза то обстоятельство, что в Коломне пустыли ко времени составления писцовых книг определенные ряды. В Большом ряду количество пустых лавок и лавочных мест несколько превышало количество лавок «живущих», действующих. В Чупрунном ряду (чупрун -- женская верхняя одежда) остались 1 лавка и 4 лавочных места. В Сапожном ряду стояло 17 лавок, пустовало 2 лавки, насчитывалось 29 лавочных мест. Но существовали и такие ряды, где совсем не было пустых лавок и лавочных мест, или процент тех и других по отношению к действующим был ничтожен. Например, в Железном ряду считалось 36 лавок и 1 лавочное место. В Рыбном ряду было 20 лавок, 3 лавки пустых и 1 лавочное место, в Мясном ряду -- 23 лавки, 2 лавки пустых и 2 лавочных места.

Являются ли приведенные здесь цифры чем-то случайным или они позволяют проследить некоторые сдвиги в коломенской торговле? Думается, что позволяют. В Коломне заметно уменьшается торговля сукнами, одеждой, сапожными изделиями, вероятно, по той причине, что усиливается торговля и ремесло в самой Москве. Рынки подмосковных городов начинают приобретать все более местное значение. Писцовые книги по Коломне отразили состояние города вскоре после разрушительных татарских набегов, после опустошительных эпидемий, но не этим объясняется относительно печальное положение Коломны как посадского центра. Запустение посада и захудание коломенской торговли к концу века вызвано было не временными несчастьями, а изменениями в экономике России во второй половине XVI в. Непрерывный рост Москвы как ремесленного и торгового центра приводил к сокращению ремесла и торговли в соседних с ней городах. Процесс, приведший к образованию всероссийского рынка, начал сказываться уже во второй половине XVI в. Поэтому пустеют посады подмосковных городов, в том числе и Коломны. Посадские люди бегут под защиту крупных феодалов, становятся дворниками дворянских и монастырских осадных дворов. По писцовым книгам Коломны, многочисленные дворники оказываются одновременно ремесленниками, торгующими на рынке.

Писцовые книги XVI в. позволяют заглянуть и в культурную жизнь города, нашедшую отражение в его церковных библиотеках. Конечно, сведения их неполные, так как писцовые книги отмечали только часть книжных богатств, хранившихся при церквях, но и такие сведения по-своему интересны. Приведем их выборочно для Коломны, имея в виду, что такие же сведения есть и о других городах.

Наиболее богат книгами был Успенский собор. В нем в двух сундуках хранилось более 100 рукописей, в том числе немало

количество «на хоротье», на пергамене. Эта отметка показывает, что пергаменные рукописи и тогда уже высоко ценились. Большинство книг принадлежало к числу богослужебных, но среди них находим «Маргарит», книгу Василия Великого, «Книгу новых чудотворцев» и т. д. Рукописи еще настолько преобладали в конце XVI в., что из старопечатных книг упоминается лишь одна Триодь Постная (безвыходное московское издание 1553—1555 гг.).

В Успенской церкви Брусенского монастыря хранилось также несколько десятков рукописей, в том числе и харатейных. Среди книг здесь указаны «Златоуст» и книга Ефрема (Сирина).

В Спасском монастыре за торгом подавляющее число книг были бумажными, в их числе указаны «Богородичник» и Ефрем Сирин. В библиотеке Бобренева монастыря хранились пергаменные рукописи, в их числе Лествица, книга Иоанна Златоуста и др. Среди других рукописей здесь следует отметить «Сергиево житие и иных». Особым богатством отличался Голутвин монастырь, библиотека которого насчитывала более сотни книг, бумажных и харатейных. В их числе найдем книгу «Криница» на пергамене, книгу «Зерцало» на бумаге, «Пчелу», две книги с житием Сергия и т. д.

Даже писцовые книги с их неполным итогом показывают, что в коломенских монастырях и церквях насчитывались не десятки, а сотни рукописей. Но все это остатки более богатого прошлого, от которого сохранилась известная коломенская Палея и о котором напоминает повесть о Митяе — одном из коломенских попов, неудачном кандидате на русскую митрополию при Дмитрие Донском, но прославленном книжном знатоке.

КАШИРА

В XVI в. Кашира стояла уже на новом месте — на правом, или степном, берегу Оки. Писцовые книги 1578—1579 гг. застали город вскоре после его разорения татарами в 1571 г. В Кашире в это время находилось только «место городовое» длиной в 80 и шириной в 60 сажен. Раньше здесь стояли 8 башен, 2 ворот и 180 городен стены. Следовательно, в Кашире до разорения существовал хорошо укрепленный деревянный кремль. Все строения в Кашире были деревянными, и это само по себе в достаточной степени рисует состояние Каширы как второстепенного городского центра. Даже соборная церковь Успения была деревянной, да еще построенной «клетцки», стало быть без претензий на красивую архитектуру.

Посадское население состояло, по писцовым книгам, из 18 дворов. Из них 4 двора находились в кремле («в городе»), остальные размещались на посаде, главным образом на церковных землях. Каширские люди занимались нехитрыми промыслами и торгами,

среди них отмечены хлебники (5), сапожники (3), калачники (2), рыбники (1).

Кашира была типичным беломестным городом с большим количеством разного рода слобод. Самой крупной была Ямская слобода с ямским двором, где жили два дворника. Она раньше состояла из 42 дворов, но ко времени составления писцовых книг запустела. Другая большая слобода размещалась за речкой Каширкой. Там стояли «дворы белые осадные князей и детей боярских помещиков». В ней насчитывалось 30 дворов, в которых жили рыболовы и ремесленники. В слободку сбежались и ямские охотники из запустевшей Ямской слободы, рыболовы из Рыболовской слободы, разные ремесленники, в том числе овчинник и плотник. Все они спасались под защиту беломестцев — дворян и детей боярских.

Запустела и слобода рассыльчиков, в которой раньше считалось 10 дворов. Рассыльчики разбежались и жили за помещиками и монастырями. Та же участь постигла названную ранее Рыболовскую слободу с ее 10 дворами. Кроме того, существовала слободка Каширского Белопесоцкого монастыря с несколькими дворами.

Кашира была таможенным пунктом, где собирали свальную и причальную пошлину с проходящих судов. Тут же ведались перевозки через Оку: в Сенкине, под Тепиловым, в Липицах, под Любвиным. В Кашире ловили рыбу на государя. Ловили «по старине» дорогую красную рыбу: осетров, стерлядь и белорыбицу. Посадские, церковные люди и ямщики были наделены большими землями вокруг города. Каширский торг состоял всего из 16 лавок, лавки были «плетены, пусты».

Интересны те сведения, которые писцовая книга 1578 г. дает о более раннем положении города. В Кашире до разорения считалось 315 дворовых мест, «дворы пожгли татарове»¹²⁰. Если к этому числу добавить 42 двора в Ямской слободы, 10 дворов в Рыболовской слободы, 10 дворов в слободы рассыльчиков, то окажется, что до разорения в Кашире насчитывалось около 400 дворов, считая дворы на церковных землях и в Белопесоцкой монастырской слободы. Следовательно, Кашира до разорения была довольно населенным русским городом.

Этот вывод подтверждается указанием на то, что в Кашире стояло 104 пустых лавочных места. Лавки были тоже сожжены татарами. Во время составления писцовых книг в Кашире торговали два раза в неделю (в четверг и в воскресенье), причем на торги съезжались из сел с хлебом и мелким товаром. Лавки принадлежали стрельцам и казакам, но кому принадлежали названные выше 104 лавочных места, остается неизвестным. Надо предполагать, что ранее в торгах принимали участие и посадские люди.

¹²⁰ ПК, II, стр. 1299—1307.

О Кашире до разорения косвенно узнаем из одного судебного дела. В нем прежде всего указаны посадские «тяглые» попы, под которыми следует понимать попов посадских приходских церквей. Всего указано девять попов, названных по церквам, одна из них, Пречистенская, была соборной. В деле также названо около 70 посадских людей с их детьми. Может быть, эта цифра не совсем соответствует ссылке «на всех посадских и на черных людей на коширян». Но во всяком случае она довольно близка к цифре посадских людей в этом городе, имевшем значение передовой крепости. В деле упомянуты также шесть воротников и «Шатцкие слуги со своим десятником». Вероятно, в городе должны были находиться и другие ратные люди¹²¹.

На другой стороне Оки, почти напротив города, стоял Троицкий Белопесочский монастырь, получивший несудимые грамоты от трех казанских царей, одно время владевших Каширой, и от великих князей. Между монастырем и городом шла долгая тяжба о посадской черной земле и о мельнице, поставленной монастырем под городом на реке Каширке. Мельница состояла из плотины, мельничной клетки, двух житниц с запасом, молола двумя жерновами, не считая двух маленьких мельниц «мутовок». Стоимость мельницы оценивалась в 70 рублей. Монастырского запаса на мельнице оказалось: 400 четей ржаной муки, 600 четей овсяной, 230 четей солоду ржаного, 300 четей солоду овсяного, 50 четей круп гречневых, 30 четей толокна немолотого, 200 четей овса, 30 четей пшеницы, 70 четей солоду ячного, общей ценой в 80 рублей.

Борьба посадских людей с Белопесочским монастырем дошла до такого ожесточения, что посадские люди вместе с «шатцкими слугами» разорили мельницу. Посадские люди вышли из города «с ослопы и рогатины». В это же время пищальники стояли на городских укреплениях с орудиями, «а хотели деи з города ис пищали игумена убити». Дело происходило в сентябре 1542 г.¹²², в малолетство Ивана Грозного, и прекрасно рисует порядки боярского правления.

---

¹²¹ Акты гражданской расправы, т. I, № 57. «Шатцкие слуги» — это, вероятно, служилые люди из города Шацка.

¹²² Акты гражданской расправы, т. I, № 57.

Глава VI

ЗАМОСКОВНЫЙ КРАЙ

ОБЩИЙ ОБЗОР

К северо-востоку от Москвы находился обширный район старинных княжеств: Ростовского, Переяславского, Суздальского, Владимирского. Этот район входил в состав «Замосковных городов» и может быть условно назван Замосковным краем, как лежащий за Москвой, в центре государства.

Замосковный край в XVI в. представлял собой житницу России. По словам Герберштейна, земли в окрестностях Суздаля по своему плодородию уступали только одной Рязанской земле.

Действительно, на современных почвенных картах от Переяславля до Ростова и Суздаля показана полоса лесных земель, своего рода северный чернозем, гораздо более плодородный, чем обыкновенные подзолистые земли. Тут в открытых «околях», громадных полянах среди вековых лесов, стояли старые города: Суздаль, Владимир, Ростов, Переяславль Залесский. В первой половине XVI в. эти города еще принадлежали к числу крупнейших городских центров России, во второй половине того же столетия они все более теряют свое прежнее экономическое значение, становятся провинциальными центрами, отличавшимися не столько своими промыслами и торговлей, сколько сельским хозяйством. Особенно выделялся Ростов, стоявший на большом озере, славившемся своими рыбными угодьями. По свидетельству Флетчера, один только Ростов с областью платил в казну 50 тыс. рублей — больше любой другой области России этого времени. Эта цифра может быть сопоставлена с суммой тех податей, которые платил Московский уезд вместе с Москвой — всего 40 тыс. рублей.

Полустепные открытые пространства старинных «ополий» с их плодородной землей перемежались с громадными лесами и болотами, сплошной стеной стоявшими к югу от Клязьмы, на пространстве, обозначенном теперь городами Егорьевск — Муром, Влади-

мир — Рязань. Здесь по левому берегу Оки тянутся леса «Мещерской стороны». Они имеют характер топей, покрытых моховыми кочками и редким лесом или кустарниками, среди них встречаются или озера, или сухие поляны, вроде островов¹. Обширные леса тянулись и к югу от Клязьмы, а также примыкали к правому берегу Волги. В этих лесных районах бортничество еще долго сохраняло значение ценного промысла. Особенно известно было митрополичье село Медуши в 50 км к востоку от Владимира. В обширных лесах района находились бортные места.

Основной водной артерией Замосковского края была Клязьма с ее притоками. В пределах края было разбросано немало больших и маленьких озер. Из них самыми крупными были озера Ростовское (Неро) и Переяславское, или Клецино, которые славились своей рыбой.

В Переяславском озере ловили лакомую переяславскую сельдь, которая, по словам Герберштейна, подавалась на царских коронационных пирах в память того, что Переяславль никогда не отделился от Московского княжества. Ростовское озеро настолько выделялось своими рыбными богатствами, что даже было прославлено в сатирических произведениях XVII в. о судном деле ерша, тягавшегося с лещом и голавлем — «крестьянами Ростовского озера»². Рыбными богатствами славились озера Сенежской волости, принадлежавшей митрополиту.

Замосковный край и в XVI в. оставался краем старинных княжеских вотчин. Потомки нижегородских и суздальских князей подчинились власти великого князя еще в середине XV в. Таким путем они сохранили остатки прежних своих владений и влились в общую массу московского и провинциального дворянства, сохранив кое-где и села, принадлежавшие когда-то их предкам.

К числу таких местных феодалов принадлежали князья Ковровы, владевшие селом Рожественным. В селе стояли две церкви (Рождества Христова и Покрова), за селом так и удержалось название Коврово (нынешний Ковров). В 1567 г. князь Иван Семенович Ковров отдал половину своей вотчины в Спасо-Евфимиев монастырь, а другую половину передал в тот же монастырь его сын.

Район Коврова был наполнен старыми городищами. Верстах в 12 от него вниз по Клязьме стоял Клязьменский городок, Стародуб на Клязьме, в 40 верстах от Коврова находилось село Ряполово — родина князей Ряполовских³.

Князю Пожарскому принадлежало «отца его и деда родовая вотчина» село Волосынино, или Мугреево, где стояла шатровая

¹ П. Семенов. Словарь, т. IV, стр. 372.

² Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текста, статья и комментарии В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954, стр. 7 и сл.

³ «Владимирские губернские ведомости», 1840, № 49.

церковь («древяна вверх шатрова») Николая Чудотворца, двор вотчинника и крестьянские дворы. При царе Иване IV село Нижний Ландех, находившееся в поместье, отдано было Пожарским в вотчину. Мугреево как вотчина Пожарских названо в документе 1571 г.⁴

Тщательный и почти исчерпывающий разбор сведений о княжеских вотчинах, принадлежавших в XVI столетии потомкам прежних нижегородских и суздальских князей, сделан С. В. Рождественским. Он отмечает, что многие стародубские князья сохранили свои старые родовые вотчины и после опричнины, даже в XVII в. То же самое можно сказать о вотчинах Шуйских. Пресловутая борьба Ивана Грозного с пережитками феодальной раздробленности практически не коснулась существа феодальных прав бывших служебных князей внутри их вотчин. Размножившиеся мелкие княжата Замосковского края не представляли серьезной угрозы для самодержавия, благодаря разбросанности их земель. Вот почему феодальная старина еще прочно удерживалась в Замосковном крае XVI в.⁵

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ

Старинный район обжитых и давно заселенных земель Замосковского края, как говорилось выше, и в XVI в. оставался житницей России. Конечно, и здесь плодородие земель было неодинаковым. Лучшие земли располагались в Юрьевском уезде, недаром посившем названии степного, «польского». Здесь в писцовых книгах обычно показывается «добрая» и «средняя» земля. Тут наблюдается особенно большая боярская запашка. Например, в вотчине Троицкого Сергиева монастыря, в селе Кинобаль, на 161 четь «добрый земли» монастырской пашни приходилось только 240 четей крестьянской пашни⁶. Сенные угодья тут надо было уже отыскивать «по врагом и меж кустарю в розных местех».

Распашка и освоение земель в центральном районе усиленно происходили с XV в. Об этом дает представление хотя бы такой факт. В самом начале XVI в. возник спор по поводу деревни Пашиной, находившейся в Бармазовской волости Переяславского уезда. Сотник этой волости как представитель черных крестьян отказался отдать деревню Троицкому монастырю. По его словам, в той деревне раньше жил бронный слуга Василий Родионов, «да и писан деи тот Василь в книгах в Степановых Бородатого». В действительности оказалось, что «та земля в книгах не писа-

⁴ «Владимирские губернские ведомости», 1852, № 11; 1885, № 18.

⁵ С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века, стр. 172—184.

⁶ АСВР, т. I, № 641, стр. 555.

на». Земля принадлежала Троицкому монастырю больше 30 лет и стала засеиваться уже после книг Степана Бородастого.

В уездах Владимирского края уже в это время наблюдался недостаток свободных земель. Часть земли сдавалась крестьянам исполы или из трети, или за денежный расчет, «почему чистые земли неоранные крестьяне десятину наймают».

Обычными хлебами, засеваемыми в Замосковном крае, были рожь и овес. В одном документе, относящемся к Переяславскому уезду, укаываются (на реке Киржаче) три поля, засеянные хлебами: «насередь трех поль безмежно, озимого и ржаного и ярового»⁷. По одному документу самого начала XVI в. можно более точно сказать о земледелии в этом районе. В деревне Панино Переяславского уезда некий Медведко молотил «рожь и ярь» по три овина той и другой. На той же земле сеял рожь Луня. Три копны ржи осталось стоять на полях, а три копны были сравлены животиною. Кроме того, часть хлеба на той земле, «что Луня пахал», осталась несжатой⁸.

Наряду с рожью и овсом в Замосковном крае была распространена пшеница. Нередки также указания на конопляники и хмельники, огороды и сады, которые особо отмечаются в документах: «да в селе ж половина двора боярского и саду и огородов и хмельников и конопляников»⁹. Переяславский уезд известен был своим садоводством. В селе Константиновском, по свидетельству 1620 г., росло 240 яблонь и 8 груш. Характерны названия сортов: налив, белая можайская, аркат, дуля (груша), яблоки кузминские, скруп, малеты белые и красные. Белый налив и теперь славится как один из лучших русских яблочных сортов¹⁰.

Трехполье уже так утвердилось в Замосковном крае, что в духовных грамотах отмечалось следующее: «а имать внуку моему за прудом землю от своего двора два поля, а будет не достанет третьево поля земли на ево же стороне, ему имать к третьему полю на Терневе»¹¹.

Успешным окончанием жатвы иной раз определяли время расплаты. Окончание жатвы связывали с Ильиным днем (20 июля), задержка же с уборкой урожая подчеркивалась в актах так: «рожь стоит в поле нежата августа по двадцатое число»¹².

Яркое представление о хозяйстве в «опольных» местах Замосковного края дает завещание вотчинника Пыжева, отдавшего

⁷ Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, стр. 184. Правая грамота 1531 г.

⁸ АСВР, т. I, № 641, стр. 555. В Опольском стане Юрьевского уезда сеяли на две десятины по две четверти ржи, «а яри вдвое» (АФЗ, ч. I, стр. 152).

⁹ С. Шумаков. Обзор грамот коллегии экономии. «Чтения ОИДР», 1917, кн. 2, стр. 252, 256, 258, 314, 320, 345.

¹⁰ Ю. В. Готье. Указ. соч., стр. 458. Примечание 6.

¹¹ РИБ, т. XXII, стр. 148.

¹² Н. Рожков. Указ. соч., стр. 117—118.

в один монастырь в Переяславле сельцо Микульское и пустошь Бузаново.

В сельце и пустоши 60 четвертей было засеяно рожью, 140 четвертей — овсом. В хозяйстве насчитывалось 200 сотниц «стоячего хлеба» ржи и 400 сотниц овса, 150 четвертей молоченой ржи, 350 четвертей овса, 30 четвертей ячменя, 15 четвертей пшеницы, 3 четверти конопляного семени, 4 четверти льняного семени. В имении завещателя имелось также значительное количество скота и птицы: 4 коня, 15 «меринов страдных лошадей», 25 жеребят, 15 волов, 20 коров с подтелками, 50 овец, 25 свиней, 20 гусей и 50 кур. Нет ничего удивительного, что в таких хозяйствах уже существовал учет и велись книги, как это читаем в одном документе конца XVI в.: «дати наделка людем моим по книгам, што им жалованья моево шло»¹³.

Однако и относительно плодородный Замосковский край порой страдал от недородов и голодовок. В один из голодных годов, как отмечает современник, «иногда ни на торговищи не обратитися житю, ни печеных хлебов»¹⁴.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Как говорилось выше, Замосковский край был районом вотчинного землевладения. О размерах боярских вотчин в Замосковном крае можно судить по раздельной 1539 г., относящейся к владениям князей Мезецких в Стародубе Рязоловском. «Княжна» вотчина, доставшаяся одному из Мезецких, состояла из села Лучкино и 45 починков и деревень с общим количеством 120 дворов. Центр боярской вотчины село Лучкино насчитывало 33 двора, в том числе княжий и поповский дворы. В 6 дворах жили княжьи люди, один из которых назван трубником; он был, вероятно, не мастером, а дворовым музыкантом. В 17 дворах жили непашенные люди; только 8 дворов были крестьянскими. В селе стояло 15 келий нищих, под которыми следует понимать, может быть, чернорабочих. К селу Лучкину примыкал пруд с мельницей, другая мельница стояла на устье реки Жижехты¹⁵.

Боярину Ивану Челядину принадлежало село Новое на реке Саре. В нем стояла деревянная церковь Михаила Архангела, построенная самим вотчинником, и церковные дворы. В селе было два пруда, «а в них рыба караси». К селу примыкал заповедный лес на 8 верст в длину и на 2 версты в ширину.

В селе Ивановском в Нильском стане Переяславского уезда насчитывалось до сотни дворов. В нем стояла церковь, которую

¹³ Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, стр. 61—65.

¹⁴ Житие преп. Даниила. Изд. С. И. Смирнова. М., 1908, стр. 44—45.

¹⁵ Акты гражданской расправы, т. I, № 50, стр. 64—65.

делали крестьяне этого села, и двор царского приказчика (село было дворцовым).

Большим владельческим селом было Бужениново в Переяславском уезде. В 1543 г. оно было разделено между сыновьями его прежнего владельца Ивана Михайловича Зворыкина. В селе стояла церковь Николы Чудотворца, бывшая в совладении двух братьев. Одному брату достались хоромы, состоявшие из горницы с комнатой, повалуши (высокого строения с горницей вверху), избы, погреба, ледника, поварни, житницы на дворе и двух житниц на огороде. Второй брат получил другую половину усадьбы: горницу с комнатой («новую», в отличие от старой, отданной брату), повалушу, мыльню, пивную поварню, житницу на дворе, житницу на огороде. Соединив вместе доли двух братьев, мы получим представление об усадьбе Зворыкиных в целом как о сложном строении с различными жилыми и хозяйственными помещениями, с высокими вышками (повалушами) и горницами. Усадьба была окружена забором с тремя воротами. У ворот стояли столбы для привязывания коней. К усадьбе примыкали хозяйственные постройки, а также сад, огород, гумна и хмельники. Тут же находились дворы холопов — «деловых людей» (у одного брата 8 дворов, у другого 12 дворов). При старом владельце таких дворов насчитывалось 20¹⁶.

Около усадеб, обычно, стояли мельницы, поставленные на запруженных речках.

Церковное землевладение также получило в Замосковном крае большое распространение. Ряд сел в Суздальском уезде принадлежал суздальскому епископу¹⁷. Многими вотчинами владел Рождественский монастырь во Владимире. Ему принадлежали в Опольском стане село Ковалево с 21 крестьянским двором, село Горицы (двор приказчика и 18 крестьянских дворов), ряд других сел и деревень. Кроме того, во владении того же монастыря находились села и деревни в Боголюбовском стане, в Яслицах, в Илмехотском стане, за рекой Клязьмой, в Колпи, в Медушах и т. д.¹⁸

Крупными земельными имуществами в Замосковном крае обладал митрополит. Ему принадлежала волость Сеньга с ее рыбными угодьями и несколько сел в ближайших окрестностях Владимира¹⁹.

Наиболее крупным землевладельцем был Троице-Сергиев монастырь. В Юрьевском уезде он владел 6 селами и 5 деревнями, всего 347 крестьянскими и 45 бобыльскими дворами. Ему

¹⁶ С. Шумаков. Обзор грамот коллегии экономии, вып. 4, стр. 317—318.

¹⁷ АИ, т. I, № 200, стр. 566—567.

¹⁸ С. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи. «Чтения ОИДР», 1902, кн. 2, № 8, стр. 57—61.

¹⁹ См. подробнее: С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение, стр. 361 и сл.

Центральные земли России в XVI столетии

принадлежали большие села: Кинобаль на речке Кинге и Кучки на речке Кучке.

В Суздальском уезде Троице-Сергиев монастырь владел 6 селами, 120 деревнями и 6 починок, всего в его владении было 540 крестьянских и 38 бобыльских дворов, в том числе село Шухобалово²⁰.

В Ростовском уезде тому же монастырю принадлежало 7 сел и 74 деревни с 487 крестьянскими и 23 бобыльскими дворами²¹; во Владимирском уезде монастырь имел 3 села, 8 селец и 50 деревень, всего 473 крестьянских и 53 бобыльских двора, в их числе Пирово Городище, раньше бывшее дворцовым селом. В Переяславском уезде за Троице-Сергиевым монастырем считалось 14 сел, 20 селец и 98 деревень, всего 809 крестьянских и 62 бобыльских двора.

Монастырские села, как показывают их описания, были большими.

В селе Кинобаль стояли 2 церкви, 4 двора церковного причта, 89 крестьянских и 6 бобыльских дворов. В селе Кубаеве считалось 15 крестьянских и 10 бобыльских дворов, в селе Ледневе — 37 крестьянских и 16 бобыльских дворов. Ко всем этим трем селам тянула только одна деревня. То же мы наблюдаем и в других селах Юрьевского уезда, принадлежавших Троице-Сергиеву монастырю. В селе Кучках стояла шатровая церковь, «древена вверх», 4 церковных двора и 8 келий, 4 двора монастырских детенышей, 71 крестьянский и 5 бобыльских дворов²².

Представление о хозяйстве дворцовых волостей дает сотная села Борисовского на реке Игошке во Владимирском уезде. Это было очень большое поселение, в котором насчитывался 191 крестьянский двор да 5 дворов беспашенных, «а живут в них казаки». В селе стояли две церкви, одна теплая, другая шатровая («вверх»), два поповских двора и двор дьякона. На «дворе царя и великого князя» жил поселский. Двор состоял из хором: горенки на подклети и повалуши, соединенных непокрытыми сенцами, у ворот была изба. К хоромам примыкали погреб, ледник, житница, мыльня, плетеная конюшня, вокруг двора шел плетень. Впрочем, хоромы были ветхими, их строили и поправляли крестьяне. К Борисовскому было приписано 470 десятин пашни «доброй земли» в трех полях, сена за рекой Нерлью на 2800 копен, да еще бор и лес по болоту. Крестьянские повинности заключались в выплате посошного хлеба — 640 четвертей ржи и 960 четвертей овса. Остальные мелкие доходы «за посошный корм», солому и прочее были исчислены деньгами²³.

²⁰ ПК, I, стр. 851—872.

²¹ ПК, II, стр. 9—23.

²² ПК, I, стр. 851—852.

²³ Акты гражданской расправы, т. I, № 83, стр. 232—233.

В других местностях Замосковского края поселения насчитывали гораздо меньшее количество дворов, чем в плодородных опольных местах, как это показывают писцовые книги митрополичьей волости Караш 1501 г. Только немногие деревни в этой волости насчитывали 4 двора. Это подчеркивает и сам итог, сделанный по волости: «и всех сел пять; а деревень к ним сто восемьдесят и две, а дворов в них и в селех четьреста и сорок и шесть». Сами села насчитывали по 10—20 дворов, не более. В селе Осник стоял 21 двор, 3 из которых были беспашенными. В селе Чашничем находились церковь и митрополичий двор, где жили монах, поселский и дворник, но крестьянских дворов было всего 11. Другие села были еще меньше.

Такой же характер имели и некоторые поселения в Переяславском уезде. По выписи 1519 г. в митрополичьих владениях Переяславского уезда к двум селам тянуло 50 деревень²⁴.

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Крестьяне Замосковского края были отягощены разного рода феодальными повинностями, перечисленными в поздней патриаршей грамоте 1602 г. Грамота относится к крестьянам Царево-Константиновского монастыря во Владимирском уезде, того самого монастыря, который получил такого же рода уставную грамоту от митрополита Киприана еще в конце XIV в.

Прежде всего крестьяне обязаны были отбывать на церковной земле тяжелую барщину: пахать с выти по десятине и засеять ее монастырскими семенами. Размер десятины был установлен в 80 на 30 сажень. Крестьяне должны были сжать хлеб, отвезти его на монастырское гумно, обмолотить и сыпать в житницы. Они же возили навоз на монастырскую пашню с конюшенного, коровьего и гостинного дворов на 80 телегах. Крестьяне также косили по 20 копен сена с выти на монастырский обиход, сгребали и сметали сено в копны. На них же лежала обязанность делать крупу и толокно из монастырского зерна.

Более ранняя грамота 1571 г. устанавливала для того же Царево-Константиновского монастыря такие крестьянские оброки: «Оброк хлебный на год с выти по осмине пшеницы, да по осмине конопель, по 4 гривенки масла коровьяго, по сту яиц, по 2 сыра кислых, по овчине, по 2 поярка, по сажени дров. А пашни монастырской им пахать на выть по полуторе десятин ржи и овса, а сеяти семена монастырские и жати и класти и молотити и в житницы сыпати и навоз на пашню возити с монастырских конюшенных и с животных дворов, а сена косити на выть по 20 копен... архимандриту брать у них по две и по три подводы, как поедет

²⁴ АФЗ, ч. 1, № 12, 23.

в Москву по делам монастыря»²⁵. Особенно отяготительной повинностью была обязанность крестьян давать подводы, если архимандрит поедет в Москву, а также рубить лес и возить его для монастырского строения, возить дрова и пр.

Мелкие феодальные подати и поборы брались с крестьян по различным случаям. Женившиеся крестьяне платили за вечные «знамена», взятые у архимандрита. С чисто монашеским лицемерием митрополичьи власти увеличивали вечный побор для женившихся во второй и в третий раз, так как вторая женитьба считалась нарушением закона, а третья — просто «свинским житием».

Кроме того, определенный доход поступал монастырскому доводчику. Он получал с выти по пол-алтына денег и по полуосмине ржи въезжего на четыре праздника, на каждый праздник отдельно: на рождество, пасху, Петров (29 июня) и Семенов (1 сентября) дни. Мелкие, но отяготительные поборы платили крестьяне по разным случаям: выводную куницу или убрusное с женщин, выходявших замуж, за продажу лошади, строений, ржи, овса, за судные дела, за сваренное без позволения пиво и пр.

В конце XVI в. в плодородных «опольных» станах центральной части России замечается общее увеличение феодальных крестьянских повинностей. Об этом дают представление писцовые книги вотчин Троице-Сергиева монастыря в Ростовском уезде. Большая феодальная вотчина — село Новое на реке Саре с приписанными к нему 2 селами и 18 деревнями — насчитывала 134 крестьянских и 10 бобыльских дворов. Во всей вотчине обрабатывалось 130 четвертей монастырской и 870 четвертей крестьянской пашни. Таким образом, крестьянская пашня больше чем в шесть раз превышала монастырскую. Но этот подсчет предстанет поиному, как только мы поближе познакомимся с распределением земли в монастырской вотчине. 130 четвертей монастырской пашни были сосредоточены в одном месте, у самого села Нового, где стояло 10 крестьянских дворов, обрабатывавших 22 четверти. Из 130 четвертей монастырской пашни примерно 64 четверти пахали крестьяне, остальная земля, по-видимому, обрабатывалась монастырскими детенышами.

В селе Дебала на реке Где монастырская пашня составляла уже 200 четвертей, несколько превышая крестьянскую (180 четвертей). Здесь крестьянская барщина была значительно большей, чем в Новом: каждая выть пахала по 3 десятины (21 выть), да 35 десятин пахали взгоном, всего, следовательно, 100 десятин обрабатывалось при помощи барщины²⁶.

²⁵ «Нижегородские губернские ведомости», 1848, № 7.

²⁶ Раньше в селе Дебала Ростовского уезда было 50 крестьянских и 6 бобыльских дворов. До 1550 г. оно принадлежало Тучковым (ПК, II, стр. 14—15).

Немалое значение для монастыря имели также доходы «за пустоши, за сенные покосы и за пашню»; в Новом такие доходы составляли 37 рублей, а в Дебале 12 рублей в год. Монастырь охотно отдавал в аренду пустовавшие пашни и сенные покосы. Поэтому часто встречаемся с пометкой: «а пахали тое пашню и сено косили из найму троецкие крестьяне».

Монастырские села Новое и Дебала стояли в непосредственной близости к городу, к югу от Ростовского озера. Этим, вероятно, и объясняется повышенный интерес монастырских властей к пашенному хозяйству.

Совершенно иную картину наблюдаем в более отдаленных от города вотчинах того же монастыря. В селе Михайловском того же Ростовского уезда на 629 четвертей крестьянской пашни приходилось всего 40 четвертей монастырской, в селе Берлюковке насчитывалось 505 четвертей крестьянской пашни и 36 четвертей монастырской. Пашни здесь пахали на монастырь всего полдесятины на выть. В Согильском стане монастырская пашня не показана и вовсе. Следовательно, увеличение барской запашки произошло еще не везде, а только в таких районах, где был обеспечен сбыт хлеба на городских рынках²⁷.

Переход к более отягощающим крестьянским повинностям по сравнению с прежними происходил в Замосковном крае значительно раньше, чем в других областях России. Недаром Замосковский край был районом крупных боярских вотчин. Крестьянское население уже не могло удовлетворить свои потребности сельским хозяйством и рано начало заниматься различного рода подсобными промыслами. Уже в XVI столетии многие села Замосковского края становятся беспашенными.

ПРОМЫСЛОВЫЕ СЕЛА

В подгородных селениях Суздальского уезда в конце XVI в. стали развиваться промыслы, рассчитанные на обслуживание ближайшей округи. В 1579 г. крестьяне деревни Плосково при селе Хрепелеве, принадлежавшем Покровскому монастырю в Суздале, жаловались на крестьян Дуниловского и Горицкого сел. В числе жаловавшихся крестьян деревни Плосково упомянуты непашенные сельчане: Неклюд — мельник, Михайло — портной, Менилика — сапожный мастер. Жалобщики указывали, что у одного крестьянина (котельного мастера) дуниловские крестьяне отняли «два куба медяных чюжих», один в семь ведер, а другой в пять ведер, «да семь труб медяных, да котел естовной медяной полведра». Среди грабителей, дуниловских и горицких крестьян, оказались сапожные мастера (2), красильщик, колесник, горшечники (2).

²⁷ ПК, II, стр. 8—23.

Можно предполагать, что столкновение крестьян Плоскова с дуниловскими и горицкими крестьянами произошло на почве конкуренции²⁸.

В непосредственной близости к Владимиру находилось дворовое село Красное. Это было обширное селение, состоявшее из 5 церковных, 135 крестьянских и 18 бобыльских дворов. К селу прилежали обширные угодья «доброй земли» и сенные покосы на Клязьме. Красное в конце XVI в. находилось в относительном запустении; часть крестьян умерла от морового поветрия, другие безвестно бежали. Но и в это время среди сельчан Красного числилось немалое количество ремесленников и торговцев, что объясняется близостью Владимира. В сотной села Красного 1583 г. названо 12 ремесленников и торговцев. Среди них упомянуты 2 сапожных мастера, 2 калачника, колесник, оконичник, портной мастер, извозчик, солоденик, кузнец, красильник²⁹.

Целые слободки занимались рыбной ловлей и речными промыслами. Такой была деревня Мачкова, принадлежавшая Спасскому Евфимьеву монастырю в Суздале. Она стояла над Мачковым озером и насчитывала 13 крестьянских дворов. В сотной конца XVI в. о слободке сказано выразительно: «пашни нет, а промышляют крестьяне рыбною ловлею, да на судех наимуютца». Тому же монастырю принадлежал погост на Куре-озере, где стояла церковь, четыре кельи, монастырский двор, а в нем «живут рыболова Спасково ж монастыря»³⁰.

К числу промысловых сел Замосковского края принадлежала Мстера, или «погост Богоявленская слободка», как она названа в писцовых книгах начала XVII в. В это время Мстера принадлежала князьям Ряполовским³¹. Соседнее село Холуй также имело свои промыслы. В нем существовали соляные варницы. При варницах Троице-Сергиева монастыря жили казаки, «которым у их варниц соль варити и воды сливати»³².

Промысловым и торговым было село Дунилово, где стояли ряды с лавками. О них дает понятие челобитная непахотного крестьянина этого села земского целовальника Осипа Устинова на непахотного крестьянина того же села Тимофея Кузьмина, правда, относящаяся уже к 1613 г. Устинов пишет: «В нынешнем государь в 121 году, в заговенье перед Оспожиным говением, с субботы на неделю в ночи, пришел тот Тимофей в ряды к лавке моей да учал ломитца в лавку, и ножом в доски в заборные ко-

²⁸ РИБ, т. XXII, стр. 566—572; Акты юридические. СПб., 1858, № 45—46, стр. 91.

²⁹ Акты писцового дела, т. I, М., 1913, № 1, стр. 1—6.

³⁰ С. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи. «Чтения ОИДР», 1902, кн. 2, № 14, стр. 86—87.

³¹ И. Голышев. Богоявленская слобода Мстера. Владимир, 1885, стр. 107.

³² М. Дьяконов. Указ. соч., вып. II, стр. 21.

лоть, и сынишко мой Илейка, в лавке учал кричать и вопить, что тот Тимофей ломитца, и хотел животы мои взять сильно»³³.

В этой жалобе показан типичный случай ссоры торговых людей, случай нередкий в небольших городках и селах русской провинции того и более позднего времени.

ПЕРЕЯСЛАВЛЬ ЗАЛЕССКИЙ И ЕГО ОКРУГА

Переяславский уезд обычно причислялся к «опольным» землям, но по своим историческим судьбам был более связан с Москвою, чем с Владимиром и Суздалем, являясь как бы северным продолжением Московского края. Кроме Переяславля в этом районе находились еще два города: Юрьев Польский и Александра слобода, за которой по традиции сохранялось название «слобода», хотя она была настоящей крепостью с посадом.

Границы Переяславского уезда на юге были довольно четко очерчены течением реки Дубны и ее притока Вели. Эти небольшие реки текли среди обширных лесов и болот, и местность в их верховьях носила характерное название Заболотья. Здесь в удельные времена располагались вотчины бояр Заболоцких — Всеволожских, игравших большую роль в смутные времена середины XV в.

Наиболее населенная часть уезда находилась у берегов большого Переяславского, или Клещина, озера, в те времена богатого ценной рыбой: сельдями и светками. К озеру примыкали лучшие земли уезда, составляющие его «ополье», — почти безлесные пространства, напоминающие отчасти лесостепь. Но ополье занимало только небольшую часть уезда, который был богат лесами и болотами. Даже в XIX в. леса, в большей своей части хвойные, покрывали больше трети уезда. Что касается рек, то только одна из них имела судоходное значение — это Нерль, вытекающая из Переяславского озера.

Переяславль, в отличие от Переяславля Рязанского и Переяславля Русского, назывался также Переяславлем Залесским. В XVI в. он состоял из «города», т. е. крепости, и посада. В XVII в. крепостные сооружения ставились «по старому земляному валу». Башни имели названия по ближайшим церквям, за исключением Тайницкой и Карашской³⁴. В крепости находился каменный собор Спаса, построенный еще Юрием Долгоруким. Здесь же стояли дворы духовенства и осадные дворы монастырей и детей боярских. Сохранилось описание одного такого боярского

³³ «Владимирские губернские ведомости», 1873, № 18. Челобитная 1613 г.

³⁴ Переяславль-Залесский. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1884, стр. 6—7.

двора, который состоял из избы и клетки; позади их находился огород. Вся усадьба занимала площадь в 100 кв. сажен³⁵. Крепость в Переяславле была деревянной и строилась по старине крестьянами, вызываемыми для городского дела.

Замечательной особенностью Переяславля в XVI в. было изобилие в нем богатых монастырей с каменными соборами и другими постройками. Среди них выдавался Данилов монастырь, который в 1559 г. насчитывал 70 человек братии (монахов и послушников), не считая «служебников мирян». Монастырь обзавелся земельными имуществами, получив в пожалование села и деревни. Он вел торговлю по городам. Грамота 1549 г. рисует перед нами торговые связи этого монастыря, характерные и для Переяславля в целом. Старец (монах), монастырский «слуга» и монастырский купчина ездили втроем беспошлинно «монастырским торгом зимою» на 50 возах в Москву и в другие города, среди которых названы Новгород, Балахна, Холопий торг на Мологе³⁶.

Редкий город пользовался таким вниманием, какое уделяли Переяславлю в XVI столетии великий князь Василий Иванович, сын его царь Иван IV и внук царь Федор Иванович. Причины такого внимания в немалой степени зависели от того, что Переяславль находился поблизости от царской резиденции — Александровой слободы. С Переяславлем также были связаны некоторые события в семье московских государей.

В отличие от многих других городов, в Переяславле даже некоторые приходские храмы строились из камня. В конце XVI в. была построена шатровая церковь в честь Петра митрополита, как об этом можно судить по сохранившимся в этой церкви антиминсам 1585 и 1599 гг.³⁷

В Переяславле заметно значительное развитие ремесленного производства, как это можно установить по сведениям о беломестных слободках. В слободке Борисоглебского монастыря над озером, принадлежавшей митрополиту, жило 19 ремесленников. В их числе названы 6 сапожников, 2 гвоздочника, 7 ложечников, укладник, ковшечник, профессии двух жителей слободы не обозначены. Такие специальности, как ложечник и ковшечник, возможно, были связаны с обслуживанием монастырской потребности в сувенирах.

К концу XVI в. слободка уже запустела; у церкви Климента папы Римского, в это время стоявшей пустой, жили в девяти кельях бобыли, а слободкой самовольно завладели посадские люди. Во второй половине XVI в. в слободке жили «люди молотчие мастеровые», называемые крестьянами, которые сопротивлялись попыткам посадских людей заставить их нести посадское тягло.

³⁵ С. Шумаков. Обзор грамот коллегии экономии, вып. 4, стр. 339, 351.

³⁶ «Владимирские губернские ведомости», 1844, № 41 и др.

³⁷ Труды Владимирской ученой архивной комиссии, кн. IV. Владимир, 1904, стр. 106—107. П. В. Ильинский. Петромитрополическая церковь.

Иван Грозный выдал митрополиту грамоту об освобождении людей, живших в слободке, от посадских повинностей³⁸.

Документы XVI в. рисуют Переяславль в первую очередь как хлебный рынок. Даже такие отдаленные монастыри, как Павлов Обнорский на севере, посылали в Переяславль для закупки хлеба³⁹.

В одном документе начала XVI в. упомянут «суконник Алтын из города из Переяславля», которому принадлежало селище Алтыновское⁴⁰. Конечно, это был не ремесленник, а купец, торговавший сукнами.

Некоторое значение для торговли Переяславля с другими городами имела река Нерль, связывавшая город с Волгой, а также река Трубеж, на берегах которой стоял Переяславль. О торговом значении Трубежа находим любопытное сведение в житии Даниила Переяславского: в юности «случися ему видети на Трубеже великую лодию, привязану власным ужем к берегу, с товаром тферских купцев». По Трубежу к городу пригоняли также плоты из бревен, которые тут же продавались⁴¹.

В Переяславле особенно чувствовалось преобладание беломестцев. Здесь издавна существовала особая царская слободка сокольников, не имевшая в XVI столетии, видимо, уже никакой связи с соколиной охотой. В ее 20 дворах жили ремесленники (два сапожника, седельник, хлебник, помытник)⁴².

Большая Слобода принадлежала Троице-Сергиеву монастырю. Она стояла на посаде вне крепостных сооружений, поблизости от Рыбной слободки. Даже после разорения начала XVII в. слободка насчитывала 26 дворов⁴³. К этому надо добавить слободки при переяславских монастырях, в том числе при Данилове монастыре.

Под городом находилась Рагозинская Ямская слобода. Ям был устроен здесь при царе Федоре Ивановиче (следовательно, в 1584—1598 гг.), так как через Переяславль «из Ростова лежала большая дорога»⁴⁴.

Особое значение имела царская «рыболовля слободка», которая находилась в городе на посаде⁴⁵. Это было очень значительное поселение. Документ 1563 г. указывает в Переяславле «на посаде волость Рыболовскую, на реке на Трубеже, а в ней дворы ловецкие». Переяславльские рыболовы имели выборного старосту и принадлежали к ведомству стольника («столничя пути»).

³⁸ АФЗ, т. I, стр. 42.

³⁹ С. В. Бахрушин. Указ. соч., т. 1, стр. 36.

⁴⁰ Житие преп. Даниила, стр. 116.

⁴¹ Там же, стр. 7.

⁴² ААЭ, т. I, № 147, стр. 118—119.

⁴³ С. Шумаков. Обзор грамот коллегии экономии, вып. 4, стр. 449. По-видимому, это та же слободка, в которой в 1543 г. было всего 11 дворов (там же, стр. 505).

⁴⁴ Акты гражданской расправы, т. I, № 100, стр. 324.

⁴⁵ ААЭ, т. I, № 140, стр. 114; № 242, стр. 262; № 261, стр. 287—289.

По приказным подсчетам, в слободке было 99 рыболовецких дворов. Из них 98 человек считались «молодшими» и лишь 1 «средним».

Посадские люди Переяслава Залесского боролись с беломестцами. Спасский Ярославский монастырь владел в Переяславе двором, раньше принадлежавшим кн. Пенькову. Монастырь, хотя и получил двор для приезда крестьян во время осадного времени, тотчас же стал заводить новую слободу. На монастырском дворе жил не один, а четыре дворника. После долгих споров с посадскими людьми монастырь все-таки выиграл дело⁴⁶.

Поблизости от Переяслава находилась Соль Переяславская, позже село Усолье. В 1563 г. в Соли Переяславской насчитывалось 56 тяглых дворов. Местечко состояло из двух улиц: Преображенской и Борисоглебской. На первой улице стоял 21 пашенный двор, на второй — 35 непашенных дворов. К этому времени Соль Переяславская уже потеряла прежнее свое значение: 5 дворов и 30 дворовых мест отмечены пустыми, да 33 места «вода размыла». Соль Переяславская стала уже называться своим теперешним названием «Усолье». Показателем его запустения было и то, что только одна церковь — Спаса — действовала, а другая — Бориса и Глеба — стояла «без пенья»⁴⁷.

В Соли Переяславской Троицкому монастырю принадлежало пять варниц, из них одна называлась Киржацкой, по приписному монастырю в Киржаче. Тут же стояли монастырские дворы⁴⁸.

АЛЕКСАНДРОВА СЛОБОДА И ЮРЬЕВ ПОЛЬСКИЙ

Поселением особого типа была Александрова слобода, которую еще в 1534 г. называли Новой слободой⁴⁹. Эта была царская резиденция, описанная многими иностранцами. Слободу окружали крепкие стены и она представляла собой хорошо укрепленный замок, в котором стояло несколько каменных церквей и других построек, сохранившихся до нашего времени. При Иване Грозном слобода получила печальную известность как гнездо опричников, но при нем она была и до некоторой степени центром тогдашней образованности. Здесь в 1565 г., вскоре после отъезда первопечатников в Литву была напечатана известная Псалтырь.

Незначительным городом в XVI столетии был Юрьев Польский. Внутри старой земляной «осыпи» стоял каменный собор. Там же помещались воеводский двор, дворы духовенства и при-

⁴⁶ П. П. Смирнов. Посадские люди, т. I, стр. 153.

⁴⁷ С. Шумаков. Обзор грамот коллегии экономии, вып. 4, стр. 491, 560

⁴⁸ Акты гражданской расправы, т. I, № 100, стр. 324.

⁴⁹ М. Дьяконов. Указ, соч., вып. II, стр. 7.

казных людей. К «осыпи» примыкал небольшой посад. О размерах его можно судить по дозорной книге 1613 г., дающей, впрочем, уже картину вконец разоренного города.

В это время в Юрьеве считалось всего 9 тяглых дворов и 13 домов стояло пустыми. Кроме того, насчитывалось 94 пустых дворовых места и 18 пустых дворов, запустевших еще до литовского разорения. Таким образом, в конце XVI в. посад насчитывал примерно 100 дворов⁵⁰. В целом же по дозорной книге в Юрьеве было «людей мало, а город сгнил и развалился и острогу и наряду никакого и зелья нет»⁵¹.

РОСТОВ И ЕГО ОКРУГА

Одним из крупнейших и стариннейших городов Замосковского края был Ростов — в прошлом столица особого княжества, Ростов «старый», Ростов «великий».

Ростов стоял на берегу большого Ростовского озера, именованного также озером Неро. Пригородные слободки тянулись по берегу озера на большое расстояние. В центре Ростова находился кремль, потерявший в XVI в. значение крепости. В годы иностранной интервенции оказалось, что в Ростове нет «ни города, ни осады, сидети не в чем»⁵². В крепости помещались древний, но неоднократно перестроенный собор Успения и двор ростовского архиепископа, позже митрополита. Подобно Переяславлю, Ростов был наполнен церквями и монастырями, сохранившимися здесь еще с удельных времен. Некоторые из монастырей имели большие каменные соборы. Строения в Ростове стояли разбросанно. Луга и огороды находились и в самом городе⁵³.

К сожалению, о количестве населения в Ростове XVI в. известно очень мало, да и эти сведения мы имеем из дозорных книг 1619 г., которые только ретроспективно позволяют судить о населенности Ростова, сильно разоренного в годы иноземной интервенции. По-видимому, общее количество посадских дворов в Ростове XVI в. доходило до 200. Но эта цифра дает неточное представление о численности населения в городе, так как в нем существовало большое количество беломестных слободок и дворов, не вошедших в описание.

Самым крупным беломестцем был ростовский архиепископ, которому принадлежала слободка, расположенная в непосредственной близости к архиерейскому дому. В начале XVII в. в ней насчитывалось 65 дворов: «приказных людей и детей боярских и

⁵⁰ Труды Владимирской ученой архивной комиссии, кн. VI, Владимир, 1904, стр. 92—93. М. С. Померанцев. Город Юрьев Польский.

⁵¹ АИ, т. I, № 215, стр. 253.

⁵² Там же, № 249, стр. 296.

⁵³ АСВР, т. I, № 635, стр. 547.

подьячих и неделщиков и всяких дворовых служебников, шестьдесят пять дворов белых»⁵⁴. Общее количество дворов в архиепископской слободке доходило до 84. Сюда же надо причислить 10 дворов архиепископских сторожей («Сторожевская слободка») и 17 дворов в так называемой Ладанной слободке, также принадлежавшей митрополиту. Таким образом, архиепископские (митрополичьи) слободки в Ростове даже в начале XVII в. насчитывали 100 дворов.

Кроме архиепископских, в Ростове существовали беломестные слободки и дворы, принадлежавшие церквям и монастырям. При соборной церкви Успения дозорные книги отмечают 12 дворов соборного духовенства. Кроме того, 15 дворов принадлежали попам ростовских церквей, получавших государеву ругу, 17 дворов — приходскому и монастырскому духовенству. Особая слободка принадлежала Авраамиеву Богоявленскому монастырю; в ней стояло 5 дворов служек и монастырских детенышей и 16 дворов убогих людей. Андреевский монастырь владел слободкой с одним двором. Всего же в Ростове начала XVII в. можно насчитать 165 дворов, принадлежавших церковным феодалам и духовенству.

Эта цифра ярко рисует Ростов как один из клерикальных центров тогдашней Руси. Не случайно спустя полтора века именно ростовский митрополит Арсений Мацеевич станет яростным борцом против секуляризации церковных земель.

Некоторые из церковных владений представляли собой обширные усадьбы с деревянными хоромами. В Ростове «на Горищах», в Златоустовском приходе, в конце XVI в. стоял двор Троице-Сергиева монастыря. В нем была горница на подклети и повалуша, соединенные сенями; на дворе, окруженном городьбой, стояла баня⁵⁵. Этот двор был обелен еще при Василии Темном, к нему тянули лужок и «пожня»⁵⁶.

В непосредственном соседстве с кремлем на берегу озера находилась Рыболовская слободка. В ней до разорения насчитывалось 18 дворов. Эта слободка в начале XVII столетия потеряла уже свое прежнее значение государевой и была приписана к посаду. Посадские люди платили «с Рыболовские слободки» в Москву в дворцовое ведомство рыбой или деньгами, «коли рыбе лову нет». Таким же остатком далекого прошлого была Сокольничья слободка, где стояло примерно 8 дворов. Жители слободки платили по пять соколов в год, а если соколов нельзя было достать («коли соколом не род»), по рублю вместо сокола.

Дозорная книга 1619 г. дает поздние сведения о ростовских слободках. В XVI столетии Рыболовская слободка в Ростове ве-

⁵⁴ Дозорные и переписные книги древнего города Ростова. Изд. А. А. Титова. М., 1880, стр. 6.

⁵⁵ ПК, II, стр. 23.

⁵⁶ АСВР, т. I, № 635, стр. 547.

далась еще в дворцовом ведомстве. Жители ее платили рыбой за всякие денежные доходы. За летнюю и за зимнюю рыбную ловлю полагалось давать 29 чанов щучины; в каждом чане считалось по девять ведер. Особо оговаривалось, что кроме щучины в чан нельзя класть никакой другой рыбы. Рыбная ловля в Ростовском озере производилась в широком масштабе. Устанавливалось, что ловцы выезжают на озеро на 16 лодках и ловят рыбу 15 неводами, 4 мережами и 4 сетями. Рыбу ловили весной, а также, когда на озере станет лед. Тогда рыбу ловили 6 неводами, «в лутчее время, как на Ростовском озере подледной рыбе большой лов живет». Свежую подледную рыбу везли к Москве. В грамоте предусматривались возможности мошенничества, запрещалось продавать рыбу или отдавать ее даром под угрозой великой опалы.

Рыболовная слободка в XVI в. была выделена из посада и не несла посадские тяготы; рыболовов судили в Дворцовом ведомстве. Жалованная грамота дана была в 1582 г.⁵⁷

В Ростове находились также Кузнецкая слободка (4 двора) и Ямская старая слободка. Всего по дозорной книге 1619 г. в Ростове насчитывалось не менее 450 дворов. Эта цифра может быть для XVI в. несколько уменьшена или увеличена, но общий вывод о составе городского населения Ростова останется тем же. Перед нами город с сильным беломестным землевладением. Больше половины всего населения Ростова живет в слободах вне посада, хотя это город, почти лишенный ратного населения.

Дворники, жившие в слободках, занимались не только ремеслами, но и торговлей. В конце XVI в. на дворе Троицкого монастыря жил дворник Демешка Стерляг. «Да он же деи был и купчина, покупал к нашим приездом в Ростове рыбу свежую и просолную и всякие монастырские запасы», — записано в царской грамоте об этом своеобразном дворнике-купчине⁵⁸.

В Ростове посад стал заново усиливаться в годы посадского строения конца XVI в., о котором писал П. П. Смирнов, в сущности впервые и установивший это замечательное мероприятие времен Бориса Годунова. Посадское строение в Ростове происходило около 1600 г., когда в Ростове «выводили из-за митрополита или из-за монастырей и всяких чинов торговых людей и старожильцев на посадскую на черную тяглую землю»⁵⁹.

В древности Ростов принадлежал к числу крупнейших русских центров письменности. Это значение он сохранял в какой-то мере и в XVI столетии, но, конечно, в значительно меньшей степени. В Ростове существовали старинные промыслы, связанные со строительством и украшением церквей, в частности, Ростов издавна был одним из центров иконописного художества. Григорий Ростовец за один только август 1611 г. закончил «письмом»

⁵⁷ «Ярославские губернские ведомости», 1854, № 36.

⁵⁸ М. Дьяконов. Указ. соч., вып. II, стр. 35, 1599 год.

⁵⁹ П. П. Смирнов. Посадские люди, т. I, стр. 175.

60 икон, а в декабре того же года сделал еще 10 икон⁶⁰. Такое количество икон не мог бы выполнить один человек. Поэтому следует предполагать в Ростове существование иконописных мастерских, изготовлявших иконы по заказам, в данном случае для Кириллова Белозерского монастыря.

ВЛАДИМИР

Владими́ро-Сузда́льский край в XVI столетии был наполнен небольшими городками, незащищенными посадами и непашенными селами. Среди них по своему экономическому значению выделялись два древних города: Владимир и Суздаль.

Владимир на Клязьме в первой половине XVI в. был еще одним из крупных русских городов. Город окружали деревянные стены. Во время пожара 1536 г. были разбросаны 170 городень деревянной стены и 4 башни. (Для сравнения можно указать, что город Венев был окружен 65 городнями.) После пожара деревянная стена во Владимире была заново восстановлена, причем не сгоревшие стены были доделаны⁶¹. Новая деревянная городская крепость занимала большую территорию и состояла из 435 городен (отдельных срубов) и 11 башен.

По обстройке Владимир представлял собой один из замечательнейших русских городов того времени. Писцовые книги Владимира XVI в., видимо, не сохранились, но осталась выпись из книг 1626 г., которая была дана посадским людям Владимира по их ходатайству в 1646 г. «Город Владимир древян ветх», по выписи, стоял на реках Клязьме и Лыбеди. В нем отмечены два каменных собора (Успения и Дмитрия Селунского) и Рождественский монастырь с каменными церквями и трапезой. В кремле находились воеводская, съезжая и губная избы, патриарший двор и дворы разных людей. К городу примыкали посад и слободы⁶².

В сотной 1544 г. упоминаются некоторые урочища Владимира: Рождественский монастырь обозначался словами «что в Володимере внутри города». Особо показаны дворы того же монастыря «на посаде в Старом городе под Глебовскою», а также «Подол» и дворы «на колене у реки». Названы также Пробойная улица, Богородицкий переулок, Бибирева улица, «Всполье за посадом выше Фроловские улицы». Рождественскому монастырю принадлежали большая слободка и отдельные дворы; в двух из них жили кожевник и калачник⁶³.

⁶⁰ С. В. Бахрушин. Указ. соч., т. 1, стр. 106.

⁶¹ ПСРЛ, т. XX, стр. 438.

⁶² «Владимирские губернские ведомости», 1877, № 1.

⁶³ С. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи. «Чтения ОИДР», 1902, кн. 2, № 7, стр. 57—58.

Во второй половине XVI столетия значение города уже не соответствовало его древней славе. Владимир остался старинным центром обжитого сельскохозяйственного района, но без прежнего значения. После завоевания Казани крепость во Владимире сделалась ненужной. Вот почему к началу XVII в. Владимир оказался плохо защищенным и легко был занят и razорен литовскими отрядами.

О посадском населении во Владимире известно мало. В основном это был город с развитым беломестным землевладением.

Крупное значение во Владимире имела церковь Успения, называемая обычно «соборной». Для ее охраны и украшения существовал особый штат. В разных частях города стояло 9 дворов соборных сторожей, которые обязаны были заботиться о поддержании церкви в порядке. Кроме того, на митрополичьей земле во Владимире стоял 21 двор, из них 2 двора принадлежали митрополичьим кузнецам. В разных местах города находились дворы митрополичьих «строев», их насчитывалось 16 дворов. Слово «строй», видимо, обозначает строителей. Забота о поддержании в порядке старинных владимирских церквей лежала на особой волости: лес для «Пречистой» во Владимире должна была сохранять («пасти») Санничская волость⁶⁴.

Одним из крупных беломестцев в городе был Рождественский (Богородицы Рождества) монастырь, «что в Володимере внутри города». Ему принадлежало на посаде 27 дворов, разбросанных по всему городу. Кроме того, монастырь держал конюшенный двор («а в нем слуги») и три мельницы на реке Рпени⁶⁵.

Видное место во Владимире принадлежало каменщикам. В челобитной царю Михаилу Федоровичу они писали, что «до Московского разорения», следовательно, в XVI столетии, они делали «кирпичное дело» в Смоленске, Борисове, во Владимире и в Москве. Указания на Смоленск, где каменные стены строились в конце XVI в., и на Борисов (Царев-Борисов) говорят об участии владимирских каменщиков в больших строительных работах. Каменщики получили в 1623 г. жалованную грамоту, освобождавшую их от посадского тягла и других повинностей, с правом ведаться в Каменном приказе⁶⁶. Грамота эта была фактическим подтверждением более ранних привилегий владимирских каменщиков.

СУЗДАЛЬ

В еще большей степени, чем Владимир, потерял в XVI в. свое прежнее значение Суздаль. К сожалению, описание Суздаля в это столетие не сохранилось и приходится пользоваться поздней

⁶⁴ АФЗ, ч. 1, № 167, стр. 153.

⁶⁵ С. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи. «Чтения ОИДР», 1902, кн. 2, № 7, стр. 57.

⁶⁶ «Владимирские губернские ведомости», 1862, № 44.

переписной книгой 1628 г., которая позволяет восстановить топографию города, но никак не может служить для суждения о количестве населения, его ремесле и торговле в предыдущее столетие.

В 1628 г. город, или кремль, Суздаля, стоявший у реки Каменки, был ветхим. В него вели четверо ворот; одни из них назывались Водяными. В городе стояли каменный собор Рождества Богородицы и несколько деревянных церквей, двор суздальского архиепископа, съезжая изба и осадные дворы. На посаде, напротив крепости стояла церковь Пятницы и располагались улицы. Одна из них называлась Большой⁶⁷.

Некоторое понятие о суздальском посаде XVI в. дают писцовые книги 1612 г., в которых мы находим ссылку на платежные книги 1573 г., когда в Суздале насчитывалось 414 живущих дворов⁶⁸. Но эта цифра дает явно неполное представление о всем населении Суздаля. Не следует забывать, что этот город был одним из центров церковного землевладения. В нем находилась епископия и множество монастырей, в том числе такие крупные, как Спасский Евфимиев монастырь, Покровский женский монастырь и др. Все эти монастыри имели свои слободки или отдельные дворы, стоявшие на посаде. Крупнейшему из них — Спасскому Евфимиеву монастырю — на посаде принадлежало 5 дворов, которые в самом начале века были переданы во владение Покровского монастыря⁶⁹. Взамен Спасский монастырь получил другую землю и на ней («на посаде, за рекою за Каменкою, на Вознесенском броду») поставил новую слободку, насчитывавшую к середине XVI столетия 26 дворов. Попытки посадского населения сделать эту слободку тяглой остались безуспешными.

Суздальскому епископу принадлежал на посаде Борисоглебский монастырь и две слободки: «Борисова сторона» и «Иванова сторона»⁷⁰.

Посадские люди и беломестцы нередко вступали в конфликты. В Суздале особая слободка принадлежала Покровскому девичьему монастырю. В ней жили «бобылишка и всякие ремесленные люди, сапожники и рукавичники». Эти люди выходили на городской торг со своими товарами, вследствие чего земские целовальники старались наложить на них различного рода подати «во всякие земские разметы». Целовальники мешали жителям монастырской слободки торговать на рынке. Дело иногда доходило до настоящих драк, судя по жалобе игуменьи, писавшей, что цело-

⁶⁷ Список с писцовой книги гор. Суздаля с 7136 по 7198 год (Труды Владимирской ученой архивной комиссии, кн. IV. Владимир, 1904).

⁶⁸ П. П. Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII в., стр. 117.

⁶⁹ АИ, т. I, № 116, стр. 172; № 119, стр. 174.

⁷⁰ Там же, № 148, стр. 215, № 200, стр. 366. См. также «Владимирские губернские ведомости», 1876, № 53, где также напечатана царская грамота от 17 марта 1547 (7055) г.; так рано Иван IV стал титуловать себя царем.

вальники не позволяют ремесленникам из слободки продавать товары, даже бьют их, по преувеличенным жалобам игумены, «на смерть». Дело, однако, было не просто в торговле ремесленными произведениями. Монастырские люди завели свои лавки. Царские власти сделали распоряжение не брать таможенных пошлин с монастырских ремесленников за исключением тех случаев, когда «которые сапожники и рукавичники учнут сидети лавками»⁷¹.

НЕБОЛЬШИЕ ГОРОДА, ПРИМЫКАВШИЕ К СУЗДАЛЮ И ВЛАДИМИРУ

К северу и к востоку от Владимира и Суздаля находились небольшие городки и посады.

Старым городом был **Гороховец**, когда-то «град», вотчина Успенского собора во Владимире. Понятие о Гороховце дает сотная выпись из писцовых книг 1628 г., данная гороховецким посадским людям. Город был сожжен в 1619 г., и от прежней крепости сохранилось только городище. К крепости, стоявшей на горе, примыкал острог, обнесенный частоколом («тычиной»), с башнями, уже сгнившими и обвалившимися. Раньше, в XVI столетии, гороховецкая крепость была снабжена артиллерией, но после ее разорения пушки и пищали сдали в Нижний Новгород. В остроге стояла соборная церковь. Количество дворов в городе в выписи не указано⁷².

Прежнее значение потеряли Ярополчь и Стародуб Ряполовский.

Ярополчь (у Вязников) еще в XVII в. был окружен деревянными стенами⁷³.

Стародуб Ряполовский в XVI столетии имел некоторое промысловое значение по своим соляным варницам⁷⁴.

Незначительным городом был и **Лух**⁷⁵.

В числе посадов Замосковского края следует отметить **Холуй**. Посад этот возник вблизи соляных источников. По грамоте 1575 г., данной Троице-Сергиеву монастырю, выясняется, что «в Холуе на посаде» стояли казачьи дворы, принадлежавшие монастырю

⁷¹ П. П. Смирнов. Посадские люди, т. I, стр. 154—155.

⁷² «Владимирские губернские ведомости», 1865, № 29.

⁷³ Там же, 1847, № 33.

⁷⁴ ААЭ, т. I, № 200, стр. 478.

⁷⁵ На западной стороне города Луха на берегу реки находится земляной вал или, по местному выражению, город. «Это площадка, окруженная с трех сторон рвом, а с четвертой, южной, земляной насыпью и рвом. Длина насыпи 124 саж. Предания говорят, что в городе жили лухские воеводы». Насыпь на левом берегу Луха, как и город около реки, отмечают место, где стоял в XV в. дом кн. Бельского (около мельницы). Костромская старина. Сборник, издаваемый Костромской ученой архивной комиссией, вып. 1. Кострома, 1890, стр. 3—16.

лссари. В это время Холуй находился в кормлении у царевича Михаила Кайболовича ⁷⁶.

Своеобразным феодальным центром был город Шуя — родина князей Шуйских. Есть предание, что раньше его называли Борисоглебской слободой. В 1548 г. Шуя была отдана в кормление Игнатию Борисовичу Голохвастову «с правдою и с пятном и с корчмою», т. е. с правом производить суд, собирать пошлыны за кеймление лошадей и держать корчму.

Город стоял на судоходной реке Тезе. Он был окружен рвом, валом и деревянной стеной, «острогом», с двумя воротами. По сведениям начала XVIII в., длина земляной «осыпи» равнялась 522 сажням.

Некоторое понятие о хозяйственном значении Шуи дает уставная шуйская грамота 1614 г., образцом для которой была галицкая таможенная грамота. Шуйский торг рисуется в ней как местный рынок, на который привозят из уезда мед, воск, хмель, соль, рыбу, меха бобров, куниц и белок, холсты, сукна, кожи, овчину. На торг везут бочки, кади, корыта, тес, лубок, рогозины, хомуты, лапти, лыко, мочало, лукошки, сани, дровни, телеги. Отпускным шуйским товаром были воск и рыба ⁷⁷.

Акты начала XVII в. говорят о развитии в Шуе иконописного мастерства и о существовании ученичества по этому делу ⁷⁸. Вероятно, иконописное дело стало развиваться в Шуе, по крайней мере, с XVI столетия, но письменных подтверждений этому пока нет. Важным промыслом было мыловаренное производство, о чем говорит упоминание писцовой книги 1629 г. о мыльных варницах в Шуе ⁷⁹, а также о солодовяных «мшаниках».

Посадские люди города Шуи управлялись по жалованной уставной грамоте, данной при Иване Грозном и заново переписанной в 1606 г.: «а судитися Шуяном, посадским людем, по сей уставной грамоте, меж себя самим, по-прежнему» ⁸⁰. Особое положение Шуи подчеркивалось тем, что посадские люди сами собирали «доходы» (платежи в царскую казну) и платили их в Москве ⁸¹. По жалованным грамотам 1574 и 1606 гг., город был наделен большими угодьями. «К Шуе... на все четыре стороны по десяти десятин длинных со всеми угодья», — записано в грамоте ⁸².

⁷⁶ П. П. Смирнов. Посадские люди, т. I, стр. 152.

⁷⁷ В. Борисов. Описание города Шуи и его окрестностей. М., 1851, стр. 246—252. Шуйская таможенная грамота 1614 г.

⁷⁸ В. Борисов. Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию г. Шуи и его окрестностей. М., 1853, стр. 28 (1621 г.), стр. 40 (1623 г.).

⁷⁹ «Владимирские губернские ведомости», 1845, № 17; 1866, № 2.

⁸⁰ В. Борисов. Описание города Шуи и его окрестностей, стр. 225.

⁸¹ «Владимирские губернские ведомости», 1845, № 17.

⁸² Там же, 1881, № 33.

Глава VII

ТВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ

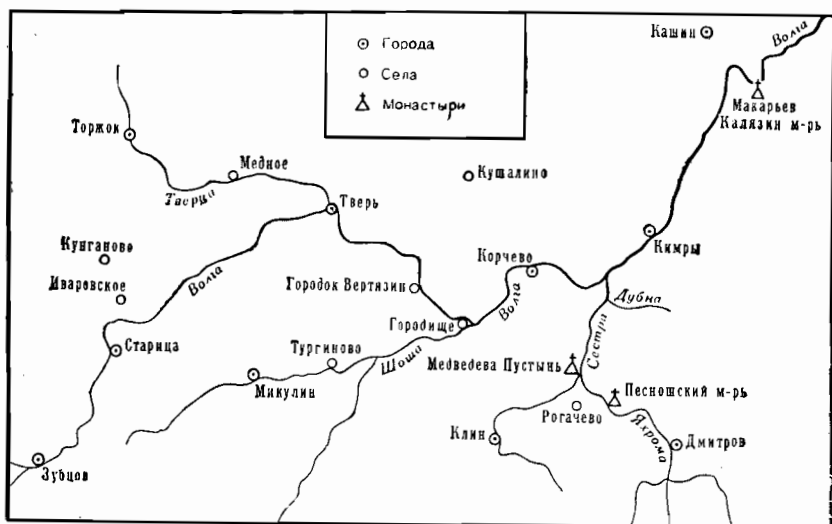
ОБЩИЙ ОБЗОР

Территория бывшего Тверского княжества вместе с прилегающими к ней районами верхней Волги и Бежецкого Верха и в XVI столетии сохраняла некоторую обособленность от других областей России, хотя и причислялась обычно по приказному делопроизводству к Замосковным городам.

По своим природным условиям Тверской край представлял собой лесистую и болотистую равнину. Главной водной артерией края была Волга с ее притоками Тверцой и Медведицей. Из этих притоков особенно большое значение имела Тверца, в своих верховьях непосредственно подходившая к Мсте. По ее трассе проходила водная дорога, соединявшая Волгу и Волхов, иными словами, Новгород с «Низовскою землею», как новгородцы называли междуречье Волги и Оки.

Обширные хвойные леса и моховые болота покрывали территорию Тверского края. В истоках Волги шумел громадный Оковский, или Волковский, лес, упоминаемый уже на первых страницах наших летописей, откуда брали свое начало Волга, Днепр и Западная Двина. Тверской и прилегающие к нему уезды не отличались плодородием, в них преобладали глинистые и песчаные почвы. Обработка земли затруднялась здесь большим количеством щебня и камней на полях — остатков древнего ледника, когда-то занимавшего всю северную территорию России. Валуны, большие и мелкие камни разбросаны здесь целыми группами. Во многих местах почву заполняет щебень от камней, перемолотых в доисторические времена, когда поверхность русского севера покрывал ледник.

Поэтому пашни в Тверском крае нередко окружены грудами камней, которые земледельцы выбирают из почвы. Писцовые книги Тверского уезда изобилуют такими оценками качества

Тверская земля и Дмитров в XVI столетии

земли в отдельных селениях: «земля камениста и песчана», «земля худа», «болотистая» и т. д.¹

В одном житии читаем рассказ о том, как расчищались лесные поляны в Тверском крае. Люди начали рубить лес, чтобы приготовить пахню для посевов хлеба («начаста дресеса сеци, яко да сотворят ниву на сеянии обилиа»). Желая выжить пришлого монаха, который строил свой монастырь на крестьянской земле, крестьяне так замыслили: когда начнем жечь деревья, келья его загорится. Зажгли деревья, и разошелся огонь по всему острову, и очень сильно разгорелся, ревя и шумя².

Земледельческие районы в Тверском крае занимали значительно меньшую площадь, чем в Московском крае. Лучшие по плодородию земли находились здесь в бассейнах рек. Там скапливалось население, в основном на территории, прилегающей к Волге. Среди лесов встречались своего рода обширные поляны. Таков район Бежецка. Этот город стоял на открытой местности, окруженной громадными лесами.

Крупнейшие озера края находились в верховьях Волги. Самое большое и живописное из них озеро Селигер покрыто островами и изрезано полуостровами, образующими большие и малые водоемы. Другой комплекс озер, называемый в XIX столетии

¹ ЦК, II, стр. 199, 212, 213 и др.

² ГИМ, Уваров. собр., № 400. Житие Нила Столбенского, в 4°, на 77 лл., полууставом XVII в., лл. 41—42 об.: «Егда начнем дресеса жеци, да келья его загорит. Запалиша же дресеса и разыдеса огонь по всему острову и разгореса велми zelo, ревыи и шумя».

«Петровскими озерами», раскинулся на обширном пространстве в юго-восточной части Тверского края. Крупнейшее из них — Великое озеро. Система Петровских озер в XVI столетии особо отмечалась как ценное рыбное угодье с перечислением различных родов водившейся здесь рыбы: окунь, плотица, язь, ерш, мень (налим), лещ, сом³. Петровские озера лежали среди обширных болот, покрытых мохом и мелким лесом. Болота вообще покрывали обширные пространства Тверского края, изобиловавшего хвойными лесами, зелеными лугами, большими и малыми озерами и речками⁴.

ПЕРЕЖИТКИ ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

Тверской край в XVI столетии еще сохранял в своем внутреннем устройстве многие черты удельного времени. Как говорилось выше, Иван III сделал тверским князем своего старшего сына Ивана Ивановича Молодого, мать которого — великая княгиня Марья Борисовна — была тверской княжной. Таким образом, Иван Иванович княжил в Твери как «отчич» — наследственный владыка.

Иван III и его непосредственный преемник Василий III не нарушали старых порядков Тверской земли, в которой почти до середины XVI в. сохранялись прежние феодальные владельцы. Дворцовые земли, по-видимому, составились из земельных владений великих князей тверских. Многие из них позже, в первой половине XVI в., были розданы в поместья наряду с черными селами. В более раннее время таких дворцовых сел, как надо предполагать, было значительно больше. Из дворцовых земель в конце XVI в. составиля удел Симеона Бекбулатовича. В одном Тверском уезде Симеон имел 472 деревни с 2060 дворами.

Вотчинное землевладение явно преобладало в Тверском княжестве над поместным, так же как в других районах, ранее составивших особые удельные земли. Впрочем, значительная часть вотчинников появилась на землях Тверского княжества уже после присоединения Твери к Москве, о чем дают представление писцовые книги XVI в. Новые помещики московского происхождения были поселены на тех землях, которые раньше принадлежали тверским боярам. При этом дворцовые земли пошли в раздачу на поместном праве: «села и деревни дворцовые, а розданы помещикам»⁵.

³ ПК, II, стр. 329.

⁴ В. Покровский. Историко-статистическое описание Тверской губернии, т. I—II. Тверь, 1879.

⁵ И. И. Лаптев. Тверской уезд в XVI веке. «Чтения ОИДР», 1894, кн. 4, (отдельное издание — М., 1895).

По подсчетам И. И. Лаппо, светские феодалы владели в Тверском уезде почти 78 тыс. десятин земли с 121 селом и 1189 деревнями. Монастырям и церквям принадлежало 40 тыс. десятин с 60 селами и 1298 деревнями, из них одному только тверскому епископу («владыке») — 9 тыс. десятин с 23 селами и 181 деревней. Эти села и деревни именовали «владычными». Если сложить цифры количества дворов на гражданских и церковных землях, то получится следующий итог: тверским вотчинникам принадлежало 135 тыс. десятин земли с 204 селами и с 2487 деревнями, тогда как поместное землевладение в Тверском уезде охватывало всего 55 тыс. десятин с 65 селами и 813 деревнями. Таким образом, вотчинные земли в 2,5 раза превышали поместные.

Отличительной особенностью Тверской земли являлось долгое сохранение в ней некоторых пережитков феодальной раздробленности, в частности наличие у князей и бояр большого количества мелких вассалов, «слуг». В Тверском уезде первой половины XVI в. обнаруживаются такие землевладельцы, которые были «слугами», т. е. вассалами не великого князя, а духовных и светских феодалов Тверской земли. Это типичные арьер-вассалы Западной Европы.

Наибольшее количество «слуг» насчитывалось у Тверского «владыки»: 39 «слуг». 29 из них имели земли в одной и той же волости Воловичи.

Большое количество «слуг» было у двух князей Микулинских Семена Ивановича и Дмитрия Ивановича — старинных тверских вотчинников из рода тверских великих князей. Микулинские князья удачно перешли на службу к московским князьям и верно им служили. Семен Иванович Микулинский имел 12, Дмитрий Иванович — 20 «слуг». Из общего числа 32 «слуг» князей Микулинских 27 «слуг» жило в Микулинском стане (у Семена Ивановича — 9, и у Дмитрия Ивановича — 18). Следовательно, этих людей можно считать потомками прежних вассалов Микулинских удельных князей. Кроме того, 20 «слуг» насчитывалось у бояр и князей нетверского происхождения. «Слуги», таким образом, размещались целыми гнездами, чаще всего в определенном уезде и даже волости. Это является доказательством того, что мы имеем дело не с каким-либо новым явлением, а с явлением старым, восходящим ко временам Тверского княжества.

Еще любопытнее то обстоятельство, что в Тверском уезде даже в середине XVI в. существовали 22 вотчины, владельцы которых не «служили» никому. Например, братьям Спяговым принадлежали две деревни, одна из них (деревня Рябеева) стояла на берегу Волги. О братьях сказано, что они не «служат» никому, владея документами («крепостью») на землю, купчей и меновой и пр.⁶ Это явление очень старое; такое владение землей

⁶ ПК, II, стр. 167.

известно было во Франции под названием аллода, в отличие от феода, владелец которого обязан был вассальной службой своему сеньору. Обладатель аллода владеет землей, но никому не обязан «служить», нести вассальную службу.

Сохранение феодальных привилегий землевладельцев было одной из причин слабости Тверского княжества в XV в. Так, С. Б. Веселовский, изучавший иммунитетные пожалования, пришел к мысли, что наиболее полные иммунитетные права феодалов отмечаются в рязанских и тверских грамотах, тогда как в Московском княжестве иммунитетные права землевладельцев сокращаются очень рано⁷.

Этот вывод подтверждается данными о характере землевладения в Тверском уезде XVI в., где долго сохранялись пережитки феодального времени. Жестокий разгром Твери опричниками Ивана Грозного в 1570 г., как видим, не был только царской прихотью, но вызывался определенными политическими целями: борьбой против остатков феодальной раздробленности, пережитки которой особенно долго сохранялись в Тверской и Новгородской землях.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Старинные обжитые земли Тверского княжества имели древнюю земледельческую культуру. Пашня здесь «всюду обрабатывается по трехпольной системе», — пишет И. И. Лаппо о Тверском уезде в XVI в.⁸ Общие черты сельского хозяйства в Тверском уезде роднят его с сельским хозяйством соседних уездов Московского края.

В сельском хозяйстве Тверского края господствовало земледелие, связанное с продуктовым скотоводством. Основными хлебами здесь были рожь и овес, ими выплачивался «посошный хлеб» в казну. Значение скотоводства подчеркивается всеобщим распространением амбаров, сенников для хранения сена. Одной из крестьянских повинностей была поставка сена на конюшни феодалов. В землях Симеона Бекбулатовича крестьяне возили сено по мерной копне с выти; такое сено называлось «повытным»⁹.

Немалое значение имело льноводство; «десяток льна» нередко входил в состав мелкого дохода, собираемого вотчинниками с крестьян.

Распашка земли производилась в Тверском уезде в больших размерах. Это объясняет нам заботу о заповедных лесах и «островах», принадлежавших разным владельцам. В писцовых книгах

⁷ С. Б. Веселовский. К вопросу о происхождении вотчинного режима. РАНИОН. М., 1926, стр. 31 и сл.

⁸ И. И. Лаппо. Указ. соч., стр. 20—21.

⁹ ПК, II, стр. 327, 335.

особо отмечался строевой, «хоромный», лес, рядом с которым, впрочем, упоминается лес молодой, «в бревешко в тонкое и в жердь».

В писцовых книгах говорится о страдных людях и челядинах, а также о боярских дворах и боярской пашне¹⁰. Но размеры боярской пашни и количество людей в барском хозяйстве обычно были ограниченными (один — пять человек). Рутинное крепостное хозяйство и плохие почвенные условия создавали мало предпосылок для развития в Тверском крае крупного земледельческого хозяйства. Поэтому в Тверском крае было развито «половничество», характер которого и степень зависимости крестьян от феодалов пока не поддаются уточнению.

В ряде документов встречается указания на фруктовые сады в селах и деревнях. Они не были достоянием одних бояр или дворян. В селе Щербинине княжеский сад находился на оброке у крестьян, которые платили с него по три бочки яблок и ведро вишни в год. В селе Городище великому князю Симеону Бекбулатовичу принадлежал сад, где стояли 15 яблонь «белцы», 8 яблонь «миرونу», 7 яблонь «почечных», «яблонь старая звон сучки», яблоня «оркату» и 9 яблонь «плохих».

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Основными видами поселений в Тверском уезде были село и деревня. Село представляло собой обычно небольшое поселение с церковью, дворами причта и нищих, иногда несколькими крестьянскими дворами. Впрочем, были и такие села, где крестьянские дворы отсутствовали вовсе. Такой характер поселения был типичен и для соседней Новгородской земли с ее погостами. Были, впрочем, села и со значительным количеством крестьянских дворов. Например, в селе Черкасе на Волге отмечены два «посада», группировавшиеся вокруг двух церквей. На одном «посаде» стоял поповский двор и 21 крестьянский двор, на другом — только поповское место и 17 дворов. Количество дворов в деревне обычно равнялось всего 1—2 дворам.

В Тверском уезде о многих церквях XVI в. указана обычная примета их архитектуры — «древяна, шатров вверх» или более ясно и четко — «древяна, верх шатров», показывающая широкое распространение деревянных шатровых церквей.

Описание земельных владений великого князя Симеона Бекбулатовича¹¹ позволяет несколько пристальнее взглянуть на

¹⁰ ПК. II, стр. 297, 342.

¹¹ Там же, стр. 291—403. Писцовые книги конца XVI века земель великого князя Симеона Бекбулатовича. Книги составлены в 1580 г. В них сказано: «в прошлом 87 году», т. е. прошлым назван 7087 г. (стр. 357), дача же оброков впервые предполагалась в 1581 г.

крестьянское хозяйство Тверского края в конце XVI в. Обычным типом крестьянской усадьбы было сочетание избы с надворными хозяйственными постройками. В деревне Демково, например, существовал пустой двор с избой, сенником, клетью и напоребицей. В соседней деревне хоромы умершего крестьянина Тереха состояли из избы, сенника на подклети, напоребицы и овина.

Конечно, состав крестьянских построек варьировался. Иногда упоминаются более сложные постройки вроде горенки или повалуши, но в целом это один и тот же тип двора, в который неизменно входят изба и сенник. В этом отношении интересен итог пустых крестьянских дворов Суземской волости за Волгою. В ней пустовало 54 избы, 63 сенника, 8 невеликих повалуш, поварня, 20 напоребиц, 13 мылен, 34 хлевца, 13 овинов, 10 половней¹².

Повинности крестьян, живших на землях Симеона Бекбулатовича, заключались прежде всего в денежном оброке, который крестьяне платили по полтине с выти. Кроме того, крестьяне давали посопный хлеб рожью и овсом, а также различный скот (яловицу с 30 вытей, живого борова с 15 вытей, по барану с выти). Полагалось платить натурой с выти по полтю свиного мяса, по 2 сыра кислых, по 2 гривенки коровьего масла, по 2 курицы, по 40 яиц; а с каждого двух вытей по гусю битому, по живому поросенку, по битому поросенку.

Кроме этого, на барский двор надо было доставить с каждой крестьянской выти по сажени дров, по мерной кошне сена, по 3 воза ржаной соломы, по 2 поярка¹³ белой и серой шерсти. Но и это казалось феодалу недостаточным. Крестьяне еще выплачивали деньгами пошлины подъячему и дворецкому, платили приказчику деньгами и натурой.

В конце XVI в. «мелкие доходы» феодала были уже оценены на деньги. Деньгами выплачивались всевозможные пошлины, разнообразные и прихотливые. Типичными средневековыми пошлинами были различные свадебные платежи. «Выводную куницу» платили в том случае, если девушка выдавалась замуж в другую волость. За «убрус» (полотенце, обычно вышитое) брали при женитьбе мужчины на девушке из своей же волости. При продаже «хоромины» взыскивалось «поугольное», по деньге с каждого угла. Платились пошлины при продаже коров, лошадей и пр.¹⁴

Симеону Бекбулатовичу принадлежали «черные земли», а это позволяет судить о порядках на черных землях Тверского края, пока не расхищенных феодалами в XVI столетии. Крестьянское самоуправление еще целиком сохранялось на таких землях.

¹² ПК, II, стр. 307—309. Половень, по Далю, сарай для снопов или для половы (мякины).

¹³ Поярок — шерсть с овцы первой стрижки.

¹⁴ ПК, II, стр. 293—294.

Поэтому полагалось всеми земельными угодьями, землями (т. е. пашнями, лугами и лесами) «верстаться крестьяном меж себя самим полосами или десятинами». Крестьяне выбирали своих старост и целовальников. Имеется указание на существование постоянных крестьянских сходок. В селе Андреевском стоял беспашенный двор, в котором жил дворник, «а приходят на него Ондреевского села крестьяне на совет еже пятниц», т. е. каждую пятницу. Земельные угодья в виде леса находились в общем владении феодала и крестьян. К селу Кушалину подступал лес, расположенный по мхам, «остров», про который сказано: «секут лес все крестьяне, съезжаяся»¹⁵.

Более тягостными были порядки в боярских вотчинах Тверского края. В селе Тереботунь Бежецкого уезда, принадлежавшем кн. Владимиру Ивановичу Воротынскому, в середине XVI в. стояли церковь Успения, княжеский двор, 7 крестьянских дворов. В селе Шаблыкине Ярославского уезда в Бежецком Верхе находились церковь Успения, боярский двор, скотный двор, дворы попа и дьякона, боярская и церковная пашни, пруд с рыбой¹⁶. Повинности крестьян в боярских вотчинах известны нам по документу 1568 г. Крестьяне в вотчине Михаила Годунова работали на барщине. Они должны были выполнять такие повинности сжечь и скосить хлеб, сложить его в снопы, сено сметать в копы и «крепко» огородить, чтобы его не сгноить. Весь урожай, собранный на боярской земле, поступал боярину за вычетом ржаных семян, затраченных крестьянами для посева.

НЕПАШЕННЫЕ СЕЛА И ДВОРЫ

Как и во многих других областях России XVI столетия, в Тверском крае появляются промысловые села, жители которых занимаются не столько сельским хозяйством, сколько торговлей и ремеслом.

Непашенные или беспашенные дворы, заселенные деревенскими ремесленниками, стояли во многих селах. В селе Щербинине Захожей волости находились два непашенных двора, в одном из них жил садовник. В деревне Петрокове того же села в одном дворе жил плотник¹⁷. В селе Сухарине на Волге числилось четыре непашенных двора, в одном из них жил «домерник», вероятно, не музыкант, а ремесленник, изготовлявший домры¹⁸.

В больших селах (Кушалино, Лотошино) собирались ежене-

¹⁵ ПК, II, стр. 294, 297, 305, 372.

¹⁶ С. Шумаков. Грамоты коллегии экономии, вып. 1. «Чтения ОИДР», 1899, кн. 3, стр. 25—26.

¹⁷ ПК, II, стр. 294—297.

¹⁸ Там же, стр. 310.

дельные торги и стояли лавки. Население этих сел в основном состояло из ремесленников и торговцев.

Крупнейшим поселением посадского типа было село Медное на Тверде, перешедшее во владение Троице-Сергиева монастыря еще в XV столетии. По сотной 1544 г. в селе стояли церковь Николы и монастырский двор, двор поповский и 14 келий «на монастыре». Общее количество дворов в Медном достигало 80, причем из этого числа крестьянам принадлежало всего 16 дворов, в остальных жили непашенные люди, занимавшиеся различными ремеслами. Основными специальностями было сапожное и портновское мастерство. В селе насчитывалось девять сапожников и восемь портных. Кроме того, один двор принадлежал овчиннику. Остальные ремесла представлены были слабее: в трех дворах жили кузнецы, в одном — плотник, в четырех — калачники, в четырех — хлебники. В печатном издании назван еще какой-то «пачник», но это ошибка, и надо читать «колпачник» (документ, откуда взяты наши сведения, представляет собой копию XVIII в.)¹⁹. Указан и двор, где жил скоморох.

Медное рисуется торговым поселком. Так надо предполагать, судя по количеству хлебников и калачников, производство которых явно было рассчитано на приезжих. Ведь Медное стояло на горной дороге из Твери в Новгород. Существование двора скомороха в Медном, принадлежавшего Троице-Сергиеву монастырю, хорошо подчеркивает лицемерие монашеских властей, терпевших на своей земле скоморохов, против которых были направлены немалочисленные поучения церковных авторов.

К концу XVI в. Медное еще более расширилось. По писцовым книгам 1594 г. в нем считалось 5 дворов духовенства, 23 крестьянских двора, 76 непашенных дворов (по итогу писцовых книг «людей в них 86»). Непашенные дворы в большей своей части были заселены ремесленниками, как и за полвека до этого. Наибольшее число дворов принадлежало портным (7) и сапожникам (4). В двух дворах жили кузнецы, по одному двору принадлежало лапотнику, овчиннику. Остальные ремесленники производили продукты питания: пивовар (1), колашники (3), мясники (2), селедник (1), солодовник (1). О двух владельцах дворов сказано, что они торгуют солью, в двух жили рыболовы. Из 76 дворов владельцами 40 дворов были ремесленники или торговцы. И на этот раз в числе непашенных крестьян назван скоморох.

В селе Медном в конце XVI в. стояло 30 лавок, «а торгуют в них села Медны непашенные крестьяне хлеба и колачи и мясом и всяким мелким товаром». В другом документе, очень близком по времени к цитированному выше, находим пояснение

¹⁹ Вместо Якушко пачник — Якушко колпачник; повторение слога, которым оканчивается имя ремесленника и которым обозначается его специальность, породило ошибку, так как писец забыл повторить слог «кол».

к приведенным словам: «в селе Медне лавки торговых людей, а торгуют в них тутошные меденцы и приезжаючи из деревень»²⁰.

Возникновение ярмарки и торжка в селе Медном объясняется, как говорилось выше, тем, что село стояло на реке Тверде, где находилась речная пристань. Это создавало из Медного торговый пункт больше чем местного значения²¹.

На реке Тьме находилось другое торговое село, принадлежавшее также Троице-Сергиеву монастырю, — **Кунганово**. В 1544 г. в нем стояли церковь, монастырский и поповский дворы, 9 крестьянских и 16 непашенных дворов. Среди непашенных людей названы два кузнеца, швец, сапожник. В конце века в Кунганове показаны только бобыльские дворы в количестве 20. Среди них выделялась груша сапожников, которым принадлежало 4 двора. Кроме того, названы дворы рукавишника, колпачника и кузнеца. Таким образом, в Кунганове мы имеем перед собой тип селения, где живут ремесленники, перешедшие уже в разряд беспашенных бобылей²².

Полугородской тип имела **Терешкова** слобода на Волге в Zubцовском уезде, принадлежавшая Чудову монастырю. В ней стояло 14 дворов «непашенных торговых и мастеровых людей», 7 бобыльских дворов. Среди торговых и мастеровых людей находим четырех соляников, рыболова, дегтяря, сапожника, окончника, баранника, кузнеца. Среди бобылей указаны по преимуществу «приходцы» из других уездов. В слободе стояли две деревянные церкви, а при них 4 двора церковных людей и 4 кельи. Там же стоял двор монастырского слуги и «двор монастырской на приезд».

В своей челобитной царю Федору Ивановичу монастырские власти подчеркивали, что Терешкова слободка лишена земель: «безугодно и безводно и безлесно и безсенно и землю худо и рыбных ловель нет». Монастырь выпросил в безоброчное владение рыбные ловли по Волге от слободы до рек Иржи и Нахабны²³.

Крупным торгово-ремесленным поселением было село **Городище** на реке Шоше, принадлежавшее в конце века Симеону Бекбулатовичу. В селе стоял «монастырек osobной» с шатровой цер-

²⁰ М. Рубцов. К материалам для церковной и бытовой истории Тверского края в XV—XVI вв., вып. II. Старица, 1905, № 12, стр. 38—42. Выпись из писцовых книг Алексея Загряжского; №11, стр. 36—37. Выпись из новоторжских приправочных книг Меркурья Щербатова 7096 г. (1588 г.).

²¹ В 1541 г. Троицкий монастырь получил губную грамоту на села Медное и Кунганово Новоторжского уезда (С. Шумаков. Тверские акты, вып. I. Тверь, 1896, стр. 13).

²² М. Рубцов. Указ. сеч., стр. 17—18. Сотная с Новоторжских книг письма Ивана Федоровича Сурмина 1544 г.; там же, стр. 48—49. Выпись из писцовых книг Алексея Загряжского 1594 г.

²³ С. Шумаков. Zubцовские сотницы 7096 и 7104 гг. Из трудов Тверского областного археол. съезда. Тверь, 1904, стр. 6.

ковью Николы Чудотворца и другой, теплой церковью. Тут же находились кельи игумена, пономаря и 12 келий, в которых жило 5 монахов. За монастырем был поповский двор и двор «темьянный». Темьян — ладан, но ладан был дорог и привозился из Аравии. Не идет ли речь о производстве собственного темьяна из смолы?

В том же селе Городище находилась приходская церковь, дворы поша, проскурницы, пономаря, 9 келий монахинь. В селе стояли двор и 5 полудворов (под полудвором здесь понимается собственно двор, считаемый при обложении за полдвора) — всего, следовательно, 6 дворов, все дворы были «непашенные». В них жили смычник²⁴ и 2 епанечника (портные, шившие епанчи — верхнюю одежду). В одном пустом дворе раньше жил кузнец. В том же селе Городище по Большой улице на Микулинской дороге стояли 21 двор и полдвора, в том числе дворы портного и дегтяря. На другой стороне той же улицы помещались 7 дворов и 2 полудвора. В них жили 2 портных и епанечник. Кроме того, в Дуплеве улице находилось 13 дворов, в их числе дворы овчиников (2), епанечников (2) и кузнеца.

Всего в Городище, не считая духовенства и нищих, жило 64 человека, занимавших примерно такое же количество дворов. Таким образом, Городище имело ярко выраженный характер посада с ремесленным и торговым населением, занимавшимся главным образом производством одежды (портные, епанечники). В Городище, еженедельно по четвергам собирався торг. На торгу стояла 21 лавка, в том числе лавки сапожника и овчинника²⁵.

Значительным поселением Тверского края было село **Лотошино** на реке Лоби, принадлежавшее в конце века Симеону Бекбулатовичу. В нем стояли 2 церкви, одна из них с шатровым верхом, 2 поповских двора, двор проскурницы и 9 келий нищих. В Лотошине насчитывалось 24 непашенных двора, среди владельцев которых отмечены 2 портных мастера и кузнец. Кроме того, названы 12 пашенных дворов. Таким образом, Лотошино было небольшим «рядком» с ремесленным и торговым населением, которому феодал оказывал покровительство. Так, в непашенных дворах разрешалось продавать «хлеба и колачи и овес тутошним и приезжим людям» без уплаты пошлыны. В Лотошине находился постоянный рынок с 17 лавками, «а торгуют в нем еженедель по середам всяким деревенским товаром»; в числе лавок отмечены лавки калачника и щепетинника²⁶.

Крупным селением было **Кушалино**, где стоял двор великого князя Симеона Бекбулатовича. Характерно, что писцовые книги

²⁴ Слово «смычник», возможно, обозначало ремесленника, делавшего смыки для замков без ключей. Сверлильными смыками, по Далю, называли и приспособления для веретен.

²⁵ ПК, II, стр. 343.

²⁶ Там же, стр. 335—341.

конца XVI в. отмечают это селение как «Кушалин», с окончанием, характерным не для села, а для города, иногда же оно называется «посадам». В селе стояли 3 деревянные церкви. Центром селения был двор Симеона Бекбулатовича, напротив которого стояла судебная изба. Тут же находились 2 поповских двора, дворы пономаря, проскурницы и 10 келий. Позади княжеского двора помещались дворы приказчика и доводчика и 10 дворов княжеских конных псарей. Среди них, впрочем, названы не псаря, а другая челядь: 2 сокольника, стадный конюх, медведник, мельник, тонкопрядица, конюх, рассыльщик. При княжеском дворе при ручье стояла мельница.

Кушалино было застроено непашенными дворами. По Тверской дороге стояло 28 дворов. В них жили калачники, 2 кузнеца, конский пастух, земский дьячек. По пятницам в Кушалине собирався торг; крестьяне торговали «всяким деревенским товаром». На торгу стояло 20 лавок, в том числе 2 лавки масленников, лавки серебряника и прасола. В Кушалине отмечены и 16 крестьянских пашенных дворов²⁷.

Любопытным поселением была **Скоморошья слободка**, находившаяся при селе Щербинине. К слободке прилегали 3 десятины пашни «худой земли», а также сенные покосы. Скоморохи (17 дворов, а «людей в них 17 человек») платили Симеону Бекбулатовичу как своему господину полтора рубля и 6 алтын денег. Эта цифра станет более понятной, если ее сравнить с крестьянским оброком. Крестьяне села Щербинина платили с 49 дворов 2 рубля 8 алтын, следовательно, каждый двор скоморохов был обложен оброком в 2 с лишним раза выше, чем двор крестьянский²⁸. Видимо, промысел скоморохов был достаточно выгоден, если с 3 десятины пашни «худой земли» они могли платить оброк в 2 раза больший, чем крестьяне. Скоморошья слободка живо напоминает нам об отношении к скоморохам со стороны церкви, смотревшей на их забавы, как на греховное дело. «Веселым людям» приходилось скрываться на землях больших сеньоров, подобных Симеону Бекбулатовичу и Троицкому монастырю, откупаясь высокими оброками.

ТВЕРЬ

Центр края, Тверь, была одним из крупнейших городов России XVI в. Положение ее было очень выгодным. Она стояла при впадении в Волгу судоходной реки Тверцы. От Твери начинался гигантский по протяжению волжский путь. Тверца выводила к верховьям Мсты и далее к Новгороду. Речное судоходство было

²⁷ ПК, II, стр. 360—361.

²⁸ Там же, стр. 297.

так развито в Твери, что даже существовал особый вид речных судов, известный под названием «тверских лодок»²⁹.

История Твери в XVI в.— это в сущности история упадка ее политического и хозяйственного значения. Уже Флетчер в конце XVI в. сообщает, что Тверь платила лишь 700 рублей пошрины, меньше, чем Торжок (800 рублей). Хотя пошлина не является решающим показателем богатства или бедности города, тем не менее сведения Флетчера очень выразительны.

В 1544 г. были составлены писцовые книги Твери: «город Тверь, а в нем писаны дворы великаго князя, и владычни и боярские дворовые села, и конюшенные и истопничьи, и князя Ивана Ивановича Дорогобужьскаго, и ружных попов, и сторожей, и хлебников великаго князя, дворы нетяглые, и монастырские земли». К сожалению, об этих писцовых книгах имеется только упоминание, а сами книги до нас не дошли.

Тверь была переполнена церквами и монастырями, сохранившимися в ней со времен ее самостоятельности. Упоминание о них находим в писцовых книгах Тверского уезда XVI в. По-видимому, тверские церкви и монастыри в этом столетии еще сохранялись и заустели только после разорения города в начале XVII в. Тверской собор Спаса Преображения был в то же время и хранилищем документов правительственного и частного порядка. Документы сгорели в большой пожар, как на это ссылаются материалы середины XVI в. По-видимому, речь идет о пожаре 1537 г., о котором сообщает летопись и о котором Максим Грек писал свое утешительное послание к тверскому епископу Акакию.

Некоторые названия тверских церквей живо напоминают о временах тверской самостоятельности. Таков Михайловский монастырь «во Твери на сених», подразумевается на сених княжеского дворца. Про этот монастырь в тех же писцовых книгах сделано добавление: Михайловский монастырь, «что кладутца Борисовичи»³⁰. Не будем здесь заниматься вопросом, кем были «Борисовичи», которых еще хоронили в этом монастыре в XVI в., отметим только, что удалые Борисовичи упоминаются в былинах О Щелкане Дудентевиче, убитом восставшими тверичами в 1327 г.

Внутри города стояли также церковь Благовещения и Ивановская церковь «под колоколы». Таким образом, в тверском кремле находим почти полное подобие московского кремля с его

---

²⁹ С. Шумаков. Из актов Тверского Отроча монастыря. «Чтения ОИДР», 1896, кн. 2, стр. 4.

³⁰ ПК, II, стр. 278; О Твери см. также стр. 154, 155, 159, 168, 195, 278, 287. Слово «кладутца» (в настоящем времени) не может быть отнесено к тверским князьям, вернее всего речь идет о тверских боярах Борисовых (Бороздиных), упоминаемых в первой половине XVI в.

соборами Спаса на Бору, Михаила архангела, Благовещения. Это сходство между Москвой и Тверью не случайно; но не Тверь следовала примеру Москвы, а Москва подражала Твери.

Не только кремль, но и посад в Твери были наполнены церквями и монастырями. Из топографических приурочиваний интересны ссылки на Загорский посад в Твери, на Волынскую слободку, на обозначение «за Тьмакою». Это — указание на старинное деление Твери. «Город» — это кремль, посад — поселение, непосредственно примыкавшее к кремлю. «За Тьмакою» — посад на другой стороне реки Тьмаки³¹.

Некоторое понятие о Твери дают дозорные книги 1616 г., хотя сведения о количестве дворов и жителей в городе могут быть отнесены к XVI в. только весьма условно, тем более, что сама дозорная книга была составлена после большого тверского пожара. В Твери указаны крепость («город») и посад. Кремль стоял при впадении реки Тьмаки в Волгу. Внутри «города» находился каменный соборный храм Спаса Преображения и три каменных церкви: Михаила Архангела, Бориса и Глеба, Ивана Милостивого. Все эти постройки в начале XVII в. уже сильно обветшали, «у всех тех храмов главы и внутри выгорело, и от пожара попортились». У собора упали верхи, которые были заново сделаны из дерева. Этой плохой сохранностью тверских храмов, построенных в основном в XIII—XV в., когда русская архитектура только оправлялась от последствий татарщины, объясняется почти полное исчезновение архитектурных памятников Тверского княжества времен его самостоятельности. Внутри города стояло пять деревянных церквей, одна из них — на дворе тверского архиепископа, другая — в Афанасьевском монастыре. Крепость была окружена валом (осыпью), в которой насчитывалось четверо ворот: Волжские, Володимерские, Никольские, Благовещенские. В XVI в. крепостная стена в Твери была деревянной. Это видно из рассказа о тверском пожаре 1537 г., когда сгорело 87 городень городской стены, собор Преображения и житницы в городе. Тогда же сгорели все деревянные церкви в Твери («и торги многих людей сгореша по церквам и по торгам»³²).

В кремле стояли дворы воеводы и тюрьмы. Двор епископа располагался в непосредственной близости к собору. Остатки каменного княжеского дворца еще существовали в начале XVII в., хотя уже тогда «палата каменная обвалилась». В городе помещались осадные дворы тверских дворян и детей боярских. Земля в тверском кремле ценилась высоко, что видно из грамоты 1521 г. об отводе земли для осадного двора Иосифова Волоколамского монастыря, получившего участок «вдоль» от великокняжеского и

³¹ ПК, II, стр. 159, 174, 176, 177, 229, 278, 279, 287.

³² А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи. «Чтения ОИДР», 1904, кн. 1, стр. 161.

владычного дворов размером в 20 сажень в длину и в 13 сажень поперек³³. Значительное количество дворов в кремле принадлежало монастырскому и приходскому духовенству.

Главная масса посадских людей жила на посаде. Посад делился на четыре части: Загородскую, Затьмацкую, Заволжскую и Затверецкую. Загородский посад непосредственно примыкал к кремлю.

Затьмацкий посад был населен тверской беднотой. В начале XVII в. тут стояли дворы тверичей «посадских охудалых людей, которые люди государевы подати и всякого тягла с посадскими людьми не платят». За Волгой, на левом северном берегу реки находились два посада: Заволжский и Затверецкий³⁴.

Для истории тверского посада в XVI в. большое значение имели различного рода выводы посадских людей из Твери в другие города, а также переселение введенцев в Тверь. Этот город, как и Великий Новгород, считал особо памятной датой государев разгром 1569 г. Даже в 1613 г. тверские посадские люди говорили о некоторых участках земли на посаде как о земле, данной когда-то «введенцам, которые введены были во Тверь из новоторжских и из тверских сел с пашен». Государев разгром оставил по себе печальную память; на Заволжском посаде еще в начале XVII в. указывали 44 черных пустых места, образовавших большой пустырь³⁵.

О Твери и тверской экономике XVI в. известно очень мало, но и то, что нам известно, рисует Тверь как крупнейший центр железоделательного производства. Это прекрасно показал в замечательных и, к сожалению, последних своих трудах С. В. Бахрушин. По отзывам иностранцев, в Твери жили «лучшие и искуснейшие по всей земле кузнецы, которые куют железо и медь». В Твери изготовлялись различные предметы домашнего обихода (замки, иглы), предметы конской сбруи (удила, металлические принадлежности седел), топоры, пилки, пила, сошники. Различного рода металлические изделия обозначались как «тверские». Таковы были тонкие и толстые иглы, носившие название «тверских» в отличие от тут же продававшихся «литовских». Иглы закупались сотнями, иногда даже тысячами для монастырских ремесленных мастерских. Тверской специальностью были замки и гвозди различных сортов³⁶. В Твери также продавали полотна, которые часто упоминаются в документах дворцовых приказов конца XVI в., как «тверское полотно»³⁷.

³³ АФЗ, ч. 2, стр. 83.

³⁴ Дозорная книга города Твери 1616 года. Тверь 1890, стр. 13—39. Из нее взято описание Твери XVII столетия.

³⁵ П. П. Смирнов. Посадские люди, т. I, стр. 160—164.

³⁶ С. В. Бахрушин. Указ. соч., т. 1, стр. 61—62.

³⁷ И. Забелин. Материалы для истории, археологии и статистики Москвы, ч. 1, стр. 1201, 1223.

Наши недостаточные сведения о тверских ремесленниках и их специальностях отчасти восполняются сообщениями о монастырских слободках в Твери, где жили мастеровые люди.

В конце XVI столетия «позади Отроча монастыря» стояла подмонастырская слободка; этому же монастырю принадлежала земля в Пречистенском, Кузьмодемьянском и Ильинском приходах (в последнем она называлась Ильинский берег). Монастырская земля имела точно очерченные рубежи. На ней жили «поп и мастеровые люди, и оброк платят з дворовой земли в Отрочь монастырь».

Это было значительное поселение, в котором насчитывалось 112 дворов, разбросанных по отдельным улицам и переулкам. Только о 29 владельцах дворов неизвестно, чем они занимались. Все остальные были ремесленниками. Специальности их не оставляют сомнений в том, что слободские ремесленники работали не столько на монастырь, сколько на городской рынок. На первом месте стояли сапожники (16) и скорняки (9). К ним надо добавить кожевников (2), рукавичника и пушника. Таким образом, четверть населения слободки (29 дворов) занималась сапожным и скорняжным промыслами. Рядом с ними выделялась другая большая группа ремесленников, занимавшихся обработкой железа и оружейным делом. На первом месте стояли гвоздочники (7), за ними следовали пицальники (6), кузнецы (3), ножевники (2), игольники, замочник, лучник. Всего обработкой железа и производством оружия занималось до четверти населения слободки (свыше 20 дворов). Сведения о ремесленниках в слободке Отроча монастыря пополняют наши знания о ремесленной специализации самой Твери в XVI в., как большого города, где были развиты сапожное и скорняжное дело и обработка металла³⁸.

Тверь вела большую зарубежную торговлю. О купцах тверитинах, ходивших в восточные страны и в Литовское великое княжество, нередко упоминается в дипломатических делах. Через Тверь шла также сухопутная и водная дорога в Новгород. Ехали рекой Тверцой до Торжка и далее до Волочка, а от Волочка рекой Мстой до Великого Новгорода³⁹.

Громадное значение имела волжская дорога. По ней тверские купцы спускались к Нижнему Новгороду, к Казани и Астрахани. В Тверь речным путем доставляли соль из Белоозера⁴⁰.

Неожиданный свет на тверскую торговлю бросает документ 1572 г. Гаврило Одреев Тушинской, тверитин, дал вкладом свою

³⁸ С. Шумаков. Из актов Тверского Отроча монастыря. «Чтения ОИДР», 1896, кн. 2. Жалованная грамота Отрочу монастырю 1584—1589 гг. Рубеж земле начинался «от Волги реки Киликейским ручьем и болотом до Бухани и до Вольнского и до Ильинского ручья и до Ильи пророка по Тверце до монастыря».

³⁹ Сборник Русского исторического общества, т. XXXV, стр. 93

⁴⁰ АФЗ, ч. 2, стр. 432.

землю на Тверском посаде. На земле стоял «храм живоначальные Троицы камен да придел Николы чудотворьца своево сооруженья, с образы и с книгами и свечами». Этот храм сохранился до сих пор в Калининe (б. Тверь) под названием Белая Троица. Его замечательной особенностью являются потайные помещения для казны под сводами: «Устроенные под сводами комнаты не имеют никакого сообщения с самой церковью, и в эти тайники можно проникнуть только снаружи церкви через четыре отверстия под крышей». У церкви стоял двор Тушинского, «за Тмакою за рекою у Троицы ж в приходе»: горница, а против нее повалуша с сениями и каменный погреб. Тут же находилась «поварня мыльная», т. е. мастерская, производившая мыло. Кроме того, Тушинскому принадлежал «онбар соляной пяти сажень у Гостиного двора»⁴¹. При церкви Троицы существовал придел Николы Чудотворца, принадлежавший Ламиным. Они отдали этот придел в монастырь вместе с соляным амбаром у Гостиного двора.

В лице тверитина Тушинского мы имеем крупного торгового и промышленного человека, построившего на свои средства каменную церковь и ворочавшего большими деньгами. Производство мыла («поварня мыльная»), вероятно, было только одним из его предприятий. Он сделался «веденцем» московским, следовательно, был переселен в Москву, по-видимому, после разгрома Твери в 1570 г. Ламины представляются тоже торговыми людьми, связанными с соляными промыслами. В числе крупных торговых людей найдем и тверского гостя Ивана Клементиева Савина, который упоминается в числе владельцев тверских деревень середины XVI в.⁴²

ДРУГИЕ ГОРОДА ТВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ

Из числа других тверских городов XVI столетия выдавались Кашин, Старица и Микулин. Все это были старинные удельные центры. В Микулине даже во второй половине названного века сохранялись еще старые владения микулинских князей. Кашин долгое время находился во владении князя Юрия Ивановича (1505—1533 гг.), а Старица была резиденцией старицких князей Андрея Ивановича и Владимира Андреевича.

Особое положение занимал **Торжок**, когда-то пригород Великого Новгорода, на который, впрочем, предъявляли свои права тверские князья.

Торжок некоторое время был резиденцией Симеона Бекбулатовича. Он принадлежал к числу городов, захиревших к концу

⁴¹ Н. Н. Овсянников, Тверь в XVII века. Тверь, 1889, стр. 78. «Поварня мыльная с котлом с мыльным и со всею поряднею с мыльною, да две избы, да две поварни мыльных промеж их».

⁴² ПК, II, стр. 286.

XVI в. В свое время значение этого города держалось на том, что он был как бы воротами в Новгород. Даже в первой половине XVI в. в Торжке сидели два наместника, один от Твери, другой от Новгорода. Это был ничем не примечательный «городок», лишь отчасти сохранивший значение торгового и административного центра ⁴³.

До Торжка шел водный путь «противу воды реки Тверцы», т. е. вверх по Тверце. Торжок был промежуточным пунктом, где иногда начинали «справить людей под царскую казну и на лодии и на полубы и иныя запасы служению лодейному» ⁴⁴.

Крепость в Торжке была деревянной. По словам местных писателей XIX в., она занимала небольшое пространство и была окружена «с востока рекою Тверцою, с юга земляным валом, с северо-запада рекою или ручьем Здоровцем, впадающим в реку Тверцу». Судя по переписной книге и другим материалам более позднего времени, посад в Торжке занимал значительную территорию. Так, Троицкий монастырь, находившийся в двух верстах от города, назывался «что в Торжку по конец посадов». Некоторый нарек на развитие торговли в Торжке имеется в переписных книгах начала XVII в. На торгу насчитывалось «85 мест каменных пустых» ⁴⁵. Большое количество церквей и монастырей придавали Торжку вид типичного средневекового города. Но обе каменные церкви (собор Спаса Преображения и церковь Борисоглебского монастыря) были построены еще во времена новгородской самостоятельности.

Старинный удельный центр **Кашин** в XVI столетии некоторое время находился под властью князя Юрия Ивановича.

Крепость Кашина стояла на холме в излучине реки Кашинки. Сведений о Кашине XVI в. сохранилось очень мало. В 1512 г. по по приказанию Юрия Ивановича были размежеваны земли Кашинского Клобукова монастыря, стоявшего на окраине города. Из межевой грамоты узнаем о существовании на реке Кашинке мельницы названного монастыря и большого монастырского пруда. Упоминается также церковь Фрола и Лавра, «на которой земле кирпич делан на большую церковь», видимо, для кашинского собора.

Межевая грамота застаёт Кашин еще в период его относительного расцвета. К концу XVI в. значение Кашина падает по сравнению с прежним временем. Показателем этого является прежде всего почти полное отсутствие сведений о городе за целое столетие ⁴⁶.

⁴³ ААЭ, т. I, № 188, стр. 165.

⁴⁴ ГИМ, Увар. собр., № 105, л. 45 об. Жизнь Ефрема Новоторжского XVII в. «Царю Симеону наченшу деяти в Торжку». Рассказ слышан был от инока Герасима (л. 36).

⁴⁵ И л и о д о р. Историко-статистическое описание города Торжка. Тверь, 1860, стр. 4, 61, 70.

⁴⁶ Акты Юшкова, № 89, стр. 75—76.

Некоторое представление о Кашине дает сотная выпись 1593 г. о вотчинах Троице-Сергиева монастыря. В ней упоминается монастырский двор «в Кашине на посаде», на котором стояли два двора, где жили дворники. Из пяти дворников три были сапожниками и один сыромятником. В десяти дворах непашенных крестьян жили также ремесленники: полстовал, три сапожника, мясник, сыромятник⁴⁷.

В непосредственной близости к Кашину на реке Волге находился **Макариев Калязин монастырь**, основанный в XV столетии. Монастырь имел прекрасную обстройку с каменным собором внутри ограда. Он скоро сделался крупным вотчинником и в этом отношении далеко опередил старинные тверские монастыри, постепенно захудавшие в XVI в.

Крупнейшим городом в верховьях Волги была **Старица** — один из тех русских городов, которые особенно долго оставались центрами удельных княжеств. Первоначально Старица входила в удел Андрея Ивановича Старицкого, а потом его сына Владимира Андреевича. Во время Ливонской войны она неоднократно была резиденцией Ивана Грозного.

В рассказе о путешествии шлезвиг-гольштинского принца Иоганна в начале XVII в. Старица описана как «большой областной город» с пространной крепостью, составленной из остатков стен и частокола. По этому описанию, крепость в Старице полуразвалилась. Там стоял царский дворец «со множеством шпиров и выступов». Отмечено особо, что «в Старице делаютя лучшие в России войлочные армяки»⁴⁸.

В XVI в. посад в Старице состоял примерно из 300 дворов⁴⁹.

Своеобразным городом был **Микулин**. Вместе с прилегающим к нему уездом он долгое время представлял собой особое феодальное владение, где еще сильны были традиции удельного времени. Это была старинная вотчина Микулинских князей из рода тверского правящего дома. Из них прославился при взятии Казани князь Семен Иванович. В 1577 г. Евдокии, вдове князя Семёна Ивановича Микулинского, принадлежало еще «в Микулине 12 дворов на посаде казанских»⁵⁰. Это были, видимо, дворы бывших пленных из Казани.

Даже в начале XVII столетия князь Федор Андреевич Телятевский владел «старинной вотчиной, треть, что был город Микулин

---

⁴⁷ С. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи, вып. 6. «Чтения ОИДР», 1911, кн. 3, стр. 1.

⁴⁸ Путешествие герцога Ганса Шлезвиг-Гольштинского в Россию в 1602 г. «Чтения ОИДР», 1914, кн. 3, стр. 13.

⁴⁹ В дозорных книгах 1624 г. в Старице указано 39 дворов, да 245 мест дворовых, «которые от литовского разоренья запустели» (Акты писцового дела, т. I, № 128, стр. 269).

⁵⁰ Микулинская летопись, составленная по древним актам от 1534 до 1678 г. М., 1854, стр. 39, 66.

на реке Шоше, а две трети того же городища за ним же в вотчине по купчей из Поместного Приказу».

Как и всякий княжеский центр, Микулин был переполнен церквями и монастырями. Во второй половине XVI в. еще упоминается посад в Микулине, а также слободка князя Василия Андреевича Микулинского⁵¹. По описанию начала XVII в., «город Микулин на реке Шоше усть речки Зверинца, а в том городе по левую сторону реки в осыпи церковь каменная собор Михаила Архангела, о дву пределах, Григория Богослова да Дмитрия Селунского; построена та церковь 6906 (1398) году, о пяти верхах, крыта дранью в застрехи, главы биты черепицею зеленою, мелкою чешуею... Церковь вся писана стенным письмом». При церкви стояла шестигранная брусная колокольница. В осыпи находились двое ворот, одни из них, от Острокольской слободы, были двойные затворные. Огорожены были ворота «заметом пластинным в столб», на воротах было сделано изображение Десуса. Другие ворота вели с Посадской улицы, «тчание, один затвор». К началу XVII в. Микулинская крепость потеряла всякое значение, сохранился только вал и стоящая в нем каменная церковь, все дома внутри вала были сломаны⁵².

БЕЖЕЦКИЙ ВЕРХ

К Тверской земле примыкала Бежецкая пятина, составлявшая часть Бежецкого Верха, который когда-то находился в совладении Великого Новгорода и Московского княжества. В сельском хозяйстве Бежецкого Верха особенное развитие получило льноводство. Если вспомнить о новгородской торговле льном, станет ясным, по какой причине Бежецкий Верх так усиленно отстаивался Великим Новгородом от поползновений московских князей.

Деревни в Бежецком уезде представляли собой небольшие поселения в несколько дворов. В помещичьих деревнях обычно стояли господские усадьбы, которые в документах иногда обозначали термином «двор большой». В этих районах барщина почти отсутствовала. Помещики брали с крестьян «по четверти ржи, овса потому ж, да по два алтына денег и за мелкий доход с обжи»⁵³. Во многих документах Бежецкого Верха полевая работа называлась страдой.

⁵¹ ПК, II, стр. 194.

⁵² Микулинская летопись, стр. 44—56. Описание (вероятно, сотная выпись) имеет датой 1602 (7110) г., но в числе книг Микулинского собора указана книга «О убиении царевича Дмитрия, перешлетена в затылок» (стр. 54—55). Значит, описание составлено не раньше 1606 г.

⁵³ Д. Я. Самоквасов. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства, т. II, М., 1909, стр. 223—228, 260—231, 236.

После взятия Казани и Астрахани в Бежецкой пятине (например, в Удомельской волости) были поселены татарские мурзы, принявшие крещение. В XVI в. их усадьбы еще именовались дворами татарскими. В усадьбе Уанаша Улана на дворе стояли хоромы: две горенки, сеник, избушка, большие ворота, конюшня⁵⁴.

Центром Бежецкого уезда в XVI в. являлся Городецк. Вероятно, Городецк был построен для утверждения новгородского влияния в Бежецком Верхе. Дозорные книги 1616 г. рисуют запустение города, которое, очевидно, имело глубокие основания⁵⁵. Запустение было настолько большим, что в начале XVII в. Городецк (современный Бежецк) не представлял сколько-нибудь значительного пункта.

ГОРОДКИ В ВЕРХОВЬЯХ ВОЛГИ

Непосредственно к Тверской земле примыкали Ржевский и Зубцовский уезды, составлявшие в более раннее время особые удельные княжества. По своим природным условиям территория этих уездов ничем не отличалась от соседнего Тверского края. То же обилие рек и озер, та же относительно скудная почва, те же смешанные и хвойные леса.

Ржев (Ржева) был крупнейшей пограничной крепостью, часто упоминаемой в разрядных книгах и в летописях. Ржевский рубеж соседил с Литовским великим княжеством и считался опасным местом, где обычно стояли большие военные силы. В 1536 г. у ржевского рубежа была построена крепость, получившая название Заволочие. Во время Ливонской войны Ржева и Заволочие выделялись в разрядных книгах как местонахождения особого воеводы⁵⁶.

К сожалению, подробностей о том, что представляли собой эти верхневолжские города, не имеется.

На острове среди озера Селигер в удельные времена находился городок Кличен, остатки которого сохранились до нашего времени. Позже на берегу Селигера возникла **Осташковская слобода**.

Озеро принадлежало волоцкому князю Федору Борисовичу, который дал Иосифу Волоцкому разрешение ловить в озере рыбу в течение всего года десяти монастырским ловцам. Несколько позже, в 1500 г., монастырь получил от того же князя деревню Медведкову и половину Тимофеевской слободки на том же озере. Волоцкий монастырь имел право ловить рыбу в озере, «где

⁵⁴ Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., стр. 260—277.

⁵⁵ П. П. Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII в. вып. 2, стр. 94—95.

⁵⁶ ПСРЛ, т. XX, стр. 436; Древнейшая разрядная книга, стр. 253.

хотят», а также получил освобождение своих деревень на Селигере от вмешательства княжеских властей.

Исключительно большие права монастыря в его вотчине на Селигере были позже подтверждены Василием III (1515 г.). В это время монастырю принадлежала уже не половина, а вся Тимофеевская слободка⁵⁷. В 1593 г. монастырь выхлопотал новую грамоту с позволением ловить в озере Селигере рыбу, «где похотят», двумя неводами, пятью кереводами (особый вид сети).

Осташковская слобода быстро росла и жила до конца XV в. «в льготе», пока келарь Иосифова монастыря Мисаил Безнин не жаловал на рыбаков новый оброк. Старый оброк равнялся 37 рублям с полтиной. Новый оброк быстро дорос до 150 рублей в год. Увеличить оброк за короткое время в четыре раза можно было только при условии реальной возможности такого увеличения.

Ничтожным городком было **Погорелое городище**. В XVI в., судя по дозорным книгам более позднего времени, в нем было примерно 77 дворов⁵⁸, но запустение города началось еще до его разорения в начале XVII в.

---

⁵⁷ АФЗ, ч. 2, № 23, 25, 63, 430.

⁵⁸ По дозорным книгам 1624 г., на Погорелом городище стояло 11 дворов, «да мест посадских, которые посадские люди разошлись от литовского разоренья и живут по городом, 66 человек, да старые пустаты 87 мест дворовых» (Акты писцового дела, т. I, № 128, стр. 270).

Глава VIII

ЗАВОЛЖЬЕ

ОБЩИЙ ОБЗОР

К центральным областям России с севера примыкал обширный район, который можно определить условным названием Заволжья. Волга в своем среднем течении, от Углича до Кинешмы, была основной осью, вокруг которой размещались здесь области и города. Углич, Ярославль, Кострома представляли собой центры удельных княжеств, относительно долго сохранявших свою самостоятельность. К каждому из этих городов примыкала населенная округа, в основном лежавшая к северу от Волги и охваченная со всех сторон обширными лесами. Особенно болотистые и лесистые пространства характеризовали заволжские уезды, как условно можно обозначить обширную территорию к северу от Волги. Конечно, лесные земли не были здесь пустыней, но население в них жило разбросанно и группировалось вокруг местных центров, таких как Галич и Чухлома.

Могучие волжские притоки Молога и Шексна связывали отдаленные местности Заволжья с великой водной дорогой, выводившей к Каспийскому (Хвалынскому) морю. Благодаря этим рекам Ярославль и Углич были связаны с Белоозером и Вологдой. Волга служила своего рода демаркационной линией, показывавшей, где собственно начинались русские северные области. Но понятие о северных и южных областях России XVI в. не совпадало с современным. Теперь Москва и Коломна считаются центральными, а Ярославль и Вологда северными городами. В первой половине XVI в., когда южным городом была Тула, стоявшая на границе дикого поля, Вологда, лежавшая к северу от Москвы, рассматривалась еще городом, тяготевшим к московскому центру.

Заволжье рано присоединилось к Московскому княжеству, положив начало складыванию русского населения в единое государство.

Последнее самостоятельное княжество с центром в Ярославле окончательно прекратило свое существование еще в XV в. Но потомки удельных князей кое-где сохраняли свои старинные владения, превратившись в обыкновенных вотчинников, но удержав остатки прежних феодальных претензий. Из Заволжья и выходили различные князья Курбские и Белозерские — гордые, чванлые, но фактически бессильные потомки прежних феодальных властителей.

В составе Заволжья довольно четко выступают отдельные его районы, слабо связанные друг с другом. Это прежде всего район Углича вместе с бассейном реки Мологи, иногда называемым Помоложьем, район Ярославля с его землями к югу и к северу от Волги, район Костромы с примыкающими к ней заволжскими уездами. Последний район в документах московских приказов иногда обозначали красочным наименованием «Кострома с товарищи». Впрочем, деление на районы не лишает возможности дать общую характеристику Заволжья как особого края.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Условия для развития сельского хозяйства в Заволжье были примерно такими же, как и в Тверском крае.

Земля по писцовым книгам обычно оценивается здесь как «средняя» и «худая». Пашни располагались среди лесов. Писцовые описания нередко упоминают о пашнях, которые поросли лесом. В селе Прилуках Углицкого уезда на 1719 четей пашни «середней» земли приходилось 991 четь перелога, «да пашни ж лесом поросло 516 чети»¹. Заброшенные поля быстро зарастали лесом, и крестьянам приходилось делать «новые розчисти».

В одном судебном деле так говорится о посевах в Ярославском уезде. По словам крестьянина, он сеял «полчетверты» четверти ржи, семь четвертей овса, четверть ячменя, полчетверти пшеницы, пять загонов льна². Как видим, ржи засевалось в два раза меньше ($3\frac{1}{2}$ четверти), чем овса, а ячменя и пшеницы еще меньше. Большое распространение в заволжских уездах имели посевы льна. Загон — это поле, огороженное плетнем от скота. Таких загонов у ярославского крестьянина оказалось пять.

Земледелие в Заволжье сочеталось с продуктовым скотоводством. Большое внимание обращалось на покосы; особенно обширными угодьями славилась приволжские села. Недостаток пригодных земельных участков заставлял обращать внимание на более интенсивное использование хорошей земли. Поэтому в хозяйственных описаниях отмечены даже небольшие сенокосные участки.

¹ ПК, II, стр. 34.

² Н. А. Рожков. Указ. соч., стр. 120—121.

Крупное значение скотоводства в районах Углича и Ярославля отмечено Флетчером, который говорит, что лучшее сало дают в числе других областей Ярославская и Углицкая. В Троицких вотчинах Углицкого уезда примерно на 500 крестьянских и бобыльских дворов ставилось около 4 тыс. копен. На одном только «отхожем лугу» у Волги размером в 50 десятин собирали 1000 копен сена.

Представление о хозяйстве в поместных владениях Углицкого уезда дает выпись конца XVI в. В деревне Леванидцово, принадлежавшей Красову, считалось 10 четей пашни, да перелогом и лесом поросло 10 четей в поле, «а в дву потому ж»; земля названа средней. Всего в деревне и в приписанных к ней пустошах считалось «пашни паханные средние земли» 15 четей, тогда как наездом распахивалось 46 четей. Преобладание пашни наездом над обычной пашней заметно и в других имениях Заволжья³.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Виды землевладения были неоднородны в разных районах Заволжья. В Углицком и Ярославском уездах, а также в Помолжье сохранялись еще старинные вотчины потомков местных удельных князей. Среди них выделялись князья Моложские, Прозоровские, Сицкие и др. В 1544 г. князья Моложские и Сицкие судились о селе Андреевском. В судебном деле упоминается «рубеж» — граница земель кн. Моложского. Сицкие и в начале XVII столетия владели большими вотчинами в Ярославском уезде⁴.

Размеры боярских вотчин иногда были значительными. Князь Иван Васильевич Ушатый-Третьяк отдал свою вотчину село Коприно в Троицкий монастырь. В Коприне стояла шатровая церковь Знаменья и два монастырских двора; в прошлом эти дворы, вероятно, были боярскими усадьбами. По общим итогам писцового описания, в Коприне с деревнями и починками насчитывалось 184 крестьянских и 15 бобыльских дворов. К селу примыкали пашни и «лес большой поверстной бор»⁵.

Большое распространение в некоторых уездах Заволжья получило церковное землевладение. Крупнейшим вотчинником был Троице-Сергиев монастырь. В Углицком уезде он владел 3 селами, сельцом, погостом, 62 деревнями и 6 починками с 477 крестьянскими дворами, в которых жило 589 человек. Резкая разница между количеством дворов и людей в них, по-видимому,

³ С. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи. «Чтения ОИДР», 1902, кн. 2, № 23, стр. 103—107. Выпись из приправочных книг 1595—1597 гг.

⁴ С. В. Рождественский. Служилое землевладение, стр. 163—164.

⁵ ПК, II, стр. 1—7.

объясняется близостью к городу, а не особой бедностью монастырских сел.

Среди церковных феодалов Углицкого уезда выделялся Покровский монастырь в Угличе. Ему принадлежало в уезде 5 сел, 2 сельца, 14 деревень. В них находилось 7 монастырских дворов, 2 служных двора, 72 крестьянских и 8 бобыльских дворов.

Обширными землями обладал Костромской Ипатьевский монастырь. Ему принадлежало 4 села и 100 деревень с 220 крестьянскими дворами. Митрополит владел большим селом Вятское, к которому тянуло 66 деревень. В них насчитывалось 207 крестьянских дворов и 17 дворов непашенных. Вознесенский Обнорский монастырь был окружен принадлежавшими ему деревнями (13 деревень с одним сельцом,— всего около 40 дворов)⁶.

В то время как в уездах, находившихся к югу от Волги, было развито церковное и боярское землевладение, Заволжье в XVI в. в основном являлось краем черного крестьянского землевладения.

Ю. В. Готье в своей книге «Замосковский край» отмечает, что для заволжских уездов характерно отсутствие барской запашки. По его словам, за Волгой начиналось необозримое море черного крестьянского землевладения. С. Ф. Платонов подчеркивает, что галицкие тяглые люди в 1608 г. собрали по 100 человек с сохи и сопротивлялись литовским людям, несмотря на измену служилых людей. Вспомним и более раннее свидетельство о черносошных людях, собранных князем Юрием Дмитриевичем Галицким для встречи митрополита Фотия. Митрополит, впрочем, посмеялся над удельным князем, сказав, что он нигде не видел такого количества людей в овечьих шкурах (полушубках и сермягах).

Для заволжских уездов характерно отсутствие крупного боярского землевладения. Здесь не видно выдающихся княжеских и боярских родов, в писцовых книгах отмечены служилые люди среднего достатка и знатности (Куломзины, Мичурины, Нелидовы, Полозовы, Скрябины, Сухонины, Чичаговы и др.). К числу таких родов принадлежали также Адашевы и Басмановы. Среди княжеских фамилий выделялись лишь Палецкие и Мещерские.

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Крестьяне владельческих сел несли разнообразные повинности. Барщина в конце века получила распространение в пригородном селе Прилуках, поблизости от Углича. Крестьяне здесь пахали на монастырь по полторы десятины с выти, тогда как промысловое село Сергиевское было освобождено от барщины. Однако и то и другое село возили в монастырь хлеб, «что в котором

⁶ С. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи, «Чтения ОИДР», 1902, кн. 2, № 23, стр. 83—84, 103—121. Выписи из приправочных книг 1595—1597 гг.

году на прилуцкой пашне уродитца и за прилутцком обиходом останетца». Остальные феодальные доходы с крестьян складывались из мелочных, но стеснительных поборов: масленого, овчинного, за холсты, за доставку в Москву дров, за «дровяное сечение», за подарки к празднику и т. д.⁷

Писцовая книга Троицких вотчин дает возможность глубже взглянуть в крестьянскую жизнь. С обычной для монашеских кругов скрупулезной и бессовестной мелочностью монастырь подсчитывал свои доходы с крестьян. Крестьяне исполняли барщину. Они пахали на монастырь землю по 2 десятины с выти, а так как всех вытей в монастырских селах Федоровское, Поемечье, Кувакино и Дмитрейцово считалось 45, то крестьяне обязаны были вспахать 90 десятин, да «взгоном» (сообща) 54 десятины, засеять пашню монастырскими семенами (по 2 чети ржи на десятину).

Кроме того, крестьяне платили деньгами за сыры и за масло, и за «московские дрова», т. е. за доставку дров в Москву (от этой повинности крестьяне предпочитали откупаться деньгами). Другие мелочные пошлыны уплачивались натурой. Давали с выти по овчине, по 2 чети ржи, по «десятку» льна, по 12 аршин холста с 2 вытей. В иных селах прибавлялись еще другие повинности: рыбные повозы «для государева приезду», посошный приказ чиков хлеб⁸ и т. д.

Некоторое понятие о крестьянском хозяйстве в Заволжье дают судные дела о грабеже и нападениях. Имущество крестьян в Ярославском уезде описано в жалобе крестьян, заявленной по случаю их ограбления людьми князя Мстиславского. У крестьянина Еремеевского села Ивана Степанова было пограблено такое имущество: мерин, 2 коровы, 5 овец, 7 свиней, 15 кур. Взято молоченого хлеба в сусеках: 30 четвертей ржи, 40 четвертей овса, 8 четвертей солоду ячного, 4 четверти ячменя, полчетверти гороха, да 3 «керби» (вязанки) льна. Похищенная одежда была немудрящей: шуба, сермяга, кафтан из крашенины, летник самоделка, опашень «новогонский» красный, 5 рубашек мужских, 15 рубашек женских, 5 нижних портов, 25 полотенец «шитых и браных и простых», 20 полотен, 7 холстов, 9 гребенин, 3 топора, 2 сохи с полицами, 3 косы, 8 серпов, 12 блюд, 10 ставцов, 12 ложек, 2 сковороды блинных, 6 понев, сапоги мужские, 4 пары сапог женских и ребячьих, 20 алтын денег. По той тщательности, с какой перечислялись даже такие предметы, как 2 сковороды и 12 ложек (отнюдь не серебряных), видно, что всему этому нехитрому скарбу придавалось большое значение. Единственными предметами роскоши в крестьянском имуществе показаны серьги: «одни одинцы, а двои на серебре з жемчюгы».

⁷ ПР, II, стр. 25—35.

⁸ ПР, I, стр. 39.

Другой крестьянин того же села Дмитрий Савин обладал еще более бедным скарбом. Он жаловался, что у него отняли мерина, корову, телку, 3 овцы, 5 свиней, 13 кур, 3 кошки. «Платышко» его состояло из шубы, сермяги, кафтана крашенинного, опашня «новогонского» синего, 4 рубашек мужских, 9 рубашек женских, 4 портов нижних. Кроме того, у него пограбили 15 полотенец, 9 холстов, 6 гребенин, 2 топора, соху с полицей, 2 косы, 5 серпов, 7 блюд, 6 ставцов, сковороды, мужские сапоги, женские сапоги, 4 гривны денег. И здесь роскошь составляли серьги: одни серебряные, а другие «фатисы». В закромах у этого крестьянина находилось 20 четвертей молочной ржи, 20 четвертей овса, 4 четверти солоду ячного, 3 четверти ячменя, осьмина пшеницы, 2 «керби» льна⁹.

ПРОМЫСЛОВЫЕ СЕЛА

В Заволжье, как и в других районах России XVI в., появляются торговые и промысловые села.

Некоторые селения занимались только рыболовством. У устья Шексны «на Старом Городище» стояла слободка, принадлежавшая Троицкому Сергиеву монастырю. В ней жили бобыли без пашен, кормившиеся рыбными ловлями. Всего там стояло 4 двора. На другой стороне Шексны находилась монастырская слободка Ватланова, населенная такими же бобылями-рыболовами (13 дворов). Тут же обозначены 2 амбара «для озерские пристани»¹⁰.

В селе Прилуки под Угличем по вторникам устраивался «торжишко». Тут торговали, «съезжаясь из сел и из деревень с мелкими товаришки». В этом селе, принадлежавшем Троицкому Сергиеву монастырю, стояли две деревянные шатровые церкви. Про одну из них сказано: «передельвают, рубят вверх». В селе находились монастырский двор, в котором жили посельский старец и доводчик, коровий двор, 2 двора монастырских слуг, 23 крестьянских и 5 бобыльских дворов. Ряд крестьянских дворов был населен ремесленниками и торговцами. Среди них названы «шваль», кузнец, прасол. За Волгой стояло другое монастырское село — Сергиевское, Грива тож. Монастырские власти широко пользовались удобным расположением обоих сел на Волге в качестве передаточных транспортных пунктов. Крестьяне переплывали по реке тес, доставляемый из Пошехонья; его гнали Волгой, Сестрой и Яхромой в монастырское село Синьково на Яхrome, откуда тес доставляли в Троицкий монастырь зимой на лошадях. В села также привозили из Белоозера свежую и бочечную рыбу

⁹ Н. П. Лихачев. Сборник актов, стр. 196—197.

¹⁰ С. Шумаков. Обзор грамот коллегии экономии, вып. 2, стр. 144—153.

для монастыря. В Прилуках, кроме того, находился перевоз через Волгу, доходы от которого получал монастырь¹¹. В Прилуках и Сергиевском жили ремесленники, торговавшие на городском рынке в Угличе, как мы это видим и в других русских городах.

В вотчине того же Троицкого монастыря в Ярославском уезде на 207 крестьянских дворов насчитывалось 17 дворов бобыльских¹².

Село Вятское в Костромском уезде, принадлежавшее митрополиту, представляло собой торговое селение с двумя церквями. В нем стояло 10 крестьянских дворов, двор поповский и двор митрополита. Основное население села составляли торговые люди, жившие за речкой Вахромой, в слободке, приписанной к тому же селу, «а в ней живут торговые люди непашенные». По четвергам в селе устраивался базар: «торгуют хлебом и солью и всяким мелким товаром». В числе жителей слободки названы два кузнеца и овчинник¹³.

Промысловый характер имели и некоторые селения в волости Железный Борок, принадлежавшие Железоборовскому монастырю. Здесь в конце XVI в. монастырю принадлежали деревни и починки с кузницами и домницами. Зародыш такого же промыслового села представляла Андреевская слободка, принадлежавшая Костромскому Богоявленскому монастырю. В ней насчитывалось 19 дворов нетяглых мастеровых, в которых жили портные мастера, плотники, рукавичники, токари, сапожники¹⁴.

Типичным промысловым поселением была Борисоглебская слобода и находившийся на другом волжском берегу Романов городок. В конце XVI в. население слободы состояло из рыболовов, крестьян и оброчников, «которые живут в Борисоглебской слободе». Рыболовы ведались во дворце и пользовались еще кое-какими привилегиями «по старине», но слобода уже явно потеряла свой односторонний рыболовецкий характер. В 1599 г. в ней упоминаются только крестьяне и оброчники¹⁵.

После разорения начала XVII в. торги здесь прекратились. В 1622 г. «посадские людишки» жаловались на то, что среди них нет торговых людей, «все кормятца огородною пашнею, луком и чесноком»¹⁶.

Как возникали торговые слободки, видно из жалованной грамоты, данной в 1595 г. Спаскому Ярославскому монастырю на устройство в монастырском селе Федоровском торгов на том

¹¹ ПК, II, стр. 25—35.

¹² Там же, стр. 1—8.

¹³ С. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи, вып. 2, стр. 7.

¹⁴ С. Шумаков. Обзор грамот коллегии экономии, вып. 4, стр. 233—234.

¹⁵ ААЭ, т. I, № 325, стр. 385—386.

¹⁶ Акты писцового дела, т. I, № 107, стр. 192—193.

основании, что это село «поудалено» от городов и ездить в соседние города Ярославль, Кострому и Любим в летнее время из-за грязи невозможно. Местные торги в селе устанавливались по пятницам¹⁷.

ТОРГИ В ХОЛОПЬЕМ ГОРОДКЕ

В Заволжье собиралась крупнейшая ярмарка России, предшественница позднейшей Макарьевской ярмарки под Нижним Новгородом. Первоначально она устраивалась в Старом Холопьем городке на Мологе, несколько выше ее устья, при впадении в нее реки Удрас, где недавно стояло село Борисоглеб.

Холопий городок, по словам Герберштейна, был центром, куда кроме шведов, ливонцев и московитов «стекаются татары и другие весьма многие народы из восточных и северных стран, которые ведут только меновую торговлю. Ибо употребление золота или серебра у этих народов редко и почти вовсе отсутствует. В огромном большинстве случаев они обменивают на меха готовое платье, иглы, ножики, ложки, топоры и другое тому подобное»¹⁸.

Герберштейн рассказывает предание, по которому городок был создан беглыми новгородскими холопами, — предание, напоминающее о подобных же легендах у других народов.

Каменевич Рвовский в конце XVII в. записал предание о «превеликих моложских торгах» со слов людей, которые слышали «от своих отцов»¹⁹. Торги великие производились в Холопьем городке до Василия Темного и на них съезжались из окрестных царств — немецких, польских, литовских, персидских, «иных с ними земель многообразных». Торговля велась на обширном моложском лугу, а пошлина серебром равнялась 70—80 пудам. На Мологе было 79 кабаков, «торговали же без разъездов по четыре месяца все купцы и гости». Каменевич Рвовский был монахом Афанасьевского монастыря на устье Мологи, «что словес Холопей монастырь». Он был одним из первых русских историков-краеведов.

Иван III перевел торг из Холопьяго городка на устье Мологи, передав ярмарку в удел сына Дмитрия и запретив своему наследнику Василию III и его братьям чинить препятствия торговле в Холопьем городке. Из духовного завещания Ивана III видно, что ярмарка на Мологе еще имела большое значение в самом начале XVI в. Действительно, местоположение ее было очень удобно, так

¹⁷ ААЭ, т. I, 362, стр. 443—445.

¹⁸ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 124.

¹⁹ Ф. Гиляров. Предания русской начальной летописи. М., 1878, стр. 39. Приложения.

как к устью Мологи сходились пути по Волге и Шексне, связанной непосредственно с Белым озером и далее с бассейном Северной Двины. Перевод ярмарки из Старого Холопьяго городка в другое место вполне понятен как стремление великого князя захватить крупное международное торжище, находившееся во владении местных вотчинников — князей Прозоровских из рода ярославских княжат, как это отмечает М. Н. Бережков, которому принадлежит ценное исследование о ярмарке на Мологе²⁰. Перенос ярмарки на новое место, видимо, и вызвал ту путаницу, которая наблюдается в известиях Герберштейна о местоположении ярмарки и которую отмечает Бережков.

Само название «Холопий» связывается Герберштейном и Камeneвичем Рвовским со сказкой о беглых холопах, якобы заселивших городок на Мологе. В основе этой сказки могут лежать отголоски каких-либо действительных событий, а также того более прозаического обстоятельства, что на ярмарке в Холопьем городке процветала работорговля.

Создание новых торговых центров в Казани, в Свияжске и в Астрахани привело к запустению старой ярмарки на Мологе, которая постепенно начинает терять свое значение. Попытки оживить ярмарку на Старом Холопьем городке («у Бориса и Глеба») делаются вотчинниками, князьями Прозоровскими. Они борются за сохранение торгового дела в своей вотчине, но встречают сопротивление Симонова монастыря, стремящегося удержать ярмарку в пределах монастырской вотчины — в Веси Егонской. В 1559 г. Прозоровские «перевели» торговлю из Веси Егонской «на свой берег, на Старой Холопей, к Борису и Глебу, и лавки ставили и кабаки держали», не пропуская купцов к Весьскому торгу, собиравшемуся к Петрову дню (29 июня). Князья завели в своей вотчине «торг силовой», держали кабаки, торговали вином, пивом и медом. Однако в 1563 г. Прозоровские вынуждены были заключить мировую с властями Симонова монастыря, обязавшись оставить торговлю только в двух своих селах: Рожественском и Прозорове, где торговать «одинова в год», в первом — на Рождество Христово (25 декабря), во втором — на Михаила Архангела (8 ноября)²¹.

В 1563 г. торговля на Холопьем была запрещена, что стояло в явной связи с недовольством Ивана Грозного ярославскими князьями, к которым принадлежали Прозоровские, позже убитые по царскому приказу²².

²⁰ М. Н. Бережков. Старый Холопий городок на Мологе и его ярмарка. Труды седьмого археологического съезда в Ярославле, т. I, стр. 40—53.

²¹ С. Шумаков. Угличские акты. М., 1899, стр. 118—125; РИБ, т. II, № 41, стр. 50.

²² Проблемы источниковедения, сб. 3. М., 1940, стр. 326. С. Б. Веселовский. Синодик опальных царя Ивана.

Впрочем, старая ярмарка на Холопьем городке к этому времени уже отживала свой век. Из челобитья князей Прозоровских, поданного еще в 1561 г., видно, что торговля в их вотчине была случайной: «в те поры его крестьяне, у кого лучится холстина или мережа, или иной какой крестьянский товар, и тот де свой товар тем людем продают... и что у них его крестьяном надобеть купят». Попытки Прозоровских насильственно не пускать людей торговать в Весь Егонскую окончились неудачей. Эти попытки и повлекли за собой окончательное падение ярмарки на Холопьем.

Однако еще в 1591 г. в Холопьем городке существовала особая таможня, значит мерцала какая-то торговая деятельность²³.

Захирение ярмарки на Старом Холопьем способствовало расширению торгов в Веси Егонской. Это большое село принадлежало подмосковному Симонову монастырю, «а туту у них торг исстари» в Петров пост. На этот торг съезжались купцы из Углича, Ярославля и Костромы («съезд живет торговати угличеном и ерославцем и костромичам и иных городов и волостей всяким людем»). По-видимому, съезд в Весь Егонскую был довольно значителен, потому что только за два года (60-е годы XVI в.) одного недобора в царских пошлинах считалось 45 рублей. Позже, в 1600 г., монастырь получил грамоту от Бориса Годунова на сбор в монастырскую казну с ярмарки в Веси Егонской, собиравшейся на Богоявлениев день, следовательно, зимой (6 января)²⁴.

УСТЮЖНА ЖЕЛЕЗОПОЛЬСКАЯ — ПРОМЫСЛОВЫЙ ПОСАД

Особое положение среди других русских городов XVI столетия занимала Устюжна Железопольская — центр Устюженского уезда. Устюжна с уездом входила в состав удела, данного Иваном III его сыну Дмитрию Ивановичу. В 1564 г. она вновь сделалась удельным владением княгини — «старицы» Александры, вдовы князя Юрия Васильевича, брата Ивана Грозного.

Можно предполагать, что Устюжна первоначально и возникла как княжеская слобода, что обеспечивало устюженским ремесленникам льготное положение как людям, зависевшим непосредственно от великого или удельного князя.

Устюженский уезд изобилдовал лесами и болотами. Его богатством были залежи болотной железной руды, на основе которой развился железоделательный промысел.

Устюжна Железопольская располагалась на берегах судоход-

²³ ААЭ, т. I, № 262—263, стр. 289—297.

²⁴ С. Шумаков. Угличские акты, стр. 118—125 (мировая 1563 г.) и стр. 18.

ной Мологи и представляла собой неукрепленный посад, к которому тянули соседние села и деревни. Во время набега на Устюжну литовских людей в 1609 г. жители Устюжны «острогу и никакия крепости не имели»²⁵. Население посада составляли ремесленники, которых пришлось спешно обучать ратному делу.

Состояние Устюжны во второй половине XVI в. известно по сотным выписям. Более ранняя из них — выпись 1566 г. — рисует Устюжну как крупный центр железоделательного ремесла, населенный в основном посадскими людьми. В городе насчитывалось 173 двора с населением в 813 человек. Из них 124 человека занимались железоделательным ремеслом. Сотная называет такие специальности: кузнецы (71), молотники (47), котельник, подковщик, замочник, гвоздочник и угольщики (2). С. В. Бахрушин подчеркивает, что действительное число железоделателей было более значительным, потому что 213 дворов принадлежало «молотчим казакам молотникам»²⁶. По Далю, молотниками в старину называли помощников кузнеца; в данном случае под ними понимаются подсобные рабочие при железоделательном производстве, что и соответствует их обозначению как «молотчих казаков», т. е. бедных, низших по своему социальному положению наемных, однако свободных рабочих. Можно предполагать, что такие «казаки» формировались из беглых крестьян, находивших убежище в городе под защитой дворцовых или удельных властей. Такие люди превращались в «казаков», занимавшихся различными промыслами.

Новое описание Устюжны было сделано в конце XVI в. По сотной, относящейся к 1597 г., в Устюжне насчитывалось 134 посадских двора, большинство которых принадлежало «молодшим» людям. Посадские дворы были густо заселены. В них насчитывалось 258 человек, значит, почти на каждом дворе жило по два налогоплательщика. Кроме того, в Устюжне стояло 76 бобыльских дворов, а в них числилось 124 человека. Таким образом, половина посадских людей и бобылей не имела собственных дворов. Это показатель того, что посадские люди и бобыли были по преимуществу бедняками. Впрочем, то обстоятельство, что многие посадские люди и бобыли не имели своих дворов, указывает не только на их бедность. Это может говорить о том, что главным занятием устюженских жителей было ремесло. Занятие земледелием и огородничеством стало для них уже второстепенным делом²⁷. Н. Д. Чечулин отмечает в Устюжне большое количество пустых мест (286), при наличии только 17 пустых дворов, что,

²⁵ РИБ, т. II, № 187. Сказание о нашествии на Устюжну Железопольскую в 1609 г., стр. 795.

²⁶ С. В. Бахрушин. Указ. соч., т. 1, стр. 61—62.

²⁷ Сведения об Устюжне даны Чечулиным на основании сотной выписи, засвидетельствованной в 1597 г., но составленной несколько раньше. ЦГАДА, Устюжна, № 1.

по его мнению, указывает на обеднение населения в Устюжне к концу XVI в., а также на бегство населения из посада. Он ссылается на указание сотной, что по сравнению с прежними книгами на Устюжне в песте оказалось несколько сох.

Основную массу посадского населения и бобылей в Устюжне составляли ремесленники, по сотной их было 245 человек; из них, по Чечулину, почти половина (119 человек) занималась железным делом. На самом деле эту цифру надо увеличить, так как и такие ремесленники, как угольщики (12) и плотники (23), были теснейшим образом связаны с железоделательным промыслом: первые заготавливали уголь для кузниц, вторые строили кузницы и амбары. Только этим и объяснимо такое большое количество плотников, живших на посаде, населенном «молодыми людьми» и бобылями. К железоделательным мастерам надо отнести и шпанника, так как шпань, или шпинь, по Далю, обозначает гвоздь без шляпки. В целом из 245 ремесленников 143 человека были заняты обработкой и добычей железа. Таким образом, свыше половины населения Устюжны в конце XVI в. занималось производством железных изделий.

Н. Д. Чечулин и С. В. Бахрушин отмечают обеднение Устюжны по сотной 1597 г. по сравнению с сотной 1566 г., выразившееся в уменьшении ее населения (813 человек в 1566 г., 500 человек в 1597 г.). Рядом с этим следует отметить и другой факт: усилившееся расслоение самих посадских ремесленников, среди которых резко увеличилась группа подсобных рабочих — «молотников» по сравнению с кузнецами.

В Устюжне производились различные железные изделия, распространявшиеся по тогдашней России. Среди них особенно следует отметить железные изделия для речных судов: железные скобы, большие судовые гвозди и др. Местоположение на судоходной реке, обилие леса и местное производство железных изделий для речных судов помогли развитию здесь судостроения. Суда, построенные в Устюжне, носили характерное название «тихвинок» (от Тихвинского посада). Подбор известий об Устюжне, сделанный С. В. Бахрушиным, показывает, что основной железоделательной специальностью Устюжны было производство железных изделий для речных судов, производство же оружия занимало видное место во время войны или развевывалось по правительственным заказам. В Устюжне вырабатывали и различного рода изделия для соляных варниц²⁸.

В целом Устюжну Железопольскую следует считать прототипом нового города. В отличие от других древнерусских поселений, как городов, Устюжна была обширным неукрепленным посадом с ремесленным населением. Она сделалась городом не вследствие своего особого положения, как укрепленного и административно-

²⁸ ААЭ, т. I, № 320, стр. 381.

го центра, а как промышленный пункт, и этому ее значению соответствовал состав устюженского населения.

В городе жило многочисленное духовенство при 20 церквях. Эти церковные строения принадлежали посадским людям, а не феодалам или государю. Одна из церквей считалась собором. В центре города находились губная изба, таможенная изба «и изба, где судятся посадские люди». Таким образом, и в административном отношении Устюжна занимала особое место, где посадские люди стояли на первом месте, хотя тюрьма, обнесенная тыном и стоявшая тут же, напоминает о далеко не идиллической картине жизни ремесленников в этом крупнейшем посаде.

Торговля в Устюжне занимала второстепенное место, но в то же время отличалась некоторыми особенностями, подчеркнутыми в сотной 1597 г.: «на Устюжне на посаде лавки в разных рядах, а торгуют в них торговые люди всякими разными товары через лавки, а не ряды». Н. Д. Чечулин считает, что эта фраза намекает на то, что «описаны не все лавки каждого ряда». Но смысл этой фразы говорит о другом: о распаде торговли по «рядам», по этим торговым и ремесленным объединениям со старостами рядов во главе, как это было в старых городах (см. Псков). В Устюжне уже нет таких объединений, и каждый торговец выступает самостоятельно.

Так перед нами вырисовываются черты города нового типа, который получит развитие в XVII и особенно в XVIII в. Такой же характер имел, как мы видели, и другой город — Шуя в Замосковном крае.

УГЛИЧ

Крупнейшими городами Заволжья были Углич, Ярославль и Кострома.

Углич представлял собой старый удельный центр. В конце XV в. он принадлежал брату Ивана III Андрею Васильевичу Большому. В 1492 г., когда Иван III арестовал Андрея вместе с его сыновьями, в Углич для этого было послано 500 детей боярских. Позже Иван III выделил Углич в удел своему сыну Дмитрию.

В конце XVI в. Углич опять попал в руки удельного князя царевича Дмитрия. Ко времени пребывания царевича Дмитрия в Угличе относится жалованная грамота, выданная им Углицкому Покровскому монастырю в 1585 г., т. е. на второй год его пребывания в углицком уделе. В грамоте читаем: «Се яз царевич князь Дмитрий Иванович Угличской пожаловал есьми Покровского монастыря игумена Феодосия с братьею... доколь бог благословит и государь царь и великий князь Федор Иванович всея России укажет нам на Угличе на уделе быти». Дмитрий Иванович, таким

образом, уже рассматривает себя временным владельцем удела, пока царь ему «укажет». Тем не менее, жалованная Дмитрия обладает всеми признаками такого же рода документов, дававшихся великими князьями²⁹.

Княжение Андрея Большого было ознаменовано для Углича ростом его значения как города. К этому времени относится построение каменных церквей и сохранившегося до нашего времени каменного дворца. Традиции феодальной раздробленности прочно держались в Угличе еще в XVI в.

В житии Паисия, основателя Покровского монастыря, найдем интересные сведения об угличских порядках конца XV в.

Родился Паисий (Павел) «от рода Гавреневых, от отца именем Иоанна и от матери Ксении; отец же преподобнаго Паисея, живя в Нерехотском стану на межи Кашинской в селе Богородицком под властью благовернаго великого князя Андрея Васильевича Углицкого Болшаго, и верно служаше ему». Паисий крестил детей Андрея Большого — Иоанна и Дмитрия, построил в Угличе монастырь с каменной церковью³⁰.

Угличские горожане, выступившие против предполагаемых убийц царевича Дмитрия, были жестоко наказаны Борисом Годуновым, и даже городской «всполошный» колокол был отослан в ссылку в Тобольск. Эти жестокие меры были одинаково направлены и против удельных, и против вечевых традиций, еще мерцавших кое-где в самодержавной России конца XVI в.

Углич стоял на большой водной дороге из Москвы на север. По словам Герберштейна: «существуют две дороги, по которым от Москвы можно попасть на Белоозеро одна более близкая через Углич, в зимнее время, а другая летняя — через Ярославль». Водная дорога через Углич начиналась от Дмитрова, зимой по ней ездили на санях.

Значение Углича в XVI в. отмечается Флетчером, который в числе 16 главных русских городов указывает Углич на 11-м месте.

Углич XVI в. четко разделялся на две части: кремль и посад. Размеры кремля, судя по его современным остаткам, были невелики. Он стоял на берегу Волги и был окружен валом, стеной и рвом. Современное положение крепости, сделавшейся городским садом, дает мало представления об ее первоначальном устройстве. Во всяком случае угличская крепость считалась местом достаточно надежным для того, чтобы в ней держать в заточении таких людей, как сверженный великий князь Василий Темный.

²⁹ «Ярославские губернские ведомости», 1855, № 51.

³⁰ В сказании о чудесах Паисия, составленном в начале XVII в., названы кушцы Лаврентий, Гаврила Грибов, Никифор Панин, а также «иноземец» Иоанн Кучковский. Там же говорится о казначее Крутицкого митрополита Пафнотия, закопавшем «в мятежное время» митрополичью казну (ГИМ, Сборник житий святых. Увар. собр., № 279, в 4°, на 357 лл. полууставом и скорописью).

торговавшему на углицком рынке хлебными изделиями. По данной княжеский дворец, а также приказные избы³¹. В конце столетия население углицкого кремля в основном складывалось из дворцовых людей сосланных царицы Марьи Нагой. В кремле стояли подворья ключников, истошников и ситников, состоявших при дворе малолетнего царевича Дмитрия.

Посадское население Углича состояло главным образом из ремесленников и торговцев. Ремесленный состав углицкого населения довольно рельефно выясняется из материалов сысского дела об убиении царевича Дмитрия. Среди посадских людей в деле названы Филя дехтярник, Кондраш оловянный, Тит сапожник, Савва плотник, каменщик Митя Суздалец, Семейка холщевник, Васья мыльщик³².

Тут перед нами выступает целый список различных ремесленников, живших в Угличе и торговавших на его рынке. В деле упоминается о городских рядах, куда будто бы ходил городской приказчик за ножами³³. В убийстве Михаила Битяговского принимали участие «казаки» с судов, стоявших под городом.

Размеры углицкого посада, по-видимому, были очень значительными. В конце XVI в. на посаде и в слободах сгорело 15 церквей. Число сгоревших на посаде дворов измерялось значительной цифрой — 550³⁴. Позднейшие свидетельства сообщают явно недостоверные и преувеличенные сведения о количестве углицких городских дворов. По сказанию о разорении Углича, в нем до разорения стояло 10 тыс. дворов. Стрельцов насчитывалась 1000³⁵. На основании писцовых книг XVII в. Платонов пришел к мысли, что население Углича не превышало 2¹/₂ тыс. человек³⁶. Но этот расчет требует поправок, так как Платонов не учитывал, что значение городов менялось с течением времени. Углич в XVII столетии, возможно, был меньше, чем в предшествующий век. Углицкое дело и показания современников о наказании 200 одних только посадских людей, говорят за то, что Углич был значительным городом.

Интересные сведения имеются о жилищах углицких посадских людей. Один из дворов принадлежал посадскому человеку Савелию Сергееву «колачнику», следовательно, ремесленнику,

³¹ С. Г. Г. и Д., ч. 2, № 60, стр. 105. В сыске по делу царевича Дмитрия названы Дьячья и Разрядные избы (стр. 105), Кормовой дворец (стр. 109).

³² Там же, № 60, стр. 116, 119, 120, 122.

³³ «И взял в ряду два ножа» (там же, стр. 122).

³⁴ ПСРЛ, т. XXVI, стр. 286.

³⁵ ГИМ, Муз. собр., № 1598 (в 4°, на 32 лл. синей бумаги, скорописью конца XVIII — начала XIX в.). «О разорении града Углича». В рукописи читаем: «точию единых тяглых градожитель содержал в то время ты еси седмь тысящей, со разными чинми и стрелецкими войски до десяти тысящ бе» (л. 1). «И толико бе храбри и премудри, яко тысяща человек стрелецких войск» (л. 7) защищали город.

³⁶ С. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 32.

торговавшему на углицком рынке хлебными изделиями. По данной Савельева этот двор перешел во владение Троице-Сергиева монастыря в 1567 г., он стоял на посаде у торгова, в соседстве с Гостинным двором. На дворе была изба «плоская» трех сажен, «а на мосту чулан». К избе примыкали житница мучная, амбар в две сажени, горница в две сажени с круглыми дубовыми сенями, наогребница с погребом, мыльня и к ней «пристенец» рубленый. Отдельно в огороде стояла поварня квасная, в которой находился железный пивной котел ведер на 40, большой спускной чан («затираетца в нем пять бочек»), 3 чана квасники, корыто подкарусельное, «ковш долгим стеблем», 5 бочек дубовых квасных. В огороде находился колодец. Во двор вели ворота с приворотьем. Пространство, занятое усадьбой вместе с огородом, имело 30 сажен в длину и 13 сажен в ширину, всего, следовательно, 390 кв. сажен³⁷.

Подобный двор в Угличе не был исключением. Ефрему Малафееву сыну Толмачеву принадлежал в Угличе двор, который он в 1572 г. отдал в Кириллов Белозерский монастырь с условием временно проживать на своем дворе. На дворе стояла каменная палатка с сенями, а под ней каменный погреб с пристеном, изба, конюшня, сеник, двое сеней, мыльня. В этом описании привлекают внимание слова о каменной палатке с погребом, служившей жильем для Толмачева. Из другого документа узнаем, что двор Толмачева стоял в Угличе на посаде у церкви Воскресенья Христова на Воскресенской улице и был продан в Кириллов монастырь за 50 рублей. По этому второму документу, холоты на дворе были ветхими, «да погреб каменной, а на верху полатка, а свод каменной обвалился». В огороде находился колодец «от реки от Волги»³⁸.

ЯРОСЛАВЛЬ

Среди городов Заволжья крупнейшим был Ярославль. История этого города показывает, что нельзя судить о значении русских городов XVI в., не внося никаких поправок ко времени. Так, Ярославль в первой половине XVI столетия несомненно принадлежал к значительным, но во всяком случае не к первостепенным городам тогдашней России. Герберштейн только упоминает об Ярославле как о городе с крепостью. Установление морского пути из Западной Европы в Россию во второй половине XVI в. решительно повлияло на значение Ярославля. Через Ярославль прокладывается торная сухопутная дорога из Москвы к Белому морю. Эта дорога смыкалась в Ярославле с великим волжским путем.

³⁷ С. Шумаков. Угличские акты. М., 1890, стр. 74 (изданы в «Чтениях ОИДР»).

³⁸ С. Шумаков. Угличские акты, стр. 75 и 107.

Тем не менее и во второй половине XVI в. Ярославль еще не имел того крупного значения, какое он получил в XVII в. Достаточно указать, что, по Флетчеру, Ярославль платил лишь 1200 рублей торговой пошлины, меньше Костромы и Вологды.

Краткое описание Ярославля сделано в так называемом дневнике Марины Мнишек начала XVII в.: «В Ярославле есть крепость довольно обширная, но слабая. Каменных зданий нет, кроме одного монастыря, обнесенного каменной стеной. Замок сгнил, ограда его обвалилась. Стоит он при впадении Которосли в великую реку Волгу. Крепость обнесена низким валом, за которым мы остановились»³⁹.

В Ярославле начала XVII в. существовал деревянный («рубленный») город (меньший острог) и «большой острог», вмещавший в себя посад⁴⁰. Рубленный город непосредственно примыкал к Спасскому монастырю.

По населению город представлял собой довольно пеструю картину. Кроме собственно черных посадских дворов в нем стояли дворы оброчные, рыболовные, плотничьие, монастырские, гончарские (новгородские, слободские и боярские)⁴¹. Особо указано Норское село, или Ловецкая слобода, поблизости от города, где жили рыболовы. Существование слободок, выделенных из общего посадского тягла, типично для русского города XVI в. Среди таких слободок в Ярославле наше внимание привлекают «новгородские» дворы, т. е. слободка, образованная выходцами из Новгорода, переведенными или «сведенными» в Ярославль, вероятно, при Иване Грозном, если не раньше, при Иване III.

Слободки и беломестные дворы в Ярославле, принадлежавшие церковным и гражданским феодалам, были населены ремесленниками. На монастырском дворе Троице-Сергиева монастыря жили, например, четыре дворника, «ремесленные люди, сапожные мастер-ришка»⁴². Крупнейшим церковным феодалом был Спасский монастырь в Ярославле. Для строительства каменных стен монастырь получил разрешение ломать на извест белый камень «по обе стороны реки Волги». Он владел перевозами через Которосль и Волгу; при посредстве этого перевоза «англичане и многие поморские торговые люди ездят через Волгу и Которосль»⁴³.

Посад Ярославля в конце XVI в. сделался настолько обширным, что часть его получила название «Большого посада». Дозорные книги 1614 г., впрочем, дают только неполные сведения

³⁹ Сказания современников о Дмитрие Самозванце, ч. 2. Изд. 3. СПб., 1859, стр. 180.

⁴⁰ «Чтения ОИДР», 1915, кн. 2, стр. 40.

⁴¹ Акты Юшкова, стр. 143—144.

⁴² ПК, II, стр. 8.

⁴³ Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, т. I. М., 1896, стр. 73. Грамота 1585 г.

о населении Ярославля; по книгам, «на посаде, и в остроге, и в слободах» числилось 259 дворов⁴⁴.

Ярославль быстро рос и к началу XVII в. стал крупным посадским центром. По дозору 1614 г., в нем считалось 795 человек. По некоторым подсчетам, в Ярославле было 507 дворовых мест⁴⁵.

К сожалению, о торговле и промыслах Ярославля в XVI столетии известно очень мало. Значительное развитие получило гончарное дело. «Гончарные дворы» в Ярославле упомянуты в летописи. В городе изготовлялись мелкие металлические изделия. Так, Соловецкий монастырь купил в Ярославле 800 сапожных шильев. В городе было развито и сапожное мастерство. Ярославль славился своим полотном. По словам одного иностранца, в Ярославском крае «ткутся прекраснейшие во всей России полотна»⁴⁶.

В составе городского населения немалую прослойку составляли так называемые ловецкие крестьяне, пользовавшиеся особыми правами. Существование в Ярославле дворов ловецких крестьян ярко характеризует чересполосное владение беломестцев и посадских людей в русском городе XVI—XVII вв. Хотя содержание документа и относится ко временам царя Михаила Федоровича, в нем мы имеем ссылки на более раннее время, когда ловецкие крестьяне также пользовались различного рода привилегиями.

Посадские люди Ярославля жаловались на то, что ловецкие крестьяне в их городе «живут по посадом с ними с посадскими людьми вместе, промежь их посадских дворов, старинные посадские люди, а с ними оне ни в какие иные доходы не тянут, а называются оне ловецкими крестьяны для легости, а оне люди торговые и ремесленные, а не ловцы и на нашу⁴⁷ рыбную ловлю оне не ездят окроме наших записных ловцов двадцати человек».

Из дальнейших заявлений посадских представителей видно, что люди, называвшие себя ловецкими крестьянами, держат «во всех рядах» свои лавки вместе с лавками посадских людей, ездят торговать по большим городам: в Нижний Новгород, в Казань, в Астрахань, в Архангельск.

Начало выделению посадских людей в особые ловецкие крестьяне было положено при Иване Грозном и царе Феодоре Иоанновиче. Люди «выходили с посаду» и закладывались за Григория и за Степана Годуновых в Ловецком присуде «для легости, что им в том присуде жить было легко».

После Годуновых беглецам из посадского тягла было приказано вновь записаться в посадские люди по грамоте 1608 г. Это не понравилось ловецким крестьянам; в 1611 г. они «уехали в полки под Москву и заложились за Ивана Заруцкого. Этот поступок ло-

⁴⁴ Акты писцового дела, т. I, № 63, стр. 86.

⁴⁵ П. П. Смирнов. Города, вып. 2, стр. 105.

⁴⁶ С. В. Бахрушин. Указ. соч., т. 1, стр. 64, 91.

⁴⁷ Т. е. на царскую рыбную ловлю.

вещных крестьян оказался очень ловким и позже позволил им даже взыскать с ярославских посадских людей деньги за убытки, понесенные ими в связи с поездкой в Москву для ее защиты.

В деле имеется выписка из грамоты царя Василия Шуйского, подтверждающая подлинность сведений, приводимых посадскими людьми.

Таким образом, оказывается, что целый разряд ярославских посадских людей легко избежал посадского тягла, встав под защиту ближайших царских родственников. Документ хорошо характеризует и само «посадское строение» при Борисе Годунове, преследовавшее фискальные интересы, которые тут же бесстыдно нарушались ближайшими царскими родственниками⁴⁸.

КОСТРОМА

Из городов, стоявших на левом берегу Волги, наиболее выделялась Кострома, расположенная при впадении реки Костромы в Волгу. По дозору 1614 г., в Костроме «на посаде в посадских в тяглых живущих дворах» считалось 312 дворов⁴⁹. Но эта цифра дает неточное представление о костромском посаде, который только что испытал на себе тяжкие последствия разорения начала XVII в.

Кроме того, в указанное число дворов включены только посадские дворы, между тем значительную часть города составляла слободка Ипатьевского монастыря за рекой Костромой. В конце XVI в. в слободке на монастырской земле считалось «поповских и дьяконовских и служных и купчин монастырских и торговых и мастеровых людей и рыболовей и перевозчиков и детенышев монастырских 112 дворов, а людей в них 113 человек»⁵⁰. Таким образом, количество дворов в слободке Ипатьевского монастыря равнялось примерно $\frac{1}{3}$ дворов посада, а надо предполагать, что и другие монастыри обладали в Костроме, если не слободками, то своими дворами, не входившими в посадскую общину. Так, дворы «по конец посаду» принадлежали Троицкому монастырю и ведались судом и данями самим монастырем⁵¹. Поэтому не будет преувеличением считать, что общее количество дворов в Костроме достигало к концу XVI в. примерно 500. Вероятно, их было даже больше, если принять во внимание осадные дворы служилых людей, стрельцов и других ратных людей. В частности, в Костроме существовала особая Киришичная слободка, выделенная из посадской общины, «под коею белая земля». В ней стояла деревянная

⁴⁸ «Ярославские губернские ведомости», 1842, № 12.

⁴⁹ Акты писцового дела, т. I, № 63, стр. 86.

⁵⁰ С. Ш у м а к о в. Обзор грамот коллегии экономии, вып. 4, стр. 231.

⁵¹ Там же, стр. 187—188. Слободку на Костроме имел и Богословский монастырь (стр. 163).

церковь, что «в Кирпичной и в Каменщицкой слободке». Из грамоты 1624 г. видно, что Кирпичная слободка в Костроме существовала уже при Иване Грозном⁵².

Представлению о Костроме как довольно значительном городе XVI в. соответствуют некоторые сведения о ее внешности. В центре города находился кремль, остатки которого в виде земляных валов, окопанных глубокими рвами, занимали 12 десятин⁵³. В кремле стоял каменный собор. Крупнейшими из монастырей были Богоявленский в самом городе и Ипатьевский за рекой Костромой вне города. Расположенная на большой реке, Кострома имела немалое торговое значение. Здесь находились с давнего времени мыт и таможня⁵⁴.

В Кострому приезжали для покупки рыбы. Там же торговали «судовыми припасами», всякими рыболовными снастями, посылая их в Казань⁵⁵.

К сожалению, о костромской торговле XVI в. известно крайне мало, но нельзя не отметить один любопытный факт. В церкви Воскресения на Дебре в Костроме раньше существовало двое ворот. Над первыми воротами на наружной стене был изображен Спас, а ниже его «гербовое изображение льва и под ним какая-то фантастическая птица». На вторых воротах было изображение единорога — герба Англии. Церковь была построена в 1652 г. купцом Кириллом Григорьевичем Исаковым, торговавшим с Англией красками⁵⁶.

За рекой Костромой находился Ипатьевский монастырь, владения которого сильно стесняли костромской посад. Достаточно сказать, что перевоз через реку Кострому находился в собственности монастыря и на реке запрещалось держать какие-либо суда, кроме монастырских.

В монастыре стояли две церкви, одна из них каменная во имя Троицы, и 25 келий, в которых жило 70 монахов. К монастырю примыкало 22 монастырских двора; в них жили «слуги монастырские, всякие мастеровые люди и рыболовы и перевозчики». Эта слободка была белой и не тянула тягла с городскими посадскими людьми. Монастырю принадлежали также перевоз и тоня на реке Костроме. Монастырские владения теснили костромских горожан. Ипатьевскому монастырю принадлежали леса, рыбные ловли в озерах и заливные луга, расположенные в прямом соседстве с землями и угодьями городских людей⁵⁷.

⁵² «Костромские губернские ведомости», 1847, № 20.

⁵³ П. Семенов. Словарь, т. II, стр. 741.

⁵⁴ С. Шумаков. Обзор грамот коллегий экономии, вып. 4, стр. 187.

⁵⁵ С. Д. Шереметев. Грамоты с подписями Годуновых. «Чтения ОИДР», 1897, кн. 1, стр. 1—8.

⁵⁶ Костромская старина, вып. 1. Кострома, 1890, стр. 150—151.

⁵⁷ С. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи, вып. 2, «Чтения ОИДР», 1903, кн. 3, стр. 5—18.

КОСТРОМСКОЙ КРАЙ

Край занимал обширную лесистую равнину к северу от Волги. Это был район малопроездимых вековых лесов, среди которых кое-где располагались как бы большие открытые поляны. Даже в атласе 1745 г. на громадном протяжении между Костромой и Галичем показан сплошной лес без поселений, которые довольно густо заполняют только местности около Галича, Чухломы и Соли Галицкой.

Впрочем, и здесь охота на пушных зверей как промысел все дальше отступала на север и восток. В середине XVI в. крестьяне-бобровники Плесской волости у Волги получили подтверждение своих прав на ловлю бобров, однако с оговоркой платить деньгами «коли не добудут бобров». Пушной промысел, таким образом, отходил в прошлое и в приволжских лесах.

В земледельческом хозяйстве Костромского края преобладали посевы ржи и овса. С давнего времени распространено было льноводство.

Значительная часть пашни, по-видимому, возделывалась подсечным способом. Почва не считалась плодородной и обычно оценивалась как средняя или «худая» земля. Земледельцу приходилось вести постоянную борьбу с лесом, который наступал на расчищенные поля.

Тем не менее «хлебная» пашня в Костромском крае имела значение главного источника существования жителей. В начале XVI в. в Чухломе за озером писцовые книги особо выделяли «хлебные» села и деревни⁵⁸. В одном сочинении, составленном в середине XVII в., но на основании более ранних источников, так рисуются поиски места для нового монастыря: его основатель увидел «красно место к жительству, и покойно к службам монастырским, и леса к строению церквам и келиям, и к хлебной пашне, и к поставлению деревень, и на реках к строению мельнишному и к рыбной ловли»⁵⁹.

Местный галицкий летописец внимательно следит за хлебными урожаями. Он отмечает, что в 1525 г. «стал хлеб дешев; по четыре денги [2 копейки] московка ржи купили, а была тою ценою 16 лет». Наоборот, в голодный 1570 год хлеб был дорог, платили по сорока алтын (1 рубль 20 коп.) за рожь⁶⁰.

⁵⁸ С. Шумаков. Обзор грамот коллегии экономии, вып. 4. Кострома «с товарищи». «А в той деревне насаено ржи в землю полшесты кади чухломских» (стр. 56).

⁵⁹ ГИМ, Увар. собр., № 415. Сборник житий XVII в. Житие Андриана Мовзенского, л. 41 об.

⁶⁰ Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве или Казанский летописец. СПб., 1905, стр. 605. Краткий галицкий летописец, кончающийся известием о убиении Лжедмитрия.

ГАЛИЧ

Главный сгусток городов в заволжских уездах находился в отдалении от Волги. Крупнейшими из них были Галич, Чухлома и Соль Галицкая.

В XVII в. Галицкий уезд по своей населенности стоял на пятом месте среди центральных заволжских уездов и насчитывал 31 тыс. тяглых дворов.

Город Галич стоял у берегов большого Галицкого озера. На месте старинной крепости в 1557 г. была построена новая; создателем ее был известный дьяк Иван Выродков⁶¹.

Район Галича вплоть до взятия Казани был беспокойным и нередко подвергался нападениям со стороны казанских татар и «черемисов».

Такое нападение, например, татары совершили в 1521 г., разорив волости около Унжи и Парфеньева. В 1523 г. они снова воевали под Галичем, Унжей и Парфеньевым. Татарские набеги повторялись в 1535, 1538, 1540 гг. Построение новых укреплений в Галиче показывает, что крепость в Галиче не потеряла оборонного значения и после присоединения Казанского ханства, так как соседние «черемисы» еще долгое время только номинально подчинялись России. Район Галича в первой половине XVI в. назывался «Галической Украиной».

Старинная крепость в Галиче еще в XIX столетии называлась «городищем» или «староторжьем». Территория, обозначаемая «городищем», начинается на самом берегу озера и простирается на восток по склону горы, на вершине которой она оканчивается высоким земляным валом и рвом, глубиной до 5 сажен. За этим рвом начинается другая территория с покатостью на запад, длиной около 50 сажен и шириной около 25 сажен, окруженная с трех сторон земляными валами (с четвертой стороны вал или срыт или осыпался) и рвами. Вся эта местность с возвышенными валами называется «Столбище»⁶².

Некоторое понятие о Галиче XVI в. дает дозорная книга 1619 г., составленная вскоре после разорения города шайками литовских людей. В Галиче находился острог, где стоял деревянный собор Спаса Преображения, построенный «клетцки». Тут же находился пустой земский двор, «а в нем живали воеводы и приказные люди и посланники». В остроге стояли осадные дворы местных вотчинников, монастырей, а также некоторых посадских людей, которые сами жили на посаде. Книга отмечает 57 пустых мест, принадлежавших галицким посадским людям. К острогу примы-

⁶¹ Г. З. Кунцевич. Указ. соч., стр. 601—606.

⁶² Костромская старина, вып. 1, стр. 134—135. Это название, вероятно, происходит от «столпы», местность, огороженная столбами, частоколом.

кали торговая площадь и посад. «Над озером» находилась Рыбная слобода. Дозорная книга насчитывает в Галиче 253 дворовых места и 5 пустых дворов, принадлежавших раньше посадским людям. Конечно, не все дворовые места можно отнести к XVI в., но нельзя забывать о беломестцах, составивших также значительную часть населения Галича. Тогда мы получим более ясную картину Галича в XVI столетии — как города с населением в 240—300 дворов.

Торговля в Галиче не имела большого значения. По дозорной книге, в нем на торговой площади стояли 34 лавки, «да пустых лавочных мест 99». Галицкие горожане обладали городской землей для выгона скота и санными покосами, которые по грамоте 1591 г. были приписаны «к Галичу же к посаду»⁶³.

В Галиче находилась слободка рыболовов, которые ведались во дворце. В 1506 г. в ней насчитывался 31 рыболов. Галицкие рыболовы платили во второй половине XVI в. более 50 рублей оброка⁶⁴.

СОЛИГАЛИЧ

Находившийся в непосредственном соседстве с Галичем Солигалич (Соль Галицкая) обязан своим ростом соляным залежам. Соль добывалась здесь при помощи колодцев. Колодцы и варницы высоко ценились и поэтому продавались и закладывались целиком или по частям. Рядом с колодцами и варницами находились «дровяные кладбища» — склады дров, также служившие предметом различных сделок.

Колодцы и варницы, носившие особые названия (Вага, Верхняя, Ватага и пр.), располагались на дворах посадских людей: «Да на том же дворе варница Нижняя да половина, колодязь да половина окладника, а в межах двор с Карповым двором Орлова по забор, да з другую сторону с Нечаевым двором Леонтиева сына Животинина по заборе».

Соляные промыслы в сущности и определяли облик Соли Галицкой — города, носившего ярко выраженный промысловый характер, где добыча соли составляла основное занятие посадских людей. Иногда между ними возникали конфликты по вопросу, где копать колодец, где провести водяную трубу и т. д.⁶⁵ Кроме посадских людей добычей соли усиленно занимались монастыри, которым принадлежали здесь дворы, колодцы и варницы. Соль Галицкая во второй половине XVI столетия уже потеряла прежнее

⁶³ «Владимирские губернские ведомости», 1851, № 42.

⁶⁴ ААЭ, т. I, № 141, стр. 113—114; № 286, стр. 332; № 326, стр. 387—388.

⁶⁵ С. Шумakov. Обзор грамот коллегии экономики, вып. 4, стр. 52, 62, 65, 83, 102, 179

значение крепости, в начале XVII в. «у Соли около посаду острогу нет и город сгнил и развалился»⁶⁶.

Местоположение Галицкой Соли было особенно выгодно тем что река Кострома соединяла этот город с Волгой. В одном документе так говорится о торговом значении этой реки: «Место же то пусто, дебри имуще непроходны, точию един путь прилежащ от града, нарицаемого Соли Галицкие, рекою Костромою струги ходят с солию и со инеми товары купецкими». На реке Костроме плотниками, которые приходили из города Костромы и других селений, строились «пасады великие». Эта работа имела сезонный характер, и плотники уходили обратно по окончании работ. Сообщение на стругах по реке Костроме было в XVI в. одним из наиболее удобных средств связи с Солью Галицкой и ее окрестностями. Это речное сообщение, впрочем, было связано с опасностями при переходе через порог, находившийся против Благовещенского монастыря при устье реки Монзы и называвшийся «Барон»⁶⁷.

Соляные варницы в Соли Галицкой привлекали к себе крупнейших предпринимателей XVI в. в лице монастырей, в первую очередь Троице-Сергиева. Ему принадлежало несколько варниц или частей в варницах, полученных вкладами от посадских людей или купленных монастырем. Пользуясь своими иммунитетными правами, Троицкий монастырь завел в Соли Галицкой свои слободки, где жили беспашенные люди, кормившиеся работой на варницах. В двух старых слободках стояло 22 двора, в третьей («новой») слободке было 12 дворов. Характерно, что и там и здесь показаны не дворы, а «дворцы», возможно, с ударением на первом слоге, в уменьшительном смысле, чтобы подчеркнуть бедность беспашенных людей, которые «кормятца около варниц». Кроме того, еще 7 дворов, населенных такими же людьми, принадлежало Троицкому монастырю, а в 2 оброчных дворах жили бобыли. В монастырском дворе у Николая на Наволоке жило еще 7 мелких людей, «промышляют у варниц». Таким образом, монастырю принадлежало по крайней мере 45 дворов беспашенных людей, не считая тех, которые жили на монастырском дворе. Это было своеобразное монастырское предприятие, эксплуатировавшее городскую бедноту Галицкой Соли, тех людей, которые работали в варницах, подвозили и кололи дрова, добывали соль и выпаривали ее из рассола, укладывали соль в рогозины и выполняли прочие работы⁶⁸.

⁶⁶ АИ, т. I, № 177, стр. 205.

⁶⁷ ГИМ, Увар. сбор., № 415. Сборник житий XVII в. Житие Андриана Монзенского, л. 43, об. Он поставил Благовещенский монастырь. «И наемше струг и ехав в Благовещенской монастырь» (л. 124 об.); о пороге см. л. 132.

⁶⁸ ПК, I, стр. 923—924. Троицкие дворы составились из разных поступлений. В 1498 г. на посаде было пять церковных дворов, в их числе один

Работой на соляных варницах занималось и население пригородного села Гнездиково, принадлежавшего Троице-Сергиеву монастырю. К этому селу тянуло 18 деревень и 4 починок, всего 85 крестьянских и 12 бобыльских дворов. Монастырская пашня в этой вотчине была минимальной: 10 четей «средней» земли против 285 четей такой же крестьянской пашни. Главным занятием гнездиковских крестьян было обслуживание варниц, подвоз дров, сооружение варниц, амбаров и варничных колод. Доход монастыря от этих занятий измерялся суммой в 300 рублей, из них 200 рублей шло на расходы, а 100 поступало в монастырь.⁶⁹

НЕБОЛЬШИЕ ГОРОДА ЗАВОЛЖЬЯ

К числу небольших заволжских городов принадлежала **Чухлома**. Она была расположена у берегов большого озера, на другой стороне которого стоял Покровский (Конявинский) монастырь. В Чухломе существовали крепость и посад⁷⁰, но подробностей о числе жителей Чухломы и их занятиях мы почти не имеем.

Город **Унжа** существовал уже в 1521 г., являясь одной из передовых крепостей на границе с Казанским ханством. В нем была крепость, снабженная огнестрельным оружием — пищалями и пушками⁷¹. Остатки валов сохранялись еще в начале XX в. «В гор. Унже находится городище, имеющее вид земляного укрепления, основание которого, по преданию, относится к XV веку», — читаем в Костромской старине⁷².

О **Судиславле** знаем совсем мало. Он был, однако, местом, где сидел губной староста.

Очень мало сведений имеем и о **Нерехте**. Троице-Сергиеву монастырю в ней принадлежали 2 слободки; в одной, стоявшей на берегу Волги, было 3 двора, в другой, на посаде на Егорьевской улице, — 9 дворовых мест⁷³.

К небольшим заволжским городам следует отнести Парфеньев, Буй и Любим.

Жители **Парфеньева**, «парфяне», упоминаются в 1521 г. Судя по почти одновременному с названным годом известию, в Парфеньеве крепости не было. Это был неукрепленный посад⁷⁴.

двор был митрополичий и один принадлежал Симонову монастырю (АСВР, т. I, № 621, стр. 532—533).

⁶⁹ ПК, I, стр. 920—923.

⁷⁰ АИ, т. I, № 125, стр. 183 (см. выражение «двор внутри города»).

⁷¹ Г. З. Кунцевич. Указ. соч., стр. 602.

⁷² Костромская старина, вып. 1, стр. 139.

⁷³ ПК, I, стр. 893—919.

⁷⁴ Г. З. Кунцевич. Указ. соч., стр. 601—602.

Однако еще в XIX в. в Парфеньеве сохранялось земляное укрепление с валом «с южной стороны посада от реки Неи». В Парфеньеве указывали урочище с названиями «воеводин двор»⁷⁵.

В **Буйгородке** крепость была построена в 1536 г. по просьбе жителей окружающих волостей (Корега, Ликург, Залесье, Борок Железный) «того ради, что тамо волости многие, а от городов далече». Это был типичный административный центр, где существовали таможня, тамга и мыт, где собирали пошлины с провозимой соли⁷⁶.

О существовании посада в **Любиме** имеем случайное известие, как и указание на то, что там сидел городской приказчик. Крепость в Любиме была построена одновременно с сооружением города в Буге.

---

⁷⁵ Костромская старина, выш. 1, стр. 52.

⁷⁶ ПСРЛ, т. XX, стр. 436.

п о м о р ь е

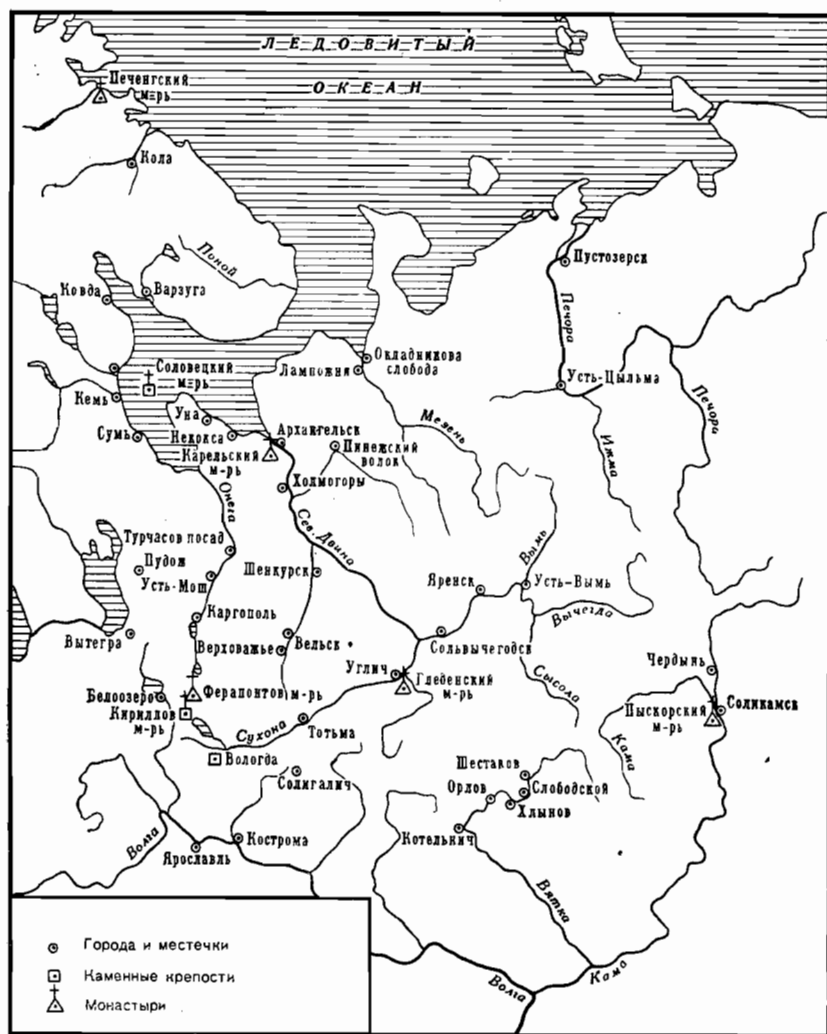
Глава IX

ДВИНСКАЯ ЗЕМЛЯ И БЕЛОЗЕРСКИЙ КРАЙ

ОБЩИЙ ОБЗОР

Северные области России в XVI столетии носили название «Поморья», так как они примыкали к Белому морю и к Северному Ледовитому океану. Такое обозначение звучало бы очень странно в какой-либо другой стране Европы, так как некоторые «поморские волости», такие как, например, Вага, были отделены от моря пространством километров в 200. Но оно понятно в России, фактически владевшей только одним Белым морем. Название «Поморские города» утвердилось поздно, не раньше второй половины XVI в., когда был проторен морской путь из России в Англию. Да и в это время далеко не все города русского севера тяготели к морю. Поэтому термин «Поморские города» можно с успехом заменить более определенным названием Северные области или Север России. Однако словоупотребление «Поморские города», или «Поморье», тем не менее имеет под собой почву уже потому, что все области, лежавшие по течению Сухоны, уже во второй половине XVI в. были тесно связаны с морем. Морская торговля с Западной Европой и морские промыслы определяли торговую и ремесленную деятельность населения крупных северорусских городов. Поэтому термины «Поморье» («Поморские города») и Северорусские земли можно употреблять как синонимичные.

Могучие реки Онега, Северная Двина и Печора прорезали русский Север, соединяя его с Белым морем и Ледовитым океаном. При некотором разнообразии природных условий отдельных частей русского Поморья общими для него были две характерные черты — равнинность и подавляющее господство лесов и болот.

Север России в XVI столетии

Отдельные селения тонули среди них. Были и такие населенные пункты, которые надолго оставались без всякой связи с остальным миром. Церковь Троицы в Заостровской волости за Двиной находилась верстах в 5 от села. Весной вода в реке поднималась и стояла по десяти, а осенью по пяти-шести недель. В эту пору селения оставались совершенно изолированными и лишенными церковных треб, потому что к ним не могли добраться попы.

Наиболее населенным был район Поморья, через который проходила важнейшая водная магистраль Сухоны и Северной Двины, соединявшая центр государства с Белым морем. Если к этому наиболее оживленному и наиболее населенному району прибавить еще области по реке Ваге и по низовьям Вычегды, то мы будем иметь перед своими глазами обширный край, охватывающий значительную часть русского Севера.

К этому центральному району Поморья примыкали с запада земли, расположенные по реке Онеге и по западным берегам Белого моря и известные под названием Заонежья. К востоку от Двины располагались обширный Печорский край и Пермская земля.

Бассейны Сухоны, Северной Двины и ее левого притока реки Ваги были наиболее богатыми и обжитыми на всем русском Севере. Этот район можно по справедливости называть Двинской землей. Однако и здесь поселения пруживались вдоль рек. На карте, составленной М. М. Богословским, северные городки и поселения тянутся в виде ленточек вдоль больших рек. В стороне от рек находилось мало поселений, да и они представляли собой разбросанные отдельные деревушки. Пространства между речными долинами покрывали вековые хвойные леса и болота.

Обширный Двинский край даже с прилегавшим к нему и более населенным Белозерским уездом отличался небольшим количеством городов. Например, на Ваге городов не было вовсе, здесь существовали только посады и погосты. Самым крупным из них был Верховажский погост, где в XVII в. стоял даже гостинный двор. Вельск и Шенкурск состояли только из посадов с малочисленным населением.

Большие города Белозерск, Вологда, Устюг, Холмогоры, Архангельск обязаны были своим развитием торговле. Рост Архангельска, например, обессилил старые Холмогоры, а на громадном протяжении всей Сухоны стояли только два больших города: Вологда и Устюг. Даже соляные варницы не обеспечили процветание Тотье, хотя она и стояла на судоходной реке.

Селения в Двинской земле обычно отличались небольшими размерами. Деревня часто состояла лишь из одного двора. Даже сельцо редко насчитывало больше десятка дворов.

ВОДНЫЙ ПУТЬ ПО СУХОНЕ И СЕВЕРНОЙ ДВИНЕ

Сухона и Северная Двина были самым оживленным торговым путем в Поморье. Этот путь описан английским путешественником Дженкинсоном. Он отплыл 1 августа из бухты св. Николая в устье Двины и прибыл в Холмогоры 3 августа. В дальнейший путь англичане двинулись 15 августа, в тот же день миновали устье реки Пинеги, а 19-го доехали до Емца. Англичане отметили, что «вдоль

всего этого пути русские выделывают много дегтя, смолы и золы из осины». Выехав из Емца (неизвестно когда), Дженкинсон приехал в Устюг 31 августа, проехал Тотьму и добрался до Вологды 20 сентября. Таким образом, все путешествие Дженкинсона вверх по Двине и Сухоне продолжалось 50 дней с перерывами.

По словам путешественников, по этим рекам плавали «насады» — очень длинные и широкие плоскодонные суда, сверху крытые, грузоподъемностью в 200 тонн, а также дощаники. Суда плавали по Двине при попутном ветре под парусами. «В противном случае из многочисленных имеющихся на насадах людей иные тянут их, обвязав вокруг шеи длинные тонкие веревки, прикрепленные к насаду, иные же отталкиваются длинными шестами. На Двине очень много таких судов; по большей части они принадлежат вологжанам, ибо в этом городе живет много купцов, пользующихся вышеупомянутыми судами для доставки в Вологду соли с морского берега»¹.

Установить по описанию Дженкинсона продолжительность пути от устья Двины (бухты св. Николая) до Вологды и Ярославля трудно, но имеется точный расчет пути другого английского путешественника. По этому расчету от бухты Николая до Вологды водным путем насчитывалось 1100 верст, их можно было пройти летом в течение 14 суток, зимой санным путем в 8 суток. «Летом сухопутная дорога опасна, вследствие болот и топей». От Вологды до Ярославля считалось 180 верст, что одолевалось в два дня². В конце XVI в. пристань английских купцов находилась в Корельском устье, следовательно, у того же Николы Корельского монастыря, о котором пишут английские путешественники; здесь помещался и английский двор³.

Непосредственным продолжением водного пути по Сухоне служил волок, выведивший к Шексне. По его сторонам в относительной близости друг от друга находились два значительных города: Белоозеро (Белозерск) и Вологда.

МОРСКИЕ И СОЛЯНЫЕ ПРОМЫСЛЫ НА СЕВЕРЕ

Белое море и прилегающее к нему Баренцево море славились своими рыбными угодьями и морскими промыслами. В торговых книгах конца XVI в. записаны цены русских товаров («как немцам продавать»). Книги отмечают морское сало, в том числе кито-

¹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в., стр. 75.

² Там же, стр. 237.

³ Сборник Русского исторического общества, т. 38, стр. 94. Другое корабельное пристанище, куда приставали суда антверпенских купцов, было у Пудожемского устья.

вое, как особенно ходовой товар. «Любят немцы ворванное белое сало», отмечается в книге.

Кроме сала большой спрос имела соленая рыба. Семгу возили в Брабант, во Францию. В Испанию эту рыбу не возили «из-за тепла»⁴.

Морские промыслы сдавались в оброк, иногда с условием «рыба ловити и нерпу бити», как дана была оброчная грамота одному промышленнику в Турчасовском стане⁵.

По берегам Белого моря находились местечки, известные своими соляными и рыбными промыслами. Наиболее значительными из них были Уна и Ненокса на берегу Двинской губы. Кажется, именно берега Двинской и Онежской губы прозывались в XVI в. «торговыми берегами»; туда отправлялись, например, из Валаамского монастыря на Ладожском озере, «где монастырская лодья с солью пристанет»⁶. В Неноксе соль добывалась «на великих местех» в колодцах с росолом. Тут в конце XVI в. находились соляные промыслы Троице-Сергиева и Соловецкого монастырей, а также купца Федора Кобелева. Их суда (насады и дощаники) нагружались солью «своеварною»; соль везли в Вологду. У «Ненокского усолья», при устье Двины, находилось «корабельное пристапище», о котором в начале XVII в., впрочем, говорилось уже в прошедшем времени. Севернее размещались Золотица и Пушлахта, известные своими варницами и рыбными тонями⁷.

Торговлей солью занимался расположенный здесь Никольский Корельский монастырь. О его деятельности сохранились сведения в приходо-расходных книгах⁸.

В приходной книге Ненокского усолья 1602 (7110) г., к которой приложена книга «солеварного розходу», читаем: «Ноября в 14 день сварил в Ертаки на Смердях местех 6 супребов валового и выливки, рубль 9 алтын 4 деньги».

В книге «Унского» промысла 1602 (7110) г. (промысел назван на обложке Устьсысольским) находим сведения о расходах на ремесленные работы на соляных промыслах: «цереп розшивал кузнец Василей Урюшин на двое, дал от рощивки 8 алтын. Человик пособлял тово же церена рощивать, дал 4 деньги».

В книгах отчетных вологодских приказчиков с 1603 по 1611 г. («со 111-го да по 119») читаем: «Лета 7111 [1603]-го году марта в 12 день по благословению отца нашего бывшего игумена Варлама... послали меня старца Варсонофья на службу на Вологду на дощанике с солью, а в нем соли колмогорским весом восемь

⁴ Торговые книги. Временник Московского общества истории и древностей Российских, кн. 8. М., 1850.

⁵ П. А. Садилов. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 431.

⁶ ААЭ, т. I, № 299, стр. 363—366.

⁷ АЮ, № 90, стр. 130; № 25, стр. 62 и сл.

⁸ Выписи из книг были сделаны во время пребывания автора книги в Архангельске. Книги тогда хранились в Архангельском областном архиве.

тысяч тридцать три пуда 3 чети, а рогож всех в дощанике с солью двести шестьдесят две рогожи да четыре куля. И пришед на Вологду после Петрова дни верховных апостол Петра и Павла неделю спустя, и учал продавать июля в 11 день соль из дощаника». Всего Варсонофий «продал соли тридцать пять мехов». Значит, поездка до Вологды заняла 3¹/₂ месяца, с 12 марта по 5 июля (неделю спустя после 29 июня — праздника Петра и Павла).

В книгах 1606—1607 гг. («7114 году и 7115-го») вологодского приказчика старца Гурья читаем: «Положил в дощаник соли казначей старец Пимин на Колмогорах двести шестнадцать мехов, а в них соли весом семь тысяч шестьсот тридцать девять пуд, да на ежу⁹ и на розходы в кулах 26 пуд. А на торгу соль была на Колмогорах по 6 денег без пирогов».

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Реки в Поморье служили единственным удобным путем сообщения, но их значение заключалось не только в этом. Современная почвенная карта позволяет заметить, что у берегов Двины и других северных рек расположены наносные аллювиальные почвы. Здесь расстилались обширные луга, дававшие корм для скота. И в наше время бассейн Сухоны и Двины известен как район, в котором особенно развито молочное скотоводство. Сочные заливные луга и в прошлом здесь считались большим богатством; поэтому так многочисленны судные дела о незаконном завладении «пожнями», сохранившиеся в числе древних северорусских актов.

Земледелие на русском Севере имело далеко не первостепенное значение. Наиболее развито оно было в бассейне Сухоны и Белого озера. Но и здесь отдельные участки земли, годные для пашни, были разбросаны среди обширных лесов в виде своеобразных оазисов, глухие хвойные леса были и тут преобладающим ландшафтом. Даже поблизости от Вологды «растяше лес велий и чаща», хотя в ее районе имелись полосы относительно плодородной земли, на которой в хорошие годы можно было получить обильную жатву. На Двине и на Ваге также было развито пашенное земледелие, существовало даже трехполье. Впрочем, трехполье не было характерным для Двинской земли. Здесь преобладала пашня «наездом» и подсечная система земледелия. Для подсечи в подходящем месте вырубали лес и выкорчевывали пни. Остатки деревьев и пни выжигались. Такой участок земли («сеча»), насыщенный золой, в течение трех-четырех лет давал довольно обильный урожай, после чего земля забрасывалась.

Главными хлебами в Двинской земле были рожь, овес и ячмень. Рожь на севере ценилась высоко. Поэтому книги Антониева

⁹ На еду.

Сийского монастыря отмечают вклады, сделанные в монастырь рожью или овсом, и переводят их на деньги; например, «дал вкладом Герасим Евдомской ржи 120 мер, в то время рожь купили по 4 алтына мера», и т. д.

«Орамые земли», пахотные участки, отмечаются в документах даже для самых отдаленных районов Поморья, вплоть до Холмогор. Они нередко служили предметом спора.

В Белозерском крае земледелие имело большее значение.

О крестьянах одного из Белозерских сел (Ярогомжи) в сотной выписи 1564 г. так сказано: «а промыслу у себя крестьяне, опричь пашни, не сказали некоторого». Черносошные крестьяне этого села платили в казну 89 четвертей ржи в посопный хлеб, 149 четвертей овса, не считая денег.

О ценах на хлеб в Двинской земле дает представление явочная челобитная Николаевского Прилуцкого монастыря в Устюжском уезде (Ярокурского стана на Двине). Жалуясь на нападение многих людей из Устюжского уезда, игумен монастыря пишет, что у него разломали амбар с рожью, «а в те поры, государь, у нас сего лета купили по 10 алтын четверть... а ячмень, государь, у нас сего лета купили по осьми алтын четверть... а овес, государь, купили в ту пору сего лета по шти алтын четверть»¹⁰.

У берегов Белого моря были районы с полным отсутствием земледельческого хозяйства. Н. А. Рожков, пользуясь своим ошибочным методом принимать без особой критики данные писцовых книг и сотных, сделал неправильное заключение о том, что, например, в Каргопольском уезде «полевая культура стояла на относительно высоком уровне развития»¹¹. Однако Н. А. Рожков забыл о том, что писцовые книги дают только выборочный материал. Даже в середине XIX в. в Каргопольском уезде, считавшемся лучшим по земледелию в Олонецкой губернии, только 40% всей площади были заняты под пашней.

В документах часто упоминаются «орамые земли», распаханые под пашню, обычно вместе с пожнями, с «притеребы» и рыбными ловлями. Описания межей отдельных владельческих участков дают картину небольшой территории распаханых земель. В сущности это крестьянские усадебные участки. Например, Ивал Федосеев продал половину своей «вотчины» за 30 алтын денег. Купчая не дает возможности установить действительные размеры проданного участка, но в другом случае такие размеры указываются: 30 сажень в длину и 11 сажень в ширину.

Хлеб в Двинской земле поспевал поздно, обычно к празднику воздвижения креста, 14 сентября. До этого времени крестьяне обязывались не разгораживать огороды. Стоимость хлеба была

¹⁰ Летопись занятий Археографической комиссии за 1864 г., вып. 3. СПб., 1865. Вологодские акты (1597 г., явочная челобитная), стр. 5—8.

¹¹ Н. Рожков. Указ. соч., стр. 84—85.

высокой, причем, различались его сорта: «жито островское доброе» и пр. В актах XVI в. жито упоминается вместо денег для уплаты по кабальным долгам и по духовным завещаниям¹².

Для обработки земли необходимо было затратить немало труда: «сеяти и орати, и сено косити, и гной на землю возити, и пары ларити». В других случаях слово «гной» уже заменяется словом «навоз».

КРАЙ ЧЕРНОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

В Поморье, в особенности на дальнем севере, господствовало черное крестьянское землевладение. Поморье представляло особый край, край черных крестьянских волостей, не похожий на тот, который простирался к югу от Волги. Там, в «низовских землях» встречалось большое количество боярских латифундий, там развивалось служилое землевладение, там рано появилась барщина и утвердилось крепостное право. Наоборот, Поморье — край дворцовых и черных волостей. Здесь крестьяне землю пахали «по государеву жалованью великого князя да по разъещикову отводу»¹³.

Крестьяне заключали между собой условия на совместную уборку сена, на раздел участков земли («жеребьев») и пр. Этот крестьянский быт ярко показан в трудах А. Я. Ефименко и Н. И. Павлова-Сильванского.

М. М. Богословский дал интересную картину земского самоуправления в Поморье с его выборными властями. Он же привел образцы различного рода документов, относящихся к земским порядкам на севере. Но его сведения в основном относятся к XVII в. Однако нет никакого сомнения в том, что и в более раннее время, в частности в XVI столетии, земское самоуправление на севере имело большое значение.

В провинциальных изданиях помещались сведения о старинных крестьянских документах, хранившихся в крестьянских семьях с XVI в. «У крестьянина деревни Зыряновой, — читаем сообщение в одном из таких изданий, — есть несколько фамильных документов, написанных на свитках, как то: данных, деловых, закладных, купчих и прочих XVI в. В числе этих старинных актов имеется деловая 1579 г.; начинается она так: „Се яз Андрей да яз Сидор Иевлевы дети Иертиговы да яз Тимофей Иртегов сын да яз Филип Левонтъев Зырянов, поделили есьма меж собою полюбовно животы свои Левонтъевы Стачки Савельева сына Зырянова по духовной и по купчим“»¹⁴. Далее следуют условия раздела. Та-

¹² Акты Холмогорской и Устюжской епархии, кн. 2. РИБ, т. XIV, стр. 61, 65, 77.

¹³ РИБ, т. XXII, стр. 116.

¹⁴ «Пермские губернские ведомости», 1856, № 6.

ким образом документ крестьянского раздела удержался в крестьянском роде Иртеговых почти три столетия.

В 1568 г. вологжанин Митька Васильев сын Коваль из Кобылкина монастыря от Дмитрия святого написал такую явку земским судьям: «Деелось, государи, по велице дни на святой недели во вторник в том, что тот, государи, у меня Иван Мамин поколол сынишка моего Тренку на площади у судебна. А вины государи сынишка мой над собою не ведает некоторые, про что его поколол. А ныне, государи, сынишко мой лежит в конце живота. А в долгу в его и в душегубье, чтобы я в конец не загибл и вам бы та, государи, моя явка была в ведоме»¹⁵.

Крестьяне черных волостей получали особые жалованные грамоты, устанавливавшие у них выборные должности для суда и расправы. Уставная грамота некоторых волостей Двинского уезда, данная в 1552 г. царем Иваном Васильевичем, представляет собой своего рода судебник. Грамоте предшествует оглавление из 32 статей с указанием, какие именно дела отмечаются в грамоте. Царь жалует крестьян выборным судом, уничтожая должности волостеля и тиуна. За различного рода пошрины, которые крестьяне платили раньше, устанавливается оброк в 100 рублей, который надо было платить один раз в год перед великим постом на маслянице. Во главе самоуправления должны стоять «излюбленные головы», которых выберут сами волостные крестьяне¹⁶.

Конечно, крестьянское самоуправление в Поморье нельзя представлять в идиллических красках. Царские власти порой беззастенчиво грабили крестьянские миры. Поморские крестьяне надолго запомнили «Басаргин правеж» (1569 г.), для которого был послан опричник Басарга Леонтьев. Басарга производил насильственное взыскание денег с богатых северных крестьян, занимавшихся рыбной ловлей и морскими промыслами. П. А. Садиков почему-то называет этот правеж карательной экспедицией, хотя такое название не соответствует характеру правежа, имевшего в первую очередь фискальные цели — собрать деньги с крестьян богатых областей, что сопровождалось, как обычно в опричное время, издевательствами и грабежом.

Но и в более спокойное время общение крестьянских миров, да и не только крестьянских миров, с царскими сборщиками податей обходилось очень дорого. В приходо-расходных книгах Никольского Карельского монастыря, правда, уже начала XVII столетия читаем такую запись: 9 апреля «дано государевы десятины с пятины князю Ивану Ондреевичю Львову 2 рубля 2 алтына. Тому же князю Ивану Ондреевичю дано с колмогорской выставочной соли, что выставлена была в анбар во 122 году соли 3857 пуд, и с той соли дано десятины 2 рубля 26 алтын 4 деньги. С тех же

¹⁵ «Вологодские губернские ведомости», 1840, № 24. Современный список без скрепы, писан скорописью на лоскутке бумаги длиной 3 $\frac{1}{2}$ вершка

¹⁶ Исторический архив, т. VIII. М., 1953, стр. 9—20.

с обеих денег отвозу 6 алтын 5 деньги. На те же два двора дано челобитья дву десятиничным бояром 20 алтын. На те же дворы дано дворяном 3 алтына 4 деньги. С Колмогорского з Глиненово двора дано десятиником в поворотье 7 алтын. Дано заказному целовальнику Леонтью Мамонову с монастырские вотчины в тысячные деньги за нынешной и за 124 год 18 рублей 3 алтына 3 деньги».

Вторжение крупного феодального землевладения на север произошло в самом конце XVI в., при Борисе Годунове. Впрочем, оно началось несколько раньше, уже в царствование Федора Ивановича, когда Годунов был всевластным правителем государства. В руки царских родственников перешли целые волости, населенные черными крестьянами.

Земли по реке Вате отданы были Борису Федоровичу Годунову, Тотьма и Устьянские волости — Дмитрию Ивановичу Годунову. В руках Годуновых таким образом оказалась обширная земельная округа. Позже, после свержения династии Годуновых, волость Чаронда принадлежала Шуйским¹⁷. Переход под власть новых феодалов ухудшал положение крестьян, так как черносошные крестьяне пользовались большими льготами. Так, крестьяне села Богоявленского после возвращения в дворцовое ведомство стали платить только денежный оброк.

В Белозерском крае боярское землевладение получило значительно большее развитие, чем в Двинской земле.

Сохранились описания владений, принадлежавших тут крупному боярину. В селе Покровском, которым владел князь Нащекин, стоял княж двор, церковь и при ней попов двор, да 4 двора «людей его», т. е. князя¹⁸.

Вотчина Ивана Петровича Федорова, одного из знатнейших московских бояр, состояла из села с 38 деревнями и 9 починками, в которых находилось 144 двора. В его селе Воскресенском стояли две деревянные церкви. Боярский двор окружал острый тын с воротами. На дворе стояла горница, изба воротная, конюшни, сеники, погреб с сушилом, поварня, мыльня, омшаник. В селе насчитывалось 12 крестьянских дворов. Крестьяне платили вотчиннику «по пяти белок с выти», да хлебного оброку «с выти по четверти ржи да по две чети овса», не считая денежных взносов. Кроме того, они выполняли барщину; сеяли на боярина во всех трех полях 6 четей ржи и «косили сена в трех местех». Тому же боярину Федорову принадлежало село Богоявленское на Ерге в Надпорожском стане, позже отписанное на государя. К селу тяну-

¹⁷ РИБ, т. II, № 187, стр. 800. По сказанию о приходе ратных людей на Устюжну Железопольскую, кн. Василий Шуйский дал 100 человек ратников «из своей державы, из Каргопольских пределов, из Чаранские округи».

¹⁸ С. Шумаков. Обзор грамот коллегии экономии, вып. 2. Сотная 1543—1544 гг. «Чтения ОИДР», 1900, кн. 3, стр. 117 и сл.

ли 21 деревня и починок с 65 крестьянскими и 4 бобыльскими дворами¹⁹.

На русском севере всюду было развито половничество — одна из форм феодальной крестьянской зависимости, которая подходила к условиям сельского хозяйства на севере. Даже в районе Вологды, где условия для земледелия были относительно благоприятны, существовало много деревень с беспашенными дворами: «починки, саядтца ново, пашни нет»²⁰.

МОНАСТЫРСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЛЕГЕНДА О МОНАСТЫРСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Рядом с боярским землевладением на севере утвердилось монастырское землевладение, главным образом в Вологодском и в Белозерском уездах. Нигде на русском севере монастыри не получили такого распространения, как здесь. Они насчитывались тут десятками, иногда тесно группируясь вокруг какого-либо общего центра. Например, в непосредственной близости к Кириллову Белозерскому монастырю располагались такие большие монастыри, как Ферапонтов и Горицкий Девичий.

Сохранилось большое количество житий святых, рассказывающих об условиях, при которых создавались монастырские вотчины. Обычно какой-нибудь отшельник строил свою первую хижину в живописной местности, на берегу озера или реки. К нему со всех сторон сходились монахи; возникала монашеская община. Как только монастырь устраивался, игумен и «старцы» совершали путешествие в Москву или письменно обращались к государю с просьбой пожаловать им окрестные, по их словам, пустые земли. Получив жалованную грамоту, новый монастырь делался земельным вотчинником.

Захват «леших» (лесных) земель не встречал обычно препятствий со стороны правительства и соседних жителей, но для монастыря этого было мало: он стремился подчинить себе окрестных крестьян. Поводом нередко являлось построение каменного собора, требовавшее большого количества рабочих рук²¹.

¹⁹ Там же, стр. 127—136 (сотня 1568 г.); см. также, стр. 154—163.

²⁰ С. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи. «Чтения ОИДР», 1902, кн. 2, стр. 72—73.

²¹ О построении собора в Свирском монастыре рассказывается так: Александр Свирский захотел построить каменную церковь, и «прииде на некое место и сотворив молитву и нача землю рыти, и по мале ископани обрете глину доволну близ монастыря... и наделаши кирпичи доволно, такожде и запас приготоуиша и известь и камени дичия много множество...» Игумен просил Василия III о присылке мастеров. Великий князь послал «каменщики, к сему же и дозирателя к делу тоя царкви дарует... И келии убо четверообразно устроити повеле, посреде же церковь болшу воздвиже. отовсюду видима, яко зеркало» (ГИМ, Чудов. собр., № 317, Четья-Миня за август (30 августа), л. 608, и сл.).

В нашей историографии сложилась легенда о монастырской колонизации, которая, якобы, помогла заселению северных областей. Эта легенда особенно популяризировалась в трудах покойного М. К. Любавского. К ней он возвращается и в своей книге, посвященной образованию территории Великолукского государства.

В рассуждениях Любавского северный край представляется как бы незаселенным. Среди топей и лесов будто бы появляются отшельники, которые привлекают к себе сначала монахов, а потом крестьян. Примерно такую же картину дает и М. М. Богословский в «Очерках земского самоуправления», вступая в противоречие с самим собою. Богословский приводит характеристику монастырей как колонизационных центров, а затем тут же указывает, что стремление к отшельничеству прекрасно уживалось с мирскими заботами о монастырских кельях, о монастырском хозяйстве и т. д.

В действительности дело обстояло совсем по-иному. Немалое количество сведений, записанных в житиях святых, позволяет говорить о том, что большинство монастырей возникло в обжитых местностях. Вот почему так часто встречаются указания на ссоры монахов с окрестными крестьянами и помещиками. И крестьяне и помещики одинаково смотрели на возникавший монастырь, как на бедствие, от которого надо избавиться с самого начала, прекрасно зная, что дальше впоследствии обращение монастырских старцев к царскому двору с просьбой о пожаловании земель, окружающих монастырь. Жития святых ярко рисуют этот способ обогащения монастырей и прибирания ими к рукам земельных массивов, окружавших обитель.

Были случаи, когда даже Иван Грозный вынужден был одергивать игуменов, приезжавших в Москву с просьбой о помощи. Автор жития Геннадия Костромского, основателя одного из монастырей к северу от Костромы, рассказывает о беседе Геннадия с самодержцем Иваном Васильевичем. Грозный посоветовал игумену жить по расходу, «чтобы у тебя расход сходился с приходом, а не будет сходиться расход с приходом, ино ты скатерть урежь». Эта фраза ярко рисует и самого Грозного с его ядовитым юмором.

Каким образом производились земельные захваты, можно судить по житию Симона Нового, которого агиограф называет «священномучеником» за его страдальческую смерть. Правда, деятельность Симона, основателя Воломского монастыря, относится к первой половине XVII столетия, но она прекрасно характеризует так называемую монастырскую колонизацию и более раннего времени. В. О. Ключевский отмечает, что житие Симона «принадлежит к числу важнейших источников по истории монастырской колонизации в XVII в.»²².

²² В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых, как исторический источник. М., 1871. стр. 344—345.

В житии читаем следующее описание деятельности Симона: «Сей убо преподобный отец наш священномученик Симон родился в лето 7094 [1583]-го году сентеврия в 3 день на память святого преподобного отца нашего Евмения епископа Гортунскаго, в царство благовернаго царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа Росии, в первое лето царства его. Рождение его града Волока Ламскаго в монастырской отчине пречистыя богородицы честнаго и славнаго ея Уснения, еже именуется Иосифов, от отца именем Михаила, матери же именем не обретохом».

Во время смуты все родственники Симона разошлись, «отрок же Симон, видя себе свободна, и отъиде к царствующему граду Москве и тамо владыке себе некоему ризушпецу да его научит»; затем он пришел в Устюг, где «овогда портице пивьяше», оттуда ушел в Соловецкий монастырь. Затем Симон постригся в монахи на реке Пинеге от игумена Макария.

«И прииде паки к царствующему граду Москве и оттуду умысли ити во страну Студеного моря, и прииде ко граду Вологде и хоуждаше по всем святым местом. И с Вологды поплыве рекою Сухоною вниз на Устюг Великий, и обрете некоего человека поселения именем Антония по реклу Безсона от веси устюжеские. Пловущим же им, начат преподобный Симон вопрошавати Антония о таково месте, где бы ему уединитися от человек. Антоний же поведа ему место зовомое Волмы на речке Кичменге, отстояние имел от реки Сухоны и от веси Стреленския поприщ 20 и множая, а другую страну отстояния имать вниз по речке Кичменге 25 поприщ до веси Сароевския. Окрест же прилежаще места того леса пустыя, блата и мхи и леса черныя и чащи непроходимыя».

Симон поселился на Волме, а потом пошел в Москву. «Пришед от царствующаго града Москвы с таковою жаловалною грамотою, и паки нача призывати многия к себе земледелцы на распространение места и на большыя труды себе владыке, неленостно пача лесы посекаати и место очищати». В 1620 г. Симон сделался игуменом и действовал так, что дьявол «вложиша паки ин злый помысл окрест ту живущим земледелцем, да убьют преподобнаго и удержати имут место то в наследие».

Крестьяне схватили Симона «и много мучиша различно, раны многи наложиша ему и огнем жгоша, да отдасть им царскую жаловалную грамоту». Симона убили в 1641 г.²³

Монастырское землевладение всюду вступало в конфликт с черносотнным крестьянством, как это можно видеть на примере Антониева Сийского монастыря, основанного в 1520 г. Монастырь стоял на Михайлове острове на реке Сии. В конце XVI в. общее количество монахов достигало почти 100 человек. Монастырь с поразительной жадностью захватывал окрестные земли. По одной

---

²³ Рукопись Каргопольского музея, в 8°, на 96 л., полууставом XVIII в. «Чудеса» Симона кончаются 1712 г.

только жалованной грамоте он получил во владение все окрестные земли на 3—5 верст вокруг. Позже эти владения были расширены, и все угодья на 50 верст в сторону Каргополя сделались монастырскими²⁴.

Порядные крестьян Антониева монастыря рисуют перед нами беззащитное использование монастырскими властями крестьянского труда. Крестьянская семья Осрутиных «порядилась» на три деревни и другие угодья, где «живали дядя наши и чим владели Лука и Зиновий и мы», на десять лет (с 1590 по 1600 г.). Крестьяне обзывались засевать землю своими семенами, пахать и косить на себя сено, а в монастырь платить из года в год 8 рублей оброка. Некоторые порядные заключают подробные условия, как жить и работать на монастырской земле, с обязательствами ставить новые изгороди и пашню «не запустоштити»²⁵.

Крупнейшими монастырями Поморья, обладавшими громадными земельными имуществами, были Соловецкий и Кириллов Белозерский.

История монастырского землевладения в Белозерском крае с большой полнотой показана в монографии А. И. Копанева²⁶. Землевладение тут развивалось на основе княжеских и боярских вотчин и путем захвата земель черносошного крестьянства.

Еще более бесцеремонно обращался с черными крестьянскими землями Соловецкий монастырь, так как его деятельность развивалась далеко на севере, в краю сплошного черносошного крестьянства.

Пресловутая монастырская колонизация в конечном счете была не колонизацией, а беззащитным захватом крестьянских земель. Разрушая крестьянские общины, она несла за собой крепостное право.

БЕЛОЗЕРСКИЙ КРАЙ И ГОРОД БЕЛООЗЕРО

Белозерский край по своим историческим судьбам был теснее связан не с Двинской землей, а с московским центром. С конца XIV в. Белоозеро с окрестными местами делается уделом Андрея Дмитриевича — одного из сыновей Дмитрия Донского. Это было подготовлено тем, что московские князья утвердились на Белоозере еще при Иване Калите. Белозерский удел оставался в руках

²⁴ Макарий. Исторические сведения об Антониевом Сийском монастыре. «Чтения ОИДР», 1878, кн. 3.

²⁵ Г. Н. Образцов. Оброчные и порядные записи Антониеву Сийскому монастырю XVI—XVII вв. Исторический архив, 1953, т. VIII, стр. 106—109. В порядных говорится об обязанности крестьян давать деньги на строительство каменного собора, законченного постройкой в 1606 г.

²⁶ А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951.

Андрея Дмитриевича и его сына Михаила Андреевича почти 100 лет, вернувшись после смерти последнего (1486 г.) обратно к великому князю. Остатки землевладения прежних белозерских князей, впрочем, сохранились в виде их вотчин.

Когда-то Белозерский край, населенный народом весь, отличался большими пушными богатствами. Но это было в давнее время. В XVI в. Белозерская округа уже не славилась обилием пушного зверя, который к этому времени ушел далеко на восток, в темные сибирские леса.

Белоозеро было тем пунктом, от которого начиналась водная дорога от северных городов на юг, к Твери и Дмитрову, и при посредстве Дмитрова — в Москву. Монастыри, окружавшие Белое озеро, в первой половине XVI в. вели большую торговлю солью, посылали речные суда на юг по Шексне и дальше по Волге.

Главными белозерскими товарами были соль и рыба. Соль продавали мехами, рогозинами и пошевами. Немалое участие в соляной торговле принимали большие монастыри: Кириллов и Ферапонтов. Рыба продавалась в соленом и сухом виде, особенно был известен белозерский «вандыш» (сняток). В Белоозере как начальном пункте большого водного пути можно было купить речное судно, с которого брали пошлину, «как у них емлют с иного товара».

Центр края — **Белоозеро** (Белозерск) не принадлежал в XVI в. к числу крупных русских городов. Отпускная торговля Белоозера была уже незначительной. Таможенная грамота 1551 г. рисует Белоозеро, как центр ближайшей округи, куда съезжаются для торговли рыбой, мясом и овощами. В городе существовали два гостиных двора. Привозными товарами были сукна (ипские, лунские, новогонские, трегупские). В Белоозеро, по словам таможенной грамоты, приезжали кушцы «из Тверские земли, из Новгородские земли и из Московские земли»²⁷.

Нам неизвестна точная цифра тяглых дворов на белозерском посаде, но когда после разорения начала XVII в. был произведен дозор, ставивший себе целью выяснить, сколько дворов на Белоозере осталось в живущих, то обнаружилось, что в городе насчитывалось 50 дворовых мест, запустевших до литовского разорения. По-видимому, запустение Белоозера началось задолго до начала XVII в. Оно объясняется тем, что торговля переместилась в Вологду, сделавшуюся одним из самых крупных городских центров на севере. Белоозеро стало центром ближайшей округи. В ее пределах позволялось, кроме самого Белоозера, торговать только в волости Белозерские Углы.

Крупнейшим землевладельцем был Кириллов монастырь, называемый обычно Белозерским, хотя он и стоит довольно далеко от Белого озера. Монастырь был хорошо укреплен и обстроен ка-

²⁷ ААЭ, т. I, № 230, стр. 222—226.

менными зданиями, сохранившимися до нашего времени. К нему примыкала слободка — позднейший город Кириллов, — населенная ремесленниками. О Кириллове монастыре имеем специальные монографии Н. К. Никольского и А. И. Копанева. В последней работе указана и библиография по истории названного монастыря²⁸.

В непосредственном соседстве с Кирилловым монастырем существовали и другие монастыри. Наиболее знаменитым среди них был Ферапонтов с его собором, расписанным прославленным художником Дионисием. Поездка на богомолье в Кириллов монастырь была излюбленной прогулкой царей в XVI столетии.

Участки суши, «волоки», отделяли Белое озеро от бассейнов мощных северных рек Онеги и Сухоны. Такой волок находился между Белым озером и озером Воже, откуда брала начало река Свидь, впадающая в Лаче озеро. В районе озера Воже находилась Чарондская волость, центром которой было рыбацье селение Чаронда на берегу озера Воже. После перехода волости во владение Дмитрия Ивановича Годунова (1592 г.) в Чаронде был учрежден торг и поставлен Гостиный двор, состоявший из 20 амбаров и 10 лавок. Но дальнейшего развития чарондский торг не получил, хотя на него первоначально съезжались торговать «по вся дни».

Еще большее значение имел волок, связывавший Белое озеро с Сухоней. Здесь находился Словенский Волочек. Эта волость насчитывала 5 погостов, 85 деревень с 266 дворами. Описание 1577 г. застаёт эту волость уже опустошенной после морового поветрия; одги из крестьян умерли, другие ушли от голода. На территории Словенского Волочка жили не только пашенные крестьяне, но и ремесленники. Попытка Кириллова Белозерского монастыря, во владение которого перешла волость, устроить в Словенском Волочке большой торг кончилась неудачей, так как правительство отняло у монастыря право собирать в Волочке таможенные доходы²⁹, сорвав таким образом монастырскую затею устроить на своей земле большую ярмарку.

ВОЛОГДА И ЕЕ ОКРУГА

Начальным пунктом большого водного пути по Сухоне и Северной Двине, который выводил к Белому морю, была Вологда, стоявшая на реке Вологде — судоходном притоке Сухоны.

Англичане появились в Вологде вскоре после того, как установился морской путь в Россию из Англии: в 1555 г. «были на Вологде английские купцы на судах». С этого времени Вологда ста-

²⁸ А. И. Копанев. Указ. соч.

²⁹ С. В. Бахрушин. Указ. соч., т. 1, стр. 126—127

новится одним из крупнейших центров торговли России с Западной Европой.

При Иване Грозном начинается строительство в Вологде каменного кремля, рвы для которого были вырыты в 1565 г. Закладка каменных стен произошла в 1567 г. Однако кремль не был достроен; в 1627 г. от него оставалось лишь 329 сажен каменных стен, да большое количество заготовленного камня и извести. Стены строили из известкового камня, который возили от «известной горы» (известковой горы), расположенной к югу от Соборной горы в Вологде. В 1568 г. в Вологде был построен большой каменный собор, сохранившийся до нашего времени.

По писцовым книгам 1627 г., Вологда еще была обнесена частично каменной, частично деревянной стеной общей длиной в 1457 сажен. Над стеной возвышалось 11 каменных башен. В кремле находилось 15 церквей, воеводский и архиерейский дворы, Софийский собор, каменная палата с погребом для хранения пушечных запасов. Как и в Новгороде, архиерейский дом в Вологде, куда был перенесен центр Пермской епархии, назывался Софийским.

К кремлю примыкали два посада — верхний и нижний. В начале XVII в. в Вологде насчитывался 591 посадский двор, несмотря на недавнее разорение³⁰. Сколько было дворов в Вологде в XVI в., неизвестно, но, по-видимому, вологодский посад принадлежал к числу крупных русских посадов.

Богатство города держалось на торговле и промыслах, связанных с речным судоходством. Дженкинсон в середине XVI в. характеризует Вологду как большой город, через который протекает река. «Дома построены из еловых бревен, соединяемых вместе и закругленных снаружи; они квадратной формы, без каких-либо железных или каменных частей, крыты берестой и лесом поверх ее. Все их церкви деревянные, по две на каждый приход: одна, которую можно топить зимою, другая — летняя»³¹. Здесь, как и в Холмогорах, находились канатные мастерские, в которых иногда работало до 100 человек. Англичане высоко ценили русские канаты, раза в два выше данцигских, потому что в Данциге в дело пускали старые канаты и гнилой материал³².

В отпускной торговле Вологды немалое значение имел такой товар, как соль. Поэтому крупные монастыри севера и центра России стремились заводить здесь свои монастырские дворы и амбары. Такой двор, например, имел Кириллов Белозерский монастырь. Двор Соловецкого монастыря был настоящим торговым

³⁰ А. Е. Мерцалов. Вологодская старина. Материалы для истории Северной России. СПб., 1889. Очерк города Вологды по писцовой книге 7135 года; Н. В. Фалин. Вологодская крепость в XVII веке. «Север», Вологда, 1924, № 1 (5).

³¹ Английские путешественники в Московском государстве XVI в., стр. 75.

³² Там же, стр. 237—238.

заведением. Монастырские насады, груженные солью, стояли на реке «против своего двора»³³.

На окраине города находился Спасо-Прилуцкий монастырь со своим каменным собором, украшенным росписью.

Любопытное дело о мельнице в Вологде имеется в документе 1613 г. Мельница была поставлена в 1540 г. на реке Вологде (по-видимому, близ Дюдиковой пустыни), «а молоти было им на той мельнице зимою, а летом было не молоть». Спасо-Прилуцкий монастырь выступил с жалобой, что после сооружения мельницы нельзя будет по реке привозить в монастырь какие-нибудь запасы. Игумен Спасо-Прилуцкого монастыря выиграл дело. Московские власти приказали сломать мельницу с тем, чтобы монастырь платил оброк с пристани, куда будут привозить монастырские запасы³⁴.

Блестящая характеристика Вологды как ремесленного и торгового центра сделана С. В. Бахрушиным. Главной специальностью ремесленников Вологды было производство железных гвоздей, а также скоб и других металлических изделий для речных судов. В Вологде также вырабатывались топоры, косы-горбуши и т. д. Некоторые из этих изделий носили названия вологодских³⁵.

Как и в других русских городах XVI столетия, в занятиях ремеслом и торговлей принимали живое участие жители беломестных слободок. Сведения о населении этих слободок в известной мере восполняют наши скудные знания о ремесленных занятиях посадских людей Вологды.

В пригородном селе Коровничи, принадлежавшем Спасо-Прилуцкому монастырю, находились «дворы крестьянские торговых людей и мастеровых». Такие же люди жили в сельце Выпрягове, также расположенном на реке Вологде. Среди крестьян, живших в Коровничах и в Выпрягове, указаны толстовал, кожевник, швец, колпачник. Перед нами очень интересное явление — возникновение в прямой близости от городского посада, в данном случае Вологды, большого поселения с промысловым лицом. «И всего в сельце в Коровниче и в Выпрягове крестьян торговых и мастеровых 139 дворов, а людей 143 человека»³⁶, — делает подсчет сотная, не оставляя никаких сомнений в том, какой характер имели занятия жителей Коровничего и Выпрягова.

В том же Выпрягове жили «слути монастырские и конюхи и мастеровые люди монастырские, иконники и швали, портные

³³ Д о с и ф е й. Географическое, историческое и статистическое описание Ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря, ч. I—III. М., 1836, ч. III, док. № 7.

³⁴ «Вологодские губернские ведомости», 1862, № 48.

³⁵ С. В. Бахрушин. Указ. соч., т. 1, стр. 70—72.

³⁶ С. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи. «Чтения ОИДР», 1902, кн. 2, № 9, стр. 64—67. Выпись 1543—1544 гг.

мастера и сапожники и плотники и кузнецы и кирпичники и всякие мастеровые люди». Всего в этой слободке насчитывался 31 двор. Здесь жили ремесленники, непосредственно работавшие на монастырь: сапожные мастера, кузнецы, кирпичники, швали, красовар, оловячник, овчинник, часовник, иконник и пр. В Выпрягове жили также монастырские половники (4 двора) и «молотчие люди (кормятца о монастыре)»³⁷.

В Вологде сосредоточивалось церковное управление обширными территориями на севере. Вологодская епископия была создана в 1492 г. на основе более ранней Пермской епархии. На первых порах новая епископия называлась Вологодской и Пермской³⁸. Эта епископия была создана Иваном III как явный противовес Новгородской. Епископские люди назывались «софиянами», как и в Новгороде.

Вологодской епископии при Иване Грозном переданы были Двина, Вага и Каргополь. Таким образом, эта епископия, а со времени утверждения патриаршества — архиепископия, распространила свою церковную власть на громадную территорию, впрочем не на долгое время. Борис Годунов, по словам вологодского архиепископа Нектария, «норовяче новгородскому митрополиту», отдал эти земли обратно во владение Новгородской митрополии³⁹.

Вологодскому Софийскому дому принадлежала в городе Никольская слободка, жители которой заявляли о том, что эта слободка была приписана к городу (1613 г.) «для того, что мы живем не на папине, промышляем торжишком». Жители слободки жаловались на то, что они ведут «житьишко» на двое: «словем Софийские и твои государевы, а от посадских служб и от всяких градских налог быть не мощно»⁴⁰.

В этих словах отразилось особое положение «софиян» Вологды, всегда находившихся под защитой мощных князей церкви.

ПОСУХОНЬЕ И ТОТЬМА

Вдоль по Сухоне от Вологды до Тотьмы располагалось значительное количество бывших городков, населенных черными крестьянами. Эти когда-то укрепленные городки, происхождение которых восходит ко временам новгородской самостоятельности, потеряли свое значение после завоевания Казанского ханства. В их числе можно отметить село Шуйское, «что был городок», на правом берегу Сухоны, в 100 км от Вологды; Брусенский городок

³⁷ Там же, стр. 67—70.

³⁸ ПСРЛ, т. XXVI, стр. 287—288.

³⁹ «Пермские епархиальные губернские ведомости», 1869, № 39.

⁴⁰ «Вологодские губернские ведомости», 1861, № 27.

на правом берегу Сухоны, ниже Тотьмы, где прежде был городок Брусенок, или Брусенск; село Городищина в 110 км от Тотьмы и др. В XVII столетии московские приказы даже не могли сказать об этих старых поселениях, «коим обычаем они были построены».

Единственным значительным городом между Вологодой и Устюгом была Тотьма, обязанная своим ростом соляным варницам.

Город стоял как раз в том месте, где Сухона имеет большие мели; по словам англичан, «это место очень опасно для прохода здешних судов и лодок»⁴¹.

Тотьма образовалась как посад около соляных варниц. Уже в грамоте 1539 г. говорится о наместниках тотемских и важных и упоминаются городские люди. Некоторое количество варниц принадлежало Спасо-Прилуцкому монастырю.

В середине XVI в. город Тотьма был перенесен на новое место, к берегу Сухоны. Произошло это во всяком случае до 1554 г., когда Феодосий Тотемский стал строить свой монастырь. «Во времена же переселяхуся людие из старого посада от варниц на брег Сухоны реки, идеже ныне стоит град Тотьмы», — рассказывает Повесть о Феодосии, относя это переселение к тому времени, когда тот заведовал варницами Спасо-Прилуцкого монастыря. Жалованные царские грамоты на построение монастыря даны были тотемичам посадским людям. Одна грамота их называет «Тотемские Соли посажане, староста и целовальники, тритцать человек, во всех тотмиць место посадских людей». Из дальнейшего видно, что «тридцать человек» были целовальниками («да целовальников Неклюдку Юрьева сына с товарищи тритцать человек»)⁴².

Тотьма представляла собой типичный посад с промысловым населением, занимавшимся добычей соли и подсобными промыслами («секут дрова да у Соли продают»). В грамоте 1555 г. находим следующий любопытный расчет добычи соли на одну трубу: из доброго рассола на трубу в год сварят по 5000 пудов соли, из среднего — 4000, из худого — 3000.

Духовная Феодосия Тотемского вводит нас в хозяйственный обиход тотемских соляных промышленников. Игумен ведет значительный торг солью. Он посылает в Вологду два дощаника с солью. В одном было погружено 3080 пудов, в другом — соль с Тотьмы без веса. Кроме того, в монастырских амбарах хранилось 1500 пудов соли и 806 железных «полиц» для цренов-сковород, употреблявшихся для вываривания соли. В тотемских варницах Феодосию принадлежали четыре варницы да несколько труб.

В самой Тотьме существовал укрепленный кремль, а на площади располагались ряды, по крайней мере известно о Большом ря-

⁴¹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке, стр. 75.

⁴² См. грамоту Д. И. Годунова 1593 г. — «соли Тотемской Окологородной волости крестьяном моим». «Чтения ОИДР», 1883, кн. 1, стр. 3—4.

де⁴³. Посадским людям принадлежали и некоторые земельные участки в окрестностях Тотмы. Так, в числе «мужей», которые сидели у духовной Феодосия, назван Иван Игнатьев Киселев, а место, на котором был построен монастырь, раньше находилось «в обдержании» вдовы Марии Истоминой жены Киселева.

В двух верстах от Тотмы стоял Спасо-Сумарин монастырь, основанный названным ранее Феодосием Сумариным. При его основателе строения в монастыре были деревянными (церковь Спаса была шатровой, «в верх»).

ВЕЛИКИЙ УСТЮГ И ЕГО ОКРУГА

Город Устюг представлял собой величайший северный посад; поэтому его и называли «Великим». Это название применялось обычно только к самым значительным городам (Великий Новгород, Ростов Великий и т. д.). Название Устюг представляет сочетание двух слов «усть» и «Юг»; этим обозначается, что город находится при слиянии Юга с Сухоней — Усть(е) Юга.

Устюг возник очень рано и имел большое значение еще до установления беломорского пути, но особое значение он получил с конца XVI в., когда проторился путь в Сибирь. Из Устюга «по зимнему пути» отправляли в Сибирь хлебные запасы, металлы и другие предметы до Верхотурья, а оттуда по реке к Тобольску⁴⁴. Устюг сделался своего рода северной столицей, как город, стоявший на мощных водных путях. В этом легко убедиться, глядя на расположение Устюга. Водные пути соединяли Устюг с Вологдой на западе, с Холмогорами на севере, с Усть-Вымью на востоке.

Некоторые указания на то, что собой представлял Устюжский уезд в конце XVI в., дает Флетчер, который говорит, что Устюг платил подати в размере 30 тыс. рублей, тогда как Москва и Московский уезд платили 40 тыс., Вологда со своим уездом — 12 тыс. рублей. Следовательно, Устюг платил податей лишь немного меньше, чем столица.

По писцовому описанию 1623 г., в Устюге находилась старая «осышь» — городище, большой острог, слободки, окружающие острог, государев гостинный двор, стоявший поблизости от рядов. Город располагался вдоль реки Сухоны. Старая осышь, лежащая на небольшом холмике, вернее, на бугорке, при впадении ручья в Сухону, не имела в XVII в. уже прежнего значения⁴⁵. Центр города

⁴³ «В горнице в Кремле и большом ряде на площади», — говорит Феодосий в своей духовной 19 декабря 1567 г. (П. Савваитов. Описание Тотемского Спасо-Сумарина монастыря. СПб., 1850 г.).

⁴⁴ «Чтения ОИДР», 1915, кн. 2, стр. 39.

⁴⁵ Об Устюге XVII в. имеется монография: А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого. М., 1960.

переместился несколько выше по течению Сухоны. Этот центр вместе с собором, колокольной, церквями и архиерейским домом и теперь красиво вырисовывается, когда подъезжаешь к Устюгу на пароходе. Один из посадов в Устюге назывался «нижним»⁴⁶.

В начале XVII в. в Устюге был большой торг, там считалось 203 лавки и амбара. Среди северных городов он выделялся своей хлебной торговлей. Об этом мы узнаем из жалованной грамоты Соловецкому монастырю, который в XVI в. покупал в Устюге 6 тыс. четвертей ржи.

Еще большее значение Устюг имел для торговли мехами. С. В. Бахрушин справедливо отмечает, что Устюг был основным центром, из которого пушнина доставлялась в Москву. Устюжане считались специалистами по меховым изделиям и иногда даже получали крупные правительственные награды, как это произошло в 1585 г., когда такую награду получили двое устюжан⁴⁷.

К сожалению, история Великого Устюга в XVI столетии изучена очень слабо, так как от этого времени писцовых описаний города не сохранилось. Такие описания известны пока лишь по упоминаниям. Поэтому наши сведения об Устюге XVI в. отличаются неполнотой и в некоторых случаях неясностью. Однако и то, что нам известно, рисует этот город как крупный центр Поморья. Торговое значение Устюга подчеркивается существованием в столице Устюжского двора. Административное значение Устюга объясняет создание особого Устюжского приказа, или Устюжской чети, при Иване Грозном.

Великий Устюг для северных русских областей долгое время имел значение крупнейшего культурного центра, в котором велись свои устюжские записи и был составлен летописный свод.

В городе находился Михаило-Архангельский монастырь — один из древнейших монастырей Поморья.

Сохранились документы, рисующие перед нами усадьбы посадских людей в Устюге XVI в. Например, посадскому человеку Брилину принадлежал двор с хоромами, состоявшими из новой избы на подклети, сенника с перерубом, сенницы на конюшне, сарая и бани. Подобная изба на подклети иногда называлась наземной, как это видно из другого документа, описывающего ту же усадьбу через 25 лет⁴⁸. К городской усадьбе обычно примыкал огород, конопляник и капустник. Огороды составляли важную статью в хозяйстве посадских людей в Устюге, вследствие чего в документах особо указывалось обязательство «огород городити что

⁴⁶ Рукопись библиотеки им. В. И. Ленина в Москве. Собрание Ундольского, № 600. Житие Прокопия Устюжского (в 1°, на 372 лл., второй половины XVII в.). О некоем Григории сказано на л. 282: «живяше он на Нижнем посаде у церкви Симеона Столпника».

⁴⁷ С. В. Бахрушин. Указ. соч., т. 1, стр. 160.

⁴⁸ В. П. Шляпин. Акты Велико-Устюжского Михаило-Архангельского монастыря. Великий Устюг, 1912, № 1, стр. 7; № 2, стр. 9.

против своих полос». К огородам примыкали нивки — «орамые земли», обычно засеянные рожью⁴⁹.

Устюг был центром черносошных волостей. В деревнях, прилегающих к Устюгу, угодья состояли из пашни, пожен и огородов. Крестьянская усадьба состояла из хором и усадьбы: «изба на подклете, да подле избы пристен, да сеник на подклете, да против избы сарай, да в огороде баня, да колодезь»⁵⁰.

Поблизости от города, там, где Сухона сливается с Югом, стоял крупнейший монастырь устюжской округи — Гледенский Троицкий монастырь.

На всем громадном расстоянии от Устюга до Холмогор не было ни одного города, если не считать Соль-Вычегодска на Вычегде.

ВАЖСКАЯ ЗЕМЛЯ

В треугольнике, образуемом Сухоной и Северной Двиной, находилась обширная Важская земля, основное население которой («важане») состояло из крестьян черных, церковных и «своеземцевых» волостей⁵¹. Путь по реке Ваге имел некоторое значение в зимнее время, являясь прямой дорогой от Вологды к Белому морю. Однако и в зимнее время купцы иногда предпочитали проторенную, хотя и более дальнюю дорогу из Вологды в Холмогоры по Сухоне и Северной Двине.

Лучшие земли лежали в верховьях Ваги. В «Словаре» П. Семенова почва этих земель названа даже черноземом.

Весь Важский край, как и побережье Северной Двины, был испещрен волостями, которые назывались боярщинами, по имени новгородских бояр: Афонасовская, Есиповская, Труфановская, Исаковская, Ивановская, Володимерская, Васильевская, Нижне-Едемская, Грузовская, Федоровская, Едемские деревни, Крюковы деревни. Одна волость здесь называлась Борецкой — явное воспоминание о знаменитых новгородских боярах Борецких, боровшихся против великого князя Ивана III.

Больших городов на Ваге не было, но существовали отдельные погосты. Самым крупным из них был **Верховажский** погост, где в XVII в. стоял гостиный двор. Два города Вельск и Шенкурск состояли только из посадов, по-видимому, с малочисленным населением⁵².

Непосредственно к Важской земле примыкали черносошные Устьянские волости. Они состояли из 9 волостей, которые получили в 1539 г. жалованную грамоту. В грамоте имеется указание,

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же, № 3, стр. 11; № 9, стр. 19; № 44, стр. 25.

⁵¹ ААЭ, т. I, № 343, стр. 416.

⁵² Там же, № 234, стр. 231—239.

что в этих волостях находилось 419 деревень, а в них 221 двор. Названные волости вместе с другими подчинялись волостелю, который назначал тиуна, доводчика и шпроводчика. Крестьяне ставили для них хоромы, состоявшие из трех изб, «по три сажени изба», кроме того сенники, клетки, погреба, конюшни, поварни и мыльни. Поставленные дворы полагалось «отышнiti и ворота поставити».

ХОЛМОГОРЫ

Центром Двинской земли, которой управляли наместники⁵³, были Холмогоры — один из древнейших русских городов. Холмогоры стояли на острове ниже впадения реки Пинеги в Северную Двину, таким образом, на стыке важных водных дорог. Пинега связывала город с Мезенью и далее с Печорой. С трех сторон к Холмогорам примыкали роскошные луга, которые служили местом для пастбища скота; это родина знаменитой холмогорской породы коров. Холмогоры имели большое значение прежде всего как крупный центр, торговавший солью и рыбой. С середины XV в., после утверждения англо-русской торговли, Холмогоры сделались крупнейшим торговым центром, сохранившим некоторое значение и после того, как развился Архангельск. В конце XVI в. в Холмогорах была основана особая епископия, что подчеркивает крупное значение этого города для севера.

Холмогорский посад располагался поблизости от реки, разделяясь «перелоем» — ложиной, наполняемой водой во время вскрытия Северной Двины ото льда. Этот перелой разделял Нижний или Никольский посад от посада Глинского. Центром города было Городище, где стоял Спасский собор, в котором хранилась казна.

О значении холмогорской торговли сообщает один документ 1588 г. В нем читаем следующее: «кто приедет к Холмогорам на Двину с Вологды, с Устюга, из Каргополя, и из которого города ни буди, в насаде или в дощанике, или в каком судне ни буди, и с тех судов велено имати судовые подъемные грузовые пошлины». К Холмогорам приставали чужеземные суда (из Англии и Голландии), хотя нередко дощаники и насады английских кушцов проплывали мимо Холмогор прямо к Вологде⁵⁴. Англичане появились в Холмогорах в 1553 г. Английский агент Ричард Грей занимался здесь устройством канатной фабрики.

До конца XVI столетия Холмогоры оставались крупным торговым городом. Здесь на Глинках располагался «торговый берег», где стояли амбары для товаров. О размерах и вместимости таких амбаров говорит сделка 1588 г. Некий Григорий Микитин сын Комелец продал Архангельскому монастырю в Устюге свой амбар,

⁵³ ААЭ, т. I, № 250, стр. 271—273.

⁵⁴ Там же, № 338, стр. 408—410.

состоявший из двух этажей. Верхний амбар с передней стороны был обнесен перилами. Под амбаром находился деревянный погреб. С передней и задней стороны амбар тянулся на 5½ сажень, а поперек на 6 сажень. Такой амбар стоял посреди других подобных же строений⁵⁵.

Перечисление товаров, которыми торговали в Холмогорах, дано в грамоте 1588 г. двинским целовальникам. В числе товаров отмечены мед, воск, икра, масло, сало, медь, олово, свинец, «мягкие товары» (соболи, куницы, бобры, белки, зайцы), бархат, атлас, шелк, сукна, платье, хлопчатая бумага, ладан, фимиам, перец и пр.⁵⁶ Иногородние люди обязаны были ставиться на Гостином дворе в Холмогорах и торговать там же. Из той же грамоты узнаем, что в Холмогорах торговали английские, голландские («брабанские») и шпанские «немцы»⁵⁷.

Холмогоры были одним из крупнейших городов на севере России. В 1622 г. в городе насчитывалось 500 тяглых дворов.

От Холмогор начинали свой путь вверх по Двине речные суда с солью, направлявшиеся к Устюгу и Вологде. Такие суда, «дощаники», вмещали до 16 тыс. пудов соли⁵⁸.

АРХАНГЕЛЬСК

Архангельск был основан в 1583 г. Это был передовой русский порт на Белом море, так как Холмогоры находились слишком далеко в глубине страны и к ним трудно было добираться большим кораблям. По городской росписи и чертежу, утвержденному Иваном Грозным, новый порт строился у Архангельского монастыря, который должен был стоять «в городе», т. е. за укреплениями. Заранее предполагалось, что вокруг крепости возникнут посады, и для них была отведена земля. Деревянную крепость в Архангельске поставили в течение одного года⁵⁹. Город стал быстро расти, однако, в конце XVI в. Архангельск все еще отступал на второй план по своему значению перед Холмогорами, хотя «большая таможенная пошлина» с иноземных купцов стала в это время взывкисываться уже не в Холмогорах, а в Архангельске⁶⁰.

Через Холмогоры и Архангельск Россия вела большую торговлю с Западной Европой. О ней дают представление жалобы английских купцов с перечислением товаров, «што было в Шпанскую

⁵⁵ В. П. Шляпин. Указ. соч., № 137, стр. 164—165.

⁵⁶ ААЭ, т. I, № 338, стр. 408—411.

⁵⁷ Документы о торговле в Холмогорах помещены в издании: Сборник грамот коллегии экономии, т. 1, СПб., 1922.

⁵⁸ Макарий. Указ. соч., «Чтения ОИДР», 1878, кн. 3.

⁵⁹ ААЭ, т. I, № 318, стр. 380; № 338, стр. 409; А. А. Титов. Летопись Двинская. М., 1889, стр. 73.

⁶⁰ ААЭ, т. I, № 338, стр. 410.

землю итти». В числе товаров указано свыше 1000 пудов воска, 1700 пудов сала, 576 берковцев конопли. Во Францию предполагалось отправить 980 пудов сала, 1350 лосин, 300 козлиных кож. На деньги от продажи русских товаров предполагалось привезти в Двинское устье 600 бочек испанского вина, 1100 пудов изюма, 160 пудов перца, 450 пудов виноградных ягод, 214 пудов сахара, 268 пудов пшена (возможно, риса), 6000 пудов свинца, 26 берковцев олова, 200 поставов сукна, 200 поставов английского сукна, 400 бочек французского вина, 6000 стоп бумаги, 40 берковцев меди, 400 пудов селитры, 800 бочек сельдей ⁶¹.

Дальнейший рост Архангельска как крупного русского города в Поморье происходил уже в XVII столетии.

---

⁶¹ Сборник Русского исторического общества, т. 38, стр. 217—221. «Шпанская» — испанская земля.

Глава X

ПЕЧОРСКИЙ КРАЙ И ПЕРМСКАЯ ЗЕМЛЯ

МЕЗЕНСКАЯ ОКРУГА

К востоку от Двинской земли на громадном пространстве, вплоть до северных отрогов Уральских гор, лежали мало заселенные земли со смешанным населением. Здесь кроме русских жили в своих кочевьях ненцы, а южнее их вогулы.

Герберштейн приводит в своей книге дорожник путей, ведущих на Печору. Он же говорит, что в районе Пинеги было много деревень, которые вследствие бесплодия почвы отстоят друг от друга на весьма большие расстояния. Герберштейн пишет, что жители этих местностей добывают пропитание от «ловли рыбы, зверей и от звериных мехов всякого рода, которых у них изобилие». Впрочем, по русским известиям, на Пинеге возделывали рожь, хотя, по признанию самих жителей, «их де хлеб часто побивает морозом». Здесь находился городок **Пинега**, значение которого заключалось в том, что от него начинался волок к реке Кулой, выведившей дальше к Мезенской губе. В Пинеге сидели русские волостели, распространявшие свою власть на соседнюю тундру.

По реке Кулой пробирались к Мезенской губе, где находилась **Лампожня** — центр торговли русских людей с канинскими и тиунскими ненцами («самоядью»). Канинские и тиунские ненцы указывали, что они с дедовских времен «свои ухаюжи ведали, рыбные ловли и всякого зверя били» от Толстой тундры на реках Волонга, Индига, Железная. Однако звериные ловли и звериные ухаюжи у них стали отнимать печеряне и пермяки. Царская прамота утверждала за ненцами владение их угодыями «по старине»¹.

¹ ААЭ, т. I, № 204, стр. 182—184. Дополнения к актам историческим (далее — ДАИ), т. I, № 154.

Лампожня была значительным торговым пунктом, куда немцы приезжали «торговати с русаки» рыбой и продуктами морских промыслов: ворванью и китовым усом. По английским сведениям, Лампожня была местом, «куда русские, татары и самоеды съезжаются два раза в год для обмена товаров на товары»².

На Пинеге и Мезени находились волости: Большие Пинеге, Малые Пинеге, Чакольская, Мезенская и Пильегорская. Это был район крестьянского землевладения, где жалованные царские грамоты выдавались на имя крестьян и их выборных³.

Значительным поселением была **Окладникова слободка**. По местным преданиям, она была основана новгородцами Окладниковыми. Позже в 1—2 верстах от нее возникла слободка Кузнецова, названная так «будто бы от имени кузнеца, первого в том месте поселившегося». В 1780 г. из этих слободок был создан город Мезень⁴.

УДОРСКАЯ ЗЕМЛЯ

Земли по верховьям Мезени и ее притоку Вашке (Удоре) входили по административному делению конца XVI в. в обширный Яренский уезд⁵. В верховьях Мезени стояла **Глотова слободка** («погост Глотова слобода на речке на Мезени»), к которой тянул Кислонский погост на той же реке.

В Глотовой слободке стояли две церкви, обе «клетки», а при них 3 двора церковного причта. Крестьянских дворов в слободке насчитывалось 36. Все это были люди «молодые», кормившиеся, по их собственным словам, «пиктою да зверем»; земли они не пахали. В начале XVII в. слободка пустовала, и о владельцах многих дворов сказано: «спол безвесно». Некоторые дворы причислены были к пустым, хотя об их владельцах замечено: «ходит по двором». Пашня имела для населения ничтожное значение, показано только 18 четей «паханые худые земли». Зато к Глотовой слободке приписаны были обширные луга по Мезени и звериные ловли, «слопцы» (ловушки для мелкого зверья). Обширны были и рыбные угодья: «река Мезень с вершины до слободы по правой стороне». Всего в Глотовой слободке вместе с Кислонским погостом и деревнями считалось, по писцовой книге начала XVII в., 60 дворов (людей в них 72).

В бассейне Удоры, или Вашки, помещалась Удорская волость, «а Вашка тож». Название этой земли вошло в царский титул, ве-

² Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке, стр. 113.

³ ДАИ, т. I, № 154, стр. 266.

⁴ «Журнал министерства внутренних дел», 1844, ч. 5, стр. 260.

⁵ Писцовая книга Яренского уезда 1608 г. «Чтения ОИДР», 1915, кн. 2, стр. 323—332.

роятно, по той причине, что здесь существовали до прихода русских свои местные князьки.

Удорская волость состояла из нескольких погостов. Самым большим из них был погост **Кривой Наволок** с 30 крестьянскими дворами, где, впрочем, не было церкви. В Венденге стояла церковь («клетчки») и 4 двора церковного причта, а также 15 крестьянских дворов по обеим сторонам реки Удоры. Дворы были беспашенными, и всей пашни, приписанной к погосту, считалось всего 13 четей. В Важгорте стояли 2 церкви, 4 двора причта и 33 крестьянских двора. Всего же в Удорской волости насчитывалось 151 крестьянский двор (людей в них 180) и 18 бобьельских дворов. Пашня и здесь имела второстепенное значение. Жители занимались скотоводством, рыбной ловлей и звериными промыслами. Поэтому писцовые книги указывают на количество «слопцов» и горностаевых «плашек» (ловушек), принадлежавших каждому поселению.

ПЕЧОРСКИЙ КРАЙ И ПУСТОЗЕРСКАЯ ВОЛОСТЬ

Бассейн могучей реки Печоры покрывали дремучие леса. Это был отдаленнейший край во всей тогдашней Европе. Не случайно, в различного рода европейских космографиях помещались сказания о тех народах, которые живут на Печоре, у Каменного пояса — Уральского хребта.

В XVI в. Печорский край еще был богат пушниной. Сюда отправляются промышленники за мягким товаром — «рухлядью». Здесь отыскивали и другой товар, высоко ценившийся в Европе и в Азии, — диких соколов и кречетов. Этим районом очень интересовался в свое время Герберштейн, который написал дорожник путей к Печоре. Герберштейн сам говорит, что получил этот дорожник от знакомого русского человека.

Наиболее доступный путь к Печоре шел по рекам: по Пинеге к Мезени и от Мезени к Пезе. Пеза своими притоками близко подходила к Цыльме, притоку Печоры. Этот путь был опасным, но в то же время достаточно проходимым. Район Печоры был известен в России с давнего времени. По летописи, Иван III послал сюда «рудознатцев», так как говорили о большом богатстве бассейна Цыльмы медью и серебром. В конце XVI в. на старом поселении при устье Печоры возник город Пустозерск.

При впадении реки Цыльмы в Печору находилась Усть-Цылемская слобода, или Усть-Цыльма, в которой было всего 18 дворов. По образному выражению слобожан, они кормились «зверем да птицею, да рыбою, да травою», т. е. занимались охотой на зверей и птиц, рыбной ловлей, косили луга для прокормления скота.

В начале XVII в. эта слободка оказалась на торном пути из Пермской земли в Березов⁶.

В устье Печоры на острове стоял самый северный русский город XVI в. **Пустозерск**. По платежнице 1574 г. в нем показана церковь Спаса Преображения с трапезой и другая церковь — Введения, а также дворы церковного причта, получавшего деньги в виде царской милостыни по 3 рубля с полтиною в год.

В Пустозерской волости числилось 92 двора оброчных людей, собравшихся сюда из разных местностей тогдашней России, а возможно, и насильственно переведенных. Среди них упомянуты вологжане, псковитин и несколько ногайских новокрещенцов, бог весть какими путями занесенных на далекий север.

В пустозерских дворах жили тесно: в 92 дворах помещалось 193 человека. Таким образом, на каждый двор приходилось больше чем по 2 человека. В Пустозерске насчитывалось 144 двора, а в них 282 человека «русаков и пермяков». Кроме этого упоминаются 5 «дворишек», населенных нищими. Об их владельцах сказано: «угодья у них никакого промысла нет, питаютца о мире», иными словами, занимаются разными промыслами.

В отличие от других местностей Поморья, Пустозерск довольно быстро рос. В 1564 г. в нем насчитывалось всего 97 дворов, а в них 230 человек. Таким образом, увеличение числа дворов оказалось очень большим, видимо, главным образом за счет того страшного «Басаргина правежа», о котором говорилось выше и который заставил крестьян бежать, куда глаза глядят. Пустозерские жители занимались рыбной ловлей, морскими, а также птичьими и звериными промыслами. Здесь ловили дорогую семгу, платя в казну десятую рыбу от каждого улова, точнее — откупные деньги. Сюда приезжали промышленники из Двинской земли, из Великого Устюга, из Пинеги для морского промысла. Здесь били моржей, платя в виде подати по десятой кости от лучших моржовых клыков.

В сотной выписи 1574 г. показаны различные сараи, в которых хранилась рыба, а также топи на море и в реке Печоре. Отмечены и различного рода «прудишки» в тундре, где ловили белую рыбу.

Земледелие развивалось слабо, но сенные покосы были обширными. К Пустозерску приписаны были земли соседних ненцев, именуемых самоедами. Югорские самоеды платили по царским грамотам и наказам по «шести сороков» соболей в год. Кроме того, отмечена «самоедь Пустозерская, тяглая некрещеная». Ненцы жили в тундре большими поселениями в чумах, разбросанных в окружности на 100, на 200 верст и больше. «А промысл их: на лесу и по тундрам зверя бьют да у Пустозерцов олени пасут, тем ся и кормят», — читаем в платежнице 1574 г.⁷

⁶ «Чтения ОИДР», 1915, кн. 2, стр. 49, 50.

⁷ П. А. Сади́ков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950 (документ № 21. Платежница 1574 г., стр. 463—482).

ПЕРМСКАЯ ЗЕМЛЯ И ЯРЕНСКИЙ УЕЗД

По течению Вычегды с ее притоками размещалась обширная Пермская земля, населенная народом коми.

Населенные земли, лежащие по течению Вычегды, располагались как большие острова среди множества лесов и болот, да и весь этот колоссальный по своей территории район представлял сплошной лесной массив.

Поселения вытягивались здесь вдоль больших рек. Наиболее населенными были долины самой Вычегды и ее притоков Выми и Сысолы.

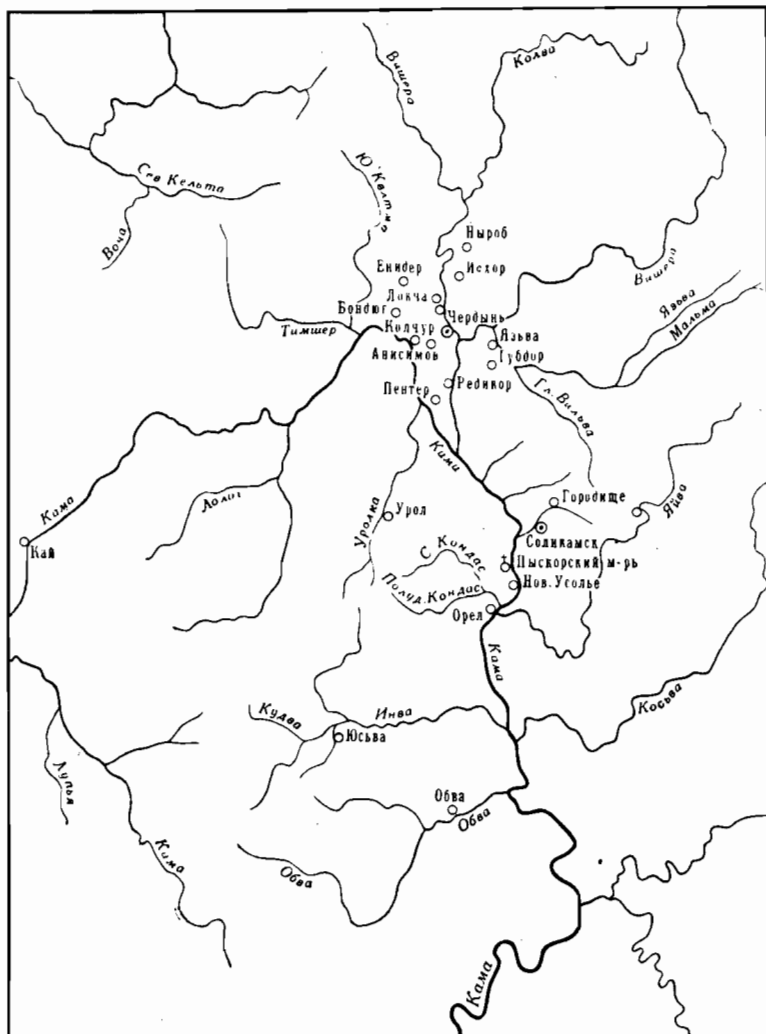
Русские утвердились в бассейне Вычегды в конце XIV в., когда была образована особая Пермская епископия. Житие первого пермского епископа Стефана Храпа, написанное Елифанием Премудрым, рисует жизнь и быт Пермской земли, населенной коми (русские источники назвали их зырянами). Из жития видно, что проповедь Стефана имела не просто миссионерский характер, как это желает показать Епифаний, но ставила целью создание передового русского форпоста. При впадении реки Выми в Вычегду возник так называемый «владычный» или Усть-Вымский городок, обнесенный укреплениями. Остатки вала владычного городка сохранялись в начале XIX в. Тогда можно было еще различить площадки для башен. «Владычный городок», впрочем, вскоре потерял свое значение и назывался в писцовых книгах начала XVII в. длинным обозначением — «Еренского уезда на усть Выми реки Вологодсково и Великопермского епископа городище». Значение уездного центра перешло в Яренск (Еренск)⁸, или Яренское городище, стоявшее при впадении Яренги в Вычегду.

Поселения по Вычегде группировались в виде отдельных погостов. Многие из них были городищами, старыми крепостями, потерявшими свое значение к концу XVI в. Вокруг погостов с относительно значительным количеством крестьянских дворов лежали деревни в 5—6 дворов. К Яренскому городищу были приписаны 10 погостов, 3 волостки, 187 деревень и 11 починков. По писцовой книге уезда, во всех этих поселениях вместе с Яренским посадом считалось 752 крестьянских двора («людей в них 825 человек») и, кроме того, 65 бобыльских дворов⁹.

Пашня в Яренском уезде в занятиях жителей имела явно второстепенное значение. По писцовой книге, по всей Яренской округе насчитывалось 928 четей «средней» и 346 четей «худой» распаханной земли. Достаточно это сравнить с цифрами размеров пашни хотя бы в одном стане Коломенского уезда, чтобы стало ясным направление хозяйства в Пермской земле. Только в бояр-

⁸ Не следует отождествлять с Яранском.

⁹ Писцовая книга Яренского уезда 1608 г. «Чтения ОИДР», 1917, кн. 2, стр. 291.

Пермская земля в XVI столетии (по М. М. Богословскому)

ских вотчинах Большого Микулина стана в Коломенском уезде насчитывалось 2544 чети «средней» и 615 четей «худой» земли, следовательно, в 3 раза больше, чем во всей Яренской округе¹⁰.

Размеры пашины, обрабатываемой отдельными крестьянами Яренского уезда, были также незначительными, измеряясь 2 или

¹⁰ ПК, I, стр. 394.

3 четями. Земля нередко оценивалась «худой» и под нее распахи-вались лесные участки: «пашни худые земли, и с тем, что при-похали из лесу, 55 чети в поле, а в дву потому ж». Скотоводство при существовании поемных приречных лугов было особенно раз-вито в Яренской округе. Но даже в XIX в. скот здесь содержался главным образом для убоя в пищу¹¹.

Гораздо большее значение имело рыболовство, причем все воды находились не в частном владении, а в общем пользовании кре-стьян: «а угодья у всех вычегодских крестьян, река Вычегода от рубежа Плесовские волости до вершины Вычегоды реки, oprичь владычных вод, да Еренсково ж городка река Еренга, да речка Кижма, да речка Лена от вершины и до устья... и все реки и речки и озера, которыми они истари владели, да в Вычегоде реке Сысо-льских крестьян участки против их земель. А ловити Еренским крестьяном в реках и в озерах всем за один, а по духовным и по купчим до рек и до озер дела нет», — записано в писцовой книге¹².

Большее значение в этом районе имели охота и звероловство. Крестьяне платили в царскую казну оброк за соболей, за белку, за бобровые гонь.

Яренский уезд был районом мелкого крестьянского землевла-дения. Помещичье и вотчинное землевладение прививалось слабо. Пермскому епископу (с 1492 г. пермские епископы жили в Во-логде) принадлежала в реках Усть-Вымской округи девятая часть. Малое развитие феодального землевладения объясняется условия-ми суровой северной природы, где требовалась большая подвиж-ность и сноровка для добычи средств пропитания и где крепост-ной труд не находил для себя опоры. Ведь невозможно было уста-новить барщину для людей, которые возделывали только мелкие участки земли, а уходили на охоту и рыбную ловлю. К тому же уровень крестьянского хозяйства в этих областях был очень не-высок. По подсчетам писцовых книг в Яренской округе находился 651 двор «молодших людей» и 87 дворов «средних». Таким обра-зом, «молодые люди» явно преобладали над «средними»¹³. Обычным типом поселения здесь был погост с прилегающими к нему деревнями. В сущности таким погостом был и Яренск, кото-рый трудно даже назвать городом.

Поселения по Вычегоде группировались вокруг трех центров — Яренска, Усть-Выми и Усть-Сысольска.

Яренская округа располагалась по среднему течению Вычего-ды, выше и ниже города; ее называли также Вычегодской землей. В нее входил ряд погостов.

¹¹ П. Семенов. Словарь, т. V, стр. 970.

¹² Писцовая книга Яренского уезда 1608 г., стр. 291—292.

¹³ Там же, стр. 291.

Среди погостов по количеству населения выделялись Жошерт и Гам. Общей внешней чертой крупных погостов Яренской округи были стоявшие в них церкви; обычно одна шатровая («вверх») гешля, другая летняя. В погосте Жошерт стояло 4 двора, принадлежавшие попу и причту, а также около 30 крестьянских дворов, в том числе бобыльских. В погосте Гаме помещалось до 45 дворов, но церкви не было; дворы в этом погосте стояли «в розни».

Яренск, или «городище Еренское на реке Вычегде», как и другие городки, стоявшие на Вычегде, потерял свое значение как укрепление к началу XVII в. Городовая артиллерия в количестве 4 пицалей и 11 рупниц хранилась в амбаре вместе с ядрами, пулями и небольшим количеством пороха. На городище стояла шатровая церковь Спаса Преображения «древяна вверх», и другая тоже деревянная церковь, 4 двора попа и церковного причта, таможенная изба и двор приказных людей. На посаде считалось около 40 крестьянских дворов по одной стороне реки Кижмы, да 16 дворов по другой. Таким образом, общее количество дворов в Яренске подходило к цифре 60 (несколько больше или меньше). За рекой Кижмой стоял Архангельский монастырь с двумя деревянными церквями, одна из которых была шатровой. Весь монастырский штат состоял из черного попа (иеромонаха) и дьячка. При монастыре помещались 4 кельи, «а в них живут нищие, а питаютца от церкви божи».

О занятиях жителей Яренска писцовая книга почти ничего не сообщает, но и отдельные записи ее показывают, что некоторые «молодые» люди, названные крестьянами, были ремесленниками. Одна вдова названа женой серебряника, упомянут «средний человек» — кузнец. В числе других людей, населявших Яренский посад, названы бобыли, обычно с пометой: «ходит по дворам».

ВЫМСКАЯ ЗЕМЛЯ

Центром Вымской округи был «владычен» городок, или Усть-Вымы, при впадении реки Вымы в Вычегду. К нему примыкали погосты по рекам Вычегде и Выми. Этот район и в XVII в. все еще иногда именовался по старине Вымской землей. К Вымской округе надо причислить погосты на Вычегде и Вишере, левом притоке Вычегды. Таким образом, Вымская земля расстилалась на громадное пространство, и владычный городок на Усть-Выми был ее действительным центром.

Усть-Вымское городище, прежняя резиденция пермских епископов, в начале XVII в. еще сохраняло некоторые черты прежнего значения «владычного» города как центра Пермской земли. В нем стояла шатровая церковь Стефана Пермского и часовня с гробницами трех пермских епископов (Герасима, Питирима,

Ионы). Но от владычного двора осталось только «владычне дворовое место, что был двор прежних епископов». Возле городища располагался посад. На городище стояло 6 дворов духовенства и причта при соборе Архангела Михаила и теплой церкви Николая Чудотворца. Собор Архангела Михаила напоминал о первоначальном значении Усть-Вьмы как центра Пермской земли и Пермской епископии. На посаде жил черный поп и стояли 2 кельи нищих, а также двор владычного десятичника, собиравшего пошлины на епископа. Посад насчитывал около 23 дворов, в том числе и бобыльских. Но даже эти немногие крестьяне и бобыли жили бедно, поденной работой, а об одном прямо сказано: «обнищал, ходит по двору»¹⁴.

Погосты Вымской земли обычно были небольшими поселениями, с двумя церквями, дворами церковного причта и небольшим количеством крестьянских дворов. Из общего ряда поселений выделялся только Спасский монастырь, стоявший на Вычегде при устье реки Сойги. Монастырь был небольшим, в нем стояли две церкви (по обыкновению, одна из них была шатровая), кельи игумена и монахов (около 10). К монастырю примыкал конюшенный двор с небольшим количеством скота.

Земельные владения монастыря были незначительными. Ему принадлежало 7 деревень с таким же количеством крестьянских дворов. Монастырь выделяли только его иммунитетные права: «а с Плесовскою волостью Спасскому игумену з братьею и крестьяном государевых податей никаких не довати и не тянути с ними ни во что».

Собственно монастырское хозяйство было очень невелико. В конюшне стояли 3 мерина, 2 жеребчика, 2 кобылы, 10 дойных коров, 5 телиц и 15 овец. Пашня состояла всего из 10 четей в одном поле, сена собирали 30 копен.

Земельные владения монастыря были слабо заселены. На землях жили и половники. Пахотные земли половников не превышали 2—4 четей в поле. Зато сена ставилось от 30 до 150 копен на двор. Везде указана рыбная ловля и «слопцы» для звериной ловли.

Среди погостов Вымской земли, располагавшихся по реке Вьме, выделялся большой погост Турья, где стояли две церкви, келья черного попа и 4 кельи нищих, дворы попа и дьячка. В погосте насчитывалось до 75 крестьянских и бобыльских дворов. Таким образом, село Турья было крупнейшим посадом во всей Вымской земле. Среди его жителей указаны «лучшие» люди. Быстрый рост села Турья объясняется тем, что через него проторился путь в Югру и далее в Сибирь. Отсюда посылали образа и евангелие в Югру новокрещенному князю Петру Турку, отсюда предпринимали походы на Югру против пещокорных людей. Поэтому среди

¹⁴ Писцовая книга Яренского уезда 1608 г., стр. 293.

дворовых мест находим такие, владельцы которых были убиты в Югре или сбежали в Югру. Да и сам район по течению реки Выми был еще, по-видимому, слабо христианизирован. Многие погосты здесь совсем не имели церквей¹⁵.

Вместе с погостом Вишера на реке того же названия, находившимся далеко на отлете от Усть-Выми, по всей Вымской земле насчитывалось 260 дворов (людей в них 286) и 29 дворов бобыльских.

Классовое расслоение в Вымской земле было значительно большим, чем в Яренском округе. Здесь на 49 дворов «средних» и на 201 двор «молодших людей» приходилось 10 дворов «лучших людей». Классовая дифференциация приводила к тому, что среди посадских людей и крестьян стали уже появляться местные богатеи, мироеды.

Поэтому даже правительство вынуждено было заботиться о более правильном распределении податей и повинностей, конечно, в целях большей платежеспособности «молодших людей», предписывая «вымичем во всяких податех считатися, смотря по своим животом и по промыслом, а класти их меж себя в розмет, на лутчих людей побольши, а на средних по среднему, а на молотчих поменьши, и лишка им на молотчих людей не класти, чтобы от того молотчие люди не разошлись».

СЫСОЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ

В Яренский уезд входила также Сысольская земля, или Сысола, расположенная по течению одноименной реки. Во всей Сысольской волости, по писцовой книге, насчитывалось 414 дворов (людей в них 485 человек), в том числе 5 дворов «лучших людей». В этом районе находим особенно большое количество городищ, служивших ранее крепостями, где в амбарах еще хранилось обветшавшее огнестрельное оружие и небольшое количество пороха.

Погосты на Сысоле по своей внешности напоминали такие же поселения по Вычегде и Выми, только отличались меньшими размерами. Обычно на них стояли только дворы попа и церковного причта. Таким образом, сысольские погосты имели характер небольших поселков при церквях, заселенных церковным причтом. Сысольские погосты отличались от погостов Вымской и Вычегодской земель еще одной особенностью. Судя по писцовой книге, все церкви в них строились «клетцки», т. е. были более бедными по внешности, чем величественные шатровые храмы («древены вверх») на Выми и Вычегде. На Сысоле особенно чувствовалось соседство привольных приуральских угодий. Поэтому о владель-

¹⁵ Сольвычегодские сотницы. «Чтения ОИДР», 1905, кн. 3, стр. 17—19.

цах многих пустых дворов говорится: «шпол на Каму», «шпол без вести».

В особом положении находилась волость Луские Пермцы, или «отписная сошка Луской Пермцы». Волость имела особую жалованную грамоту, по которой крестьяне проводили «свои земские розметы и сторожи по себе в Лудкой Пермце». Они выбирали земских старост, судеек, целовальников и земского дьячка «по годам»¹⁶. По предположению А. Дмитриева, волость Луской Пермцы была населена коми, как и соседняя Вилегоцкая Пермца. Обе волости получили свое название по рекам Лузе и Виледи¹⁷.

СОЛЬВЫЧЕГОДСК

Одним из крупнейших городов на севере был Сольвычегодск, возникший на основе соляных промыслов. По-видимому, соляные варницы стали устраиваться здесь очень рано. Создателем их позже считали Анику Федорова Строганова, но соляные варницы принадлежали в Сольвычегодске не только одним Строгановым.

Сохранились различного рода документы, из которых видно, как соляные варницы стали переходить в руки Строгановых. Уже к 1526 г. относятся купчие Аники Строганова на соляные варницы. В льготной грамоте 1540 г. тому же Анике Строганову говорится, что Аникею Федорову сыну Строганову дано под варницу место пустое, «а бывала на том месте варница Васильевская Оксентьева». По преданиям, начало строгановским варницам в Сольвычегодске было положено в 1517 г. Федором Строгановым, отцом Аникея¹⁸. Документы, изданные А. А. Введенским, показывают, что Строгановы усиленно скупали соляные варницы в Сольвычегодске, вытесняя наиболее сильных конкурентов по разработке соляных рассолов. Но еще в XVI столетии вычегодские посадские люди составляли довольно внушительную группу «посадских торговых людей»¹⁹. В начале XVII в. Сольвычегодск именуется посадом «на реке на Вычегде на усть речки Усолки». Тогда он был укреплен стоячим тыном, а также «тарасами» — деревянными срубам, засыпанными землей²⁰.

Сольвычегодский посад в XVI столетии принадлежал к числу значительных ремесленно-торговых поселений. По одному изве-

¹⁶ «Чтения ОИДР», 1907, кн. 1. Земская уставная грамота... Лудкой Пермцы, стр. 40—47.

¹⁷ А. Дмитриев. Пермская старина, вып. II, Пермь, 1890, стр. 41.

¹⁸ В. Шишонко. Пермская летопись. Первый период. Пермь, 1881, стр. 35, 44. В православном месяцеслове нет Аники или Аникея, но имеется Аникита. Не к Анике ли Строганову относится насмешливая поговорка об Анике-воине, часто употреблявшаяся еще в начале нашего столетия?

¹⁹ А. А. Введенский. Торговый дом XVI—XVII вв. Л., 1924, стр. 86—90.

²⁰ «Вологодские губернские ведомости», 1852, № 22.

стию, в 1579 г. в нем сгорело 10 церквей и 500 дворов²¹. По грамоте 1589 г., сольвычегодский посад насчитывал 343 черных двора, «а людей в них тож». Грамота была выдана Никольскому Коряжемскому монастырю в связи с его жалобой на посадских людей, накладывающих на монастырские дворы на посаде излишние тяготы²².

Несмотря на существование в Сольвычегодске значительного посада, этот город был по преимуществу вотчиной Строгановых. Разделившись на несколько ветвей, они фактически доминировали над Сольвычегодском. В городе находился строгановский двор, являвшийся настоящим феодальным замком. Он был окружен крепким острогом. Посадские люди жаловались, что острог стоял «через речку Солониху по лугу и подле реку Вычегду около их каменного храма и их дворов, а з другую сторону по болоту, велик и по людям, и осадить было такова великого острогу ратными людьми в осадное время некем».

Острог оказался плохой крепостью и был взят разбойничьими шайками «литовских» людей. Сами же Строгановы бежали под защиту своих крепостей в Закамье²³.

По-видимому, острог обслуживал потребности строгановского хозяйства. От Строгановых зависели многие посадские люди, которые вступали с ними в конфликты и подавали жалобы на их насилия и произвол. По словам представителей посада, Строгановы заставляли посадских людей «живот мучить в тюрьме».

Могущество Строгановых в Сольвычегодске, однако, было не только могуществом торговых людей, но и крупных феодалов, хотя Строгановы довольствовались почетным званием «именитых людей», которое применялось, кажется, только к ним одним. Они и показали себя настоящими именитыми людьми в области искусства. Громадный каменный собор Воздвижения Креста в Сольвычегодске, построенный Строгановыми во второй половине XVI столетия, является великолепным памятником искусства. В его нижнем этаже, видимо, помещались склады. Во втором этаже перед зрителем открывается великолепная картина большого русского храма, все стены которого украшены «иконным письмом». Можно только поражаться искусству строгановских мастеров, прославленных в истории русского иконописания, особо выделяющего иконы «строгановского письма». При церкви существовала большая книжная библиотека, судя по записям на сохранившихся рукописях, они принадлежали Сольвычегодской библиотеке. Именитые люди Строгановы занимают почетное место в истории русского искусства и русской книжности.

²¹ П. Семенов. Словарь, т. IV, стр. 682.

²² ААЭ, т. I, № 343, стр. 415—417.

²³ А. А. Введенский. Указ. соч., стр. 23. Примечание.

Глава XI

ЗАОНЕЖЬЕ И КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

ЗАОНЕЖЬЕ

На западе русского севера располагались Заонежье и Кольский полуостров. Эта окраина Поморья примыкала к западным границам тогдашней России, которые проходили по безлюдным лесным местам. Основной магистралью Заонежья была могучая, но порожистая река Онега, берущая свое начало из озера Лаче. Земли по Онеге заселены были относительно густо, в особенности в ее южной части. Заонежье, или Заонежские погосты, как называется этот край в документах XVI в., жителей которого обычно называли «онежанами», имело своим центром город Каргополь. В Заонежье сидел наместник, управлявший с помощью тиуна и четырех доводчиков. Доводчики сидели в главных пунктах края, расположенных на Онеге: Каргополе, на Усть-Моши, в Турчасове и в сельце Усть-Мехренга.

Северная часть или нижняя «полуземля» Заонежья с центром в Турчасове и в XVII в. оставалась малодоступной, покрытой болотами и лесами. В одном сказании местность около Турчасова характеризуется как почти непроходимая: «на реке глаголемые Онеги, вниз ко Окияну морю, отстоящи от Турчасова вверх за десять поприщ, против села нарипаемого Орнемы, за оною рекою близ берега, за горою, на месте блатолесно зыбучем»¹.

Сельское хозяйство Заонежья имело такой же характер, как и в соседней Двинской земле, но относительно высокое развитие получило только в верховьях Онеги, где находились два больших

¹ ГИМ, Увар. собр., № 345 (Леон., № 1972). Сборник, в 1°, на 186 лл., полууставом XVIII в., см. на лл. 176—181 об. Повесть 1539 г. об иконе Николы.

озера: Воже и Лаче. Здесь земледелие позволяло населению прокормиться своим хлебом и даже вывозить его на продажу.

Из промыслов Заонежья крупнейшими были добыча соли и рыбная ловля.

Центром торговли солью был город Каргополь. Здесь производилась торговля солью с купцами, приезжавшими из Вологды и Белоозера². Каргопольцы, турчасовцы и другие онежане ездили к морю для покупки соли, которая подвозилась летом в судах, а зимой на саях к Турчасову. Тут соль укладывалась в рогозины и в таком виде доставлялась в Каргополь. При пересыпке в рогозины купцы нередко подмешивали к соли вредную примесь — кардеху³.

Из грамот, сохранившихся до нашего времени, можно заключить, что соляные варницы имели специализированные чаны, чрены или чрены, в которых вываривалась соль, для чего приходилось подвозить значительное количество дров⁴.

Онега была удобным путем для доставки соли, вывариваемой у берегов моря, в центральные области России, так как в своем верхнем течении она близко подходит к Белому озеру, где начинался водный путь по Шексне к Волге. Этот путь позволял подвозить соль ко многим центральным городам, как это видно из грамоты 1546 г., данной Кириллову монастырю на право покупки 10 тыс. пудов соли в Каргополе. Соль продавали в Москве и других городах: на Белоозере, в Угличе, Кашине, Дмитрове, Твери, в Кимрах и в Холопьем городке⁵. Редкий край в России XVI в. был так тесно связан с речными путями, как Заонежье. Все крупнейшие селенья Заонежья располагались как бы цепочкой по могучей Онеге от ее верховьев до впадения в море.

Штаден пишет, что первое село на Онеге на русском языке называется Пречистое. «От сего села вверх по реке по обоим ее берегам живут торговые люди и крестьяне до Турчасова. Турчасов большой незащищенный посад. Здесь в первый раз взвешивается соль»⁶.

² ААЭ, т. I, № 181: «А кто к ним ездят на Онегу к морю по соль белозерди и вологжане, и у них деи их промысел отъимают, а яз им белозердев и вологжан на Онегу к морю по соль пропускати не велел, а велел есми им торговати с ними в Каргополе».

³ «Каргопольцы и онежане и турчасовцы и порожане и устьмошане и мехренжане ездят к морю соли купити, да купив де у моря соль у поморцов, да возят ее в Турчасово и на Порог, лете в судех, а зимою на санех, да в Турчасове де и на Порозе ту соль бьют у них в рогожи казаки, да высылают де в ту соль кардеху пуда по два, и по три, и болши в рогозину, да и сделав ту соль в рогожи да возят ее в Каргополь, да в Каргополе продают ее белозердам и вологжанам и иногородцем всех городов Московской земли» (там же, № 211).

⁴ О соляном промысле см. Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. М., 1957.

⁵ С. В. Бахрушин. Указ. соч., т. 1, стр. 45.

⁶ АЮ, № 86, 87, стр. 127—129.

Район Турчасова был доступным для земледелия, хотя рожь здесь настолько ценилась, что бочка ржи во второй половине XVI в. стоила 15 алтын. Но посевы ржи и сенные покосы на «наволоках» были только дополнением к другим промыслам турчасовских жителей. В 1568 г. один турчасовец продал участок «владенья своего», расположенный у посада Турчасова, оставив за собой пять амбарных мест на берегу. Двор состоял из двух изб, клетки на подклету, мыльни и сеника на двух хлевах. Возможно, впрочем, что это был не совсем обычный двор, потому что он стоял «на корчемном месте»⁷.

В Заонежье прочно господствовало черное землевладение. При составлении вышеназванной купчей 1568 г. «сидели в мужех» турчасовский староста, земский дьячок и другие турчасовцы. Документ писал таможенный дьячок. В Каргополе сидели земские судьи⁸.

КАРГОПОЛЬ

Крупнейшим городом Заонежья был Каргополь. Он стоит на левом берегу Онеги, поблизости от озера Лаче, из которого берет начало эта мощная река. Выше Каргополя на реке находится Бирюченский порог, но у самого города Онега широко разливается. Центр старого города отмечен громадным каменным собором, построенным в 1562 г. По словам Штадена, в его время Каргополь не имел укреплений⁹.

Сотная XVI в. дает представление о Каргополе как о крупном центре. В нем насчитывалось 476 тяглых дворов, в которых жило 523 человека. К сожалению, сотная, описывающая Каргополь середины XVI в., сохранилась неполностью. По словам Н. Д. Чечулина, в ней утрачено, по-видимому, около половины листов¹⁰.

В Каргополе незаметно развитие каких-либо ремесленных производств, которые придавали бы городу особый характер, выделявший его из числа других русских городов XVI в. В основном каргопольские ремесленники обслуживали потребности городских жителей и соседних крестьян. Город жил не столько ремеслом, сколько торговлей, в первую очередь торговлей солью, которая требовала развития некоторых подсобных промыслов и большого количества рабочих рук. Соль везли летом в речных судах, а зимой на снях, упаковывали в рогожи, сортировали. Необходимы были и помещения для хранения соли. Такие амбары устраи-

⁷ АЮ, № 87, стр. 127—128.

⁸ АИ, т. I, стр. 570, 1578 г.

⁹ Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного, стр. 69—70.

¹⁰ Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 42 и сл.

лись не только в самом Каргополе, но и в селе Коротком на перепутье между Каргополем и Белоозером.

Выше говорилось уже, что Каргополь представлял собой большой посад, населенный тяглыми людьми. Штаден рассказывает о безуспешной борьбе каргопольцев с присланным к ним наместником, беззастенчиво грабившим горожан и крестьян. Но даже из этого рассказа видно, что каргопольский посад не был совершенно беспомощным («каргопольцы тайно посылали в Москву жаловаться»). Горожане и крестьяне после первой неудачной попытки «сговорились все» и вновь били царю челом с жалобой на наместника¹¹. Когда же наместник решил ограбить всех торговых людей и крестьян, то те решили сопротивляться «силой силе». Штаден тут же подчеркивает, что наместник за три года собрал много денег, но получал бы их в десять раз больше, если бы действовал в согласии с каргопольцами.

О значительных богатствах каргопольских торговых людей свидетельствует духовное завещание Леонтия Дмитриева, написанное в начале XVI в. В завещании указаны должники Дмитриева, которые задолжали ему по кабалам. Дмитриев принадлежал к числу торговых людей с явными ростовщическими наклонностями. Он давал деньги обычно «в рост», за проценты.

Общая сумма денег, розданная Леонтием в долг, равняется не десяткам, а сотням рублей. Рядом с относительно мелкими долгами упомянут большой долг в 240 рублей. Должники Дмитриева принадлежали к разным слоям населения, но в основном это торговые и посадские люди. Среди них названы два «немчина», портной мастер «москвитин», каргопольцы — городские люди.

Судя по духовной, Дмитриев торговал солью. В селе Короткове ему принадлежал амбар, где хранились 168 рогож соли. Он владел собственным речным судном, которое обозначено как «судно болшое ново». В том же селе Коротком у Дмитриева стояли еще два амбара, «троестенные», в Педме стоял «двоестенный». Своим дочерям Дмитриев завещал иконы, предметы одежды, домашние вещи, скрупулезно и точно, как полагается деловому человеку, перечислив все эти предметы¹².

Торговля солью и в меньшей степени рыбой составляла основную специализацию Каргополя, как и Турчасова. Содержание обширной Каргопольской таможенной грамоты 1598 г. в основном посвящено установлению правил и норм взыскания пошлин за соль. Правда, в таможенной грамоте указываются и другие товары, появившиеся на каргопольском рынке, но такие же товары упоминаются в таможенных грамотах и других русских городов того же времени и не характерны для Каргополя.

¹¹ Г. Штаден. Указ. соч., стр. 118—119.

¹² АЮ, № 415, стр. 442—445.

Приезжавшие в Каргополь для закупки соли обязаны были обращаться к «казакам», подчиненным таможеннику. По уставной грамоте таких «казаков», или вольных рабочих, насчитывалось 60 человек. Средоточием соляных сделок в Каргополе и Турчарове были гостиные дворы¹³.

СОЛОВЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ

Лучшие земли по западным берегам Белого моря принадлежали Соловецкому монастырю.

Соловецкий монастырь, возникший в XV в., был богатейшим вотчинником на севере; он владел громадными землями, когда-то населенными черносошными крестьянами.

Монастырь стоял на главном из островов Соловецкого архипелага, называемом Соловки. Протяженность острова с севера на юг исчислялась в 25, а с востока на запад — в 16 верст.

В истории Соловецкого монастыря особенное значение имела деятельность игумена Филиппа Кольчева (1548—1566 гг.), впоследствии московского митрополита. При сооружении монастырских зданий и в хозяйственных предприятиях монастыря Филипп Кольчев ввел большие технические новшества. Летописец того времени отмечает, что им была «наряжена» телега, которая перевозила рожь, «да и привезетца, да и сама всылет рожь на сушило». Мука сеялась новым способом: «десятью решета один старец сеет». При Филиппе была построена каменная пристань, возведены каменные постройки, в том числе собор Спаса Преображения, строившийся в 1558—1566 гг. и сохранившийся до нашего времени в переделанном виде. Первоначально собор, как доказала М. В. Щепкина, имел пять больших шатров, которые были переделаны в главы в конце XVII в.

Соловецкий монастырь вначале был окружен «острогом», деревянными укреплениями, построенными согласно царской грамоте 1578 г. Для защиты новой крепости в связи с ожидавшимся нападением шведских войск была послана артиллерия, пушки и стрельцы.

В 1584 г. в Соловецком монастыре начали строить каменную крепость. Камень для стен и башен доставлялся из Холмогор на судах. Каменные стены, сложенные из дикого камня, в основном сохранились до нашего времени. Стены и башни Соловецкого монастыря строились в течение 10 лет и были закончены в 1594 г. С этого времени монастырь сделался крупнейшей крепостью на севере, и это позволило ему не подчиниться требованиям шведских интервентов, овладевших Великим Новгородом в 1611 г. Любопытнейшая переписка шведских властей с соловецким игуменом

¹³ С. Г. Г. и Д., ч. 2, № 69, стр. 135—143.

ном Антонием напечатана Досифеем в его описании Соловецкого монастыря.

Монастырь вел большую торговлю солью. В середине XVI в. соловецкие речные суда (насады) погружали до 6 тыс. пудов соли в трех насадах, что равнялось 100 возам зимой. Несколько позже разрешено было возить 10 тыс. пудов соли. Ее везли из Холмогор к Устюгу, Вологде и на Волгу.

Соловецкий монастырь обладал многочисленными соляными варницами в уездах, прилегавших к Белому морю. В Турчасове помещался главный соляной склад, там находился «монастырский двор». Хозяйственные мероприятия Соловецкого монастыря отличались большим размахом. В конце XVI столетия монастырь расходовал ежегодно 1400 рублей деньгами, не считая большого количества съестных припасов. Одного коровьего масла выходило 105 пудов¹⁴. В связи с соляными промыслами в Соловецком монастыре развилось производство металлических принадлежностей, необходимых для соляных варниц, — сковород («цренов») и пр.

Главное внимание исследователей обычно обращено на обширное монастырское хозяйство, но Соловецкий монастырь имел не только хозяйственное значение. Это был крупнейший центр образованности на тогдашнем русском севере с его обширной библиотекой и иконописной мастерской. Монастырь был сильнейшим феодалом на севере. В тяжелые годы царствования Ивана Грозного только здесь осмеливались громким голосом говорить о царских жестокостях. Здесь, видимо, были написаны две повести, осуждавшие грозного царя: житие митрополита Филиппа, задушенного Малютой Скуратовым в Твери, и повесть о разгроме Новгорода в 1570 г.

ВОЛОСТИ И ПОСАДЫ НА ЗАПАДНЫХ БЕРЕГАХ БЕЛОГО МОРЯ

Как говорилось выше, Соловецкий монастырь захватил в XVI столетии лучшие земли, расположенные у западных берегов Белого моря, в том числе Сумьскую и Кемьскую волости.

Это было настоящее наступление беззастенчивого и жадного церковного феодала на черные «миры», освоившие берега Белого моря. И только традицией можно объяснить слова исследователя истории соловецкой вотчины, называющего этот бессовестный захват «колонизацией».

К концу XVI в. многие волости на западном побережье Белого моря сделались соловецкой вотчиной, несмотря на упорное сопротивление черных крестьян.

¹⁴ А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем Русском севере в древней Руси). Пермь, 1927, стр. 115.

Появление посельских старцев Соловецкого монастыря в черных волостях было настоящим бедствием для крестьян... Монастырь пользовался разными предложениями для захвата черных волостей. В 1551 г. он выпросил себе во владение деревню Сороку. Это было ценное приобретение, так как Сорока стоит при впадении реки Выг в Онежскую губу Белого моря. Но монастырю этого было мало и он добился передачи ему во владение таких крупных волостей, какими были Сумьская и Кемьская. В XVII столетии остальные крупные черные волости западных берегов Белого моря перешли под власть Соловецкого монастыря¹⁵.

Штаден сообщает интересные сведения о посадах, лежавших по западным берегам Белого моря. Он отмечает существование на реке Керети посада, жители которого занимаются приготовлением слюды для окон. О посаде Сумь он отзывается как о месте, где торгуют рыбой. Шуерецкий посад называет Шуей¹⁶.

В конце XVI в. Кемь была одним из самых больших северных посадов. Там около 1593 г. был построен острог «середь Кемь реки на Лепе озере». Внутри его стояли собор и присутственные места. В это время Кемь вместе со всей Кемьской волостью уже была передана во владение Соловецкому монастырю по грамоте 1591 г. Строительство Кемьского острога встречало явное противодействие местных крестьян, справедливо видевших в этом желание монастырских властей еще больше стеснить их и прикрепить к монастырю.

Еще значительнее была Сумь. Документы середины XVI в. рисуют Сумь еще маленькой деревенькой на островке с тремя дворами. Сумьская волость тоже перешла во владение Соловецкого монастыря, построившего в ней острог (до 1593 г.). Острог был окружен деревянными стенами с рублеными (бревенчатыми) башнями. В остроге стоял храм Николая Чудотворца, монастырский двор с житницами и несколько других строений «для осадного времени».

Главным богатством жителей Сумьского острога были соляные промыслы и рыбная ловля. За солью и рыбой сюда приезжали торговые люди из Новгорода, Каргополя и Поморских городов.

В 1591 г. шведы подходили к Сумьскому острогу, который в одном шведском донесении назван Великими Сумами. На Белом море шведы захватили 2 судна, нагруженных семгой. Около Кемь они сожгли 14 селитренных майданов с таким же количеством амбаров, «наполненных белой солью до самой крыши». Большие железные котлы были разбиты, а заготовленные дрова сожжены¹⁷.

¹⁵ А. А. Савич. Указ. соч., стр. 49 и сл.

¹⁶ Г. Штаден. Указ. соч., стр. 63--64.

¹⁷ А. А. Савич. Указ. соч., стр. 57, примечание; ААЭ, т. I, № 352, стр. 426.

Кереть и Шуерецкий посад дольше других оставались неза-
ронутыми монастырскими захватами. В XVI в. они еще сохра-
няли свое старое земское самоуправление, как это можно видеть
из царской грамоты 1561 г., устанавливавшей губной суд на
Шуе-реке и Кеме-реке. По грамоте, лихих людей судили губные
старосты вместе с выборными людьми. Грамота эта является од-
ним из документов, хранившихся в земских учреждениях, как и
полюбовная запись шуерецких сальных промышленников с кемь-
ским старостой о разделении островков для рыбной ловли: «нам
шуречанам первое становище черной остров и с Валитовым ос-
тровом и со всеми коргами, которые корги к тому становищу при-
легли... а другое становище сальная корга»¹⁸. Карга, или корга,—
отлогий каменистый берег.

Томас Соутем, посетивший в 1556 г. реку Выг, описывает
трудности пути по этой реке. «Народ, обитающий в этих мест-
ностях,— дикий и говорит на другом языке; по большей части
это все монастырские крестьяне. В листе было сказано, что они
должны быть готовы оказать нам помощь во всех опасных местах,
и где необходимо перетаскивать наши суда и товары волоком,
что они действительно и делали». Этот лист, т. е. проезжая гра-
мота, был получен от властей Соловецкого монастыря. Путь про-
ходил мимо ряда поселений, которые перечислены путешествен-
ником, вплоть «до маленького городка Повенца», стоявшего побли-
зости от Онежского озера¹⁹.

КОЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ

Севернее заонежских погостов находилась обширная Кольская
земля, занимавшая весь Кольский полуостров. Эта северная об-
ласть была известна русским с давнего времени, особенно южный
берег полуострова или древняя волость Тре, в XVI в.— Терская
сторона. Здесь находились погост Варзуга и Варзужская волость
(по одноименной реке), прославленная своими рыбными промы-
слами. Тут стоял «дворишко на приезд» Николаевского Корельско-
го монастыря в Холмогорах. Рыбные промыслы в Варзуге особен-
но ценились тем, что здесь ловили такую ценную рыбу, как семга.
О доходах от рыбной ловли говорит то обстоятельство, что в кон-
це XVI в. Троице-Сергиев монастырь платил «на той десятой
рыбе» 140 рублей оброка²⁰.

¹⁸ Архив Карельского филиала АН СССР в Петрозаводске. Грамота
1561 г. на большом широком двойном столбце, скорописью. В конце указана
дата: «К сей грамоте царевы великого князя дьяки Василей Стефанов сын
Угрюмова да Левонтей Онаньин сын печати свои приложили лета 7070 пер-
вого, ноября 1 день» (№ 91). Выпись № 69.

¹⁹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.,
стр. 83—84.

²⁰ ААЭ, т. I, № 229, стр. 363—364; № 312, стр. 375—376; № 347, стр. 419.

Поселения в Кольской земле располагались вдоль берегов. Наиболее известными были посады Ковда, Капдалакша, Умба, Варзуга. Эти волости были расположены у «студеного моря в дикой Лоши»²¹. Волость Умба и ее рыбные промыслы принадлежали Соловецкому монастырю. По словам царской грамоты 1586 г., данной по случаю переговоров с датским королем Фредериком II (к Дании относилась в это время и Норвегия), между Датским королевством и Россией возникали постоянные недоразумения по поводу владения землями на севере. Однако русское правительство упорно заявляло, что «Капдалакша, Конда, Кереть, Варзуга, Умба — изначала наша отчина, Новгородский уезд»²².

Сохранилась сотная выпись волости Варзуги 1563 г. Центром ее был погост Варзуга с церковью Успения. Там стоял «двор нетяглой всее волости Варзуской», который держали для царских гонцов, и дворы непашенных людей. Погост продолжался на другой стороне реки Варзуги, где стояли 2 церкви и насчитывалось более 70 дворов. Все дворы на погосте по одной и по другой стороне реки были непашенными и нетяглыми: «тятль с них преж сего не бывала». По итогам писца, во всем погосте Варзуга насчитывалось 120 дворов, в которых жило 167 человек. На жителей Варзуги был положен оброк, распределяемый ими самими.

Основным занятием жителей было рыболовство. Варзужане ловили семгу, выезжая в карбасах, «а в карбасе по 2 человека».

Такой же характер имели и другие поселения на Варзуге. Жители их ловили «красную рыбу семгу». Волость жила обособленной жизнью. Кроме рыбаков в ее селениях проживало несколько ремесленников: кузнец, швец и пр.²³ Этой волости в первую очередь и коснулся «Басаргин правож», правильнее было бы сказать — грабеж.

В районе Колы находились соляные варницы. Соль отсюда в лодях доставлялась в Холмогоры и Турчасово на Онеге, где закупался хлеб и другие запасы для отдаленных волостей в дикой Лоши²⁴. В этих местах главными богатствами считались рыболовные суда, снасти и продукты морских промыслов: бочки трескового сала, рыба, иногда считавшаяся сотнями, иногда пудами, кожи морских зверей, рыболовные суда — «соймы» и «шняйки» со снастью и т. д.

Кола была самым северным русским посадом. В конце XVI столетия морская пристань в Коле стала привлекать к себе купцов из Франции, Дании, Голландии и Брабанта²⁵. По русским

²¹ ААЭ, т. I, № 351, стр. 425.

²² Там же, № 348, стр. 420.

²³ Сборник грамот Коллегии экономии, т. 1. Грамоты Двинского уезда. Пб., 1922, № 165, стб. 161—172.

²⁴ «Чтения ОИДР», 1917, кн. 2, стр. 15, 21 и сл. Вкладные книги Антониева Сийского монастыря.

²⁵ Сборник Русского исторического общества, т. 38, стр. 94. Особый доклад царю Ивану Грозному (о морских гаванях).

документам это значение Кола получила «ново». Вероятно, стремление французских, датских и нидерландских купцов устроить торговый пункт в Коле объясняется желанием избежать невыгодной конкуренции с англичанами в Холмогорах. Корабль антверпенских купцов появился в Коле в 1564 г. В это время, по описанию нидерландского купца, в Коле насчитывалось не более трех домов. При виде корабля все население Кола немедленно убежало в лес, вероятно, приняв его за разбойниче норвежское судно.

Выгодное положение Кола обеспечило значение нового порта, куда стали съезжаться «разных земель люди». Кола торговала рыбой с норвежцами, здесь торговали и Строгановы. Штаден указывает, что на Коле русские люди торговали с голландцами и другими торговыми людьми, главным образом с антверпенцами. Известие 1574 г. показывает, что Кола, или Кольский посад, представляла собой небольшой незащищенный посад, в котором насчитывалось 37 тяглых дворов «тутошних жильцов», 7 дворов прихожих людей, 43 двора оброчных бобылей. Всего 87 дворов. Характерно указание на 43 двора оброчных бобылей. Это указывает на то, что бобыли занимались тут различного рода промыслами, возможно, они занимались и попружкой товаров. В Коле был выстроен Гостинный двор и поставлены весы для товаров приезжих гостей²⁶.

В 1582 г. торговля с иноземцами в Коле была запрещена, потому что наблюдать за ней было очень трудно. Здесь иноземцы могли держать себя более свободно и независимо, чем на берегах Белого моря. В Коле разрешено было, впрочем, торговать «треской и палтусом, и салом троскиным и китовым». Так, экспорт из Кола стал ограничиваться рыбой и различного рода продуктами морского промысла. Однако торговля не прекратилась окончательно. Жители Кольской волости писали в 1590 г., что они держат три лодейки, которые ходят в устье Двины: «торгуют деи они с датскими и с аглинскими немцы, продают деи им рыбу палтус и треску сухую, а у немец деи на ту рыбу меняют всякой сухой товар, и сукна и медь и олово, ездят на Двину и меняют на хлеб»²⁷. Они указывали на то, что эта торговля дает им возможность привозить хлеб, не произрастающий в таком далеком северном углу.

К Западу от Кола начиналась обширная и малозаселенная область, на которую одинаково претендовали Норвегия и Россия. Однако уже английские путешественники признавали, что «могущественный государь царь России есть верховный повелитель и правитель страны лопарей; они исполняют его повеления и законы, он собирает с них пошрины и подати». Только во второй половине XVI в. датский король стал, по тем же сведениям, со-

²⁶ А. В. Тищенко. Его работы. Статьи о нем. Пг., 1916, стр. 4 и сл.

²⁷ ДАИ, т. I, № 134.

бирать дань с лопарей и претендовать на Колу и Кигор, опираясь на замок Вардехус²⁸.

Старинная межа между Норвегией и Россией у берегов Северного Ледовитого океана проходила по реке Поною, что было установлено уже при Иване III, вероятно, на основании более ранних договоров. Поэтому Иван Грозный считал, что села Кандалакша, Конда, Кереть, Варзуга, Умба «изначала наша отчина, Новгородский уезд»²⁹.

На этом же основании и вся Лопская земля, или Лапландия, считалась исконной русской землей: «и та земля Лопская искони вечная наша вотчина»³⁰.

Датское правительство с этим не соглашалось. По его мнению, земли в Лапландии принадлежат Норвегии, Швеции и России независимо от того, кому платят дань живущие на них лопари. Кола построена на русской земле, хотя жители ее платят дань Норвегии. Русские построили монастырь и город Колу на своей земле, но окрестные жители остаются данниками Норвегии. У лопарей была собственная река, не принадлежавшая ни Норвегии, ни России, но почти всей ловлей в ней завладели русские.

В связи с этим заявлением интересно сопоставить летописное известие о крещении «дикой Лопи»³¹ Кандалакской губы в 1526 г., когда там была поставлена русская церковь Рождества Ивана Предтечи³². В 1553 г. поставили в своей земле церковь «лопляне с Мурманского моря, с Колы реки, с Тутольми, из-за Святого Носа»³³. Таким образом русские владения дошли здесь до океана, распространяемые с помощью церкви подобно тому, как это делалось в Пермской земле в XIV столетии.

На Печенге, впадающей в Ледовитый океан, в 1553 г. возник самый северный русский монастырь — Троицкий Печенгский, или Трифонов, разрушенный шведами и перенесенный в Колу.

Центральная часть Кольского полуострова была слабо заселена кочевыми лопарями. Во второй половине XVI в. (ранее 1574 г.) на реке Поное был поставлен погост с церковью Петра и Павла, который должен был служить центром христианизации лопарей. Но эта затея была мало удачной, церковь вскоре уже стояла пустой. Все церковное имущество было «государево данье», тем не менее половину рыбных ловель в реке Поное лопари были вынуждены отдать церкви. В 1581 г. эти рыбные ловли перешли на оброк к Троице-Сергиеву монастырю³⁴.

²⁸ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в., стр. 92.

²⁹ Русские акты Копенгагенского гос. архива. СПб., 1897.

³⁰ РИБ, т. XVI, стр. 231, № 57. Царская грамота Фредерику II от 1586 г.

³¹ «Чтения ОИДР», 1915, кн. 4. Акты Копенгагенского архива, стр. 130.

Заметка о Лапландии 1598 г.

³² ПСРЛ, т. XX, стр. 404.

³³ Там же, стр. 415.

³⁴ ААЭ, т. I, № 309, стр. 374.

Глава XII

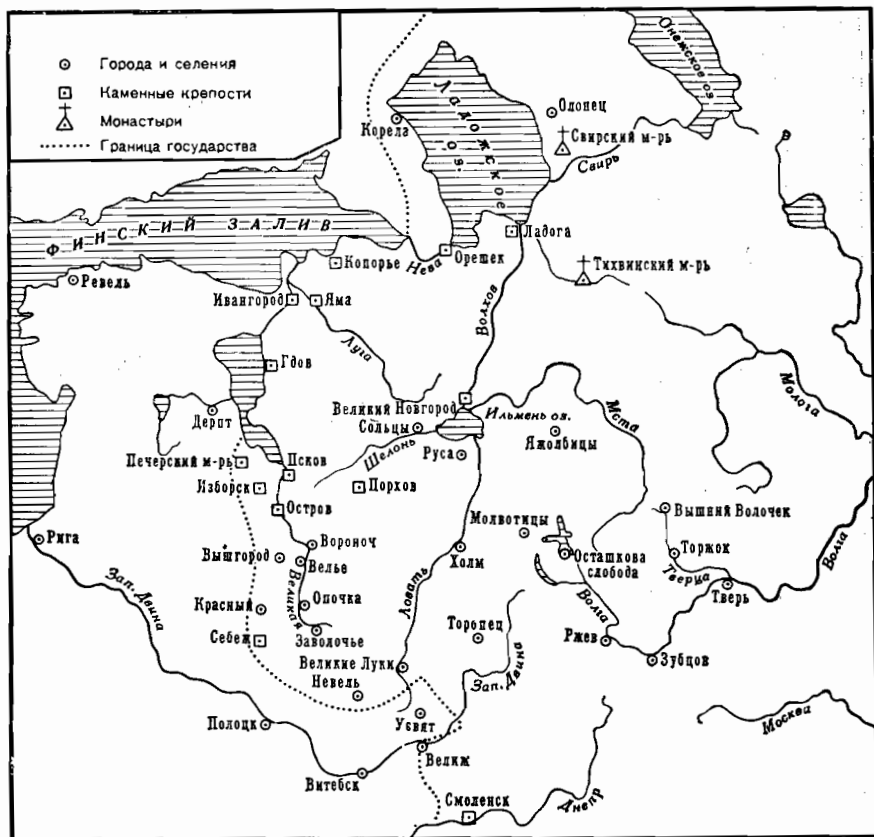
НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ

ОБЩИЙ ОБЗОР

В XVI столетии Новгородская земля все еще сохраняла свое обособленное положение. Основную ее территорию составляли четыре пятины (Водская, Обонежская, Деревская, Шелонская), сходящиеся к Новгороду своими узкими концами. Что касается Бежецкой пятины, то ее правильнее рассматривать как область, непосредственно связанную с Тверской землей. Прежние новгородские владения за Волоком точно так же уже не были в XVI столетии непосредственно связаны с Новгородом, а составляли обширную область Поморья.

Основная территория Новгородской земли довольно резко очерчена бассейном озера Ильменя с Волховом. Это как бы основная ось всей Новгородской земли, вокруг которой и располагались пятины. На севере новгородские земли примыкали к Финскому заливу, заходя несколько севернее Невы и гранича с Финляндией. Обонежская пятина простиралась далеко на север по обеим сторонам Онежского озера. На юге границу Новгородской земли очерчивали обширные леса и болота в междуречье Западной Двины и Ловати. Западная граница Новгородской земли четко обозначалась Чудским озером и рекой Наровой, а на востоке она оканчивалась волоком у Белого озера, за которым уже начиналось Поморье. Почти вся территория Новгородской земли представляет собой равнину, изрезанную долинами рек, и эта изрезанность придает некоторым местностям холмистый вид. Особенно высокие холмы находятся на юго-востоке от Новгорода, где расположена живописная Валдайская возвышенность.

Новгородская и Псковская земли в XVI столетии

Основная водная магистраль Новгородской земли — река Волхов. Она соединяет два самых больших озера в крае: Ильмень и Ладожское. В Ильмень впадает несколько больших рек. Крупнейшие из них Шелонь, Ловать и Мста. Все эти реки доступны для мелкого судоходства. Таким образом, даже отдаленные районы Новгородской земли были связаны со своей столицей удобными водными путями.

Волхов, Ладожское озеро, Свирь и Онежское озеро с его притоками соединяли Новгород с Поморьем. Селение с характерным названием Словенский Волочек стояло там, где начинался перевал из Новгородской земли к бассейну Северной Двины. Кроме больших и малых рек Новгородская земля богата озерами различного происхождения — от живописных водоемов Валдайской возвышенности до озер, заводей и протоков в болотистых местах

Шелонской пятины. Характерное название «Озерный край» обычно применялось к области Великого Новгорода и в позднейшее время. Впрочем, в XVI столетии значение отдельных водных путей сильно изменилось по сравнению с прежним временем. Древний Селигерский путь от верховьев Волги фактически уже не действовал. Сильно снизилось значение водной дороги по Тверце и Мсте. Позже правительство Петра I построило здесь Вышневолоцкий канал. В XVI в. наибольшее значение получила сухопутная дорога из Москвы в Новгород через Тверь.

Обширные леса и болота покрывали Новгородскую землю. Писцовые книги отмечают частые моховые болота («мхи»), где иногда водились соколы. К югу от озера Ильмень по направлению к Великим Лукам тянулись малопроходимые чащи и болота, перерезанные множеством рек.

Лесной покров Новгородской земли еще в начале нашего века очерчивался географами таким образом: «Современный лес, покрывающий Озерную область, состоит по преимуществу из хвойных деревьев, главным образом из ели и в меньшем количестве из сосны, лиственные породы, хотя и встречаются, но играют подчиненную роль»¹.

Почвы Новгородской земли не отличаются особым плодородием, в основном это почвы дерново-подзолистые и песчаные.

Новгородская земля и в XVI в. сохраняла некоторые местные особенности территориального деления более раннего времени. Она делилась на пять пятин, территория которых сходилась клином к единому центру — к Великому Новгороду. Две пятин, Волская и Обонежская, находились в северной части Новгородской земли, Деревская и Шелонская пятин лежали к югу от города, между Шелонью и Мстой. О Бежецкой пятине, находившейся в стороне от Новгорода, говорили еще выше.

В XVI столетии пятин были еще прочными территориальными делениями, служившими главным образом единицами для военного, административного и финансового управления Новгородской землей. Должность новгородского наместника, позже воеводы, была очень высокой; на нее назначались крупнейшие вельможи. Значение самого Новгорода подчеркивалось также существованием особой новгородской архиепископии (с 1589 г. — митрополии), второй по рангу после московской митрополии, позже патриаршества.

О Новгородской земле написано большое количество монографий, больших и мелких книг и статей, и это позволит нам остановиться только на наиболее характерных особенностях этого края — одного из самых богатых и населенных в России XVI в.

---

¹ Россия, т. 3. Озерная область. СПб., 1900, стр. 49—50. Понятие Озерной области почти совпадает с границами Новгородской и Псковской земель в XVI в.

ОСТАТКИ НОВГОРОДСКОЙ ВОЛЬНОСТИ

Падение новгородской самостоятельности в исторической литературе обычно изображается как полная безоговорочная капитуляция новгородцев. Так это показано и в новой книге Л. В. Черепнина, где, в сущности, повторяются уже давно известные сведения, только с некоторыми вариациями от автора. Л. В. Черепнин не обратил внимания даже на то, что новгородцы вели с великим князем Иваном III длительные переговоры, закончившиеся составлением особой записи, к которой были приложены печати от всех пяти новгородских концов вместе с печатью архиепископа. Л. В. Черепнин рассматривает составленный новгородцами документ как простую крестоцеловальную запись, предложенную Иваном III, как «список тех условий, на которых он согласен принять присягу новгородцев»². Но что же это были за условия, о чем ездили договариваться новгородцы, — об этом в книге Л. В. Черепнина не говорится ни слова. А между тем речь явно идет не просто о крестоцеловальной записи, а о жалованной царской грамоте, подобно той, которая позже была дана Смоленску. На этой именно грамоте и приводили ко кресту новгородцев. Иначе, зачем было бы вести такие длительные переговоры.

Каковы же были те условия, на которых новгородцы подчинились великому князю и которые очень долго соблюдались самой царской властью, что и вызвало справку московских приказов XVII в. о том, что Великий Новгород до разоренья был в великой вольности?

Внешне остатки новгородской старины подчеркивались в самом царском титуле, где царь именует себя великим князем Новгородским. «Новгородское государство» сохранилось и в дипломатических отношениях. Сами цари отстаивали обычай, согласно которому сношения со Швецией велись при посредстве новгородских наместников. «А того из веку не бывало, чтобы от наши державы быти послом в Свейской земле, все хаживали послы от новгородских наместников», — читаем в грамотах Ивана Грозного к шведскому королю Иоанну³.

Стремление сохранить старинные новгородские традиции выражалось и в том, что печати новгородских наместников воспроизводили старинный герб Великого Новгорода. По мнению А. В. Арциховского, этот герб изображал вечевую степенъ с положенным на ней посохом новгородского посадника. Такое объяснение, на первый взгляд, представляется вполне обоснованным, но при более внимательном изучении оно все-таки вызывает сомнение. Сам

² Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XVI вв., стр. 872—873.

³ Летопись занятий Археографической комиссии, вып. 5. СПб., 1871, стр. 35. Грамоты царя Иоанна Васильевича к Иоанну, королю шведскому.

А. В. Арциховский признает, что на новгородской печати XV в. «изображено трехярусное здание с арочными проемами в стенах»⁴. Но «проемы» могут изображать и не ственные арки, а окна, причем нижний большой проем напоминает ворота. Все же изображение в целом соответствует зданию так называемой вечевой гридницы на Торговой стороне Новгорода, которое в переделанном виде сохранилось до нашего времени: башня в три яруса и сбоку более низкое здание с воротами. Шатер, венчающий теперь здание вечевой гридницы, явно носит черты позднейшей постройки XVII в. Становится понятной и надпись вокруг печати XV в.: «печать господа». А. В. Арциховский эту надпись расширяет, читая ее как «печать Господина Великого Новгорода». Но никаких добавлений и не нужно. Слово «господа» обозначало правящий совет в Новгороде и Пскове, а изображение здания указывало, что местом этого совета была вечевая гридница. Изображение вечевой гридницы было заменено при Иване Грозном изображением ступенчатой лестницы с лежащим на ней посохом и надписью «печать наместника Великого Новгорода». Но ступенчатость не обязательно обозначает вечевую степен, а напоминает о степенях царствований, что нашло отражение в названии «Степенная книга царского родословия». Борьба с пережитками новгородской вольности после новгородского восстания 1650 г. привела к новому изменению герба, и степен превратилась в трон.

Можно только поражаться тому обстоятельству, что исследователи игнорировали ясное летописное свидетельство о переговорах новгородцев с великим князем в 1478 г., где прямо говорится о сохранении особых новгородских вольностей. 19 декабря 1477 г. великий князь призвал к себе архиепископа, посадников, житых и черных людей и сделал им такое заявление: вы просили, «что бы яз пожаловал, гнев свой отложил и вывода бы из новгородские земли не учинил и в отчины и в животы людские не вступал бых ся и позва Московского и суда быты [в Воскресенской летописи — «суду быти»] по старине в Новгороде, как суд в земли стоит, да и службы в Низовскую вами не наряжал, и яз тем всем вас свою отчину, все то есмь отложил»⁵.

В приведенных словах точно указаны пожалования, данные новгородцам в отмену раньше предложенных условий, от которых великий князь отказался, «отложил»: 1) не выводить новгородцев в другие земли, 2) не вмешиваться («не вступаться») в дела о земельных («в вотчины») и движимых имуществах («в животы»), 3) не вызывать для суда и расправы в Москву («московский позов»), 4) сохранить старые судебные обычаи, существовавшие в Новгороде в более раннее время («как суд в земли

⁴ А. В. Арциховский. Древнерусские областные гербы. «Уч. зап. МГУ», вып. 93. История. Кн. 1. М., 1946, стр. 49—53.

⁵ ПСРЛ, т. XXV, стр. 318. Московский свод конца XV в. очень точно, даже с его своеобразными оборотами передал ответ великого князя.

стоит»), 5) не вызывать для несения военной службы в Низовскую землю. Вот те основные привилегии, которые были сохранены для Новгорода.

Некоторые гарантии, данные Новгороду, были вскоре же нарушены самим великим князем. Вывод новгородских бояр и купцов в другие районы России был проведен в широких размерах. Великий князь и его заместители активно вмешивались и в дела о вотчинах и движимых имуществах. Но три других условия (об отмене московских позвов, о сохранении старых судебных порядков, о военной службе новгородцев в пределах их земли) сохранялись вплоть до новгородского восстания 1650 г., хотя и подвергались изменениям. Поэтому свидетельство 1519 г. о пожаловании новгородцев особой жалованной судебной грамотой нельзя считать, как это думают П. П. Смирнов и А. П. Пронштейн, чем-то новым. Это, в сущности, возвращение к старым судебным порядкам Великого Новгорода. Тот же П. П. Смирнов указывает на свидетельства иностранцев о существовании в Новгороде XVI в. особой «гильдии» носильщиков. В лавочных книгах Новгорода заметны указания на особый строй «новгородских торговых рядов» со старостами во главе. Имеются и прямые указания на «купецких старост» в Новгороде, которые стояли во главе купеческих объединений, подобных Иванскому сту, и пр.

Игнорируя сведения об особой новгородской старине и вольностях XVI в., историки не могут объяснить крайнюю свирепость Ивана Грозного по отношению к новгородцам в 1570 г., и относят ее целиком к его ненормальным психическим свойствам. Но гнев Ивана Грозного был проявлением не только его ненормальной жестокости, но и определенных политических тенденций. Повесть о разгроме Новгорода в 1570 г. прямо пишет, что царь ополчился на «градских жителей»⁶. Среди них указаны и владычные дети боярские, та категория служилых людей, которая всеми своими корнями была связана с новгородским прошлым. У новгородских горожан, несомненно, существовало оппозиционное настроение, направленное против самого царя и продолжения Ливонской войны, разорявшей в первую очередь Новгород и подрывавшей его торговлю с зарубежными странами.

Однако и разгром 1570 г. не уничтожил остатков новгородских вольностей, так как Иван Грозный со свойственной ему непоследовательностью не ставил перед собой задачи решительно уничтожить пережитки феодальной раздробленности. Ко времени разгрома 1570 г. надо отнести ликвидацию кое-каких привилегий Новгорода, но основная твердыня новгородской старины «Дом Святой Софии» осталась нетронутой. Это было особое феодальное владение, пользовавшееся громадными правами, обросшее разного рода учреждениями, носившими те же наименования, что и московские

⁶ Новгородские летописи. СПб., 1879, стр. 393 и сл.

приказы. Тут мы встречаем Судный и Казенный приказы и даже «Святительский Разряд», где обвиняемые подвергались подлинному «розыску», вероятнее всего, пытке. Блестящая монография Б. Д. Грекова позволяет нам представить этот крупнейший клерикальный центр России XVI в.⁷ Обособленность Новгорода создавала из Софийского дома, может быть, более высокое, во всяком случае более независимое феодальное учреждение, чем даже митрополичий двор в Москве, о котором в конечном итоге так немного известно для XVI в.

До самого конца XVI в. в Новгороде сохранялось деление на пять концов во главе с пятиконецкими старостами. Такое деление восходило ко временам новгородской самостоятельности, но не было упразднено Иваном III и его наследниками. Рассказывая о переговорах новгородцев с великим князем, летопись отмечает участие в переговорах «человек черных от 5 концов». Прямое указание на «черных» людей как на представителей от концов позволяет сделать вывод, что сохранение пятиконецких старост было обусловлено жалованной грамотой, данной Новгороду. Таким образом, Новгород сохранил некоторые остатки своего прежнего самоуправления. В данном случае черные люди в качестве представителей бюргерства оказались в союзе с сильной великокняжеской властью, как это было и в Западной Европе, на что указывал в своих трудах Ф. Энгельс.

Известия о пятиконецких старостах разрозненны и кратки, но и они позволяют говорить о том, что пятиконецкие старосты были связаны с разными сторонами внутренней жизни Новгорода. В частности, они производили выбор целовальников для сбора различных пошлин. Записи о таких выборах дошли до нас в подлинниках от начала XVII в. К сожалению, А. П. Пронштейн, написавший интересное исследование о Великом Новгороде в XVI в., недостаточно анализировал дошедшие до нас сведения о пятиконецких старостах и не обратил внимания на то, что цитируемые им документы относятся ко времени оккупации Новгорода шведскими войсками, когда деятельность пятиконецких старост как представителей населения должна была принять некоторые другие формы, чем в обычное время. Подбор известий о пятиконецких старостах, данный А. П. Пронштейном, впрочем, показывает, что пятиконецкие старосты имели важное значение и раньше.

Наряду с пятиконецкими старостами сохранялось и уличанское деление, характерное для Великого Новгорода времени его самостоятельности. По улицам распределялись различного рода повинности. Таким образом, Новгород и после 1478 г. сохранил некоторые черты своего федеративного устройства.

⁷ Б. Д. Греков. Новгородский дом святой Софии (Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины), ч. I. СПб., 1914.

Даже в середине XVII в. новгородцы резко отделяли себя от иногородних людей. Один из вожаков новгородского восстания 1650 г. так писал о новгородских обычаях, обращаясь к царскому воеводе Хованскому: «жалуй, посылай в Великий Новгород новгородцев, а не иногородних людей, потому что, государь, иногородные люди, не ведая ничего, говорят многие прибавочные речи, а новгородского извычая не знают»⁸.

Эти слова о новгородском «извычае» можно сопоставить со словами летописи о переговорах 1478 г. «Великы Новгород Низовские поплины не знают»⁹.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

По своим природным условиям Новгородская земля не могла быть причислена к особо богатым. Почвы здесь в основном подзолистые. Поля во многих местах покрыты каменным щебнем и большими валунами — остатками древнего ледника.

При обширности той территории, которую занимала Новгородская земля, конечно, условия для развития в ней сельского хозяйства были неоднородны. Северные земли, лежавшие по берегам Онежского озера, отличались сравнительно слабым развитием земледелия. Иной характер имели старинные земледельческие районы в Деревской и Шелонской пятинах, где когда-то сосредоточивались обширные латифундии новгородских бояр с их замками-усадебями.

Сельское хозяйство Новгородской земли основывалось на сочетании земледелия и скотоводства¹⁰. Уже в писцовых книгах конца XV — начала XVI в. села и деревни Шелонской и Деревской пятин рисуются как крупные производители различного рода сельскохозяйственных продуктов.

На первом месте, как и в других районах России, новгородские писцовые книги указывают посеvy ржи, овса и ячменя. Они отмечают старый и новый «доход», который получали от крестьян новгородские землевладельцы. Даже в начале XVI в. доход от хлеба считался самым главным. В случае недорода или по каким-либо другим причинам, оброк, получаемый землевладельцем, переводился на деньги с его оценкой деньгами «за коробья ржи». Общий итог «дохода» подводился такими характерными словами: «и всего положено за хлеб деньгами два рубля з денгою».

⁸ М. Н. Тихомиров. Новгородское восстание 1650 г. «Исторические записки», 1940, т. 7, стр. 111.

⁹ ПСРЛ, т. XXV, стр. 318.

¹⁰ О сельском хозяйстве Новгородской земли написано много трудов (А. М. Гневушевым, Б. Д. Грековым и др.). Автор останавливается здесь только на наиболее характерных особенностях сельского хозяйства Новгородской земли.

Характерно перечисление пашенной земли путем указания коробей, в силу чего даже земли, заросшие лесами и сделавшиеся перелогом, исчислялись коробьями: «перелогу и лесом поросли, 483 коробки, а четвертми 968 чети с третником четвертным»¹¹. В этом перечислении имеем два вида подсчета пашни: один по четвертям, другой по посевам, коробьям.

Хлебопашество определяло крестьянские доходы и те пошлины, которые крестьяне должны были платить великому князю или помещику. Отмечалась и возможность того, что порой оброк невозможно будет выплатить натурой, хлебом: «а в котором году не взяты хлеба хлебом».

В земледелии в основном господствовало трехполье, как это показывается в писцовых книгах; например, «пашни паханные церковные пятнадцать коробей в поже, а в дву по тому ж» и т. д.

В конце XVI в. в спорных делах о землях постоянно говорится о засеянном хлебе как главном богатстве вновь получаемого поместья. Так называемые обыски, т. е. следственные дела по земельным и другим спорам, вставляют и такой вопрос: «Хто именем, теми государевыми порозжими землями и угодьями владеет и что на тех на государевых на порозжих землях ржи и ярового хлеба сеяно ли и сена кошено ли»¹².

Сохранились ужинные и умототные книги новгородских вотчин с указанием на посеvy ржи и других культур. В ужинной и умототной книге села Моравска отмечено, что сжато было 14 копен, намолочено 17 четвертей ржи, «а сеяно было тое ржи пол 4 четверти» (3^{1/2} четверти). Книги были составлены в связи с переходом села в другое владение и засвидетельствованы попами, пятидесятским и десятским. Еще более подробно записано о жатве в другом случае. В селе было сжато кроме ржи 90 снопов пшеницы, тут же приписано: «а льну не волочили за то, что извалялся и сгнел на днеще»¹³.

И в других документах, относящихся к сельскому хозяйству Новгородской земли, мы встречаемся с такими же указаниями на лен. Культура льна получила большое развитие в Новгородской земле, как и во всей северо-западной полосе тогдашней России, но требовала особых забот. Вот почему лен мог изваляться и портиться на пашнях, не дождавшись своевременной уборки.

В Новгородской земле были развиты и другие культуры, как это показывают многочисленные указания писцовых книг. Среди них выдаются посеvy гороха, огородные растения (репа, свекла, огурцы и т. д.). Огородничество было особенно развито в самом

¹¹ Глубокий анализ сельского хозяйства и положения крестьян в Новгородской земле XVI—XVII вв. дан в труде Б. Д. Грекова «Очерки по истории хозяйства новгородского Софийского дома XVI—XVII вв.» (Б. Д. Греков. Избранные труды, т. III. М., 1960).

¹² Д. Я. Самоковасов. Указ. соч., т. 2, стр. 446.

¹³ Там же, стр. 512—513.

Новгороде и в прилегающих к нему местностях. Это был старый и развитый промысел, требовавший большого умения и внимания. Новгородские летописи XVI в. порой особо отмечали дороговизну овощей или овощных семян на рынке. «Да того же лета, — пишет летописец, — было семя огуречное дорого, гривенка [небольшая мерка] 20 алтын, а блюдечко по гривне новгородская»¹⁴. Значительное развитие в Новгородской земле получило садоводство. Яблоневые сады нередко упоминаются в писцовых книгах, часто с прибавлением сведений о количестве плодовых деревьев: «садишко, в нем девять дерев яблоней» и пр.

В целом земледелие в Новгородской земле в XVI в. представляется более развитым, чем во многих других областях России того времени. Конечно, и в Новгородской земле была развита пашня «наездом», но это вовсе не обозначало какой-нибудь земледельческий регресс, как это считал в свое время Н. А. Рожков. «Пахать землю наездом, — пишет Рожков, — значило эксплуатировать ее нерасчетливо, хищнически, без правильного севооборота, истощая почву»¹⁵. Но такое определение пашни наездом в XVI в. представляется чисто профессорско-академическим высказыванием. Ведь «правильный севооборот» возможен при определенных хозяйственных условиях. Крестьяне XVI в. пользовались землей для своих целей, как им было удобно, не считаясь с сельскохозяйственными предписаниями начала XX в. и даже не зная о них. Да и «правильный севооборот» 50-летней давности с точки зрения современной сельскохозяйственной техники является почти столь же отсталым, какой казалась пашня наездом для начала нашего века.

Земледелие Новгородской земли было тесно связано с продуктовым животноводством. В старый и в новый доход, получаемый от крестьян, уже в начале XVI в. вносились различного рода продукты животноводства — мясо, масло, сыры и пр. В этом отношении очень интересны сведения о тех продуктах натурой, которые получали в доход различные должностные люди. Тут и полти мяса, и масло и творог: «шесть лопаток говяжьих, восемь блюд масла, окорок мяса, двое куров, две лопатки бараньих, чаша масла, двадцать окорочков свиных, ведро масла» и т. д. в самых различных вариациях.

Еще выразительнее перечисление кормов, поставленных новгородцами для ночлегов царского двора в 1569 г. Каждый день прожорливый царский двор получал 10 коров, 5 свиней, 100 баранов, 10 молодых овец («ярок»), 50 гусей, 400 кур, 10 утят, 5 пудов коровьего масла, 5 ведер сметаны, 2 ведра сливок, 5 сыров кислых, 5 сыров молодых, 5 сыров сметанных, 2000 яиц¹⁶.

¹⁴ Новгородские летописи, стр. 88.

¹⁵ Н. А. Рожков. Указ. соч., стр. 64.

¹⁶ К. А. Неволин. О пятинах и погостах новгородских. Зап. Импер. русск. геогр. об-ва, кн. VIII. СПб., 1853, стр. 51—52 (приложение).

РЫБОЛОВСТВО, БОРТНИЧЕСТВО И ОХОТА

Крупное значение в Новгородской земле имели рыбные угодья. Писцовые книги пестрят указаниями на озера, где ловят рыбу не только неводами, но и просто удочками. Сорта рыбы были разнообразными, тут и щука, и караси. Такую рыбу писцовые книги называют «белой». В иных случаях рыбу ловили путем устройства в русле речки частокола («в той же волостке кол колят на усть Волосы речки»). В пределах области вылавливали и более дорогую рыбу — сига и лососей.

Писцовые книги конца XV в. иногда с большой мелочностью сообщают об оброках на рыбную ловлю. Таково описание рыбных оброков в волости Березовец на озере Селигере, принадлежавшей раньше знаменитой Марфе Посаднице (Марфе Исаковой). Рыбу ловили тут сетями — «кереводами», с каждого керевода считали по 40 «суцин» (мелкой рыбы) и по 5 рыб.

По Доходному списку Ладожского кормления 1556 г. ладожский наместник, который получал пошрины «судом и пятном, и душегубством и кормом» с окрестных поселений, собирал также «доходы» не только деньгами, но и рыбой. На Птицовом острове Ладожского озера осенью останавливались рыбные ловцы, которые платили с каждой лодки по 20 сига. Из общего количества собранных сига наместник получал пятую часть («и тое пятое части собирают на наместника до бочки сига»). Наместник делил полученные сии на пять частей вместе с ладожскими монастырями¹⁷.

В Новгородской земле XVI в. некоторое значение сохраняло бортничество. Мед и воск являлись видными товарами, которые закупались в больших размерах. Впрочем, в XVI в. бортные промыслы стали уже покидать Новгородскую землю. Это видно из того, что писцовые книги предусматривают возможность того, что мед не будет собран: «а не будет пуда меду, и ему давати за пуд меду полторы гривны новгородские»¹⁸. В конце XVI в. архиерейские люди закупали мед у приезжих купцов. В приходе-расходных книгах Софийского дома читаем: «Купил чашинок старец Макарий у Ждана Данилова сына Серпуховитина... меду Сиверского 75 пуд, дано 45 рублей». Прозвище Серпуховитин показывает, что медом торговал приезжий или переведенный из города Серпухова. Название «Сиверский мед» указывает на то, что мед привезли из Северной, или Сиверской, земли (не забудем, что буквы «ять» и «и» менялись в новгородском говоре). В связи с этой закупкой Б. Д. Греков делает такое замечание: «Если сравнить с записями за меньший промежуток времени 1547—48 г.,

¹⁷ Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., т. 4, стр. 177.

¹⁸ К. А. Неволлин. Указ. соч., стр. 12 (приложение).

мы сразу увидим разницу: тогда четыре раза покупали мед разных сортов (467 $\frac{5}{8}$ пуда и одна бочка) на сумму 140 руб. Мед в конце XVI в. подорожал по сравнению с первой половиной, в 3 раза»¹⁹.

Добыча дикого меда и бортничество как занятия населения все дальше стали уходить на север и на восток.

То же явление наблюдается и в охотничьем промысле. Тетерева и другая пернатая дичь упоминаются в начале XVI в. в качестве доходов, получаемых различными должностными лицами. Позже охотничьи промыслы еще сохраняются в Новгородской земле, но постепенно теряют свое значение. Исчезают и промысловые места, где водились соколы и кречеты. Ловля птиц также уходит далеко на север и на восток, пустеют и моховые болота («мхи»), когда-то изобиловавшие ловчими птицами.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

О характере землевладения в Новгородской земле писали неоднократно, основываясь главным образом на таком непревзойденном по своей полноте источнике, какими являются новгородские писцовые книги. Нет никакого сомнения в том, что присоединение Великого Новгорода к России вызвало громадные перемены в землевладении Новгородской земли. Вопрос о передаче многих владичных и монастырских земель во владение великого князя неоднократно обсуждался во время переговоров новгородцев с Иваном III в 1478 г. В писцовых книгах указываются волости, села и деревни, принадлежавшие ранее монастырям, а позже сделавшиеся черными. Обычно такие земли в писцовых книгах именуются землями великого князя иногда с указанием бывших владельцев того или иного погоста, например: «великого князя волость, что была Юрьева монастыря», «на погосте великого князя Ивановские Захарына да что были Пречистые Деревяницкого монастыря» и т. д.

Кроме владичных и монастырских земель к великому князю перешли многие боярские вотчины, сохранявшие в конце XV—начале XVI в. наименования своих старых владельцев. В позднейших писцовых книгах прежние владельцы этих погостов, бояре времен новгородской самостоятельности, уже не упоминаются, память о них постепенно уходит в прошлое. Таких боярских владений было очень много, и они располагались в наиболее плодородных местах Новгородской земли — в Деревской и Шелонской пятинах.

Казалось бы, переход прежних церковных и боярских земель во владение великого князя должен был обеспечить широкое

¹⁹ Б. Д. Греков. Избранные труды, т. III, стр. 95.

развитие черносошного землевладения в Новгородской земле. На самом деле это не произошло, так как отобранные земли сделались основным фондом для испомещения на них служилых людей. Ведь Новгородская земля принадлежала к числу областей «от Литовской украины». В военном отношении это был один из самых беспокойных районов России, особенно во время продолжительной Ливонской войны. Требовалось большое количество военных людей, может быть, даже значительно большее, чем во времена новгородской самостоятельности, так как Великий Новгород старался быть в мире с соседними странами и придерживаться старинных рубежей, не заявляя претензий на Ливонию.

Таким образом, Новгородская земля, сохраняя остатки архиепископских и монастырских вотчин, сделалась в основном районом мелкого поместного землевладения. Различного рода документы об отдаче («отделе») поместий в большом количестве сохранились до нашего времени. Они позволяют проследить переход земель из одних рук в другие, а также установить, при каких условиях происходил такой переход. Обычно сведения о поместьях давали соседние боярские дети вместе с приходским священником с указанием на старого и нового помещика. Например, «князя Приемкова в животе не стало и жены и детей у него не осталось, а поместье его в роздачу дано князю Тимофею Оболенскому»²⁰.

При вводе нового помещика во владение землей ему давалась ввозная грамота, составлявшаяся по определенному формуляру. Земля передавалась в поместье с перечислением тех крестьян, которые на ней жили, и с предписанием: «и вы б все крестьяне, которые в том селцы и в деревнях живут, и вперед учнут жити [указывается имя нового помещика] слушали и пашню на него пахали и доход ему хлебный и денежный платили, чем вас [имя помещика] изоброчит»²¹. Порядок отдачи земли в поместье был, впрочем, таким же и в других областях России того времени.

Особенностью Новгородской земли являлось существование в ней земцев или своеземцев. О природе своеземцев и земцев имеются различного рода высказывания, повторение которых не входит в задачу данной книги. По мнению Д. Я. Самоквасова, поместья своеземцев, которые иногда именуются «земецкими», являются остатками прежнего феодального землевладения в Новгородской земле, и это мнение надо считать правильным. По словам Самоквасова, «Не все служилые люди бывшего „Государя Великого Новгорода“ были сведены в московские города. Оставшиеся в Новгородской земле по-прежнему владели своими волостками, но уже под условием службы новому новгородскому государю,

²⁰ Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., т. 1, стр. 139 и сл.

²¹ Там же, стр. 1—105.

каковым по уничтожении веча был московский великий князь». Последнее заключение, однако, правильно только отчасти, как это показывают справки из различного рода документов, приведенные самим же Самоквасовым. Своеземец Бочина «служит у Федора у Михайлова сына Кокорева и помещьем его тремя обжами с четвертью владеет Кокорев, а братья Бочинины, Куземка да Максимка, сошли безвестно, а службы Бочина не служит»²².

Из этой справки видно, что своеземец представлял собой человека, который не связан был с обычной государевой службой, вследствие чего писцы и отписали у него землю. Это был тот вид мелкого землевладельца, с которым мы встречались в Тверском крае (см.), где некоторые служилые люди никому не «служили» (т. е. не были ничьими вассалами) или служили тверскому епископу, князю Микулинскому и т. д. Это — «слуги», по французской терминологии арьер-вассалы, — слой довольно многочисленный в Новгородской земле времени ее самостоятельности. После присоединения Новгорода к Московскому княжеству своеземцы или земцы постепенно становятся служилыми людьми великого князя.

Среди них были, конечно, и слуги, или послужилыцы, новгородских бояр, как это справедливо отметил Самоквасов.

Остатки прежних новгородских порядков прочно держались в среде новгородских помещиков. Однако С. Ф. Платонов характеризовал новгородцев XVI в. как людей, потерявших все прежние воспоминания о своих вольностях. О новгородских служилых людях он пишет: «Лишенный всяких политических воспоминаний и аристократических традиций новгородских, привязанный к Москве происхождением или же обязаный ей карьерой, этот класс стал надежным слугой московской власти»²³. Однако такое заключение неправильно и по отношению к служилым новгородцам, и тем более по отношению ко всему новгородскому населению, хотя оно и сделалось как бы общепринятой формулой. В действительности остатки новгородской обособленности тщательно сохранялись среди новгородских дворян по крайней мере до 1570 г. Ведь если владения новгородских бояр были ликвидированы, то многие более мелкие новгородские землевладельцы сохранили свои земли. К тому же и в волостях, отобранных у новгородских бояр, сохранились прежние порядки, что ясно вытекает из пересчета старого дохода на новый в писцовых книгах. Мелкий служилый люд, различного рода «тиуны» и «слуги» остались сидеть на своих землях и при новых хозяевах.

Обособленное положение Новгородской земли и некоторое оппозиционное направление новгородских дворян четко проявились во время ссоры Андрея Ивановича Старицкого с правительством

²² Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., т. 1, стр. 166.

²³ С. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 46.

Елены Глинской в 1535 г. Тогда новгородские дворяне поддержали Андрея и были за это свирепо наказаны²⁴.

В 1570 г. царский гнев коснулся не только городских жителей. Опричники, по летописи, грабили боярские вотчины и поместья на 200 верст вокруг города, «по усадищем боярским и по поместьям». Последние слова о поместьях ясно указывают на то, что новгородские помещики не были совсем непричастными к оппозиции, направленной против грозного царя.

Крупное феодальное землевладение в Новгородской земле XVI в. в основном было церковным и монастырским. Крупнейшим вотчинником являлся новгородский архиерей. Софийскому дому принадлежали погосты и деревни во всех новгородских пятинах. Подробное и точное описание владений новгородского архиепископа дано в известной книге Б. Д. Грекова, который отмечает и постепенное уменьшение земельных имуществ Софийского дома в XVI в.²⁵

Значительные земельные владения принадлежали крупным и мелким монастырям Новгородской земли. Знаменитейшие из них, Юрьев, Антониев, Хутынский, были сосредоточены в окрестностях самого Новгорода. В XVI столетии земельные владения новгородских монастырей сильно убавились по сравнению со временем новгородской самостоятельности.

Наряду с помещичьими и церковно-монастырскими землями в Новгородской земле существовало значительное количество черных волостей, иногда принадлежавших «вопче» великому князю и помещикам. Таких черных деревень «царя и великого князя» в новгородских пятинах было еще очень много.

Присоединение Новгородской земли к Московскому княжеству на первых порах благоприятно сказалось на положении крестьян, сделавшихся черными тяглыми людьми и вышедшими из-под власти новгородских бояр. В отличие от других областей России XVI в., где устанавливалась уже тяжелая барщина, Новгородская земля была по преимуществу областью оброчного крестьянства. Б. Д. Греков отмечает высокое положение крестьянских старост в вотчинах новгородского владыки: «Староста бьет челом во всех крестьян место, как представитель своей волости. Он, староста, имеет в своем распоряжении документы о платежах, расписки, памяти и т. д.... Владыка внимательно прислушивается к тому, что скажет староста»²⁶.

Участие крестьянского мира во главе со старостой в делах волости и отдельных селений не было исключительно типичным только для Софийской вотчины. Старосты и крестьянский мир

²⁴ И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.—Л., 1958, стр. 53—74.

²⁵ Б. Д. Греков. Новгородский дом св. Софии, глава VI. Земля святой Софии.

²⁶ Там же, стр. 394.

принимали участие во многих делах, касающихся их интересов и в других волостях. Старое крестьянское самоуправление еще сохраняло свое значение в Новгородской земле вплоть до конца XVI в.

РЯДЫ, ИЛИ РЯДКИ

Новым и показательным явлением в Новгородской земле XVI в. было возникновение торгово-ремесленных поселений: «рядков», или «рядов». Эти поселения приравнивались в этом столетии к городам и наряду с ними перечисляются в разметном списке 1545 г.

Большими рядами изобиловала Деревская пятина, где почти отсутствовали города. Здесь рядки являлись настоящими торгово-ремесленными посадами, зародышами новых городов, многие из которых, впрочем, остались без дальнейшего развития.

Большой ряд Яжелбицы, селение, известное в истории как место, где был заключен Яжелбицкий мир, представлял собой значительное поселение. В нем насчитывалось, по разметному списку, 58 тяглых и 6 церковных дворов.

Еще крупнее был ряд Березовский. В нем стоял 161 тяглый двор и 7 церковных дворов.

Большой ряд находился на Великом Пороге на реке Мсте. Он так и назывался «Ряд на Великом Пороге на Мсте». Это поселение было пограничным, одна часть его считалась в Деревской пятине, другая в Бежецкой. По непонятной причине в середине XVI в. ряд на Великом пороге представлял собой уже картину запустения. Вместо прежних 95 дворов в нем числилось всего 36²⁷.

Особенно крупное поселение возникло на месте современного Вышнего Волочка в Бежецкой пятине. Поселение здесь называлось Никольским погостом, или «погостом на **Вышнем Волочке**». Там стояли две церкви, одна из которых была шатровой. При них находилось 6 дворов церковного причта и 7 келий нищих. Дворы тяглых людей располагались на нескольких улицах. Итог дворов, данный в писцовой книге Бежецкой пятины 1583 г., откуда взяты эти сведения, несколько неясен. По книге, в Вышнем Волочке стояло 45 дворов пашенных и непашенных людей, в которых жили бобыли (24 человека). Кроме того, 12 дворов были «во льготе». Таким образом, количество дворов в Вышнем Волочке равнялось нескольким десяткам. Это еще не город, но уже зачаток города, будущего Вышнего Волочка.

Черты ремесленно-торгового поселения еще ярче выступают перед нами в описании лавок и амбаров Вышнего Волочка. У островка на реке Лсне, лежавшего среди заводей, была пристань. В книгах отмечено семь мест, «где кладут суды, как

²⁷ ААЭ, т. I, № 205, стр. 194.

проводят из наволок». Эти несколько неясные слова указывают на перевалку судов из Лсны во время паводка, судя по дальнейшему пояснению: «7 мест дворовых занято под суды под наряд, коли суды проводят с переволоки на пристанья для наряду, как кладут наряд в суды и из судов». Наряд — в данном случае погрузка судов. Жившие в чужих дворах бобыли, возможно, были грузчиками на судах.

В Вышнем Волочке находилось и промышленное предприятие — ямчужный селитренный амбар, при котором стоял двор ямчужного мастера, ниже амбара на реке Лсне стояла мельница, «колесо немецкое». В Вышнем Волочке находилась и ямская слобода²⁸.

Своеобразным торгово-ремесленным поселением было село **Сольца** на реке Шелони, через которую проходила дорога из Новгорода в Псков. Позже, в XVII столетии, это селение называли «колесной слободой». Начало колесного промысла положено было уже в XVI в., когда на погосте стояли дворы «колесных мастеров». Мастера были наделены пахотной землей и пользовались особыми привилегиями по царской грамоте. Можно предполагать, что они изготовляли колеса для артиллерийских орудий²⁹.

Значительным поселением был ряд **Новая Руса**, стоявший в Шелонской пятине, на реке Пшаге, где числилось 120 тяглых дворов. В 1545 г., по новой писцовой переписи, в рядке показан 131 тяглый двор и двор великого князя. Кроме того, в Новой Русе указано примерно 27 церковных дворов. Интересно, что в Новой Русе обозначен 71 пустой тяглый двор и 25 пожарных дворниц³⁰. Указание на пустые дворы очень интересно как показатель условности писцовых переписей.

Торгово-ремесленные поселения располагались и в Обонежской пятине. Среди погостов пятины выделялся **Повенец**.

В нем насчитывалось 10 монастырских, крестьянских и бобыльских дворов. Несмотря на свои незначительные размеры, Повенец был видным торговым местом: в нем находились амбары торговых людей и 2 таможенных двора, всего же насчитывалось 44 амбара и «салница» торговых людей из разных волостей. В амбарах хранились рожь, овес и соль.

Писцовые книги отмечают и другие торговые погосты: на реке Шале (Спасский погост) и на Андоме (Никольский погост). В погосте кроме других дворов стояло 12 бобыльских дворов, среди которых отмечены швец и сапожный мастер. Значительным селением был Покровский погост, где существовал «Немецкий Во-

²⁸ К. А. Неволин. Указ. соч., стр. 319—321 (приложение).

²⁹ А. М. Андрияшев. Материалы по исторической географии Новгородской земли. М., 1914, стр. 189—191; К. А. Неволин. Указ. соч., стр. 98—99 (приложение).

³⁰ ААЭ, т. I, № 205, стр. 189.

лочек» на Вытегре. Крестьяне Покровского погоста до последних десятилетий XVI в. обязаны были возить соль и всякий товар «от Гостиного берега до Гостиного берега 40 верст». Обозначение волюка «немецким» показывает, что в свое время здесь сухим путем «переваливали» с иноземными товарами³¹.

Только некоторые рядки, подобно Вышнему Волочку, сделались впоследствии городами. Другие так и остались большими торговыми селами, но само существование подобных поселений свидетельствует о новых явлениях в экономике России XVI в. в сторону развития товарно-денежного хозяйства.

СЕВЕРНЫЕ ГОРОДА НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Наиболее укрепленной и изобиловавшей городами была северная окраина Новгородской земли у берегов Финского залива. Здесь стояли пять каменных крепостей. Четыре из них, Ладога, Копорье, Яма и Орешек, были построены еще во времена новгородской самостоятельности. Пятая крепость — Иван-город, стоявшая напротив города Нарвы, на восточном берегу Наровы — была построена при Иване III.

О городах Новгородской земли написано много специальных работ, из которых до сих пор не потеряла своего значения монография Н. Д. Чечулина. Поэтому мы можем ограничиться только относительно краткими замечаниями, сообщив некоторые дополнительные сведения.

Стариннейшим из северных городов была **Ладога**. В 1500 г. в ней насчитывалось 112 тяглых дворов. В Ладоге стоял двор наместника, зеленый двор (пороховой), на котором жил дворник, а также двор священника. Ладога рисуется нам городом, который уже испытывал некоторое запустение по сравнению с прежним временем, хотя еще сохранил административное значение³².

По разметному списку 1545 г. в Ладоге числилось всего 108 тяглых дворов. Пустых дворов насчитывалось 32. В городе стояли дворы наместника и тиуна³³. В конце XVI в. население города еще более уменьшилось. Ладога жестоко пострадала от государева разгрома 1570 года. Сухая справка о пустых дворах, составленная на основании показаний ладожан, ярче всех рассказов говорит об издевательствах oprичников, забивавших людей на правее до смерти. Она пестрит пометками: «умер з голоду», «ушел в нищих» и т. д.³⁴

³¹ К. А. Неволин. Указ. соч., стр. 76 (приложение VI).

³² Н. Д. Чечулин. Указ. соч., гл. I. Пригороды Новгородской области. (Далее сведения 1500 г. цитируются по Чечулину без ссылок.)

³³ ААЭ, т. I, № 205, стр. 189; Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., т. 2, стр. 353.

³⁴ Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., т. 2, стр. 303—306.

Ладога, как видим, не представляла собой значительного поселения, оставшись типичным местным центром, где сидел наместник, ведавший окрестными селениями.

Соседний **Орешек** был настоящим порубежным городом. Он стоял там, где многоводная Нева вытекает из Ладожского озера. Это ключевое положение города позже было подчеркнуто Петром I, назвавшем Орешек городом-ключом, или Шлиссельбургом. В 1500 г. в Орешке насчитывалось 124 двора городчан, не считая дворов своеземцев, пищальников, воротников, духовенства, дворников и т. д. По подсчетам Чечулина, в 1500 г. в городе находилось 245 тяглых людей в 174 дворах. Кроме того, насчитывалось 16 нетяглых дворов.

По списку 1545 г. в Орешке насчитывалось 139 тяглых дворов. В числе 26 нетяглых дворов показаны дворы «земцов», количество которых сильно сократилось по сравнению с прежним описанием. Остальные нетяглые дворы принадлежали пищальникам и воротникам, обслуживавшим каменную крепость, сохранившуюся от времен новгородской вольности. Кроме того, в Орешке стояли церковные дворы, а всех тяглых и нетяглых дворов насчитывалось 165. По новому описанию, в городе осталось всего 93 тяглых живущих двора. Пустыми оказались 94 тяглых двора и 4 дворовых места³⁵. Такое запустение Орешка, видимо, объясняется массовым выводом из него посадских людей в другие города. Городское население вновь увеличилось к 1568 г., когда в Орешке числилось уже 207 тяглых дворов. В городе стояли дворы наместника, городского приказчика и несколько церковных дворов, в том числе один монастырский³⁶.

Своеобразный характер имели два других новгородских пригорода, стоявшие несколько в стороне от Финского залива: Яма и Копорье.

Яма стояла на реке Луге, которая в XVI столетии имела некоторое судоходное значение. Пожитки гольштинского принца, следовавшего в Москву, в 1602 г. были погружены «в большие ладьи», которые должны были следовать вверх по реке Луге³⁷. Эта река, впадающая в Финский залив, делается судоходной от Ямы (Ямбурга). Таким образом, Яма была своего рода русским портом на берегах Балтийского моря. В писцовых книгах 1500 г. Яма выступает как значительный город. В ней тогда насчитывалось 239 дворов (332 человека). В писцовых книгах указываются занятия некоторых жителей Ямы, но эти указания не дают возможности представить себе какую-либо особую ремесленную специализацию населения. Больше всего было портных (3 портных и 1 швец). Неизвестно, в чем разница между портным и швецом, но последним именем называли крестьянских портных, ходивших

³⁵ ААЭ, т. I, № 205, стр. 189—190.

³⁶ Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 40.

³⁷ «Чтения ОИДР», 1911, кн. 3, стр. 8. Путешествие герцога Ганса.

по домам. Среди других ремесленников отмечены колпачник (1), сапожник (2), лучник (1), плотники (3), гончар (1), кожевник (1), токарь (1). Из этого краткого перечисления видно, что Яма по своему ремеслу ничем не выдавалась из числа других русских городов средней руки, как и другие новгородские пригороды.

По разметному списку 1545 г. в Яме насчитывалось 239 тяглых дворов. Но это число обозначает старое население Ямы. По новому письму, в ней указано «живущих 177 дворов». Запустение Ямы по сравнению с прежним временем было большим. В ней насчитывалось 66 пустых дворов³⁸. Возможно, это было связано с ростом Ивангорода, притянувшего население из других городов.

Совсем незначительным городом было **Копорье**. Оно представляло собой в сущности укрепленный замок. В нем «внутри города и на посаде» насчитывалось всего 12 дворов, остальные дворы принадлежали приказным и служилым людям (воротникам и городным сторожам). В крепости стояли дворы государя и наместника, а на посаде тиуна.

На севере Вотской пятины была особенно развита добыча железа из болотной руды. Здесь, по словам С. С. Гадзяцкого, «выплавка железа была крестьянским ремеслом». Главным центром выплавки была северная оконечность Вотской пятины, где насчитывалось не менее 213 домниц, а в них не менее 229 печей³⁹. Однако, как отмечает С. Г. Струмилин, специалисты металлургии, или домники, «наряду со своим промыслом владели наделами и занимались земледелием». В писцовых книгах названы 63 кузнеца, из числа которых только 6 были непашенными людьми. Сырые крицы, полученные в домницах, отковывались в железные пруты. С. Г. Струмилин отмечает участие в железоделательном промысле «казаков», под которыми надо понимать наемных работников, или наймитов⁴⁰.

Новым городом и портом был **Ивангород**, поставленный в 1472 г. «против Ругодива города Неметцкого, на реце на Нерове, на Девичье горе на Слуде, четвероуголен». Город получил свое имя в честь великого князя Ивана III. Назначение Ивангорода заключалось в том, что он должен был сделаться русским портом на берегах Финского залива, более удобным и доступным для морских судов, чем Яма, Орешек и Ладога. Новый город сделался опасным конкурентом для соседней Нарвы, что было тотчас же замечено шведскими феодалами. В 1497 г. шведский флот из 70 судов «разбоем» вошел в реку Нарову. Ивангород был взят шведскими разбойниками после короткого сопротивления и разорен.

³⁸ ААЭ, т. I, № 205, стр. 189.

³⁹ С. С. Гадзяцкий. Вотская и Ижорская земля Новгородского государства. «Исторические записки», т. 6, стр. 120.

⁴⁰ С. Г. Струмилин. История черной металлургии, т. I. Феодалный период. М., 1954, стр. 16—22.

В этом разоренном виде застаёт Ивангород писцовая книга 1500 г. Однако Ивангород уже в 1501 г. сделался базой для русских войск, воевавших в Ливонии ⁴¹.

Ивангород состоял из крепости и посада. Общее количество населения в нем было незначительным — всего 165 дворов.

Немногочисленные упоминания об Ивангороде в писцовой книге 1571 г. позволяют установить некоторые топографические названия. В городе указаны два конца: Псковский и Заболоцкий, улицы: Крест, Заболоцкая, Вотская, Запольская ⁴².

Наибольшее значение Ивангород получил во время Ливонской войны. Документы Ревельского архива рисуют перед нами оживленную деятельность ивангородских купцов ⁴³. К сожалению о самом Ивангороде во второй половине XVI столетия известно крайне мало.

Самым северным новгородским пригородом была **Корела**, впоследствии Кексгольм на Ладожском озере. Город состоял из крепости и обширного посада. В крепости находились двор великого князя и пустой двор архиепископа, «владычен». По подсчетам Чечулина, в Кореле насчитывалось 267 дворов (368 человек). В эту цифру входят и дворы, стоявшие на Сванском Волочке, приписанном к городу. Среди жителей Корелы, как и в Ладоге, выделялись рыболовы. Корела ничем особенно не выдавалась из числа северных пригородов, за исключением относительно большой численности населения. Для окружающих ее местностей она была крупнейшим центром.

По описанию 1586 г., город рисуется еще более выросшим по численности своего населения. В нем стояло 407 тяглых дворов (581 человек), но и в данном случае никаких специальных указаний на особую ремесленную специализацию Корелы не находим. Это центр округи. В нем стоят дворы воеводы и наместника, 2 двора доводчиков, пустой тиунский двор, различного рода амбарные строения (22) и 6 мельниц ⁴⁴.

ЮЖНЫЕ ГОРОДА НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

К югу от Новгорода по берегам многочисленных рек, впадающих в озеро Ильмень, располагались Деревская и Шелонская пятинны. По своим природным условиям отдельные волости этих частей Новгородской земли различались между собой довольно резко. В некоторых случаях это были типично земледельческие

⁴¹ ПСРЛ, т. XX, стр. 357, 365, 372—373.

⁴² Новгородские писцовые книги, т. V, СПб., 1905, стб. 567—570.

⁴³ РИБ, т. XV, СПб., 1894. Русские акты Ревельского городского архива; А. Чумиков. Акты Ревельского городского архива. «Чтения ОИДР», 1898, № 3.

⁴⁴ Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 39.

места, в других — села и деревни затеривались в болотистых пространствах. Представление об этих районах дают писцовые книги Шелонской и Деревской пятин.

Крупнейшим городом к югу от Новгорода была **Старая Руса**. Этот город получил большое значение уже во времена новгородской самостоятельности, считался крупнейшим пригородом Великого Новгорода.

Город стоял поблизости от впадения реки Пола в озеро Ильмень. В нем уже во времена новгородской независимости построен был каменный собор, стояла крепость, впрочем, очень редко подвергавшаяся нападениям, как находившаяся в глубине Новгородского края, далеко от немецкого и литовского рубежей. К городу примыкал большой посад, делившийся на несколько концов с такими названиями, как Рогов, Середка, или Песий конец, Мининский конец.

Значение Русы держалось на том, что в ее районе находились большие соляные источники. Здесь даже позем, пошлина за землю, которую платили ее владельцам, выражался «розмерами» соли.

Старая Руса торговала солью, которую вывозили на возах и в летнее время на стругах. Для Иосифова Волоцкого монастыря, например, лимит беспошлинной покупки соли в Русе был установлен в 150 возов, или в 5 стругов (считая, значит, по 30 возов на струг)⁴⁵.

Во времена новгородской самостоятельности земля в Старой Русе, занятая под посадскими дворами, принадлежала новгородским боярам, монастырям и архиепископу. Еще в писцовых книгах 1498 г. перечислялись бывшие владельцы земельных участков, в числе которых отмечены «Григорьевские дворы Тучина», «Федоровские Морозова» и других крупных бояр. Места этих дворов перешли во владение великого князя. Часть монастырских дворов осталась за их прежними владельцами. Кроме того, ряд дворов в Старой Русе принадлежал своеземцам.

По писцовой книге 1498 г. в Рогове конце насчитывалось 256 дворов, в которых жило 782 человека. В Песьем конце, или в Середке, указано 359 дворов и 1171 человек. В Мининском конце показано 105 дворов, а в них 376 человек. Общее количество дворов в Русе превышало 700. В действительности их было больше, так как описание конца Середка не сделано полностью.

Поражает большая разница между количеством дворов и количеством людей, которые их населяли. Например, во дворе Ивашки Яковлева показаны зять его Тимохно, да Тараско, да Мосейко. Во многих дворах жили не только родственники его владельца, но и «суседи». Таким образом, дворы были тесно населены, так как и родственники и соседи владельца двора имели свои семьи.

⁴⁵ АФЗ, ч. 2, № 82, стр. 80—81.

Такая населенность посадских дворов в Старой Русе объясняется тем, что в них жили люди, занятые в соляных промыслах. Большинство этих людей принадлежало к числу мало зажиточных и не связанных с усадебными участками. Это были, по позднейшей терминологии, по преимуществу «гулящие люди». С таким же явлением мы встречаемся и на соляных варницах Сольвычегодска и Соликамска в более позднее время. Не всегда, конечно, возможно разобраться в сложной терминологии писцовых книг и дать точное определение, какая разница была между «сябром» или «суседом», жившими вместе на чужом дворе, так как в позднейшем просторечии слово «сябр» обозначало и соседа. Но в писцовых книгах речь, конечно, шла не о соседях, а об особых категориях работников на соляных варницах⁴⁶.

По Разметному списку 1545 г., в Старой Русе числилось 475 посадских дворов. В городе находились дворы, принадлежавшие наместнику (2 двора), писцам — составителям писцовых книг (2 двора), доводчикам (2 двора).

Кроме того, некоторое количество дворов принадлежало в Старой Русе церквям и монастырям: примерно 60 дворов поповских, дьяконовых, дьячковых, пономаревых и т. д. Отмечены также 3 монастырских двора. Они принадлежали Юрьеву монастырю, Хутынскому, Островскому⁴⁷.

Некоторое запустение Старой Русы, замечаемое по разметному списку 1545 г., по всей вероятности, стоит в связи с появлением новых центров добычи соли, так как другие видимые причины для снижения городского населения Русы установить трудно.

Из других поселений к югу от Новгорода выдавался **Порхов** с его старинной каменной крепостью времен новгородской самостоятельности.

В XVI столетии Порхов был уже незначительным городом. В нем показано всего 68 тяглых и 5 церковных дворов. Так население обозначалось по старым писцовым книгам. В 1545 г. по разметному списку в Порхове указано 59 дворов «тяглых живущих черных людей с поповым и с дьяконовым». Таким образом, количество посадских дворов несколько уменьшилось по сравнению с прежним временем. В городе стояли 4 двора воротников и 5 дворов лицальников, приставленных для обслуживания прежней Порховской крепости, когда-то сильной, но уже устаревшей к этому времени. В крепости стоял двор наместника и два двора городничих. Пустых дворов в Порхове показано всего 11⁴⁸.

Самым южным новгородским пригородом в годы новгородской самостоятельности были Великие Луки. Но в XVI столетии этот город причислялся уже к числу городов от Литовской Украины и будет рассмотрен в другой главе.

⁴⁶ Новгородские писцовые книги, т. V, стб. 192—214.

⁴⁷ ААЭ, т. I, № 205, стр. 186—187.

⁴⁸ Там же, стр. 187—188.

Глава XIII

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

Центром Новгородской земли был Новгород, который в это время уже часто именовался без шпрозвища «Великий».

В XVI в. Новгород занимал примерно ту же территорию, что и во времена своей самостоятельности. Город располагался по обеим сторонам реки Волхова, километрах в 5 от озера Ильменя. Традиционное деление на Торговую (восточную) и Софийскую (западную) стороны оставалось в неприкосновенности и в XVI в. На торговой стороне находились административные учреждения, помещавшиеся по традиции на Ярославле дворе, окруженном зданиями и каменной оградой, от которой сохранились въездные ворота, известные теперь под названием «вечевоу гридницы». Тут находился двор новгородского наместника, позже воеводы, и дьяческие избы. В непосредственной близости к Ярославлю двору, или дворищу, помещался торг. Государев двор стоял также на Торговой стороне, поблизости от церкви Климента. Некоторые архитектурные особенности этой церкви позволяют думать, что к ней примыкали деревянные и каменные строения, а современная церковь, возможно, первоначально имела не только церковное, но и палатное назначение, служила для гражданских церемоний: приема послов, пиров и т. д. Множество каменных церквей украшали Торговую сторону, к которой примыкал на севере богатый Антониев монастырь с его каменным собором XII в.

Деревянный мост соединял Торговую сторону с Софийской, бывшую в первую очередь церковным центром. Здесь стоял обширный каменный кремль, окруженный глубоким рвом с водой. В северной части кремля возвышался знаменитый Софийский собор, главная святыня Новгорода, центр Софийского дома, как обычно называли новгородский архиерейский дом со всеми его строениями и штатом. Южная часть кремля, в настоящее время

незастроенная, была в XVI столетии довольно густо заселена. Раскопки А. А. Строкова и В. Б. Богусевича обнаружили тут узкую улицу с переулками, застроенную деревянными домами с маленькими усадьбами. Это, вероятно, были «осадные дворы», приспособленные не для постоянной жизни, а на случай войны, куда скрывались посадские люди и боярские дети в тревожное время.

Софийскую и Торговую стороны окружал земляной вал, частично сохранившийся до нашего времени. На нем были сооружены деревянная стена и каменные башни; из последних до нашего времени сохранилась только одна Белая башня.

Основная масса новгородского населения жила под охраной этого обширного вала, окружавшего город как бы кольцом.

Земляной город в Новгороде был поставлен в 1582 г.¹, вероятно, на основе более ранних укреплений. В нем и помещался новгородский посад вместе со своими улицами, многочисленными каменными церквями и небольшими монастырями. Только с северной стороны, по обеим сторонам реки, за пределами вала располагались отдельные слободки. Одна из них помещалась у Антониева монастыря на северной окраине Торговой стороны. Этот древний монастырь считался одним из почитаемых в Новгороде. С южной стороны города поселения, находившиеся за валом, были совсем незначительными, доходя на Софийской стороне до урочища Мячино. Здесь и теперь стоят две каменные церкви, построенные еще во времена новгородской самостоятельности.

Вокруг города и вдоль волховских берегов простирались обширные заливные луга, болотистые и непроезжие даже в наше время. Здесь на невысоких холмиках стояли деревни и монастыри. Цепь больших и малых монастырей окружала древний город. Крупнейшим из них был Хутынский монастырь — к северу от Новгорода. Этот монастырь был особо почитаемым при Василии III и Иване IV; его прекрасные каменные здания XVI в., к сожалению, очень плохо сохранились, но и сейчас дают представление о московской архитектуре, появившейся на старой новгородской основе. К югу от города стоял Юрьев монастырь со своим величественным собором XII в.

Монастыри и каменные церкви были разбросаны повсюду в окрестностях Новгорода. Как правило, они были украшены фресками. И в самом городе возвышались небольшие церкви, когда-то расписанные крупнейшими художниками своего времени, среди которых на первом месте назовем Феофана Гречина.

О количестве населения в Великом Новгороде XVI в. дает представление разметный список 1545 г., составленный для сбора ратных людей по случаю похода на Казань. В это время в Новгороде числилось 4400 «тяглых дворов, гостинных и черных». Тут

¹ Псковские летописи, вып. 2. М., 1955, стр. 263.

же, впрочем, показана и несколько другая цифра: 4160 черных дворов, значит, 240 дворов были гостиными, нетяглыми дворами.

В том же разметном списке встречаем и некоторые другие расчеты, поправляющие более ранние сведения: «нынеча», написано в списке, т. е. в момент составления списка в 1545 г., в Новгороде было 4202 двора черных и гостиных. Несколько ниже количество черных дворов определено уже в 3919 дворов, видимо, за вычетом гостиных дворов.

В целом же, как бы ни считать, выходит, что на посаде Великого Новгорода находилось не меньше 4000 дворов. Таким образом, в середине XVI в. Новгород оставался крупнейшим русским посадом наравне с Москвой². Если же принять во внимание, что в Новгороде кроме посадских людей жили ратные люди, а также «софияне» — слуги Новгородского архиепископа и церковные люди, — то следует признать, что в Новгороде насчитывалось по крайней мере 5000 дворов.

О населении Новгорода в конце XVI в. дают представление писцовые книги, к сожалению, сохранившиеся не полностью. Тщательные подсчеты населения, сделанные по этим книгам, приводят к выводу, что количество населения в Новгороде осталось примерно тем же, каким оно было и в середине столетия³.

В пределах города насчитывалось значительное количество улиц и переулков. Современное их направление дает, впрочем, слабое понятие о прежней топографии Великого Новгорода. В XVI в. большинство новгородских улиц имело радиальное направление. На Софийской стороне они сходились к кремлю, на Торговой стороне главным их центром была площадь у Николы на Дворище, где находились правительственные учреждения. Тут же на Торговой стороне располагались торговые ряды. В Новгороде существовали и другие торговые площади меньшего значения, а также места для привоза различного рода товаров и рыбы.

Дворы стояли в Новгороде широко, и само понятие улицы было несколько иным, чем в наше время. В пределах города простирались большие и маленькие сады и огороды. Особенно распространены были плодовые сады, иногда имевшие промысловое значение. Везде были разбросаны огороды; существовала особая специальность «огородников». Царские огородники в виде оброка поставляли на царский двор соленую капусту, огурцы, лук и другие овощи. Огородники, жившие в Прусском Заполье, на окраине города, за Прусской улицей, давали каждую осень на царский двор в качестве оброка 10 бочек соленых огурцов и 10 бочек соленой капусты. Огороды в Прусском Заполье отличались разнообразием разводимых на них овощей. Огородники поставляли на

² ААЭ, т. I, № 205, стр. 184—186.

³ А. П. Пронштейн. Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957, стр. 32—33.

царский двор огурцы и капусту свежую и соленую, лук, чеснок, горчицу, редьку, свеклу на рассолы, для борща и «всякий огородный овощ».

Кое-где в городе простирались хлебные нивы и «нивки», целые полосы «пашии оржаные», не говоря уже о пожнях, сенокосных участках иногда значительного размера. Некоторые жители Новгорода занимались земледелием в окрестностях города. Святодуховский монастырь в Новгороде отдавал в оброк свою землю «в задворье у посада» новгородцам, жившим в Неревском конце. Оброчники платили в монастырь «половье из хлеба». Половье, как известно, обозначает мякину, и даже писцы, удивившись такому необычному оброку, приписали: «и се по старине». Видимо, такой оброк был только показателем того, что земля принадлежала монастырю.

Новгород, как и средневековая Москва, по своей обстройке напоминал большую деревню, как иногда называли Москву еще в начале нашего века. Жизнь в таком городе имела свои прелести и свои неудобства. В летнее время в городе шумели большие деревья и зеленела высокая трава. Зато в зимнее время глубокие снежные сугробы лежали на улицах, а в сумрачные осенние дни город покрывался непроходимой грязью, и тогда по Новгороду можно было проехать только по бревенчатым мостовым, остатки которых постоянно находят под поверхностью современных улиц.

Строения в городе были разнообразными и пестрыми. Рядом с небольшими домами стояли богатые усадьбы. О них дает представление запись о подворье Соловецкого монастыря на Загородной улице; монастырь купил его за 300 рублей. На подворье стояла каменная палата, а к ней примыкал яблоневый сад, дававший доход до 70 рублей в год, а иногда и больше. В саду росли яблоны «всякие многие»⁴.

Большинство дворов в Новгороде принадлежало посадским людям. В отличие от южных русских городов, где преобладали беломестцы, Новгород был населен черными тяглыми людьми. Это был крупнейший посад во всей России того времени, если не считать Москвы. А между тем нельзя забывать о том, что описание 1589 г., которое дает сведения о занятиях новгородцев, сделано уже после Ливонской войны и страшного разорения, причиненного городу Иваном Грозным в 1570 г.

Новгородские посадские люди во главе с пятиконечными старостами иногда выступали как сплоченное общество. В этом смысле интересна история борьбы, которую посадские люди Новгорода вели с пригородным Антониевым монастырем. На земле этого монастыря существовала слободка, населенная по преимуществу ремесленниками, платившими в монастырь поземы за землю, занимаемую ими под дворы. Желая освободиться от двойных пла-

⁴ Досифей. Указ. соч., ч. III, стр. 57.

тежей, и в пользу монастыря и в пользу новгородского посада, слобожане добились того, что их слободка была отписана от монастыря и передана посаду в 1560 г.

Монастырь временно подчинился этому постановлению, но через 13 лет поднял вопрос о возврате слободки в монастырское владение. Для этого был использован старый документ — духовная грамота основателя монастыря Антония. Монастырские власти воспользовались пребыванием царя Ивана в Новгороде. После окончания всенощной в Софийском соборе царю показали завещание Антония, и царь распорядился возвратить «чудотворцеву землю» обратно монастырю.

На этом дело, однако, не закончилось. Только в 1590 г. спорные земли переданы были в монастырь. Населявшие их люди должны были тянуть в монастырь «судом и поземом» и в то же время платить тягло вместе с новгородским посадом⁵.

РЕМЕСЛО

Писцовые книги по Новгороду конца XVI в. пестрят названиями различных ремесленных специальностей, на что обратил внимание уже издатель одной из этих книг В. В. Майков⁶. Он приводит длинный список ремесленников, населявших Великий Новгород. Данные писцовой книги были заново обработаны А. В. Арциховским и А. П. Пронштейном. А. В. Арциховский, пользуясь как писцовыми, так и лавочными книгами, о которых речь будет далее, насчитал в Новгороде 5465 ремесленников и 237 ремесленных профессий⁷.

Новый подсчет количества ремесленников в Новгороде сделал А. П. Пронштейн, определивший общее количество посадского населения в 6163 человека. К сожалению, подсчеты А. В. Арциховского и А. П. Пронштейна вызывают некоторое сомнение в своих итогах, так как они основаны на различных документах, которые трудно свести в одну таблицу. В самом деле, А. П. Пронштейн для своих подсчетов пользуется тремя источниками конца XVI в.: писцовыми книгами Леонтия Аксакова, книгами Мецкерского и лавочными книгами Великого Новгорода. В результате на основании этих документов общее количество всего посадского населения устанавливается в 6163 человек, из которых 1192 человека занимались кожевенным мастерством. Но такая цифра не находит подтверждения в писцовых книгах других городов — Можайска, Казани и пр. Она получена путем простого сложения

⁵ П. П. Смирнов. Посадские люди, т. 1, стр. 150—151.

⁶ В. В. Майков. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI века. СПб., 1911.

⁷ А. В. Арциховский. Новгородские ремесла. Новгородский исторический сборник, вып. 6. Новгород, 1939, стр. 3.

данных трех различных документов, относящихся примерно к одному и тому же времени. Следовательно, не исключена возможность, что один и тот же ремесленник упоминается, например, в лавочных книгах и в писцовых книгах несколько раз.

В результате таких подсчетов получается, что самые распространенные промыслы XVI в. представлены крайне малым количеством ремесленников. Так, трудно поверить тому, что в гончарном производстве, в каменном и кирпичном деле (обработка камня по А. П. Пронштейну) занято было всего 108 человек, т. е. в 11 раз меньше, чем в кожевенном производстве. И это в городе, наполненном каменными зданиями.

Точность выкладок А. П. Пронштейна при подсчетах ремесленников видна на примере рубрики «изготовление продуктов питания». В этой рубрике А. П. Пронштейн дает следующие цифры: по книгам Леонтия Аксакова он показывает 212 ремесленников, по книгам Мещерского — 165, по лавочным книгам — 363. Между тем лавочные книги особенно богаты указаниями на торговцев, изготовлявших продукты питания, так как торговля съестными припасами занимала большое место на рынках русских городов. Видимо, лавочная книга говорит о тех же самых людях, которые известны нам по писцовым книгам Аксакова и Мещерского. Действительно, сложив количество ремесленников, изготовлявших продукты питания, по книгам Аксакова и Мещерского, мы получим 377 человек, что почти равно итогу лавочных книг, где указано 363 человека, занимающихся торговлей съестными припасами. Таким образом, установление количества посадского населения, проведенное А. П. Пронштейном, нельзя считать убедительным, хотя составленные им таблицы являются в целом очень полезными и очень удобными для ознакомления с новгородским ремеслом⁸.

Нет никакого сомнения в том, что Новгород представлял собой крупнейший ремесленный центр России XVI в., едва ли во многом уступавший Москве. Однако в то время как московское ремесло и торговля шли вверх по восходящей линии, новгородские писцовые и лавочные книги рисуют Великий Новгород уже в эпоху его начинающегося запустения.

Было бы довольно бесполезно перечислять названия различных ремесленных специальностей по новгородским писцовым и лавочным книгам. Особенностью русских источников времен Московского царства была крайняя дробность названий. В них рядом встречаются и «воскобойник», и «вощаник», и «свечник» — ремесленники, обрабатывавшие воск. В документах могут быть указаны как особые специальности и просто «плотник», и «плотник красный», возможно прототип нашего краснодеревщика. Некоторые названия ремесленных специальностей вообще для нас

⁸ А. П. Пронштейн. Указ. соч., стр. 50—52.

остаются малопонятными, вроде «дрягиль» (носильщик, грузчик), «горчан» (возможно, испорченное «гончар») и т. д. Гораздо важнее остановиться на тех ремесленных специальностях, которые выдвигали Новгород среди других русских городов.

Нет никакого сомнения в том, что Новгород представлял собой город с очень развитым производством различного рода металлических изделий. По подсчетам Пронштейна, в городе было 232 ремесленника, обрабатывавших черные и цветные металлы. Среди них перечислены различного рода специальности, в первую очередь кузнецы, которых насчитывалось 82 человека.

Как уже говорилось выше, под кузнечным ремеслом понимались различные виды металлообрабатывающего промысла. Наличие большого количества кузнецов характеризует Новгород как крупный центр железоделательной промышленности. К кузнецам надо добавить другие ремесленные специальности, связанные с обработкой металла. Это различного рода ножевники (6), замочники (7) и пр. Нельзя, впрочем, сомневаться в том, что общая цифра ремесленников, указанная в писцовых и лавочных книгах, занижена. Так, по писцовым книгам, на Торговой стороне совсем не указаны такие специальности, как бронники, хотя два бронника отмечены лавочными книгами. Между тем трудно предполагать, что производство брони в различных ее видах не было развито в Новгороде. Возможно, бронники скрываются под общим названием кузнецов. Может быть, они вообще не вошли в писцовые книги по какой-либо причине. Насколько опасно пользоваться писцовыми книгами для составления общих статистических таблиц видно из того, что книги Софийской стороны показывают 82 кузнеца, а книги Торговой стороны всего 6 кузнецов. Наоборот, в писцовых книгах Софийской стороны совсем не указаны скобочники, а в писцовых книгах Торговой стороны названы 4 скобочника и т. д.

Нельзя забывать и о том, что такими крупнейшими ремесленными производствами, как денежное дело, литье колоколов и пушек, занимались ремесленники белых слобод. Летопись сообщает, например, о колоколах, слитых в Новгороде в XVI в., а писцовые и лавочные книги мало знают о ремесленниках, занятых в этих производствах. Между тем литье колоколов в Новгороде утвердилось уже с середины XIV в. О колоколе, слитом для собора св. Софии, читаем и в летописной заметке 1526 г. Колокол был «велик добри». Свирский монастырь купил в Новгороде колокол «благовестник» за 400 рублей, по 5 рублей за пуд⁹.

О большом развитии металлообрабатывающих промыслов в Новгороде сообщают различные источники, на основании которых написана статья С. В. Бахрушина о русских городах XVI в. Особенно славилась новгородская сталь, навариваемая на желез-

⁹ Новгородские летописи, стр. 67; «Олонецкие губ. ведомости», 1863, № 10.

ные изделия, «новгородский уклад». Железоделательное ремесло дробилось на ряд специальностей, представители которых именуются замочниками, пожевниками, гвоздочниками, игольниками и т. д. 7 игольников и булавочник отмечены в писцовых книгах.

Выдающейся специальностью Новгорода являлось серебряное дело. Под общим названием «серебряников» понимались мастера, вырабатывавшие разного рода ювелирные изделия. По писцовым книгам Софийской стороны, насчитывалось 75 серебряников, по писцовым книгам Торговой стороны, — 49. Производство дорогих сосудов из серебра и мелких серебряных украшений резко выделяло Новгород из числа других городов. В духовном завещании углицкого князя Дмитрия Ивановича (умер в 1526 г.) перечислено большое количество серебряных сосудов, в том числе новгородского происхождения, иногда именных. В их числе отмечен «ковш гладок; внутри писано имя Генадьево», речь идет о именном ковше новгородского владыки Геннадия. Там же отмечен воротник, унизанный ормуздским и «новгородским» жемчугом¹⁰.

Выдающимся промыслом Великого Новгорода была обработка кожи в различных ее видах. Под общим названием кожевников в писцовой книге Софийской стороны указано 292 человека. Эта большая цифра ярко характеризует Новгород как крупный кожевенный центр. Развитие кожевенного производства было тесно связано с приготовлением из кожи различного рода изделий для домашнего обихода, для конских и военных уборов и т. д. Одних сапожников, по писцовой книге Софийской стороны, насчитывалось 245 — цифра очень высокая, равная населению небольшого города XVI в. Кожевенное дело дробилось на множество специальностей. В писцовых и лавочных книгах названы седельники, сумочники, торочечники (тороки — ремешки позади седла) и пр.

К этому надо добавить различного рода мастеров, занимавшихся изготовлением одежды и головных уборов, а также плотников, токарей и т. д. Одних только плотников насчитывалось 79.

Следует заметить, что таблицы, составленные А. П. Пронштейном и другими авторами, работавшими до него, расположены по очень условным рубрикам. В будущем, вероятно, было бы более правильным располагать ремесленные специальности старого времени не по типу промышленных анкет нашего времени, а объединять их вокруг какого-нибудь вида производства комплексного характера, например, производство оружия и военного снаряжения, к которому в XVI в. отошли бы и броня (панцири), и седла, и другие предметы, связанные с вооружением человека и конским убором.

¹⁰ Духовные и договорные грамоты, стр. 412—413.

В Новгороде помещался Денежный двор, выпускавший монеты различного достоинства. В документах имеются ссылки на московский и новгородский денежный счет; известны также монеты «новгородки».

НОВГОРОДСКИЙ ТОРГ

Новгородский рынок отличался громадными размерами, о которых дает представление Лавочная книга 1583 г. В книге перечисляются новгородские ряды, находившиеся на Торговой стороне, где стояли разнообразные торговые помещения — лавки, лавки с примостцем, прилавки, полки и т. д. Многие из лавок представляли собой уже солидные помещения, другие обозначались кратким названием «стул». Обычно указывается и владелец лавки: «а сидит в ней Карпик кожевник» и пр. От слова «сидеть» и произошло позднейшее обозначение «сиделец» — лавочный приказчик, которое просуществовало вплоть до революции. Иногда указывается бывший владелец лавки: «лавка Жданка слуги Вежитского монастыря по затвору две сажени, длина две сажени без локти, оброку 30 алтын, а ныне по купчей за пятницким дяконом за Володимером за иконником»¹¹.

В книге даются сведения о тех рядах, из которых состоял новгородский торг. Таких рядов было множество. Названия их напоминают подобные же названия торговых рядов в других русских городах, в первую очередь в Москве. Описание начинается с Великого ряда, который также называется «Корыстным». Этот ряд начинался от Пятницкого двора, следовательно, помещался поблизости от церкви Пятницы на Торговой стороне. К Великому ряду примыкало несколько переулков. Тут же проходила улица, перерезывавшая рынок и выходившая к Ильине улице и к Ивану на Опоках.

Одно перечисление торговых рядов в Великом Новгороде может уже дать представление об их значении. Помимо Великого ряда на новгородском рынке помещалось более 40 рядов. В их числе: Белильный, Бобровный, Большой, Ветошный, Заволоцкий, Иконный, Кафтанный, два Кожевных, Котельный, Кошурный, Красильный, Кривой, Льяной, Мыльный, Овчинный, Пирожный, Прибыльной, Пупшой, Ременный, Рыбный свежий, 4 Сапожных, Серебряный, Сермяжный, Скорнячный, Средний, Сумочный, Сыромятный, Терличный, Тимовный¹², Хлебный, Холщевный, Чупрунный, Шпанный, Шубный. Как это установил А. И. Семенов, некоторые ряды носили двойные названия. Великий ряд прозывался также Большим, Корыстным, Пробойным и Сурожским, Кошур-

¹¹ Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. Предисловие и редакция С. В. Бахрушина. РАНИОН. М., 1930, стр. 13.

¹² Терлик — узкий кафтан; Тимовный — ладанный (от растения «тмив»).

ный — Чупрунным, Терличный — Прибыльным, Пушной — Бобровным, Шубный — Ветошным¹³.

В названиях новгородских торговых рядов как бы борются новгородская старина и новизна конца XVI в. Давно устаревшее название «Сурожский ряд» уступает место более понятному и распространенному — «Великий ряд», в значении самой крупной торговой линии на новгородском рынке. Непонятное Кошурный ряд¹⁴ заменяется другим названием Чупрунный. Новое название Шубный ряд заменяет старый Ветошный. Ветошь — различного рода одежда — к этому времени, видимо, делается синонимом старой одежды. Теряет свое название Бобровный ряд вместе с бобрами, которые покидают пределы Новгородской земли. Впрочем, слово «бобровый» в древней Руси равнозначно понятию «шелковый».

На рынке торговали самые различные люди. Тут и стрельцы, и государский бронник, и архиерейский крестьянин, но в основном сидельцами в лавках были ремесленники и мелкие торговцы. Однако не они задавали тон на новгородском рынке. Среди владельцев лавочных построек выделяются «корыстные купчины» или «корыстные рядовичи», многократно называемые в книге. Слово «корысть» в современном русском языке обозначает человека, жадного на деньги. Этим именем в новгородских писцовых книгах обозначали крупных торговцев, получавших большой барыш от продажи чужого товара. В XVI в. слово «корысть», видимо, еще не получило его современного значения, но уже начало отождествляться с несправедливой добычей доходов. В более ранних памятниках слово «корыстоваться» обозначало стремление присваивать себе чужие деньги. «Корыстный купчина» новгородских документов XVI в. — это новый вид купца, скупщика чужих товаров, наживавшего на их продаже большие деньги. .

Лавочные книги рисуют перед нами новгородский торг почти целиком связанным с внутренним рынком. Но в Новгороде существовало и несколько Гостиных дворов. К их числу принадлежал Двор гостиный тверской, о котором сказано, что «ставятся на нем гости из всяких городов». Другой двор назван Псковским гостиным двором. Случайно упомянут Немецкий двор. Однако о большой иноземной торговле мы узнаем из других источников, а не из лавочных книг; таким источником являются таможенные грамоты Великого Новгорода.

Таможенные грамоты, подобно другим документам такого же характера, смешивают воедино и крупную, и мелкую новгородскую торговлю. Тем не менее они позволяют говорить о большом значении Новгорода как крупнейшего русского центра по торговле с за-

¹³ А. И. Семенов. Топография Новгородского торгога в 1583 г. Новгородский исторический сборник, вып. I. Новгород, 1936, стр. 31—36.

¹⁴ Кошуря, по Далю, — кошка.

рубежными странами. В Новгород приезжают различные иноземцы, «которые привозят бархаты и камки и всякое узорочье». Через Новгород идет «серебро немецкое, ефимки» — серебряные иоакимсталлеры, которые служили монетной единицей в России XVI—XVII вв.

В таможенных грамотах указаны различного рода иноземные товары, известные также и по Торговой книге. В Новгород привозили различные сукна, английские и нидерландские. Среди них указываются лондонские (лунские), ипские (ипрские) материи. Рядом с ними названы ткани турецкого происхождения: «бурские» (из Бруссы), «такайския» (из Токата) в Малой Азии. Указывается также пряденье из золота и серебра, предназначенное для вышивания тканей, в том числе различного рода церковных покровов и плащаниц. Среди товаров отмечены перец, бумага, медь, олово, свинец, сера, киноварь¹⁵.

Новгородский торг располагался в непосредственной близости от Волхова. В город доставлялись различные продукты и не только из ближайшей округи, но и из дальних местностей по Волхову, Мсте, Ловати и Шелони. По словам очевидцев, река Волхов в пределах города еще в начале нашего века была оживленной. Парусные и гребные суда приставали к Торговой стороне, которая не случайно сделалась центром новгородской деятельности. В лавочных книгах отмечаются разные места на реке: «пристань, где пристають молодожники», «городни солетцких насадчиков» — промышленников, приезжавших на речных судах, насадах, из посада Сольцы на Шелони. У Большого волховского моста отмечено место «в учанех у мосту», где полагалось держать сено в речных судах.

Таможенная грамота 1571 г. устанавливает пошлины, которые на Торговой стороне брали «с судов и с плотов с плавного лесу». В грамоте названы различные виды речных судов: учаны, лады, паромы, плоты. Лес, уголь и мох (вероятно для проконопачивания строений) привозили в Новгород по Волхову на судах «изо Мсты и из иных рек». Иногда везли готовые дома, «продажные хоромы», срубленные заранее, всякого рода «рубленные хоромы»: горницы, повалуши, избы, клетки, мыльни (бани). Для этих товаров таможенные грамоты устанавливали определенные пошлины¹⁶.

Конечно, не одна река была дорогой, по которой в Новгород привозились товары и припасы. В летнее время везли на возах, зимой на санях, но доставка водным путем была самой дешевой и удобной. Товары везли в различного рода бочках и коробьях, а соль в мехах и рогожах. Погрузка и разгрузка товаров считалась важным делом и поручалась особым рабочим, которых называли «дрягилями»¹⁷.

¹⁵ С. Г. Г. и Д., ч. 2, № 55, стр. 89—91.

¹⁶ Там же, стр. 60—61.

¹⁷ Не от немецкого ли слова *dräger* (носильщик)?

Выше говорилось о том, что в Новгороде существовала особая корпорация носильщиков или грузчиков, и это вполне подтверждается нашими документами. В Таможенной грамоте 1571 г. устанавливаются правила для тех новгородских и псковских купцов, которые поедут «в Немцы и в Литву», имеются в виду поездки в Швецию, в Германию, в Голландию, в Англию («в Немцы»), в Речь Посполитую («в Литву»).

Дрягили обязаны были коробья и бочки заделывать и связывать перед таможенниками, которые ставили свои печати на тару. Таким образом, они исполняли важную и ответственную работу, а не были просто чернорабочими.

ТАМОЖЕННАЯ РЕФОРМА В НОВГОРОДЕ

В истории Великого Новгорода в XVI в. происходили большие перемены, которые по какой-то странной причине остались не отмеченными нашими историками. Лавочные книги рисуют перед нами новгородскую торговлю конца XVI в. уже существенно в иных чертах, чем в первой половине этого столетия. Правда, лавочные книги отмечают еще «вещую тамгу» при церкви Иоанна Предтечи на Опоках, где когда-то помещалось знаменитое Иванское сто — организация купцов, торговавших воском. По лавочным книгам, у церкви стояло семь каменных складов («казенок»), где хранилась царская казна. Но это упоминание о церкви, а не о самом Иванском сте. Когда же и при каких условиях Иванское сто прекратило свое существование?

Казалось бы, что на это можно было бы ответить априорно: Иванская купеческая организация была уничтожена во время государственного погрома в 1570 г. Однако на деле оказывается нечто иное. Как и в других случаях, главным разрушителем новгородской старины был не Иван IV, а его сын Федор Иванович, вернее, его шурин Борис Федорович Годунов, стоявший во главе государства.

Неизвестно, когда купеческая организация купцов-вощаников при церкви Ивана Предтечи на Опоках прекратила свое существование, но в какой-то мере ее деятельность должна была сократиться уже вскоре после присоединения Новгорода к Московскому княжеству. Однако верхушка купеческого мира в Новгороде имела еще в XVI в. некоторые привилегии, выделяясь из общей массы посадского мира.

По разметному списку 1545 г. в Новгороде наряду с черными дворами значится 240 гостинных дворов. Из дальнейшего выясняется, что эти дворы именовались одинаково как гостинными, так и сурожскими («з гостинных с сурожских»). В том же списке сурожане и в другом случае отождествляются с гостями: «имати на суроженех на гостех». Между тем новгородские летописи XIV—

XV вв. не знают гостей-сурожан, хотя на новгородском рынке и существовал Сурожский ряд, в котором торговали, как и в других таких же рядах, шелком и другими «красными» товарами. Таким образом, внезапное появление гостей-сурожан в Новгороде XVI в. требует своего объяснения¹⁸. По-видимому, дело надо представлять таким образом, что после присоединения Новгорода к Москве старые купеческие организации подверглись пересмотру.

Вместо различных корпораций (купцов-вошников, заморских купцов и пр.) была создана единая организация, которой было присвоено традиционное московское название гостей-сурожан. Как и раньше, во главе гостей стоял «купеческий староста». Так, кажется, можно понять неожиданное появление сурожан в Новгороде XVI в.

Гости-сурожане получили в Новгороде особые привилегии, на что указывает выделение гостиных дворов из общей массы городских дворов. Видимо, особая организация Иванского ста после этой реформы прекратила свое существование. При самой церкви, однако, продолжали существовать какие-то учреждения, ведавшие сбором вещей пошлины. Таможенная грамота 1571 г. показывает, что государев разгром 1570 г. нанес некоторый ущерб привилегиям гостей-сурожан: «А что было у сурожан государева грамота жалованная в проездех и во всяких государевых пошлинах, и государь ту грамоту отставил, а велел у сурожан имати все свои пошлины по старине, а записывати таможенником товары в книги самим, которые грамоте и писати умеют»¹⁹.

Из этих несколько неопределенных слов выясняется, что сурожане имели особую жалованную грамоту, которую царь отменил. Непонятно, однако, остается, что имеют ввиду слова: «У сурожан имати все свои пошлины по старине». По-видимому, эти слова говорят о том, что поборы с сурожан остаются в силе, хотя их привилегии подверглись уменьшению. В то же время предписание таможенникам «самим» записывать товары в книги, указывает на то, что раньше запись товара в книги производилась сурожа-нами.

Однако в таможенной грамоте 1571 г. нет ни слова об отдаче сбора пошлин на откуп, как это видим из позднейших документов.

Между тем сбор пошлин в Новгороде передавался на откуп уже в 1586 г. Новгородец Иван Филатов, льняник, т. е. торговец

---

¹⁸ В новгородских летописях указаны различные гости, или гостебники: бежецкие, деревские, заморские, немецкие, низовские, новоторжские, полоцкие, поморские, смоленские, тверские, хопыльские. Однако нет никаких указаний на сурожан, или сурожских гостей. Из перечисления новгородских гостей видно направление новгородской торговли, связанной со странами Центральной Азии, а не с Причерноморьем. Хопыльские гости — купцы из Кабула в Афганистане (Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 627. Предметный указатель).

¹⁹ С. Г. Г. и Д., ч. 2, № 43, стр. 58.

льном, взял на откуп поворотную пошлину, собираемую с товаров на Псковском и на Тверском гостиных дворах. До него поворотную пошлину собирали целовальники. Откупщик дал 6 рублей «наддачи» и получил право собирания этой пошлины. Следовательно, до 1586 г. поворотная пошлина на Псковском и на Тверском гостиных дворах собиралась еще целовальниками, а не отдавалась на откуп. В 1587 г. другой откупщик, Трифон Васильев сын, укладник (торговец стальными изделиями) взял на откуп вещую пошлину «под Иваном святым на Опоках». При этом уже ничего не говорится о верных целовальниках, которые раньше собирали вещую пошлину. «Наддача» была очень большая: кроме 66 рублей, собираемых прежде с вещей пошлины, откупщик должен был дать еще 40 рублей. Всего «старого откупа и с новой наддачей» он платил в казну 106 рублей.

В том же 1587 г. на Софийской стороне на откуп передана была померная и покоречная пошлина, собираемая с ржи, овса, мака, чеснока, брусники, яблоч и т. д. Это была очень большая пошлина, состоявшая вместе с новой «наддачей» 400 рублей²⁰.

Таким образом намечается определенное время, когда откупа заменили собой прежнюю систему собирания пошлин с помощью целовальников. Раньше чем откупа окончательно восторжествовали, должна была произойти скрытая борьба между правительственными распоряжениями, стремившимися уменьшить права новгородских купеческих организаций, и новгородскими купцами. Она и объясняет нам печальную участь купцов Сырковых, когда-то переведенных из Москвы в Новгород, Таракановых и других воротил.

А. П. Пронштейн справедливо указывает, что новгородские купцы, точнее, крупнейшие фамилии новгородских гостей, уже были разорены в конце XVI в. Об этом говорят писцовые книги, рисующие картину запустения прежних дворов, когда-то принадлежавших Таракановым и Сырковым. На гостином месте Петра Тараканова стояли уже государевы житницы, двор Федора Тараканова перешел во владение Богдана Яковлевича Бельского и пр.

А. П. Пронштейн, как и другие историки, связывает это с «выводами» новгородских купцов в другие города. Нет никакого сомнения в крайней вредности «выводов» торговых людей и ремесленников из одного города в другой. Но дело было не только в одних «выводах», а и в самом изменении торговых операций в конце XVI в. Переход к откупам, усиление деятельности «корыстных купчин» отражали крупные явления в русской экономике, наметившиеся при Грозном и получившие особенное развитие при его преемниках. Пресловутая революция цен, которая затронула и Россию в конце XVI в., когда крупные землевладельцы, в первую очередь монастыри, стали увеличивать повинности крестьян в не-

²⁰ С. Г. Г. и Д., ч. 2, № 55—57, стр. 89—94.

померных размерах, отражала не только жадность феодалов, но и реальные перемены в русской экономике того времени. Например, в Осташковской слободе оброк, получаемый Иосифовым Волоколамским монастырем, увеличился в несколько раз. Увеличить оброк в таких размерах было бы невозможно, если бы не было реальной возможности собирать новый оброк с рыболовов, плативших раньше на основании старых расчетов, решительно устаревших к концу века.

О больших изменениях в новгородской экономике, связанных с откупами, говорит отрывок одной грамоты 1595 г., которая публикуется впервые, в силу чего мы ее и приведем полностью (начало грамоты оборвано): «...сыскана тамга. А збирается ныне тех таможных денег на год по семидесять рублей. А в прежних годах тех денег не збирывалось ни по одной денге. Да таможных пошлин в прибыли в нынешнем во 104-ом году будет пятьсот рублей. И всего в Великом Новгороде перед прежними годы в прибыли учинилось три тысячи восьмьсот пятьдесят восемь рублей и девятнадцать алтын с полуденьгою. Да посадских лутчих и середних и молодчих людей и подсосудников перед прежними годы в прибыли учинилось тысяча два человека. И вы то зделали гораздо, что в наших делах нам прибыль учинили, и вам бы и вперед нашими деле промышляти потому ж неоплошно с великим радением и прибыли нам во всем искати, а мы вас за то пожалуем.

А что извещал нам на тебя, дьяка нашего Дмитрия, Иван Неелов, и что писал к нам на него ты дьяк наш Дмитрий, и нам то ведомо. И мы Ивана Неелова за то его воровство велели послати в Великий Новгород с приставом и велели Ивана Неелова в Великом Новгороде у дьячей избы бити кнутьем нещадно да вкинути на три недели в тюрьму, а поместья ево велели отписати на себя, и вперед ему в городских приказчикех быти не велели. А сына ево Романа Неелова велели послати в Сибирь на житье, чтоб вперед иным вором не повадно было воровати.

И как к вам ся наша грамота придет и вы б отпустили к нам к Москве, а Ивана б естя Неелова велели выпустити, как три недели минет, и велели ево дати на поруки, что из Новгорода ему никуда не езжати, а в городских приказчикех вперед бы естя ему быти не велели, а поместье ево велели б естя отписати на нас и приказали ево ведати и беречи, кому будет пригоже, до нашего указу. А ты б дьяк наш Дмитрий и вперед делал наши всякие дела по нашему указу и прибыли нам во всем искал бесстрашно, не блюдяся воров. Писан на Москве лета 7104 ноября в 5 день»²¹.

²¹ Отрывок приведенной выше грамоты хранится в личной библиотеке автора. Это отрывок столбца, от которого осталась только одна склейка. На обороте видны остатки дьячей пометки. Сбоку поставлен номер 1 и написано: «куплена № 1 дар Пав. Мат. Дементьева». Слово «куплена» написано очень неразборчиво. Сбоку есть и другая помета чернилами. Грамота написана скорописью конца XVI в.

Из этого отрывка видно, что сбор пошлин к 1596 г. окончательно уже перешел в руки приказной администрации и городского приказчика. Впрочем, контроль над откупщиками еще поддерживался с помощью пятиконецких старост. По грамоте 1587 г., они должны были брать у откупщика меры и проверять их, а пятно, т. е. клеймо, которым пятали лошадей, держать у себя.

Таможенная реформа подорвала прежние новгородские традиции. В дальнейшем произошел и подрыв самой новгородской торговли. По Столбовскому миру 1619 г. выход к Финскому заливу был запрет для России, а Швеция хищнически утвердилась почти на целое столетие на берегах Финского залива с единственной целью лишить Россию ее естественного выхода к открытому морю.

Приведенный отрывок очень интересен своей ссылкой на увеличение количества людей в Новгороде больше чем на 1000 человек. Это было прямым следствием недавно заключенного Тязвинского мира 1593 г., вернувшего России берега Финского залива.

НОВГОРОД – СТАРИННЫЙ ЦЕНТР КНИЖНОСТИ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

В XVI в. Новгород все еще оставался крупнейшим культурным центром тогдашней России. В его монастырях и при соборе св. Софии хранились большие библиотеки различных рукописей церковного и гражданского содержания.

Библиотека Софийского дома отличалась особым богатством и в значительной своей части сохранилась до нашего времени. О книгах тщательно заботились, судя по различного рода пометам на рукописях. Особо отмечались книги дорогие или почему-либо имевшие крупное значение для новгородской истории. Замечательна история одной из таких рукописей, находящейся в настоящее время в Государственном историческом музее²². Это известная новгородская Кормчая, или Номоканон 1280 года. Она хранилась в новгородском Софийском соборе, как сказано в ее предисловии, на почитание священникам и на послушание христианам. Книга включает в себе переводы византийских законов, а также русские дополнения к переводным греческим законам, например, древнейший список Русской Правды. Кормчая 1280 г. при ликвидации новгородской самостоятельности в числе других книг была увезена в Москву, а в 1526 г. по просьбе новгородского архиепископа Макария, позже митрополита, была возвращена новгородскому владыке с пометой, что великий князь велел положить эту книгу в Софии «по старине».

²² ГИМ, Синод. собр., № 132.

Благодаря книголюбию новгородцев до нашего времени дошли многие памятники седой древности. Факт этот общеизвестный и не требует каких-либо свидетельств и ссылок на литературу.

Значительно менее известно о новгородских книжниках XVI в. Наиболее часто рассказывается об архиепископе Геннадии, о собирании им библейских книг, вошедших в так называемую Геннадиевскую Библию, о той школе, которую завел Геннадий при Софийском доме. Менее известно о продолжателях Геннадия. Между тем деятельность по собиранию книг и по переводу «от римского писания и речей на русское писание и на русскую речь» продолжалась в Новгороде и в XVI столетии. При архиепископе Макарии были переведены на русский язык такие произведения, как сочинения епископа Бруно, Иеронима, блаженного Августина («Августин о Таврикии»), Григория Великого, пресвитера Беды Кассиодора. Над этими переводами трудились софийские книжники и известный Дмитрий Герасимов, который уже в это время был маститым старцем²³.

Целый ряд произведений публицистического характера возник в монастырях, расположенных под Новгородом. Из таких монастырей особенно выделялся Отенский монастырь, инок которого Зиновий написал несколько сочинений, направленных против ереси Феодосия Косого и подобного же рода отклонений от православной церкви. Пространные по содержанию, наполненные разного рода рассуждениями и цитатами из церковных авторов, произведения Зиновия Отенского настолько ценились, что уже в 1642 г. были напечатаны в Москве в особом сборнике.

Большая литература возникла в Новгороде в XVI в. в связи с канонизацией многих новгородских святых. Подобные произведения представляют собою настоящие новеллы, наполненные различного рода сказочными подробностями, а также выписками из летописей. Таково, например, житие новгородского епископа Нифонта, представляющее собой отдаленное воспоминание о XII столетии, когда жил епископ, основанное на различного рода летописях. Автор жития имел какие-то древние источники, в частности, пользовался посланием вселенского патриарха Царьграда. Оно было направлено против знаменитого Климента Смолятича, поставленного на русскую митрополию в Киеве XII в. русскими епископами без обращения к константинопольскому патриарху. Впрочем, другие новгородские жития (Повесть об архиепископе Ионе, Повесть о блаженном Евфимии) основаны уже на более достоверных исторических воспоминаниях.

Новгородская литература XVI в., к сожалению, до сих пор еще как следует не изучена, а между тем она ярко отразила на себе бурную новгородскую жизнь XVI в. В этом смысле особенно интересно «Слово об обретении мощей преподобного Ионы», которое

²³ А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 153—154.

до сих пор оставляется в стороне нашими историками, изучающими опричнину. А между тем это Слово имеет прямое отношение к опричнине и к разорению Новгорода в 1570 г. Автор Слова вспоминает о различного рода бедствиях, которые случались в Новгороде в более раннее время, в частности, говорит о великом море при архиепископе Серапионе II, «ему же подобно в древних моров не слышахом».

Новгородцы XVI в. с большим интересом относились к старинным рукописям, повествовавшим об истории города. О поисках таких рукописей рассказывает неизвестный нам собиратель, оставивший записки за 70-е годы XVI в. Он, в частности, сообщает, что смотрел летописец Лисицкий, о котором говорили, что этот летописец был полным, «добри сполна». На деле же оказалось, что летописец не был полным. Запись относится к 1592 г. Дошедшая до нашего времени рукопись с такой пометкой представляет собой в сущности черновой экземпляр, точнее, черновые записи, сделанные из различного рода летописцев неизвестным собирателем конца XVI в.²⁴

С Великим Новгородом связано и начало русского книгопечатания. Из него был послан в Москву печатных дел мастер Маруша Нефедьев незадолго до появления первой печатной книги вскоре после 1553 г. Имеются и указания на то, что в Новгороде печатались некоторые книги.

В XVI в. Великий Новгород оставался крупнейшим центром различного рода тонких ремесел. Новгородские иконы и кресты распространялись по всей России того времени, и о новгородских иконописцах и живописцах встречаются нередкие упоминания в наших источниках. Они отмечены в книге С. В. Бахрушина о русских городах XVI в., на которую делались выше неоднократно ссылки.

Одним словом, Новгород XVI в. живет еще полноценной культурной жизнью. Это второй по значению культурный центр России этого времени, уступающий только Москве.

---

²⁴ Новгородские летописи, стр. VI—VII. Летопись по сборнику Архивскому или Малиновского. К сожалению, летопись издана с расположением статей в хронологическом порядке, что не соответствует ее настоящему содержанию, где летописные статьи переписаны в беспорядке. Новое издание летописи — очередная задача летописной группы Института истории АН СССР.

Глава XIV

ПСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ

ОБЩИЙ ОБЗОР

Псковская земля занимала крайний северо-западный угол России, наиболее доступный для нападения со стороны Ливонии и Литовского великого княжества. По своей конфигурации территория Псковской земли похожа на длинную и неширокую полосу, вытянувшуюся с севера на юг. В XVI столетии, как и ранее, Псковская земля имела четко очерченную территорию, окруженную болотами и лесами. На десятиверстной карте она представляется как бы громадной поляной, лежащей среди густых лесов и болот. В действительности даже в позднейшее время, по Генеральному межеванию XVIII в., в самых малолесистых псковских уездах считалось до 50% площади, занятой под лесами и кустарниками.

На окраинах Псковской земли леса соединялись с болотами и озерами, делая на западе границы края кое-где почти недоступными для вторжения. Псковская земля была отделена от Ливонии такой стеной глухих лесов и болот, которая охраняла многие псковские области от внезапных набегов не хуже высоких и непроходимых гор. Границы между Ливонией и бывшей Псковской землей легко представить на современной карте; они обозначены сплошными лесными массивами.

На восточной окраине Псковской земли лежали большие озера и своеобразные болотные полосы в 2—3 км шириной и длиной до 20—40 км. Эти болота были непроходимы и в XIX в. Тогда здесь еще существовали затерянные деревушки, жители которых были оторваны от остального мира и сносились с ним только в зимнее время, когда замерзали лесные топи.

На юге Псковского края простиралась озерная полоса; ряд больших и малых озер располагался по окраине Псковской земли и продолжался дальше на восток, по направлению к Торопцу.

Это те озера, которые так затрудняли движение армии Стефана Батория на Псков.

Для сохранения постоянных связей псковских пригородов с Псковом немалое значение имели Чудское и Псковское озера, а также река Великая, судоходству по которой, впрочем, мешали пороги у села Любуты несколько выше Пскова. В сущности бассейн Чудского озера и реки Великой и составлял Псковский край.

Обилие лесов, болот и мхов характеризовало многие районы Псковского края. Поблизости от Порхова мох тянулся на 15 верст. Поэтому писцовые книги Псковского края пестрят термином «пашни паханые худые земли»¹.

Псковскую землю нельзя представлять сплошной равниной. Южная ее оконечность носит холмистый характер, особенно в восточной части Опочецкого уезда, в современных пушкинских местах, прославленных нежной и непередаваемой прелестью русской природы.

ОСТАТКИ ПРЕЖНЕЙ ВОЛЬНОСТИ

В XVI столетии Псковская земля еще сохраняла некоторые остатки прежней самостоятельности, чему в немалой степени содействовало ее окраинное положение, заставлявшее московское правительство особенно осторожно относиться к нуждам Пскова и его жителей. В Псковской земле старые традиции сохранялись упорно и долго.

Особое положение Пскова в составе России было обеспечено льготами, которые Василий III дал псковичам в момент присоединения Пскова в 1510 г. Великий князь в следующих словах выразил обещание сохранить для Пскова некоторые черты его прежнего устройства: «а здесь бы быти двем наместником, а по пригородам наместнику же быти, и вы ещо проживете в старине». Сами псковичи были уверены не только в своих правах, но и в возможности их отстаивать. Поэтому на вече, когда разрешался вопрос сопротивляться ли или подчиниться требованиям великого князя, говорили: «государь наш князь великий тое крестное целование не учнет на собе держати, ине на него тот же обет, который на нас, коли нас не учнет доржати в старине»². Таким образом, псковичи высказали мысль, что договор обязателен как для них, так и для великого князя.

В течение всего XVI в. Псков сохраняет свои старые традиции, и псковская летопись наполнена постоянными выпадами против московских бояр. «И быша дьяки мудры, а земля пуста», — восклицает псковский летописец, говоря о смерти дьяка

¹ Сборник Московского архива министерства юстиции, т. 5. Писцовые книги 1585—1587 гг. М., 1913 (далее — Писцовые книги 1585—1587 гг.).

² Псковские летописи, вып. 1. М., 1941, стр. 94.

Мисюря. Именно в псковской летописи найдем самые резкие отзывы об Иване Грозном, опустошавшем свою землю.

Нет никакого сомнения в том, что Василий III выдал псковичам особую жалованную грамоту, о которой определенно говорится в летописи: «даша князь великий свою грамоту жаловальную псковичам»³. Грамота эта не сохранилась до нашего времени, но о ее содержании можно судить по другим документам. Великий князь дал псковичам право участвовать в судебных разбирательствах («правды стеречи») вместе с наместниками и тиунами. В частности, в жалованной грамоте Пскову устанавливались размеры пошлин, получаемых наместником и царскими тиунами.

Есть основания думать, что судебные дела в Пскове продолжали разрешаться по Псковской судной грамоте. Когда Псков получил жалованную губную грамоту (1541 г.), псковские целовальники и сотские стали судить на княжеском дворе в суднице над Великой рекой, что вызвало недовольство тогдашнего наместника в Пскове князя Василия Репнина Оболенского⁴. Между тем разбирательство судебных дел на княжеском дворе было старинным обычаем псковичей, что доказывается постановлением Псковской судной грамоты. «Судити им у князя на сенех», — говорится в грамоте о суде князя и посадника.

В числе других псковских привилегий, по всей видимости, было запрещение посылать в Псков зазывные грамоты для вызова в Москву по судебным делам, те самые «московские позвы», на отмене которых настаивали новгородцы. О жалованной грамоте псковичам с отменой позвов сообщает псковская челобитная 1650 г.⁵ Правда, эта грамота была дана Михаилом Федоровичем, но трудно сомневаться в том, что она лишь подтверждала старые псковские привилегии.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И РЫБОЛОВСТВО

Почвы Псковской земли не отличаются плодородием. Тем не менее хлебопашество было распространено в этом крае с давнего времени. Наибольшей плодородностью отличались центральные псковские уезды, лежавшие в основном между Островом и Опочкой. К Вороночу примыкали «добрые земли», отдававшиеся в оброк посадским и ратным людям. Из 62 четвертей, занятых оброчными нивами, свыше половины (38) отмечены «доброй землей». При всей условности обозначения качества земли в писцовых книгах, эти цифры все-таки говорят об относительном

³ Псковские летописи, вып. 1, стр. 96.

⁴ Там же, стр. 110.

⁵ К. Якубов. Россия и Швеция в первой половине XVII века. М., 1897, стр. 361.

плодородии некоторых районов Псковской земли. Например, в Вельском уезде в 64 нивах насчитывалось 90 четей «добрый земли» на 108 четей «средней» и «худой»⁶.

Однако урожаи нередко были очень плохими. Поэтому псковские летописи и сказания пестрят рассказами о неурожайных годах и голоде в деревнях и городе⁷.

Основными хлебами были рожь и овес, имеются указания и на посевы пшеницы. Разводили также горох и коноплю главным образом для масла.

Крупное значение имело животноводство, в особенности разведение крупного молочного скота. Этим объясняется особое внимание псковских писцовых книг к пожням, раздаваемым из казны в оброк, с указанием того количества копен сена, которое с них собирается.

В городах почти обязательными были огороды с различными овощами и сады с яблонями и вишнями при дворах. Появление вредителей на репе и капусте казалось современнику «гневом Божиим на людех», как об этом читаем в летописной заметке 1565 г.: «у крестьян по огородам черви капусту поядоша, и нет памятухов таково не бывало, и по репищам репы те же черви пятину объели». В писцовых книгах оброчные и безоброчные огороды перечисляются особо с указанием их размеров. В среднем это небольшие участки земли, примерно 10 на 10 сажен, а иногда и больше («огород Катеринки Нестеровы жены Чернышова, вдоль 10 сажен, а поперек тож» и т. д.).

Особенностью Псковского края, выделявшей его из числа других русских земель XVI столетия, являлось большое производство льна. Псковский край издавна отличался выгодными климатическими условиями для распространения льноводства. Псковский лен отличался высокими качествами и особенно ценился на средневековых рынках. Недаром Флетчер отмечал, что лен растет в России почти в одной Псковской области. Это замечание ошибочное, так как лен разводили и в районах Ярославля и Вологды, но оно указывает на крупное значение льноводства в Псковской земле.

В Псковской земле больше, чем где-либо, было развито рыболовство; рыбу ловили в Большом (Чудском) и в Псковском озерах, в реке Великой и многочисленных более мелких озерах. Рыбные ловли начинались в непосредственном соседстве с Псковом: «во Псковском озере и в Великой реке ловят городские и сельские люди неводы и всякими ловлями, ото Пскова вниз по Великой реке». Рыболовецкие поселки носили в Пскове название «исадов». Некоторые из них представляли собой довольно

⁶ Писцовые книги 1585—1587 гг., стр. 376, 378.

⁷ Например, хлеба было недостаточно в 1544 г.: «псковского хлеба не стало» (Псковские летописи, вып. 1, стр. 144). Хлеб был дорог в 1560 и в 1563 гг.

большие селения с постоянным населением, в других стояли только дворы ловцов, наезжавших в исад из города или из деревень. Исад Талавск на острове Талавске в Псковском озере был постоянным рыболовецким селением с церковью и дворами рыбных ловцов, которым были отведены некоторые земли. В Талавске стояло 10 дворов ловцов, наделенных папнями, и 5 ловецких непашенных дворов, не считая дворов монастырских⁸.

Описание различного рода исадов на Великом (Чудском) и Псковском озерах занимает много места в писцовых книгах. О некоторых исадах сказано, что рыбу ловят неводами, «и котцы, и сетми, и мережами», а также переметами⁹. По Далю, котцы — это «шлетневый перебой через речку для удержания и ловли зашедшей туда рыбы». От слова «котцы» произошел термин «котечник» — зависимый человек, занимавшийся рыболовством.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Псковская земля в XVI в. была краем мелкого землевладения. Поэтому борьба центральной власти с боярством была здесь менее продолжительной и ожесточенной, чем в Новгороде. Василий III переселил большое количество псковичей, в том числе бояр, но массового вывода жителей из Пскова, по крайней мере такого, какой был осуществлен в Новгороде, в Пскове не произошло. Мелкие служилые люди и в более позднее время составляли основную массу псковских землевладельцев.

Из помещиков составлялись местные войска, привычные к воинским походам и оборонам. Судя по писцовым книгам 1585—1587 гг., помещичьи имения в Псковской земле не отличались большими размерами. Перечисление земель в Гдовском уезде («за дети боярскими в поместьях») обнаруживает картину запустения, стоявшего в явной связи с Ливонской войной и памятной осадой Пскова. Но и в этом случае поражает крайняя незначительность и малая населенность помещичьих владений. «Живущая папня» измеряется обычно несколькими четвертями земли.

Среди владельцев земли показаны не только дети боярские, но и такие категории псковского населения, как пушкари, ямщики и т. д. Нивы и поженки принадлежали посадским людям.

В Псковской земле было сильно распространено мелкое церковное землевладение. Небольшие деревни и пустоши принадлежали монастырям и церквям; в целом же размеры церковных владений были очень незначительны; к тому же эти владения обычно находились в разных уездах. Ничего похожего на

⁸ Писцовые книги 1585—1587 гг., стр. 86.

⁹ Там же, стр. 112.

крупное церковное и монастырское землевладение Новгородской земли мы не имеем. Между тем в Псковской земле существовало большое количество монастырей.

О положении крестьян в Псковской земле XVI столетия дают представление писцовые книги и другие главным образом монастырские документы. В Псковской земле явно преобладало оброчное хозяйство, хотя упоминаются и монастырские деловые люди.

Тяжелое положение крестьян в Псковской земле, как и в Новгородской, в значительной степени проистекало из того, что в их пределах длительное время велась Ливонская война. Обобщенно запустение Псковской земли объяснено в таких словах: «запустили те деревни от дорогие описи и от хлебного недороду и от городских поделок, а иные деревни запустели от государевых даней, от божия поветрия и от немецких и литовских людей войны»¹⁰.

СЕВЕРНЫЕ ПСКОВСКИЕ ПРИГОРОДЫ

Крупнейшим городом на севере Псковской земли был Гдов, недалеко от берегов Чудского озера. Его каменная крепость была построена еще в годы псковской самостоятельности. В конце XVI в. город уже стал пустеть, но о былом значении Гдова как городского центра говорит цифра в 290 тяглых дворов, числившихся в нем «по старому письму». Запустение города произошло, по-видимому, со времени Ливонской войны. В конце XVI в. «город Гдов камен» состоял из крепости и посада. Крепость почти целиком была заселена ратными людьми, в ней помещалась стрельцкая слобода (100 стрельцов и сотник) и 26 дворов «детей боярских, и монастырских, и попов, и пушкарей, и воротниковых и ямщиковых дворов». Кроме того, в городе стоял наместничий двор.

Гдовский посад был совсем незначителен, в нем насчитывалось 13 черных дворов и столько же людей. Незначительной была и городская торговля. На торгу стояло 11 лавок и 9 клетей. Мелкое ремесло и огородничество, видимо, были главными источниками существования немногочисленных гдовских посадских людей. Таким образом, перед нами вырисовывается картина Гдова как типичной крепости с небольшим ремесленным населением¹¹.

Никаких сколько-нибудь значительных селений в Гдовском уезде XVI в. не было. Даже села не отличались большим размером, а многие деревни лежали «в пугте». Правда, описание го-

¹⁰ Н. Серебрянский. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908, стр. 438.

¹¹ Писцовые книги 1585—1587 гг., стр. 211—223.

рода и уезда относится к 1585—1587 гг., когда последствия Ливонской войны еще остро ощущались, но и в более благоприятные времена Гдовский уезд не отличался большим процветанием. Особенно поражают малые размеры земли, отведенной под пашню. Из значительных пунктов, находившихся в районе Гдова, выдается только городище **Кобылье** «у Чюдского озера на берегу». До Ливонской войны в нем было 37 посадских дворов, а после нее осталось всего 3 двора. Наместничий двор являл здесь картину запустения: «хоромы огнили и обаялися». Следы старинной крепости, впрочем, сохранились до нашего времени. Тем не менее в писцовых книгах конца XVI в. уезд Кобыльего городища писался особо. Характерной его чертой являлось обилие мелких земельных владений, принадлежавших псковским церквям и монастырям.

Примерно такой же характер, как Гдов, имел другой пригород — **Изборск**, находившийся в непосредственном соседстве с Псковом. Если Гдовский уезд был расположен к востоку от Чюдского озера, прикрывавшего его от нападений немецких рыцарей, то Изборск, находясь в непосредственном соседстве с границей Псковской земли, был по преимуществу городом-крепостью. В XVI в. город был заново укреплен. Эти укрепления хорошо сохранились до нашего времени.

Писцовые книги указывают на то, что по старому письму в Изборске было 84 осадных двора, «а людей в них тож». Общее количество черных людей по старому письму было также несравненно более высоким, чем после Ливонской войны. Так, после войны «клетки и житницы» принадлежали по преимуществу ратным людям и духовенству, а ранее это «были места черные дворовые и лавочные».

До войны на Изборском посаде стояло 57 посадских дворов. Таким образом, город имел черты небольшого торгово-промышленного пункта. Об этом говорит и упоминание о 21 лавке в городе и 42 лавках на посаде, по «старому письму».

По новому письму, в Изборске жил наместник, а в крепости насчитывалось свыше 50 дворов живущих, да 57 пустых осадных дворов. Основное население изборской крепости состояло из стрельцов, приказных и церковных людей. Некоторое количество дворов принадлежало дворцовым крестьянам. Ту же картину решительного преобладания служилого населения над посадскими людьми видим на посаде Изборска, где стояло всего 4 посадских двора. Прежние посадские черные места запустели и превратились в огороды («пашут их огородами»). Посад фактически сделался придатком к крепости. В нем появилось 26 дворов пушкарей, воротников и духовенства, да стрельцкая слобода на 100 человек стрельцов. По писцовой книге, «на посаде было нетяглых 12 дворов и прибыло перед старым дворов и мест 14, да слобода стрельцкая».

Конечно, торговля и ремесло не совсем покинули Изборск. Стрельцы и мелкий церковный причт занимались ремеслами (в писцовой книге об одном стрельце сказано, что он «скорняк»). И все-таки значение Изборска как ремесленного торгового центра ушло в прошлое. Лавки в городе были заменены «клетями» (амбарами), на посаде стояло всего 12 лавок, принадлежавших ратным людям и дворцовым крестьянам. Единственным промысловым заведением была винная и пивная варница.

Небольшой Изборский уезд был богат лугами. Размеры пашни здесь были значительнее, чем в соседнем Гдовском уезде. В остальном же это был район мелкого помещичьего и церковного землевладения¹².

На самой западной окраине Псковской земли, почти на ее рубеже с Ливонией, располагался **Псково-Печерский Успенский монастырь**. Возникновение монастыря относят к 1471 или 1473 г. Вначале это была небольшая монашеская обитель, которая постепенно выросла в крупный общежительный монастырь, с тех пор как она попала под покровительство больших людей. Таким был знаменитый дьяк псковской воеводской канцелярии («избы») Мисюрь Мунехин. Он начал ездить в монастырь со многими людьми и «монастырь кормити». Вырытые в земле пещеры дали монастырю прозвище «печерского»¹³.

Особое порубежное положение Псково-Печерского монастыря делало из него передовой оплот Псковской земли. Мощные каменные стены окружали его со всех сторон, как настоящую пограничную крепость. И монастырь успешно выдержал осаду войск Стефана Батория, о чем была сложена особая повесть. В монастыре стоял постоянный гарнизон из стрельцов, пополняемый в тревожное время монастырскими слугами и послушниками.

ЮЖНЫЕ ПСКОВСКИЕ ПРИГОРОДЫ

Выше уже говорилось о том, что южная часть Псковской земли по своему холмистому рельефу сильно отличается от равнинного севера. Прилегая непосредственно к Ливонии и Литовскому Великому княжеству, южные уезды Псковской земли нередко подвергались разорениям. Поэтому все южные псковские пригороды были в то же время и крепостями. Крупнейшими из них были Остров и Опочка.

Город **Остров** в конце XVI в. стоял «серед Великие реки на острове», отсюда и произошло название города. Теперь от старых каменных укреплений Острова сохранились лишь немногие остатки башен и стен. Между тем до Ливонской войны Остров

¹² Писцовые книги 1585—1587 гг., стр. 295—317.

¹³ Н. Серебрянский. Указ. соч., очерк третий.

представлял собой относительно значительный городской центр. По старому письму, в нем считалось 37 дворов ратных, приказных и церковных людей, 204 тяглых двора. Рынок состоял из 28 лавок. Следует особо отметить существование в Острове 8 дворов «зеленых мастеров», приготовлявших порох.

Страшно разоренный в Ливонскую войну, Остров на длительное время заустел. Главное его население в конце XVI в. составляли ратные люди. В крепости находились 25 дворов служилых людей и духовенства. На посаде, где раньше были «дворы черные», числилось 100 стрелецких дворов, составлявших Стрелецкую слободу. Весь торг заключался в 10 лавках, принадлежавших пушкарям, дворцовому крестьянину, попу и пр. На реке Великой были устроены две мельницы, писцовые книги также отмечают два мельничных места. Как и в Изборске, пустые дворовые места превратились в огороды.

Островский уезд отличался более благоприятными условиями для земледелия, чем северные уезды Псковской земли. Писцовые книги отмечают здесь «добрые земли»¹⁴. Сюда ездили за хлебом торговые люди из Новгорода, которым до разорения Острова принадлежало в городе 12 житниц.

Несколько иной характер имел более южный пригород Псковской земли — Опочка. По старому письму, на Опочке в крепости было 197 дворовых мест, а на посаде числилось 172 тяглых двора (в них 174 человека). Относительно значительным был рынок, насчитывавший раньше 50 лавок (по новому письму, 31 лавочное место и 19 лавок). О торговом прошлом Опочки говорит такая подробность. В ней существовали «Жидовский конец» и «Жидовская улица». Это указывает на старинное урочище с еврейским населением в прошлом, когда Опочка имела большее значение как город с посадом.

Старая Опочка рисуется перед нами как значительный ремесленный центр. Это устанавливается ремесленными прозвищами старых владельцев посадских дворов, погибших во время литовского разорения. На Жидовской улице находились «дворы черные пустые и места порожие». В них жили ранее овчинники (2), тележник, колачники (2), кисельник. В Кузьмодемьянской слободке располагались пустые места прежних дворов ведерника, мясника, сапожника.

В конце XVI в. на Опочке стояли дворы 45 нетяглых и 7 посадских «молодых» людей, т. е. наименее зажиточной части горожан. Посад, таким образом, был фактически уничтожен почти полностью. О возможности возрождения Опочки, которая опять делается в XVII в. крупнейшим псковским пригородом, говорит только то, что в ней оседают соседние дворцовые и владельческие крестьяне.

¹⁴ Писцовые книги 1585—1587 гг., стр. 280—294.

Землевладение в Опочечком уезде было по преимуществу мелкопоместным. Церковное землевладение имело здесь еще меньшее значение, чем в Острове.

Если даже в наиболее значительных пригородах Пскова жило небольшое количество посадских людей, то в остальных городах Псковской земли их было еще меньше. На хозяйстве этих городов разорение Псковской земли во время Ливонской войны сказалось особенно резко и решительно. Но даже и «по старому письму», до разорения, эти города Псковской земли выглядят как небольшие крепости.

Так, город **Красный** до разорения имел значительное посадское население. По старому письму, в нем насчитывалось примерно 20 дворов служилых людей и духовенства, 90 черных тяглых дворов. Таким образом, в Красном до разорения стояло свыше 100 дворов. Рынок, впрочем, был незначительным и не превышал 20 лавок. После разорения Красный получил односторонний характер крестки. В нем стояло 23 двора ратных людей и духовенства, на посаде появилась Стрелецкая слобода в 100 дворов и осталось всего 2 двора посадских людей. Запустевшие дворовые места посадских людей, как и в других псковских городах, обратились в огороды стрельцов, пушкарей, попов и т. д., в ожидании «как их черные люди ис тягла возмут»¹⁵.

К Острову и Опочке примыкала, пожалуй, самая населенная часть Псковской земли, в которой до Ливонской войны находилось несколько небольших городков. Таким был, например, до Ливонской войны город **Вороноч** на реке Сороти. По старому письму, в Вороноче стояло 39 нетяглых дворов, в том числе и дворы «зелейных мастеров», делающих порох. Там находилась «варница зеленая» (пороховая мастерская). Кроме того, в крепости помещалось 18 царских житниц и 228 клеток различных владельцев, в том числе «черных людей и деревенских крестьян».

К городу до разорения примыкал большой посад, на котором стоял 371 двор тяглых посадских людей. Значительным был местный рынок, насчитывавший после войны 61 лавочное место, 4 пустые лавки и 5 лавок живущих. Все эти пустые дворовые места в Вороночи, как и в других псковских пригородах, были отданы под огороды после того, как город был razoren войсками Стефана Батория.

После разорения Вороноч уже не мог оправиться. По писцовым книгам 1585—1587 гг., это только «городище, что был город Вороноч». В крепости стояло только 25 нетяглых дворов. На месте прежних дворов лежали пустые места («ныне места пусты»), исчезла зеленая варница. Почти полностью исчезло посадское население, осталось всего 7 посадских дворов, «убыло перед старым писмом черных тяглых людей 364 дворы». Весь торг состоял

¹⁵ Писцовые книги 1585—1587 гг., стр. 258—268.

из 5 лавок. Вороноч потерял всякое значение как город и даже как крепость¹⁶.

Землевладение в Вороночском уезде носило несколько иной характер, чем в более северных уездах Псковской земли. Наиболее крупными по размерам были вотчины и поместья псковских дворян. По писцовым книгам 1585—1587 гг., отмечается много пустошей, но в более раннее время эти пустоши были населенными деревнями. Например, Семену Фофанову Меншикову принадлежали сельцо Сорочнево, 8 деревень, 28 пустошей. Его отцу Меншику Иванову Фофанову принадлежали сельцо Высоцкое и 42 пустоши. По сравнению с монастырскими и церковными владениями, земельные имущества дворян отличаются значительно большими размерами. Церковные и монастырские земли, к тому же, по преимуществу лежали «в пуге».

Незначительными были другие южные пригороды Пскова. **Вышгород** и до Ливонской войны представлял собой маленький городок: в нем считалось всего 31 черное пустое место. После войны город запустел, на городище стояли только 4 двора церковных людей.

Такой же характер имело городище **Дубков**, где ранее стояли 16 пустых «дворишек» посадских людей и находилось 44 места дворовых. От всего этого осталось лишь 2 тяглых двора. Впрочем, запустение дубковского посада началось гораздо раньше Ливонской войны. Посадские люди и до разорения пахали нивы и платили с них посопный хлеб, а также держали огороды и сады. В Дубкове существовали огород и сад размером с полдесятины, где росло 35 яблонь.

Городище, «что было городок **Володимерец**», запустело после Ливонской войны совершенно. На верхнем посаде сохранилось только 3 посадских двора. Владельцы их, посадские люди, занимались только пашней¹⁷.

Город **Велье**, стоявший у трех озер (Черное, Велье, Чадо) до Ливонской войны насчитывал 133 двора, в том числе 105 дворов посадских людей. После разорения в нем осталось 20 дворов, в том числе пушкарей и духовенства. Довольно многочисленное посадское население исчезло почти вовсе. Осталось только 6 дворов посадских людей, превратившихся в сущности в крестьян, живущих на старых городских землях. Их даже не стали облагать податями «за худобой». Крестьяне пахали оброчные нивы и платили за них денежный оброк. Из шести посадских людей двое названы рыбаками, а один сапожным мастером.

Совсем запустел город **Врев**, насчитывавший до Ливонской войны 100 дворов, в том числе 86 посадских дворов. В 1585—1587 гг. это просто «городище, что был городок Врев». Около него

¹⁶ Писцовые книги 1585—1587 гг., стр. 332—359.

¹⁷ Там же, стр. 318—394.

были разбросаны бывшие нивы посадских людей, которые лежали в перелог. По-видимому, Вревский уезд особенно пострадал от войны. В описании церковных и дворянских земель (очень кратком) в нем отмечено много пустых поместных земель¹⁸.

Относительно значительным городским пунктом до Ливонской войны был и город **Выбор**. В нем, по старому письму, насчитывалось примерно 8 нетяглых дворов и 148 дворов посадских людей. Таким образом, это было по преимуществу посадское поселение. В крепости стояло 10 крестьянских житниц, а на посаде 11 лавок. После Ливонской войны разоренный город превратился в «городище Выбор», где считалось около 10 дворов (в том числе 2 посадских). Да и эти посадские дворы принадлежали «молодым» людям.

ПОРУБЕЖНЫЕ ГОРОДА ОТ ЛИТОВСКОЙ УКРАИНЫ

На южной окраине Новгородской и соседней Псковской землях располагалось большое количество крепостей, защищавших подступы к Великому Новгороду и Пскову. Это был лесистый и болотистый район, испещренный большими и малыми озерами, орошенный реками и речками, которые служили естественной защитой для Новгородской земли. О характере этой местности дает представление «книга границам города Полоцка и Полоцкого повета с соседними поветами», составленная вскоре после взятия Полоцка (1563 г.) русскими войсками¹⁹.

Установление рубежей было произведено путем распросов местных старожильцев, войта, старост и лучших людей. Многие из них сообщали сведения о порядках, которые существовали задолго до «нынешнего короля» Сигизмунда Августа, при королях Казимире и Сигизмунде I. Вся местность на рубеже Новгородской земли и Литовского великого княжества была малодоступной, как это можно видеть из описания рубежей Озерищенского уезда с соседним Невельским. Граница между этими уездами шла по речкам, озерам, лесам и моховым болотам («мхам») на протяжении многих верст.

Такого же рода мхи, леса, боры, озера, озерки, речки тянулись и в других порубежных местах. Главными ориентирами тут кроме озер и рек служили большие камни, иногда называемые «великими», березовые колоды, мосты через речки и т. д.

Таков же был рубеж Великолуцкого, или Луцкого, уезда с соседним Усвятским уездом. Здесь также тянулись большие леса, болота и озера. Они являлись как бы естественной преградой, которая защищала Псковскую и Новгородскую земли от вторжения.

¹⁸ Писцовые книги 1585—1587 гг., стр. 367—389.

¹⁹ ПК, II, стр. 424 и сл.

По писцовой книге 1584—85 гг. земля в Великолуцком уезде часто обозначается «доброй». В этот уезд после Ливонской войны стали испомещать «новых» помещиков, переведенных из «немецких городов». «Всего на Луках Великих», только по одной «четвертине» уезда, были наделены землей 168 новых помещиков, 2 стрелецких головы, 3 сотника из Лук и т. д.²⁰

Как с литовской, так и с русской стороны весь этот край был усеян небольшими городками, деревни же стояли разбросанно и их было немного.

Крупнейшим городом здесь были **Великие Луки**, считавшиеся раньше новгородским пригородом. К сожалению, о самом городе мы почти не имеем сведений. Видимо, Великие Луки как город порубежный жили своей особенной жизнью. Во всяком случае они очень редко упоминаются в новгородских летописях, а в документах XVI в., оставшихся от новгородского приказного делопроизводства, почти совсем не отмечены. К сожалению, даже дневник Луки Дзялынского, рассказывающего о походе Стефана Батория на Великие Луки, дает очень мало подробностей об этом городе, хотя тот же Дзялынский приводит, как далее видно, описание Велижа, имевшего гораздо меньшее значение. Возможно, это произошло потому, что Великие Луки были варварски опустошены войсками Стефана Батория, несмотря на то что гарнизон сдался. Обозная челядь, как обычно и бывало, первая расправилась с безоружными жителями, учинив «позорное и великое убийство», не разбирая возраста и пола.

Только из некоторых замечаний Дзялынского можно установить, что крепость стояла на высокой горе и вокруг нее тянулся глубокий ров. Укрепления города были сооружены из дерева, судя по тому, что их можно было поджечь. Стена горела больше двух часов, и уничтожение ее заставило осажденных сдаться. После сдачи города из него вышли 500 человек, каждый со своей иконой — единственным ценным имуществом, которое можно было вынести. Дзялынский говорит о том, что в городе сгорело немало денег, серебра и шуб. Вот те поистине скудные известия, которые мы имеем о Великих Луках конца XVI в.²¹

Варварское избиение безоружного населения и сдавшегося гарнизона отмечено в «Синодике по убиенных во брани», где читаем такие строки:

«Городу Великих Лук осадным воеводам и головам, и всяких чинов ратным людям, которые побиты и в полон взяты, и постра-

---

²⁰ ЦГАДА, Поместный приказ, ф. 1209, кн. 244. Сообщено Н. Б. Шеламановой.

²¹ «Чтения ОИДР», 1897, кн. 1, раздел III. Материалы иностранные. Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.) Яна Зборовского и Луки Дзялынского. Перевод с польского О. Р. Милевского, стр. 41—45.

давшим до смерти от польского короля Стефана в 7089-м году, вечная память. Лета 7089-го сентября в 5 день, грех ради наших богу попустившу на ны, в нахождение безбожного Стефана короля литовского на град Луки и пострадавшим тогда во граде православным христианом, избивенным и сожженным и всякими муками скончавшимся за святые церкви и за святую нашу непопорочную веру христианскую. Выписаны воеводы и головы, и дети боярские, и головы стрелецкие, и сотники, которые сидели на Луках в осаде, и которые, воеводы и дворяне, и дети боярские, побиты и которые живы в полону, и про которых ведомо нет, убитые ли или в полон взяты. Убитые. Воеводе Ивану Васильевичу Воейкову Большему вечная [память], воеводе князю Федору Ивановичу Лыкову, князю Михаилу Федоровичу Кашину, Юрию Аксакову, голове стрелецкому Ивану Истленцеву вечная [память]. Про которых воевод и про дворян и про детей боярских ведомо нет, убиты ли или в полон взяты. Воеводе Василию Ивановичу Бобрищеву-Пушкину, Василию Петровичу Измайлову вечная память»²².

Гораздо больше сведений имеется о других городах, старых и новых, существовавших на литовском рубеже. Важной крепостью был **Себеж**, основанный в 1535 г. «на Себежи озери в литовской земли, 60 верст от Опочки». Город строился по плану архитектора Петра Фрязина, который «город обложил и жил на Себеже три недели». Постройке города на Себеже придавалось большое значение. Поэтому для строительства города было послано 500 псковских пищальников вместе с обозом из 3 тыс. лошадей и телег²³. Новая крепость получила название «Иван-город на Себеже».

Город стоял на холме на полуострове, почти со всех сторон окруженном водами Себежского озера; только с южной стороны полуостров соединяется с материком небольшим перешейком. Из озера Себеж по другим озерам и реке Друссе можно было пробраться в Западную Двину. По этому водному пути даже еще в XIX в. подвозили в Себеж из Риги рожь, сельдей и другие продукты, но большого значения этот водный путь не имел.

Город был больше стратегическим, чем торговым пунктом. Вскоре после основания он сделался местом кровопролитных боев. В 1536 г. под ним произошла битва, закончившаяся разгро-

²² Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Отдел рукописей, Г-IV, № 254. Выписка сделана для меня М. Е. Бычковой, работающей над изучением синодиков. Добавленных в скобках слов «память» в подлинниках нет.

²³ Псковские летописи, вып. 4, стр. 107; АИ, т. I, № 140, стр. 202. В Львовской летописи записано: «почал град делати землен в Литовской земли на озере на Себеже, месяца июня 29, вторник, во имя великого государя Иванград, а доделаша его того же лета, месяца июля 20, вторник» (ПСРЛ, т. XX, стр. 430).

мом литовских войск, в рядах которых насчитывалось, по псковской летописи, 20 тыс. человек. В 1579 г. Стефан Баторий взял Себеж, но по договору в Запольском Яме оставил его за Россией. Эта кровавая история Иван-города на Себеже отразилась в нашем эпосе. В былинах, записанных в XVII в., любимый народный герой Илья Муромец ведет борьбу с неверными, которые «хотят Себеж град за щитом взять»²⁴.

До Ливонской войны Себеж был не только крепостью, но получил и некоторое ремесленно-торговое значение. По старому письму, в нем считалось 75 дворов «лучших и средних и молодых людей», 38 лавок «в городе и за городом». На посаде находилось также «место поваренное», хотя подробнее и не объяснено его назначение.

После Ливонской войны Себеж сделался типичной крепостью. В нем стояли 137 дворов казаков, 54 стрелецких и 31 пушкарский двор, 15 дворов воротников и 20 дворов духовенства, следовательно, более 250 дворов. Посада в Себеже уже не существовало, в городе насчитывалось всего 3 тяглых посадских двора, не положенных в оклад «за худобою». Ратные люди были в Себеже наделены землей и занимались рыболовством.

Порубежное положение ощущалось здесь очень остро. К городу примыкали частоколы — надолбы, внутри которых располагались городские огороды, тянувшиеся и далее за их чертой.

Характерной особенностью Себежского уезда было решительное преобладание в нем служилого поместного землевладения над церковным²⁵.

Остальные порубежные города имели гораздо меньшее значение.

Усвят представлял собой сильную крепость. Во время его сдачи литовским войскам (1580 г.) в городе оказалось 53 человека детей боярских, 50 боярских слуг, 345 стрельцов и 624 человека «простого народа». Из описания осады Усвята, впрочем, неясно, была ли там деревянная или каменная крепость, так как говорится о стальных зубцах, но не сказано о каменных стенах.

«Новый город на Невли» упоминается уже в 1555 г. Город был, по-видимому, построен известным инженером середины XVI в. дьяком Иваном Выродковым. **Невль** была населена главным образом ратными людьми. Замок находился на возвышенности, вдающейся в Невельское озеро при устье речки Еменец²⁶.

Велиж был построен на Велижском городище в 1536 г.²⁷ Постройка продолжалась всего несколько месяцев, в апреле — июле

²⁴ Русские былины старой и новой записи. М., 1894, стр. 7

²⁵ Писцовые книги 1585—1587 гг., стр. 418—441.

²⁶ «Чтения ОИДР», 1897, кн. 1, раздел III, стр. 5. Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.); А. Семеновский. Памятники старины Витебской губернии. СПб., 1867, стр. 46.

²⁷ ПСРЛ, т. XX, стр. 438.

названного года. Остатки вала и полузаплывшего рва сохранились еще сотню лет тому назад.

В польских дневниках похода Стефана Батория находим любопытное описание города Велижа. Приводим его целиком: «Замок Велиж лежит на высокой горе, довольно покатой к стороне Двины; с восточной стороны крепости, где был посад, идет большой ров, устроенный природно, а не искусственно, похожий на глубокий овраг, обложенный со стороны замка поперек толстыми круглыми бревнами; с этой стороны замка, у подножья горы, течет речка под названием Сораж, на ней плотина, которая в состоянии задержать воду, когда нужно; за рвом возвышалась стена в три сруба, наполненная землею; стена также обложена землею, а в стене 2 башни. С южной стороны палисад из толстых бревен, а за ним березовый частокол, вышиною в пояс человека, затем уже глубокий ров, обложенный деревянными балками. Потом тянулась стена в три сруба, наполненная землею, сверху прочно обложенная толстым дерном. В этой стене 3 башни, две на углах и одна посредине и по три пушки, как на башнях, так и на стенах. С запада высокий вал, на который трудно взойти, и стена, также в 3 сруба, наполненная землею, в стене башня, со всех сторон обложенная глиною. На этой башне также 3 пушки. С севера течет у самой стены река Двина; вдоль реки тоже тянется стена в 3 сруба с одною башнею и тремя пушками».

В замке Велиж оказалось 200 детей боярских, 400 стрельцов, простых ратников 1000, а также много запасов²⁸.

К числу других крепостей, построенных вдоль русской границы, во второй половине XVI в. принадлежало и **Озерище**. Своё название оно получило от одноименного озера, на котором стоит. Укрепление занимало северную часть полуострова на озере, становящегося в весеннее время настоящим островом. Оно состояло из вала и глубокого рва, наполняемого из озера водой. В валах находили остатки ружей, сабель, ядер и т. д.²⁹

---

²⁸ «Чтения ОИДР», 1897, кн. 1, раздел III, стр. 24—25. Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.).

²⁹ А. Семеновский. Указ. соч., стр. 10—11.

Глава XV

ПСКОВ

ТОПОГРАФИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

Из всех городов Псковского края наиболее крупным и замечательным был Псков. Он стоял на правом берегу реки Великой, которая в этом месте отличается значительной шириной и раздольно растекается по каменистому дну. В Великую впадает небольшая река Пскова. При впадении ее в реку Великую на высоком и узком холме стоит псковский кремль, или «Кром». По своему положению псковский Кром напоминал московский кремль, стоявший также на мысу, образованном слиянием Неглинной с Москвой. Впоследствии к Крому было пригорожено новое пространство, обведенное каменными стенами, так называемый Довмонтов город. В 1309 г. каменная стена окружила посад, получивший с этого времени название «Застенья». Еще позже возникли стены «Среднего города», «Окольного города» и Запсковья.

В XVI в. основную линию псковских укреплений составляли стены Окольного города, смыкавшиеся со стенами, окружавшими Запсковье. Таким образом, Кром сделался внутренним замком.

Укрепления Окольного города и Запсковья располагались полукольцом. На южной окраине города стены сходились в виде острого треугольника. Здесь стояла Большая Покровская башня, а поблизости от нее Свинорская башня с воротами. Обе башни подверглись в 1581 г. штурму польских войск под командой Стефана Батория, геройски отбитому псковичами. От Покровской башни линия псковских стен шла на север вдоль берегов реки Великой до впадения в нее реки Псковы. Здесь стояли две башни, соединенные железными решетками, протянутыми поперек реки и преграждавшими путь неприятелю, который попытался бы по речному руслу Псковы пробраться в город. Стены тянулись

далее на север до Варлаамской наугольной башни, поворачивая оттуда на юго-восток по направлению к величественной Гремячей, или Кузьмодемьянской, башне, стоявшей в Запсковье. Необычный величественный вид этой башни, реставрированной в советское время и тем спасенной от неминуемого разрушения, соответствовал ее задачам охранять один из самых ответственных участков в линии псковских укреплений — русло реки Псковы. Воды этой небольшой реки здесь были также пропущены через решетки, которые называли «верхними» в отличие от «нижних» у реки Великой.

От Гремячей башни стены тянулись в юго-западном направлении, постепенно приближаясь опять к реке Великой и Большой Покровской башне¹.

Укрепления Пскова производили большое впечатление на современников. «Четвероограден все каменными стенами, многославен же в земле той и многолюден», — так говорит о Пскове «Повесть о приходе Стефана Батория»².

Впрочем, материал, из которого были сложены псковские стены, был непрочным. Во время осады Пскова войсками Стефана Батория стены, сложенные из местного плитняка, плохо выдерживали артиллерийский огонь и быстро рассыпались; над ними поднимались облака пыли, словно столбы дыма. Однако Псков выдержал не только осаду польской армии в 1581 г., но и осаду шведских войск под предводительством Густава Адольфа в 1617 г., перед которым открывались ворота самых крепких крепостей Германии. Эти полководцы, прославленные западноевропейскими историками, не смогли взять Псков. «Не так крепки стены, — писал один из очевидцев осады 1581 г., — как твердость и способность обороняться, большая осторожность и немалый достаток орудий, пороху, пуль и других боевых материалов»³.

Псков делился на три главные части: Кром с Окольным городом, Запсковье и Завеличье. Наиболее оживленной частью города была торговая площадь, находившаяся у Довмонтовой стены, в непосредственной близости к плывучему мосту, соединявшему город с Завеличьем.

Внутри города возвышались многочисленные каменные церкви, прежде всего собор Троицы, стоявший на высоком холме в Кrome. Современный собор Троицы воздвигнут в конце XVII в., по у нас имеются изображения Троицкого собора более ранней

¹ Н. Окулич-Казарин. Новые данные по топографии и истории Пскова. Труды Псковского археол. об-ва, 1914—1916 гг., вып. 11, Псков, 1915.

² В. И. Малышев. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. М.—Л., 1952, стр. 50.

³ См. Милевский. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882, стр. 91—92; П. Орлов. Походы Стефана Батория на Россию и осада Пскова в 1581 г. Труды Псковского археол. об-ва 1911—1912 гг., вып. 8. Псков, 1912.

постройки. Это было большое, красивое здание, украшенное рядами кокошников, над которыми возвышались церковные главы. Каменные церкви наполняли Псков XVI в. Обычно это были небольшие по размерам храмы, сохранившиеся и до нашего времени. Кое-где возвышались каменные строения гражданского назначения. «Любуемся Псковом, какой большой город. Точно Париж», — восклицает один из спутников Стефана Батория.

Даже недоброжелательно настроенный по отношению к России датский посланник Ульффельд отмечает богатство Пскова: «Все строение там каменное, богатое, которое городу много великолепия придает украшением башен, белым железом крытых». Он называет Псков богатым купеческим городом⁴.

Запсковье непосредственно примыкало к Окольному городу и соединено было с ним мостом. На другой стороне реки Великой находилось Завеличье. Здесь стояли крупнейшие псковские пригородные монастыри: Спасо-Мирожский монастырь, украшенный фресками XII в., сохранившимися до настоящего времени, Иоанно-Предтеченский монастырь. В XVI в. в Завеличье находился Немецкий двор для приезжих купцов, ранее стоявший в Запсковье.

Большинство гражданских строений во Пскове были деревянными, за исключением, вероятно, отдельных зданий правительственного назначения. Некоторые историки псковской жизни (например, покойный А. А. Васильев) особенно настаивали на том, что в Пскове до XVII в. не существовало каменных гражданских построек. Но это утверждение основано на явном недоразумении. Так, уже в 1579 г. упоминается «палата каменная», принадлежавшая местным купцам Ивану и Михаилу Семеновичам Преподобовым. Вот любопытное описание двора Преподобовых, стоявшего в улице Васне: изба ветхая в три сажени, да подклеть (полуподвальное помещение), да сенник на омшаннике в три сажени, амбар, да на дворе палата каменная, а у ней три двери железные, а под ней погреб каменный и ледник. Каменная палата Преподобовых, судя по этому описанию, была жилым помещением, а не амбаром, если припомнить, что под ней находились погреб и ледник. К дому примыкал сад со 100 яблонями⁵. Кстати говоря, сады в Пскове были очень распространены. Одна из улиц называлась «Яблонным переулком».

Подобно другим средневековым городам Псков в XVI в. был заселен очень неровно. Рядом с улицами и группами домов и

⁴ Путешествие Якова Ульффельда в 1575 г. «Чтения ОИДР», 1883, кн. 1, стр. 11.

⁵ Дополнения к Актам историческим, т. I, № 224, стр. 390—391. «Изба трех сажень ветчана, да подклеть полуторы сажени, да изба дву сажень, да сенник на мшенике трех сажень, да амбар, одни стены четырех сажень, а другие стены двух сажень, да на дворе же палата каменная, а у ней трои двери железные, а под нею погреб каменной да ледник».

церквей находились огороды, пустыри, луга («поженки») и нивы. В числе огородников, торговавших на псковском рынке, как и в Новгороде, найдем профессионалов, для которых огородничество было основным занятием. Нивы непосредственно окружали Псков и кое-где были разбросаны в самом городе, так что и некоторые урочища прозывались нивами: Большая нива, Кожевная нива, Оржаная нива, Сенная нива⁶.

В городе, кроме того, кое-где имелись пруды, а река Пскова была перегорожена плотинами с мельницами. Некоторые из мельниц были доходными предприятиями, стоимость которых оценивалась в сотни рублей⁷. Мельницы иногда обкладывались высокими оброками.

У берегов реки Великой и Псковы располагались торговые бани, одна из которых в конце XVI в. была каменной. Это были тоже торговые предприятия, облагавшиеся оброком в пользу казны⁸.

Сведения о количестве населения в Пскове XVI в. неясны и спорны, так как книги по Пскову относятся только к 1585—1587 гг., да и то заключают в себе лишь описание псковского торгового и оброчных угодий. Для начала века в летописи имеется цифра в 6500 дворов, которые будто бы находились в Среднем городе в 1510 г. Однако этой цифре верить трудно, потому что пространство в Среднем городе не настолько велико, чтобы там поместилось 6500 дворов⁹. Возможно, что в эту цифру летописец включил все псковские дворы, а не только дворы, находившиеся в Среднем городе. Пользуясь писцовыми книгами XVII в., П. П. Смирнов подсчитал, что в Пскове, по этим книгам, было 812 тяглых и 126 белых дворов. Отсюда он делает вывод, что в Пскове убыль посадского населения за 100 лет с небольшим равна 87,5%, исходя из цифры дворов 1510 г. Не приходится доказывать, что такое заключение мало обоснованно. Выходит, что население в Пскове в течение XVI—XVII вв. непрерывно убывает по сравнению с каким-то неизвестным уровнем. В своих выводах П. П. Смирнов делает ошибку. Он всюду считает в посадах только тяглое население, посадских людей, а между тем в городах XVI в. кроме посадских людей появилось большое число людей ратных. Так, в Пскове всегда стояло два приказа стрельцов, а из позднейших сведений мы знаем, что каждый приказ стрельцов, находившийся в Пскове, состоял из 500 стрельцов, не считая воротников, пушкарей и других ратных людей. У нас имеется прямое указание на то, сколько было в Пскове людей, годных

⁶ Писцовые книги 1585—1587 гг., стр. 37, 40, 45, 66 и сл.

⁷ Там же, стр. 9, 11—12.

⁸ Псковские летописи, вып. 1, стр. 97.

⁹ П. П. Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII в., вып. 1, стр. 15.

к обороне в 1581 г., во время осады города Стефаном Баторием. По иностранному свидетельству, в Пскове сидело 12 тыс. горожан, годных к обороне, и 3500 стрельцов. Эта цифра показывает значительную населенность Пскова.

РЕМЕСЛО

Псков принадлежал к числу больших русских городов XVI столетия с многочисленным ремесленным торговым населением. К сожалению, в то время как торговая деятельность псковичей довольно легко поддается изучению на основании писцовых книг 1585—1587 гг., ремесленный облик Пскова от нас почти ускользает, хотя в писцовых книгах нередко упоминается о ремесленниках как о владельцах лавок и клетей. И это совершенно понятно, так как писцовая книга называет ремесленную специализацию владельца лавки только попутно, а ведь далеко не все ремесленники имели свои торговые помещения. Насколько неполны наши сведения о псковских ремесленниках, получаемые из писцовых книг, видно хотя бы из того, что в них, например, показан один кузнец, что совершенно невероятно для такого большого города, как Псков. Вот почему список псковских ремесленников, составленный Н. Д. Чечулиным, дает о псковском ремесле неполное и потому отчасти превратное понятие¹⁰.

И все-таки даже этот список позволяет сделать вывод о широком ремесленном профиле Пскова конца XVI в. Так, прежде всего бросается в глаза то, что в Пскове было развито производство предметов одежды, обработка металлов, кожевенное и красильное дело. Если кузнецы, сапожники, портные и т. д. встречаются при описании почти любого русского города, то другие относительно редкие ремесленные специальности характерны лишь для больших городов. К числу таких ремесленников принадлежат иконники, серебряники, медники, замочники, свечники, мыльники и пр.

Некоторое понятие о развитии ремесленных производств в Пскове дают указания писцовой книги на варницы, принадлежавшие монастырям, церквам и посадским людям. Среди них находим варницы, или поварни, пивные и винные, вощеные и сальные, варницу мыльную, варницу кожевную¹¹.

В Пскове находим также большое количество каменщиков. В 1555 г. для строительства каменного города в Казани предписывалось «прибрать двести человек псковских каменщиков,

¹⁰ Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 141—142, примечание.

¹¹ Писцовые книги 1585—1587 гг., стр. 40—41. Такие же поварни, в которых варили мыло, находились на Немецком берегу в Запсковье, но запустили ко времени составления писцовых книг (стр. 73).

стенщиков да ломцов»¹². Псковские строители принимали участие в возведении каменных зданий и в других городах, в том числе в Москве.

Выдающейся специальностью Пскова было литейное производство. В Соловецком монастыре в свое время сохранялась целая коллекция колоколов, отлитых псковскими мастерами. На одном колоколе имеется надпись, что он слит псковскими из Запсковского конца мастерами Матфеем Григорьевым и Кузьмой Михайловым в 1557 г. Эти же мастера слили в 1557 г. другой соловецкий колокол. Третий колокол отливал Тимофей Оскарев Псковитянин (в 1548 г.). На более позднем колоколе 1597 г. указывается мастер Иван Матфеев сын Псковитин, видимо, сын Матфея Григорьева¹³.

В. А. Богусевич подробно останавливается на деятельности псковских колокольных мастеров, выделяя среди них литейного мастера Михаила Андреевича и его брата Тимофея. В. А. Богусевич, впрочем, несколько сужает рамки литейного производства в Пскове, сводя его к одной семье Михаила Андреева. Между тем, судя по отчеству Григорьевич, литейный мастер Матфей не был сыном Михаила Андреева. Отливка колоколов в Пскове производилась не только в Запсковье, но и в Завеличье. В 1580 г. колокол был слит в Завеличье¹⁴.

К сожалению, недостаточное количество письменных сведений не позволяет установить размеры других отраслей металлообрабатывающего мастерства в Пскове XVI столетия, но с большой степенью вероятности можно предполагать, что Псков был крупным центром производства ряда металлических изделий, в частности церковного назначения (крестиков, медных икон и пр.), по крайней мере, керамические изделия псковского происхождения воспроизводят те же изображения, какие были распространены на медных иконах. Псков занимал выдающееся место в России XVI в. по иконописному мастерству. В Пскове иконописцы иногда называли себя почетно «изографами». Это была своеобразная псковская интеллигенция, из среды которой вышли авторы или, по крайней мере, редакторы таких произведений, как «Повесть о нахождении Стефана Батория на Псков» и «Сказание о бедах и скорбях».

Особый интерес для историков искусства представляют псковские керамические изделия, достигшие высокого уровня отделки. Следует отметить, что историки совершенно не упоминают о керамических изделиях псковского происхождения, хотя им посвящено специальное исследование А. В. Филиппова.

¹² Дополнения к Актам историческим, т. I, № 82, стр. 136.

¹³ Досифей. Указ. соч., ч. I, стр. 239—241.

¹⁴ В. А. Богусевич. Литейный мастер Михаил Андреев. Новгородский исторический сборник, вып. 2. Л., 1937.

В Псково-Печерском монастыре сохранились «глазурованные гончарные плиты с рельефными изображениями, надписями и датами смерти похороненных»¹⁵.

На некоторых плитах зеленой глазурью изображены пятиглавые храмы с центральной луковичной главой и четырьмя шатровыми верхами. Главы возвышаются над киотом, где помещено изображение креста. Внизу плиты обычно помещается надпись о том, кто похоронен, например: «7086 октября 4 убиен в Ливонской земли под городком под Собяжем Юрь Иванов сын Кокошкин». Кроме надписей об убитых воинах имеются надписи о погребенных женщинах (например, об умершей 7 июня 1577 г. Агриппине Зубатой).

Печерские плиты можно было бы считать местной монастырской работой, но этому противоречит тот факт, что подобные же плиты были найдены в Острове.

Существование в Псковской земле крупного керамического производства объясняет загадочный рассказ о памятных камнях с надписями в Пскове немецкого путешественника Иоганна Вундерера, посетившего Псков в 1590 г. Вундерер дает на латинском языке перевод надписей, сделанных на таких памятных камнях. Вот как, примерно, звучит такая надпись на одном из них: «Я, Скамай, сражаясь за родину и получив 32 раны, убит Ролвоном Шведом в сражении, здесь я почиваю». Конечно, Вундерер сообщает содержание надписи в латинском переводе, как ему ее перевел человек, знающий русский язык, но общий смысл надписи он передал верно. Слово Скамай, возможно, искажено передателем записанное на камне русское имя, но Вундерер сообщает и другую надпись на камне с именем Палицкого, уже не внушающим сомнения в подлинности надписи¹⁶.

Поливные зеленые плиты украшали некоторые псковские церкви, например, барабан псковской церкви Георгия со Взвоза 1494 г. Это позволяет утверждать, что центром керамического производства был Псков, хотя такое производство могло получить развитие и в его пригородах.

Выше уже говорилось, что список ремесленников, составленный Н. Д. Чечулиным, отличается явной неполнотой, зависевшей прежде всего от того источника, на основании которого он был составлен. Писцовые книги по Пскову дают представление не о населении всего города, а об оброчных статьях, приносивших доход царской казне. Но и такой неполный список позволяет сделать вывод о значительной прослойке ремесленников, занятых в ряде производств. В книгах указаны такие ремесленные специальности: медники (4), серебряники (2), замочники (2), кузнецы (1),

¹⁵ А. В. Филиппов. Древнерусские изразцы. М., 1938, стр. 21.

¹⁶ F. Adeling. Kritische literarische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700, Bd. I. SPb., 1846, S. 434.

гвоздочники (1), оловянишники (1), мечники (1), всего 12 ремесленников. Значительную группу псковских ремесленников составляли также мастера, занятые производством предметов одежды: сапожники (5), рукавичники (5), ветошники (4), шапошники (3), портные (2), манатейщики (2), кафтанники (1), шляпники (1), всего 23 ремесленника¹⁷.

Кажущееся преобладание в Пскове ремесленников, выделяющих предметы одежды, над ремесленниками-металлистами на самом деле объясняется характером источника сведений о псковском ремесле. Предметы одежды производились для продажи на рынке, тогда как многие металлические изделия (колокола, пушки, пищали и пр.) изготовлялись для казны или по особым заказам, не поступая в продажу. Вообще наши сведения о ремесленниках в городах требуют неизменной поправки, поскольку наряду с лицами, торгующими на рынке, существовали мастера, работавшие на заказ.

ПСКОВСКИЙ ТОРГ

Писцовые книги по Пскову, от которых сохранился только отрывок, говорящий о промыслах и о торговле, рисуют перед нами Псков как один из крупных торговых центров России XVI в. С самого начала бросается в глаза одна псковская особенность — преобладание среди торгующих на рынке тяглых черных людей, факт достопримечательный, показывающий, что в Пскове мы имеем преобладание в торгах и промыслах посадского населения, а не ратных людей или вообще беломестцев, были ли это служилые люди или дворники, сидящие в осадных дворах. В числе торгующих на псковском рынке показано 42 ратных человека, 97 человек из духовенства, 773 посадских тяглых человека. Посадским людям на рынке принадлежало 80% лавок, и они платили 80% оброка с лавок¹⁸.

Торговля в Пскове характеризуется значительным разнообразием, причем в этом разнообразии мы замечаем некоторые черты, типичные именно для большого города. Здесь, как и в Новгороде, существовали ряд Сурожский и ряд Суконный. В Сурожском ряду торговали шелковыми и хлопчатобумажными тканями, в Суконном ряду — сукном.

Описание псковского рынка, относящееся к 1585—1587 гг., показывает, что центром ремесленной и торговой деятельности населения в Пскове был торговый ряд, по документам того времени, «торг болшей». Описание торговых рядов начинается с Сурожского ряда, где продавали различные шелковые, суконные и бумажные

¹⁷ Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 141—142.

¹⁸ Там же, стр. 131.

ткани. Здесь торговали «сукны и камками и тафтами и золотом и серебром и шелком», как сказано в описании одной из лавок Су-рожского ряда. К именам некоторых из купчин, торговавших в этом ряду, добавлены прозвища «суконник», «шелковник». Последнее название, по-видимому, уже вытеснило старое прозвище купцов, торговавших шелковыми товарами, — «сурожане». Название «Сурожский ряд» осталось только по традиции для обозначения торгового ряда. В том же Сурожском ряду торговали и другими предметами: пуговицами, скляницами. Наконец, в этом же ряду помещались клетки, в которых хранился хлеб, а также лавки, торговавшие солодом. Впрочем, довольно ясно бросается в глаза, что лавки, торговавшие сукном и шелком, группировались по одной стороне ряда, а клетки для хлеба и лавки с солодом стояли по другой. Материями торговали и в Суконном ряду, но в гораздо меньших размерах. Этот ряд объединен в описании псковского рынка вместе с Однорядочным, Котманным, Большим, Скорнячным, Шубным и Сермяжными рядами.

Особые отделы рынка составляли Котельный, Саадачный, Седельный, Москотильный и Овчинный ряды. В Котельном ряду продавали и такие товары, как металлы. Про одного торговца в этом ряду сказано, что он «торгует медью и оловом и котлы и сковородами и оловяники». Кроме названных выше существовали ряды: Ведерный, Вершаный (верша — рожь), Ветошный, Грешневый, Иконный, Кисельный, Новый, Ременный, Рукавичный, Рыбный, Серебряный, Соляной, Щепетинный. Перед нами картина большого города с торговыми рядами, где продавались самые различные товары.

Особо следует отметить два мясных ряда: Полоницкий и Запсковский, оба с большим количеством лавок. Это показатель того, что торговое и ремесленное население города нуждалось в ежедневной торговле мясными продуктами. Корпорация мясников, подобно такой же корпорации мясников в Париже, обладала большой мощностью и упоминается в летописях. Становится ясной и фигура прасола Псковской судной грамоты. Только существованием в городе значительного количества людей, ежедневно нуждавшихся в покупке съестных припасов, можно объяснить большое количество хлебных лавок, разбросанных по всему городу.

В числе других торговых рядов на псковском рынке находились два ряда с несколько необычными названиями: Тверской и Женский. Тверской ряд был объединен с Кузнецким. В Тверском и Кузнецком ряду торговали «железом и замками и всяким железным товаром». Тут же указаны лавки «медеников» (медников), что указывает на средоточие в этом ряду торговли медными изделиями¹⁹.

¹⁹ Писцовые книги 1585—1587 гг., стр. 47—52.

Серебряный ряд был объединен с Женским. Свое название Женский ряд получил оттого, что в нем торговали различными предметами женского обихода. Сами лавки по преимуществу принадлежали женщинам замужним, вдовам, иногда монахиням, — явление, характерное для Пскова, где и в более раннее время женщина пользовалась большими правами, чем в восточных областях России. В Пскове и в Новгороде вдовы нередко владели поместьями и, подобно Марфе Борецкой, были крупными политическими деятелями.

Самый высокий оброк, как и можно было предполагать, платили Сурожский и Суконный ряды, значительный оброк собирался с железных лавок. Самый маленький оброк платили лавки, торговавшие съестными припасами и представлявшие собой небольшие торговые ларьки. Лавки, торгующие съестными припасами, существовали в небольших городах; это обычная торговля вразнос, тогда как торговля тканями требовала некоторого оборудования.

Торговые помещения в рядах были небольшого размера, но число их было очень значительным. По подсчетам Чечулина, в Пскове насчитывалось около 2 тыс. лавок, клеток и амбаров вместе с чуланами, навесами и скамьями, главным образом в Мясном ряду.

Для характеристики торгового значения Пскова имеет небольшое значение еще одна особенность. Торговля в Пскове не ограничивалась рядами. Лавки находились не только в рядах, но и были разбросаны по всему городу. У церкви Покрова стояли съестные лавки: «а торгуют в них хлебами, и колачи, и солью, и киселем, и квасом, и яблоки, и селдми». Между Покровской и Луцкой улицей стояли «навесы, а торгуют хлебами и калачи на осмерих санках»²⁰ и т. д. Лавки стояли у Пловучего моста через реку Великую и у некоторых городских ворот, словом, там, где проходило большое количество народа и где легче всего было рассчитывать на покупателей.

Краткое перечисление рядов и различных товаров, которыми в них торговали, дает только ограниченное представление о псковской торговле. Наиболее крупные торговые сделки совершались не в рядах, а на гостиних дворах, где останавливались купцы из других городов России и зарубежных стран. Для приезжих из-за рубежа существовал Немецкий двор, подробного описания которого в наших документах не имеется. Есть лишь указание на то, что на дворе стояло «розвесов 45 пуд московских», что указывает на большую отпускную торговлю, которую Псков вел с зарубежными странами. Среди розвесов отмечены «колокола» от 5 пудов до 1 гривенки весом для взвешивания разных товаров.

²⁰ Писцовые книги 1585—1587 гг., стр. 57, 59.

Для русских купцов предназначены были четыре двора: Большой, Двор для московских людей, Тверской, Льяной. «Двор гостин приезжих людей московских» представлял собой сложное строение. Он был вместо стены окружен двухэтажными амбарами. Большие ворота выводили к Соляному ряду. Общая площадь Гостиного двора превышала 1000 кв. саженей. На дворе стояли три избы для приезжих, каждая длиной примерно в 4 сажени, избы соединялись между собой дощатыми сенями. Гостиный двор обслуживался дворником, «а дворники себе емлют со всякого гостя за тепло, и застряпню, и за соль, и за капусту, и за скатерть, и за квас, и за утиральники на неделю по 4 московки, а дворником дают ис таможни по 2 рубля человеку на год»²¹. Перед нами настоящая гостиница для приезжих из других городов, которая содержалась за счет казны.

Примерно так же выглядел Льяной двор, где останавливались купцы, продававшие и закупавшие лен, имевший такое важное значение в псковской торговле. На этом дворе вместо «городьбы» кругом двора также стояли амбары, избы и конюшни, двое крытых ворот вели наружу. Во дворе находились две избы, соединенные сенями, и 81 амбар. Как и на московском дворе, здесь был «дворовый запас» в виде медной и железной хозяйственной посуды для приготовления пищи.

К сожалению, о Тверском и Большом дворах в Пскове имеем только упоминание. В описание они почему-то не вошли.

В Пскове существовал, кроме того, особый Соляной двор, где стояло 6 навесов, а под ними 48 мест, «а под навесы кладут торговые люди соль и поскони» (конопляное волокно).

Кроме того, в Пскове существовала Таможенная изба с набором измерительных приборов, в том числе с большими весами, на которых вешали различного рода товары: «а весят на них воск и мед, и сало, и лен, и питья, и иной всякой товар».

Наконец, в Пскове стоял Денежный двор, обнесенный острым тыном, с рядом строений и печей.

КУПЕЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Корпоративный строй городского ремесла и торговли ярко выступает в Пскове XVI столетия. Конечно, в это время этот строй уже находился в упадке по сравнению с временами псковской самостоятельности, но и те немногие документы, которые рисуют псковские корпорации этого времени, весьма показательны.

Ремесленники и торговцы объединялись в Пскове вокруг торговых рядов, как это делалось и в некоторых странах Востока.

²¹ Писцовые книги 1585—1587 гг., стр. 12—15.

Это показывает следующая запись писцовых книг, относящаяся к 1583 г. «Рядовские старосты» трех псковских рядов, торговавших рыбой (Рыбного, Просольного и Суцового), сообщили писцам, что они раньше платили оброк по старым книгам, когда на рыбную ловлю выезжали ловцы с 90 неводами. После осады Пскова литовскими войсками количество ловцов резко уменьшилось. Рядовские старосты просили дать им рыбные ловли в Большом озере на оброк «по старине».

Из дела выясняется, что перечисленные торговые ряды во Пскове представляли собой настоящие корпорации, состоявшие из рядовичей, вступавших в корпорацию добровольно и вносящих в нее соответствующий вклад. Мотивируя свою просьбу об отдаче на оброк рыбных ловель по-старине, рядовские старосты ссылались на то, «что у них вкладчики и в осаду в Рыбной ряд не вкладываютца», иначе говоря, что вкладчики Рыбного ряда уже не входят в прежнюю организацию рыбников, «в осаду». В данном случае «осада» — организация (см. у Даля — «осадить» на землю). Оброк был дан не только старостам, но «и всем рядовичем Рыбного ряду».

Рядовичи имели право торговать рыбой в трех торговых рядах в лавках и на полках, а также в судах на реке Пскове, тогда как рыболовы, приезжавшие из исадов, обязывались торговать рыбой в Рыбном ряду с ограничением права перекупки рыбы для продажи у посторонних людей: «а на скуп им рыбы у сторонних людей ни у кого не купить»²².

Содержание документа об отдаче в оброк рыбных ловель в Пскове настолько ясно, что утверждать об отсутствии каких-либо торговых организаций в средневековом Пскове, как это упорно делается в некоторых трудах, бесполезно. Конечно, не один Рыбный ряд представлял собой корпорацию с вкладчиками и старостами, но такими корпорациями были и другие псковские ряды, если не все, то крупнейшие из них.

Конец XVI столетия, как и в Новгороде, застаёт псковские корпорации уже в состоянии упадка. Для более раннего времени договоры Пскова с ливонскими городами показывают, что псковские купцы вели торговые операции за рубежом организованно, а это само по себе уже предполагает существование каких-то купеческих объединений в Пскове.

К сожалению, летописи чрезвычайно скудно говорят о многих сторонах хозяйственной жизни Пскова. Например, в них мы не найдем даже упоминания о крупнейших псковских воротилах XVI в. В других документах среди псковских «старост», принимавших участие в заключении перемирия с ливонским магистром в 1531 г., на первом месте назван Семен Захарьев сын Преподо-

²² Писцовые книги 1585—1587 гг., стр. 76—79. На этот документ обратила мое внимание А. Л. Хоршкевич.

бов. Он же участвовал и в переговорах с ливонцами в 1550 г.²³ Вместе с Преподобовым в переговорах с ливонцами принимали участие и другие псковские старосты (ольдермены), о которых также молчат псковские летописи.

В начале XVII столетия в Пскове насчитывалось семь гостей, не считая Михаила Деткова, названного «большим гостем». По писцовым книгам 1585.—1587 гг., он был приказчиком на Денежном дворе²⁴.

---

²³ Русско-ливонские акты. СПб., 1868, стр. 367, 375.

²⁴ Писцовые книги 1585—1587 гг., стр. 13.

Глава XVI

СМОЛЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ

ОБЩИЙ ОБЗОР

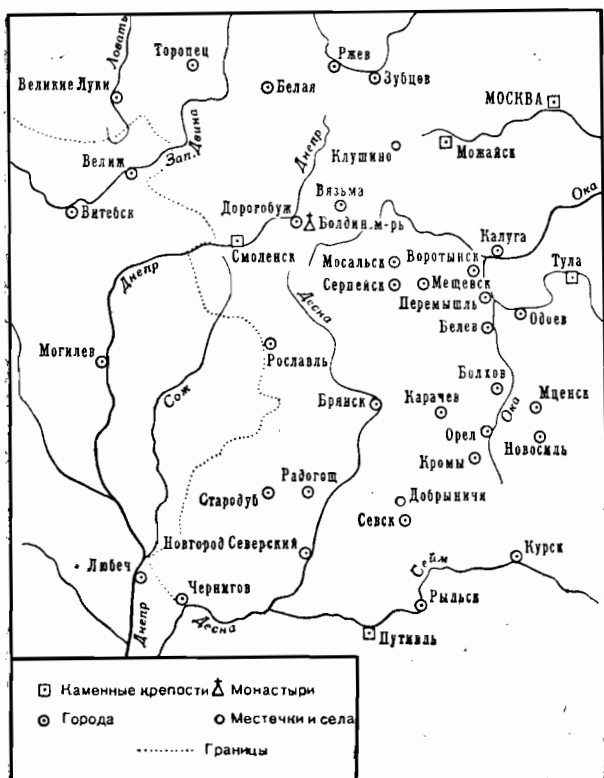
На западной окраине России находилась Смоленская земля. Ее равнинная территория была покрыта лесами, болотами, многочисленными озерами. Озера в Смоленском крае обычно небольшие, но обильные водой. Болота и просто заболоченные земли иногда тут простираются на большие пространства. В XIX столетии Смоленская земля славилась глухими уголками, где еще лет 30—40 тому назад водились бобры, редкие пушные звери, давно покинувшие Европейскую Россию.

Главной речной магистралью Смоленской земли был Днепр в своем верхнем течении. Он прорезывал всю территорию Смоленщины, имея направление сперва с севера на юг, а потом на запад и снова на юг. Днепр соединял Смоленскую землю с Украиной, а река Каспля с давнего времени служила дорогой, соединявшей Днепр с верховьями Западной Двины.

Почвы Смоленской земли не отличались особым плодородием, но их нельзя было причислить и к малоплодородным. Наиболее неурожайными были северо-западные районы Смоленщины, в том числе Торопецкий уезд. И в XIX в. там жаловались на то, что после сильных дождей тотчас же наступала жара, «от чего глинистая почва до того ссыхается, что через нее не может пробиться росток»¹.

Наиболее заселенным был центральный район Смоленской земли. Более пустынными были уезды на севере и на юге. Больших городов в Смоленской земле было немного. Кроме ее столицы Смоленска к значительным городам можно было причислить только Торопец, Вязьму и Дорогобуж.

¹ П. Семенов. Словарь, т. IV, стр. 648.

Смоленская и Северская земли в XVI столетии

К сожалению, наши сведения о самом Смоленске и прилегающих к нему местностях чрезвычайно скудны. По неизвестной причине не сохранилось никаких описаний Смоленска и его уезда в XVI в. Да и документы о Смоленской земле крайне малочисленны. Возможно, это произошло по той причине, что Смоленск, как это будет далее видно, ведался в московских приказах на особых началах. Может быть, в будущем некоторые моменты смоленской истории XVI в. будут показаны более точно, когда изучат большой архив Приказа Великого княжества Смоленского, возникшего уже во второй половине XVII в., в котором могут оказаться документы более раннего времени.

Значительно больше известно о других районах Смоленской земли — о Торопецком и Вяземском уездах, отчасти о Рославльском уезде. При дальнейшем изложении обзор этих территорий Смоленщины будет выделен в особые главы, ввиду того, что более подробные сведения о сельском хозяйстве имеются только по Вяземскому и Торопецкому уездам.

ОСОБОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛИ В РОССИИ

Смоленская земля вошла в состав России сравнительно поздно. Она была той территорией, которая в течение ряда лет то принадлежала России, то оставалась во владении Литовского великого княжества.

В состав Литовского великого княжества Смоленская земля была окончательно включена только в 1404 г. Однако не прошло и столетия, как Вязьма и Вяземский уезд были присоединены к России (1494 г.). На 20 лет Вязьма сделалась передовой русской крепостью.

Участь самого Смоленска была решена в 1514 г. Для взятия его великому князю Василию III понадобилось совершить три похода. Летописи объясняют упорное сопротивление Смоленска его неприступностью: «град же имея твердость, стремнинами гор и холмов высоких затворенно и стенами великими укреплено»². Великий князь сохранил некоторые прежние привилегии Смоленска, которые были обеспечены особой жалованной грамотой³. Так были сохранены привилегии смоленской шляхты, оговоренные еще при взятии города. Устюжская летопись сообщает о милостивом отношении Василия III к смоленским князьям, боярам и служилым людям: «а которые в Смоленску похотели жить князи и паны, служивые люди, и тем жалованье же, велел дати, а поместей не отнимал, ни вотчин». Таким образом, старый слой служилой шляхты сохранился в Смоленске и в XVI в. Судя по всему, сохранены были и некоторые привилегии горожан, которых стали называть посадскими людьми.

Жалованная грамота Смоленску была дана 10 июля 1514 г., следовательно, тотчас после взятия города. Она явилась прямым ответом на просьбу смоленских жителей «их пожаловати, держати их в старине, как их держал князь великий Витофт и иные прежние государеве их, по той утверженной грамоте, какову им дал свою утвержденную грамоту Александр король». Следовательно, в Смоленске удержались порядки прежнего литовского времени, утвержденные литовским великим князем и королем Александром (1501—1506 гг.). При этом следует отметить, что привилегии, данные литовскими великими князьями, относились не только к городу Смоленску, но и ко всей Смоленской земле; от ее имени выступают «смоленские земли наши урядники, околичние, и князи, и бояре, и мещане, и черные люди».

² Вологодско-Пермская летопись. ПСРЛ, т. XXVI, стр. 303; Устюжский летописный свод. (Архангелогородский летописец). М.—Л., 1950, стр. 105.

³ С. Г. Г. и Д., ч. I, № 448, стр. 411—413. Жалованная грамота Смоленску.

В небольшой по размерам жалованной грамоте Смоленску, данной великим князем Василием III, трижды подчеркивается обещание держать Смоленскую землю, как «держал князь великий Витофт и иные государеве».

При сравнении жалованной грамоты Василия III с жалованной грамотой литовского великого князя Александра 1505 г. оказывается, что грамота Василия III в некоторых своих статьях повторяет привилегии Александра⁴. Однако легко увидеть и то, что московская грамота отличается большей краткостью по сравнению с грамотой литовской. При этом заметно стремление московского великого князя выделить в своем пожаловании особенно мещан и черных людей. Мещане и черные люди получают в свое распоряжение «весчье» с воска, меда и соли, а также с иного товара. Великий князь «жалует» их и отказывается от получения пошлыны в 100 рублей, которую смоляне из года в год давали в казну литовских великих князей. Боярам запрещается брать «в закладни» мещан и черных людей. Мещане и черные люди освобождаются от обязанности давать наместникам и их людям подводы. Вместо этого они обязаны платить деньги за подводы, смотря по расстоянию, по милям. Устанавливаются также определенные ставки для взимания денег с мясников за убитых на посаде яловиц, с конского и «животного» стада смоленских горожан, устанавливается право жителей рубить лес в своих и в боярских лесах.

Особенно важна следующая привилегия: «через поруку наместничим людям наши отчины Смоленские земли людей в железа не ковати и в тюрьму не метати». Следовательно, устанавливается известная обеспеченность личной свободы смоленских мещан и черных людей, которых нельзя сажать в тюрьму, если они поставили поручителей. О том же говорит и статья, по которой «бояр, и мещан и черных людей» надо беречь от ябедников; расправа за преступления возлагается на самих смоленских жителей.

Жалованная грамота Смоленску — документ крайне ценный для понимания сложной феодально-территориальной структуры России XVI в. Она показывает, как тщательно сохранялись местные особенности суда и управления во многих русских землях в тот период, когда оформлялась территория России. Процесс централизации не был таким всеобъемлющим и всеобщим даже в начале XVI в., не говоря уже о более раннем времени, как это порой изображается в наших исторических работах.

Особые порядки, установившиеся в Смоленской земле после ее присоединения к России, по-видимому, явились основной причиной, по которой материалы о Смоленске нашли слабое отражение в московских шриказах. Смоленск долгое время жил обособленной жизнью от остальной России. Даже смоленские епископы

---

⁴ М. К. Любавский. Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910, стр. 346—349.

принимали сравнительно малое участие в церковных делах, касающихся всей России.

Как в Новгороде и в Пскове, старина в Смоленске выражалась и в том, что были сохранены купеческие и ремесленные организации, существовавшие раньше. О том, что такие организации существовали в Смоленске в XV в., говорит известный летописный рассказ о восстании 1446 г., неоднократно цитированный рядом авторов. До присоединения Смоленска к Москве существовал особый староста купцов смоленских. В те времена, когда Смоленск принадлежал Литовскому великому княжеству, в нем существовал староста «места смоленского», выступавший от имени всех мещан⁵. Жалованная грамота Василия III, утверждавшая смоленские привилегии, данные литовскими великими князьями, видимо, сохранила эту должность. Позже в Смоленске были произведены какие-то изменения. В частности, некоторые купцы были сведены в Москву и другие города. Во всяком случае на Московском соборе 1566 г. участвовали торговые люди «смоляне», которых С. В. Бахрушин справедливо рассматривает как сведенцев из Смоленска.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, РЫБОЛОВСТВО И БОРТНИЧЕСТВО

По своему хозяйству Смоленская земля была типично земледельческой. Почвы ее принадлежали к подзолистым суглинкам и не отличались особым плодородием, хотя приправочные книги Вяземского уезда наравне с «средней» и «худой» землей постоянно указывают и землю «добрую».

Пашня во многих случаях находилась на лесных полянах. Земледельцу постоянно приходилось бороться с лесом, вследствие чего в приправочных книгах постоянно упоминается о пашне, которая сделалась перелогом и поросла лесом.

К сожалению, о хозяйстве самого Смоленского уезда известно очень мало. Поэтому о сельском хозяйстве всего края придется судить по материалам, относящимся к Вяземскому и Торопецкому уездам. Впрочем, о сельском хозяйстве в окрестностях самого Смоленска дает представление один ранний документ, относящийся к 1492 г., который, тем не менее, может служить материалом и для суждения о более позднем времени. После наместника Юрия Глебовича было сделано описание его дворов. Про городской двор на Ясеной сказано, что там оказалось 4 вола, 2 коровы, 2 лошади, 20 овец, 10 гусей, 30 уток, 30 кур. Посеяно было 33 меры жита (ржи), 28 мер овса, 10 мер ярицы, 5 мер пшеницы, 4 меры

⁵ Г. Бугославский. Смоленская земля в Литовский период. Смоленская старина, вып. 3, ч. 1. Смоленск, 1914, стр. 49—51.

гречихи⁶. Такого же рода посевы оказались и в других дворах с различного рода вариациями, например, с упоминанием о посевах ячменя.

Такой характер сельское хозяйство Смоленского уезда сохранило и позже. Так, в начале XVII столетия письма жен и матерей смоленских помещиков постоянно говорят о ржи и яровом как об основе помещичьих посевов⁷.

О характере сельского хозяйства в Торопецком уезде дают представление сведения о «доходах» помещика. В него входили: рожь, овес, горох, пшеница, гречневая крупа, хмель, лен. Кроме того, помещик получал кур, зайцев, тетеревов, овчины, поярки (овечья шерсть первой стрижки), мед, соль⁸.

Сельское хозяйство в Рославльском уезде не отличалось от хозяйства других уездов Смоленской земли. В бумагах одного вотчинника Рославльского уезда находим указание на следующие виды угодий, которые подлежали разделу между наследниками: «усадища, дворы, и огороды и хмельник», а также пашни и луга. Основными хлебами здесь были рожь (в том числе «рожь ярь») и овес, хранившиеся обычно в ямах. Имеются указания и на разведение пшеницы и ячменя.

Особенно крупное значение имело разведение конопли. Пенька и конопляное масло в значительных количествах закупались в Дорогобужском и других уездах⁹.

Дорогобужский Болдин монастырь за один раз, например, продал 240 пудов пеньки. Такие продажи названный монастырь производил неоднократно, собирая пеньку в виде оброка со своих крестьян.

Земледелие в Смоленской земле отличалось невысоким техническим уровнем. Торопецкая писцовая книга обычно указывает пашню «в одном поле», тогда как Вяземские книги всюду описывают пашню по обычной формуле писцовых книг: «в поле, а в дву потому же». Такая разница в терминологии могла бы быть объяснена различиями в способах землепользования между Торопецким

⁶ Г. Бугославский. Указ. соч., стр. 103—104.

⁷ Дополнения к Актам историческим, т. I, № 232, стр. 397—399.

⁸ Приводим подлинную запись по Торопецким книгам: «И всего за Микитою старого поместья и что выменил 80 деревень жилых да 4 деревни пустых. А дворов в них, опричь Никита, 30, да 14 дворов пустых. А людей в них 31 человек, пашни в одном поле 320 чети, сена 1012 копен да пустошь. А доход Микита емлет с того поместья денгами 3 рубли и 2 алтына да и 4 московки. А хлебного доходу ржи 67 чети, а овса 132 чети, и гороху и конопель пол 9 чети, солоду ячного 33 чети, пшеницы по 17 чети, круп гречневых пол 9 чети, хмелю пол 17 чети, 22 пята льну. А мелкого доходу 22 борана, 22 полти мяса, 44 куров, 22 зайца, 22 тетерева, 22 овчины, 22 поярка, 22 воза сена, 22 сыра, 2 пуда 8 гривенок масла коровья, 7 пуд с третью меду, 2 зуба соли». — ЦГАДА, ф. 137. Боярские городовые книги. Торонец, кн. № 1, лл. 235—236 об. (далее — Торопецкая книга).

⁹ РИБ, т. XXVII, вып. 1, стр. 243.

и Вяземским уездами. Но подобное объяснение было бы поспешным. Вероятнее другое: различие между терминологией писцовых книг того и другого уездов зависело от того, что Торопецкие книги 1540 г. отделяются от Вяземских полустолетием, за которое могли произойти некоторые изменения в сторону большего распространения трехполья в Смоленской земле. Впрочем, в той же Торопецкой книге имеется и прямое указание на трехполье¹⁰.

Различие между терминологией названных писцовых книг могло произойти и от самих писцов. Полностью ответить на этот вопрос, впрочем, пока затруднительно при отсутствии печатного текста Торопецкой книги 1540 г. Издание этой книги — первоочередная задача, так как книга дает богатейший материал для изучения хозяйства России и земледелия в особенности.

Земледелие в Смоленской земле, как и в других областях России того времени, было связано с продуктовым скотоводством. В писцовых книгах постоянно упоминается о лугах и количестве собираемого сена в копнах.

Крупное значение в Смоленской земле имели рыболовство, бортничество и даже охота. В Торопецкой книге 1540 г. после указания, какой доход идет помещику от крестьян, обычно добавляются сведения о рыбных угодьях. «А угодья у Злобы з детми в придаче в Семеновском поместье рыбная ловля во озере Лобня» (следует перечисление озер), — читаем в книге.

В Смоленском крае XVI столетия немалое значение все еще имели бортничество и охота — старинные промыслы населения, уже исчезнувшие в центральных областях России.

Даже в конце XVI в. в Рославльском уезде существовали бортные и бобровые деревни. Поэтому в грамотах, выдаваемых в кормление, особо отмечается доход от меда¹¹.

В Торопецком уезде в помещичий доход также входил мед и в довольно больших размерах. В числе угодий нередко указываются бортные ухожьи, где крестьяне ставили свои «знамена», которые изображены в писцовых книгах¹².

В составе помещичьего дохода Торопецкого уезда постоянно упоминаются зайцы и тетерева — прямое указание на то, что охотничий промысел еще имел большое распространение в Смоленской земле.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Смоленская земля была в основном краем поместного землевладения, так как ее порубежное положение мало способствовало развитию здесь крупных боярских вотчин. Это подчеркивается даже

¹⁰ «А лесу у него в обеих поместьях в придаче помечено меж деревень во всех трех полях на 1000 десятин» (Торопецкая книга, л. 89).

¹¹ Акты Юшкова, стр. 241.

¹² Торопецкая книга, см., например, л. 153.

заглавием Торопецкой книги 1540 г., где говорится, что в ней описаны «волости черные и помещики»¹³.

Владельцами поместий являлись целые семьи. Поэтому в писцовых книгах Торопецкого уезда указывались не только глава семейства, но и его сыновья, иногда жена и мать: «Да Василью ж Афанасьеву сыну Белому з детми с Олешко да с Ушатым да с Бистомою придано по великому князя грамоте по присыльной Васильевского поместья Иванова сына Черного Чеглокова». Такого рода записи постоянно встречаются в книге 1540 г., которая имеет большое значение для истории поместного землевладения.

На соборе 1566 г. представители торопецких помещиков выступали как представители дворянской корпорации. В их числе упомянут Алексей Злобин Чеглоков; поместья его отца отмечены в писцовых книгах¹⁴.

Вяземский уезд был также районом поместного землевладения, которое к концу XVI столетия начинает здесь постепенно вытесняться крупными вотчинами. Это ярко выступает в описании Вяземского уезда конца XVI в. Поместные земли передко находились в руках нескольких совладельцев. Братья Губастые, например, разделили «полюбовно» отцовское поместье. Приправочные книги подробно сообщают о том, кому из трех братьев принадлежала та или иная земля, отмечая, как различные «селища» и угодья переходили из рук в руки. О пустой деревне Олешково сказано, что она была за Безсоном и Иваном Моклаковыми, а после того за Афанашием Враским, «а Офонасей Ивану сдал для розни». Так деревня попала к старшему Губастову (Ивану) из-за своего местоположения на отлете от других земель Враского¹⁵.

Крупное землевладение не было характерно для Вяземского уезда до конца XVI в., хотя географическая обособленность этого уезда способствовала тому, что в нем долгое время сохранялись остатки феодальной раздробленности. Вяземские князья оставались мелкими полусамостоятельными владетелями вплоть до конца XV в., когда они подчинились московским великим князьям. До этого времени они ловко лавируют между Литовским и Московским великими княжествами. Однако нет никаких данных, говорящих об остатках землевладения вяземских князей в уезде в XVI столетии. Можно предполагать, что их земли перешли в распоряжение центральной власти.

Из крупных землевладельцев Вяземского уезда конца XVI в. нужно отметить Годуновых, утвердившихся здесь, видимо, не без помощи их знаменитого сородича, сперва правителя, а потом царя.

Размеры годуновских земель были довольно значительными. Например, Никите Васильевичу Годунову принадлежало

¹³ Торопецкая книга, л. 1.

¹⁴ С. Г. Г. и Д., ч. 1, стр. 552.

¹⁵ ПК, II, стр. 610—612.

в Красносельском стане 11 деревень с 53 крестьянскими дворами. Его брату Петру Васильевичу в другом стане принадлежали сельцо и 13 деревень с 53 крестьянскими дворами. Степан Васильевич Годунов владел 38 деревнями с 220 крестьянскими дворами. Среди других крупных помещиков приправочные книги указывают Сабуровых, князей Тростенских, Рожновых¹⁶.

Трудно сказать, кто из помещиков принадлежал к старым родам, которые имели земли в Вяземском уезде еще до ликвидации местных князей. Но бросается в глаза почти полное отсутствие указаний на владения вяземских князей, которым, по-видимому, были отведены поместья и вотчины в других уездах взамен их старых и наследственных вяземских вотчин.

Поселения в Смоленской земле принадлежали к обычному типу, с которым мы уже знакомы по центральным областям России. Центром поместья, или вотчины, было село, сельцо или просто деревня, где стояли дворы помещика и его людей. Характерной особенностью села была церковь, при которой помещались дворы церковного причта. Почти все указанные в книгах церкви были деревянными, в Вяземском уезде — нередко шатровой архитектуры («древяна вверх»). Количество дворов в селе редко превышало 10—15. Деревни были еще мельче: всего в 2—3 двора. Кроме того, отдельно отмечены погосты на черных землях, «на царя великого князя земле». Иногда близ селения имелись пруд или река; на реках в Вяземском уезде в конце XVI в. часто стояли мельницы, порой с обозначением «мельница немецкая»¹⁷.

В числе дворов иногда упоминаются дворы людские. Судя по именам помещичьих людей, можно думать, что боярские холопы, жившие в людских дворах, были в сущности доверенными людьми помещиков, которые наблюдали за помещичьим хозяйством, собирали поборы в пользу помещиков, распределяли повинности среди крестьян. Иногда людских дворов было больше, чем крестьянских. Сельцо Сушино состояло только из помещичьего двора и трех людских дворов. В сельце Ватушине находился помещиков двор, пять дворов людских и два двора бобылей. То же видим в селе Андреевском на реке Вязьме. В нем стояли деревянная церковь, дворы дьячка, пономаря и просвирницы, четыре кельи нищих, двор помещика и пять дворов людских¹⁸.

Основную массу населения в уездах Смоленской земли составляли крестьяне. Неизвестно, какими оброками были обложены крестьяне, но уже расселение их отдельными деревнями говорит нам о малом распространении барщины. Впрочем, приправочные книги Вяземского уезда позволяют предполагать, что в жизни сельского населения в конце XVI в. происходили какие-то изменения.

¹⁶ ПК, II, стр. 569, 576, 745 и сл.

¹⁷ Там же, стр. 668, 669, 764.

¹⁸ Например, «да людских дворов: во дворе Жук Григорьев, да крестьян 5 дворов» (ПК, II, стр. 571; см. также стр. 610, 706, 721).

В сельце Сушине, отмеченном ранее, дворы помещика и его людей были поставлены на месте пустоши и починка, «поставлены на той же сельской земле». Следовательно, сельская крестьянская земля была экспроприрована помещиком для своей усадьбы. То же видим и в другом стане. Помещики Соломеины владели сельцом, «что была деревня Старцово, а Шиталово тож». К ней был приписан луг на реке Днепре, «а преж того косили тот луг крестьяне деревни Богдановы да деревни Кокиной»¹⁹.

В ряде деревень Смоленской земли отмечены бобыли. Вероятно, это, как и в других уездах, были главным образом непашенные люди, занятые различными ремеслами.

Судя по некоторым данным, Рославльский уезд в XVI в. был также районом мелкого дворянского землевладения. Разрозненные данные о рославльских дворянах в конце XVI в. не упоминают ни одной сколько-нибудь крупной помещичьей семьи. Дуровы, Масловы, Мурдасовы и т. д. — это все рядовые провинциальные дворяне. По-видимому, вотчинное владение здесь было развито слабо, если судить по книге сбора ямских денег, в которой названы только четыре вотчинника²⁰. Небольшое количество деревень принадлежало смоленскому епископу и монастырям Смоленска. До статки рославльских дворян и по тому времени нельзя признать большими. Из записи о приданом одной дворянской невесты из довольно значительного по Рославлю рода видно, что все приданое кроме образа в серебряном окладе с позолотой, оценивалось в 25 рублей.

Характер дворянского землевладения в Рославльском уезде хорошо виден по документу 1583 г., сообщающему о владениях нескольких помещиков. Например, помещикам Зубовым принадлежала деревня Голшина, в которой стояли два двора помещиков, четыре людских двора и пять крестьянских. Немудрено, что помещичья пашня лишь на немного отставала (37 четвертей) от крестьянской (53 четверти)²¹.

В другой помещичьей деревне — Кубышкиной, принадлежавшей помещикам Кубышкиным, стояли два двора помещиков, два двора людских и два двора крестьянских. Помещикова пашня здесь вдвое (18 четвертей) превышала крестьянскую (8 четвертей). Такое же распределение земли было и в других поместьях. Помещику Маслову принадлежала деревня Остапковичи с помещичьим двором, в котором жил человек его Пронька, и с двумя дворами крестьян; деревня Ермолина с двором помещика и двумя дворами крестьян; еще одна деревня с двумя пустыми дворами.

¹⁹ ПК, II, стр. 671.

²⁰ «Чтения ОИДР», 1916, кн. 2, стр. 3. В книге сбора ямских денег 1584—1586 гг. только первые четыре плательщика обозначены прямо, например, «Федор Иванов сын Челюстькин, деревня Унуковичи», остальные отмечены так: «За Донилом» и пр.

²¹ «Чтения ОИДР», 1916, кн. 2, стр. 15.

Торопецкие книги 1540 г. рисуют перед нами картину небольших поселений, сел и деревень, всего с несколькими дворами. Крестьяне Торопецкого уезда в это время платят оброк помещику, но еще пользуются правом перехода от одного землевладельца к другому. Поэтому в писцовых книгах часто упоминаются «приходцы». Большое количество сел и деревень оставались чернососными. В этих «переварах», как они назывались в Торопецком уезде, подобно новгородским переварам, жили черные крестьяне. Само слово «перевар» древнего происхождения и упоминается в берестяных грамотах, открытых А. В. Арциховским.

О положении крестьян в Рославльском уезде и их крайней бедности можно судить по сведениям о пограбленных крестьянских имуществях. У крестьянина Суботы (Суботи) отняли две телеги «рухляди». Она состояла из медного котла, двух ведер, двух лемехов, двух сковород. У другого крестьянина, Хота Борисова (Хотки), взяли бараний кафтан, две сермяжные шапки, сермяжные ногавицы, 50 локтей домашней ткани, пять женских рубашек, пять простых полотенец (убрусов), три рубашки мужских, «да 3 порки» (оленьи спорки).

Еще показательнее перечисление похищенных предметов у крестьянина Федора Лешокова. Этот крестьянин хранил свое имущество «у дубе», по-видимому, в дупле дуба. У него забрали две новых бараньих шубы, три сермяжных новых зипуна, десять отрезков белого сукна, две сермяжные шапки, девять женских рубашек, 40 локтей холста, четыре мужские рубашки, четыре поневы, две пары женских сапог, две серебряные серьги, два шелковых пшурка, шесть шитых полок, восемь полотенец (убрусов)²².

Перед нами имущество крестьянского богатея, возможно, скопидома, хранившего свое добро в укромном месте. Тем ярче выступает бедность его крестьянских пожитков даже по сравнению с убогим приданым дворянской невесты.

СМОЛЕНСК

Главным городом земли был Смоленск, который являлся в то же время и одним из крупнейших русских центров. Герберштейн, посетивший Смоленск в первой четверти XVI в., так описывает этот город: «Смоленск, епископский город, расположенный при реке Борисфене, имеет на более отдаленном берегу реки к востоку крепость, выстроенную из дуба, которая заключает в себе очень много домов наподобие города. Эта крепость там, где она простирается в направлении к холму (ибо с другой стороны она омывается Борисфеном), укреплена рвами и сверх того острыми кольями, которыми отражается набег врагов. Василий Иоаннович

²² «Чтения ОИДР», 1916, кн. 2, стр. 15, 17, 100—101.

очень часто и весьма решительно осаждал ее, но никогда однако не мог взять ее силою. В конце же концов он овладел ею через измену воинов и начальника, одного чеха, о котором сказано выше в истории Михаила Глинского. Город расположен в долине, вокруг которой находятся плодоносные холмы, и окружен обширнейшими лесами, из которых в большом количестве добываются различные меха. Храм в крепости посвящен пресвятой Деве, другие же здания деревянные; в городском предместье заметны многочисленные развалины монастырей, выстроенных из камней»²³.

Значение Смоленска как важнейшей пограничной крепости не только не уменьшалось, а непрерывно увеличивалось в XVI столетии. В 1596 г. Смоленск был окружен каменной стеной, промадной по протяжению. По польским данным, высота стены была «саженей 6 от поля, 8½ от Днепра; толщина стены — от поля всего 3 сажени, а от Днепра 4, потому что там осыпается земля»²⁴.

Современная длина стен равна 5 километрам, толщина их 5,5 м. Стены были построены из белого камня, а верхние части их из кирпича. Камень для постройки, по старым сообщениям, брали из Старицы и Рузы, а известь жгли в Бельском уезде.

Камень, таким образом, приходилось подвозить на большое расстояние. Однако и под самым Смоленском, в районе Гнездова, имеются следы каких-то кирпичных заводов. Постройка крепости, начатая при царе Федоре Ивановиче, была закончена через несколько лет при Борисе Годунове. Новый летописец говорит, что построению крепости придавалось особое значение: царь «посла в Смоленск много знатных людей, повеле им над зиждущими надзирати, и много тамо посла каменщиков и кирпичников многих, и тако созидашеся град»²⁵.

В некоторых сочинениях рассказывается, что далеко не все бояре считали необходимым создать в Смоленске неприступную крепость. Латухинская Стешенная книга передает высказывания бояр о постройке смоленской крепости, сделанные на заседании боярской Думы. Борис Федорович Годунов, стоявший во главе правительства, назвал Смоленск «ожерельем», которое будет охранять русскую землю. В ответ князь Трубецкой заметил: «а как в том ожерелье заведутся вши, и их будет и не выжить». Современники видели в этих словах предсказание будущей судьбы города; Смоленск со своими крепкими стенами, попав в руки чужеземцев (в данном случае поляков), станет опасным для самой России.

В начале XVII в. смоленская каменная стена насчитывала 22 башни, в том числе 10 башен с воротами²⁶. Большие Фроловские ворота выводили к Днепру.

²³ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 111—112. Борисфен — Днепр.

²⁴ РИБ, т. I, стр. 613.

²⁵ Новый летописец. М., 1853, стр. 43.

²⁶ «Чтения ОИДР», 1912, кн. 1. Акты Смоленской осады.

В обширной крепости находились правительственные здания и стоял собор Успения. К крепости примыкал большой многолюдный посад, окруженный «городнею», частоколом. На посаде стояло несколько больших монастырей: Троицкий, Спасский, Борисоглебский, Архангельский, Свято-Духовский, которые были использованы поляками при осаде Смоленска в качестве опорных пунктов. Два моста, старый и новый, были перекинуты через Днепр.

Территория смоленского посада в XVI в. устанавливается с трудом. По-видимому, посад примыкал к крепости главным образом с одной стороны, располагаясь вдоль Днепра по направлению к Смядыни. На это указывает существование старинной каменной церкви Иоанна Богослова, стоявшей под кремлевской горой, но все же на возвышенном месте. Посад продолжался в Заднепровской стороне, где стоит каменная церковь Петра и Павла XII—XIII вв. В конце XVI в. заднепровская часть города называлась также посадом и была соединена с остальным городом «большим мостом». Где-то поблизости от Днепра, в Заднепровском посаде, стоял Литовский гостиный двор²⁷. Построение каменного кремля внесло значительные изменения в топографию Смоленска, но это уже относится к XVII в.

Смоленск являлся крупнейшим ремесленным и торговым центром на западе России. Через него проходила торная дорога из Москвы на Минск и далее на Вильну и Варшаву. По Герберштейну, из Москвы на Смоленск дорога шла через Вязьму: «На пути от Москвы к Смоленску в юго-западном направлении и на расстоянии восемнадцать миль прежде всего попадаете Можайск, затем через двадцать шесть миль Вязьма, потом через восемнадцать Дорогобуж, а оттуда через столько же миль попадем в Смоленск».

О характере Смоленска как городского центра имеются различные мнения. Многие, в том числе П. П. Смирнов, считают, что Смоленск был только большим пограничным городом. Однако это далеко не так. О значительном количестве посадских людей, населявших город, говорит такой факт. Во время осады Смоленска по стенам и башням находились «у наряду подъемных и стенных людей с ружьем, посадских всяких людей и Загородненские слободы слобожан и Смоленского яму охотников 1862 человека»²⁸. Это были люди, годные для обороны и хорошо вооруженные. Посадские люди Смоленска, как и в других русских городах, в мирное время приписывались к городской артиллерии, «наряду», располагаясь в определенных местах по башням, воротам и стенам.

В приведенном известии указана цифра только посадских людей, годных к защите Смоленска. В поручных же по смоленским вновь набранным, или «новоприбылым», стрельцам названы раз-

²⁷ АИ, т. I, № 265, стр. 317. В наказе 1595 г. велено с царской казной ехать «в Смоленску посадом, мимо гостин литовской двор, да через Днепр большим мостом в город, к пречистой Богородици к соборной».

²⁸ «Чтения ОИДР», 1912, кн. 1, стр. 158.

личные ремесленные специальности. Среди них особенно часто встречаются сапожники и кузнецы, т. е. представители двух ремесленных специальностей, которые были особенно распространены во многих русских городах.

О развитии ремесла в Смоленске дает понятие воеводская память начала XVII в., посланная посадским старостам. Память устанавливала различного рода противопожарные меры, добавляя следующее распоряжение: «А у мастеровых людей у серебряников и у бронников, и у кузнецов, кузницы ставити на огородах же в земле, от хором далече, а у которых близко к хоромам и у тех людей кузницы запечатати»²⁹.

Кроме посада в Смоленске существовали различного рода беломестные слободки, главным образом церковные. Наиболее крупной была «архиепископля слободка», в которой жило 178 человек. Менее значительны были слободки монастырские: Авраамьева (21 человек), Спасского (18 человек), Архангельского (21 человек), Петровского (37 человек), Духова (10 человек) монастырей. В самой большой слободке, принадлежавшей Петровскому монастырю, насчитывалось 37 человек. Всего в церковных слободках жило 288 человек, которые могли выступать на стенах с оружием³⁰.

Кроме того, в Смоленске стояли два стрелецких приказа, насчитывавшие не менее 1000 человек. Помимо служилых стрельцов роспись упоминает 189 человек отставленных стрельцов и детей стрелецких.

К этим цифрам смоленского населения надо добавить довольно значительное смоленское духовенство и церковных причетников. При одной соборной церкви Успения числилось 17 человек попов, дьяконов, пономарей и т. д.³¹

Общее количество населения в Смоленске должно было равняться примерно 20—25 тыс. человек, если не больше. Иностранные сведения исчисляют население Смоленска в 80 тыс. жителей, но надо думать, что эта цифра преувеличена. Дневник осады Смоленска поляками говорит, что за пределами крепости в Смоленске «можно думать, до 6000 домов»³².

Ряд данных показывает, что Смоленск представлял собой большой торговый город. В нем была сосредоточена торговля России с Западом. Сюда приезжали иноземцы из Польши и Литовского великого княжества³³. Для многих иностранных купцов это был конечный пункт их поездки. Иноземцам, за некоторыми исключениями, запрещался дальнейший проезд в остальные области России, в том числе и в Москву. Флетчер упоминает Смоленск

²⁹ АИ, т. II, стр. 417.

³⁰ «Чтения ОИДР», 1912, кн. 1, стр. 158.

³¹ АИ, т. I, № 178, стр. 207.

³² РИБ, т. I, стр. 446.

³³ ААЭ, т. I, № 365, стр. 451.

в числе крупнейших торговых городов России, плативших самую значительную пошлину. Смоленск платил 8 тыс. рублей ежегодно, больше Великого Новгорода, но меньше Москвы и Пскова.

Смоленск как крупнейший торговый и ремесленный центр вырисовывается перед нами в приходо-расходных записях Троицкого Болдина монастыря в Дорогобуже. В Смоленске монахи покупали различные предметы для монастырских церквей, ризницы и мастерских, например 100 листов сусального серебра, полфунта белил для иконника, нашатырь, финифть, кионы на золоте. Отмечается также покупка различного рода инструментов для плотничьего дела: плотничьих топоров, рогагинок, буравчиков, тянутаго железа, тянутой меди, мелких гвоздей. Из тех же книг выясняется, что в Смоленске торговали разного рода съестными припасами гастрономического характера: бочками сельдей, вишней и сливами в патоке. Вишни и сливы закусали в Смоленске как особое лакомство; вишни отсылали в Москву «на роздачу для монастырского дела», следовательно, в подношение нужным для монастырских властей лицам. Вишни и сливы продавали тысячами: «пятьдесят тысяч слив». Для продажи монастырские дельцы возили в Смоленск горох и мед³⁴.

На значение Смоленска как культурного центра указывает одно любопытное дело. В декабре 1602 г. смоленский житель Гаврила Иванович жаловался в Вильне на заместителя виленских бурмистров и на городского писаря. Гаврила Иванович писал, что когда он пришел в ратушу с жалобой на виленского интролигатора (переплетчика) Якуба Марковича, который не возвратил ему 105 Апостолов, данных тому в переплет, то Гаврилу посадили в ратушную тюрьму и продержали в ней немало времени³⁵.

ТОРОПЕЦКИЙ УЕЗД И ТОРОПЕЦ

Северную часть Смоленской земли занимал Торопецкий уезд, лежавший как раз там, где граница России с Литовским великим княжеством резко поворачивала с запада на юг. Это был порубежный край, на территории которого с давнего времени развертывались военные действия во время нередких конфликтов между Литовским великим княжеством и Россией.

Торопецкий уезд не выдавался какими-либо особыми богатствами из числа тогдашних областей России, но заслуживает особого изучения как край, о котором мы имеем подробные сведения на основании сохранившихся писцовых книг 1540 г.

По странной случайности Торопецкие писцовые книги, относящиеся к числу древнейших писцовых книг, до сих пор остались

³⁴ РИБ, т. II, стр. 169, 183, 236, 243, 304, 311 и сл.

³⁵ Копия с документа прислана мне профессором К. Яблонским.

неизданными, несмотря на хорошую сохранность, и это заставляет нас несколько подробнее остановиться на этих книгах как историческом документе. Книги хранятся в ЦГАДА в Москве. По архивной описи 1916 г. в них насчитывается 265 листов, но порядок листов перемешан. В силу этого продолжение описания города Тороща отделено от его начала значительным количеством листов. В целом же рукопись сохранилась хорошо, за исключением первых двух листов, частично оборванных ³⁶.

С. Б. Веселовский причисляет Торопецкие книги к числу интереснейших писцовых книг XVI в. Особый интерес книги 1540 г. имеют и потому, что они дают понятие об одном из западных уездов России, о которых наши источники сообщают мало. Между тем Торопецкий уезд принадлежал к числу своеобразнейших районов России XVI в., выделяясь даже своими географическими особенностями.

Рельеф Торопецкого уезда в некоторых частях холмистый. Здесь проходит гряда холмов, известная под названием Воробьевых гор и служащая водоразделом бассейнов Ловати и Западной Двины. Большое количество озер и болот придает особый характер поверхности уезда. Когда-то они имели большое значение для обороны этого порубежного края, мешая передвижению вражеских войск.

Книги 1540 г. рисуют Торопецкий уезд значительно заселенным, но еще сохранившим некоторую дикость. В торопецких лесах водились зайцы и различного рода дичь. Во многих местах еще стояли глухие бортные леса. Села же и деревни лежали разбросанно, чаще всего при озерах.

Некоторые деревни ставились заново. Такой была, например, деревня Веряжюк Новая, поставленная уже после писцового описания, сделанного Якушой Еськиным. Рядом с ней отмечена новая церковь Николая Чудотворца, «стала после письма, поставили крестьяне приходом над озером» ³⁷.

Таких новых деревень было довольно много. В Турской волости показано 9 новых деревень и починков с 9 дворами, в которых жило всего 12 человек. Эти деревни возникли недавно. В старых селениях Торопецкого уезда количество людей во дворах значительно превышало количество дворов. В той же Турской волости насчитывалось 60 деревень со 160 дворами, в которых жило 300 человек ³⁸.

³⁶ Торопецкая писцовая книга начинается словами, сделанными вязью: «Книги торопецкие письма Алексея [кончается вязь] Давыдовича Ульянина да Тимофея Степанова сына Бибикова лета 7000 четвердесят осмага». Они заключают в себе описание торопецкого посада и Торопецкого уезда (В. Н. Шумилов. Обзор документальных материалов Центрального гос. архива древних актов по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв. М., 1954, стр. 19).

³⁷ Торопецкие книги, л. 198 об.

³⁸ Там же, л. 126.

Главным и в сущности единственным городом в Торопецком крае был Торопец, стоявший на незамерзающей реке Торопец. В Торопце была крепость с прилегающими к ней посадами. Об этом городе имеется специальное исследование И. Побойнина³⁹.

В Торопце существовал большой посад, в котором насчитывалось 415 тяглых дворов (в них жило 595 человек). Правда, этот подсчет по дворам условен; под людьми понимались взрослые мужчины, подлежащие обложению; поэтому количество населения в Торопце надо значительно увеличить.

Большое количество людей в Торопце жило в чужих дворах за домохозяевами (136 человек). Это люди, положение которых на чужих дворах определяется словами: «на том же дворе в избе», «да у него же на дворе сосед», «да у него же на дворе шабры». Дворянские дворы принадлежали иногда также двум лицам («двор Чурилов Павлова, хоромы Чуриловы, а место у них по половинкам с Иваном с Онтиповым, а в нем дворник Онкудинко Исаков») ⁴⁰.

Многозаселенность торопецких дворов вызвала пространные рассуждения Н. Д. Чечулина, смысл которых состоит в признании самостоятельного положения торопецких шабров и соседей, которых нельзя считать зависимыми людьми, с чем надо согласиться. Большая заселенность посадских дворов в Торопце, возможно, зависела от стремления селиться под защитой крепости.

Торопецкий посад был населен в основном ремесленными и торговыми людьми. Н. Д. Чечулин насчитал в городе 79 ремесленников, из которых 64 были посадскими людьми, 10 человек шабрами и 5 дворниками. Из списка ремесленников, составленного тем же автором, впрочем, нельзя установить какой-либо особой специальности, которая была бы характерна именно для Торопца, если не считать металлического производства. В нем было занято 17 человек, в их числе оказываются 7 кузнецов, 2 котельника, 4 серебряника, 2 сережника, сабельник, игольник. Это довольно значительная ремесленная прослойка. Под словом «кузнец», вероятно, скрываются и ремесленники, выделявшие оружие. На

³⁹ И. Побойнин. Торопецкая старина. «Чтения ОИДР», 1897, кн. 1; 1899, кн. 3; 1902, кн. 2.

⁴⁰ Вот типичное описание дворов на торопецком посаде, взятое из писцовых книг 1540 г.: «двор Нестера Сумкина да Трофимка Есипова, а в нем дворник Левонко Сортемов; двор Иванка Дыхолова да Васка да Тушка Ивановых детей Красковина да Васька; двор Темко да Ефимка Екимовых посадских же людей; двор Ивашка Шохова да Сазонка Семенова да Филиппко Онтухова да Богданка Дробышова да Мишки Демехова да вдовы Марьи Федоровские жены, а в нем дворник Санька Кородкой; двор Васка Яковлева да брата его Ермолкино да Софонка Костокова да Фомы Денисова да Кисяля Ермолина да Нефедка Мартинова да Бориса дьякона Пятницкого да Васка Сумкина да брата его Онтипка да Фетка Сумкина да Фетка колачника да Михалка Ушакова посадских людей, а в нем дворник Скорюка» и т. л.

особое значение оружейного дела в Торопце указывает существование в городе двух седельников (седла выделялись для всадников, составлявших основу поместного войска).

К посаду были приписаны луга и вытоны для скота, а также рыбные ловли в прилегающих озерах.

Писцовые книги особо отмечают слободки служилых людей по прибору. Пушкарям и пищальникам принадлежало 30 дворов с таким же количеством людей; казенным плотникам и воротникам — 15 дворов с таким же количеством людей⁴¹.

На посаде стояло 12 церквей, в том числе соборная церковь св. Георгия (Егория), и жило многочисленное духовенство; одних священников насчитывалось 19. Кроме того, в городе находилось 2 монастыря. В одном из них, Никольском, насчитывалось 40 монахов.

Порубежное положение Торопца наложило на город свой отпечаток. Многие дворы были осадными, на которых в мирное время жили только дворники. Такие дворы в писцовой книге иногда называются «боярскими», не в смысле принадлежности их боярам, которые не жили в Торопецком уезде, а в смысле того, что владельцы таких дворов принадлежали к числу дворянства как господствующего класса.

Торговля Торопца носила оживленный характер. На торгу стояло 68 лавок и 2 полка, которые в подавляющем количестве принадлежали посадским людям⁴². Об этих лавках в писцовых книгах сказано так: «а торгуют в тех лавках всяким товаром, сукны и шелком и мелким товаром, с щепетиньем, и рыбою и мясом». Кроме того, на торгу стояло 12 лавок на земле соборной церкви Георгия.

Торговля в Торопце не ограничивалась только местной округой. В Торопце находилось 15 амбаров, в которых торговали «приезжаючи» купцы из других городов. В Торопце торговали купцы из Литвы. «Весчюю» пошлину с них собирал в пользу собора Георгия староста⁴³.

Торопец на протяжении всего XVI столетия сохранял значение крупнейшего города на западном рубеже между Новгородом и Смоленском. Жизнь этого героического города прекрасно рисует повесть об осаде Торопца польско-литовскими войсками в начале XVII столетия. Главные герои повести — «горожане». Канцлер литовский Лев Александр (Сапега) пришел с 12 тысячами войска, «во граде же едва мощно обрести тысящу, или мало вяцши, но и тии от осады истомлени». Днем вокруг города был совершен крестный ход, ночью все горожане простились с семьями и облеклись в смертное одеяние.

⁴¹ Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 67—68.

⁴² Торопецкие книги, лл. 105—106.

⁴³ Там же, л. 119—119 об.

Ночью враг подступил к стенам и велел стрелять из самопалов, «ночь подобно дню сотворилась, от единого грома пищалей все градские дома сотрясались». Враги ринулись к острогу с криками: «взяли, взяли», но навстречу им выскочили торопчане и бились на городских стенах кошками и топорами. «Услышали жены боголюбезные крики мужей своих, услышали милостивые матери вопли сынов своих, услышали сестры единоутробныя глас братья своих». Женщины с плачем и воплями побежали на помощь сражающимся: «и мчали с собой жены, матери и девы камни, колья и всякое дровье. И кинулись они в бой, подобно воям торопецким, и кольями бьют, и камни за острог метают, многих врагов на стенах живьем полоняют». И вот «градским боем» ров и поле наполнилось убитыми врагами. «Граждан же бог соблюл целы и невредимы». Враг отступил, «и пошли все великие мужи торопчане с женами и отроками» служить торжественные молебны о своей победе.

Повесть написана не церковником, а горожанином и только украшена словами о чудесном вмешательстве святого Николая ⁴⁴.

К числу небольших смоленских городов, стоявших поблизости от Торопца, принадлежал город **Белый**. Он был построен в 1508 г. «на рубеже», получив свое название от реки (князь великий послал «на Белую на рубеж, да велел город ставить от Литвы») ⁴⁵.

ВЯЗЬМА И ЕЕ ОКРУГА

Крупным городом Смоленской земли была Вязьма. Город стоял на реке Вязьме, притоке Днепра. В настоящее время эта река считается несудоходной, но в XVI в. ею пользовались как водным путем. Конечно, и в это время речной путь по Вязьме имел небольшое значение, может быть, судоходство по ней производилось только в определенное время года, весной. Однако путь по Вязьме был старинным, как говорит название селения Волочек, указывающее на древний волок. Здесь существовал мыт, и в конце XV в. с товарных судов взывскивалась пошлина ⁴⁶.

Впрочем, гораздо большее значение имела сухопутная дорога из Москвы до Смоленска, на которой стоял город Вязьма. Торговое значение города поддерживалось тем, что он стоял на перекрестке дорог, соединявших бассейны Днепра, Волги и Москвы-реки. Вязьму нельзя было миновать при движении на Москву, что придавало этому городу крупное экономическое и стратегическое значение.

⁴⁴ М. Семеновский. Торопец. Записки Русского геогр. об-ва, 1864, кн. 1, стр. 16—23.

⁴⁵ Устюжский летописный свод, стр. 103.

⁴⁶ Сборник Русского исторического общества, т. 35, стр. 9, 155. «А из Вязьмы велел дати Лютавару судно до Дорогобужа» (Посольские дела 1494 г., стр. 155); см. также С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 112.

До взятия Смоленска, т. е. до 1514 г., Вязьма была ключом к Москве, вследствие чего для ее защиты содержался крупный гарнизон. Но и после присоединения Смоленска этот город все еще оставался пограничным, ввиду опасности нападения польско-литовских войск. Поэтому Вязьма в XVI в. неизменно сохраняла значение большой крепости.

Из Вязьмы направлялись пути не только в Москву и Смоленск, но и в Путивль и Рыльск, «не замая Смоленска»⁴⁷.

Город состоял из крепости, стоявшей в излучине Вязьмы, там, где в нее впадает река Бебря. К крепости примыкал посад. В начале XVII в. деревянный город в Вязьме назывался острогом, «что острог по городищу». Внутри его стоял собор Николая Чудотворца. Вяземский посад отличался большими размерами. В конце XVI в. в нем насчитывалось 500 посадских дворов⁴⁸.

О значении Вязьмы как ремесленного и торгового центра говорят немногие, но в своей совокупности довольно яркие свидетельства источников. Из одного документа 1494 г. узнаем о поездках вяземских торговцев в Брянск, Рыльск, Путивль. Вяземские горожане («мещане») ездили в эти города «издавна торгом», не заезжая в Смоленск, «старою дорогою»⁴⁹.

Главными отпускными товарами Вязьмы были продукты сельского хозяйства. О торговле Вязьмы пенькой говорит Флетчер. Из одной грамоты известно, что вяземские купцы торговали в Смоленске мясными тушами, «привозя к городу мясо продавать»⁵⁰.

Для своей округи Вязьма представляла торговый центр, где можно было купить разные ткани, в том числе сукно, крашенину. Там же покупали выделанную кожу, например «5 баранов красных», опойку и пр.⁵¹

Вязьма славилась изготовлением саней, иногда роскошных, предназначенных для царских и боярских выездов. Такие сани вяземские, видимо принадлежавшие царевичу Ивану Ивановичу, были подарены после его смерти Иваном Грозным в Иосифо-Волоколамский монастырь. Сани были подбиты немецким алым бархатом, имели дуги и оглобли, сделанные из вяза. Застегивались они желтой полостью из кожи, подбитой материей. О вяземских санях упоминается и в других записях различных монастырей. Ценились они обычно дорого, иногда в крупную сумму от 8 гривен

⁴⁷ Сборник Русского исторического общества, т. 35, стр. 210.

⁴⁸ И. П. Виноградов. Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времен до XVII в. (включительно). М., 1890, стр. 120. По писцовым книгам 1594—1595 годов, «на посаде лутчих и середних и молотчих людей было в 3 сотнях 500 дворов» (см. также Акты писцового дела, т. I, № 227, стр. 465).

⁴⁹ Сборник Русского исторического общества, т. 35, стр. 258—261.

⁵⁰ И. П. Виноградов. Указ. соч., стр. 82.

⁵¹ РИБ, т. II, № 102, стр. 296, 302. Расходная книга Дорогобужского Болдина Троицкого монастыря.

до рубля, тогда как простые сани стоили всего 5 алтын (15 копеек) ⁵².

Из городов, находившихся между Вязьмой и Смоленском, крупнейшим был **Дорогобуж**. Он располагался по обеим сторонам Днепра. На левой стороне находилась крепость, именованная еще в XVIII в. «верхним замком» ⁵³. Это был небольшой город, впрочем, имевший некоторое торговое значение и связанный со Смоленском речным путем. В Дорогобуже стояли лавки, упомянутые в приходо-расходных книгах Дорогобужского Болдина монастыря. Среди городского населения названы ремесленники ⁵⁴. «На посаде» находился Архангельский монастырь. Некоторые дорогобужские посадские люди вели торговые операции по закупке и продаже пеньки. Монастырский казначей взял на таком посадском человеке наддачи семьдесят рублей «за пеньку», что скушали у крестьян ⁵⁵.

Вяземский уезд в конце XVI в. был одним из довольно густо заселенных. По приблизительным подсчетам приправочных книг, в нем находилось около 1500 (1496) селений с 5 тыс. дворами различного рода людей. Если принять во внимание, что приправочные книги дают неполные сведения и притом без города, мы смело можем считать, что общая цифра дворов в Вяземском уезде доходила до 6—7 тыс., вероятно, больше, чем меньше ⁵⁶.

Значительным торгово-ремесленным поселением Вяземского уезда был **Волочек**, две трети которого принадлежали в конце XVI столетия Богдану Бельскому. Селение стояло на Днепре, там, где проходил старинный торговый путь.

По итогам писцовой описи в Волочке насчитывалось 107 крестьянских дворов, 15 бобыльских и 53 лавки. Это было типичное торгово-ремесленное поселение наподобие какого-либо новгородского рядка.

Среди беспашенных людей, живших на земле Бельского, отмечены следующие ремесленники и промышленные люди: сыромятник (1), веретенники (2), портные мастера (8), пирожники (2), красильники (3), кузнецы (4), москотильник (1), плотники (2), скорняк (1), извозчик (1), гончар (1), рукавичники (3), бирич (1), шапочник (1), сапожники (3), зажигальник (1), хлебники (2), рыболов (1), седельник (1), конской мастер (1), масленник (1), игольник (1), бочарник (1).

В числе беспашенных людей Волочка отмечено 10 скоморохов, которые жили под защитой крупного боярина, подобном тому, как

⁵² С. В. Бахрушин. Указ. соч., т. 1, стр. 101—103.

⁵³ Историко-статическое описание Смоленской губернии. СПб., 1864, стр. 286.

⁵⁴ РИБ, т. XXVII, вып. 1, стр. 183 (о речном пути), 197 (о посаде) и сл.

⁵⁵ Там же, стр. 243.

⁵⁶ ПК, II, стр. 567. Писцовые книги Вяземского уезда.

мы это видели в тверских вотчинах Симеона Бекбулатовича. Среди беспашенных людей отмечены также «казаки», торговый человек и прасол.

В Волочке на земле Бельского располагался большой торг, где стояло 53 лавки.

Среди владельцев лавок оказываются 2 красильника, портные мастера, крестьяне.

Волочек на Днепре представляется торгово-ремесленным посадом, выросшим под защитой крупного вельможи. Это зародыш города, пока еще неукрепленного. Богдан Бельский создавал Волочек как новый посад, пользуясь своими иммунитетными правами и созывая на жительство в Волочке пришельцев из Вязьмы и Смоленска, как показывают прозвища некоторых беспашенных людей.

Писцовая книга добавляет такую интересную подробность о земле, приписанной к слободке Бельского: «Земля добра, а ныне та пашня не пахана, а владеют пашнею и луги волоцкие ж жильцы для животинных выпусков». Значит, жители Волочка уже потеряли связь с земледелием и оставляли пустой и невспаханной даже «добрую землю».

Совсем иной характер имела та треть Волочка, которая стояла на черной земле. На погосте стояли две церкви, поповские дворы и кельи нищих⁵⁷.

Крупнейшим вотчинником Дорогобужского уезда был **Герасимов Болдин монастырь**, основанный в 1528 г.

Житие Герасима Болдинского, написанное его учеником Антонием, впоследствии епископом Великой Перми (не позднее 1586 г., когда умер Антоний), приводит интересные детали об утверждении церковно-феодалного землевладения в Смоленском крае. По житию, в Дорогобужском уезде лежали непроходимые леса, овраги и болота, в которых водились во множестве, точно скот, звери и бесчисленные ядовитые змеи. Поблизости проходила «многочественная» дорога. Место, где поселился Герасим, было пустынным, «лес имый глаголемый Олшняг, на речке зовомой Бебрея». Раньше здесь было прибежище воров и разбойников, губителей и кровопийц⁵⁸.

⁵⁷ ЦГДА, Поместный приказ. ф. 4209, кн. № 619. Письма и меры Василия Вольнского с товарищи. В. Б. Павлов-Сильванский, сообщивший мне этот документ, отмечает, что в архиве книга датирована 1624—1625 гг., на самом же деле она относится к концу XVI в.

⁵⁸ ГИМ, Увар. собр., № 600. Сборник житий святых. В 1°, на 372 лл., полуставом XVII в., житие Герасима Болдинского, мая в 30 день, «списано бысть учеником его Антонием, иже бысть тоя же обители игумен, последи же бысть епискуп на Вологде Великия Перми». «Того же места облежаще многия непроходимые леса и дєбри и дрязги, в них же зверии аки скоту множество, бяше и змий ползущих ядовитых зело безчисленно множество. Бе же ту многочественна стезя людская, ею же мимоходяще и куцующе и шествоваху» (л. 173—173 об.). «Преже пришествия святого на место сие от начала миру не бысть в селе ни едино жителя мужа, но бяше

Однако указание жития на полную пустыннуюсть того места, где был основан монастырь, вызывает некоторое недоверие, так как из дальнейшего оказывается, что тут уже жили крестьяне. Они всячески сопротивлялись построению монастыря, предчувствуя, что их земли будут захвачены монахами.

Герасим водворился на новом месте и «начаша приходити к нему на сие место изо окрестных весей жители. Преподобный же с радостию принимаше их и благословяше их дворы ставити на вселении их окрест обители тоя Предтечевы; они же от многих стран собравшеся водворяхуся ту».

Позже Герасим ушел «в непроходимыя лесе, наче первых лесов, иже от многих обычай зватися Брынския лесе». Там он нашел место пустое и ненаселенное и от всех человеческих жилищ удаленное отовсюду, непроходимые и темные леса. Тут на реке Жиздре он поставил монастырь. На Днепре Герасим также поставил обитель Сверковы Луки.

РОСЛАВЛЬ И ЕГО ОКРУГА

Южную часть Смоленского края составлял Рославльский уезд, примыкавший на востоке к Заоцкому краю, на юге к Северщине. Широкая полоса лесов окружала уезд со всех сторон, создавая ему некоторую обособленность. Сведения об этом уезде очень отрывочны и неопределенны. С. Ф. Платонов только кратко отмечает значение Рославля как крепости с немалым количеством пушек, впрочем, почти без сопротивления сдавшейся полякам⁵⁹.

По своим природным условиям Рославльский уезд принадлежал и в середине XIX в. к числу лесистых и болотистых. В атласе 1745 г. его границы очерчены лесами, а на польской карте 1696 г. Рославль не показан вовсе, на его месте между Мстиславлем и Серенском отмечен лишь большой массив леса.

Город Рославль состоял из крепости (ostroга) и посада. Oстрог помещался на Городище⁶⁰, месте старинной крепости, и был построен из дерева, как об этом говорит Маскевич. Размерыostroга едва ли были значительными. Впрочем, о них можно судить по остаткам земляных валов. В городе сохранились остатки двух земляных укреплений — Бурцева гора (название не древнее) в самом городе и Сотниково городище — на другой стороне речки Становой⁶¹. Возможно, что это как раз то Городище, на котором был построен острог 1612 г.

пусто, лес имый глаголемый Олшняг, на речке зовомой Бебрея. Угодно бысть преже место то слугам сатанийским, прибежище татем и разбойником, губителем и кровопивцем» (л. 194 об.).

⁵⁹ С. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 57.

⁶⁰ «Чтения ОИДР», 1916, кн. 2. Масловский архив, стр. 79—81. Грамота 1612 г. об устройстве в Рославлеostroга.

⁶¹ Россия, т. IX, стр. 511—512.

О населенности города судить очень трудно. В конце XVI в. посадская община в Рославле возглавлялась посадским старостой; известно о существовании посадской пашни и выгона, но нет никакого основания предполагать существование в Рославле сколько-нибудь большого и деятельного городского населения, хотя и упоминается о торговых рядах.

По-видимому, основное население Рославля состояло не из посадских, а из ратных людей: из дворян, живших в городе или имевших в нем осадные дворы, стрельцов и казаков. Последних в конце XVI в. насчитывалось, по одним сведениям, 200, по другим — 300 человек. Посад непосредственно примыкал к речке Гузомойке (в XVIII в. она была переименована в Глазмойку). Несмотря на небольшие размеры города, в нем паходилось шесть церквей и монастырь. Одна из церквей в конце века была отдана стрельцам и казакам⁶². Река Гузомойка была запружена и образовывала пруд или несколько прудов, на которых стояли мельницы.

Торговля в Рославле, по-видимому, ограничивалась местными товарами: продавали и покупали хлеб, соль, мясо, рыбу, дмотканные «сермяжные» сукна и холсты. Особенностью торговли был литовский денежный счет на пенези. В Рославле сидел наместник⁶³.

---

⁶² «Чтения ОИДР», 1916, кн. 2. Масловский архив, стр. 47. Соборной была церковь Успения, остальные — Благовещенья, Ильи Пророка, Николы Чудотворца, Воскресения Христова, Пятницы, Афанасия. Монастырь назывался Спасским.

⁶³ Акты Юшкова, стр. 241—242.

ЮЖНЫЕ ОБЛАСТИ РОССИИ

Глава XVII

ЗАОЦКО-БРЯНСКИЙ КРАЙ

ОБЩИЙ ОБЗОР

Река Ока в своем верховье делает резкие повороты. Первоначально она течет с юга на север, но после впадения в нее Угры резко поворачивает на восток. По верховьям Оки, точнее, по ее левым притокам, располагался Заоцкий край.

Ока долгое время служила границей между Россией и Литовским великим княжеством, в силу чего для москвичей города, лежащие к западу от Оки, были «заоцкими»; их иногда называли также «верховыми», в данном случае имея в виду верховье Оки. Для Литовского княжества Заоцкий край представлял дальнюю область на его восточной границе, где территория Литовского великого княжества близко подходила к Рязанской земле и кое-где с ней граничила. К Заоцкому краю примыкала старинная Северская земля, а между ними как бы вклинивался Брянский уезд, который по своим природным условиям напоминал Заоцкий край, а историческими судьбами был связан с Северской землей.

Сравнительно небольшой по территории Заоцко-Брянский край представлял собой лесную холмистую страну, перерезанную множеством мелких рек. Леса и болота служили своего рода естественными рубежами, которые отделяли одно верховое княжество от другого. Эти рубежи позволяли верховым княжествам удачно отставаться от набегов золотоордынских и крымских татар, так как татары предпочитали во время своих набегов открытые пространства и боялись естественных препятствий в виде лесов, болот, речек и пр.

В XV в. в Заоцкой земле еще существовали мелкие княжеские уделы. От их владельцев ведут свое происхождение многие княжеские роды, окружавшие царский двор в XVI—XVII столетиях. Это князья Одоевские, Воротынские, Мосальские, Мезецкие и другие. Гордые и беспокойные представители этих родов держали в своих руках мелкие, ничтожные владения. Например, город Мосальск отстоит от Мезецка, или Мещовска, всего на 25 км. Однако и Мосальск, и Мещовск, как и соседний Воротынск, представляли собой центры особых княжеств. В списке русских городов конца XIV в. в верховьях Оки указано большое количество городов не потому, что эта земля была особенно густо заселена, а потому, что здесь мелкие феодальные властители еще долго сохраняли свои уделы в качестве вассалов великого князя литовского, который сквозь пальцы смотрел на существование в Заоцком крае князьков, оберегавших западную окраину Литовского великого княжества от неприятелей. Существование здесь большого числа городков объясняется и другой особенностью края. Население в случае опасности от татар скрывалось за стенами укрепленных городков. Это объясняет, по какой причине городища Заоцкого края отличаются исключительно большими размерами. Например, ничтожный Серпейск (Серенск) был окружен высоким валом, городище Мещовска стоит на высокой горе и пр.

Владельцами заоцких городков были разбогатевшие потомки удельных князей, иногда не умевших даже доказать свое родословие от Рюриковичей. Можно предположить, что среди заоцких князьков были и такие, которые только впоследствии начали выводить свою родословную от черниговских князей, а сами были потомками вокняжившихся бояр. Так, князья Мышецкие не могли указать в своей родословной, которую они представили в XVII в. в Разряд, от кого они произошли¹. Они ссылались на область Мышагу, которая им принадлежала, но доказать свою принадлежность к Рюриковичам не были в состоянии. В иных княжеских родословных имеются такие пробелы, которые трудно было заполнить даже в XVII в. Очевидно, перед нами очень любопытное явление: вокняжение бояр, т. е. присвоение титула князей простыми боярами, вовсе не являвшимися потомками Рюриковичей, — явление характерное и противоречащее обычному представлению, будто бы все удельные князья в России являлись потомками Рюриковичей, в отличие от Франции или Германии, где герцогские и графские титулы захватывали крупные бароны.

Примыкавший к заоцким городам с юга Брянский край по своим географическим особенностям во многом напоминает земли верховых княжеств. Река Десна в своем верхнем течении прорезывает Брянский край с севера на юг, соединяя его с Северщиной.

¹ Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, стр. 410—412.

Глухие леса и болота служат как бы границей между Северной землей и Брянским краем.

История Брянского края принадлежит к числу самых неясных и до сих пор полностью не прочитанных страниц нашего прошлого. О Брянске в XVI столетии, как и об его волостях, известно крайне мало. Только разрядные книги упоминают Брянск как место, где с войсками стояли воеводы.

В целом заоцкие и брянские места можно изучать как особый Заоцко-Брянский край.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

О характере хозяйства в Заоцко-Брянском крае можно судить по выписи из писцовых книг о вотчинах Брянского Свенского монастыря, относящихся к 1595 г. Прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что поселения в Брянском уезде отличались большими размерами. Из 25 сел, деревень и починков Свенского монастыря только 4 насчитывали менее 10 дворов, 10 селений имели от 10 до 20 дворов, 5 селений — от 20 до 50, 5 селений — даже свыше 50 дворов каждое. Таким образом, для этого района было характерно расселение поселками со значительным количеством дворов.

В селах стояли церкви и при них церковные дворы, а иногда кельи для нищих, они «питаютца от церкви божию». В селе Супоневе находились две церкви, одна из них «на каменное дело». В селе Елисеевичах в верховье реки Рудки стояла церковь «древяна вверх на каменое дело», т. е. шатровое сооружение, поставленное по образцу каменной церкви. Замечательной особенностью селений, перечисленных в писцовой выписи владений Свенского монастыря, было большое количество мельниц. У Супонева стояла «мельница неметцкая», а в ней два колеса, «на другой речке две меленки колотовки крестьянские», у деревни Кигановой — 3 «меленки колотовки». Такие же мельницы «колотовки» показаны по одной, по две, по три при других селениях.

В селах и деревнях Свенского монастыря встречаемся еще с одним замечательным явлением — существованием в них трех разрядов дворов: служных, крестьянских и беспашенных, или непашенных. В беспашенных дворах жили по преимуществу ремесленники или пастухи, монастырские детеныши, новоприходцы, только что осевшие на землю и обзаводившиеся хозяйством.

Количество служных дворов было незначительно (от 1 до 5), но они существовали почти во всех больших селениях. Их отличали от монастырских дворов, в которых, по-видимому, жили посельский старец и монастырские детеныши. Во владениях Свенского монастыря пашия часто обозначалась сводным термином: «пашия паханые монастырские и служни и крестьянские и наездные»; такое же общее обозначение применялось и к санным покосам.

Детеныши пахали землю на монастырь. В пригородном селе Супоневе размеры монастырской пашни легко сравнить с размерами крестьянской. Всей монастырской, крестьянской и служней пашни в Супоневе считалось 180 четей, а монастырские детеныши пахали около 60 четей. Значит, в Брянском уезде «боярская» запашка получила уже большое развитие². В числе монастырских слуг, как мы знаем, были и военные люди.

В некоторых районах края прочно утвердилось трехполье. В относительно плодородном Мещовском уезде земля указывается в трех полях³. В Белевском уезде пашня также отмечается в трех полях: «пашни 30 четвертей в поле а в дву потому ж». Помимо пашни всюду указываются луга и пашенные леса, а вместе с ними крупные лесные массивы, не перешедшие еще в боярское или церковное владение: «а стоит та деревня под болшим лесом под черным»⁴.

Тот же характер сельское хозяйство имело и в других районах Заозко-Брянского края с той разницей, что в Новосильском уезде земля чаще оценивалась «добррой». И здесь деревни нередко стояли «под большим под черным лесом»⁵. Даже в конце XVI столетия Заозко-Брянский край являл картину больших земельных просторов. Про одну деревню Спасского монастыря в Белевском уезде, например, говорится, что она стояла «под большим под черным лесом». К другой пустоши того же монастыря было приписано пашенного леса «в длину на версту, а поперек на полверсты», иными словами, леса здесь еще измерялись верстами, где больше, где меньше («инде болши, а инде менши»).

Бортные ухажай и рыбные угодья в этом крае еще имели большое хозяйственное значение. Спасский монастырь в Белеве владел «рыбною ловлею и с перевозом и в бобровыми гоны и с озеры и истоки на реке Оке». Бортники ставили свои «знамена» в бортных лесах: две палицы, знамя шелом, знамя соха и т. д. Бортники платили медовый оброк, причем указывался примерно тот район, который относился к их бортичеству.

Спасский монастырь в Белеве владел деревнями в Погорельском, Рутцком и Вырском станах, всего 1 сельцом, 4 деревнями с 49 крестьянскими и 3 бобыльскими дворами. Впрочем, эти сведения о владениях Спасского монастыря записаны после татарских набегов, когда многие деревни были разорены крымскими хищниками: «а запустели те деревни лет з 30 от крымских тотар войны»⁶.

Крестьяне, сажившиеся на пустые или опустевшие земли, получали обычно льготу на несколько лет. В Белевском уезде, разорен-

² С. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи. «Чтения ОИДР», 1902, кн. 2, стр. 91—96.

³ АИ, т. I, № 180, стр. 343.

⁴ С. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи. «Чтения ОИДР», 1902, кн. 2, стр. 80—81.

⁵ Там же, стр. 170—172, 179—180.

⁶ Там же, стр. 91—95, 100—101. Выписи из писцовых книг 1584—1585 гг.

ном людьми князя Вишневецкого, игумен Спасского Белевского монастыря получил право «призывать жити людей крестьян». Крестьяне должны были поставить и огородить дворы, распахать пашни. Зато в течение четырех лет они были освобождены от уплаты всяких податей⁷.

Замечательной особенностью брянских деревень было существование в них большого количества беспашенных дворов. По суммарному подсчету, на 525 крестьянских дворов приходилось до 100 непашенных.

Глухие непроходимые леса стояли сплошной стеной в некоторых районах Заозко-Брянского края. Это были знаменитые «брянские леса». О дороге через них упоминается в деле 1517—1523 гг.: «через Брянский лес до Брыни»⁸.

В целом Заозко-Брянский край представляется районом, где крестьяне жили еще в относительной льготе, где сохранялись бортные, рыбные и другие угодья, к которым имели доступ крестьяне. В одном любопытном документе конца XVI в. о межах Свенского монастыря с соседними вотчинниками, в частности с князьями Трубецкими, читаем о разделении угодий между земельными со-владельцами. Оба берега реки Севи принадлежали монастырю, крестьяне села Негинского, принадлежавшего Трубецким, не имели права гнать здесь бобров и ловить в реке рыбу неводом и сетью, но могли «всякою ловлею кормиться проездом». На реке Нерусе по берегам располагались «перевесья и хмель и всякое угодье монастырских крестьян»⁹.

В конце XVI в. земли Брянского уезда во многом еще были пустынными и привлекали к себе значительное количество приходцев. Некоторые селения ставились заново. Такова была деревня Павловичи Верхние: «стал ново в 98-м году на бортном монастырском ухожью», т. е. деревня поставлена была в 1590 г.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

В Заозко-Брянском крае еще долгое время сохранялись остатки прежних княжеских вотчин. Об этом говорят некоторые документы XVI в. Одним из небольших верховых княжеств было княжество Перемышльское, перешедшее под власть московских великих князей еще в 1494 г. В середине XVI столетия князь Александр Иванович Перемышльский, уже сделавшийся московским служебным князем, оказывается владельцем слободок на реке Жиздре, которые он дарит в один монастырь.

⁷ С. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи. «Чтения ОИДР», 1902, кн. 2, стр. 100—101.

⁸ АИ, т. I, № 124, стр. 18.

⁹ С. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи. «Чтения ОИДР», 1902, кн. 2, № 47, стр. 182—200.

Еще интересное сведения о князьях Мосальских, бежавших в Литовское великое княжество. Князь Мосальский, один из самых ярых сторонников Самозванца, добивался восстановления его в правах владельца «городком Мосальском с посадом и с уездом»¹⁰.

Старые удельные традиции были живы на территории бывших верховых княжеств еще в первых двух десятилетиях XVI в., как показывает любопытная грамота 1520 г. Из нее выясняется, что «козличи и воротынцы имали в Месческом по великого князя велению» какую-то «рухлядь». Взыскание этого имущества («рухляди») сопровождалось различного рода насильственными действиями и грабежом, вплоть до ограбления церквей. Дело было настолько громкое, что впоследствии им заинтересовался Иван Грозный, взявший к себе ящик, в котором хранились документы: «списки козличом, брань с Мещаны, имали козличи за свое»¹¹.

Значительное развитие в Заозко-Брянском крае получило монастырское землевладение, о котором говорилось уже выше.

В целом же Заозко-Брянский край был краем поместного землевладения. По платежной книге Медынского уезда 1586 г., владения были здесь очень дробные. Например, за Андреем Александровым числилось половина сельца, 3 с половиной деревни и починок, за Иваном Колычевым — 2 пустоши без трети и т. д. Однако размеры территорий, отданных в поместье, были достаточно обширными. Федору Мерчукову принадлежала «пустошь, что было сельцо Шеволево с пустошью, а в них пашни и перелогом поросло доброю землею 302 четверти»¹².

В книгах раздачи наград отличившимся в войне против Самозванца названо более 50 «брянчан», детей боярских. Все это малоизвестные служилые люди¹³.

ГОРОДА

Заозко-Брянский край изобилует городами, но все это были незначительные крепости, почти без посадов или с малым числом посадских людей. В замечательной таблице городского населения России в XVI в., составленной П. П. Смирновым, графа для обозначения дворов в заозко-брянских городах оставлена пустой.

Только о **Воротынске** имеются и притом противоречивые сведения. По сотной 1591 г., в нем числилось 56 живущих дворов, по дозорным же книгам 1614 г., кроме 28 посадских живущих дворов в Воротынске указывалось 142 посадских черных дворовых места с добавлением: «и тех пустых дворов и мест дворовых посацких

¹⁰ С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века, стр. 204.

¹¹ РИБ, т. II, № 34, стр. 35—38.

¹² ПК, II, стр. 824.

¹³ Акты Московского государства, т. I, СПб., 1890, стр. 66—67.

людей побили польские и литовские люди, а иных поимали в полон з жонами и з детми татарове в розних годах ото 116 по 123-й год»¹⁴. Значит, временем разорения Воротынского был период между 1608 и 1615 гг. Во всяком случае город Воротынск рисуется поселением незначительным.

Случайное известие сообщает, что и в Карачеве находилась не только крепость, но и посад¹⁵. В Белеве Спасский монастырь также стоял на посаде. В 1616 г. в Одоеве существовала «черная слобода»¹⁶.

Оставляя более глубокое обозрение заозко-брянских городов до другого и более счастливого исследователя, дадим только их названия: Калуга, Лихвин, Белев, Болхов, Карачев, Новосиль, Одоев, Мещовск (Мезецк), Мосальск, Серпейск, Козельск, Перемышль. Свидетелями прошлого этих городов являются старые валы и каменные церкви (в Перемышле), но большими подробностями мы пока не обладаем, да и вряд ли они сильно изменят представление о заозких городах как о небольших военных крепостях¹⁷.

Например, известно, что посад в Болхове был незначительным, как об этом можно судить по выписке из писцовой книги Болхова 1596 г. И здесь существовали беломестные слободки, владельцами которых были не только монастыри, но и просто дети боярские. Слободка сына боярского Владимира Колонтаева стояла за рекой Нугри. В ней числилось всего 10 дворов посадских людей. После крестьянской войны «в смутное время» Колонтаев завладел этими дворами. Их отобрали у него только в начале XVII в. при Михаиле Федоровиче. Возможность захвата такой слободки сыном боярским объясняется определенной слабостью посада¹⁸.

Крупнейшими городами края были **Брянск** и **Калуга**. К сожалению, о самом Брянске почти ничего не известно, хотя он принадлежит к числу больших центров. О развитии ремесла в Брянске говорит выписка о дворах пригородного села Супонева, в 3 верстах от Брянска. Село наполовину состояло из непашенных дворов. Из общего количества 57 дворов (вместе с кельями нищих) в нем насчитывалось 23 крестьянских двора и 20 непашенных дворов. Непашенные дворы были заселены различного рода ремесленниками: плотниками (3), кузнецами (2), портными (2), сапожниками (2). Жили здесь также красильник, гончар, каменщик, прудник (вероятно, специалист по устройству плотин на прудах).

¹⁴ П. П. Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII в., вып. 2, стр. 41, примечание 51.

¹⁵ Акты Юшкова, стр. 113—114.

¹⁶ П. П. Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII в., вып. 1, стр. 39.

¹⁷ Древний город Козельск, прославленный своим геройским сопротивлением полчищам Батая, сохранил в XVIII в. «с двух сторон натуральной вал, а с двух сторон сухой ров» (Описание Калужского наместничества. Описания и алфавит к Калужскому атласу, ч. 1).

¹⁸ П. П. Смирнов. Посадские люди, стр. 165—166.

В непосредственной близости от Брянска, в 3 км от него, стоял **Свенский** монастырь (Свинский). Свое название он получил от реки Свинь, или Свень, впадающей в Десну напротив монастыря. Начало монастыря, по преданию, относят к 1288 г. В XVI в. монастырь владел большими имуществами и отличался хорошей застройкой. В 1567 г. в нем были построены каменный собор и церковь. Для собора еще при начале его строительства князь Иван Федорович Мстиславский подарил три железных двери¹⁹.

Свенскому монастырю в Брянском уезде принадлежали большие владения, о которых дает представление выпись из писцовых книг 1595 г. Кроме монастырской слободки в самом городе Брянске, монастырю принадлежало несколько сел, починков и деревень в разных волостях. Общее количество дворов достигало 670²⁰.

В самом Брянске на посаде Свенскому монастырю принадлежали дворы, составлявшие под Петровской горой у Десны отдельную слободку, всего 4 двора, где жили дворник, портной и 2 овчинника. Дворник жил в монастырском дворе с огородом. Особо стоял двор монастырского попа. В крепости («во Брянске внутри городе») стояли теплая церковь и осадный двор, где жили старец и служебник.

КАЛУГА

Наиболее значительным городом Заозко-Брянского края, да и то таким, который может быть отнесен к заозким городам только условно, была Калуга.

Город стоял на Оке, ниже впадения в Оку реки Угры, т. е. в близости от того места, где Ока круто поворачивает на восток. Хлебные запасы из Северной земли и с верховьев Оки везли до Калуги на речных судах, загружавшихся в Орле. В свою очередь также на речных судах доставлялись различные запасы из Калуги в Орел²¹.

Во второй половине XVI в. судоходство по Оке обычно начиналось от Калуги. «В Калуге было много лодок с солью и барок», — пишет Масса в начале XVII в.²²

Размеры речных перевозок бывали иногда значительными. Москвичи — торговые люди в самом начале XVII в. возили соль из Тетюш в Калугу на речных судах. Для погрузки и разгрузки соли было нанято 90 «судовых ярыжных казаков». Казаки нанялись ехать до Тетюш, где была закуплена соль, а оттуда на перм-

¹⁹ Иерофей. Брянский Свенский Успенский монастырь Орловской епархии. М., 1866.

²⁰ С. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи. «Чтения ОИДР», 1902, кн. 2, стр. 182—200.

²¹ Акты писцового дела, т. I, № 3, стр. 7—9.

²² Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937, стр. 169.

ской ладье везти ее до Калуги. Большое количество ярыжных казаков на судах, нанятых для провоза соли, объясняется тем, что они были и грузчиками и бурлаками. Путешествие от Тетюш, от Сивкова зимовья, до Калуги было длительным и сопровождалось разными случайностями. В данном случае казаки самовольно бросили суда предпринимателей в Нижнем Новгороде, но нельзя забывать, что дело происходило в смутном 1606 г.²³

Калуга в XVI столетии была видным центром деревообделочного мастерства. Уже Герберштейн в качестве особого занятия жителей Калуги отмечает изготовление различного рода деревянных изделий: «Там выделываются искусно вырезанные деревянные кубки и другие вещи из дерева, имеющие отношение к домашнему хозяйству»²⁴. Действительно, в описях XVI в. упоминаются калужские братины и блюда, а монастырские приходо-расходные книги знают «калужские ставцы» — глубокие блюда, подаваемые на обедах.

По дозору 1617 г., после всех разорений, которые претерпела Калуга во время польской интервенции, в Калуге оказалось 233 тяглых двора посадских людей и 155 дворов вдов и бобылей, не считая 266 дворов пустых. По мнению П. П. Смирнова, в Калуге XVI столетия насчитывалось более 700 тяглых дворов²⁵.

По-видимому, в XVI в. Калуга была, подобно Рязани, Коломне и Туле, городом с преобладающим беломестным населением. В 1613 г. посадские люди — калужане ссылались на то, что при царе Федоре Ивановиче (дана, однако, дата 1604 г.) в Калуге проводилось посадское строение: «збирали на посад оброчных людей из дворцовых сел, и из-за монастырей, и с княженецких и з боярских дворов дворников, и из-за попов бобылей»²⁶. Следовательно, посадское население Калуги в конце XVI в. пришлось спешно пополнять дворниками и крестьянами, сидевшими на белых местах и тем самым избегавших тягла.

---

²³ «Нижегородские губернские ведомости», 1848, № 11.

²⁴ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 108.

²⁵ П. П. Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII в., вып. 2, стр. 32, 41.

²⁶ Акты писцового дела, т. I, № 3, стр. 7—8; вместо Федора Ивановича, вероятно, надо читать Бориса Федоровича.

Глава XVIII

ТУЛЬСКИЙ КРАЙ

ОБЩИЙ ОБЗОР

К югу от реки Оки расстились обширные пространства лесостепи, переходившие постепенно в «дикое поле», как русские люди образно называли степь. Нигде поступательное движение русской колонизации, осваивавшей пустые земли, не было так заметно, как здесь. Еще в первой половине XVI в. земли к югу от Оки, за исключением Заозьского края и Северской земли, были населены крайне слабо. Во второй половине и особенно к концу этого столетия здесь появляются новые города; русские поселения доходят до Дона и спускаются вниз по Дону до Азова.

Сказания и документы XVI в. называют южную окраину России «украиной», а к находящимся здесь городам применяют названия «украинных городов», городов «от поля», «польских городов». Эти названия нередко употребляются и в наших исторических работах, но они неудобны, так как название «польские города» можно спутать с городами Польши, а термин «украинные» земли — с Украиной. Поэтому удобнее говорить о южнорусской окраине, включая в нее и Северский край, но рассматривая его отдельно.

Общие исторические судьбы связывали все эти области России. Они выступают перед нами вместе в борьбе с крымскими хищниками, а также во время великого кризиса начала XVII в. В период крестьянской войны южнорусская окраина была основной базой для отрядов Болотникова.

Еще в первой половине XVI в. основная линия обороны России от крымских набегов проходила по Оке. Здесь «по берегу» стояли крупные военные силы с большими воеводами во главе. Тула была передовой крепостью. Во второй половине XVI столетия линия обороны все более спускается к югу, и Тульский край становится уже областью, прикрытой со стороны дикого поля сторожевыми отрядами и новыми городками. В эту эпоху уже можно

говорить об особом Тульском крае. Границы Тульского края устанавливаются условно. На западе он примыкал к Заозко-Брянскому краю, на востоке к Рязанской земле. Венев и Донков, считавшиеся раньше рязанскими городами, во второй половине XVI в. можно уже причислить к Тульскому краю. На юге границы края терялись в диком поле, о заселении которого будет сказано в особой главе.

Широкая лесная полоса отделяла Тульский край от дикого поля, от лесостепи. Эта лесная полоса, частично сохранившаяся до нашего времени под старым названием «засеки», вероятно, с давнего времени служила южной границей русских поселений. За ее пределы заходили только отдельные селения, расположенные по течению рек, вдоль которых росли прибрежные рощи и леса.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

По своим природным особенностям Тульский край почти целиком принадлежал к лесостепной черноземной полосе. Поэтому в его хозяйстве заметно явно преобладание земледелия. Писцовые книги, как правило, оценивали отведенную под пашню землю «доброй». В одном Заупском стане, по писцовой книге 1589 г., показано «пашни паханные добрые земли 5190 четей». Избыток земли был настолько большим, что значительная ее часть пустовала, оставаясь диким полем. Невелики были и размеры запашки в поместьях и вотчинах. Вспаханная земля измерялась несколькими десятками четей даже в крупных землевладениях¹.

Основными хлебами были рожь и овес.

Тульские и Орловские книги рисуют перед нами картину вновь осваиваемого края (см. стр. 424—426), сельскохозяйственные черты которого хорошо обрисованы П. П. Смирновым. Земли центральной черноземной полосы в это время жили натуральным хозяйством и не вывозили хлеб, как это они стали делать позднее.

Земли в Тульском уезде еще только осваивались, и этим объясняется существование в уезде большого количества починков.

В Тульском уезде преобладало поместное землевладение. Г. М. Белоцерковский дает диаграмму, из которой видно, что 80% всех земельных владений в Тульском уезде принадлежали помещикам². Эта цифра, конечно, условная, так как писцовые книги не дают возможности провести точную статистическую обработку, но она близка к действительности, поскольку речь идет о владениях, описанных в книгах.

¹ ПК, II, стр. 1097—1260.

² Г. М. Белоцерковский. Тула и Тульский уезд в XVI—XVII вв. Киев, 1915, стр. 79—97. Таблицы и алфавиты.

Тульскими помещиками были по преимуществу дворяне и дети боярские, жившие целыми родами: Арсеньевы, Вельяминовы, Елагины, Ивашкины, Крюковы, Сухотины, Созоновы. Дворяне, за исключением Созоновых, редко обладали поместьями более чем в 100 четей. Выделялись только две княжеские фамилии: князь Великопермский и князя Волконские. Различным представителям рода Волконских принадлежало более 600 четей земли, находившейся в поместном владении. Имения Волконских помещались в Зауспском стане.

Поместное землевладение было в Тульском уезде довольно устойчивым, и о многих земельных участках сказано: «отца его поместье», «старое его поместье» и пр. Волконские поселились в Тульском крае с давнего времени. Летописцы сообщают о посылке князей Волконских с детьми боярскими против крымских татар, грабивших Тульский край, еще в 1517 г.³

Монастырское и вотчинное землевладение даже и к концу XVI в. было в Тульском уезде в зародыше. По подсчетам Белоцерковского, вотчинные земли составляли 5% всех земельных владений, а монастырские (церковные) — 2% с лишним. Крупнейшими вотчинниками были те же князья Волконские. Их вотчины были выделены в писцовых книгах особым обозначением: «в Колоденском же стане вотчины Волконских князей». Им принадлежало село Супрута на реке Упе с деревнями, полсельца Беликова, село Пирютинское, Тегнинское тож⁴. Крупнейшим церковным вотчинником был Никольский Веневский монастырь на реке Осетре, с двумя деревянными церквями, одна из которых, «брусаяная», была построена «на каменное дело»⁵. Монастырю принадлежало село Бортники с деревнями на реке Осетре.

В Тульском крае особое развитие получил холопский труд. По подсчетам Белоцерковского, из общего числа сельского населения Тульского уезда в конце XVI в. крестьяне составляли 45%, холопы — 30%, бобыли — 16%.

Поселение в Тульском уезде обычно состояло из двора помещика, людских и крестьянских дворов. Иногда дворы людские и крестьянские в писцовых книгах соединяются вместе. В селе Супрута, вотчине князей Волконских, стояли двор вотчинника, 7 людских дворов, 6 крестьянских и 4 бобыльских двора.

Сильное развитие холопского («людского») труда в помещичьих и вотчинных землях Тульского края объясняет нам те причины, по которым Тула в начале XVII в. сделалась центром восстания Болотникова. Именно здесь особенно накопилась классовая ненависть холопов и крестьян против дворян.

³ ПСРЛ, т. XXVI, стр. 306.

⁴ ПК, II, стр. 1200—1202.

⁵ Там же, стр. 1209. Веневский монастырь был одним из древнейших и существовал уже в XV столетии.

ТУЛА

Крупнейшим русским городом на границе дикого поля была Тула. Здесь еще в начале XVI в. был построен крепкий каменный кремль, строительство которого завершилось в 1521 г. («того же лета совершиша на Туле град камен») ⁶. Стены кремля сложены из тесаного камня и кирпича. Вместе с 9 башнями они имеют окружность в 486 сажен.

Тульский кремль был в сущности самой крупной крепостью к югу от Оки. В 1552 г. под его стенами развернулись большие военные события, так как турецкий султан и крымский хан сделали диверсию, чтобы отвлечь русские военные силы от Казани. По летописным известиям, в войске крымского хана Девлет-Гирея находились янычары, прибывшие к городу вместе с артиллерией. 22 июня в среду неприятели подошли к Туле и целый день стреляли из пушек по городским стенам, посылая огненные ядра. Янычары пошли на приступ, но были отбиты. Подоспевшее подкрепление заставило неприятелей отступить от города как раз тогда, когда турки собирались сделать новый приступ. И увидели со стен городских, пишет летописец, большую пыль, поднимающуюся к небесам, от воинства великого князя. И воскликнули люди в городе многими голосами, что это приближается царь наш православный. И все устремились на безбожных и вышли из города не только воеводы и воины, но и все мужи и жены, воспринявшие мужскую храбрость, и юные дети, и многих татар под городом побии.

Крымский хан бежал вместе с янычарами, бросив на произвол судьбы артиллерию, ядра, порох и стрелы, привезенные «на разорение градное» ⁷.

Тульский кремль стоит на невысоком пригорке у берегов реки Упы ⁸. Это низменное положение кремля позволило царю Василию Шуйскому, осаждавшему Тулу, защищаемую Болотниковым, по совету одного сына боярского запрудить Упу. Запруженная река затопила низменное пространство кремля.

В кремле стояла соборная церковь архистратига Гавриила, построенная «ша каменное дело», и другая, теплая, церковь. Характерно, что во всей Туле XVI в. не было ни одной каменной церкви, хотя и существовала обширная каменная крепость.

В кремле находилось 114 дворов, принадлежавших тульским дворянам и детям боярским. В большинстве это были осадные дворы; только в 13 дворах жили сами их владельцы. В кремле стояли

⁶ ПСРЛ, т. XX, стр. 401.

⁷ Там же, стр. 504

⁸ В 1509 г. «поставиша град деревян на Туле, а на пятое лето поставиша град камен». По И. Афремову (Историческое обозрение Тульской губернии, ч. 1, М., 1850, стр. 128—130), Тула в 1509 г. была обнесена дубовой стеной, острогом. Стена шла кругом города на 1322 сажени, т. е. имела в окружности почти 1½ версты, имела 14 башен. Внутри ее в 1514 г. был основан каменный город.

также дворы наместника, владыки и государев двор. Можно предполагать, что тут же помещались дворы приказных людей, о которых ничего не сказано в писцовой книге. Кроме того, в каменном городе располагались «клетки осадные пушкарей и затинщиков и ямских охотников и черных посадских людей», в том числе клеть государева, «кладут в нее казну».

Тула находилась под постоянной угрозой татарских нападений. Поэтому в крепости стояли лавки, по-видимому, пустые в обычное время; о владельцах их в писцовых книгах помечено: «прибегает в тотарщину». Весь кремль был заполнен осадными дворами различных владельцев, больше всего тульских дворян и детей боярских.

К городу примыкал посад, который был окружен деревянной стеной, разобранный в 1730 г., общей протяженностью в 1071 сажень. К этой стене примыкало другое укрепление — земляной город, или «завитай»⁹. Посад был заселен дворниками тульских дворян и детей боярских. Таких осадных дворов на посаде насчитывалось не менее 168¹⁰. Значит, посад представлял собой острог, окруженный деревянными стенами с башнями и воротами¹¹. К сожалению, писцовые книги по Туле 1587—1589 гг. сохранили сведения только о дворах тульских служилых людей. Поэтому представление о Туле как городском центре приходится строить на основании тех сведений, которые писцовая книга сообщает о поселении, занятом в тульских промыслах и торгах.

Часть тульского посада носила название Никитского конца. Таким образом, и на юге России слово «конец» употреблялось для обозначения одного из городских кварталов. На посаде стояло несколько деревянных церквей; среди них были и построенные «на каменное дело», т. е. по образцу каменных храмов. В Никитском конце находился Предтеченский монастырь с двумя деревянными церквями. Вокруг монастыря была устроена ограда, внутри которой стояли келья игумена, двух священников, дьякона и 13 монахов. При монастыре находилась слободка, «а в ней живут Предтеченского монастыря крестьяне пашенные и торговые». На старом городище, при устье речки Тулицы, было отмерено место под вновь сооружаемый девичий монастырь. На реке Уле стояла оброчная мельница двух тульских торговых людей.

Основную массу городского населения составляли дворники. По подсчетам Чечулина, их насчитывалось «не менее 325 человек». Кроме того, можно насчитать 15 человек крестьян, имевших в Туле

⁹ Памятники Тульской губернии. СПб., 1851, стр. 32—33.

¹⁰ Все подсчеты даны по книге Н. Д. Чечулина «Города Московского государства в XVI веке», стр. 258 и далее. Подсчеты в специальном исследовании Г. М. Белоцерковского «Тула и Тульский уезд в XVI и XVII вв.» при всей их скрупулезности составлены так, что ими трудно пользоваться. Автор заботился больше о видимости эрудиции, чем о настоящем изучении предмета. Он не потрудился даже изучить подлинную писцовую книгу по Туле.

¹¹ В писцовых книгах названы «Острожные Никитские ворота»

осадные дворы. Вторую большую группу тульского населения составляли ратные люди по прибору. Писцовые книги называют 49 стрельцов, 48 затинщиков, 22 пушкаря, 16 воротников. К ним надо добавить еще стрельца, пушкаря и затинщика, живших дворниками на дворянских осадных дворах, всего 138 ратных людей по прибору. К ним же надо причислить также рассыльчиков (8), ящичиков (28), казенных кузнецов (2), кирпичников (16), плотников (10).

Третью большую группу населения составляли собственно посадские люди в количестве 97 человек. За ними следуют духовенство и церковные причетники. Приходского духовенства насчитывалось 50 человек, монахов 17 человек. В 32 кельях жили нищие, а на монастырских землях крестьяне (61 человек). В писцовых книгах отмечены также 14 дворян и детей боярских, живших в своих дворах. Таким образом, по писцовым книгам можно насчитать примерно до 800 взрослых мужчин, живших в Туле¹².

Белоцерковский насчитывает 882 человека, да 86 человек духовенства, стало быть, всего 968 человек¹³, повышая количество дворников до 375. Однако цифра населения Тулы, приведенная Белоцерковским, явно неполная и неточная. Так, в нее не включены черкасы, жившие особой слободой. Кроме того, нет никакой гарантии, что все население Тулы отмечено в писцовых книгах в качестве дворников, посадских или ратных людей, так как цифры составлены на основании описания тульских промыслов и торговли. Скорее можно предполагать, что число лиц, не связанных с торговлей и промыслами и просто не упомянутых писцовыми книгами, было значительно, чем дают подсчеты Белоцерковского. Поэтому округление числа взрослых мужчин в Туле до цифры в 1000 человек кажется скорее преуменьшенным, чем преувеличенным. Достаточно сказать, что по росписи 1616 г. в Туле остались «за смоленской службой», т. е. за вычетом тех стрельцов, которые ушли под Смоленск, «50 человек, да пеших 50 человек»¹⁴, следовательно, всего 100 стрельцов, тогда как писцовые книги насчитывают только 49 стрельцов.

Состав тульского населения, как видим, был очень своеобразным. Посадские люди, сколько бы их ни считать (97 по Чечулину, 108 по Белоцерковскому), явно отступают на второй план перед дворниками и служилыми людьми по прибору. В Туле дворники и служилые люди не только количественно подавляют посадских людей, но и господствуют на тульском рынке. Дворяники, живущие в осадных дворах, такие же ремесленники и торговцы, какими были и сами посадские люди. Разница между теми и другими только в том, что дворниками были ремесленники и торговцы, жившие на белых землях.

¹² Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 258—259.

¹³ Г. М. Белоцерковский. Указ. соч., стр. 74. Примечание.

¹⁴ Там же, стр. 75. Примечание.

В числе дворников отмечены 12 мясников, 11 хлебников, 26 сапожников, 10 портных, 7 кожевников, 5 полстовалов, 8 пирожников, 5 калачников. О некоторых дворниках прямо сказано, что ранее они были посадскими людьми: «посадкой черной человек». По словам Чечулина, «из 48 человек, отмеченных в Тульской книге, как бывших прежде черными или посадскими людьми, 18 были крестьянами (почти все монастырскими), 9 ратными людьми, 5 казенными кирпичниками и 2 ямскими охотниками»¹⁵.

Возникает вопрос, можно ли полагать, что большинство дворников и ратных людей вышло из числа посадских людей Тулы, иными словами, представлять себе, что писцовые книги конца XVI в. застают тульский посад уже в состоянии упадка. Кажется, оснований для этого мало. Скорее можно предполагать, что происходит обратный процесс, и посад пополняется за счет дворников, живших раньше на беломестных дворах. Возможно, что и писцовые книги Тулы, почему-то опустившие описание посада (может быть, впрочем, это описание просто утеряно, так как в сохранившейся писцовой книге имеются пропуски), были составлены для учета всех беломестцев, торговавших на посаде. К тому же имущественно посадские люди были более сильны, чем их конкуренты — дворники и ратные люди. Посадским людям принадлежало до $\frac{1}{4}$ всех лавочных помещений.

Состав населения в Туле, таким образом, соответствовал ее порубежному положению. Ремесла и торговля в Туле находились под постоянной угрозой нападения из степи. Даже лавки в кремле служили прибежищем в осадное время.

Тем не менее представление о Туле, как о чисто военном пункте, было бы неправильным. Тула в конце XVI в. — это уже значительный городской центр с ремесленным и торговым населением.

По исчислению Чечулина, ремесленники в Туле составляли 25% всего числа людей, записанных в писцовую книгу. В действительности этот процент должен быть значительно выше, если принять во внимание неполноту сведений этой книги.

На первом месте в Туле, как и в Серпухове, стояло производство обуви и вообще кожевенных изделий. В Туле можно насчитать 35 сапожников, 13 кожевников, 3 овчинников, 2 сыромятников, 1 скорняка. Следовательно, из общего числа 216 ремесленников, упомянутых писцовой книгой, в кожевенном и сапожном деле было занято 53 человека, до $\frac{1}{4}$ всех тульских ремесленников. Большую группу составляли портные мастера (15), а также другие ремесленники, изготовлявшие предметы одежды (5 полстовалов и шапочник). Тула, таким образом, была местом, где изготовлялись кожевенные изделия и одежда для ближайшей округи. Это — явление, типичное для районов нового феодального землевладения, чаще всего поместного. Потребность в одежде была велика, а соб-

¹⁵ Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 285.

ственных портных и сапожников, занятых в хозяйстве феодалов, как это было на севере, в старинных обжитых районах, было мало.

Как и в других русских городах, в Туле существовали разнообразные промыслы, обслуживавшие самих туляков и многочисленных приезжих, ратных людей, живших в городе. Большое количество ремесленников занято было производством продуктов питания. В Туле насчитывалось 15 хлебников, 15 мясников, 12 пирожников, 7 калачников, 7 маслеников, 4 рыбника, 3 солодовника, 3 квасника, 2 сытника, соляник, овсяник. Общее же число людей, занятых производством продуктов питания, достигало в Туле 70 человек. Конечно, трудно представить себе, что 12 пирожников пекли пироги для постоянных обитателей Тулы; обслуживали они главным образом приезжих. Остальные ремесла в Туле были представлены одним или двумя мастерами каждое¹⁶.

Писцовые книги позволяют заключить, что Тула в конце XVI в. стала уже развивать свои промыслы в определенном направлении — в сторону развития металлообработки. Начало их было, по видимому, связано с оборонным значением Тулы как крупнейшей русской крепости на границе с диким полем, а также с наличием в этом районе болотной железной руды.

В Туле насчитывалось 16 кузнецов, из которых двое названы казенными. В действительности казенных кузнецов было значительно больше. В 1595 г. их насчитывалось уже 30 человек¹⁷. С большей степенью вероятности можно предполагать, что кузнецы работали на местной руде и обслуживали военные нужды на окраине дикого поля, положив начало знаменитым впоследствии тульским железоделательным заводам. В начале XVII столетия тульские кузнецы, ствольники, замочники и ложечники, всего 25 человек, делали «государево самопальное дело». Трудно думать, что самопальное (т. е. ружейное) производство в Туле возникло именно в 1619 г.¹⁸, к которому относится это известие, вернее предполагать, что оно началось еще в XVI в.

В Туле насчитывалось 24 плотника и 9 кирпичников. Если вспомнить, что во всем городе не было ни одного каменного строения, кроме крепостных стен и башен, то станет ясным, что кирпичники обслуживали в основном крепостные укрепления.

Писцовая книга дает интересные сведения о тульском рынке, обычно указывая, какими товарами торгует та или иная лавка. Наибольшее количество лавок (72) торговало мясом, солью, медом, рыбой и другими съестными припасами, по подсчетам Белоцерковского, более $\frac{2}{3}$ всех тульских лавок. Лавок, торгующих другими предметами, было значительно меньше. Так, кожевными товарами торговали 12 лавок, сукнами и сермягами — около 8 ла-

¹⁶ Цифры всюду указаны по Чечулину.

¹⁷ Г. Белоцерковский. Указ. соч., стр. 74.

¹⁸ С. М. Соловьев. История России, кн. 2, изд. 2. Изд-во «Общественная польза», стр. 1343.

вок. Один ратный человек торговал «судами, ложками и ставцами и блюдами». В другой лавке держали совсем неоднородные товары, торговали «железом да медом».

К сожалению, характеристика тульского рынка, данная в книгах Чечулина и Белоцерковского, очень затемнена произвольными соединениями различных товаров в группы, причем эти соединения сделаны по всем правилам статистики капиталистического времени, но без учета особенностей средневековой торговли. Поэтому торговля сукнами, крашениной и шелком объединена в одну группу «продуктов обработки волокнистых веществ».

Если же отвлечься от искусственной схемы, то картина тульского рынка предстанет в более простом и понятном виде. Перед нами ряды небольших лавок, в которых в большинстве случаев торгуют какими-либо одними товарами. Вот эти товары: сапоги, крашевина, ложки, блюда, москотина (красильные вещества), солод, ремни и уздечки, сукно и шелк, одежда, свечи, серьги, иконы, окончины, овчины, ножи, шубы, сермяги, железо, мыло и пр. Здесь нарочно пропускаются съестные припасы, хотя торговля ими имела широкий размах, ведь калачи и пироги раскупали не только туляки, но и случайные приезжие люди. Другое дело такие товары, как окончины, серьги, подошвы, уздечки и т. д. Торговать ими имело смысл только в расчете на постоянный спрос, и притом спрос не случайный. Таким образом, тульский рынок был рассчитан на обслуживание не только городского населения, но и значительной сельскохозяйственной округи, откуда приезжали в город служилые люди и крестьяне для закупок различного рода товаров.

На рынке, кроме посадских и ратных людей, торговали помещичьи крестьяне. Среди них находим 10 крестьян, торговавших в 10 лавках одного и того же помещика Андрея Мянова, которому принадлежала слободка без пашни на реке Упе. Таким образом, в Туле мы встречаемся с тем же явлением, какое видели в центральных областях России: вне города появляются беспашенные слободки, населенные крестьянами, занимающимися различными ремеслами и промыслами.

ВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ГОРОДА

Порубежное положение южнорусской окраины объясняет существование там особых феодальных владений, владельческих городков, принадлежавших крупнейшим боярским фамилиям, состоявшим в свойстве с царским домом, Мстиславским и Романовым. Городки были поставлены заново, но это не значит, что они только что возникли и не имели предшественников. По крайней мере один из них — Венев — известен с начала XV в. Можно предположить, что Романовы и Мстиславские получили в свое владение земли на окраине Рязанской земли из числа и раньше существовавших здесь земельных владений со всеми феодальными правами.

Такого рода городки были расположены в определенной местности: между Рязанской землей и Тульским краем, на самой границе дикого поля. К их числу принадлежали Городенск (Венев), о котором говорилось выше, Елифань, Скопин и Печерники. Владельцами их были самые крупные боярские роды: Шереметевы, Мстиславские, Романовы.

Впрочем, условия, при которых знатные московские бояре овладели этими городками, достоверно не известны. Вероятно, это были пожалования давнего времени, которые удачливые бояре додержали в своих руках до опалы при царях Иване Грозном и Борисе Годунове.

Романовым принадлежал острожек, впоследствии город Скопин. Что собой представлял Скопин в XVI в., нам не известно, но в середине следующего века он еще сохранял все черты владельческого города. Он был снабжен артиллерией, которую обслуживали 29 пушкарей, гарнизон состоял из боярских стрельцов и боярских сторожевых казаков¹⁹.

Романовы владели и другим укреплением на границе с диким полем, может быть, также возникшим еще в удельные времена.

В Лебедянском уезде в XVII столетии находилось **Романово Городище** или Городок. Городок считался исстари принадлежавшим Романовым. По писцовым книгам 1627—1628 гг., Романово Городище принадлежало Ивану Никитичу Романову, «старинные ево вотчины, что бывало за братьею ево, за бояры, за Олександром да за Васильем Никитичи Романовыми городище Романово»²⁰.

По названным выше книгам, городок был окружен острогом с двумя башнями. В нем жили боярские стрельцы и казаки, «которые остерегают его боярскую вотчину от татарские войны».

Описания Скопина и Романова Городища дошли до нас от позднего времени. Но они тем самым еще более показательны. Даже в первой половине XVII в. царский ближайший родственник в состоянии был держать укрепленный городок с помощью своих боярских войск. В XVII столетии это был уже архаизм, объясняемый только особым положением боярина Ивана Никитича Романова. В предыдущее столетие было по-иному.

Князь Иван Федорович Мстиславский, как мы видели, обладал двумя укрепленными городами на границе с диким полем. Кроме Городенска (Венева), ему принадлежала **Елифань** на Елифаньевом лугу у Дона. Крепость, или острог, в Елифани, стоявший на левом берегу реки Дона, был «поставление» князя Ивана Федоровича Мстиславского. Он был выстроен, как и в Веневе, треугольником («на три углы»). Одна сторона его шла от Дона по горе, другая тоже по горе от речки Литой, а третья была обращена к полю. Стена вокруг острога была построена в виде тына, т. е. из дубовых

¹⁹ П. П. Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII в., вып. 1, стр. 105—106.

²⁰ Там же, стр. 106.

бревен, врытых в землю. Позади тына, отступя на полсажени, стоял забор, а между забором и тыном почти на сажень в высоту была насыпана земля. В стене насчитывалось 112 боевых окон. Она была усилена тремя башнями, в одной из которых находились ворота. Пищали и пушки обороняли деревянную крепость.

Около городка находилась слобода ратных людей с 86 дворами и церковью Георгия, 3 двора княжеских людей и 7 дворов воротников. Особо существовала слобода конных стрельцов, где насчитывалось 40 дворов. Кроме того, в Елифани находилось несколько казачьих и стрелецких слободок. В слободке Солоновской Коробинной стояли церковь Николаи и 65 дворов, в Шевыревской слободе Чюркина насчитывалось 59 дворов, в Булгаковской слободе Брыскина с церковью Пятницы — 95 дворов, в Олтабаевской слободе — 70 дворов, в слободе Козловской Ждановской Романова — 66 дворов, в Голина Левинской Ондреевой слободе — 49 дворов, в слободе Смирновской Чегодаева — 48 дворов. Следует заметить, что приведенные цифры несколько неточны вследствие особенности писцовых книг, в которых итоги часто расходятся в деталях с перечислением дворов. По общему же итогу, в Елифани числилось 8 казачьих слобод с 5 церквами и в них 498 казачьих дворов.

Писцовая книга, впрочем, составлена по Елифани так неясно, что не дает представления о всем населении города. Неясны и неточны и отдельные итоги, по которым «всего на посаде дворов церковных и сотниковых и княж Ивановских людей и черных крестьянских и пушкарских и затинщиковых и стрелецких и казачьих дворов живущих и пустых мест дворовых 999»²¹. Ранее же показано по книге 702 живущих двора («крестьянских черных и пушкарских и затинщиковых и стрелецких и казачьих 702 двора»). В эту цифру не включены дворы церковные и дворы людей князя Мстиславского. Таким образом, прибавив их к 702 дворам, получим предположительную цифру в 750—800 дворов, что само по себе характеризует Елифань как значительный населенный пункт.

В городе существовала и черная слобода, где жили ремесленники и крестьяне. Так, упомянуты 2 двора, в которых жили «черные люди кожевники», двор черного крестьянина, который, как и дворы кожевников, велено было перенести в черную слободу. Тем не менее преобладание служилых людей в Елифани настолько бросается в глаза, что этот город в основном представляется военным центром. На его примере можно видеть, какое население жило в городах к югу от Оки, где черное посадское население буквально толпилось среди служилых людей.

Елифань в 1571—1572 гг. была уже отписана на государя, но писцовые книги сохранили сведения и о том времени, когда она еще была во владении Мстиславского: «а сажидися те казаки у князя у Ивана Федоровича Мстиславского на лготе в 75 году, а лготы

²¹ ПК, II, стр. 1594.

им дал был князь Иван на 10 лет»²². Таким образом, казаки устроились у князя и выполняли у него военную службу в 1567 г., в самый разгар опричнины.

Князь Иван Федорович держал себя в Елифани настоящим феодальным владельцем, при котором существовало постоянное войско: «а служить было им у князя Ивана у Мстиславского с пищалями на меринех», — сообщает далее писцовая книга. Ратные люди, поступившие на службу к Мстиславскому, получали денежный оброк, пока «не распадут дикое поле». Неизвестно, из кого пополнялись ратные люди Мстиславского, вероятнее всего, это были выходцы из северных городов, бежавшие в степь в поисках более вольготной и вольной жизни и поступавшие на службу к крупному феодалу, как это делали их украинские собратья, которые становились казаками Вишневецкого, Конецпольского и других магнатов Речи Посполитой. Во всяком случае владения Мстиславского составляли к югу от Оки обширную вотчину с укрепленными городами, как бы государство в государстве, пока эта вотчина не была отписана на царя.

Мстиславские не были одиноки в своем стремлении укрепиться в лесостепных просторах. К тому же стремились и другие царские родственники — Романовы. Земли бояр Романовых находились в непосредственном соседстве с землями Мстиславского на границе дикого поля. Как уже говорилось выше, им принадлежал острожек, позже город Скопин. Этот город был отнят у Романовых при Борисе Годунове, но в XVII в. снова принадлежал Никите Ивановичу Романову, дяде царя Алексея Михайловича, вплоть до смерти Романова в 1654 г. Городок вместе с артиллерией и боярскими стрельцами зависел непосредственно от боярина.

Вероятно, существовали и другие городки, принадлежавшие феодалам. Случайно об одном из таких городков мы узнаем из сведений более позднего времени. Известному Андрею Клешину, приближенному Бориса Годунова, в конце XVI в. принадлежал городок **Печерники**, поблизости от Михайлова. Печерники известны с середины XVI в., следовательно, не Андрей Клешин основал этот городок, принадлежавший раньше кому-либо из бояр. Надо предполагать, что Клешин получил Печерники за весьма важную услугу, возможно, за участие в убийении царевича Дмитрия.

По описи 1616 г. острог в Печерниках состоял из вала («осыпи»), окруженного рвом, с одними воротами. В нем стояло 20 изб и 30 клетей стрельцких и казачьих. В 1600 г. стрельцкая слобода названа «новой», значит, у городка стояла и другая слобода стрельцов, возникшая раньше. Вероятно, в этой слободке жили такие же боярские стрельцы, какие селились и в других городках²³.

²² ПК, II, стр. 1591—1594: П. П. Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII в., вып. 1, стр. 103—105.

²³ П. П. Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII в., вып. 1, стр. 105.

НЕБОЛЬШИЕ ГОРОДА ТУЛЬСКОГО КРАЯ

Тульский край был небогат городами. Кроме Венева и Елифани, о которых говорилось выше, в его пределах находились Дедилов и Донков.

Писцовые книги Дедилова с уездом 1588 г. дают представление об этом южном городке, впоследствии захиревшем. Дедилов стоял на реке Шиворони. Городские укрепления были деревянными, с шестью башнями, в которых было сделано четверо ворот. Об архитектуре одной башни («стрельни») дает понятие упоминание, что эта стрельня была «шестистенной».

Внутри города стояли деревянная церковь Покрова, царский двор, в котором жили осадные головы, погреб для хранения военных припасов, а также осадные дворы детей боярских, где жили дворники. К укрепленному городу примыкал посад, впрочем, очень маленький (24 двора). В Дедилове на посаде стояли 25 лавок и 34 скамьи, «а торгуют на них солью, и хлебом, и колачи и мясом». Как видим, дедиловский посад находился в зародыше. Основное население Дедилова составляли ратные люди²⁴.

В верхнем течении Дона стоял город **Донков**. В XVI в. еще выше него по Дону находился город Дубок, о котором упоминается в списке русских городов дальних и ближних. Современный Донков построен на новом месте, старый же город располагался на месте села Стрешнева вплоть до «саодачного разоренья», имеется в виду разорение города атаманом Сагайдачным в 1615 г.²⁵

В 1605 г. на месте прежнего городища был построен Сапожок в виде острога из дубовой стены с шестью башнями²⁶.

²⁴ ПК, II, стр. 1261—1268.

²⁵ И. Добролюбов. Указ. соч., т. 3, Зарайск, 1884, стр. 249.

²⁶ Там же, стр. 3.

Глава XIX

РЯЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯ

ОБЩИЙ ОБЗОР

Вдоль по среднему течению Оки располагалась старинная Рязанская земля, примыкавшая на юге к степи — дикому полю. Этот край с давних пор был обжит и населен. В удельное время он составлял самостоятельное и сильное княжество, расцвет которого в основном падает на XIV—XV вв. В начале XVI столетия Рязанская земля окончательно входит в состав Российского государства.

Казалось бы, пережитки феодальной раздробленности должны были бы ощущаться в Рязанской земле особенно сильно, на самом же деле они выражались здесь значительно слабее, чем в других княжествах, присоединенных к Москве. Причиной этого было пограничное положение Рязанской земли. Интересы обороны требовали решительного разрыва с традициями прежнего времени, скорейшего объединения с другими русскими землями в объединенное Российское государство.

Правда, пережитки феодальной раздробленности сказывались в несколько необычном территориальном делении Рязанского края. Еще в конце XV в. Рязанское княжество было разделено на «трети»; одна треть оставалась в руках рязанских князей-отчичей, другие две трети перешли к московскому великому князю. Традиционное деление на трети сохранялось еще в XVI в. Наряду с третним наместником существовали двухтретные наместники. Даже писцовые книги составлялись особо по одной трети и по двум третям (поэтому известны «двухтретные писцы») ¹.

Близость дикого поля сказывалась в Рязанской земле постоянно. Рязанским людям приходилось жить начеку, оглядываться с одной стороны на степь, а с другой — на обширные мордовские

¹ Писцовые книги Рязанского края. Под редакцией В. Н. Сторожева. т. I, вып. 2. Рязань, 1900, стр. 419.

леса, из которых внезапно появлялись шайки наездников. Однако крымские татары появлялись в Рязанской земле совсем не так часто, как можно было бы предполагать имея в виду, что Рязанская земля лежит в соседстве со степью.

Причиной этого было географическое положение Рязанского края. Полоса лесов и больших рек защищала его с востока и юга. На востоке эти леса далеко уходили к Волге. Притоки Дона были препятствием для нападения на Рязанскую землю крымских татар с юга и с запада. Крымским ордам приходилось совершать длинное путешествие и пробираться к Рязанской земле мимо Тулы, что являлось иногда затруднительным. Дополнительным препятствием для татарских набегов являлась излучина Прони, впадавшей в Оку. Эта небольшая река течет в крутых берегах с юго-запада на северо-восток.

Вся территория, находившаяся в излучине Прони, между Проней и Окой, составляла наиболее населенную часть Рязанской земли, хотя и эта северная, наиболее населенная часть Рязанского княжества была покрыта лесами. Вопреки представлению о Рязанской земле как о своего рода степи, мы находим в ней районы, покрытые большими лесами, и не только к северу, но и к югу от Оки. Еще в середине XIX в. в самом Рязанском уезде считалось 35%, в Спасском — 35%, в Касимовском уезде — 50% площадей, занятых лесом. Большие непроходимые леса сплошной стеной стояли в Мещерской стороне к северу от Оки, на стыке рязанских, московских и владимирских владений.

Мощная и величественная Ока была основной магистралью Рязанской земли, ее кормилицей и лучшим украшением. По ее течению и располагались крупнейшие рязанские селения и города. Ока делила всю Рязанскую землю на две стороны: Мещерскую — к северу от Оки и Рязанскую — к югу от нее.

Селения на Оке славились своими луговыми угодьями. Некоторые из селений имели важное значение «для обереженья судового прохода», как это сказано о селе Белоомут («Бел-Омут») ². Ока связывала Рязанскую землю с Поволжьем и с центром государства — Москвой. Из Рязанской земли начинался и речной путь по Дону, описанный в хождении митрополита Пимина 1389 г., но в XVI столетии он не имел уже такого крупного значения, как раньше.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЛЕСНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

По сравнению с северными областями России Рязанская земля славилась в XVI в. своим необычайным плодородием. «Эта область плодороднее всех областей Московии. Там великое изобилие меду,

² Акты Юшкова, стр. 217—218.

рыб, птиц и зверей», — пишет о Рязанской земле Герберштейн³. Действительно, писцовые книги конца XVI в. отмечают в ряде рязанских уездов преобладание «доброй» земли над «худой»: или «средней» землей, которая так часто встречается на севере⁴.

В Рязанском и Пронском уездах большое количество земли пахалось «наездом». Этот способ обработки земли существовал в некоторых лесных и степных районах России еще в XIX столетии. Целые семьи на телегах уезжали за 10—15 верст пахать землю, жать хлеб, косить луга. Для пашни «наездом» выбирались участки земли с плодородной почвой, находившейся в стороне от населенных пунктов. «Наездная пашня» в Рязанской земле очень часто превышала приусадебную.

Рязанский край в XVI в. был житницей России, хотя представление о необычайном плодородии рязанской почвы и подорвано новейшими данными.

При слабом развитии хлебной торговли стимула для усиленной распашки больших территорий не было. Земля во многих местах Рязанского края отдавалась иногда в оброк под пашню («что пашуть на монастырь вниз к Боянову колодезю»)⁵.

В Рязанской земле немалое значение сохраняли бортные уходы, которые располагались нередко в приречных лесах. Бортные деревья отмечались бортниками особыми знаками — «знаменами»⁶. Еще в первой половине XVI в. феодалы получали медовый оброк натурой⁷.

В отдельных местах Рязанского края даже в конце XVI в. сохранились бобровые ловли («бобры бьют и рыбу ловят по Безуеву гать»)⁸.

В более раннее время «бобровые гоны» имели гораздо большее значение. В любопытном спорном деле 1530 г. бортники села Киструского (Киструсь) на Оке спорили со Львовским монастырем, обвиняя монахов в том, что они «в нашем озерке в Болонове и в истоке и до Оки реки рыбу ловят и бобры бьют и займища занимают»⁹.

³ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 104.

⁴ Писцовые книги Рязанского края, стр. 263 и сл.

⁵ А. И. Пискарев. Древние грамоты и акты Рязанского края. СПб., 1854, № 12, стр. 13.

⁶ Писцовые книги Рязанского края, стр. 447. Сотная грамота 1567 г. на владения рязанского владыки. Например, «Луки Губина з братьею знамя коса да внизу две палицы», «Веляя Сидорова знамя две пальцы, а в середках рубеж» и т. д.

⁷ «А оброку давали Спасскому игумену Федосью з братьею Зарецкого Спаса по девятинатцати пуд меду» (там же, стр. 419).

⁸ Писцовые книги Рязанского края, стр. 472.

⁹ Н. П. Лихачев. Сборник актов, стр. 173.

КРАЙ ПОМЕСТНОГО И ВОТЧИННОГО ДВОРЯНСТВА

Для Рязанского края характерно существование дробного землевладения. Даже села, принадлежавшие крупным вотчинникам, не отличались большими размерами. В выписи о владениях Богословского монастыря в Рязани (1573 г.) упоминаются следующие села и деревни: село Тепловодье с 32 живущими крестьянскими дворами, деревня Токмино с 3 дворами монастырских слуг и 8 живущими крестьянскими дворами, село Выползово с 2 церквами, монастырским двором, с 4 церковными и 10 живущими крестьянскими дворами. В деревне Новоселки насчитывалось 7 живущих крестьянских дворов, в деревне Пупкиной — 12 крестьянских дворов¹⁰.

Помещики владели в деревнях отдельными жеребьями. В Окологородном стане, расположенном вокруг Переяславля Рязанского, такое владение было распространено повсеместно. В сельце Киселеве жеребья принадлежали помещикам Мокшееву, Яковлеву, Мясичеву. Про двух последних сказано, что их жеребья были поместьями их отцов. В деревне Корчагиной жеребья принадлежали Веригиным, Бородатову, Шехманову, Данилу с прозвищем Вострые Сабли. Иногда жеребья принадлежали размножившимся членам одного и того же дворянского рода¹¹. О некоторых селах так и писали, что эти села были «за розными помещики». Таким образом, Рязанский край был землей мелкого поместного землевладения.

Правда, значительные земельные владения принадлежали и некоторым рязанским монастырям (Богословскому монастырю в Рязани, Солотчинскому монастырю и т. д.), а также рязанскому епископу. Но монастырское землевладение все-таки не характерно для Рязанской земли.

Господство мелкого служилого землевладения в Рязанской земле, по-видимому, было явлением не нового порядка, а восходило ко временам рязанской самостоятельности. Развиваться крупному землевладению в Рязанской земле было трудно ввиду ее пограничного положения. Поэтому там, по-видимому, с раннего времени развилось поместное землевладение. В 1553 г. о селах и деревнях Богословского монастыря сказано, что они ранее «были в нагодчине за детьми за боярскими по грамотам великого князя рязанского»¹². Значит, «нагодчина» отдавалась детям боярским еще во времена самостоятельности Рязанского княжества. В XVI в. земли монастыря были розданы в поместья боярским детям по царскому наказу, но на прежних условиях: «нагодчины им давати на год».

¹⁰ А. И. Пискарев. Указ. соч., стр. 36—37.

¹¹ Писцовые книги Рязанского края, стр. 9—10.

¹² Там же, стр. 422—423

Объяснение слову «нагодчина» пока пайти не удалось, но из последних слов о даче боярским детям «нагодчины» на год вытекает, что так называлась земля, даваемая на короткий срок, на год и т. д. В селе Пронске (не в городе Пронске) на речке Сошне насчитывалось несколько «жеребьев», принадлежавших помещикам. Иван Бурцев владел поместьем своего отца. В поместье стояли двор владельца, людской двор, 21 крестьянский и 6 бобыльских дворов. В том же селе были жеребья и других помещиков. «Лес большой» в длину на две версты, а поперек на одну, принадлежал всем помещикам — «вопче».

В Рязанском крае старые вотчинники, жившие еще при рязанских князьях, сохранили свои владения, перейдя бескровно под власть московских князей. К таким старым рязанским родам, оставшимся от времен самостоятельности Рязанского княжества, принадлежали Сунбуловы, Верхдеревские, Измайловы, Ляпуновы. В число влиятельных боярских родов они так и не вошли, но в Рязанском крае пользовались большой силой и значением. В частности, Прокопию Ляпунову принадлежала часть села Добрый Сот на реке Проне, упоминаемого уже в летописном известии XIII в. На «усаде» Прокопия Ляпунова стояли церковь Георгия, двор помещика, 4 людских и 34 крестьянских двора¹³.

Служилые люди Рязанского края жили целыми гнездами. Сильный род Ляпуновых был связан с другими дворянскими семьями, точно так же оказавшимися во времена крестьянской войны и интервенции начала XVII в. на вершине служилой лестницы. Таковы были ляпуновские родичи Биркины. Одного из Биркиных Новый летописец называет «сосудом сатаны», так как Биркин много препятствовал Минину и Пожарскому в их борьбе против интервентов. В судебном деле 1584 г. мы находим перечисление родственников Биркина, которые его всячески поддерживали: «се Родионова... Петрова Биркина на Резани роду и племяни его заговору: Юрь да Иван Васильевы дети Дмитреева, да Михайло, да Алексей Петровы с племянники, да Иван Язвцов з детьми, да Иван Есинов з детьми, да Михайловы дети Чиркина, да Петр Ляпунов с детьми и с племянники, да Михайло Кошелев з братьею и с племянники, да Масловых, да Смердовых, да Фоминых, да Горюшкиных, да Корандеевых»¹⁴.

Рязанские служилые люди жили своими провинциальными интересами и в годы крестьянской войны начала XVII в. выступали в качестве защитников дворянских претензий. В обычное же время рязанское служилое дворянство сохраняло свой обособленный провинциальный характер и не играло большой роли в государственном аппарате и при дворе.

¹³ И. Добролюбов. Указ. соч., т. 4, стр. 229.

¹⁴ Акты Юшкова, стр. 208.

В XVI в. московские боярские роды стали продвигаться в Рязанскую землю, тесня местных вотчинников. В 1539 г. произошел такой характерный случай. Дьяк Федор Мишурин отписал на великого князя село Дубовичи, ссылаясь на то, что его владелец Василий Федорович Лелечин эту вотчину купил. Однако на деле оказалось, что вотчина дана была жене Лелечина ее отцом Хером Зиновьевым, который попал в плен к татарам в степи («на поле»). В Рязанском уезде было и село Лелечино, названное так по имени вотчинника. В 1554 г. село Дубовичи купил боярин Иван Васильевич Шереметев «без выкупа»¹⁵.

Впрочем, некоторые дворяне сохраняли еще в XVI столетии свои родовые владения. Таким было **Шилово**, принадлежавшее дворянскому роду Шиловских, представители которого владели здесь большими угодьями. Во второй половине XVI в. в селе Шилове на реке Оке стояла церковь Успения с тремя пределами. К селу примыкали обширные пахотные поля (148 четвертей у одного, 50 четвертей у другого владельца), не считая вновь распашанных участков — «припашни» (3 и 12 четвертей). По Оке тянулись обширные дуга, на которых ставили более 800 копен сена. К Шилову были также приписаны озера с рыбными ловлями. В конце XVI в. селение получило значение хлебной пристани, принадлежавшей Шиловским: «Да на их же берегу сыплют в суды жита, емлют с окова по денги, да они ж емлют мыта: з большого судна по четыре алтына, а с малого судна по алтыну». Половина мыта, впрочем, шла соседнему Терехову монастырю¹⁶.

Крупнейшими церковными феодалами были рязанский епископ и Рождественский Солотчинский монастырь, стоявший при впадении реки Солотчи в Оку, в непосредственной близости к Переяславу Рязанскому.

В конце XVI в. в Солотчинском монастыре стояли каменная церковь Рождества Богородицы, другая каменная церковь «под колоколы» и каменная трапеза с церковью же. Обе последние церкви были построены «вверх», т. е. украшены шатрами. В монастыре находились кельи, поварни и другие постройки. Все это было окружено городьбой с каменными воротами. К монастырю примыкали село, в котором жили монастырские слуги (4 двора), и дворы детенышей, поваров и служебников (12 дворов), а также крестьянские дворы (31 двор). Под монастырем на реке Солотче стояла мельница, «а в ней колесо неметцкое»¹⁷.

Рязанский епископ имел при себе штат слуг, в том числе военных, которые принимали участие в сторожевой службе в диком поле.

¹⁵ И. Добролюбов. Указ. соч., т. 4, стр. 238.

¹⁶ Акты Юшкова, стр. 214—218; Н. П. Лихачев. Сборник актов, стр. 242—271.

¹⁷ Писцовые книги Рязанского края, стр. 483—487.

ПЕРЕЯСЛАВЛЬ РЯЗАНСКИЙ

Крупнейшим городом земли был Переяславль Рязанский (современная Рязань). В нем находилась крепость («город»), окруженная посадом. В середине XVI в. Переяславль Рязанский был укреплен очень плохо — прямое доказательство того, что этот город находился несколько в стороне от большой дороги, по которой ходили крымские татары. Когда в 1564 г. татары подступили под Рязань, рязанская крепость оказалась в ветхом, полуразрушенном состоянии, и только доблесть рязанских жителей, руководимых двумя Басмановыми, отцом и сыном, помогла отстоять Рязань от страшных врагов. Осада Рязани крымцами была одним из переломных моментов, заставивших Грозного обратить свое внимание на людей нечиновных, подобных Басмановым. Рассказывая об осаде Рязани татарами, летопись замечает, что рязанская крепость была тогда в очень плохом состоянии: «не бе бо тогда во граде никаких градских крепостей, занеже град ветх велми бяше, но иные и стены палися»¹⁸.

Рязанский кремль стоял на холме при слиянии реки Трубежа с речкой Лыбедью и был хорошо защищен самой природой от внезапного нападения. В кремле стояло несколько каменных церквей, а также постройки гражданского назначения: две каменные палаты с подклетьями (нижними этажами) стояли на дворе рязанского епископа¹⁹. По позднейшим преданиям, архиерейский дом в рязанском кремле стоял на месте бывшего княжеского дворца, представляя собой целый комплекс зданий с двумя каменными церквями, с конюшненным и житничим дворами и садом. Церковь Усекновения главы Ивана Предтечи поставил епископ Иона, вероятно второй с этим именем (1522—1547 гг.). В 1522 г. в архиерейском доме стояли две каменные палаты и две каменные пекарни «юстовыя». По Далю, «юстить» — есть; не значит ли это, что в пекарнях пекли хлеб и обеды как в трапезе?²⁰.

В кремле помещались два собора: Успенский и Архангельский. Первоначальная их постройка восходит к временам рязанской независимости. Названия соборов сходны с названиями таких же соборов в кремлях Москвы и Твери. Успенский был епископским кафедральным собором. Михаил архангел, «воевода сил небесных», считался покровителем князей во всех русских областях.

К крепости примыкал обширный посад, или острог, окруженный деревянными укреплениями.

Перед нами явно большой город, но установить количество населения в Переяславле все-таки затруднительно, так как сохранившиеся платежные книги 1594—1597 гг. сразу же вызывают

¹⁸ РИБ, т. III, стр. 239.

¹⁹ Писцовые книги Рязанского края, стр. 425.

²⁰ И. Добролюбов. Указ. соч., т. I, стр. 6.

ряд недоразумений. Прежде всего в платежных книгах совершенно не отмечены посадские люди. На рязанском рынке торгуют «пушкари и затинщики и стрельцы и воротники и казенные сторожи и ямщики и дворники и из сел крестьяне и козаки и белодворцы»²¹. Допустить полное отсутствие посадских людей в Переяславле Рязанском трудно. Следовательно, надо предполагать, что платежные книги 1594—1597 гг. дают неполные данные, говорят не о черных людях, а о беломестцах.

Подтверждение этому предположению находим в сведениях более позднего времени. В 1600 г. в Переяславль Рязанский были посланы представители царской власти, которым поручалось «имать из дворов дворников, с княженецких и боярских и детей боярских и с монастырских дворов дворников, а велена была ему ссадить слобода вместе». Всего таких людей, сведенных в слободы, оказалось 367²². Такова цифра рязанских посадских людей, полученная в результате исключительных мероприятий, проведенных при Борисе Годунове. Но 367 дворов очень мало для Рязани. И это не случайно; ведь количество посадских людей в Рязани остается незначительным и в XVII в., так как Рязань в основном была городом беломестцев.

На первом месте среди них стоял рязанский епископ. В числе людей, торговавших на рынке, показано 63 человека рязанского епископа, земельные владения которого восходили ко временам рязанской независимости и в официальных документах именовались «его владычной отчиной».

В кремле считалось примерно 17 дворов, принадлежавших владычным людям. На посаде, по сотной 1567 г., существовала особая владычная слободка в Борисоглебской и Большой улицах. Во владычной слободке стояла каменная церковь Бориса и Глеба и другая, тоже каменная церковь Николая Чудотворца («не доделана»). По подсчетам писцов, большая владычная слободка насчитывала 114 дворов («владычных нетяглых дворов детей боярских и хлебников и поваров и истобников и всех дворовых людей»)²³. В слободке жили различные ремесленники, обслуживавшие епископский двор и одновременно торговавшие на рынке. Вот неполный список владычных ремесленных людей: серебряники (4), портные (2), овчинники (4), шубники (1), кирпичники (1), солодяники (5), плотники (4), бочарники (1), масленики (1). Кроме того, во владычной слободке жили конюхи, повара, истопники, огородники, рыболовы, извозчики. Особую группу составляли дети боярские рязанского владыки и его приказные люди.

По более поздним данным, «архиепискупля слобода» насчитывала 63 двора «всяких дворовых людей, детей боярских и певчих

²¹ Писцовые книги Рязанского края, стр. 1.

²² Акты писцового дела, т. I, № 59, стр. 80—81; П. Смирнов. Посадские люди, стр. 171—172.

²³ Писцовые книги Рязанского края, стр. 426—430.

дьяков и прикащиков и конюхов и истобников и поваров и пивоваров и солодовников и бобыльских дворов». В ней же стояло 40 пашенных дворов²⁴.

Рязанский владыка был крупнейшим беломестцем Переяславля Рязанского, но не единственным. Другим беломестцем был Спаский монастырь в городе. Ему принадлежала земля «на посаде за Глебовскими вороты». Упоминается также «двор с садом и прудом», принадлежавший тому же монастырю²⁵.

Кроме того, в Рязани находились государевы слободы. Самой большой из них была слобода Стрелецкая, где стояло по крайней мере 105 дворов. Слобода была наделена пашней, «что была черная посатцкая земля», следовательно, за счет ослабевшего посада. Отмечены также Пушкарская и Ямская слободы²⁶.

Большое количество дворов принадлежало рязанским служилым людям. В них жили дворники служилых людей, занимавшиеся ремеслами и торговавшие на рынке. Достаточно сказать, что таким торговцам принадлежало 72 лавочных помещения. Но количество дворников было, конечно, значительно больше, чем это устанавливается платажными книгами. Общее же количество дворов, населенных дворниками служилых людей, без преувеличения может быть установлено в 100.

Таким образом, количество беломестных дворов в Переяславле Рязанском можно определить цифрой от 300 до 400. Рядом с этой цифрой число посадских дворов в Переяславле Рязанском покажется очень незначительным. В писцовых книгах они совсем не указаны, но что посадские люди все-таки были в Переяславле Рязанском доказывается тем, что на рынке отмечено около 30 владельцев лавок без определения их общественного положения, названы также два сапожника, шапочник, серебряный мастер, хлебник, кузнец. Можно предполагать, что эти ремесленники были посадскими людьми.

Как мы видели выше, в начале XVII в. в Рязань приезжал «строить черная слобода» царский стройщик, записав тогда 367 человек в посадские люди. Такая цифра составилась из дворников, выведенных «с княженецких, боярских и монастырских дворов, из рассыльщиков, пушкарей, затинщиков, казенных сторожей и воротников». Из числа этих людей стройщик должен был «ссадить слободы вместе»²⁷. «Посадское строение» Бориса Годунова ставило своей задачей вернуть в посад различных людей, бежавших от посадского тягла под крылышко беломестцев, но оно не дало определенных результатов, так как преследовало фискальные цели —

²⁴ Писцовые книги Рязанского края, стр. 371—373.

²⁵ С. Шумаков. Материалы для истории Рязанского края, вып. 1. Рязань, 1898, стр. 11.

²⁶ Писцовые книги Рязанского края, стр. 372.

²⁷ Акты писцового дела, т. I, № 59, стр. 80—82.

вернуть в посад людей, бежавших от обложения, а не развитие города и его хозяйства.

Состав населения Переяславля Рязанского в XVI в. объясняет нам, по какой причине в первом Ляпуновском, или Рязанском, ополчении преобладали служилые люди, поместное дворянство и слабо слышался голос посадских людей.

Наблюдения над составом населения Переяславля Рязанского вполне подтверждаются известиями о его торговле. В Переяславле находим два торгова — один внутри кремля, другой на посаде. В кремле лавки и амбары стояли у Рязанских ворот, на Большой улице. Другой торг находился «на посаде за речкою за Лыбедью». Тут находились ряды: Мясной, Соляной, Крупяной, Горшечный. Торговля на рязанском рынке не отличалась большим размахом. По словам самих платежных книг, на посаде торговали «хлебы и калачи и солью и мясом и рыбою и всяким мелким товаром»²⁸. Преобладающей — и притом резко преобладающей — группой торговцев были зависимые люди дворян, архиешископа и монастырей. Большинство лавочных помещений принадлежало дворникам (28) и стрельцам (69). Если к стрельцам добавить других ратных людей — затинщиков (28), пушкарей (24) и казенных сторожей (9), то преобладание ратных людей по прибору и дворянских дворников на рынке Переяславля Рязанского станет явным. Даже стоявшие за лавками кузницы по преимуществу принадлежали пушкарям, затинщикам и дворникам.

ДРУГИЕ ГОРОДА РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛИ

На южной окраине Рязанского края стоял город **Пронск** — центр Пронского уезда. Пронск представлял собой пограничную крепость, которая и во второй половине XVI в. не потеряла своего значения. Город был расположен на холме («стоит на горе»), его окружали деревянные стены с воротами и башнями. Внутри города возвышались деревянный собор Покрова и каменная церковь Бориса и Глеба, а под ней каменный погреб, где хранились казна и боевые припасы: «зелье и ядра и свинец и железо и пищали»²⁹.

В крепости помещались дворы ратных людей (пушкарей, воротников) и осадные дворы пронских дворян, в которых жили дворники. Количество таких дворов не превышало 60. К крепости примыкал острог, окруженный рвом и надолбами. Всего в остроге считалось 2 двора и 5 мест дворовых. Тут находилась и слобода затинщиков из 21 двора, стояли кабак и таможенная изба.

²⁸ Писцовые книги Рязанского края, стр. 4—8. Платежные книги 1594—1597 гг.

²⁹ Там же, стр. 255—262.

Вокруг крепости и острога располагались слободы. Существовали две Стрелецкие слободы. В одной было 65 дворов, в другой — 49. Эта вторая слобода называлась слободой «новых стрельцов». Еще большими размерами отличалась Казачья слобода, в которой разместилось три сотни казаков. В первой казачьей слободе стоял 101 двор, в другой — 73 двора, в третьей — 56 дворов. Всего же в Казачьей слободе насчитывалось 230 дворов.

К городу примыкали также Ямская слобода с 15 дворами, слобода казенных плотников с 12 дворами, Затинщикова слобода с 21 двором, да еще 14 дворов «дворян и детей боярских», живших за острогом. Всего в Пронске, в городе, остроге и за городом можно насчитать более 450 дворов.

Пронск XVI в. рисуется типичным военным центром с явным преобладанием служилого населения, если даже считать, что все дворники занимались ремеслом и торговлей. О прошлом значении города, стоявшего на торговом донском пути, имевшем в XIV—XV столетиях немалое развитие, свидетельствуют только детали. Борисоглебская каменная церковь была церковным строением прежних рязанских владык. При другой церкви, Ивана Златоуста, находился придел Стефана Сурожского, святого, которого почитали в Судаче (Суроже), в крымском городе с русской колонией. В Покровскую церковь дали вкладом два колокола весом в пуд «донские казаки» (по книгам 1598 г.). Значит, водным донским путем они еще пользовались и в конце XVI в. Как видим, население Пронска состояло почти из одних беломестцев. Нечего и говорить о том, что пронский торг из 49 лавок «в городе и за городом» был явлением чисто местным. Лавки принадлежали стрельцам, казакам, затинщикам, дворникам и т. д.

Несколько особый характер имел **Зарайск**, носивший название города Николы Зарайского, так как он возник на месте погоста, где стояла церковь в честь Николы. Этот город имел большое стратегическое значение и стоял на одной из дорог, по которой крымцы вторгались в центральные районы России. Зарайск прикрывал подступы не только к Москве, но и к Переяславлю Рязанскому. Поэтому в нем в 1531 г. был построен каменный кремль, сохранившийся до нашего времени³⁰. Город состоял из крепости и острога, за пределами которого продолжался посад и были расположены слободы. На посаде насчитывался 161 двор (208 человек), причем, среди посадских людей замечалось резкое имущественное неравенство: лучшим людям принадлежало 5 дворов (8 человек), средним 25 дворов (96 человек), младшим и убогим — 131 двор (164 человека). Кроме того, насчитывалось 24 двора бобылей (в них 26 человек).

Посадское население в Зарайске жило и на беломестных землях. «На посаде в остроге», в Круглом монастыре и за монастырем

³⁰ ПСРЛ, т. XX, стр. 412.

на монастырской земле стояло 57 дворов тяглых людей и 18 дворов бобылей. В особой Назарьевской слободе помещалось еще 10 дворов тяглых людей и 2 двора бобылей.

Таким образом, в Зарайске насчитывалось до 200 посадских и бобыльских дворов. Но и тут посадские люди явно отступали на второй план перед беломестцами. В Зарайске стояло 169 осадных дворов, населенных дворниками, «и всего дворников, торговых и пашенных и мастеровых людей, которые живут в дворничестве, а кормятца по миру, делают, наймующися, 198 человек». Среди дворников находим 47 убогих торговых людей, 18 пашенных, «а пашню пащут на себя по сторонам, наймующи», 58 убогих мастеровых людей, которые «кормятца по миру». «Делают, наймующися» — значит, живут черными работами по найму. Зарайский торг носил явно местное значение, хотя торговало 257 человек и стояло 52 скамьи («а торгуют на них хлебом, колачи и всяким мясным товаром») ³¹.

Зарайск очень интересен как пример южного города с относительно развитым посадом. Не забудем, что в каменном Зарайске надо предполагать значительный гарнизон из стрельцов и казаков. Общее количество дворов в городе, вероятно, надо исчислять примерно в 600—700 ³².

Совсем мало известно о других городах Рязанской земли. Небольшим городом был **Ряжск**. Сохранилось только краткое описание его торга. В Ряжске насчитывалось в городе и в остроге 82 лавки, 4 скамьи и 2 шалаша. И здесь подавляющее количество лавок принадлежало стрельцам, казакам, дворникам и т. д. ³³ Однако отмечаются и лавки торговых мастеров, две лавки торговых людей ³⁴.

Михайлов был построен на реке Проне «на Михайлове городищи» в 1551 г. ³⁵, но что он представлял собой как город, неизвестно.

В Рязанской земле находилось и несколько владельческих городов, о которых говорилось выше (см. стр. 387): Елифань, Венев, Скопин. Эти города стояли в непосредственном соседстве со стенью. Постоянная опасность от набегов крымских татар мешала освоению плодородной степи, приходилось бороться не только с природой, но и с хищниками, татарскими ордами, нападавшими

³¹ Писцовые книги Рязанского края, стр. 157—159. Платежные книги Зарайска 1594—1597 гг.

³² Н. Д. Чечулин отмечает, что в Зарайске, по платежной книге, отмечено 527 человек, но общую цифру мужского взрослого населения «нужно считать тут порядочно выше, так как книги не учитывают ратных людей и духовенства» (Указ. соч., стр. 264).

³³ В документе 1568 г. имеется такое указание о Ряжске: «на посаде с крестьянских дворов». Может быть, под крестьянскими дворами понимались и дворы бобыльские (Акты Юшкова, стр. 176—178).

³⁴ Писцовые книги Рязанского края, стр. 92—93.

³⁵ Древнейшая разрядная книга, стр. 150. «Чтения ОИДР», 1902, кн. 1.

на мирных поселенцев. Продвижение русских людей на юг усилится только со второй половины XVI в., после присоединения к России всего Приволжья.

В пределах Рязанской земли на Оке находился Касимов, о котором говорилось выше (стр. 42).

МУРОМСКИЙ КРАЙ

Особый район представлял собой Муромский край, который являлся как бы большим островом среди необозримых лесов, тянувшихся по обоим берегам Оки.

Муромский край считался лесной стороной с давнего времени. Даже в XVI в. «Муромские леса, — по словам Герберштейна, — изобиловали мехами животных, медом и рыбой».

В Муромском уезде, по писцовым книгам, преобладала «средняя» и «худая» земля. Полоса относительно плодородной земли лежала на правом берегу Оки напротив самого Мурома. На рубеже XV и XVI вв. пахотная земля здесь считалась большой ценностью, которой обменивались местные феодалы. В одном случае такой мены пахотная земля считалась «в двух полях». Это может указывать на то, что трехпольное землепользование в это время здесь еще не существовало³⁶. Особенно обширными были лесные и сенные угодья. Некоторые деревни в XVI в. еще ставились «ново»³⁷.

И в Муромском крае преобладало поместное землевладение. Крупнейшим вотчинником был Троицкий Сергиев монастырь, в Муромском уезде, по итогам писцовых книг конца века, ему принадлежало 2 села, сельцо и 29 деревень, всего 244 крестьянских и 50 бобыльских дворов. Кроме того, несколько сел и деревень числилось за старыми вотчинниками по царскому указу, хотя эти земли даны были в монастырь вкладом³⁸.

МУРОМ

Центром края был город Муром, стоявший на берегу Оки. В Муроме находилась крепость — «город», имевшая немалое значение как передовой оплот в первой половине XVI столетия и не потерявшая окончательно своего значения во второй половине века.

Внутри города находился каменный собор Рождества Богородицы, под которым помещались две каменные палаты, служившие арсеналом. Собор был построен в XVI столетии и имел три верха.

³⁶ АСВР, т. I, № 601, стр. 498—499.

³⁷ ПК, I, стр. 884 и сл.

³⁸ Там же, стр. 873—892.

Следовательно, он был сооружен по типу шатровой архитектуры эпохи Грозного. В кремле помещались воеводский двор и съезжая изба. Крепость стояла на высокой горе, окруженной с двух сторон оврагами.

К городу примыкал посад с большим количеством церквей. Одна из них носила название Николы Мокрого. Церкви с таким наименованием обычно строились у речных пристаней.

По описи 1566 г., сделанной Бугурлиным, Муром рисуется как большой город, в котором насчитывалось 587 посадских дворов. Кроме того, отмечены дворы гостей и «белодворцев». К числу последних принадлежали дворы рязанского епископа, духовенства, ратных людей.

Среди ремесленников Мурома, по сотной 1566 г., указаны такие специальности: кожевники, скорняки, гончары, калачники, портные, сапожники, красильники, хлебники, серебряники, солодовщики, рыболовы, овчинники, плотники, маслобойцы и кирпичники. Более подробное ознакомление с данными сотной 1566 г. позволяет сделать вывод о том, что в Муроме преобладали ремесла, связанные с обработкой кожи. Проезжавший Муром в конце XVI в. дон Хуан Персидский действительно сообщает, что главным промыслом его жителей было дубление бычьих кож³⁹.

Весьма значительной представляется муромская торговля. В городе насчитывалось 315 лавок, «во всех рядах, и на площади, и по переулком», — сказано в выписи⁴⁰. В сотной названы Большой, Рыбный, Соляной, Калачный и другие ряды.

Торговля с отечественными и иноземными городами сосредоточивалась на Гостином дворе, где помещалось 17 лавок. Большое значение такой торговли в это время подчеркивается тем, что в Муроме насчитывалось 8 дворов гостей, плативших с двора по 2 золотых.

По сотной 1566 г., в Муроме было свыше 700 посадских дворов, населенных по преимуществу ремесленниками. Город живет еще полнокровной жизнью. Совсем иная картина рисуется в 1574 г. По подсчетам писца, в это время в Муроме насчитывалось всего 111 черных посадских дворов, в которых жили «молодые» люди. Страшному опустошению подвергся и муромский торг. Во всех рядах теперь насчитывалось всего 202 лавки. Запустение, можно сказать, охватило весь город. Государев двор обветшал, «хоромы — горницы и повалуши и сени — згнили и развалились». В лучшем положении находился государев «поledenный двор»;

---

³⁹ Из рассказов Дона Хуана Персидского. «Чтения ОИДР», 1899, кн. 1, стр. 11.

⁴⁰ АЮ, № 229. Сотная 1574 г., стр. 247—250. К сожалению, сотная издана с пропусками. Ее сведения пополняются другими материалами, в частности, книгой А. А. Титова «Историческое обозрение города Мурома» (Владимир, 1902). В полном и исправном виде сотную предполагает издать В. А. Кучкин.

предназначенный для ключников и поваров. На нем хранили на льду рыбу, «коли живут у государя рыбные ловли».

Общую картину опустошенного города не исправляют и сведения о беломестных дворах. Можно насчитать примерно 20 белых дворов, в том числе 3 двора мережников, ловивших рыбу на царский двор ⁴¹, 8 дворов пушкарей в Пушкарской слободке.

Как говорилось выше, всего на посаде, по описанию 1566 г., было 315 лавок, полков и лубеников, а в 1574 г. — 202 лавки и 117 пустых. В лавках на рынке торговали большей частью крестьяне из монастырского села Кудрина, а также из сел Карачарова и Панфилова ⁴².

Сотня Муром полна указаний на то, что Муром потерпел какую-то катастрофу между 1566 и 1574 г. Об этом говорит сам официальный документ, который цитировался выше, где читаем: «и убыло перед писцовою сотнею в Муроме на посаде черных тяглых дворов из жива в пусто 476 дворов». Предположение, что запустение Муром вызвано было особыми условиями, находит себе подтверждение в том, что в 1574 г. в Муроме оказываются не только посадские люди, муромцы, но и новгородцы. Муромцы и новгородцы должны были платить государевы подати вместе. Под этими новгородцами, видимо, надо понимать тех новгородских посадских людей, которые были выведены из Великого Новгорода после его разгрома в 1570 г. Не потерпел ли и муромский посад помимо мора подобный же вывод из него ремесленников и торговых людей? Впрочем, и в этом случае нельзя себе полностью объяснить запустение Муром. Здесь надо искать какие-то более закономерные причины, чем разгром, вывод и т. д.

Возможное объяснение запустения Муром можно искать в том перемещении торговых путей, которые произошли после присоединения Нижнего Поволжья к России. В первой половине XVI в. Муром служил отправным пунктом для судов, направлявшихся в Нижний Новгород. Позже Муром теряет свое торговое значение. Таким образом, падение муромского посада не случайно. Оно объясняется постепенным переходом торговли в соседние средневожские города.

---

⁴¹ Во время царских пиров подавалась «муромская лососина» (АИ, т. I, № 356, стр. 428).

⁴² Н. П. Травчетов. Город Муром и его достопримечательности. Владимир, 1903, стр. 31.

Глава XX

СЕВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ

ОБЩИЙ ОБЗОР

Северская земля, расположенная на территории бывшего Черниговского княжества, лежала на самой юго-западной окраине России XVI столетия по течению Десны и Сейма с их притоками.

Этот край находился под постоянной угрозой татарских нападений из Крыма, гранича на востоке и на юге с малозаселенной или почти не заселенной степью — диким полем.

Порубежное положение Северского края, или Северщины, создавало особые условия для развития его хозяйства. Здесь жили воинственные и суровые люди, которых наши источники называют «севрюками», иногда с прибавлением «мужики-севрюки». Охрана южных русских границ в значительной степени зависела от путивльских севрюков, которые ездили на Донецкие сторожи «из найму». Только в 1571 г. этот порядок был отменен, потому что «найм» обходился для государевой казны очень дорого, а наемные севрюки охраняли границу «неусторожливо», сообщая иногда ложные вести о движении татарских орд. На их место стали «верстать» казаков в Путивле и Рыльске¹, переходя к тому же типу пограничного войска, который к этому времени установился в Речи Посполитой.

Северскую землю иногда называли «Северской Украиной». По своим историческим судьбам она напоминала Заокский край. Здесь долгое время сохранялись удельные княжества, зависимые от литовских великих князей.

Литовские князья в конце XV столетия пытались создать в Северской земле небольшие удельные княжества во главе с беглыми князьями из московского правящего дома, рассматривая этих князей как постоянных претендентов на московский престол.

¹ Акты Московского государства, т. II, стр. 5—6.

В Северной земле сидели потомки Дмитрия Шемяки и можайских князей. Внук Шемяки князь Василий Иванович «Шемячичь» прославился как удачный полководец и гроза крымских хищников².

В 1500 г. северские князья признали власть московского великого князя. Официальным мотивом их перехода на сторону Москвы была «велика нужда о греческом законе», т. е. стеснения в исповедовании православия. Этот мотив обычно выставляется и в исторических работах как причина перехода северских князей на сторону московского великого князя. Но в этом можно сомневаться, так как в это время другие земли Литовского княжества, даже более близкие к католическим областям, не испытывали еще такого большого религиозного гнета, как впоследствии. Причиной тяготения к России была не столько религия, сколько экономические связи населения Северной земли с Россией, а также необходимость общей обороны от крымских татар.

В первой четверти XVI в. Северская земля была еще районом, где сохранялись уделы местных князей. Между ними шла непримиримая и ожесточенная борьба, закончившаяся гибелью самих враждующих князей и ликвидацией в 1523 г. удельного владения в Северской земле.

Тем не менее старые традиции удельного времени сохранялись в Северской земле очень долго благодаря ее пограничному положению. Ведь к ней с одной стороны примыкало Литовское великое княжество, с другой — подходило дикое поле. Дикое поле простиралось до владений крымских кочевников, постоянно совершавших набеги и на Литовское великое княжество, и на Россию.

Впрочем, сама природа давала Северщине средства для защиты: леса и развитая речная и овражная сеть препятствовали набегам татарской конницы. Реки Северского края и глубокие речные долины служили непреодолимым препятствием для татар.

Северская Украина успешно справлялась с крымцами, хотя татары в этих местах были нередкими гостями. Обычно они переправлялись через реку Сейм ниже Курска, у Городненского городища. Впрочем, татары предпочитали не иметь дела с севрюками, а направлялись к Москве или к рязанским местам, где можно было легче грабить и меньше рисковать.

Пограничное положение создавало в Северщине особые условия жизни: народ привык здесь к постоянной обороне, к войне. По образу жизни севрюки во многом напоминали казаков, населявших соседние украинские степи.

² О Василии Ивановиче Шемячиче еще долго сохранялась память в родословных книгах. «А у князя Юрья [Путятичева] князь Дмитрий Шемячичев племянник, потому что за князем Юрьем была князю Василью Шемячичу родная сестра», — читаем в Родословце (ГИМ, Родословец, Чртк. № 290, в 4^о, на 142 лл., скорописью XVII в. с добавлением XVIII в. На л. 96 — род князей Бабичевых и Путятичевых).

Боярское землевладение на Северщине было развито слабо, и это совершенно естественно, потому что оно обычно развивалось под охраной различного рода укреплений. Там же, где жить было опасно, трудно было заставить крестьянина работать на земле подневольно. И в Северщине долго существовали особые тяглые миры, в их числе знаменитая Комарицкая волость, лежавшая в районе Севска. Особое положение Комарицкой волости легко устанавливается нашими источниками. В конце XVI в. она оказала поддержку Дмитрию Самозванцу, люди «начаша сходиться на Добрыницах под Комарицкою волостью». Добрыницы, где произошла известная битва между войсками Бориса Годунова и Самозванца, находились несколько севернее Комарицкой волости.

Особое положение Комарицкой волости объясняется прежде всего ее географическим положением. На польской карте 1696 г. Севск и Комарицкая волость показаны окруженными со всех сторон открытой местностью. Вокруг Севска как бы четырехугольником помещается сплошной лес. Комарицкая волость представляла собой район, ограниченный громадными лесами, среди которых и стоял Севск. Даже в XIX в. Севский уезд насчитывал 30% площади под лесами, это старинные дубовые и сосновые боры.

Северская земля была тем местом, куда в большом количестве бежали беглые крестьяне и холопы; здесь в пограничном районе легко было укрыться³. Государевы сыщики ездили сюда неохотно, да и отправляли их в этот район редко. Ведь само правительство было заинтересовано в том, чтобы в Северщине оседало как можно больше пришлого люда. Недаром Авраамий Палицын писал: «кто злодействующий осужден будет к смерти и аще убежит в те грады польские и северские, то там и да избудет смерти своя».

В силу этого в Северной земле скопилось большое количество вольных людей, привыкших с оружием в руках защищать свою вольность. Когда отряды Дмитрия Самозванца вошли в Северскую землю, они нашли здесь много горючего материала. Беглые крестьяне и холопы, различного рода обиженный люд, просто авантюристы вливались в полки Самозванца.

Постоянные стычки на границе Северной земли отмечаются в Посольских книгах. Московское правительство жаловалось, например, в 1563 г., что каневские черкасы (казаки) с «бесерменами», под которыми надо понимать крымцев, вторгались в северские места и уводили оттуда пленных. О том же московское правительство писало и значительно позже, в начале XVII в., ссылаясь на то, что в Черниговском и Путивльском уездах литовско-польские люди причиняют русским людям «великие обиды»⁴.

Северские города казались чрезвычайно отдаленными от Москвы. Поэтому московское правительство, желая объяснить успех

³ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606—1607 гг. М., 1951, стр. 110—121.

⁴ Сборник Русского исторического общества, т. 71, СПб., 1892, стр. 146.

самозванцев в Северщине, писало, что люди приставали к самозванцам потому, что в «Северских и Украинных городех севрюки мужики люди простые и в Московском государстве мало бывают»⁵.

В другом месте то же объяснение преданности северских городов самозванцам дано в еще более резкой форме: «Тутошние мужики севрюки глупые прельстились и поверили».

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

О хозяйстве Северской земли имеются только немногие и отрывочные известия. Обычно приводятся слова Герберштейна, писавшего о ней следующее: «Севера большое княжество... Крепостей и городов в нем очень много, среди них более знамениты Стародуб, Путивль и Чернигов. Почва, поскольку она возделывается, плодородна. Леса изобилуют огромным количеством горюстаев, белок, куниц, а также меда»⁶.

К счастью, сохранились отдельные книги поместных земель Путивльского уезда, розданных детям боярским, черкасам, белодворцам, пушкарям, стрельцам, казакам, которые позволяют установить характер сельского хозяйства и землевладения в Северской земле.

Своеобразно само название отдельных книг 1594 г.: «Книги Путивльские письма и меры Ивана Семеновича Вохромеева да подьячего Алексея Малахова оброчных и сыскных земель и роздачи самопальникам 102-го году, сколько в Путивле по государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Руси указу устроено з головою с Олександром Хрущовым конных самопальников детей боярских, которые остались за путивльскими станицами и беспомесных новиков, и черкас, и белодворцов, и пушкарей, и затинщиков, и стрельцов, и атаманов и казаков оброчными и сыскными землями, что были на оброке во дворце и примерочными землями, что у детей боярских у станичников в их поместьях за их дачами примерено лишка из оброчных земель»⁷.

Хозяйство Северной земли в конце XVI в. отличалось большим своеобразием. Бросается в глаза, что размеры поместных наделов были значительными, но главное значение в этих наделах имели не пашни, а бортные ужогаи, которые приравнялись к пашне. Например, Роман Михайлович Ширяев получил поместье в Ордынской волости Путивльского уезда «на речке на Вере ужожей бортной с медвенным доходом со всеми угоды за пашню за

⁵ Сборник Русского исторического общества, т. 137, М., 1912, стр. 259.

⁶ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 109.

⁷ Книги Поместного приказа. Писцовые книги, № 367, 296 лл. Этот документ сообщен мне В. Н. Шумиловым.

50 чети». Богдан и Василий Денисовы владели старым поместьем их отца. Принадлежавшая им деревня носила название Бяземское селище Большой Угол. Дано было то поместье их отцу вместе с бортным ухожаем с окладом в 200 четей земли. Деревня насчитывала всего 2 бобыльских двора и двор помещика. К ней примыкала пашня размером в 25 четей, не считая 66 четей перелогу. На трехпольное землепользование может указывать помета: «в поле, а в дву по тому ж». Тем не менее и в этом поместье, где пашня имела уже некоторое значение, особо указан бортный ухожай, расположенный вдоль речки Клевной по обеим ее сторонам до устья речки Берюхи. Медовый («медвеный») доход засчитывался за 20 четей. К поместью были приписаны пожни, «меж поль по лугом и по дубровам», где собирали по 200 копен сена. Бортный лес настолько ценился, что помещику запрещалось его рубить: «А лес им сечь по дуброве у своей земли, а бортного лесу им не сечь».

О значении бортных ухожаяев в Северской земле говорят и другие сведения отдельных книг 1594 г. Гаврила Остафьевич Щетинин владел старым поместьем на реке Ворскле, где получал «медвеный» доход. Он платил оброк, состоявший из 2 пудов меду и 2 куниц.

Большое значение бортных ухожаяев ясно указывает на то, что лесные промыслы в Путивльском уезде еще имели большое значение. Земледелие же на Северщине было развито слабее, чем это можно было бы предполагать по плодородию почвы в этом районе.

В отдельной книге указаны и такие селения, где были крестьянские дворы. Федору Михайловичу Черепову, например, принадлежал жребий, в котором стояло 3 двора крестьян. В жребии Гаврилы Антыкова в деревне Нижняя Вязень насчитывалось 4 крестьянских двора. Там же стоял помещичий двор.

В целом перед нами рисуется картина только еще заселяющегося края с обширными лесами и пространствами лесостепи, среди которых лежали небольшие деревни. Сюда-то в эти земли и устремились потоки крестьянских переселенцев, бежавших из других областей России от закрепощения. Вслед за ними при Федоре Ивановиче и Борисе Годунове шли правительственные распоряжения, имевшие целью закрепостить не только бежавших крестьян, но и живших здесь севрюков, мужественно отстаивавших свои родные земли от татар. Они-то и поднялись на защиту своей прежней свободы, вступая в отряды Болотникова. Мужики-севрюки и казаки защищали свою суровую свободу и бились, не жалея своих голов. О казаках, оборонявших Кромь, осталась такая характеристика: «Они же казаки зломысленны и коварливы и бесстрасны к смерти и непокоривы и к нуждам терпеливы»⁸.

⁸ РИБ, т. XIII, изд. 2, СПб., 1909, стр. 36

К числу помещиков принадлежали по преимуществу мелкие провинциальные дети боярские. В документе 1605 г. перечислено до сотни детей боярских Новгорода Северского. Многие из них названы уничижительными именами: Васька Машин, Треня Белов и т. д. И такие наименования нельзя отнести просто к приказному слововыражению. В этом документе вначале дети боярские названы полными именами: Иван Козлов, Юрий Чубаров и пр., далее — именами уменьшительными: Васька Машин и др., а затем пренебрежительными: Ивашка Замятнин и др. Эти мелкие людишки, возможно, только что были причислены к числу детей боярских, отличившись при обороне Новгорода Северского от войск Самозванца⁹.

Отдельные книги 1594 г. были составлены для учета наделов, даваемых «самопальщикам», т. е. конным ратным людям, вооруженным огнестрельным оружием. Это была своего рода военная реформа местного значения. С. Б. Веселовский считает описание Путивля в 1594 г. «валовым», говоря об отдельных книгах этого года, цитированных выше¹⁰. Известно, что писцовые книги служили и документами, устанавливавшими крестьянскую крепость. Значит, отдельные книги 1594 г. отмечают определенный этап в правительственной политике закрепощения крестьянства и помогают понять, почему вскоре после их составления начинает развертываться народное движение, связанное с именем Хлопка, как протест против закрепощения.

ГОРОДА СЕВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ

Крупнейшим городом Северского края был **Путивль**. Здесь, собственно, и сосредоточивался центральный пункт обороны на юге России в первой половине XVI в., да и в более позднее время. Тут происходили встречи русских и крымских послов. Отсюда начинался путь в Крым, имевший некоторое торговое значение¹¹. Послы и купцы, направлявшиеся в Москву из Аккермана (Белгорода, на Черном море) и Крыма, как правило, ездили через Путивль. Путивль мог выставить 40 тыс. войск. В Путивле находилась каменная крепость, единственная каменная крепость, расположенная на юге России в XVI столетии. Путивль считался наиболее укрепленным замком в Северной земле¹². К сожалению, от этой крепости и от старых укреплений ничего не осталось вследствие несчастного случая: в крепости произошел взрыв порохового погреба, после чего остатки укреплений были срыты. Путивль имел крупное значение как пограничная крепость, и

⁹ Акты Московского государства, т. I, № 42, стр. 67—68.

¹⁰ С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. 2, стр. 620.

¹¹ ИСРЛ, т. XX, стр. 548, 571.

¹² С. Г. Г. и Д., ч. 2, № 81, стр. 176. Донесение относится к 1604 г.

«путивльские севрюки» нередко сидели в засаде, подстерегая крымских хищников¹³.

В начале XVII в. в Путивле насчитывалось 700 с лишним тяглых дворов, значит, существовал большой посад¹⁴. Это сведение о количестве дворов в Путивле особенно ценно тем, что оно показывает, что городская жизнь в Северной земле была развита значительно выше, чем обычно представляется. В Путивле насчитывалось несколько монастырей, в том числе женский монастырь Николы Можайского. По словам современника, «бе убо Путивль град велик и преизобилен и множество людей в нем»¹⁵.

Новгород Северский после Путивля был, пожалуй, самой значительной крепостью в Северной земле. По сведениям 1605 г., в нем насчитывалось не менее 20 пушкарей и 30 затинщиков. Количество казаков в Новгороде Северском измеряется цифрой в сотню человек¹⁶.

Почти на самой литовской границе стоял **Чернигов**, когда-то центр могущественного княжества. Через Чернигов шла значительная торговля с соседней Украиной. На это указывает жалоба литовских властей о том, что воевода черниговский обидел кушцов из Любеча. Эти «купцы любецкие... ездили с товары до Чернигова, которого было товару за тысяча рублей». О торговле любецких кушцов с Черниговом сообщают и другие сведения в тех же посольских книгах. В них указаны следующие имена кушцов из Любеча: Степанко, Турок, Корень Федоров, Лукьян. Товару у них оказалось на 77 рублей. Черниговский воевода сообщал, впрочем (1564 г.), что купец Турок ездил с товаром из Любеча в Чернигов в качестве шпиона¹⁷.

Маленькое дополнение к тем скудным сведениям, которые мы имеем о Чернигове, дает приходо-расходная книга Владимирской чети 1614 г., когда Чернигов был разорен и стоял пустым. Книга упоминает о старом окладе 1602 г., по которому Чернигов платил лавочный оброк в 7 рублей, а с оброчных земель, с озер и с бань 17 рублей. Эта сумма настолько незначительна, что говорит о малой роли города¹⁸.

Значительной крепостью был **Рыльск**, о котором, впрочем, как о городе почти ничего не известно.

Некоторые сведения о Путивле и Рыльске дают и писцовые книги 1625 г. и переписные книги 1646 г. Но эти сведения относятся уже к такому позднему времени, что никак не могут характеризовать положение этих городов в XVI в.

¹³ АИ, т. I, № 228, стр. 433—434, 1589 г.

¹⁴ П. П. Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII в., вып. 2, стр. 41.

¹⁵ Исторический архив, кн. VI, стр. 97—98.

¹⁶ Акты Московского государства, т. I, стр. 72—73, 1605 г.

¹⁷ Сборник Русского исторического общества, т. 71, стр. 750, 761, 762.

¹⁸ РИБ, т. XXVIII, стр. 64.

Значительным городом был **Стародуб**. О Стародубе имеется несколько противоречивое известие 1536 г. по случаю осады этого города литовскими войсками. В нем говорится, что город Стародуб «мал, а людей в нем мало», и тут же сообщается, что во граде было «всех людей 13 тысяч мужей и жен». Последняя цифра, вероятно, дает представление не о населении самого Стародуба, а о количестве собравшихся в нем во время осады людей. В том же году земляной город в Стародубе был вновь поставлен на старом основании. В 1543 г. город Стародуб выгорел от молнии. «А посада бог помилова», — замечает летописец, тем самым сообщая и о существовании стародубского посада¹⁹.

Остальные города Северной земли, видимо, были небольшими крепостями. Среди них один источник называет три города в Комарицкой волости: Севский, Радогост, Бросовский²⁰. Из других источников узнаем о существовании Монастырева городка в районе Чернигова. Вероятно, найдутся упоминания и о других северских городках типа пограничных крепостей; так, например, назван Чалымский городок.

---

¹⁹ ПСРЛ, т. XX, стр. 438, 463.

²⁰ М. Н. Тихомиров. Новый источник по истории восстания Болотникова. Исторический архив, кн. VI, стр. 87.

Глава XXI

ЗАСЕЛЕНИЕ СТЕПНОЙ ОКРАИНЫ

ДИКОЕ ПОЛЕ

Обширные пространства лесостепи, лежавшие к югу от Оки, как говорилось выше, назывались диким полем. В течение нескольких веков в диком поле население располагалось как бы своего рода островками. Только в XVI в. медленно, но методически граница России постепенно продвигается на юг. Именно в этом столетии начинается постоянное поступательное движение русского населения в сторону Черного моря. В диком поле возникают новые города, заселяются, осваиваются новые районы, устраиваются сторожевые «засеки», организуется станичная служба.

Особенное развитие этот процесс получает во второй половине XVI в., после завоевания Казанского ханства, когда дикое поле оказалось как бы зажатым между Поволжьем и Северной землей. Присоединение Поволжья к России явилось предпосылкой освоения дикого поля и его нетронутых «целинных» земель.

Наши источники позволяют проследить постепенное перемещение границ России XVI в. на юг.

Еще в начале этого столетия главной оборонительной линией России служила Ока. Вдоль нее располагаются города-крепости, на ней стоят войска, выдвинутые для защиты русских окраин от врага. В 1514 г., во время похода Василия III на Смоленск, «для береженья» стояли войска «по украинам» у Тулы и на реке Угре.

В 1527 г. линия береговой охраны проходила через города Переяславль Рязанский, Каширу, Коломну, Тулу, Одоев. В 1557 г. она спускается еще южнее и проходит уже через Калугу, Козельск и другие южные города. Еще позже сторожевые отряды спускаются к Донцу, в непосредственную близость к причерноморским степям; Донец представлял собой ту линию, южнее которой русские

сторожевые отряды не заходили, если не считать землю донских казаков, подошедшую к берегам Азовского моря¹.

Распределение сторожевой службы в диком поле соответствовало заселению края. Однако в течение всего XVI в. условия жизни в «польских городах», или городах «от поля», оставались небезопасными. Это был район, где люди жили под угрозой постоянных набегов крымских татар; эти набеги трудно было предотвратить и даже предугадать.

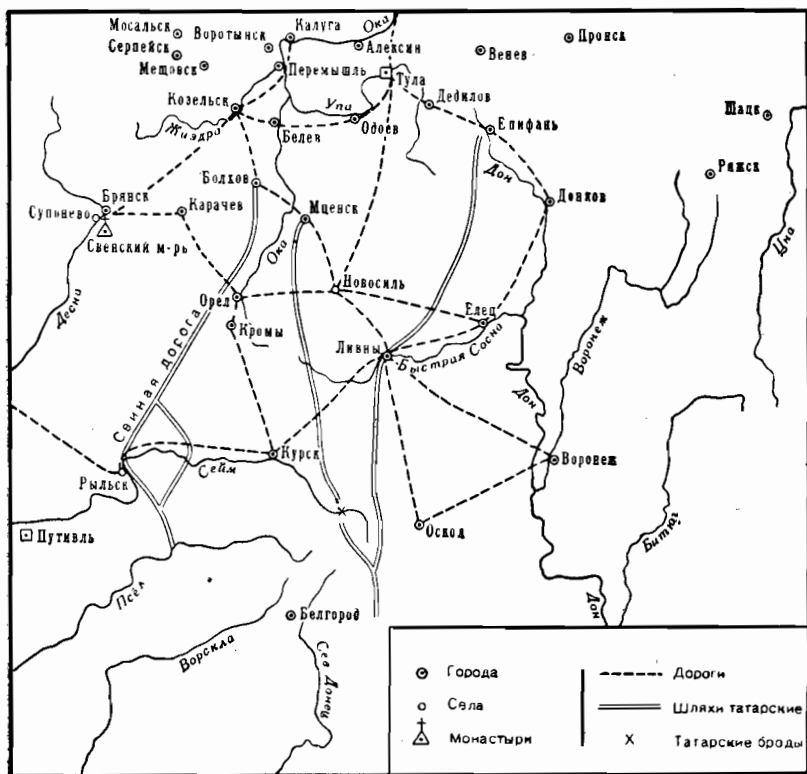
Сохранились воспоминания о страшных татарских разорениях не только окраинных городов, но и центральных областей России, богатых и густо заселенных. Особенно памятен был опустошительный набег 1571 г., когда Москва была сожжена и многие москвичи вместе с самыми московскими воеводами погибли в огне и дыму. С. Ф. Платонов так характеризует особенности татарских военных приемов, с которыми приходилось бороться в диком поле: «Свойства врага, которого надлежало здесь остерегаться и с которым приходилось бороться, были своеобразны: это был степной хищник, подвижной и дерзкий, но в то же время нестойкий и неуловимый. Он „искрадывал“ русскую Украину, а не воевал ее открыто войною, он полонил, грабил и пустошил страну, но не завоевывал ее, он держал московских людей в постоянном страхе своего набега, но в то же время он не пытался отнять навсегда или даже временно присвоить земли, на которые налетал внезапно, но короткою грозой»².

Впрочем, эта характеристика крымских набегов требует поправки. Крымский хан, поддерживаемый Турцией, делал попытки укрепиться к северу от Донца. Для России была памятна попытка крымского хана при поддержке янычар взять Тулу во время похода Ивана IV на Казань. Набег Девлет-Гирея в 1571 г. был инспирирован турецким султаном. В 1569 г. происходила памятная осада Астрахани турецкими войсками. Как видим, попытки основаться в русских землях при поддержке Турции делались крымскими ханами, но заканчивались неудачей.

Над южными русскими городами висела не только угроза короткой грозы, как пишет С. Ф. Платонов, но постоянная опасность. Ряд крепостей, засек, сторожевых станиц охраняли «польские» города, но и через них пробивались татарские отряды, шедшие излюбленными дорогами, шляхами. Эти шляхи были устойчивыми, так как татары пользовались далеко не всякими дорогами, а выбирали пути, особенно удобные для движения конницы. Татарский шлях обычно проходил в междуречьях. Крымские хищники избегали переправ через реки, избегали большого количества оврагов, избегали лесных пространств; все это служило препятствием на их пути. Поэтому излюбленный татарский шлях направлялся

¹ Акты Московского государства, т. I. Документы о станичной службе.

² С. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 67.

Дикое поле в XVI столетии

обычно в обход рек и сколько-нибудь значительных препятствий на пути конницы; ведь основная тактика татарских набегов заключалась в их быстроте и внезапности. Крымцы стремились пробраться на север быстро, чтобы станичники, «сходники», как еще в XIV веке называли людей, несущих сторожевую службу в степях, не успели известить московские отряды или пограничных воевод о движении татар³.

Самый главный шлях носил название Муравского. Он проходил между верховьями Ворсклы и Северного Донца, между Сеймом и Осколом, между Зушею и Красивой Мечей и выходил к Туле. Впрочем, Тула представляла собой то место, к которому сходились все татарские дороги. Вот почему в Туле был построен большой каменный кремль, «муровое место», как его называет Курбский

³ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.—Л., 1948.

в своей «Истории великого князя Московского». Построением крепости имелось в виду закрыть выход татарских отрядов к Оке. И другие крепости были построены в тех местах, где проходили татарские шляхи; они как бы запирали проходы, через которые дерзкий и неуловимый враг мог пробраться на север.

Население в южных городах России жило в постоянной тревоге и не надеялось на крепости. Любопытный материал для истории южной окраины России дают монетные клады, найденные на ее территории. У села Семеновки Троицкой волости Щигровского уезда был найден медный горшок с серебряными монетами царей Михаила и Алексея Романовых. На горшке грубо нацарапано имя «Михалко Косолап», напоминающее о прозвище Хлопка Косолапа — предводителя восставших крестьян в 1604 г. В Путивле при разборке старого каменного дома под одним из камней фундамента нашли серебряный бокал с крышкой, наполненный серебряными монетами времен царствований Федора Ивановича, Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца.

В Курском уезде был найден клад польских монет, в том числе золотых дукатов, кончая 1632 г.⁴

КРЕСТЬЯНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

Есть что-то не вполне понятное и чудесное в заселении обширнейших южнорусских степей, подвергавшихся постоянным набегам татар. Еще в начале XVI в. Ока была основной линией, на которую опирались «польские» города, а спустя 75 лет новые города появляются уже на Донце.

Что же способствовало заселению дикого поля? По-видимому, объяснение быстрому продвижению русского населения на юг нужно искать не во внешнем, а во внутреннем положении России; видимо, в экономической и социальной жизни русского народа произошли какие-то большие сдвиги, заставившие крестьян бросать старые насиженные места и переселяться в плодородную, но постоянно подвергавшуюся опасностям лесостепь.

К тому же быстрое заселение лесостепи не является чисто русской особенностью. Это показывает история Украины, где во второй половине XVI в. также происходило освоение степных пространств к югу от Киева.

Пока трудно дать точный ответ на вопрос о том, какие причины вызвали передвижение населения в России и на Украине в сторону черноземного юга, имевшее колоссальное значение для истории России и Украины. Можно только высказать гипотетические соображения о том, что важнейший экономический сдвиг,

⁴ Т. А. Горохов. Монетные клады Курской губернии. «Известия Курского губернского общества краеведения», 1927, № 4, стр. 33—34.

открывший южные степи, произошел в силу быстрого роста населения России после прекращения внутренних феодальных войн.

В XVI г. возникает большой спрос на сельскохозяйственные продукты. Пока население на севере и в центре России могло удовлетворять свои потребности небольшими запашками, пока рыбные и лесные богатства, восполнявшие недостаток в хлебе, еще не были истощены, население прочно держалось за лесные пространства. Увеличение плотности населения толкало на расширение запашки, но рутинное средневековое земледелие не могло заметно расширяться в условиях плохой земли и обилия лесов и болот.

Наряду со сдвигами в экономике России происходил и сдвиг в социальной жизни русского народа, обусловленный закрепощением крестьян. Общепринято мнение, что закрепощение крестьян началось с конца XVI в. и явилось прямым следствием Ливонской войны и опричнины. И это мнение правильно, если конец XVI столетия считать временем юридического оформления крестьянской крепости. Но процесс закрепощения развивался медленно, уже с конца XV — начала XVI в. Он был связан с общими экономическими явлениями, которые наблюдаются во всей тогдашней Европе. Уже в первой половине XV в. происходит непрерывное бегство крестьян и холопов на окраины. Этот процесс особенно усиливается во второй половине XVI в. не только в России, но и на Украине.

Одни и те же явления порождали одни и те же следствия. Степные окраины на Украине и в России были тем местом, где холопы и крестьяне спасались от феодального гнета. Они оседали в речных долинах, поросших лесом, среди оврагов и буераков. За ними шли служилые люди и феодалы, строявшие свои городки. Так возникают крепости, подобные Веневу и Епифани, принадлежавшие русским феодалам, в которых те стремятся устроиться так же удобно и долговечно, как сидели на Украине Вишневецкие, Конецпольские и другие магнаты.

Постоянное стремление дореволюционной историографии всюду и везде видеть благодетельные результаты правительственных распоряжений, представлявшее своего рода скрытую поддержку и восхваление самодержавия, вызвало к жизни теорию о правительственной колонизации степных окраин России, поборниками которой выступили Д. И. Багалей и М. К. Любавский.

Багалей так сформулировал свои представления о колонизации русской степной окраины: «Итак правительство играло важную роль в деле заселения степной окраины: оно устраивало и укрепляло города и селения, заселяло их своими служилыми людьми, снабжало этих последних всем необходимым — землей и денежным жалованьем, давало им воеводу и приказное управление, наконец, принимало непосредственное участие в земледельческой и промышленной культуре. С полным правом, следова-

тельно, великорусскую колонизацию степной окраины московского государства можно назвать государственной». Последнее слово Д. И. Багалей подчеркивает курсивом.

Как видим, это настоящий гимн в честь царской администрации XVI—XVII вв. Для народа в нем не остается ничего; народ должен только воспринимать благодетельную заботу царского правительства в лице его воевод, которые принимают участие даже в земледельческой культуре. И Багалей действительно тут же замечает: «После всего сказанного нам стало понятно, как мало личной инициативы и предприимчивости оставалось на долю самого населения»⁵.

Увлечшись восхвалением воеводских порядков Московского государства, Багалей, впрочем, даже не потрудился ответить на простой вопрос, откуда же брались рабочие руки для выполнения сельских работ, как получалось, что новый край оказывался заселенным крестьянами. Ведь правительство издавало приказы, запрещающие бегство крестьян от помещиков. Как и чем жили крестьяне на новых местах? Ведь они денежного жалованья не получали. Чтобы ответить на этот вопрос, Багалей идет на прямые искажения, уверяя, что «сходцы» в южнорусские степи были вольными людьми, а не беглыми крестьянами. Что же привлекало вольных людей в дикое поле с его опасностями? Никакого ответа на этот вопрос обширное исследование Багаля не дает.

Между тем небольшое количество построенных городков и сторожевая служба не в состоянии были обеспечить безопасность переселенцев из России в дикие степи, как показывают сведения о татарских набегах XVI в. Именно деятельное и живое участие переселенцев только и сделало возможной охрану новых освоенных мест в диком поле. Правительственные меры помогали защите края и его дальнейшему заселению, но были такие районы, где возникали мощные скопления беглых крестьян и холопов, хотя там не было правительственной или «государственной колонизации». Так, можно сказать, под носом у турецких пашей, сидевших в Азове, появилось Донское казачье войско, а в далекой степи на реке Урал осели яицкие казаки, хотя государственная колонизация в XVI столетии и не заглядывала на Дон и на Яик.

Без поддержки населения, без его непрерывного поступательного движения на юг дикое поле осталось бы незаселенным и новые города стояли бы одиноко. Так и случилось с Царевом-Борисовом на Донце, запустевшим вскоре после его основания. К тому же обширное пространство дикого поля далеко не всюду было степью; часть его представляла собой в сущности не степь, а лесостепь. Леса располагались большими массивами по долинам рек, как, например, в районе Тулы, где они известны и теперь под ста-

⁵ Д. И. Багалей. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887, стр. 131—132 (далее — Д. И. Багалей. Очерки).

рым названием «засеки». Еще в середине XIX столетия в Тульской губернии те пространства, которые в старое время причисляли к дикому полю, были покрыты лесом (до $\frac{1}{3}$ всей площади). В более раннее время лесов здесь было значительно больше. Совершенно естественно, что район Тулы был заселен с давнего времени и никогда не был пустынным.

Дикая степь была населена и к югу от Тулы. Так, в верховьях Дона стоял городок Дубок. В списке русских городов дальних и ближних конца XIV столетия названы и другие городки. В списке упомянут городок Корнике, тогда как Тула отсутствует. Между тем на реке Шать стоит селение Корницки; была и Корницкая засека в XVII в.

Здесь, кажется, и находим разгадку того, что Тула так поздно появляется в наших источниках. Ее предшественником был городок Корнике.

Платонов считает новыми городами Крапивну, Одоев, Новосиль, Мценск, Чернь, т. е. города, лежавшие в непосредственной близости к Туле. Крепости в этих городах действительно были построены в XVI—XVII вв. со специальной целью — воспрепятствовать наступлению татар на север, но Одоев и Новосиль существовали гораздо раньше. Новосильские, одоевские, мценские, торусские князья в годы татарского ига известны как самостоятельные князья. Имеются указания и на поселения в районе Красивой Мечи и Быстрой Сосны, существовавшие еще в XIV в., как показывают сказания о Куликовской битве.

Росписи сторожевых станиц конца XVI в. рисуют Елецкий уезд передовым форпостом. На устье реки Тальца (Тальчика), впадающей в Быструю Сосну, менее чем в 20 км от Ельца, стояла передовая застава. Позже на этом месте возникает Талецкий острожек⁶.

Основанию городков нередко предшествовало появление в их районах поселенцев. Во второй половине XVII в. было написано сказание о Курской иконе Божьей матери. На этом основании сказание считается произведением малодостоверным, но в нем есть черты, ясно обнаруживающие древность тех преданий, которые легли в основу рассказов о появлении Курской иконы. В сказании говорится, что в район разоренного Курска приходили люди из Рыльска «прибытка ради своего, зверей и меда». Один из таких промысловых людей в 12 верстах от Курска увидел лежащий лицом к земле образ Богородицы. Человек, нашедший икону, вместе

⁶ Местный автор возводит основание Талецкого острожка к 1592 г. В церкви Казанской Божьей матери в острожке сохранилось Евангелие с записью 1638 г. «в новую в Талецкую в острожскую церковь». К этому времени восходит и построение Талецкого острога (теперь село Талец). Однако поселение могло возникнуть еще в XVI столетии. Е. И. Назаров. Историко-статистический очерк бывшего Талецкого острожка. Труды Орловской ученой архивной комиссии, вып. 4, 1899.

со своими спутниками построил на горе небольшую часовню и поставил в ней образ. Время, когда произошло это событие, датируется дальнейшим рассказом о гордости рыльского князя Шемяки. Речь идет, несомненно, о князе Василии Ивановиче Шемяке, или Шемячиче, имя которого было забыто, а прозвище сделалось его именем при устной передаче. Таким образом, оказывается, что район Курска еще до основания городка не был совершенно пустынным. В сказании отмечается, что Курскую икону носили в Рыльск и к ней ездили из Рыльска на поклонение, несмотря на то что часовня стояла в 160 верстах от города.

Говорить о том, что область «польских городов» была заново заселена только в XVI в., нет оснований. Вероятно, она никогда не испытывала полного запустения.

Тем не менее нельзя отрицать того, что и правительственная колонизация имела громадное значение. Она заключалась в постепенном закреплении края, вероятно, уже отчасти обжитого предшествующей крестьянской колонизацией. Укрепления небольших городков, существовавших здесь, приводятся в порядок, заселяются старые городища и на них устраиваются новые крепости, приводятся в порядок старые городские укрепления. Параллельно с укреплением обжитых районов передвигается на юг линия сторожевой службы. Вначале береговая служба была сосредоточена на Оке. Позже передовой линией обороны становится река Быстрая Сосна, потом Донец, поблизости от которого возникает Царев-Борисов.

НОВЫЕ ГОРОДА НА ЮЖНОЙ ОКРАИНЕ РОССИИ

Во второй половине XVI в. в диком поле появляются новые крепости, очень часто возникающие на старых местах, где когда-то стояли города, разрушенные монголами, Тимуром или постоянными набегами крымских хищников. Так, на старом городище вновь строится Курск, когда-то прославленный в «Слове о полку Игореве», воспевшем «курян», известных воинов, знавших все окрестные лощины и овраги. Елец также возникает на старом месте.

В 1566 г. «на поли на реке Орле» был построен город Орел⁷. Вслед за этим появились другие «польские города». В 1586 г. строятся город Ливны на Быстрой Сосне и город Воронеж на реке Воронеже. С этого времени Ливны и Воронеж сделались крупнейшими крепостями, задерживавшими татарские отряды на их пути к Оке. В 1592 г. был построен Елец, в 1593 г. — Белгород, Оскол и Валуйки, а в верховьях реки Оки — Кромы. В 1597 г. на старом

⁷ РИБ, т. III, стр. 284 (Александро-Невская летопись).

городище возник Курск, когда-то крупный центр Черниговской земли⁸. К началу XVII в. русские поселения достигли уже Донца, где был построен город Царев-Борисов.

Строительство городов в диком поле особенно развывается в конце XVI столетия при царе Федоре Ивановиче. В общей форме летопись относит построение ряда городков к этому времени, называя среди них Белгород, Оскол, Валуйки, после которых были поставлены Воронеж, Ливны, Курск, Кромы⁹.

Построению городов предшествовало устройство сторожевых станиц в разных местах дикого поля. В 1571 г. сторожевые отряды стояли на Сосне «усть Ливен», там, где впоследствии был построен город Ливны. Другая сторожевая станица стояла на Сосне у Талецкого брода, где впоследствии возник Талецкий острог.

Позже, в 1598 г., одна станица стояла на реке Валуйке, впадавшей в Оскол, где впоследствии возник город Валуйки.

В 1591 г. в Ливнах уже стоят «две станицы добрые». Они охраняют дикое поле не только от татар, но и «от черкасов» (украинских казаков).

Заключительным этапом построения городов в степи было основание Царева-Борисова. Около 1599 г. царь Борис послал Богдана Яковлевича Бельского, прежнего любимца Грозного, на юг для построения города «от крымския страны». С Бельским поехало много стрельцов и казаков, «а иным повеле там жити казаком и стрельцом». Место для города было выбрано при впадении одной речки в Оскол, где около «Бахтина колодца» существовал знаменитый татарский перелаз. По Книге Большому Чертежу, на устье «Бахтина колодца» и стоял новый Царев город. Впрочем, Замысловский помещает Борисов гораздо южнее, почти при впадении Оскола в Донец. На карте же Делиля начала XVIII в. Царев-Борисов показан несколько в стороне от Оскола и от Донца.

Посылка Богдана Бельского на юг была обусловлена стремлением Годунова, с одной стороны, укрепить южные окраины России, а с другой, отослать подалее нежелательного сановника. Однако Бельский использовал этот случай по-своему, как об этом мы читаем в Новом летописце: «Богдан же Яковлевич многое име богатство, и взя с собою всего с избытком, и пришед во указанное место, нача своими людьми прежде строити его, и сдела башню и немалую часть града с великою крепостию и оным подобием повеле прочее града созидати зиждущим, и вскоре соверши

⁸ Д. И. Багалея. Очерки, стр. 38—39.

⁹ «Того же году (1593) царь Феодор Иоаннович, видя от крымских татар своему государству войны многия, и помысли поставити по сакмам татарским города, и посла воевод своих со многими ратными людьми. Они же шедше поставиша на степи города: Белгород, Оскол, Валуйки и иные города. От тех городов поставиша на украине города Воронеж, Ливну, Курск, Кромы, и насади ратными людьми, казаками и стрельцами и жилищными людьми» (Летопись о многих мятежах.— Изд. 2. М., 1788, стр. 35. В издании вместо «Ливну» напечатано «Литву»).

и устрои всякими крепостями и жителями насели. Во время ж здания града всех ратных людей кормяше и пояше своими запасы, иным же подавая деньги, а иным дарова одежды, и всем их наделяше, наполняя недостатки их, начаше же его вси прославляти и блажить, пройде же от ратных людей и на Москве о нем велия похвала».

Для утверждения своего владычества Бельский, как видим, старался привлечь на свою сторону служилых людей, казаков, стрельцов, одним словом, ратных людей, которые получали от него подарки и деньги. Возможно, Бельский следовал тем приемам, которые имел перед глазами, примеру того же Мстиславского, поставившего городок на Веневе. Результат происков Бельского был тот же. Борис Годунов велел схватить Бельского, как злодея, и заточить, «прочих же старейших дворян, которые у него в полку были, Андрея Зиновьева со товарищи, также разори и заточи»¹⁰.

В чем же заключалась вина Бельского? Иностранные свидетельства говорят, что Бельский называл себя Борисовским царем. Эта похвала дошла до подозрительного Бориса и вызвала расправу. Но опалу Бельского можно поставить и в связь с тем, что Царев-Борисов был основан на далекой окраине в соседстве с донскими казаками и с Крымом. В этой далекой и пограничной области Богдан Бельский мог сделаться своеобразным Вишневецким на русской окраине.

В диком поле, где возникали правительственные городки, оставались все-таки места, мало доступные для царских воевод, хутора и поселения, скрытые от чужих глаз. В дикую степь шло воинственное и предприимчивое население. Сюда бежали крестьяне и холопы от барского гнета, их влекла сюда жизнь вольная, но в то же время опасная. И действительно, во время восстания Болотникова на юге России оказалось большое количество военных людей высокой квалификации. Вспомним казаков, сидевших в Кромах со своим атаманом Карелою, битвы при Пчельне, под Калугой, осаду Тулы и др. В отрядах Болотникова принимали участие мелкие служилые люди: казаки, стрельцы, беглые крестьяне и холопы.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ

Наши источники показывают, что пустых земель, годных для пашни, в освоенных местах оставалось очень много. В некоторых случаях само правительство готово было раздавать земли атаманам и казакам «безданно и безоброчно», как это сказано в наказе Бельскому о построении Царева-Борисова.

Впрочем, наказ о построении Царева-Борисова не является типичным. В других случаях царские грамоты определяли грани-

¹⁰ Новый летописец, стр. 53—54.

цы жалованных земель, иногда очень приблизительно. В 1599 г. Белгородский монастырь получил во владение не только пахотные земли, но и обширные угодья по речке Волчьи Воды вместе с бортными ухояями, рыбными и звериными ловлями. В пригородных районах Белгородского уезда при Борисе Годунове стрельцы получили помимо пахотной земли сennie покосы по 5 десятин на стрельца¹¹.

Картину степной окраины конца XVI в. дает писцовая книга поместных земель Орловского уезда, составленная в 1594—1595 гг. Обширный Орловский уезд был населен слабо. Во всех его четырех станах, по писцовым книгам, насчитывалось несколько более 3 тыс. дворов. Если принять норму в шесть человек на двор, основательно аргументированную П. П. Смирновым¹², то общее население уезда составит всего 18 тыс. человек. Правда, в эту цифру не войдет население самого города Орла и некоторых других поселений, почему-либо не отмеченных писцовой книгой, но и в таком случае заселенность уезда покажется очень слабой. В одном Орловском уезде во второй половине XIX в., по площади гораздо меньшем, чем Орловский уезд XVI в., жило более 130 тыс. человек (без города Орла).

Карта Орловского уезда в конце XVI в., составленная П. П. Смирновым, показывает, что население жило в этом уезде под прикрытием лесов, примыкавших здесь к Оке и ее притокам, точнее сказать, население Орловского уезда группировалось в районе лесных массивов. Поэтому при записях о селениях мы везде находим указания на «лес дуброву»¹³. Это явление вполне понятно в условиях южной окраины, нередко подвергавшейся татарским нападениям.

Основным занятием жителей на степной окраине было земледелие. Земля здесь обычно оценивалась «доброй» и в больших количествах предоставлялась для распахки. Тут на двор приходилось в среднем от 20 до 30 десятин пахотной земли, не считая других угодий¹⁴. Запасы еще неиспользованной целины были настолько большими, что в писцовых книгах постоянно имеются ссылки на дикое поле, которое значительно превышало площадь распаханной земли: «пашни паханые добрые земли 3 чети, да дикого поля 30 четьи с третником в поле, а в дву потому ж»¹⁵.

Малый размер распахиваемой земли по сравнению с отведенными угодьями объясняется тем, что хлебные излишки не находили еще сбыта, торговать ими фактически не было возможности. По крайней мере, о значении Орла как хлебной пристани извест-

¹¹ Д. И. Багалей. Очерки, стр. 125—126 и 113, 118.

¹² П. Смирнов. Орловский уезд в конце XVI века по писцовой книге 1594—95 гг. Киев, 1910, стр. 70—78.

¹³ ПК, II, стр. 888 и сл.

¹⁴ Подсчеты П. П. Смирнова (Орловский уезд в конце XVI в., стр. 77).

¹⁵ ПК, II, стр. 929.

но с конца XVI в. Относительно большее значение имело скотоводство, судя по размерам собираемого сена. На один помещичий двор без крестьянских дворов здесь собирали сена 50, 100, 150, иногда 300 копен. Эти цифры стоит сопоставить с количеством сена, собираемого в те же годы в вотчинах Троицкого Сергиева монастыря в Углицком уезде, богатом сенокосами. На 235 крестьянских дворов с 2 монастырскими дворами там заготавливали 2910 копен¹⁶. В Тайчукове же стане Орловского уезда на 400 дворов накашивали почти 10 тыс. копен. Таким образом, степная окраина была богата еще всеми угодьями: хорошими пахотными землями, лугами, лесными дубрами. Слабое ее заселение объясняется постоянной угрозой татарских набегов.

Основное население края составляли крестьяне, которые пополнялись приходцами. Из числа приходцев формировались бобыли, оседавшие на землю. Среди бобылей найдем и некоторое количество людей, занятых различными промыслами. Кроме того, отмечаются дворы церковных людей. Характерно, что во всем Орловском уезде было только 6 сел. Церкви размещались на погостах, следовательно, в стороне от селений, в них «всякое церковное строение» принадлежало прихожанам.

Край только стал заселяться, и этим объясняется своеобразие его служилого землевладения. Обычное поместье состояло из усадьбы (двора) и 1—2 крестьянских дворов.

В числе помещиков Орловского уезда преобладали мелкие боярские дети.

Порядки в степной Украине были значительно менее строгими, чем в центральной полосе России. Об этом свидетельствует царский указ 1596 г., отмечающий бегство болховских детей боярских и кромских помещиков со службы. Некоторые из них так и не приехали на сборный пункт в Курск, а другие тотчас же бежали¹⁷.

ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

Русские поселения в XVI в. распространились на низовья Дона, где образовалось донское казачество, заселившее значительную территорию. Донские казаки поселились в непосредственной близости к турецкой крепости Азов, тогда как громадные пространства по Среднему Дону еще долгое время оставались незаселенными. Только в конце XVI в. был построен Воронеж, на полпути между Ельцом и Азовом. До этого времени почти на всем протяжении Дона, начиная от его верховьев, от города Донкова, вплоть до низовьев этой мощной реки, где стоял Азов, не было городов.

¹⁶ ПК, II, стр. 29.

¹⁷ Русский исторический сборник, т. 2, стр. 197.

О начале донского казачества существует ряд предположений, а также легенд, которые переданы в сочинении А. А. Ригельмана, помещика Черниговской губернии. Ригельман добавил к этим легендам свои собственные рассуждения и отнес возникновение донского казачества к X в., ссылаясь на сочинения Константина Багрянородного, а также на Киевский Синописис. Ригельман писал в 1778 г. в соответствии с историческими представлениями того времени, но собрал любопытный и нужный материал.

Ригельман считал, что донские казаки первоначально жили в верховьях Дона, «от Воронежа реки вверх по Дону». Но это предположение очень сомнительно. Вероятнее предполагать, что донские казаки, вернее их предшественники, с давнего времени жили в низовьях Дона, по берегам реки, занимаясь главным образом рыболовством, подобно тем бродникам, которые обитали в низовьях Дуная.

Во всяком случае, на существование русского населения в бассейне Дона в XIV столетии определенно указывает грамота митрополита Алексея на Червлёный Яр «и ко всем городом по Великую Ворону», написанная не позже 1358 г. по случаю тяжбы фязанского и сарайского епископов о границах их епархий¹⁸.

Старое предание рассказывало, что в Куликовской битве принимали участие и донские казаки, подарившие Дмитрию Донскому образ Донской Божьей матери: «донские казаки, уведавши о пришествии благоверного великого князя Дмитрия Иоанновича в междоречии Дону и Непрядвы, вскоре в помощь православному воинству пришли бяше»¹⁹.

Позднейшие разорения как от нападений Золотой Орды, так и от тимуровых войск, дошедших до Ельца, оставили страшные следы в виде сплошной пустыни, но едва ли уничтожили все русское население в бассейне Дона.

В XVI столетии в документах появляются упоминания об азовских казаках, грабивших путешественников в дикой степи. И. Багалея считает этих казаков татарами, жившими в Азове, и пускается в пространное рассуждение об азовских татарах, которые якобы не могли отвыкнуть от привычек кочевого народа²⁰. Но это рассуждение основано только на том, что документы называют казаков азовскими, а также на представлении, что русские казаки не стали бы грабить русских послов и купцов. Представление основано на шатких предположениях. Ведь сами царские грамоты заявляли, что «казаки волжские и донские на Волге воруют, наших послов и государевых послов громят и грабят и побивают».

¹⁸ РИБ, т. VI, изд. 2, № 18, стр. 163—164.

¹⁹ И. Забелин. Историческое описание Московского ставропигиального Донского монастыря, стр. 4 (примечание). Взято из предисловия к вкладной книге монастыря 1692 г. («слово известное»).

²⁰ Д. И. Багалея. Очерки, стр. 3.

Пользуясь своим пограничным положением, донские казаки нападали на русских послов и их караваны, спасаясь в случае необходимости в Азове. Об этом читаем в посольских документах²¹. Сами царские власти признавали, что донские казаки, «бегая из нашего государства», много лет живут под Азовом и всякие дела у них делаются без царского ведома.

В раздольных придонских и приволжских степях сходились разные люди, как это отмечалось еще в 1521 г. Казаки говорили, что на волжско-донской перекладе бывает «прибой людем Астроханским».

Историк области Войска Донского замечает по поводу данного сообщения, что в это время «вся река Дон от устья до Воронежа оставалась пустою», хотя из документа это не вытекает. Тот же автор полагает, что упоминание посольских книг в 1549 г. о путивльских и донских казаках, которым велено было воевать крымские улусы, относятся собственно не к донским, а к городецким (касимовским) казакам²². Но и с этим нельзя согласиться, так как в дальнейшем на Дону оказываются казаки-севрюки из Северной земли, где находился Путивль. Упоминание о севрюках ценно тем, что оно указывает на Северскую землю как на место, откуда казаки переходили на жительство на Дон.

К середине XVI столетия казачество на Дону уже сложилось в общественную организацию во главе со своими атаманами. Вот тот вывод, который можно сделать на основании анализа источников, упоминающих о донских казаках.

Донское казачество в XVI столетии еще сохраняло свою обособленность и обычаи, описанные в различного рода преданиях²³. Но история развития и укрепления казачества уже выходит за пределы нашей темы. В известиях, относящихся к крестьянской войне начала XVII в., донские казаки выступают как мятежники, во всяком случае, как элемент беспокойный, всегда готовый принять участие в различного рода авантюрах. Самозванец Петрушка пришел в Царев-Борисов с Дона и оттуда пошел в Путивль²⁴. Таким образом, на южной окраине России уже создалась непосредственная связь между Северскими городами и Доном.

Среди донских казаков были самые разнообразные элементы, в том числе крымские и турецкие «басурманы», но основное население на Дону составилось из русских и украинцев. И эта основная русско-украинская стихия нашла свое отражение в сложной и своеобразной этнографии Донской земли, которая так ярко выступает на страницах замечательного романа М. Шолохова.

²¹ Историческое описание земли Войска Донского. Особое прибавление к газете «Донской вестник», 1867, стр. 156—157.

²² Там же, стр. 9—10.

²³ См., например, История или повествование о донских казаках... Александра Ригельмана 1778 г. М., Университетская типография, 1846.

²⁴ ГИМ, Синод. собр., № 293. Латухинская степенная книга, л. 454.

В царской грамоте 1593 г. «на Дон, донским атаманам, верховым и низовым, Степану Ершову и всем атаманам и казакам верховым и низовым» уже признается существование донского казачьего войска. В грамоте предписывалось казакам быть в мире со всеми азовскими людьми и никаких им задоров не чинить. Из нее же узнаем о существовании на Дону казачьего городка Раздоры, причем царское правительство упрямо в случае непослушания изгнать казаков с Дона и поставить в их земле город «на Раздорех»²⁵. Правительство приказывает также, подобрав лучших атаманов и молодцов, послать их на Кальмиус с поручением разгромить «улус крымского царевича», обещая прислать большое царское жалование, потому что перед этим было послано «легкое жалование» — три пуда пороху и три пуда свинца²⁶.

Царская грамота 1593 г., конечно, не была новостью для донских казаков, которые и раньше провожали турецких послов, направлявшихся из Константинополя в Москву. Однако до конца XVI в. донские казаки старались по возможности сохранять дружеские отношения с турецкими пашами, сидевшими в Азове, хотя и принимали участие на стороне русских войск во время турецкого похода на Астрахань в 1569 г.²⁷

Царская грамота говорит о близких отношениях донских казаков с тогдашней Россией. Она же обнаруживает явное желание казаков сохранять свое прежнее независимое положение на Дону. Угроза поставить город, крепость в Раздорах, в сущности повторяла старинную мечту царского правительства прочнее утвердиться на Дону. Еще в 1559 г. русское правительство искало место на Дону, «где пригоже города поставити». Но порубежное положение Донской земли заставляло правительство считаться с казачеством, непривычным к повиновению царской власти. В сущности и построение Царева-Борисова преследовало в первую очередь цель утвердиться поблизости от низовьев Дона. Пискаревский летописец подчеркивает, что Царев-Борисов был построен «блиско Раздоров Донецких»²⁸.

---

²⁵ По Далю, «раздор» — разречье, разделение реки на рукава.

²⁶ С. Г. Г. и Д., ч. 2. № 62, стр. 125—127.

²⁷ Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I, XVI в., М., 1946, стр. 92.

²⁸ Пискаревский летописец, стр. 105.

НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ И ЗАКАМЬЕ

Глава XXII

НИЖЕГОРОДСКИЙ КРАЙ И ЗЕМЛИ МОРДВЫ

ОБЩИЙ ОБЗОР

Обширный Нижегородский край в первой половине XVI в. все еще был порубежным районом, к которому с востока примыкали земли Казанского ханства, или царства. В это время Нижний Новгород был передовой крепостью, обычным сосредоточием русских войск, отправлявшихся в походы против Казани и подвластных ей земель.

Более безопасным Нижегородский край становится только после построения Васильсурска и неуклонного продвижения русских границ на восток со второй четверти XVI столетия. После же присоединения Казанского царства к России Нижегородский край делается глубоким тылом, до которого не доходят даже крымские набеги, районом более безопасным, чем другие центральные части России. С этого времени и начинается усиленное заселение Нижегородского края, границы которого, впрочем, можно очертить только условно, в особенности в его северной заволжской части, где он примыкал к Вятской земле. На востоке границей Нижегородского края была река Курмыш. Во второй половине XVI в. земли, лежавшие к востоку от Курмыша по правому берегу Волги, населенные по преимуществу чувашами, обозначались общим и старинным названием «Горной стороны», в отличие от «Луговой стороны», или левого берега Волги.

С юга к Нижегородскому краю примыкали Мордовские земли, еще сохранявшие своих особых старшин и князьков. Нижний Новгород был притягательным центром для всех этих земель при всей пестроте их населения.

Нижегородский край расположен на равнине, изрезанной крутыми оврагами и долинами рек, что придает местности холмистый вид.

Громадное значение в народном хозяйстве Нижегородского края имели Волга и Ока. По их берегам располагались крупнейшие города края. В отдалении от них стояли только небольшие крепости. Волга служила не только средством сообщения, но в буквальном смысле слова была кормилицей края, изобилуя разнообразными и ценными сортами рыбы.

Нижегородский край был по преимуществу лесным краем, где росли вековые хвойные леса. Усиленная распашка лесов начинается лишь во второй половине XVI в., после того как к России присоединилось все Поволжье, а Нижний Новгород сделался далеким тылом. Названия многих сел и деревень Нижегородского края до сих пор напоминают о далеком прошлом, когда пашни перемежались с вековым и диким лесом¹.

Сюда на новые, еще свободные земли шли крестьяне из других уездов. Они садились на землю и в северных лесных уездах и в диком поле у Арзамаса.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

По хозяйственным особенностям в Нижегородском крае XVI столетия довольно резко различались северные и южные районы.

В северной части края, в особенности в его заволжских районах, хозяйство имело смешанный характер и даже в плодородных районах Нижегородского края большее значение имели лесные промыслы, а пашня часто возделывалась наездом.

В деревне Гнилицы («в Стрелице»), принадлежавшей нижегородским детям боярским, от которых она перешла в Нижегородский Благовещенский монастырь, стояло 9 дворов. Пашню здесь пахали наездом, а оброк платили в царскую казну медом, «по старине» по два пуда меда².

Картину лесного края, в котором пашня занимала по сравнению с перелогом и лесом еще небольшие пространства, рисует дозорная книга Нижегородского уезда 1613 г. Иногда пашня казалась маленьким клочком земли среди окружающего леса и перелога. В селе Подвязье на Оке пашни было 25 четвертей,

¹ В селе Богородском, позже пожалованном Кузьме Минину «за московское очищенье», в конце XVI в. вместе с деревнями считалось 1630 четвертей пашни. В числе деревень названы «Дикое Раменье и Новое Раменье» («Московские губернские ведомости», 1848, № 7. Жалованная грамота 20 января 1615 г.). По Далю, «раменье» — лес, соседний с пахотными полями.

² Стрелецкий стан Нижегородского уезда располагался к западу от города, но была и волость Стрелица.

а перелогом и лесом поросла 231 четверть. Между тем земля, как правило, отмечена «доброй». Даже в начале XVII в. годной для пашни земли было еще так много в Нижегородском крае, что сено в иных случаях косили «по заполью»³.

Описание Заузольской и Везломской волостей, сделанное в 1560 г. по просьбе сотского «и во всех крестьян место тех волостей», дает понятие об этой части Нижегородского края. В волости Узоле Балахнинского уезда насчитывалось несколько десятков деревень, пашня занимала свыше 1000 десятин, причем более половины причислялось к «доброй» земле. Однако пашня имела тут второстепенное значение. Леса и болота покрывали волость. «Большой лес» тянулся на 20 верст в одну сторону и на 30 — в другую. В реке Узоле и в озерах водилась разнообразная частиковая рыба, называемая тогда белой: щука, лещ, окунь, плотва, линь. Особо отмечаются бортные леса и «знамена» (знаки) бортиков.

По более позднему списку (1591 г.) в Заузольской волости насчитывалось 2 погоста, сельцо и 180 деревень, где жило 564 человека крестьян и 10 бобылей. Бобыли жили в Везломской слободке, напротив Нижнего Новгорода, за Волгой⁴.

Сельское хозяйство на юге Нижегородского края имело уже ярко выраженное земледельческое направление. Трехполье получило здесь всеобщее распространение, и земля делилась на парнину, ржаное и яровое поля⁵. Главным преобладающим злаком была рожь, поэтому к ней преимущественно применялось обычное обозначение «хлеб». Большое распространение имели также овес и конопля.

При наличии значительного количества пустых земель к поместью обычно отписывались большие луга: «сенные покосы и всякие угодья». О громадных количествах сена, собираемого в некоторых поместьях, говорят «книги записныя продажи сена» 1599 г. в выморочном поместье Неверова: «И всего продано 150 стогов, а в них 2640 копен, продана кошна по 2 деньги, и за то сено взято 26 рублей 13 алтын 2 деньги».

Большое количество сена, собираемого в поместьях Арзамасского уезда, позволяло владельцам держать немалое количество скота, в первую очередь лошадей. В вотчине Замятни Бесстужева в начале XVII в. содержалось 35 «меринов и кобыл и жеребят», тогда как остального скота было значительно меньше (4 коровы,

³ Действия Нижегородской комиссии, т. VII, стр. 128 и сл., стр. 181.

⁴ Там же, стр. 152—159. Борской архив. Документы изданы плохо, со многими пропусками.

⁵ Смутное время Московского государства. Арзамасские поместные акты. «Чтения ОИДР», 1916, кн. 1. «Осталось на 15 чети в паренином поле, а ржаное поле и яровое не мерено, потому что на них хлеб» (стр. 10). См. также на стр. 15 описание трех полей: ярового, озимого и паренины.

9 овец, 13 свиней). В этом селе стояло 650 копен сена. Все лошади названы «деловыми», т. е. рабочими.

В том же селе насчитывалось 315 сотниц ржи стоячего хлеба, не считая овса, в житницах хранилось 1487 четей ржи, 42 чети овса, 33 чети ячменя, 70 снопов «худые пшеницы». Овес и ячмень шли на корм лошадям, а рожь не находила еще сбыта и лежала в житницах до черного дня⁶.

РЫБОЛОВСТВО И БОРТНИЧЕСТВО

Большое значение в крае имели рыбные ловли. Раздача рыбных угодий на Волге продолжалась в течение всего века. В 1588 г. царь Федор Иванович пожаловал суздальским епископам рыбные ловли в реке Волге от речки Лоши вниз до Ветлужского устья, на 25 верст по обеим сторонам реки. В 1599 г. царь Борис Годунов передал рыбные ловли в тех же местах крестьянам-бортникам, разрешая им в льготные годы поставить дворы и пахать пашню, владея «рыбными ловлями по сю сторону Ветлуги реки и за Ветлугой»⁷.

В лысковских водах, поблизости от Нижнего Новгорода, находились рыбные ловли Угрешского монастыря⁸. Особенно большими рыбными угодьями обладал Благовещенский Нижегородский монастырь, владевший ими в Курмышском уезде. Он получил право возить на патриарха беспошлинно по 50 возов рыбы летом и по 50 саней зимой⁹.

Благовещенскому монастырю принадлежали большие рыболовные участки в разных местах. Некоторые из этих участков были в споре с Симоновским монастырем, с нижегородскими протопопами Спасским и Архангельским. На некоторых участках рыбная ловля производилась поочередно: в одном году Печерским монастырем, в другом — Спасской соборной церковью¹⁰.

Большое значение имело бортничество, впрочем, уже нередко связанное с земледелием. Бортные деревни располагались за Волгой. Это был обширный массив дворцовых волостей в Балахнинском и Нижегородском уездах по рекам Унже и Керженцу. Бортные леса высоко ценились. Монастырские власти Благовещенского монастыря, например, затеяли (в 1602 г.) целое дело о порубке их бортного леса, совершенной приказчиками московской гостинной сотни торгового человека¹¹.

⁶ Арзамасские акты поместные, стр. 166—173, 210.

⁷ Акты гражданской расправы, т. I, № 99, стр. 315.

⁸ Летопись занятий Археографической комиссии, т. I, 1871, стр. 7.

⁹ «Нижегородские губернские ведомости», 1848, № 7, 1599 г.

¹⁰ Там же, № 9, 1600 г.

¹¹ Там же, № 10, 1602 г.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН

В Нижегородском крае большое развитие получило поместное землевладение, наряду с которым существовали также черные и дворцовые волости. Значительными вотчинами обладали некоторые монастыри, в первую очередь Нижегородский Благовещенский монастырь. Об инвентаре и записях монастырских дворов дает представление описание двора под Нижним Новгородом, принадлежавшего Никольскому Дудину монастырю. На дворе хранилось значительное количество овса, 10 четвертей муки ржаной, 15 четвертей ячменя, 2 четверти конопляного семени, четверть ржаного солода, четверть круп гречневых, котел в 2 ведра, 3 топора, 4 косы, 6 серпов, 5 сошников с полицами¹².

В конце XVI — начале XVII столетия начинается усиленная раздача земель в поместное и вотчинное владение в плодородном Арзамасском уезде. Дикое поле получил, например, Иван Борятинский, «который, собрав людишек своих, отвез на дикое поле и двory поставил и нахожих людей во крестьяне назвал болши тридцати человек и деньгами и хлебом и лошадьми ссужал, строил два года»¹³.

Некоторые документы, рисующие довольно беспорядочную колонизацию Нижегородского края, дают возможность судить о положении крестьян, сажившихся на новые земли. В селе Кадниче на Кудьме вскоре после завоевания Казани насчитывалось 6 крестьянских дворов и 4 займища, дававшие в казну 6 пудов меда по оброку. Несколько позже в Кадниче жило 20 человек, «они места под двory позаймывали, а хором не ставили». Новые поселенцы были щедро наделены угодьями, получив одного пашенного леса в длину на две, а поперек на полверсты, а где и больше («инде болши»), не говоря уже о лугах. В соседнем селище Запрудном насчитывалось 90 займищ с таким же количеством людей. Земля, приписанная к селениям, оценивается «доброй»; как и в других областях, она указана в трех полях. Однако чрезмерно большие размеры перелога (в Кадничем отмечено 15 десятин пашни и 129 десятин перелога) показывают, что земледельческое хозяйство в новозаселенных местах велось еще примитивно, путем распашки лесных угодий¹⁴.

Такие же переселенцы «из верховых мест» появляются и в других лесных волостях Нижегородского края.

Одна крестьянская челобитная начала XVII в. повествует о трудах крестьян по освоению пустых земель в Курмышском уезде. Поселенцы «посошлись от дальних мест и двory поставили и лес секли и перелоги раздирали, землю распахали». В другом ме-

¹² Акты гражданской расправы, т. I, № 66, стр. 128.

¹³ Смутное время Московского государства, вып. 8. Земельные пожалования при царе Владиславе, «Чтения ОИДР», 1911, кн. 4, стр. 21.

¹⁴ «Нижегородские губернские ведомости», 1848, № 5, Грамота 1561 г.

сте той же челобитной еще красочнее подчеркиваются труды крестьян, которые землю «розсекали», очищая ее от кустарника и леса.

Крестьяне садились на новых землях обычно на льготных условиях, в которые, впрочем, входила и обязанность выполнять «изделье» — барщину. С течением времени льгота не только отменялась, но и вводились разные новые крестьянские повинности. Благовещенский Печерский монастырь сначала установил в селе Плотинском Курмышского уезда оброк по 2 рубля в год и выполнение «изделья» по 12 дней с выти¹⁵. Новый строитель монастыря завел иные, более отяготительные порядки и отнял у крестьян лучшие земли. Патриарх распорядился упорядочить повинности крестьян, но тут же ограничил крестьянское право на пашню определенными размерами.

АРЗАМАССКИЙ УЕЗД И МОРДОВСКИЕ ЗЕМЛИ

Расположенный к югу от Нижнего Новгорода Арзамасский уезд в XVI в. был еще тем районом, где землевладение русских служилых людей только что стало утверждаться. Поэтому наряду с русскими селами здесь встречаем селения, принадлежавшие мордве и татарам, а также населенные одновременно и русскими, и мордвой, и татарами.

Большая часть уезда была покрыта лесами не только хвойными, как к северу от Волги, но и лиственными — березовыми и дубовыми рощами. Еще в середине XIX в. от истоков реки Алатырь начинался громадный лес, уходивший на юг к Пензе. Однако уже в конце XVI в. лесной характер этих мест стал заметно меняться под воздействием русской колонизации, хотя еще оставалось много нераспаханных земель. Поэтому в описаниях поместий того времени постоянно упоминается в числе отведенных земель дикое поле: «дано к тем двором 35 четвертей мякоти, а перелогу 48 четвертей, да диково поля 16 четвертей, да диково поля лесом поросло 8 десятин, березник с человека»¹⁶. В наказах о разделе здешних поместных земель также встречаем постоянное указание на дикое поле: «велено меж них роспашную землю и залог и перелог и дикое поле разделить по их дачам» и пр.

Отдаленность от центра и широкий простор диких полей и лесов в этом крае позволяли помещикам жить на широкую ногу. Вот перед нами поместье Плакиды Иванова — село Варгалей на реке Варгалее. В нем стояла церковь Рождества Христова «о трех верхах» и при ней колокольница «рубленая шатром и с переходы», по-видимому, красивое строение шатрового типа. Затеяливыми

¹⁵ «Нижегородские губернские ведомости», 1848, № 13.

¹⁶ Арзамасские поместные акты, стр. 3 (мякоть — паханое поле).

были помещичьи хоромы. Они состояли из столовой горницы на подклети с сенями и с переходами, из другой горницы с комнатой и сенями, также на подклети, с тремя горенками на подклетах с сенями и двумя повалушами. Это барское строение с высокими повалушами, сенями и переходами должно было выглядеть очень богато и красочно. К боярским хоромам примыкали хозяйственные постройки: ледники, сушила, житницы, поварни, конюшни. Тут же располагался овощной огородец с 8 большими и 7 маленькими яблонями. Двор был огорожен забором. К нему примыкал заячий садок с пятью зайцами и «водяное угодье», большой пруд. Рядом с боярской усадьбой находились два людских двора. В одном жил боярский приказчик. В его распоряжении были две избы, клеть, погреб, баня, конюшня и коровьи хлевы¹⁷.

Конечно, далеко не все поместья в Арзамасском уезде были равны поместью Иванова по своему богатству, по горнице и повалуши с сенями на подклетах были обычным явлением в боярских хоромаш.

Быстрый рост поместного землевладения на юге Нижегородского края обеспечен был постоянным притоком беглых крестьян. В числе крестьян мы нередко видим «приходцев». Их привлекала возможность жить на большем просторе и «на льготе» по сравнению с центральными областями. В одном вновь устроенном «усаде», например, вовсе не оказалось помещичьей пашни, крестьяне пашни на помещика не пахали, «потому что живут на льготе и ставятца на ново». Помещик показывал, что жившие в его усадьбе крестьяне принадлежали ему и переведены из другого места, но такому известию надо верить с осторожностью. Когда в 1602 г. стал производиться крестьянский сыск, русские люди, крестьяне, «послыша прежнюю государеву... сыскную грамоту, вышли вон»¹⁸.

Русские поселения в Арзамасском уезде даже в конце XVI в. вклинивались в мордовские и татарские старинные земли. Царское правительство без всякого стеснения вторгалось в мордовские земли, давая право новым помещикам, наделенным землей в Арзамасском уезде, «лес сечи хоромной и дровеной в мордовских уожаях, которые к его поместью»¹⁹.

При таких условиях неизбежны были столкновения между мордвой и пришлыми русскими служилыми людьми и крестьянами. Межевание (столбы, грани, ямы) на границах смежных владений приводило к еще большему уменьшению земельных имуществ мордвы, которые как бы огораживались межами, лишаясь прежней возможности широко пользоваться угодьями. Но и межа не спасала мордву от вторжения русских помещиков в их владения. Мордва жаловалась, что помещики, «перелесчи через межу, их землю перепахивают насильством, а называют де свою зем-

¹⁷ Арзамасские поместные акты, стр. 316—319.

¹⁸ Там же, стр. 213.

¹⁹ Там же, тр. 19, 125.

лею»²⁰. Царское правительство в свою очередь смотрело на мордовские земли как на постоянный фонд, из которого можно было выкраивать земли для наделения ими служилых людей, покровительствуя прямым захватам мордовских земель. В деревне Досадное еще в 1575 г. стояли мордовские дворы на мордовской земле, «а ныне теми дворами владеет сын боярский Огафон Лопатин, а не ведают, почему владеют». Сторонние люди показали, что Лопатин выгнал из тех дворов мордву. В 1603 г. производился сыск об этих дворах, который, судя по сохранившемуся документу, был благоприятен для захватчика²¹. Поэтому дикое поле охотно прибавлялось царскими указами к владениям русских помещиков, как и лесные угодья; в грамотах указывалось, что помещики могут сечь лес хоромный и дровяной «в дубровах в мордовских в вотчинах, в бортных ужожеях, которые блиско к их поместью, oprичь бортнаго дельнаго дерева лесу»²².

В Арзамасском уезде были расположены и земли служилых татар и мордвы, которым также выделялись поместные участки. Они обязаны были с той земли «служба служить с орзамасскими князьями и с мурзами и служилыми тотары вместе»²³. Таким образом, мордва оказывалась под двойным гнетом: царской администрации и своих помещиков — мурз и князей. Постоянное сокращение прежних лесных и водных угодий заставляло мордву увеличивать запашку. Кардавилевская мордва показала на самом рубеже XVI и XVII вв., что у нее нет пашенной земли, а потому и государевых податей платить не с чего, и просила наделить ее пашней²⁴.

Тяжелое положение мордвы привело к восстанию мордвы в конце XVI в. Жалуясь на самовольный захват одной пустоши соседней мордвой, русские помещики приводили политические причины запустения своей земли: «та деи пустошь от их же мордовские войны лежала в пуге и по ся места»²⁵. Эта «мордовская война» конца XVI в. находит себе объяснение в бессовестном присвоении мордовских земель русскими феодалами. Писцы без дальних слов, но весьма энергично отписывали «спорные земли» от мордвы, передавая их русским помещикам²⁶.

Одним из постоянных средств давления на мордву являлась ее насильственная христианизация. Как и в других подобных же

²⁰ Там же, стр. 108.

²¹ Там же, стр. 233—234. В документе сказано: «И толко государь по жалует Огофона Лопатина теми мордовским дворами...» Значит, с его захватом готовы были примириться.

²² Там же, стр. 330.

²³ Там же, стр. 247.

²⁴ Там же, стр. 179.

²⁵ Там же, стр. 284.

²⁶ Например, в 1562 г. писец Слугин развезал печерского архимандрита с Шершовскою мордвою на реке Пьяне (село Ягодное у речки Шершовки). Акты гражданской расправы, т. I, № 76, стр. 217.

случаях, наиболее преданными старине оставались широкие мордовские круги, тогда как князья и старшины без особого сопротивления обращались в православие, так же легко, как их предки меняли свою языческую веру на мусульманство. Так появились мелкие князья с татарскими прозвищами, проживавшие в позднейшей Тамбовской, Пензенской, Нижегородской, Симбирской губерниях. Во второй половине XVI в., по уложению царя Ивана Васильевича, было постановлено прежние вотчины мордовских князей «раздать боярам в раздачу для крещеных мордвин»²⁷.

По подсчетам А. В. Эммаусского, в Арзамасском уезде преобладало поместное землевладение (71%), количество дворянских и вотчинных земель было незначительным. Около 20% земель принадлежало перусским народностям, преимущественно мордве.

Край быстро заселялся, и дворянское землевладение увеличивалось за счет мордовских земель²⁸.

К Арзамасскому уезду примыкали обширные мордовские земли, даже и во второй половине XVI в. управлявшиеся своими князьями — вассалами московских великих князей. По реке Мокше располагались владения князя Янглыча Бедишева, обозначаемые следующим топографическим определением: «В Мещере с Тяддемския орды, что по реке по Мокше». Эта местность была уже описана писцами в 1565 г. следующим образом: «Мордва Тяддемская. Князь над ними Янглыч Бедишев, ясаку дают племяннику его Богдану мурзе Янглычеву сыну князь Бедишева, семь рублев с полтиною»²⁹.

Постепенное вытеснение мордвы и чувашей с их прежних земель можно проследить по документам Нижегородского Печерского монастыря, который получил в оброк берега реки Пьяны «вверх до устья врага Чергата» и 11 озер с ольховыми болотами. Жившая в этом районе мордва раньше невозбранно владела речными и озерными угодьями: «а преж сего ту реку Пьяну бобры били Ватцкая мордва, Сюдес Алекин, да Кемарьские мордвы Кирдюш Сысарев с товарищи, на веру на государя, а рыбу и лебеди ловили на себя безобочно». В 1560 г. угодья по Пьяне были отданы в оброк за 2 рубля той же мордве, а на следующий год их перекупил Нижегородский Печерский монастырь, «наддав» против первого оброка 3 рубля. Таким образом, мордва вынуждена была потерять свои вековые угодья, которые перешли во владение жадных монастырских властей. Старинные бобровые и лебяжьи ловли на Пьяне были потеряны для мордвы. Интересное дело относится к различного рода угодьям на реке Пьяне, где

²⁷ П. Мельников. Очерки мордвы. «Русский вестник», т. 69, 1867, стр. 504—509.

²⁸ А. В. Эммаусский. Из истории борьбы за землю и крестьян в Арзамасском уезде в XVI—XVII вв. Труды Кировского научно-исследовательского института краеведения, т. VII, вып. 3. Киров, 1934.

²⁹ С. Г. Г. и Д., ч. 2, № 49, стр. 68.

«ватцкая мордва и кемарьския мордвины» раньше ловили на себя рыбу и лебедей. В этом районе кроме реки Пьяны названо еще большое количество озер. Благовещенский Нижегородский монастырь «наддал» за оброк больше, чем соседние мордвины, и получил право откупить здесь бобровые ловли (упоминаются «карие бобры»), лебяжьи ловли и рыбные ловли.

Различного рода угодья на реке Пьяне принадлежали мордве с давнего времени. Как показывает название «ватцкая», или «вадцкая», мордва, мордовские поселения на Пьяне восходили к очень древнему времени. Мордва «вадя» упоминается уже в «Слове о погибели Русской земли»³⁰. Термин «вадя» долгое время оставался не объясненным историками литературы. Теперь ясно, что речь идет об особом мордовском племени. На реке Пьяне произошла знаменитая битва 1376 г., когда мордовские князья вместе с татарским царевичем Арабшахом разбили русское войско.

Из другого документа известно, что район реки Пьяны и тамошних озер принадлежал раньше мордве, населявшей Кермарские, или Кемарские, деревни. Мордве приходилось вести упорную борьбу с Благовещенским монастырем, опиравшимся на более ранние княжеские пожалования и на денежные средства, позволявшие ему владеть «попрежнему» угодьями, не имея в сущности никакого права на эти извечные мордовские земли³¹. Однако еще в начале XVII столетия мордва в значительной мере удерживала свои старые земли. В нижегородских приходных книгах 1619 г. приведены многочисленные бортники в Мордовской земле. Это мордва запьянская, мордва вадцкая, мордва терюшевская и бакшеевская. Бортные леса в этих книгах названы «ухожаями», куда «ходят» за промыслом. Записи о платежах бортников однообразны, но в то же время выразительны. «Деревни Палца у бортника у Александрика Михайлова с товарищи з знамени, что ходили деревни Нагавицыны Сидорко Кузмин, да деревни ж Палца Михайлко Ортемьев, оброку пуд и 32 гривенки меду, и с пошлинным медом денежных пошлин пол-осмы деньги, за куницу 10 алтын, пошлин 3 деньги». Мордва платила оброки с рыбных ловель и бобровых гонов белками и деньгами «за ясак»³².

История многовековой борьбы мордовского народа против закрепощения за последнее время отражена во многих работах, помещаемых в «Записках» научных учреждений Мордовской АССР³³. К сожалению, в большинстве случаев ученые обращают

³⁰ В «Слове о погибели Русской земли»: «буртасы, черемисы, вядя и мордва». «Вядя» — это и есть позднейшая «вадцкая мордва».

³¹ С. Шумakov. Сотницы, грамоты и записи. «Чтения ОИДР», 1902 г., кн. 2, стр. 74—79.

³² Действия Ученой нижегородской комиссии. Сборник статей, сообщений, описей и документов, т. VI. Нижний Новгород, 1905.

³³ Записки научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР (см. например, интересную статью И. Д. Воронина

внимание на историю мордовского народа с XVII в., когда появляются подробные писцовые описаны мордовских земель. История мордвы в XVI столетии затрагивается гораздо реже.

НИЖНИЙ НОВГОРОД

Самым значительным из городов края был Нижний Новгород, который является настоящим его центром, одним из крупнейших и замечательнейших русских городов. По своему экономическому значению он стоял вровень с Псковом, Смоленском и Казанью.

Замечательно само местоположение Нижнего Новгорода. Он стоит на горном правом берегу Волги, при впадении в нее реки Оки, на высоких холмах. По красоте своего местоположения Нижний Новгород напоминает другой старинный город — Киев. В расположении этих городов есть что-то общее. Даже самый крупный монастырь Нижнего Новгорода получил название Печерского, наподобие известного монастыря в Киеве с таким названием.

Две мощные водные артерии, Волга и Ока, сходятся в Нижнем Новгороде. Отсюда шел великий волжский путь на восток, к Каспийскому морю, на Кавказ, в Персию, в Среднюю Азию. Вот почему Нижний Новгород с самого начала своего основания получил крупное торговое значение, которое еще больше выросло после присоединения к России всего Поволжья с Казанью и Астраханью. В XVII—XVIII столетиях Нижний Новгород вместе с Макарьевской ярмаркой получает значение всероссийского торгового центра. С Москвой соединяла Нижний Новгород «великая» Владимирская дорога, знаменитая Владимирка, впоследствии печально прославленная как дорога, по которой шли ссылки в Сибирь (теперь шоссе Энтузиастов).

В 1510 г. в Нижнем Новгороде был закончен постройкой каменный кремль — величественное сооружение, окружность которого составляет 985 сажен, т. е. равна 2 км. Это было одно из самых замечательных сооружений начала XVI в. Стены в нижегородском кремле были построены по типу московского кремля, охватывая не только пространство на вершине холма, но и «подол» у берегов Волги. По описанию начала XVII в. «городовая каменная стена» сверху была крыта тесом. В наиболее опасных местах стояли башни (11 башен). В город вели Дмитровские, Никольские, Ивановские и Егорьевские ворота. Перед Дмитровскими воротами находилась «отводная башня», соединявшаяся с воротами каменным мостом, перекинутым через ров. Железные и медные пищали составляли «наряд» — городскую артиллерию. В кремле возвышались каменный собор Преображенья, несколько каменных и де-

---

«Саранская сторожевая черта и город Саранск в первые годы его существования». «Записки», т. 13, Саранск, 1951, стр. 165—233).

ревяннх церквей, стояли дворы воеводы, духовенства, служилых и посадских людей³⁴.

К кремлю примыкал обширный посад. В Нижнем Новгороде различали верхний и нижний остроги. По писцовым книгам начала XVII в., верхний острог был поставлен «ново по старинной осыпи». Следовательно, верхний посад был окружен и ранее валом и деревянной стеной. За Окой находилась Кунавинская слобода, в которой жили «мелкие тяглые люди», промышленявшие «рукодельем», т. е. ремеслом. К городу примыкали беломестные слободы. Рядом с Кунавиным стояла слободка Духова монастыря. Под городом на Волге находился Благовещенский Печерский монастырь со своей слободкой. Отдельно стояла Ямская слобода. Кроме того, существовали и другие, более мелкие беломестные слободки, с которыми посадские люди вели ожесточенную борьбу, иногда безуспешную. Новодевичий монастырь в Москве, например, спорил с посадскими людьми о своем монастырском дворе. Игуменья посадила в нем трех посадских людей, бежавших от тягла, и выхлопотала грамоту с запрещением возвращать людей на прежнее место в посад. Из грамоты выясняется, что люди, бежавшие от посадского тягла на монастырскую землю, были торговцами и промышленниками³⁵.

Нижегородский посад вынужден был защищать даже свои выгонные земли от претензий беломестцев. В 1565 г. выгонные посадские земли от Оки до Волги составляли всего 314 четвертей, «а в споре земель городским людем с детьми боярскими» 832 чети, да в споре с Печерским монастырем 200 четей. Сами царские власти признавали, что многие дети боярские уже умерли бездетными, другие были наделены землей сполна, а земли под городом все еще считались спорными³⁶.

Благовещенский монастырь владел церквами и на самом нижегородском посаде. Ему принадлежали церкви Дмитрия Селунского, Фрола и Лавра в Ельне на Ягодном, Георгия в Наговицыне. Митрополит Афанасий освободил эти церкви от своих церковных поборов, основываясь на грамотах митрополитов Киприана, Фотия и Макария³⁷.

По вычислениям П. Г. Любомирова, число посадских дворов в Нижнем Новгороде в начале XVII в. доходило до 2 тыс. Однако такая цифра высчитывается на основании различных источников, а точных сведений о Нижнем Новгороде XVI в. не сохранилось. Во время пожаров 1617—1618 гг. в Нижнем Новгороде сгорело большое количество дворов, до пожаров же насчитывалось 1408 дворов. К ним надо добавить стрельецкие дворы: в Нижнем Новгороде

³⁴ Писцовые и переписные книги Нижнего Новгорода XVII века. СПб., 1895, стр. 5—11.

³⁵ М. Дьяконов. Указ. соч., вып. II, стр. 20—21.

³⁶ Там же, стр. 30—32, 1599 г.

³⁷ «Нижегородские губернские ведомости», 1848, № 16, 1565 г.

стоял приказ стрельцов в 500 человек. Поэтому цифра в 2 тыс. дворов для нижегородского посада будет довольно вероятной и скорее преуменьшенной, чем преувеличенной. В Нижнем Новгороде конца XVI в., кроме того, жили «кормовые иноземцы» — немцы и литовцы, поселенные здесь при царе Федоре Ивановиче. Писцовые книги начала XVII в. называют старую немецкую слободку, а также слободу «нижегородских немец и литвы»³⁸. Общее количество населения в Нижнем Новгороде в начале XVII в. П. Г. Любомиров определяет так: «В составе его постоянного населения можно считать около 3200—3500 взрослых мужчин, при этом посадские люди составляли около половины всех жителей и раза в два с половиной превосходили численностью группу военно-служилую»³⁹. Эту предположительную цифру отчасти подтверждает сообщение дона Хуана Персидского, по словам которого в Нижнем Новгороде жило «около 8000 человек»⁴⁰.

В купчей 1602 г. даются такие подробности о дворах нижегородских жителей. Иван Матвеев Жилин продал в Нижнем Новгороде двор свой с садом и огородом за городом на Никольской стороне над Почайной Андрею Афанасьеву сыну Попову. По соседству от проданного участка находились Почайнский овраг и дворы нижегородцев. На дворе стояли изба, баня и погреб. Двор был окружен «городьбою»⁴¹.

Основным занятием нижегородцев являлись ремесло и торговля. Писцовые книги начала XVII в. насчитывают десятки ремесленных специальностей. Особенно многочисленны были кузнецы, сапожники и кожевники, как и в других больших русских городах. Но была и особая отличительная черта, характерная для Нижнего Новгорода, — судостроение.

Документы начала XVII в. позволяют более глубоко заглянуть в хозяйственную жизнь Нижнего Новгорода. Если принять во внимание, что Нижний Новгород не потерпел разорения, то сведения этих документов будут особенно показательны. В 1619 г. в городе насчитывалось до 30 кузниц и кузнечных мест. Под понятием «кузницы», как известно, понималась не просто кузница, но и вообще мелкое предприятие, занятое выработкой металлических изделий⁴².

³⁸ Писцовые и переписные книги Нижнего Новгорода XVII века, стр. 174—175.

³⁹ П. Г. Любомиров. Очерк истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939, стр. 18.

⁴⁰ Из рассказов Дона Хуана Персидского. «Чтения ОИДР», 1900, кн. 1, стр. 10.

⁴¹ Действия Ученой нижегородской комиссии, т. VI, стр. 532. Соседом Гопова был Кузьма Захарьев сын Сухорук; не был ли это Кузьма Минин Сухорук, имеющий два отчества — по имени и по прозвищу отца, или это просто совпадение.

⁴² Действия Ученой нижегородской комиссии, т. VI. Приходная книга, 1619 г.

Нижегородский торг имел громадные размеры. В пожары 1617—1618 гг. сгорело 725 лавок с амбарами. Значение торгового Новгорода подчеркивает и Флетчер. Он указывает, что в конце XVI в. Нижний Новгород занимал шестое место среди русских городов по размерам пошлин, принося казне 7 тыс. рублей.

Нижегородский рынок имел международный характер. Рядом с москвичами, ярославцами, строгановскими людьми торговали англичане, «кизылбашские» (персидские), бухарские и хивинские купчины. Нижний Новгород нередко был тем конечным пунктом, куда привозились для перепродажи соль и рыба из Астрахани. Эти продукты доставлялись в судах вместимостью в несколько тысяч пудов (например, в 10 тыс. пудов)⁴³. Писцовые книги XVII в. отмечали, что в Нижнем Новгороде было 30 дворов «лучших людей, которые торгуют большими свалными товарами и на низ и вверх ходят судами и которые торгуют всякими товарами»⁴⁴.

Поблизости от реки, на «нижнем посаде», располагались лавки и амбары с хлебом, рыбой, солью и всякими товарами⁴⁵.

Нижний Новгород был основным центром, снабжавшим хлебом низовые волжские города. Хлеб отправляли «судовым ходом». на речных судах⁴⁶.

По писцовым книгам начала XVII в., в Нижнем Новгороде существовал обширный рынок. Названия рядов на торгу напоминают подобные же ряды в других больших русских городах: Большой, Ветошный, Горшечный, Женский, Житный, Иконный, Колпачный, Корельский, Коровейный, Красильный, Крупяной, Лоточный, Луковый, Москотильный, Мыльный, Мясной, Подошвенный, Рыбный, Сапожный, Солодяной, Соляной, Хлебный, Холщевый. Городской квартал, находившийся рядом с рынком, носил в Нижнем Новгороде, как и в Москве, название «Зарядья». Интересный материал дают записи о расходах Нижегородского Благовещенского монастыря за 1603 и 1604 гг. Рядом с покупками пищевых продуктов (рыбы, соли, меда) встречаются записи о покупке салных свечей, железа («7 батоков железа») для гвоздей, луба для крыши и т. д. Поражает относительная дешевизна рыбы, притом дорогой — осетров, стерлядей. За 11 осетров, 4 чалбышей (мелкие осетры) и 40 стерлядей платили 4 рубля 23 алтына 2 деньги. Среди записей надо отметить и запись о покупке 63 четвертей ржи у арзамасских татар⁴⁷.

В непосредственном соседстве с городом находился Благовещенский монастырь «на Бичеве». Это прозвище указывает на то,

⁴³ ААЭ, т. I, № 322, стр. 382—383.

⁴⁴ Писцовые книги, стр. 189.

⁴⁵ Акты писцового дела, т. II, № 39, стр. 51.

⁴⁶ Дело о злоупотреблениях нижегородского таможенного головы с товарищами в 1602 г. «Нижегородские губернские ведомости», 1848, № 10.

⁴⁷ «Нижегородские губернские ведомости», 1848, № 10.

что монастырь стоял на торной дороге, где бурлаки тянули на бичеве (канатах) вверх по реке тяжело нагруженные суда. Монастырь играл большую роль в Нижегородском княжестве. В летописях и документах его иногда называли Печерским, так как монахи выкопали для поселения пещеры. Расположенный под крутым нагорным берегом Волги, монастырь терпел разрушения от оползней. Такое происшествие случилось с монастырем в 1597 г., когда в нем храм и кельи обрушились и погибло много имущества, в том числе книги и грамоты⁴⁸.

ДРУГИЕ ГОРОДА НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ

Значительным городом Нижегородского края была **Балахна**, обязанная своим ростом соляным промыслам. Варницы принадлежали посадским людям. Троице-Сергиев монастырь также имел в Балахне свои варницы и два двора: один «осадный» в городе, другой за городом на посаде. К этому загородному двору тотчас же стали приписываться посадские люди, избегая тягла, что вызвало запретительные меры правительства⁴⁹.

Первоначально Балахна представляла собой неукрепленный посад. Во время нападения казанских татар «черные люди балахонцы» вышли навстречу врагу, но потерпели поражение, «не умеючи воинского дела». Только в 1536 г. был поставлен земляной город «у Соли на Балахне». Необходимость создания здесь города была мотивирована тем, «что посад велик, а людей много»⁵⁰.

О посаде в Балахне можно судить косвенно по судному делу середины века, в котором упомянуты балахонцы — посадские люди с прозвищами: кабатчик, трубник, извощик, кузнец, кирпичник, коновал. Одни эти прозвища показывают, что слова летописи о том, что при Балахне был посад велик, соответствовали действительности. По-видимому, балахнинский посад был по преимуществу заселен ремесленниками, потому что все перечисленные люди упомянуты в числе владельцев лугов, примыкавших к городу. К Балахне были приписаны выгоны. Последние составляли 221 четверть в одном поле «худой» земли. Посад боролся за луга, но все луга оспаривались у них другими владельцами, за исключением 27 десятин «балахонских посадских лугов»⁵¹.

К числу значительных поселений Нижегородского края принадлежали **Павлово** и **Ворсма**. В документах начала XVII в.,

⁴⁸ «Нижегородские губернские ведомости», 1848, № 19.

⁴⁹ М. Дьяконов. Указ. соч., вып. II, стр. 13—14.

⁵⁰ ПСРЛ, т. XX, стр. 436, 440.

⁵¹ Акты гражданской расправы, т. I, № 75, стр. 214.

впрочем, рядом с селом Павловым упоминается и Павловский острог⁵².

В XVI столетии этот район иногда назывался «Павловскими селами». Из них в Нижний Новгород привозили рожь для раздачи нижегородскими «ружникам», в том числе и Благовещенскому монастырю, получившему 150 четей ржи в 1577 г.⁵³ В Павлове существовал торг, на котором продавали лошадей, рыбу, мед, хмель⁵⁴. Крайними восточными городами Нижегородского края были Курмыш и Васильсурск, о котором речь будет дальше. На острове посреди Волги стоял Макариев Жолтоводский монастырь, получивший особое значение в XVI столетии.

Главным городом южной части Нижегородского края был **Арзамас**, который до половины XVI в. назывался «Мордовским Арзамасовым городищем». По-видимому, в нем сидели местные мордовские князьки, может быть, уже отатаренные. Впрочем, местные предания, записанные П. Мельниковым, отличаются значительной недостоверностью и носят книжный характер.

В Арзамасе, «что в городе на посаде за острогом», находился Спасский монастырь. В конце XVI столетия в нем стояли две церкви и 16 монашеских келий, в которых жило 20 монахов. К монастырю примыкали слободка с 18 дворами крестьян и 7 дворов монастырских детенышей. Монастырская земля непосредственно граничила с посадской и землей боярских детей («направо земля посадская, а на леве земля монастырская»)⁵⁵.

Другой город в мордовской земле, **Темников**, еще долго оставался вассальным владением местных князей. В 1577 г. в нем сидел князь Кулунчак Еникеев («княж Еникеев»). Позже, при царе Федоре Ивановиче, он получил жалованную грамоту с правом собирать «поземные» деньги с дворов посадских людей, оброки и пошрины с лавок. Таким образом, это был типичный местный князек, подчинившийся московским князьям и тем самым сохранивший свои феодальные права⁵⁶.

По известию 1536 г., в Темникове старая крепость была мала и некрепка, вследствие чего ее расширили и срубили из дерева заново⁵⁷. Темников был административным центром для жившей в его округе мордвы и татар, которых так и называли «темниковскими» татарами и мордвой⁵⁸.

⁵² «Нижегородские губернские ведомости», 1848, № 10. О бегстве крестьян в 1603 и 1604 гг.

⁵³ «Нижегородские губернские ведомости», 1848 г. № 6.

⁵⁴ См. Макарий. Памятники церковных древностей. Нижегородская губерния. СПб., 1857.

⁵⁵ С. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи. Выпись из писцовых книг 1585 г. «Чтения ОИДР», 1902 г., кн. 2, № 19, стр. 96—98.

⁵⁶ П. П. Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII в., вып. 1, стр. 82.

⁵⁷ ПСРЛ, т. XX, стр. 438.

⁵⁸ Там же, стр. 513.

Темников имел и некоторое торговое значение, потому что в него вела степная дорога из Астрахани, по которой ездили зимой и летом на лошадях⁵⁹.

Новым городом был **Шацк**, построенный в 1553 г. «в Мещере в Шацких воротех, на Шате на реке»⁶⁰.

В XVI в. началось утверждение русского владычества в лесных землях по левым притокам Дона и по Суре и Мокше. В 1536 г. был построен деревянный город «в Мещере, на реке на Мокше, на месте зовомом Рунза», современный Мокшанск. По летописи причиной построения города в этой земле было то, что «в тех местах несть городов близу»⁶¹.

Курмыш на реке Суре долгое время был крайним городом Нижегородского края. Далее начинались уже земли непокоренной «черемисы» — мордвы и чувашей. В конце XVI столетия в Курмыше находим уже сложившийся посадский мир, о котором в царской грамоте говорится в такой формуле: «до курмышских посацких людей староста со всеми посацкими людьми»⁶².

---

⁵⁹ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом. «Чтения ОИДР», 1888, кн. 3, стр. 9.

⁶⁰ ПСРЛ, т. XX, стр. 543.

⁶¹ Там же, стр. 435.

⁶² АФЗ, ч. 3, стр. 60.

Глава XXIII

ВЯТСКАЯ ЗЕМЛЯ

ОБЩИЙ ОБЗОР

Основной ступок поселений в Вятской земле располагался по реке Вятке и ее притоку Чепце. Вятская земля представляла собой как бы громадную поляну среди глухих лесов, окружающих ее со всех сторон.

С первого взгляда непонятно, почему ступок вятского населения образовался именно в районе города Вятки. Эта загадка разъясняется, как только мы обратимся к почвенной карте. На почвенной карте в районе Вятки (Кирова) и ее окрестностей показана полоса серых лесных почв, гораздо более плодородных, чем подзолистые почвы. Такие же серые лесные почвы находятся и в районе Владимира и Суздаля. В Вятской земле серые лесные земли располагались небольшими полосами, окруженными мало удобными для земледелия подзолами. Впрочем, плодородие пашен Вятской земли было относительным. В документах земля в этих районах обычно оценивается как «худая»¹.

Герберштейн называет Вятку «убежищем для беглых рабов». Это выражение дает представление о сравнительно свободном положении Вятки не только во времена ее самостоятельности, но и в более позднюю эпоху.

Вятская земля сравнительно поздно вошла в состав России. Понадобился большой военный поход для того, чтобы вятчане покорились Ивану III в 1489 г. Таким образом, Вятская земля потеряла свою самостоятельность позже, чем ее митрополия — Великий Новгород. Это объясняется географическим положением Вятки, которая находилась на окраине тогдашней России.

¹ Труды Вятской ученой архивной комиссии 1906 года, вып. I—II. Вятка, 1906 (далее — Труды Вятской комиссии). Грамоты и акты Вятского Успенского Трифонова монастыря 1580—1764 гг., № 6, стр. 11—13. Сотная 1590 г.

значительно ближе к Казани, чем к русским землям. С Казанским ханством ее соединяли мощные реки Вятка и Кама.

В пределах Вятской земли издавна существовали татарские поселения. Здесь поблизости от города Слободска жили каринские татары (около села Карины). Даже в XIX в. они сохраняли свой язык и мусульманскую веру. Происхождение каринских татар неясно. В середине XVI в. их иногда называли «арскими князьями», считая выселенцами из Арской земли в Казанском ханстве. Главным своим богатством каринские татары считали бобровые ухажи, где водились «карие» бобры (не отсюда ли название «каринские»? ²).

Кроме каринских татар, в Вятской земле находились поселения удмуртов, которых наши источники называют «вотяками», и марийцев. В русских источниках эти народы известны под общим названием «черемисов».

Вятская земля в XVI в. жила особой жизнью, мало похожей на жизнь в других областях тогдашней России. В митрополичьих грамотах второй половины XV в. говорится о тех обычаях, которые водворились на Вятке и вызвали возмущение русского духовенства. В Вятской земле было, например, распространено многоженство, как у татар, различного рода обычаи, типичные для соседних поволжских народов. Митрополичьи послания рисуют Вятку как глухую отдаленную страну, находившуюся на рубеже с соседним Казанским ханством. Да и во второй половине XVI в., после присоединения Казанского ханства, Вятская земля продолжала быть отдаленным и глухим районом Российского государства.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И РЫБОЛОВСТВО

Основой хозяйства в Вятском уезде было пахотное земледелие в соединении с продуктивным скотоводством и лесными промыслами. Впрочем, размеры пашни были невелики, гораздо большее значение имело здесь животноводство. Барщина в Вятской земле почти не встречается; в ней было распространено исполовничество. В конце XVI в. о крестьянах Трифонова монастыря говорится, что они «пашут на монастырь исполу» ³. В вотчинах Трифонова монастыря только часть земли обрабатывалась монастырскими детенышами, рядом с ними в деревнях жили «монастырские полovníки».

Крестьянское хозяйство в Вятской земле было тесно связано с использованием водных и лесных угодий. Об этом прекрасное понятие дает один документ, составленный на рубеже двух сто-

² ААЭ, т. I, № 220, стр. 208—209; № 226, стр. 217; № 237, стр. 239—240; № 246, стр. 267—268.

³ Там же, № 305, стр. 370.

летий, в 1600 г. Крестьянин Тимофей Плешкин получил в оброк сеной покосец, озерко и перевес — «птичьи ловли». В обязанности крестьянина входило: «покос рощищать и сено косить и птица с озерка ловить»⁴.

О таком же смешанном хозяйстве говорит духовное завещание вятского служилого человека второй половины XVI в. У него было две деревни: одна из них, «живущая с хлебом», другая пустая. В закромах служилого человека хранились пшеница, просо, ячмень и полба. Служилый человек владел лугами — пожнями, их насчитывалось около десятка. Кроме того, упомянуты перевесы для ловли зверей и птиц.

Сохранился интереснейший документ середины XVI в. — дарственная запись на пожню Осипа Труфановича. Пожня была им куплена у другого владельца и находилась «в межах» с соседними владельцами, что подчеркивает особое значение и ценность таких лужков, тщательно межевавшихся, как и пахотные земли.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Основным видом поселения в Вятской земле были деревни с двумя — пятью дворами, нередко с одним двором. Иногда они и носили название по имени того, кто первый их поставил: «починок Ондруши Костяева, во дворе Ондруша Костяев». К починкам и займищам была приписана земля: пашня, луга («наволоки» или поемные луга), пашенный лес. Размеры пашни были незначительными; на двор распахивалось 3—5 четвертей «средней» или «худой» земли. Характерно, что и сенные угодья не отличались большими размерами; с них собирали примерно по 10—15 копен на двор, иногда и меньше.

Важное значение имели рыбные ловли в реке Вятке.

Угодья в Вятской земле обычно принадлежали всем крестьянам сообща: «сенные покосы и займища для пашни, и теми угодья Вобловитцкие крестьяне владели исконивечно». До конца XVI в. крестьяне платили дань «за всякие подати» в царскую казну⁵.

Количество свободной земли даже в окрестностях самого Хлынова (Вятки) — главного города Вятской земли — было настолько велико, что тут находились такие участки земли, какие оказывались порой без владельцев и легко переходили в пользование крестьян, «волостных людей». С таким случаем встречаемся

⁴ Древние акты, относящиеся к истории Вятского края (далее — Древние акты Вятского края). Вятка, 1881, стр. 24—25, 31—33, 46.

⁵ С. Шумakov. Сотницы, грамоты и записи, вып. 5. «Чтения ОИДР», 1909, кн. 4, стр. 50—57. Выпись относится к 1592 г.; Труды Вятской комиссии, № 8, стр. 15—18.

в конце XVI в. в Хлыновском уезде, где поблизости от вновь основанного пригородного Успенского монастыря стояли три деревеньки. Когда-то они принадлежали сведенцам с Вятки и отданы были в доход наместникам. Фактически же этими деревеньками овладели «волостные люди», которые «пахали» здесь землю. Понадобилась царская грамота для того, чтобы выдворить волостных людей из одной деревеньки и передать ее монастырю⁶.

Сохранилось описание подобной деревеньки, принадлежавшей волостному человеку Елизарию Болязину. Деревенька состояла из одного двора с овином и мякинницей, к которому прилежала пашня. Хоромы представляли собой большую избу, рядом с которой стояла новая непокрытая изба, несколько сениц и других подсобных строений⁷.

В конце XVI в. «в Хлынове наместничьи деревни стоят пусты и не пашет их никто»⁸. Нередко встречались пустоши, которые никому не принадлежали. Даже монастыри больше заботились о пожнях, чем о пахотной земле. Насколько в Вятском крае было трудно расширяться феодальному землевладению, видно на примере Успенского Трифонова монастыря. Он добился пожалования трех деревень, находившихся раньше во владении волостных людей. Что это были за деревни, видно из того, что монастырь их получил «с пашнею и с двором и с овином и со всякими угоды». Значит, и вся деревня состояла только из двора с овином⁹.

О типичной Вятской волости можно судить по описанию стана Вобловичи, который находился в Слободском уезде («над рекою над Вяткою стан Вобловичи»). Он состоял из погоста, 2 деревень и 44 починков, 5 займищ с общим количеством в 67 дворов (в них 84 человека). Только погост имел вид относительно большого поселения. В нем стояла церковь Ильи Пророка, «древяна клетцки», 34 церковных двора и 4 кельи для старцев. Остальные 8 дворов (в них было 10 человек) принадлежали бобылям и нищим. Только 6 дворов несли тягло, остальные были дворами белыми или маломощными¹⁰.

ЗЕМСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Вятская земля долгое время была порубежной окраиной, которой приходилось вести частые войны с соседним Казанским царством. В этой ожесточенной войне вятчане вынуждены были

⁶ Труды Вятской комиссии, вып. I—II, № 2, стр. 6—8. Царская грамота 1588 г.

⁷ Там же, № 4, стр. 9.

⁸ Древние акты Вятского края, стр. 34—35.

⁹ Там же, стр. 36—38. Грамоты и купчие на пожни 1582—1583 гг.

¹⁰ Там же, стр. 38—40, 1588 г. Позже, в 1595 г. в этой волости указаны погост, 2 деревни, 48 починков, 4 пустоши и займище; всех дворов было 64, а людей в них 92 человека (там же, стр. 42).

опираться на собственные силы. Города в Вятской земле были в первую очередь опорными пунктами, крепостями; их строили крестьяне сообща со слобожанами. Поэтому для Вятской земли была характерна особенно тесная связь городских людей с крестьянами. «Вятчане из Слободского Верхнего городка» вместе с волостными людьми жаловались на бесчинства пришлых казаков и скоморохов, ссылаясь на жалованную уставную земскую грамоту 1528 г. Жители городка названы в челобитной слободскими людьми.

Когда в XVI в. на реке Вятке, выше Слободского посада, или городка, стал строиться новый Шестаковский городок, его строители, местные крестьяне, выпросили грамоту, по которой они получили право самим выбрать управителя: «а ведает и судит тех крестьян их слободчик, кого себе в слободчики выберут»¹¹. Причина постройки городка не объяснена, но вполне понятна. Ведь Вятская земля неоднократно подвергалась татарским набегам. Шестаков был построен в 20 км от Слободы (Слободска) и имел оборонительное назначение.

В конце XVI в. на Вятке считалось пять городов, которые иногда выступали как представители всего края. Это были Хлынов (Вятка), Орлов, Котельнич, Слободской и Шестаков.

О повинностях черных людей на Вятке говорит документ 1556 г.; они состояли из кормов и поборов для наместничьих людей, городского дела и «черного тягла». Из этого же документа узнаем о захребетниках и торговых людях, которые устраивались на белых дворах¹².

В Хлынове выборные судьи, целовальники и земские люди ведали мирскими делами. В Вятской земле даже в конце XVI столетия выборные судьи и земские старосты имели большое значение, как это наглядно показано в житии Трифона — основателя Успенского монастыря в Хлынове. Трифон пришел в Хлынов в 1580 г. и увидел «место высокое и красивое» для основания монастыря. Он стал умолять «судей и старост и всех православных христиан о монастырском строении». Его просьба была выполнена: «Народи же Вятския земли и всех градов вятских... написавше челобитныя всеми пятию грады за священническими, за судейскими и за всеми мирскими руками». Трифон испросил недоделанную церковь «у земского старосты с мирскими людьми». Впрочем, житие жалуется, что горожане не помогли перевозке недоделанной церкви и не радели о монастыре. Но это замечание надо отнести за счет составителя жития и обычной неблагодарности монахов, очень много требовавших от соседних крестьян¹³.

¹¹ Древние акты Вятского края, стр. 28—30.

¹² Там же, стр. 36, 1582 г.

¹³ ГИМ, Муз. сбор. № 4043. Сборник с житием Трифона Вятского, в 4°, на 228 листах, XVII в.

Крестьяне Шестаковского города также выступают перед нами как особое общество. Царская грамота жалует «всех крестьян Шестаковского городка» льготным сроком для уплаты ими долга, так как они охудали и одолжали от казанских воинских людей ¹⁴.

ХЛЫНОВ (ВЯТКА)

Крупнейшим городом и центром Вятской земли был город Хлынов, стоявший на реке Вятке. По дозорной книге 1615 г., в нем стояла деревянная крепость, «острог», к которому примыкал посад. Впрочем, дозорная книга употребляет тут не вполне обычную терминологию: «на посаде в остроге», это должно обозначать, что посадские дворы стояли в остроге, так как тут же обозначают дворы «внутри городка», т. е. крепости.

Внутри крепости стоял деревянный собор Богоявления и несколько церквей, также деревянных, из которых только некоторые были приспособлены для зимнего времени («теплые»), тогда как другие обозначались как «студеные» (холодные).

Как и в других русских городах, вятская крепость была населена в основном военными и приказными людьми, а также церковными причтами. В ней стояли два двора для воеводы и его товарища, двор дьяка и подьячих, земский съезжий двор для царских посланников. На посаде находились тяглые дворы, населенные ремесленниками, бобылями и нищими.

К крепости примыкали городские улицы: Чернышевская, Спенцынская, Бритовская и др. Дозорная книга 1615 г. сообщает, что в Хлынове, по переписи 1590 г., насчитывалось 375 дворов. По той же дозорной книге дворы на посаде названы церковными, воеводскими, дьячими, пушкарскими, тяглыми посадскими, бобыльскими. В 1615 г. в Вятке насчитывалось 604 двора; почти половина их приходилась на бобылей и нищих. Однако дозорная книга отражает картину города после смуты и не типична для характеристики Вятки в XVI столетии, до ее разорения ¹⁵. Все эти нищие и бобыли, возможно, представляли собой беженцев из других городов, а не коренных жителей. В 1590 г. количество посадских дворов равнялось 273, составляя почти $\frac{3}{4}$ всех переписанных дворов, но сведения эти не включают дворы служилых и церковных людей ¹⁶.

Переписная книга 1628 г. добавляет некоторые подробности об укреплениях города, возможно, уже подновленных к этому времени: город Хлынов стоял над рекой и был окружен деревянной

¹⁴ Древние акты Вятского края, стр. 26—27.

¹⁵ Вятка. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1887, стр. 1—7.

¹⁶ П. Н. Лу п о в. История города Вятки. Киров, 1958, стр. 70, 75.

стеной с четырьмя башнями и воротами. Башни и стены были сделаны из соснового леса и крыты тесом.

Собор Хлынова был назван в честь Николая Чудотворца. Местной его святыней считался образ Николы Великорецкого. Причт собора получил в 1556 г. царскую жалованную грамоту, освобождавшую его от тягла. Причт Николы Великорецкого занимался заемными операциями, давая под заклад небольшие ссуды. Кроме того, в Вятке было несколько других церквей («чудное» Богоявление, Покров, Успенье, Пятница) ¹⁷.

Самым древним монастырем считался монастырь Ивана Богослова.

О занятиях хлыновских жителей известно очень немного. Крупное значение для экономической жизни города имело речное судоходство по Вятке. Торговые люди ходили на судах («павозках») в Казань и в Астрахань.

Различного рода документы, изданные любителями вятской истории, в основном дают материал для изучения сельского хозяйства, а не городских ремесел.

Некоторый свет на имущество богатого вятчанина бросает духовное завещание Ивана Иосифова сына Шелома, написанное в 1574 г. Судя по перечислению предметов (панцирь, три сабли, железная шапка боевая, наручи, седла), завещатель был служилым человеком. В его амбарах хранились пшеница, просо, ячмень, полба. Ему принадлежал «двор в городе у Слудных ворот», кроме того, две деревни: одна «живущая с хлебом», другая пустая. Наибольшим богатством, видимо, являлись пожни под городом. Во дворе Шелома жили слуги («что у меня слуг, муштин и жонок и ребят»). Среди вещей названы «однорядка лунское сукно червчето», «кисти шелковы — шамарханской шелк», сковорода медная «полецкое дело», фляга винная оловянная немецкое дело, «сорочинский ковер на оба лица», «сабля булатная доновская», «чарка серебряная золочена мичуринская», «топорок московское дело» ¹⁸.

Это перечисление вещей интересно указанием на большое количество предметов, привозимых из-за границы. «Лунское» сукно — сукно из Лондона, «шамарханский» — самаркандский шелк, немецкая фляга, сорочинский — сараинский, восточный ковер, булатная сабля «доновская» — из Дони (Дании), чарка «мичуринская» — мисюрская, т. е. египетская, московский топорик.

В непосредственной близости к Хлынову находился Успенский монастырь, построенный игуменом Трифоном в 1580 г. По словам жития Трифона и царской грамоты, монастырь был построен по просьбе выборных судей и всех земских людей в Вятке, потому что вятские города от других московских городов далеки

¹⁷ Древние акты Вятского края, стр. 28—34.

¹⁸ Там же, стр. 31—34.

и «во всей Вятской земле» нет монастыря, где могли бы постричься старые и увечные люди. Монастырь получил под городом несколько пустошей и лугов и стал быстро расширять свои владения. Его основатель и первый игумен Трифон, постригшийся в монахи в Пыскорском монастыре на Каме, был энергичным хозяином, типичным церковным стяжателем. Уже в 1595 г. в монастыре, по показаниям самого Трифона, было 40 человек братии, 5 попов и дьякон, а также 30 всяких «трудников». По монастырской терминологии так назывался рабочий люд, выполнявший самые различные обязанности.

Уже в 1582 г. монастырь получил в пожалование несколько лугов («поженек»), которыми раньше владели земские люди, на этот раз еще с согласия их выборных людей. Пройдет всего шесть лет и монастырь уже получает в дар три деревеньки, которыми владели волостные люди. При этом царская грамота бесцеремонно требует передать эти деревеньки в Трифонов монастырь «безволокитно».

Дальнейшая история Трифонова монастыря типична для церковного землевладения. Через 15 лет после своего основания он получил во владение целую волость (Вобловичи) и основал новый монастырь-филиал недалеко от владения Вятки в Каму¹⁹.

ДРУГИЕ ВЯТСКИЕ ГОРОДА

Выше говорилось, что в Вятской земле насчитывалось пять городов вместе с Хлыновым. Из них наиболее крупными были Слободск и Шестаков.

Слободский Верхний городок получил грамоту в 1540 г., одну из самых ранних губных уставных грамот. В грамоте упоминаются старосты, целовальники, сотские, десятские, крестьяне, лучшие, средние и молодые люди, а также «отяки» (вотяки)²⁰.

Некоторое представление о Слободске дает документ 1629 г., ко времени которого деревянные укрепления городка были ветхими и развалились. В город вели двое ворот, рубленые стены общей длиной в 75 сажен были укреплены двумя глухими башнями. К городу примыкал посад, обнесенный деревянным частоколом-острогом; «а ныне весь развалился», — замечает опись. В Слободске находились тюрьма и воеводский двор, таможенная изба, «двор на приезд посланников»; двор каринского татарина, двор палача. В крепости и на посаде стояло восемь церквей. Примерно в таком виде Слободск можно представить и в XVI в. Отличия, вероятно, были в количестве посадских и бобыльских дворов, которых в 1629 г. насчитывалось 117²¹.

¹⁹ Древние акты Вятского края, № 27, стр. 36—44, 108—111.

²⁰ Там же, стр. 17—28.

²¹ Там же, стр. 119—120.

Шестаков, или **Шестаковский** городок, развивался слабо, представляя собой опорный пункт для соседних крестьян — «всех крестьян Шестаковского городка». В 1629 г. город Шестаков, деревянный, рубленый, был ветхим, погнившим и развалившимся. Стены имели общую длину в 200 сажен с двумя воротами и двумя глухими башнями. В городе стояла тюрьма, сторожня, две житницы, соборная церковь архангела Михаила «деревянной кладки» и церковь Николая Чудотворца. Три колокола при церкви были «даны» царем Иваном Грозным. На посаде размещались церковь, таможенная изба, съезжая изба и небольшое количество посадских дворов ²².

---

²² Там же, стр. 26—27, 120.

Глава XXIV

ЗАКАМЬЕ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

К Вятской земле непосредственно примыкал Прикамский край, именуемый в документах «Закамьем». Как и в других районах России XVI в., его основной магистралью, к которой тянуло население, была мощная река, в данном случае Кама.

К востоку от Камы начинались предгорья Урала, а западная часть Прикамья сохраняла равнинный характер, обычный для большей части России. Вековые хвойные леса покрывали Закамье, край лесной и малозаселенный, далекую окраину России. Русское население рано проникло в эти отдаленные места и оседало среди вогуличей, остяков и других народностей. В житии Трифона Вятского рассказывается, что он поселился на месте Мулы, где «бьяше жертвище идольское». Тогда к нему пришел «от нечестивых остяков начальный их остяцкий князь Зевендук имянем, собрав с собою нечестивых остяков 70 человек». Они общили о приходе Трифона «начальнейшему князю их нарицаемому их языком глаголему Амбалу». Остяки съезжались к этому месту «от всех стран и рек, с Печоры и съ Сылвы, с Обвы и с Тилвы, князь их остяцкий Амбал и вогульский князь Бебьяк и инии мнози языцы со всеми своими улусы, остяки и вогуличи со всех ловль своих». К Трифону пришел и христианин Федор Сухолтин, «иже в тех странах с ними неверными торгуя, и даде в дар преподобному секиру железа, якоже ей посекати, наше русское железо».

Трифон уничтожил «идоложертвенное древо, глаголемое ель, бе бо величайши прочих деревьев, толстота бо бьяше того древа полтретьи сажени, а ветви в длину по четыре сажени и вящи»¹.

¹ ГИМ, Муз. собр., № 4093. Житие Трифона Вятского, л. 151 и сл. Полтретьи, т. е. 2 $\frac{1}{2}$ сажени.

Рассказ о Трифоне ярко рисует Закамье как далекую окраину России XVI в., которая до самого конца этого столетия подвергалась нападениям сибирских татар и вогуличей. Даже в 1581 г. сибирские татары во главе с пельымским князем Кихеком взяли и разорили Соликамск². Впрочем, это было уже последнее разорение города от татар и вогуличей.

Верхнее Прикамье в наших документах обычно называлось Пермью, или Великой Пермью. Еще в начале XVI в. Пермская земля представляла собой особое удельное княжество. Один из пермских, или великопермских, князей Матвей Михайлович назван в послании митрополита Симона «слугою»³ великого князя, титулом, которым в XVI в. обозначали не служебную, а вассальную зависимость. В синодике Иоанно-Богословского монастыря в Чердыни перечислено 14 имен пермских князей и княгинь, во главе которых стоит князь Михаил Пермский, убитый от вогуличей, вероятно, отец названного выше Матфея, помеченного ниже в том же синодике. В 1505 г. призрачная самостоятельность пермских князей была ликвидирована окончательно, на их место из Москвы стали назначать наместника. Однако воеводы в Пермской земле появились только с 1613 г.⁴

Пермская старина сказывалась в сохранении ряда местных особенностей, утвержденных жалованной грамотой, которая была дана по челобитью «от всех градских людей и сельских» в 1553 г. В. Берх и А. Дмитриев правильно считают, что пожалование 1553 г. только возобновляло старую грамоту, о которой сказано в самом документе, что она сгорела во время пожара. Жалованная грамота утверждала наместничий суд с присутствием старосты и целовальников, которых «пермяки выбирают у себя сами, кто им люб»⁵. Грамота отличается архаическим характером и указанием на «старину», существовавшую раньше в Пермской земле.

Центром Великой Перми был город Чердынь на Каме, ранее резиденция великопермских князей (см. карту на стр. 258).

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ

Закамье было еще мало заселено; по писцовым книгам 1579 г. во всем Чердынском уезде вместе с посадом числилось 1493 двора, людей в них 1700 человек.

² В. Берх. Путешествие в Чердынь и Соликамск, СПб., 1821, стр. 205.

³ АИ, т. I, стр. 397.

⁴ А. Дмитриев. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае, вып. I. Древности бывшей Перми Великой. Пермь, 1889, стр. 159—163.

⁵ В. Берх. Указ. соч., стр. 126. В этом сочинении Уставная грамота издана целиком (стр. 121—134).

Основным занятием жителей было земледелие и продуктивное скотоводство, хотя условия для развития земледелия были неблагоприятными. «Худая» земля преобладала в Чердынском уезде. На 1753 чети «средней» земли приходилось 4403 чети «худой» земли. Поэтому и размеры пашни были относительно невелики. Для сравнения могут быть привлечены следующие данные: в одном только Раставском стане Каширского уезда примерно на 3 тыс. дворов насчитывалось свыше 17 тыс. четей земли. В данном случае дается сопоставление дворов, а не территории, так как нечего и сравнивать громадные пространства Чердынского уезда с относительно небольшим Раставским станом.

Зато поражает громадное количество сена, которое собирали в Чердынском уезде (свыше 28 тыс. копен), и обилие рыбных угодий. Если принять во внимание, что писцовые книги ничего не сообщают о других промыслах населения, кроме солеварения, а такие промыслы должны были существовать, то перед нами встанет довольно ясная хозяйственная картина Чердынского уезда во второй половине XVI в. Занятия жителей имели здесь комбинированный характер. Рядом с земледелием широкое развитие получили скотоводство и рыбная ловля.

Преобладающим типом поселения в Закамье были деревни и починки. Во всем Чердынском уезде показано, например, только 11 погостов. При этом закамский погост далеко не всегда имел церкви. Следовательно, такой погост служил только административным центром, а его церковное назначение появилось позже. Вообще церковный элемент в Закамье как в Чердынском, так и в Соликамском уездах, был очень незначительным. Отсюда и простекали постоянные нарекания церковных властей на бытовые и семейные непорядки в Закамье и на Вятке, о которых мы знаем из посланий московских митрополитов.

Деревни в Закамье были населены сплошь русскими, судя по именам и прозвищам крестьян, но сами названия деревень свидетельствуют об их недавнем прошлом. Рядом с русскими названиями деревень упоминаются деревни Зырянново и Остяцкая. Вероятно, эти деревни были заняты раньше коми («зырянами») и остяками, которые были оттеснены в более отдаленные лесные местности.

Наиболее значительным поселением в Окологородном стане у Чердыни были погосты Покча и Анисимов. В погосте Покча, по летописным сведениям конца XV в., находилось местопребывание великокняжеского наместника. Покча в это время была городком. Писцовые книги 1579 г.⁶ отмечают, что в погосте стояла мельница. Из четырех погостов Верхнего стана (Вильгорт, Искор, Янидор и Кольчуг) выделялись Вильгорт и Искор. В Вильгорте отмечена мельница. Искор еще в XV в. был город-

⁶ А. Дмитриев. Указ. соч., вып. 1.

ком. В. Берх так описывает его местоположение: «С трех сторон окружается он высокими неприступными утесами, а с четвертой находится очень ровная покатая плоскость. Вершина сей горы имеет площадь в 2000 квадратных сажень, на коей, как приметно, расположены были дома здешних жителей. В левой стороне сей площади находится малая часовня»⁷.

Соликамский уезд был заселен еще слабее. В нем считалось всего 23 деревни, 11 починков, 3 займища со 160 дворами, людей в них 205 человек. Из этого числа 18 дворов были беспашенными. Деревни в этом уезде отличались относительно большими размерами. Были деревни в 23 двора (Селище, Боровая), тогда как в займищах и починках стояло по 1—2 двора. Земледелие и скотоводство носили здесь характер только одного из занятий жителей. На 23 двора деревни Селищи приходилось 135 четей пашни и 42 чети перелога в поле. Земля чаще всего обозначается «худой», гораздо реже «средней». Во всем уезде на 1018 четей «худой» земли приходилось всего 86 четей земли «средней». Эти цифры сами по себе указывают на условия земледелия в Соликамском и соседнем Чердынском уездах.

Зато богаты и изобильны были сенные угодья по Каме и другим рекам. В той же деревне Селищах на Каме и в других местах ставили 480 копен сена. Многие деревни, кроме того, владели богатыми рыбными ловлями на Каме и в ее притоках, а также в озерах. Поэтому в Соликамском уезде находим деревни, занимавшиеся не столько земледелием, сколько продуктовым скотоводством и рыбной ловлей. В деревне Боровой показано всего 35 четей пашни, а сена 300 копен. Между тем в этой деревне на 13 пашенных дворов приходилось 9 дворов непашенных. Деревня стояла на реке Каме; главным занятием ее жителей было рыболовство.

ЦЕРКОВНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ПЫСКОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Замечательной особенностью Закамья было отсутствие в нем дворянского землевладения, как это видим на примере Чердынского и Соликамского уездов, где полностью отсутствовали дворянские вотчины и поместья. Крупное феодальное землевладение проникло сюда в виде монастырских вотчин и владений Строгановых.

Крупнейшим церковным феодалом Закамья был Благовещенский Пыскорский монастырь, возникший в середине XVI в.⁸ В 1570 г. во владение заново поставленного монастыря был пе-

⁷ В. Берх. Указ. соч., стр. 192.

⁸ По царской грамоте 1589 г. монастырь был построен около 1560 г., так как в грамоте о монастыре читаем: «стоит среди полей на пустом месте двадцать восемь лет» (А. Дмитриев. Указ. соч., вып. II, стр. 236).

редан городок Конкор, раньше принадлежавший Строгановым. Дети Аники Строганова отдали Конкор во владение игумена Благовещенского монастыря с большими земельными владениями. Наделение Пыскорского монастыря земельными имуществами, возможно, являлось следствием не только личной инициативы Строгановых, желавших иметь собственный патрональный монастырь, но и политики Ивана Грозного, всячески использовавшего церковь в интересах самодержавия. Пыскорский монастырь сделался ставропигиальным и был подчинен непосредственно самим московским митрополитам.

Монастырь имел свои пашни и луга, рыбные ловли, пожалованные ему еще при царе Федоре Ивановиче. На речке Пыскорке под монастырем стояла соляная варница. Кроме того, монастырю в разных местах принадлежали три мельницы. Общее количество «братии» в конце XVI в. достигало 36 человек. В подмонастырской слободке жили крестьяне, а в починке на реке Лысве у мельницы — монастырские детеныши⁹.

Пыскорская обитель была перенесена на новое место, по совету Строгановых, о чем говорит грамота детей Аники Строганова, данная ими в монастырь после смерти их отца и «нашея государыни матушки Софии». Монастырь, по совету Строгановых, надо было перевести в Городок, в котором Строгановы предлагали «церкви ставить по вашему чину, как будет пригоже». При этом Строгановы давали артиллерию и припасы, которые предлагалось иметь в городке — 12 рушниц и 3 затинных, пуд пороха и пуд свинца. Строгановы обещали дать в монастырь вклад в 100 рублей. Одновременно они определяли размеры владения Пыскорского монастыря, соединив таким образом в своей грамоте 1570 г. благочестивое с полезным¹⁰. Монастырь последовал совету и переехал на новое место, а на старом, на устье речки Пыскорки, уже в 1599 г. оставались ветхие строения. В новой большой церкви все монастырское строение было сделано Строгановыми.

СТРОГАНОВСКИЕ ЗЕМЛИ

Совершенно особое место в Закамье занимали владения Строгановых. История строгановских вотчин до сих пор еще полностью не разработана, несмотря на ряд сочинений, посвященных

⁹ При царе Михаиле Федоровиче Пыскорский Преображенский монастырь представил 6 грамот, из которых 5 были даны царем Федором Ивановичем с 1589 по 1594 г. На основании этих грамот последовало новое пожалование на варницы и рыбные ловли для монастыря. В жалованной грамоте отмечена и монастырская слободка, а также мельница. На монастырской земле жили работники, казаки («Пермские губернские ведомости», 1857, № 23—24).

¹⁰ «Пермские губернские ведомости», 1857, № 23.

этому вопросу. Во всяком случае, можно считать установленным, что в первой половине XVI в. Строгановы прочно утвердились в Закамье.

Владения Строгановых составляли особое феодальное образование, которое, по жалованным грамотам 1558 и 1564 гг., было неподсудно пермским наместникам и их тиунам. Григорий Строганов имел право судить своих людей как настоящий феодальный владетель: «А ведает и судит Григорей своих слабожан сам во всем». Пространство, отданное во владение Строгановых, было очень большим. Он получил право ставить дворы и призывать в них людей, вниз «по обе стороны по Каме до Чюсовые реки»¹¹.

Центром владений Строгановых в это время был городок Орел.

В дальнейшем происходил непрерывный рост территории, принадлежавшей Строгановым. По писцовой книге 1579 г., во владении Строгановых находилось 4 слободы, 11 деревень, 28 починок с 352 дворами (в них 406 человек). К этим слободам и деревням было приписано большое количество пашенной земли и сенокосных угодий.

Однако не сельское хозяйство составляло главное богатство Строгановых. К городку Орел тянуло всего 3 деревни и 4 починок с 384 четями пашенной земли, тогда как в самом городке насчитывалось 90 крестьянских и пищальничих дворов. Орел был основан на месте первоначального пермяцкого поселения Кергедан и иногда назывался еще этим именем. Укрепленный городок имел пушки и пищали, таким образом, был настоящей крепостью. Остальные слободы Строгановых (Яйва, Чусовая, Сылва) представляли собой небольшие укрепленные остроги¹².

Обычно основой богатства Строгановых считают соляные варницы, о которых и говорится в документах XVI в. Солеварение особенно стало развиваться после построения нового Усолья в Соликамском уезде в 1606 г. Но можно сомневаться в том, что соляные варницы могли доставить Строгановым такое богатство, каким они обладали. Кажется, в основе их благосостояния лежала не только соль, но и торговля мехами. Кроме того, Строгановым принадлежали речные суда, ходившие по Каме и Волге. «У Строгановых на стругах в работе» в молодости ходил Ермак

---

¹¹ Жалованная грамота Григорью Строганову, 2 января 1564 г. Ему были пожалованы земли «ниже Великое Перми за восьмдесят за восемь верст, по Каме реке, по правую сторону Камы реки с усть Лысвы речки, а по левую деи сторону реки Камы против Пызноские курьи, по обе стороны по Каме до Чюсовые реки места пустые, леси черные... пустою места сто сорок шесть верст» (Дополнения к Актам историческим, т. I, № 117, стр. 168; № 118, 119).

¹² А. Дмитриев. Указ. соч., вып. I, IV. Там приведены основные документы для описания Закамья в 1579 г.

Тимофеевич. Его отец и дядя «от скудости сошли на реку Чусовую в вотчины Строгановы»¹³.

Строгановы были удивительно прозорливыми при выборе своих покровителей. Старое предание о том, что они выдвинулись уже при Василии Темном, находит подтверждение: в синодике Строгановых первым был записан этот князь. В междуцарствие Строгановы занимали позицию, благоприятную по отношению к первому и второму ополчениям. Сохранилось любопытное письмо, помеченное 1 ноября 1611 г. Оно послано Максиму Яковлевичу Строганову его зависимым человеком Нащокиным, который называет себя «вскормленником великого твоего жалования». Из письма выясняется, что Строганов велел Петру Нащокину написать ему «как бог милует бояр в полках». Нащокин сообщал, что князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой да Иван Мартинович Заруцкий «и иные бояре и воеводы под Московским царством дал бог здоровы»¹⁴.

ГОРОДА ЗАКАМЬЯ

Наиболее значительными городами на верхней Каме были Чердынь и Соль Камская, или Соликамск. Город **Чердынь**, вероятно, существовал еще при пермских князьях, но был заново построен в 1535 г. В 1579 г. «в городе Чердыни на посаде» считалось 290 дворов, из них 52 двора пашенных и 238 дворов беспашенных. Во дворах насчитывалось 326 человек.

Неизвестно, чем занималось население Чердыни, во всяком случае, город имел относительно небольшое торговое значение, судя по количеству лавок на чердынском торгу. Из общего количества 67 лавок 21 лавка принадлежала «лучшим» людям, 46 — «молотчим»¹⁵. Однако резкой имущественной разницы между теми и другими, по-видимому, не было. «Лучшие» платили по 5 алтын (30 денег), «молотчие» — по гривне (20 денег). Чердынь имела характер местного рынка, торговавшего главным образом с соседними вогулами и остяками. Эта торговля носила архаический характер. Чердынские торговые люди (их в грамоте иногда называют пермяками, или пермичами) посылали «своих людей с пермским со всяким товаром торговати к Тюменскому волоку, в Вогуличи и в Сылву». Следовательно, торговля шла не только с соседними вогуличами и остяками, но и с сибирскими татарами.

Чердынские купцы ревниво отстаивали свои торговые права от наместничьих людей, которые пытались захватить торговлю с вогуличами и остяками в свои руки и мешали купцам торговать, пока они сами не закончат свои дела. Жалобы пермичей застави-

¹³ А. Дмитриев. Указ. соч., вып. V, стр. 220. Сказание о Сибирской земле.

¹⁴ «Вологодские губернские ведомости», 1853, № 29.

¹⁵ В. Берх. Указ. соч., стр. 91.

ли царское правительство выдать им грамоту с запрещением пермским наместникам и их людям торговать с вогуличами и остяки, а также вступаться в рыбную ловлю пермичей.

Старание пермских купцов сосредоточить в своих руках торговлю с сибирскими народами нашло поддержку у московского правительства, которое пожаловало жителей Перми, Чердыни и Соликамска правом торговать только с Устюгом, Вычегдой и Вяткой. Было категорически запрещено приезжать в Великую Пермь из Москвы, Новгорода, Твери и других городов, запрещен был и приезд самих пермичей с товарами в Москву.

Главным предметом пермской торговли были меха. В самой грамоте имеются указания на белок, которые сотнями и тысячами давались в дар наместнику и его людям, «по две деньги за белку»¹⁶. Старинный счет на белки держался в Пермской земле еще в середине XVI в., поэтому предлагалось платить белками или деньгами по выбору: «а не любя белка, ино за белку по две деньги».

В городе стоял собор Воскресения, а также находились два монастыря: мужской Ивана Богослова и женский Успенский. О церкви Николая Великорецкого переписные книги начала XVII в. отзываются так: узорчата, верх шатром, древян».

Иной характер носил **Соликамск**. Этот город известен был в XVI в. под названием Соли Камской, или «города Камского». По писцовым книгам 1579 г., в нем «на посаде» насчитывалось 190 дворов (а людей в них 201). При впадении в Каму реки Усолки 5 десятин земли было отведено «на судовую пристань посадским людям и приезжим торговым».

Главным богатством города были соляные варницы. По тем же писцовым книгам, «посадских людей лучшия соляные варницы» на речке Усолке принадлежали Сергею Никитину, Михаилу Ряже, Нечаю Шубину и Андрею Клестову. Это были значительные предприятия, судя по поступавшему с них оброку: «с тех варниц давать 18 рублей в год» по 2 рубля с варницы. Кроме того, семь варниц принадлежали «молодшим людям», платившим с каждой варницы по рублю в год. Все варницы «по старине» давали наместнику с каждой варницы по 20 пудов соли. На Черной речке стояла мельница посадского человека Клестова, «немецкое колесо»¹⁷. Торговля Соликамска в 1579 г. имела ничтожные размеры, в нем считалось всего 26 лавок. Среди них названа одна лавка, принадлежавшая мяснику.

Торговое значение города сильно увеличилось после того, как Соликамск оказался на прямой дороге в Сибирь. По Соликамскому летописцу прежняя дорога на Сибирь шла мимо Чердыни к Верхотурью на протяжении 2 тыс. верст, а новую дорогу открыл

¹⁶ А. Дмитриев. Указ. соч., вып. III, стр. 22.

¹⁷ В. Берх. Указ. соч., стр. 188—190; А. Дмитриев. Указ. соч., вып. III, стр. 162—176. Писцовая книга 1579 г. по Соликамску с уездом.

крестьянин Артюшка Бабинов, «и стало от Соликамска до Верхотурья только 250 верст». Это привело к уменьшению значения Чердыни и развитию Соликамска.

Переписные книги совершенно молчат о ремесленном населении Соликамска, но типичный ремесленный облик этого города все-таки четко проступает в прозвищах посадских людей, указывающих на их занятия. Среди посадских людей находим кузнецов (2), кожевников (2), сапожника, лучника, лодейщика, серебряника, домрачей. Особенно многочисленны рыбники: 4 посадских человека имеют прозвание рыбников.

В XVII в. Соликамск состоял из крепости и острога вокруг посада. Соликамская крепость была, по-видимому, значительной. До пожара 1672 г. в ней стоял «на горе старинный рубленый город с башнями и многими другими строениями»¹⁸.

Соликамск был второй резиденцией Строгановых наряду с Сольвычегодском. По житию Трифона Вятского, Строгановы были полными хозяевами в этом городе. Трифон получил от Строгановых книги, ризы, соль и железо.

К числу небольших городков Пермской земли принадлежал **Кай**, или **Кайгород**, **Кайгородок**. Его считают основанным в середине XVI в., когда он был складочным местом для соли, принадлежавшим Строгановым¹⁹. Этот маленький городишко сыграл почетную роль во время смутных событий царствования Василия Шуйского. Из документов этого времени выясняется, что в Кайгородском городе правили земские судьи, старосты и целовальники, сносившиеся с другими городами, боровшимися против войск интервентов²⁰.

ПРОДВИЖЕНИЕ В СИБИРЬ

Закамье непосредственно примыкало к Уральским горам, точнее, лучшая часть его располагалась по отрогам Уральских гор. Русские люди с давнего времени называли Уральские горы звучным названием «Каменный пояс», что действительно соответствует очертаниям Уральских гор, которые как бы мощным скалистым поясом охватывают Восточную Европу, являясь видимой границей между Европой и Азией.

В конце XVI в. владения России уже продвинулись в Сибирь, за Уральские горы. В данной работе нет необходимости поднимать старый вопрос о том, кто явился застрельщиком в этом продвижении русских владений на восток: было ли это делом Строгановых или правительственной инициативы, или неудержимым движением вольных казацких отрядов во главе с Ерма-

¹⁸ А. Дмитриев. Указ. соч., вып. III, стр. 138.

¹⁹ П. Семенов. Словарь, т. II, стр. 429.

²⁰ АИ, т. II, № 145, стр. 671 и сл.

ком. Само движение на восток, за Уральский хребет, началось в XV столетии, когда пути в Сибирь были уже известны. Герберштейн говорит о том, что он получил «некое писание на русском языке», содержавшее расчет пути к Печоре, к Югре и к реке Оби²¹. Это «некое писание» представляло собой хорошо и подробно составленный дорожник с указанием на отдельные пункты, через которые надо было проходить при движении в Сибирь на реку Обь. Видимо, этот путь первоначально проложили различного рода промышленные и торговые люди.

Такие же промышленники, видимо, продвигались и морскими путями в Сибирь. Так, С. В. Бахрушин отмечает следующее: «В Мангазее уже в конце XVI в. были поставлены русскими промышленниками „остроги“; на один из таких острогов — „Зырянский городок“ наткнулись в 1601 г. сургутские служилые люди». С. В. Бахрушин, в частности, отмечает, что туземные названия городков и урочищ в XVI столетии переводились на русский язык, что говорит в пользу предположения о давнишнем поселении русских, например, в районе Березова, тогда как впоследствии городам присваивались туземные названия без перевода их на русский язык²².

Таким образом, вольная колонизация промышленников, торговых людей и различного рода вольных людей, именуемых обычно казаками, постепенно проникала в Сибирь вплоть до реки Оби и Иртыша. Конечно, это не исключает движения правительственной колонизации в Приуралье и в Сибирь.

Интересный документ о походе на Югру в 1499 г. опубликовал В. И. Буганов. В нем рассказывается о походе русских войск во главе с князем Петром Федоровичем Ушатым на Югорскую землю, на Куду и на Гогуличи». «Куда» — это хантское (остяцкое) княжество на реке Оби. Опубликованный документ, несмотря на то, что он помещен в Разрядных книгах, не лишен некоторой картинности в описании пройденного пути. Об Уральских горах сказано в таких почти поэтических словах: «А Камени во облаках не видеть, только ветрено, ино облака раздирают, а длина его от моря до моря». Поход увенчался успехом. Русские войска взяли в плен 1000 человек «лучших людей» и 50 князей²³.

Однако удачные походы, конечно, не разрешали вопроса о постоянных связях России с Сибирью. Связи эти поддерживались в основном не походами, а промышленными и торговыми экспедициями русских людей. Остяцкие и вогульские княжества, примыкавшие к Пермской земле и к землям Строгановых, сохраняли еще свою самостоятельность, как мы видели это выше при

²¹ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 127 и сл.

²² С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. Издание Собашниковых, М., 1927, стр. 74.

²³ Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в. Под ред. академика М. Н. Тихомирова. М., 1960, стр. 509.

рассказе о миссионерской деятельности Трифона Вятского. Иногда происходили столкновения с вогулами и остяками, в которых принимали участие не только торговые и промышленные люди, но и русские крестьяне, сидевшие на земле Строгановых. Так, С. В. Бахрушин приводит пример совместной борьбы вогуличей вместе со строгановскими крестьянами и мелкими русскими служилыми людьми против Строгановых. Вогуличи, пишет С. В. Бахрушин, действовали, как определенно сказано в документах, «сговорясь с воры», «стакався с максимовыми крестьяны». Речь идет о крестьянах Максима Строганова²⁴.

Положение остяцких и вогульских князей было определено особой царской грамотой 1558 г., согласно которой русские цари принимали югорских князей под свое покровительство, обещали их «жаловать и от сторон беречи, под своей рукой держати». В свою очередь югорские князья обязывались давать в виде дани по соболу с человека²⁵.

Поход Ермака в Сибирь в сущности явился только завершением длительного продвижения России в Сибирь. Сибирское царство пало удивительно легко и в короткое время было присоединено к России. Вслед за этим на пути в Сибирь и в самой Сибири было построено несколько городов. Строительство их началось уже в 1583 г., когда был построен Верхне-Тагильский городок на том пути в Сибирь, по которому двигался Ермак. В 1586 г. была построена Тюмень, а в 1587 г. — Тобольск. В 1590 г. был сооружен Лозьвинский городок, не получивший развития, так как вскоре была найдена новая прямая дорога от Соликамска к верховьям реки Туры. Здесь, на верховьях Туры, в 1598 г. был построен город Верхотурье, а в 1600 г. на среднем течении Туры возник город Турйск.

Еще раньше на реке Оби сооружены были новые города: Березов (1593 г.) и Обдорск (1595 г.). Построением Томска в 1604 г. можно закончить перечисление (неполное) тех городов, которые возникли в Сибирской земле. Ко времени больших внутренних потрясений в России начала XVII столетия, которые русские люди образно называли «смутным временем», русские владения в Сибири далеко уже продвинулись на восток²⁶.

Русские сказания и записи XVII в. особо подчеркивают громадное значение присоединения Сибири к России. И это совершенно справедливо. Татарские и башкирские земли после завоевания Сибири оказались окруженными российскими владениями со всех сторон.

---

²⁴ С. В. Бахрушин. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. Л., 1935, стр. 18—19.

²⁵ Там же, стр. 39.

²⁶ Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. М., 1955, стр. 696.

Глава XXV

ГОРНАЯ СТОРОНА ВОЛГИ И ЗЕМЛИ ЧУВАШЕЙ

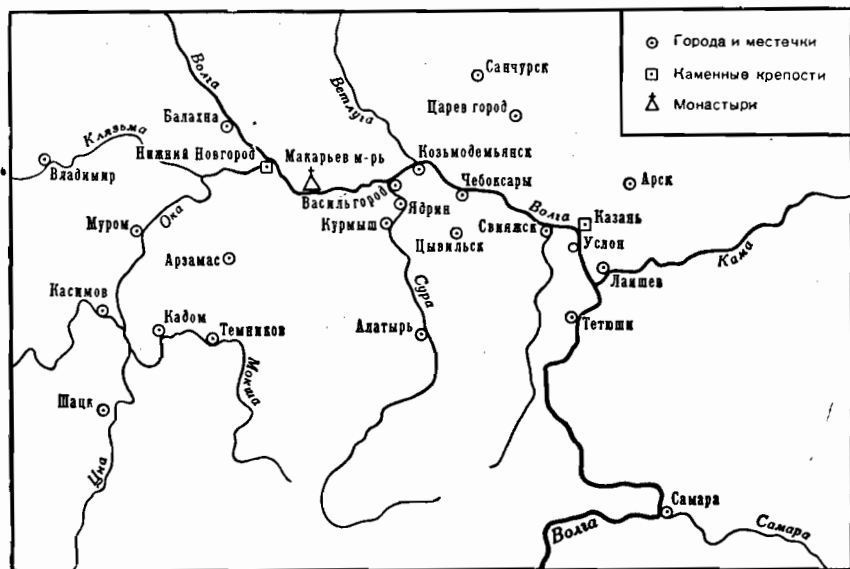
ОБЩИЙ ОБЗОР

К востоку от Нижегородского края, за рекой Курмышем, располагалась обширная территория, населенная чувашами, мордвой, марийцами и татарами. В отличие от «лугового» левого берега Волги, правый берег этой реки носил здесь название «горного». И в самом деле, трудно представить себе больший контраст между правым и левым берегом Волги ниже впадения Оки. На правом берегу красуются возвышенности, высокие и крутые берега поднимаются над широкой поверхностью водной глади. На левом волжском берегу зеленые луга уходят вдаль и лишь на горизонте видны отдаленные леса. И в настоящее время этот контраст между правым и левым берегом «кормилицы Волги» поражает путника, в древности этот контраст был значительно большим.

Общее название «Горной стороны» первоначально применялось для обозначения территории, лежавшей на правом берегу Волги, между реками Курмышем и Свиягой. Позже таким названием стали называть определенную область, включая в нее и пространство между Свиягой и Волгой, как это видно из завещания Ивана Грозного.

Территория Горной стороны первоначально находилась в подчинении у Казанского ханства, но собственно татары густо населяли только район, прилегавший к Свияге. Основное население Горной стороны к западу от Свияги составляли чуваша, обозначенные под этим именем в наших источниках с XVI столетия¹.

¹ Материалы по истории Чувашской АССР, вып. 1. Чебоксары, 1958; М. Н. Тихомиров. Присоединение Чувашии к России; В. А. Нестеров. Чувашия в составе Русского государства во второй половине XVI — начале XVII в.

Горная сторона и Казанское царство в XVI столетии

Кроме них в состав населения Горной стороны входила мордва и марийцы. Русские документы нередко называли эти народы, населявшие Горную сторону, общим термином «черемисы», или «горная черемиса».

Поверхность Горной стороны изрезанная. Географы отмечают здесь две гряды холмистых возвышенностей. Одна тянется между реками Цивиль и Сура, другая идет вдоль волжского берега к югу от устья реки Свяги. Эта возвышенная гряда образует Усло́нские, Вяло́вские и другие «горы».

Большие и дремучие леса, по преимуществу смешанные, покрывали край, что вместе с оврагами и холмами создавало немало препятствий для проникновения русских войск в эту глухую и живописную страну. Переход русских войск во время похода 1552 г. от Мурома напрямик к Свяжску через мордовские и чувашские леса казался русским людям неслыханным подвигом.

Основной водной магистралью в Горной стороне была Волга. Вдоль нее и располагались крупнейшие города и села. Гораздо меньшее значение имел ее приток Сура, несмотря на свое большое протяжение, еще меньшее — река Цивиль, в районе которой было сосредоточено основное чувашское население.

Южные границы Горной стороны уходили далеко на юг. В XVI столетии на реке Сура появился город Алатырь. Однако земли по Суре и ее притокам еще долгое время оставались самыми глухими уголками тогдашней России.

ОСОБОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГОРНОЙ СТОРОНЫ

Во второй половине XVI столетия Горная сторона представляла собой особую территориальную единицу, созданную при Иване Грозном в противовес Казанскому ханству с его преобладающим татарским населением.

История создания Горной стороны как территориальной единицы отчасти освещена во введении. Из всех дипломатических актов Ивана Грозного это был один из самых замечательных успехов, ускользнувших, впрочем, от наших историков, несмотря на ясные показания летописей. Горная сторона, по словам летописцев, составляла «половину» Казанской земли, которая была сразу обессилена, когда Горная сторона отпала от Казани. Это и сознавал царь Шиг-Алей, заявивший, что без Горной стороны он не может царствовать в Казани². Однако Горная сторона отделилась от Казанского царства задолго до основания Свияжска.

По словам другого, уже не летописного источника, на третий день после основания Свияжска «старейшины и сотники горния черемисы» пришли к царским воеводам и заявили о своей покорности: «и присяже тогда горняя вся черемиса, к царю и великому князю приложися половина земли Казанския»³.

Взаимоотношения Горной стороны с бывшим Казанским царством были установлены царем Иваном Васильевичем в 1553 г., вскоре же после взятия Казани. Царь велел всякую управу «горным людям чинить в Свияжском городе, а луговым и арским людям велел управу в Казани чинити». Так, территория прежнего Казанского ханства была разделена на два равноправных воеводства с центрами в Свияжске и в Казани.

Равноправность свияжских воевод с казанскими подчеркивалась постановлением об их совместном («сместном») суде при столкновениях горных людей с луговыми. По таким делам казанским воеводам полагалось сноситься с свияжскими, а свияжским — с казанскими⁴.

Особое положение Горной стороны держалось до конца XVI в. Так, завещание Ивана Грозного, которое считают написанным в 1572 г., рассматривает «луговую» и «нагорную» стороны Волги как особые земли. Грозный оставляет своему наследнику царевичу Ивану Ивановичу «город Казань» «с Арскою стороною

² ПСРЛ, т. XX, стр. 489.

³ Жития Сергия и Никона Радонежских. Московское издание 1646 г. О Свияжском граде сказание, лл. 124—125. Еще раньше, в 1547 г., некоторые черемисские князья обращались в Москву. В разрядных книгах под этим годом отмечена посылка на «Казанские места» кн. Александра Борисовича Горбатого «по челобитью горные черемисы сотника Атычина с товарищи, что оне хотели государю великому князю служить».

⁴ ПСРЛ, т. XX, стр. 533.

и с Побережную стороною и с Луговою стороною... что было изстари к Казанской земле потягло при прежних царех». Это значит, что вся восточная половина бывшего Казанского царства признается особой землей, в отличие от Горной стороны.

Иван IV рассматривает в своем завещании Горную сторону как особую землю, но уже в это время намечается дробление самой Горной стороны на Чувашию и Свияжский уезд. Заявляя, что он поставил города на Свияге и на Чебоксаре, Иван IV завещает своему наследнику город Свияжский и город Чебоксарский «со всею Горною стороною, и со всею Чувашею и Черемисою и Мордвами, и с их вотчинами и с рыбными долями и со всеми пошлинами»⁵.

Из упоминания в завещании Грозного о чувашах, черемисах и мордве, населявших Горную сторону, можно заключить, что эти народности еще пользовались кое-какими привилегиями по особой жалованной грамоте. У них существовала собственная знать, — так называемые старейшины и сотники, которые являлись представителями Горной стороны в переговорах с московским правительством перед взятием Казани. Под ними надо понимать местных старшин, в отличие от казанских князей.

Рядовые горные люди зачислены были в разряд «черных людей», как называли в России крестьян и ремесленников, плативших подати. Они должны были платить «дани и оброки», как платили и раньше казанским царям, но в несколько уменьшенном размере. Однако уже вскоре после построения Свияжска выяснилось, что жившие на реке Цивили «верхние люди в город на Свиягу не ездят»⁶. Это заставило правительство царя Ивана построить город **Чебоксары**, вероятно, на месте старого чувашского поселения. В 1553 г. Чебоксары уже существовали, в них сидел наместник. Через семь лет после этого, в 1560 г. упоминаются наместники свияжские и чебоксарские. Следовательно, Чебоксары с окружающей областью выделались в особое наместничество⁷.

Город Чебоксары сделался тем центром, откуда шло управление Чувашией, и вскоре получил некоторое экономическое значение. Писцовые книги Казани 1565—1568 гг. называют чебоксарцев, работавших в Казани, наемными рабочими — «наймитами». Чебоксарец («чебоксаренин»), имевший двор в Казани, носил прозвище «тверитина». Это показатель того, как заселились в эти годы Чебоксары. Как и в Казань, туда на льготные

⁵ Дополнения к Актам историческим, т. I, № 222, стр. 384. Завещание Ивана Грозного. Это постановление, между прочим, доказывает подлинность завещания Грозного; см. также новое издание завещания Грозного — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, стр. 439.

⁶ ПСРЛ, т. XX, стр. 494.

⁷ Сборник Русского исторического общества, т. 71, стр. 8.

земли направлялись жители других русских городов, в данном случае Твери⁸.

Позже был простроен **Цыви́льск**: «город в Черемисе Цыви́льской». Летопись относит его основание к 1590 г.— ко времени строительства ряда укрепленных городов в Среднем Поволжье⁹ в царствование Федора Ивановича. В данном случае речь, видимо, идет о восстановлении старого городка, существовавшего гораздо раньше, потому что уже в казанских писцовых книгах упоминается гулящий человек Левка Трофимов «цывиленин», т. е. житель Цыви́ля, или Цыви́льска¹⁰. Судя по имени и прозвищу, это был русский, а не чувашин. Какой-то чувашский городок существовал на реке Цывиле в еще более раннее время. В 1553 г. «на Цыви́ль» ездил воевода Салтыков. Тут он расправился с изменниками из числа горных людей, в данном случае, несомненно, с чувашами. Полномочия его характеризуются званием «воеводы». Цыви́льск в это время, вероятно, был небольшим укрепленным городком¹¹.

В конце XVI столетия в Чувашии возникли два других города: **Козьмодемьянск** и **Ядрин**. Основание Козьмодемьянска, или Козьмодемьянска, относят к 1583 г., когда здесь был построен острог для усмирения соседних «черемисов». Но предание справедливо говорит о более раннем существовании в этом месте городка, связывая его с походом Ивана IV на Казань. На это, в частности, указывает чувашское название Козьмодемьянска — «Чикмехоза», что означает «пограничный город». Такое название не имело бы уже никакого смысла в конце XVI столетия, когда Козьмодемьянск оказался в далеком тылу¹².

Почти одновременно с Козьмодемьянском возник **Ядрин**. О времени его возникновения в справочниках обычно не сообщается, но в 1595 г. этот город, как и Козьмодемьянск, уже существовал¹³. Построение новых городков в Чувашии было связано с «черемисской войною», которая началась при жизни Ивана Грозного и, по словам Нового летописца, окончилась при воцарении Федора Ивановича. Новый летописец прямо связывает построение таких городов на нагорной и на луговой сторонах Волги, как Цыви́льск и другие, с этой войной.

⁸ Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565—1568 гг. и 1646 г. Л., 1932, стр. 73, 76, 128.

⁹ М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники XVI в. «Исторические записки», т. 10, стр. 94. Возможно, что к этому же времени относятся и построение Ядрина.

¹⁰ Материалы по истории Татарской АССР, стр. 102.

¹¹ ПСРЛ, т. XX, стр. 539.

¹² П. Семенов. Словарь, т. II, стр. 673.

¹³ АФЗ, ч. 3, стр. 55—56. Из дела 1585 г. выясняется, что в Ядрине, или «Ядринском городе», уже существовал посад (упомянуты четыре посадских человека), там же жили дети боярские и два толмача (стр. 60).

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗАХВАТ ТАТАРСКИХ, ЧУВАШСКИХ И МОРДОВСКИХ ЗЕМЕЛЬ

Горная сторона после взятия Казани оставалась районом, где русские поселения только зачинались. Русские крестьяне получали здесь наделы пашенной земли и непашенного черного леса, но бобровые гоны и бортные ухажай остались за местным населением и принадлежали татарам, черемисам и чувашам, а также бывшим русским пленным, «которые полоняники живут с татары и с чувашаи вместе»¹⁴. Тем не менее русские феодалы уже стали захватывать земли, раньше принадлежавшие феодалам казанским, по преимуществу лучшие и наиболее удобные угодья. В числе земель, отнятых у казанских князей и мурз, отмечаются земли: «изменникова Девлизера татарина», Шигалеево Сюлеменево, «царевская Магмед Аминовская» (царя Магомета Аминя) и т. д.

Как говорилось выше, чувашаи получили жалованную царскую грамоту с обещанием оставить за ними земли и угодья. В другом положении оказались татарские феодалы, бежавшие в Казань и сделавшиеся «государевыми изменниками». В Свияжском уезде, если судить по писцовым книгам 1565—1567 гг., вообще не осталось крупных татарских землевладельцев. «Сотенные» же чувашские князья, упоминаемые в летописи в связи с присоединением Чувашии к России в 1551 г., по-видимому, кое-где сохранили свои земли и угодья, но только не поблизости от самого Свияжска, где русское землевладение торжествовало свою победу. В какой-то мере обещания царской жалованной грамоты, видимо, еще выполнялись относительно бортных ухажав и бобровых гонов в реках, потому что во время составления писцовых книг «бортные ухажай в лесах и бобровые гоны в реках» оставались татарскими, черемисскими и чувашскими¹⁵.

Поблизости от Свияжска чувашские и мордовские земли бесцеремонно захватывались под самыми различными предлогами. Нет ничего удивительного в том, что чувашаи и мордва стремились по возможности скорее удалиться от «государева» города Свияжска и перебраться на новые места, подальше от царских воевод, так как в любое время чувашские земли могли быть объявлены диким полем, «которыми места не владеют никто». Писцовые книги рисуют перед нами картину бегства чувашей и мордвы с насиженных мест. На земле, отведенной князю Пожарскому, раньше жили чувашаи, Арык с товарищами, но и они свои жеребья покинули, а пошли жить в свои старые чувашские

¹⁴ Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда (1565—67 гг.). Казань, 1909, стр. 65—66 (далее — Писцовая книга по Свияжску).

¹⁵ Писцовая книга по Свияжску, стр. 65.

деревни. Также поступали и татары даже из числа касимовских или «мещерских» татар, осевших под Свияжском. Поставив селение на речке Берли, «татарове» его покинули.

В деревне Большом, или Новом, Хозяшеве жили казаки и чувашаи. Пашни они пахали немного, а «большая пашня» находилась у них в другом месте на Аркуте (Уркуте). Новопоселенцы оставили Хозяшево и пошли жить на свои старые уркутские пашни¹⁶.

Русское землевладение стало быстро расти за счет земель, оставленных местному населению: чувашам, татарам и мордве. Пашни и луга, находившиеся ранее во владении татар и чувашей, просто приписывались к поместным землям, переданным во владение русским служилым людям. К деревне Бейшихову Свияжского уезда были приписаны земли, «а пахали те обои земли чувашаи». По новым писцовым книгам 1565—1567 гг., «та пашенная земля и перелог и сено» были отведены к поместью кн. Никиты Дмитриевича Ростовского на том шатком основании, что эти прежние чувашские земли находились поблизости от помещицкой деревни, а от чувашской земли отделялись лесом. К тому же поместью кн. Ростовского было приписано 300 четей пашни в трех полях и 66 десятин зарослей, которые ранее пахала наездом мордва, вынужденная покинуть эту землю и разойтись по своим старым местам¹⁷.

Нетрудно представить себе, какой произвол чинился при отписке земель чувашей, татар и мордвы на имя новых русских помещиков, в особенности принадлежавших к числу лиц, сидевших в воеводской избе. Дьяк Иван Васильевич Бессонов попросту отписал на свое имя пашню и луга, которые раньше пахали и косили соседние чувашаи. Основанием для этого являлось только то обстоятельство, что чувашаи косили и пахали «сильно, перелезши за речку»¹⁸.

Писцовые книги позволяют говорить о ликвидации крупного землевладения татарских феодалов в Горной стороне, на месте которого стало утверждаться русское феодальное землевладение. Часть сел и деревень сделались дворцовыми, другие были розданы в поместья и вотчины русским служилым людям. Как и в Казанском уезде, крупнейшими феодалами-землевладельцами сделались монастыри, в первую очередь те из них, которые были основаны в самом Свияжске. Богородицкий Свияжский монастырь уже во время составления писцовых книг по уезду владел 1 селцом, 2 слободками, 8 деревнями, с общим количеством в 80 кре-

¹⁶ Там же, стр. 102—103.

¹⁷ Там же, стр. 71.

¹⁸ «Деревня мордовская» и «порожные чувашские земли» были отданы Якову Кошкарову «с тою землею што взята от деревни Бежбатмана у чувашенина у Янгурчей с товарищи» (стр. 68, а также 94, 101).

стьянских дворов, из которых 27 были беспашенными. «Слободка на Бусурманском враге» была целиком заселена беспашенными крестьянами и насчитывала 15 дворов, в двух из них жили мельник и кожевник. Жители слободки занимались промыслами или ремеслами, «а пашни и сена и доходу нет, а делают, сказали, на монастыре всякое дело»¹⁹.

Другим крупным помещиком Свяжского уезда сделался Троицкий Свяжский монастырь. Ему принадлежало 1 сельцо, 2 деревни, 3 починка с 30 крестьянскими дворами.

Значительное количество земель поступило в раздачу русским помещикам, которые наделены были обширными земельными угодьями. Свяжский воевода кн. Андрей Иванович Ростовский получил в поместье село и 3 деревни с 35 крестьянскими дворами. Но количество крестьянских дворов дает только условное представление о земельных богатствах, которыми был наделен в завоеванном крае этот русский помещик. Князь Ростовский получил 280 четей «доброй» земли, да еще 440 четей в поле, «а в дву по тому ж», перелог и дикое поле, лугов на 2400 копен, пашенного и непашенного леса на 5 верст в длину и на 3 версты в ширину. Таким же размахом отличалось наделение землей других крупных помещиков Свяжского уезда.

Одновременно происходила безудержная раздача черных и дворцовых земель помещикам, в силу чего крестьяне делались крепостными людьми землевладельцев. Так, во владение помещиков перешли дворцовые села Бусурманская слобода и Моркваши. Дьяк Иван Бессонов стал владельцем деревни Кучина Вертея на реке Свяге, «а до прежнего отделу та деревня была на оброке за крестьяны». Не упоминая о судьбе этих крестьян, писцовая книга тут же указывает их имена. Прежние оброчники сделались крепостными нового владельца. В других случаях прямо указывалось, что раньше деревня была оброчной, и крестьяне ее давали оброк в царскую казну в Свяжске.

Резкие перемены, происшедшие в положении крестьян в 1565—1567 гг., заметны на примере деревни Новой. Эта деревня «стала» на мордовской земле и была заселена бывшими пленными, освобожденными при взятии Казани. Полоняники пахали землю «смесь по полосам», следовательно, не в разделе с соседними чувашами. Деревня полоняников была отдана помещикам Ольговым вместе с крестьянами, которые ранее платили свой оброк в царскую казну²⁰.

Со всех крестьян, перешедших под власть помещиков, складывался царский оброк, который заменяли новые повинности в пользу феодала: «пахати крестьяном десятинных вытей по десятине, сколько вытей будет». По собственному признанию соста-

¹⁹ Писцовая книга по Свяжску, стр. 119.

²⁰ Там же, стр. 98.

вителей писцовых книг, крестьяне дворцовых сел до перехода их в частное владение сидели на льготном положении и не пахали государеву десятинную пашню. После перехода земли в руки помещиков было установлено «пахати крестьяном на помещиков по десятине». Правда, тут же указывалось, что помещики должны были брать с крестьян оброк, «как было за государем», но ясно, что такое постановление осуществить на практике было невозможно, так как никакого надзора над помещиками установить нельзя было. Таким образом, открывалось широкое поле для усиленной эксплуатации крестьянского труда.

В конце XVI в. многие мордовские и чувашские земли уже были захвачены русскими помещиками. Так, Троицкий Сергиев монастырь поставил деревню Килдеево «на мордовской земле».

Одним из способов захвата земель, принадлежавших нерусским народностям, было межевание, произведенное в Свияжском уезде в связи с составлением новых писцовых книг в 1565—1567 гг. Официальным обоснованием для составления новых межевых книг явилось то обстоятельство, что поместные и монастырские земли «сошлись» с татарскими и чувашскими землями. Насколько справедливо составлялись такие межевые книги, видно из самого документа. Межа между деревней кн. Андрея Ивановича Ростовского и чувашским селом Большого Итякова была составлена так, что находившиеся с давних времен («исстари») в чувашских покосах два озера оказались приписанными к земле кн. Ростовского, что сразу же давало русскому землевладельцу возможность мешать покосам соседних чувашей. В других случаях граница земель кн. Ростовского и соседних чувашей была проведена прямо «поперег пашенных полос полем»²¹.

В раздачу пошли даже ближайšie к городу селения: Бусурманская и Жилецкая слободы, находившиеся «блиско посаду за рекою за Свягою». Это были поселения полугородского типа. Бусурманская слобода была разделена между шестью помещиками. В ней до ее разделения стояло свыше 100 крестьянских дворов. Несмотря на свое название, Бусурманская слободка была сплошь населена русскими. Среди ее жителей находим и ремесленников (серебряного мастера).

Любопытный материал, рисующий беззастенчивые захваты татарских, мордовских и чувашских земель, дают документы Нижегородского Благовещенского монастыря. О попытках захвата чужих земель приказчиком этого монастыря упоминает уже дефектный документ 1607 г.²² Относительно полно сохранились документы последней четверти XVI в., когда монастырь стал еще более усиленно захватывать чувашские и мордовские земли, что вызывало сопротивление «черемисы». Царская грамота 1595 г.

²¹ Писцовая книга по Свияжску, стр. 136—137.

²² ГИМ, Синод. столбцы, № 1588; АФЗ, ч. 3, № 30—32, стр. 51—64.

строжайшим образом запрещала соседней «черемисе» вступаться в монастырские земли.

Однако и в начале XVII в. Благовещенский монастырь жаловался на служилых татар Курмышского уезда, что «те татаровя почали селиться на монастырской вотчинной земле на стрелище села Мигина на речке на Мигине». Ответчики татары отвергали показания монастырской домово́й книги как недостоверные: «вольно-де в книге писать; что хотят, то и пишут». Татары говорили, что государь их пожаловал землей, «что примерено у тотар, деревни Моклоковы». Монастырь со своей стороны утверждал, что земля та исстари принадлежала Благовещенскому монастырю.

Послухами в деле выступили сын боярский Иван Татаринов, а также курмышские дворяне и дети боярские, т. е., попросту говоря, свидетелями выступали участники таких же захватов татарских и чувашских земель. При этом монастырские власти без всякого стеснения заявляли, что они на показания татар, чувашей и мордвы опираться не собираются, так как те люди им недруги, «а по царской милости с наших монастырских земель сосланы», что татары живут на поместных землях по тем дачам, какие им были сделаны, «и они друг другу норовят и просторятца нашею монастырскою землею». Татары представили выписку из отдельных книг курмышским служилым татарам 1621 г., по которой татарским служилым людям разрешено было селиться, «и пашня пахати, и сено косити, и в лес въезжати для хоромного и дровяного лесу с моклоковскими татары, где ближе». Монастырь не мог опровергнуть показания татар. На вопрос, имеется ли у монастыря жалованная грамота на земли села Мигина, последовал ответ, что эти грамоты в монастыре, «а здесь-де их нет». Татары представили в дополнение ссылку на писцовые книги 1621 г., но разрешение дела было неожиданным. Судьи, боярин кн. Дмитрий Мамстрюкович Черкасский и дьяк Иван Болотников, решили дело в пользу Благовещенского монастыря, даже не потрудившись обосновать свое решение (1625 г.).

Не мудрено, что такое решение вызвало глубокое возмущение татар. Вооруженные луками и саблями («в саадацах и в саблех») они не пустили писцов вместе с попами и крестьянами на спорную землю. Произошла схватка, во время которой застрелили монастырского служку и трех крестьян Благовещенского монастыря. В судебном деле это представлено как вооруженное выступление татар, но и монастырские власти отнюдь не представляли собой смиренных иноков. Старец Арсений сидел на коне, которого под ним застрелили.

Началось обычное усмирение при помощи небольшого карательного отряда. В деревню Новую Моклокову из Курмышы был послан стрелецкий сотник, который учинил татарам наказание, «около деревни Моклоковой вода кнутом бил». В результате Бла-

говещенский монастырь, жалуясь, как это было в обычае, на оскудение монастыря, всеми правдами и неправдами добился утверждения за ним якобы его старинной земли с запрещением татарам вступаться в эту землю²³.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, РЫБОЛОВСТВО И БОРТНИЧЕСТВО

Основным занятием жителей Горной стороны было хлебопашество и скотоводство. «Землепашцы и трудницы», — так характеризует современник занятия жителей на Горном берегу Волги, в отличие от обитателей лесов по Кокшаге и Ветлуге. Трудницы — это труженики, в данном случае земледельцы. Тот же писатель XVI в. так поясняет различия в образе жизни нетатарских народов Казанского ханства, именуя их общим термином «черемисы». По его словам, которые передаем в переводе на современный язык, было две «черемисы» в Казанской области, а по языку три, четвертый язык варварский, тот владел ими (имеются в виду казанские татары). Одна черемиса сидит по эту сторону Волги между великих гор, по долинам и зовется горной. Другая черемиса живет по ту сторону Волги и называется луговой из-за низменной и ровной поверхности ее земли. На той же луговой стороне есть черемиса кокшайская и ветлужская. Она живет в пустынях лесных, тут не сеют, не пашут, но звериной и рыбной ловлей и войной питаются и живут, как дикари²⁴.

Писцовые книги Свияжского уезда за 1565—1567 гг. рисуют перед нами картину уже вполне установившегося земледельческого хозяйства. К каждой деревне в Свияжском уезде приписаны пашни и луга. В частности, различные народности, в том числе и русские, пахали землю «по полосам», смешанно. Такой порядок восходил к давнему времени. Например, в писцовой книге по Свияжску имеется указание на пустую, «порозжую» землю в татарской и чувашской деревне Нурдулатове, которая раньше принадлежала казанскому царю Магмеду Аминю. В писцовой книге сообщается об этом так: «да в той же деревне порозжая ж земля, что была мордовская, а пахали преже сего те обои земли цареву и мордовскую, с татарскими и чувашскими землями смесь по полосам»²⁵. Ссылка на царя Магмед Аминя ведет нас к концу XV — началу XVI в. «Порозжей» земли было еще много, поэтому

²³ Госуд. Библ. им. В. И. Ленина, ф. 29, собр. Беляева, № 121 (1621). Записная книга грамот Нижегородского монастыря, л. 42 и сл.

²⁴ Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1955, стр. 86; ПСРЛ, т. XIX, стб. 60.

²⁵ Писцовая книга по Свияжску, стр. 104.

некоторые пахотные земли в Свяжском уезде обрабатывались наездом.

Большие пространства земли в Горной стороне лежали пустыми, оставались диким полем. Писцовые книги нередко упоминают о диком поле, приписанном к деревням Свяжского уезда. Даже в середине XVI в. здесь пустовало немало земель, годных для пашни.

О развитии скотоводства в Горной стороне говорит частое упоминание о лугах, приписанных к деревням. В сотной выписи селений, принадлежавших в Свяжском уезде Троице-Сергиеву монастырю, особо отмечаются сенные покосы. На дубах делались грани (отметки) теми крестьянами, «которым сенных покосов косить доведется»²⁶.

В хозяйстве Горной стороны большое значение сохраняли еще бортничество, охота и рыбная ловля. «Черемисы» испокон веков считались охотниками и отличными стрелками из лука. Еще до присоединения к России эти районы славились своими пушными богатствами, в особенности беличьими шкурками, так и носившими название чувашских.

Громадное значение имела Волга с ее богатейшими рыбными угодьями, причем особо отмечается знание чувашами судоходства («чуваша отличаются и знанием судоходства»)²⁷.

Свяжские писцовые книги 1565—1567 гг. дают мало материала для суждения о земледельческих культурах, преобладавших в Горной стороне. Это отчасти восполняется сведениями XVII столетия. Наиболее распространенными культурами в чувашском зерновом хозяйстве в XVII в. были рожь и овес, которые фигурируют во многих документах. Кроме них в архивных материалах упоминаются второстепенные культуры: ячмень, пшеница, полба, гречиха, просо и горох. Рожь и овес занимали половину посевной площади²⁸.

После дикого поля чувашские места показались Курбскому обильными продовольствием.

В диком поле русские войска питались рыбой и звериной, после же переправы через Суру им навстречу стала приходиться «черемиса горная, а по их чуваша зовомые, язык особливый» и продавать хлеб. Этот чувашский хлеб показался Курбскому вкуснее дорогих калачей: «и ту уже нам привожено и по странам езда добывано купити хлеба и скотов»²⁹.

Большое различие в использовании земельных угодий, проис-

²⁶ С. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи, вып. 6. «Чтения ОИДР», 1911, кн. 3, стр. 20.

²⁷ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 95, 145.

²⁸ Материалы по истории Чувашской АССР, вып. I. Н. Р. Романов. Чувашия в XVII веке, стр. 156.

²⁹ А. М. Курбский. История о великом князе Московском. СПб., 1913, стр. 17—18.

шедшее на Горной стороне Волги после ее присоединения к России, можно наблюдать по так называемым татарским земляным письмам, которые восходят к XV—XVI вв., хотя известны по судебным делам XVIII в. Старые татарские письма, хранившиеся у чувашей Кузьмодемьянского уезда, дают нам представление о хозяйстве в Горной стороне, в котором главное значение имело еще использование лесных богатств. Чюряшь Атяков продает за корову с теленком свою землю со всякими угодьями «медянными и не медянными, и с валежными, и стоячими всякими деревьями, и с пашенными землями, и с санными покосы и с лугами, и с рыбными ловлями, и со всякими зверями»³⁰.

В этом перечислении угодий пашенные земли и луга тонут еще среди других земельных богатств, связанных с бортничеством, охотой и рыболовством. Приведенная выше продажа датирована в письмах 970-м годом, но, конечно, это не год хиджры, а какая-то попытка перевести татарское летоисчисление на старый русский стиль от сотворения мира. Сами челобитчики по памяти утверждали, что записи относятся ко временам самостоятельности Казанского ханства, земли были ими куплены «при бытность царя Мохаммед-хана», под которым, по-видимому, следует видеть известного казанского хана Мухаммеда, т. е. Магмед Аминя.

Такой же характер имеет земляная запись, датируемая, что весьма сомнительно, 1440 (6948)-м годом. В ней земля продается «на все четыре стороны с медом и без меду, деревьем и лежащими колодами, и стоячими пенъями, да пашенною землею, и с санными покосы и с рыбною ловлею, озера и в воде гонами бобровыми и выдрами, а в лесу белкою и куницами и лисицами, зайцами». Лесные богатства выступают и тут на первый план.

Иной характер имеют письма 1604 (7112) г. Горный черемисин Карагуз Яковлев сын, состоявший в сотне князя Уразлина при Сербиевском городе, дает запись, что он искал на других черемисах «пахотной земли по речке по Моркваше» и отказывается от своего иска. Речь в этом письме идет только о пахотной земле. Такую же запись дает и другой черемисин, сторонние люди подтверждают, кому в действительности принадлежит «та пахотная земля и санные покосы». За полвека произошел большой сдвиг в сторону земледелия, и пашенная земля сделалась значительно большей ценностью, чем раньше.

Земледелие и продуктивное скотоводство стали основными занятиями жителей Горной стороны, но в их хозяйстве еще громадную роль играли рыбная ловля, бортничество и даже охота.

Один документ, относящийся к марту 1588 г. и составленный после восстания горных и луговых людей, дает представление

---

³⁰ Н. Н. Ардашов. Татарские земляные письма XV в. М., 1908, стр. 3. Знаки препинания расставлены мною. «Медяные» — медвяные, медовые.

о характере промыслов в низовьях Суры и Курмыша. Власти Благовещенского Нижегородского монастыря жаловались на то, что «черемиса» пашет «насильством» монастырские земли, завладела бобровыми гонами, рыбными и бортными угодьями, сделав в лесу свои знаки собственности на деревьях («знамена»). В митрополичьем лесу считалось 31 знамя, которыми овладела черемиса из Ядринской волости.

Благовещенский Нижегородский монастырь получал со своих угодий по рекам Сура, Курмышу и Пьяне оброки, сдавая их в аренду местным черемисам. В 1594 г. угодья по реке Пьяне арендовали два русских предпринимателя, заплатив 9 рублей 12 алтын. Это был оброк «с реки Пьяны и с озер, что было за Келарскою мордвою». Название мордвы «келарскою» указывает на то, что она и раньше ведалась монастырским келарем³¹. Такие же порядки существовали и в чувашских селениях. Сохранилась запись ядринских черемисов 1595 года, по которой Алдеяр Агичеев с товарищи обещали не вступаться в монастырскую вотчину под угрозой неустойки в 50 рублей. Понадобилась царская грамота, чтобы заставить Алдеяра Агичеева с товарищами отдать монастырские земли, которыми они завладели «как казанская война стала»³².

Некоторые приволжские селения уже были связаны с волжским судоходством. Таким было село, или сельцо, Услон в Свияжском уезде, первоначально займище. Оно стояло на берегу Волги выше Гостиного острова, «ниже Каменных гор против Ирехова острова». В конце века Услон принадлежал Троицкому Сергиеву монастырю. В нем стояла церковь, двор монастырский и двор приказчика, 31 крестьянский и 20 бобыльских дворов. Такое большое количество бобылей указывает на то, что в селе жили уже люди, занимавшиеся разными промыслами. Один из бобылей назвал пирожником. Тут уже образовалась стоянка для проезжих людей, главным образом бурлаков. На волжском берегу стояла монастырская баня «для проезжих людей, как ходят на низ и вверх проезжие люди, и они ее в те поры и топят, а банного берут с человека по полденге»³³.

СВИЯЖСК

Крупнейшим городом на Горной стороне был Свияжск, о котором дают понятие писцовые книги 1565—1567 гг. Деревянный Свияжский город стоял «на острове у Свияги на берегу выше Свияжского устья по смете версты с две». Общее протяжение стен

³¹ «Нижегородские губернские ведомости», 1848, № 7.

³² АФЗ, ч. 3, стр. 51—62.

³³ С. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи, вып. 6. «Чтения ОИДР», 1911, кн. 3, стр. 27.

вокруг города равнялось 1200 сажням, всего в городской стене считалось 420 городен. Стена была укреплена 11 башнями, 4 стрельницами и имела 6 ворот. Главные Рождественские ворота представляли собой сложное сооружение с «светлицей» над ними. У ворот стояли самобойные часы и висел колокол, «звонят в него к воротам». Крепость, снабженная значительным количеством пушек, днем и ночью была под бдительным надзором свияжских детей боярских.

Внутри города стояли соборы и церкви, богато украшенные иконами и штытыми пеленами — дарами участников казанского взятия. На площади у Рождественных ворот располагались государевы дворы: въездная светлица, казенный двор. В последнем хранились артиллерийские орудия, ядра и порох. Поблизости находился житничный двор с 7 житницами. В городе помещались дворы свияжской администрации: воевод и дьяков.

Достопримечательностью города являлся Успенский монастырь с каменной одноверхой церковью Успения и с каменным же приделом при ней. Это прекрасное сооружение с росписью XVI в. сохранилось до нашего времени.

Основное население крепости состояло из служилых людей. По итогам писцовой книги внутри города стояло 199 стрелецких дворов, считая вместе с дворами стрелецкого головы, сотников и пятидесятников. Кроме того, там помещалось 22 двора пятидесятника и рядовых дрябов (конных людей), 40 дворов пушкарей, воротников и казенных сторожей, всего 261 двор ратных людей по прибору. К ним надо добавить 26 дворов детей боярских, 3 монастырских двора и 13 церковных дворов.

Отдельно от этой служилой группы стояли дворы «торговых и мастеровых людей» общим количеством в 63 двора. Подавляющей группой среди них были «молодчие» люди, «добрым» же людям принадлежало только 3 двора, а «средним» — 1. Как видим, в Свияжке классовое расслоение среди посадских людей было особенно резким, что и понятно в новом городе, все население которого осело только недавно.

Общее количество дворов в городе, считая вместе с воеводскими и дьячими, достигало цифры 373.

Посад в Свияжке назывался также и острогом, следовательно, он был обнесен вокруг деревянным частоколом, а может быть, и рвом. На посаде находилось несколько деревянных церквей.

Против городских Рождественских ворот располагалась площадь, где стоял государев двор, уже сделавшийся пустым ко времени описания (через 12—15 лет после его постройки). Этот двор не отличался большими размерами и красотой архитектуры, да к тому же был «добре ветхим». В другом государевом дворе, находившемся поблизости, останавливались таможенники, в нем делали ямчуг (селитру для пороха). Здесь же располагались Гостиный двор, пивоварня, Ямской двор и Татарский двор, по-ви-

димому, для приезда торговых татар. Двор был огорожен с двух сторон забором, а с одной стороны задними стенами лавок, которые своими передними сторонами выходили во двор.

Население Свяжского посада в основном состояло из ратных людей по прибору. Первое место тут занимали стрельцы, которым принадлежало 398 дворов. Кроме того, в 15 дворах жили толмачи, пушкари, сторожа, ямщики и перевозчики; к ним надо добавить 6 дворов боярских детей, 13 церковных дворов и 6 дворов «старцов нищих».

Значительную часть населения составляли посадские люди, жившие в 292 дворах. Из них подавляющая масса дворов была собственностью «молотчих» людей, «добрых» насчитывалось 13 дворов, а «средних» — 25. Всего на посаде можно насчитать 724 двора. По Н. Д. Чечулину, число дворов посадских людей было несколько иное: 12 человек «добрых», 21 человек «средних» и 258 «молодших»³⁴.

За рекой Святой находилась Ямская слобода, насчитывавшая 74 двора.

Таким образом, во всем Свяжске, в крепости и на посаде можно насчитать примерно 1171 двор, причем и эту цифру нельзя признать предельной, так как в нее не вошли некоторые монастырские дворы, о которых узнаем из других источников. Общую цифру взрослого мужского населения Свяжска Н. Д. Чечулин исчисляет в 1400 человек. Если вспомнить, что Свяжск в годы его описания писцами был действительно новым городом, нельзя не подивиться росту этого городского центра, призванного заменить собой Казань.

В истории Свяжска бросается в глаза еще одна черта: быстрое развитие посада, несмотря на численное преобладание ратных людей над посадскими. Некоторые указания на занятия жителей Свяжска находим в кратких замечаниях писцовой книги о владельцах городских дворов. Эти сведения пополняются тем, что мы знаем о свяжском рынке. Всего на свяжском торге писцовая книга насчитывала 254 лавки, не считая скамей и полков. Названия рядов были обычными для русских городов XVI в.: Большой, Хлебный, Мясной, «в рядех, на крестах и в переулках лавки и скамьи и полки и бочки квасные и места лавочные пустые». Видимо, ко времени описания уже начинается постепенное запустение свяжской торговли. Об этом же говорят и сведения, относящиеся к Гостиному двору, который стоял на посаде в конце Большого ряда. Во дворе стояла таможенная изба, помещение для весов («важня»), три избы для гостей, изба для дворника. На дворе находилось 19 дощатых амбаров, которые во время описания Свяжска были пустыми («а стоят все порожни»).

Ремесленные специальности в Свяжске были связаны глав-

³⁴ Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 208.

ным образом с обслуживанием местного населения и приезжих людей продуктами питания и производством предметов одежды. По подсчетам Н. Д. Чечулина, в Свяжске половина всех ремесленников занималась производством продуктов питания. Больше всего было калачников (12), рыбников (7), хлебников (5), мясников (7). До одной четверти всех ремесленников Свяжска занималось изготовлением кожи и одежды. Наиболее многочисленными были сапожники (9) и скорняки (4). Что касается других ремесленных специальностей, то они были представлены слабо. Вообще, несмотря на относительно значительные размеры посада, тяглое население явно отступало на второй план по сравнению с беломестцами. Владея приблизительно четвертой частью всех лавок на свяжском рынке, посадские люди и по численности составляли $\frac{1}{4}$ населения Свяжска.

Свяжские посадские люди имели особую жалованную грамоту царя Федора Ивановича «о мирских нуждах». Эта грамота устанавливала, что они обязаны заботиться об острожной стене («острог ставити») по третям вместе со Свяжским уездом. Интересно, что в грамоте в числе владельцев упоминаются монастыри, дети боярские и татары, тогда как нет уже упоминания о чувашах, как это видим в писцовых книгах по Свяжску более раннего времени³⁵.

Среди посадских людей замечалось резкое классовое расслоение. Об этом дают понятия цифры оброка, который платили посадские люди. В среднем на каждого «молодшего» человека приходилось 24 деньги оброка, на «среднего» 37 денег, на «лучшего» 62 деньги. Таким образом, «молодые платили в общем в $2\frac{1}{2}$ раза менее, чем добрые и почти в $1\frac{1}{2}$ раза менее, чем средние»³⁶. На 13 человек «добрых» людей приходилось 13 лавок, тогда как более 250 человек «молодых» владели только 46 лавками. Для 25 «средних» людей отмечаются всего 6 лавок. По-видимому, и в числе «средних» людей были зажиточные ремесленники различных специальностей.

В Свяжске находились дворы Троицкого Сергиева монастыря, которому было дано место за острогом под конюшенный и коровий дворы. Здесь жили три монастырских дворника, один из которых «растил» (приготавливал) на монастырь солод. Второй двор стоял у Серебряных ворот, на нем также жил дворник. Монастырь владел в Свяжске правом пятнать лошадей («пятнати своим троетцким пятном»). Эту пошлину брали с ногайских купцов, «как придут ногайские гости в Свяжской и учнут лошади продавати» по 8 денег, а с русских лошадей на площадке по 2 деньги³⁷.

³⁵ П. П. Смирнов. Посадские люди, т. I, стр. 157—158.

³⁶ Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 241.

³⁷ С. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи, вып. 6. «Чтения ОИДР», 1911, кн. 3, стр. 26.

ДРУГИЕ ГОРОДА ГОРНОЙ СТОРОНЫ

Крупнейшим городом в Чувашии были **Чебоксары**. По-видимому, этот город стоял на месте прежнего чувашского поселения, может быть, даже городка. Во всяком случае, поселение, или урочище, Чебоксары упоминается в летописи под 1469 г. в качестве места остановки русской военной флотилии, направлявшейся против Казани³⁸. Вскоре после присоединения Казанского ханства к России на месте Чебоксар был поставлен город. Это произошло не раньше 1555 г., так как в этом году вновь поставленный казанский архиепископ Гурий должен был по дороге в Казань остановиться на Чебоксарах и петь молебны на месте, где предполагалось построить город: «назнаменати место, где граду быти»³⁹. В 1557 г. город Чебоксары уже существовал⁴⁰.

Другой город — **Васильсурск** — был основан при устье Суры в 1522 г. с назначением быть передовым русским оплотом против Казанского ханства. Крепость в нем была сделана из дерева. Город в это время назывался Васильгородом⁴¹.

Во второй половине XVI в. Васильсурск потерял уже свое прежнее значение. Вскоре после взятия Казани его кремль был переставлен на новое место, «а убавлено его снизу, по горе учинен»⁴².

Небольшими городками были Цивильск, Ядрин и Алатырь.

---

³⁸ Г. Перетяткович. Поволжье в XV и XVI веках, стр. 237—238.

³⁹ ААЭ, т. I, № 241, стр. 257—261.

⁴⁰ ПСРЛ, т. XX, стр. 583, 587.

⁴¹ Там же, стр. 402.

⁴² Там же, стр. 575.

Глава XXVI

КАЗАНСКОЕ ЦАРСТВО И ЛУГОВАЯ СТОРОНА

ОБЩИЙ ОБЗОР

Территория Казанского царства, или ханства, во времена его независимости распространялась на обширные пространства по Волге и Кама с ее притоками. Впрочем, центр Казанского царства сосредоточивался на относительно небольшой территории, там, где Кама впадает в Волгу. Эта «подрайская» земля русских авторов XVI столетия была густо заселена и обжита с древнего времени.

Основное и господствующее население Казанского ханства, татары, жили по обеим сторонам Волги, но, как мы видели раньше, вся правая, или Горная, сторона Волги после завоевания Казани в 1552 г. была выделена в особый административный район. Таким образом, территория собственно Казанского царства во второй половине XVI в. сосредоточивалась только на Луговой стороне Волги, образуя обширный Казанский уезд.

Поверхность Казанского царства в основном равнинная, имеющая, впрочем, кое-где изрезанный, холмистый характер, в особенности в местностях, прилегающих к Кама. Болотистые и лесные пространства тянутся к востоку от Казани вдоль берегов Волги. Это та часть Казанского царства, которую в XVI в. называли Луговой стороной. Основное население этих местностей составляли мари и удмурты, называемые в наших источниках обобщенным именем «луговой черемисы».

Нигде во всей Восточной Европе мощные речные магистрали не имели такого значения, как в землях бывшего Казанского царства. Волга и Кама были основными дорогами, соединившими Казанское царство и с Россией, и с Приуральем, и с Астраханью, а при ее посредстве со странами Востока. По своим торговым

преимуществам Казань выделялась из числа других городов России XVI в.

Подобно Новгороду и Пскову, татарская столица была не только главным городом Казанского уезда, но буквально подавляла все остальные окрестные города. Попытки основать новый торговый центр на Волге в противовес Казани кончились неудачей. Свияжск, созданный в качестве соперника Казани, спустя несколько десятилетий после своего возникновения уже сделался обычным провинциальным городом.

Границы бывшего Казанского царства устанавливаются на востоке неопределенно. На западе границей служила Волга, а на севере Вятская земля. На юге казанские земли заходили за Каму и располагались по ее южным притокам.

Название «Казанское царство» и во второй половине XVI столетия сохраняло еще свое значение. «Царство Казанское» входило как составной элемент в царский титул. И это не было в XVI столетии только традиционным отражением прошлого значения Казани. Казанский уезд в этом столетии еще долго сохранял черты обособленного управления.

Традиционной особенностью Казанского царства было деление уезда на «дороги» — так называлась часть уезда, которая раньше находилась в подчинении у ханского чиновника — «дараги».

Территория бывших Казанского и Астраханского ханств ведалась особым приказом Казанского дворца. По словам Котошихина, «в том приказе ведомо Казанское и Астраханское царствы и к ним Позизовые города... А будет в том царстве больших и средних болши сорока городов, кроме пригородков»¹.

ПОЛОЖЕНИЕ ТАТАР В РОССИИ ПОСЛЕ ЗАВОЕВАНИЯ КАЗАНИ

После завоевания Казанского и Астраханского царств в состав России вошли многие народы, жившие как на Луговой, так и на Горной сторонах Волги. Таким образом, в многонациональном Российском государстве оказалось большое количество различных народностей, стоявших на разных ступенях хозяйственного и культурного развития.

Положение нерусских народностей в России XVI в. было неодинаковым; в лучшем положении оказались потомки золотоордынских феодалов. В целом же все народности, жившие в России в XVI в., как татары, так и чувашаи, мари и другие занимали только подчиненное положение.

---

¹ Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4. СПб., 1906, стр. 91—92. Под словом «царство» он понимает Казанское и Астраханское царства вместе.

Правда, в составе знати Московского царства XVI в. было немало потомков бывших татарских князей и старшин, но для вхождения в правительственную верхушку от представителей нерусских народностей требовалось прежде всего обращение в православие. Вслед за крещением происходил и разрыв отношений между «новокрещеном» и его прежними соотечественниками. «Новокрещены» относительно быстро ассимилировались с русским населением. Их дети уже входили в состав русского населения. Бывшие мурзы и старшины делались дворянами и детьми боярскими, сохраняя только в своих фамильных прозвищах указание на свое происхождение, а крестьяне и посадские люди терялись среди коренного русского населения.

Царское правительство с большим опасением относилось к мусульманскому населению, проводя политику насильственной христианизации татар. Тем не менее, представление о том, что христианизация нерусских народов имела столь же широкий размах в XVI столетии, как и в последующие века, мало обосновано фактами. В ответ на представление турецкого султана царское правительство неоднократно заявляло, что мусульманская религия не преследуется в России и не запрещается, ссылаясь на то, что в Касимове существуют и невозбранно действуют мечети. Однако в пределах самой Казани постройка мечетей была запрещена, как и жительство в городе самих татар, населявших особую Татарскую слободу за пределами городских укреплений.

Преследование мусульманской религии в самой Казани вовсе не обозначало намерения правительства насильно окрестить всех татар, так как это явилось бы чрезвычайно сложным делом. Многие документы позволяют установить, что татарские мурзы сохраняли еще в XVI в. свои привилегии. Стоя во главе особых татарских отрядов, они составляли важную вспомогательную силу во время Ливонской войны, наводя ужас на неприятелей своими бесстрашными нападениями, с одной стороны, большой жестокостью, с другой. Известия иностранцев наполнены рассказами о татарах, угонявших в далекий плен большое количество ливонцев, и в первую очередь женщин и детей.

По своему положению в государстве татарские князья в XVI в. заметно выделялись среди служилых людей. В местнических делах встречаем прямые указания на большое значение татарской знати в XVI в. В ответ на слова о том, что вяземские князья служили в походах вместе с татарами, один из этих князей заявил: «Князь Александр Глухой мне дядя, а хотя будет он и был в том походе с татарами, и в том государь волен, и не в нашу версту живут с татарами, Воротынские бывали с татарами»². Этим доказывалось

² Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских. Редактор профессор Погодин, т. II, кн. 1—4. М., 1838, стр. 118.

высокое положение татарских князей, вместе с которыми согласались служить даже Воротынские.

Татарские князья сохранили свое господствующее положение не только в собственно татарских землях, но и там, где основное население составляли чуваша, мари и удмурты.

Другим было положение рядовых татар. Татары терпели не только от злоупотреблений русских властей, но и от своих собственных князей. И все-таки положение татар в России XVI в. было более благоприятным, чем положение других нерусских народностей. Сказывалось более высокое культурное положение самих татар по сравнению с другими народностями, населявшими территорию бывшего Казанского царства.

Татарская знать в основном господствовала над другими народностями Среднего Поволжья. Воспоминаниями об этом наполнены чувашские сказания более позднего времени. Даже в XVII в. в удмуртских селениях Вятской земли татарские старшины нередко обижали рядовых удмуртов.

Во второй половине XVI столетия мусульманское население Поволжья испытывало еще сильную пропаганду, направленную против русского правительства и проводимой им христианизации. Бесспорным покровителем всего «мусульманского юрта» считал себя турецкий султан, обращавшийся с соответствующими представлениями к российскому правительству в защиту мусульманской религии. Царское правительство не отвергало права турецкого султана на такое вмешательство в его внутренние дела, так как и само делало такие же представления в защиту христиан, живших в Турции. Оно только парировало выпады султана ссылками на Касимовское царство, где русский царь «мизгити и кешени велел устроить о всем потому, как ведетца в бусурманском законе». Разрешение молиться по мусульманским обычаям, по словам русских послов в Стамбуле, давалось и казанским людям, которые верно служат царскому правительству: «от веры их государь не отводит и мольбиц их ни чем не рушит»³.

Это заявление в известной мере отвечало действительности, так как о новом появлении мечетей в самой Казани и о последующем их разрушении в конце XVI в. известно из документов. Но действительность была, конечно, гораздо мрачнее, чем посольские утверждения о свободе мусульманской веры в пределах бывшего Казанского царства. В России XVI столетия исповедование ислама было столь же стеснено, как и исповедование христианства в Турции.

Важнейшей своей задачей в завоеванном Казанском ханстве царское правительство считало устройство русского населения на землях, отнятых у татарских феодалов. Летопись с удовлетво-

³ ЦГАДА, ф. Турецкие дела, кн. 2, л. 21 и 21 об.

нием сообщает, что царские представители в Казани «царевы села и всех князей казанских розделили, и пахати учили на государя и на все русские люди и на новокрещены и на чювашу»⁴. В связи с этим должно было резко измениться и положение татар-земледельцев, живших на отобранных землях, и, несомненно, к худшему, а не к лучшему. Новыми помещиками явились русские бояре и дети боярские, люди, чуждые татарам по обычаям и культуре и враждебные по отношению к мусульманству.

После взятия Казани в пределы ханства потянулись многочисленные русские поселенцы. Однако Казанский край еще долгое время оставался беспокойным. Восстания казанских татар следовали одно за другим. Они были особенно опасны там, где к татарам присоединялись «сотенные князья» — старшины удмуртов и мари. Немалую роль в татарских восстаниях играла агитация со стороны Крыма и Турции, на помощь которых восставшие феодалы возлагали свои надежды. Турецкие и крымские эмиссары постоянно подстрекали к восстаниям. Восстания народов Поволжья были утоплены в крови, громадное количество восставших было перебито, и тем не менее волнения поволжских народов продолжались в течение всего XVI в.

Московское правительство стремилось прочнее утвердиться в Казанской земле. С этой целью сама Казань была превращена в русский город. Наказ Ивана Грозного архиепископу Гурию и казанским воеводам ярко рисует лицемерную политику царизма в это время. Наказ предлагал призывать татар к архиепископу Гурию и к воеводам, чтобы уговаривать татар всяческими мерами принять христианство. Одновременно царское правительство давало распоряжения о жестокой расправе с теми татарами, которые почему-либо казались опасными для него⁵.

Однако в среде татар оставались элементы, страстно желавшие восстановить независимость Казанского царства и вернуть его обратно в «мусульманский юрт». Незадолго до взятия Казани в Крым была послана такая грамота, случайно сохранившаяся в одном сборнике: «Величайшаго порога великого государя великую власть дръжащаго и справедливаго повелителя цареву величеству Казанские земли Мамай князь в головах, и уланы, и молны, афизы, изей, и все князи, и сотемные князи, и десятники, и горние люди, и арские князи, и все люди, о твоём жаловании челом бьют, а челобитье то: От государя своего от упокойника от Сафагирия царя и до своей смерти отступити есмя не хотели. При его щастливом времени тех русских людей воевати и сечи и осилити уклонились были есмя, или паки те врази наши на войне нас победят, и мы тем раю достойни были, с такою надежею жили есмя истиннаго бога судбами. Как остали есмя его, и нынеча земли твоя,

⁴ ПСРЛ, т. XX, стр. 583.

⁵ ААЭ, т. I, № 241, стр. 257—261.

на твое имя многолетное поем и о твоём счастье бога молим. И ныне, государь, только похочешь, чтобы тот юрт от тебя не отшол и иному бы не достался, и как с сею нашею челобитною грамотою холопи твои, Янбарс да Салкишь, доедут, и ты бы, государь, нашего Довлет Кирея царевича отпустил, и с сей земли люди мусулмане о тебе станут бога молити и спасение себе примешь».

Грамота не датирована, но о поимке казанских послов «в поле», как и о ярлыках, которые они везли, упоминается в летописях под 1547 г., но без указания на содержание этих ярлыков.

Текст ярлыка сохранился в двух списках XVII в. Из них один список — более точный⁶.

В литературе текст, говорящий об ярлыке, заинтересовал А. И. Соболевского и А. Д. Седельникова, сообщивших в печати об обстоятельствах поимки казанских послов и о персидской книге, отобранной казаками у послов вместе с ярлыками.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Наиболее населенная часть Казанского царства располагалась по течению реки Казанки. Почвы этой части Казанской земли отличались значительным плодородием, и в писцовых книгах XVI в. отмечаются как «добрые земли». Характерно, что все пахотные земли, которыми были наделены русские помещики, испомещенные в Казанском царстве после его присоединения к России, в количестве 4½ тыс. четей, оценивались также только как «добрые». Конечно это оценка выборочная, были и более плохие земли, даже просто земли неудобные, но количество «добрых» земель было в Казанском царстве настолько значительно, что «средние» и «худые» земли оставались нетронутыми. Обильными были угодья, занятые лугами, перелогом, зарослями и лесами.

Присоединение Казанского царства к России привело к большим изменениям в его хозяйстве. Нет никакого сомнения в том, что земледелие получило дальнейшее и гораздо большее развитие, чем это было во время самостоятельности Казани. В связи с раздачей земель русским помещикам и вольной колонизацией пустых пространств обширного Казанского царства русскими крестьянами в присоединенном крае появляется значительное количество новых поселений. Русские переселенцы приносят на новые места свои хозяйственные навыки в пашенном земледелии. Здесь происходят те же явления, как и на Горной стороне Волги: земли «дикого поля» и поляны поступают в распашку. Однако даже в конце XVI в. в Казанском крае встречалось дикое поле и нераспаханные поляны.

---

⁶ ГИМ, Собр. Забелина, № 419, л. 94—95 об. (Синод. собр., № 272). Книжка и ярлыки были присланы в Москву 1 мая 1549.

Во второй половине XVI в. пахотное земледелие было основой хозяйственной жизни Казанского края. Не только собственно пашня, но и леса обозначались термином пашенных и непашенных лесов. Замечается стремление к распашке новых земель за счет прилегающих лесов. В писцовых книгах находим упоминание о полянах «добрые земли», «пашенных дубровах», новых распахках и т. д. Размеры пашни иногда были очень значительными. В селе Тарлаши, принадлежавшем архиепископу, насчитывалось всего 9 крестьянских дворов, не считая 3 дворов самого архиепископа, его дворецкого и сына боярского Шемякина, запашка же равнялась 180 четям: «пашни в поле пашут на архиепискупа добрые земли 50 чети, да дворецкого и Шемякина 30 чети, а крестьянские и полонянчиьи 100 чети»⁷. Такой большой размер пашни объясняется тем, что в селе кроме крестьян, жили еще бывшие русские пленные, работавшие на архиепископа и его дворецкого. Размер пашни бывал высок не только в русских селениях, но и в татарских. В селе Велик-Кабан жили «татаровя и чуваша ясачные». Тем не менее пашня на 18 дворов равнялась 110 четям.

С особой интенсивностью возделывалась земля во владениях архиепископа. В названном выше селе Тарлаши на 120 четей пашни приходилось «перелогу пашни 30 чети в поле, а в дву потому же». В данном случае перед нами выступает передовое хозяйство, основанное на трехпольном севообороте. По-иному показывают итоги писцовых книг поместное хозяйство Казанского края. За помещиками Казанского уезда, «новыми жильцами», считалось «пашни добрые земли 4648 чети, да перелогу 2101 чети, да зарослей и дубров пашенных 1509 десятин»⁸.

Земледельческое хозяйство было связано в Казанском царстве с продуктовым скотоводством. Обширные луга располагались под самой Казанью, по берегам Волги и ее притокам. Сено измерялось сотнями и десятками копен. Архиепископу принадлежали не только луга под городом, но и отхожее сено на реке Волге. Кроме того, сено косили «выбором» в пашенных дубравах. Под самой Казанью находился обширный Царев луг, который перешел в пользование казанских воевод. О количестве собираемого сена можно судить по указанию писцовой книги, что с одной десятины луга под Казанью ставится по 30 копен⁹.

Картина сельского хозяйства в Казанском царстве, обрисованная выше, основана на писцовых книгах 1565—1567 гг. — источ-

⁷ Список с писцовых книг по г. Казани с уездом. Казань, 1877, стр. 66 (далее — Писцовая книга Казанского уезда). Шемякин — сын боярский при архиепископе.

⁸ В селе Каракчей-Кабан показано пашни 40 четей, перелогу 305 четей. Тархашевский починок «на нове» имел 26 четей пашни, а перелогу 4 чети. Здесь земля распахивалась заново (Писцовая книга Казанского уезда, стр. 67).

⁹ Писцовая книга Казанского уезда, стр. 77—78.

нике неполном и вдобавок плохо изданном. Более четкую картину дают писцовые книги 1602—1603 г., где помещено описание вотчин и поместий татарских служилых людей четырех «дорог».

Писцовые книги ясно показывают, что в сельском хозяйстве Казанского царства начала XVII столетия особенное развитие получило земледелие, связанное с одновременным использованием луговых и лесных угодий.

По общему подсчету за служилыми татарами в четырех «дорогах» Казанского уезда насчитывалось «пашни и перелог и лесом поросло 19 020 четвертей». Этот итог не вполне ясен, так как пашня, перелог и лес отмечены в нем суммарно, без указаний, сколько же было пашни, но он контролируется сведениями об отдельных поместьях. Из этих сведений оказывается, что перелог в некоторых случаях был очень небольшим. Например, в деревне Нижние Метески, где жила «ясачная чюваша», считалось 120 четей пашни, 6 четей перелога, 10 четей заросло лесом. Общий же итог дан в 136 четей пашни, перелога и леса. Тут же указаны большие луга и сенокосные угодья, на которых ставили 1200 коней сена, а также 10 десятин пашенной дубровы¹⁰.

Широкое раздолье, пашни, обширные луга, дубровы, леса, остающиеся в общем пользовании («лес вобче»), предстают перед нами при чтении писцовой книги 1602—1603 гг.

В хозяйстве Казанского уезда второй половины XVI в. еще большое значение имели различного рода угодья: бортные ухажай, рыбные ловли, бобровые гоны.

Впрочем, сведения об этих угодьях в писцовых книгах отрывочны. Князю Камаю, например, принадлежал бортный ухажай на реке Каме, который он отдавал на оброк, получая за это полтора батмана меда в год¹¹.

Писцовые книги упоминают также о бобровых гонах, но к концу XVI столетия бобры, этот ценный пушной зверь, стали уже покидать казанские пределы. В некоторых случаях в книге отмечаются «бобровые гоны пусты».

Рыбные ловли в небольших речках и озерах также не имели большого значения в хозяйстве Казанского уезда. В небольших водоемах рыбу ловили окрестные жители на себя безоборочно — прямое указание на то, что даже придирчивые писцы не придавали никакого значения таким угодьям¹².

---

¹⁰ ЦГАДА, Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 гг. л. 142 об. Текст ее был мне представлен Ш. Ф. Мухамедьяровым, который совместно со своими учениками предполагает ее издать вместе с соответствующим комментарием. Название книги: «Список с писцовой книги Казанского уезда, письма и меры Ивана Болтина 7111 году».

¹¹ Там же, л. 115, Казанский весовой батман, по Далю, равнялся 10 фунтам.

¹² Там же, л. 238.

РЫБОЛОВСТВО И СУДОХОДСТВО НА ВОЛГЕ

Волга по своим рыбным богатствам имела громадное значение для России и, в частности, для Казанского царства. Русские рыболовы целыми партиями отправлялись на Волгу еще задолго до взятия Казани. По сведениям Казанского летописца, на среднем течении Волги, у Змиевых и Девичьих гор, вплоть до Увека, значит, в районе между современными Сызранью и Саратовым, пребывало до 10 тыс. русских рыболовов. Здесь они жили все лето, ловили рыбу «в диких водах», а осенью возвращались домой, «наловящиеся и обогатившиеся»¹³. Рыболовные партии, приходившие сюда из Руси, были настолько многочисленными, что могли противостоять нападениям казанских татар, через владения которых они возвращались домой.

После казанского взятия богатые рыбные ловли на Волге сделались объектом воцелений больших и влиятельных монастырей. Громадные рыболовные участки на Волге получил и казанский архиепископ, «от Казанского устья по обе стороны реки Волги» до Камы. При этом было особо оговорено, что во время весеннего разлива на Волге рыбные участки считаются «с вешними полями», т. е. вместе со всей затопленной территорией. Ниже архиепископских рыболовных участков находился «Камский езд», принадлежавший царскому двору¹⁴.

Почти все крупные монастыри старались заручиться жалованными грамотами на рыбные ловли на Волге главным образом к югу от Казани, «в самарских водах» и в других местах. Здесь в XVI в. просторы были еще так широки, что самые крупные монастыри не могли добиться утверждения за ними монопольного владения волжскими водами, «потому что по всей Волге рыбной ловле и всем ловцом притон большой»¹⁵. Насколько велики были рыбные богатства тогдашней Волги, показывает царская грамота Ярославскому Спасскому монастырю о разрешении покупать «из судов» в Казани и Тетюшах по 3 тыс. осетров, севрюг и белуг¹⁶.

Из Астрахани рыбу возили вверх по Волге до Ярославля, Окой до Калуги на судах, «в длину от кормы до носа трицати сажен». Такое судно называлось дощаником, или белозеркой. Обрато на тех же судах везли товары, закупленные на Волге и Оке¹⁷.

Расписание пути от Москвы до Астрахани по Оке и Волге находим в рассказе о путешествии Дженкинсона в 1558—1560 гг.

¹³ ПСРЛ, т. XIX, стб. 32—33.

¹⁴ Писцовая книга Казанского уезда, стр. 70.

¹⁵ См. например, грамоту Чудову монастырю 1606 г., которую издатели ошибочно приписали Симонову монастырю («Чтения ОИДР», 1915, кн. 2. Акты времен правления Василия Шуйского, стр. 3, 10).

¹⁶ Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, т. 1, М., 1896, стр. 76.

¹⁷ АИ, т. I, № 193, стр. 356, 1575 г.

Выехав из Москвы в конце апреля, Дженкинсон прибыл в Колумну 28 того же месяца, 2 мая он был в Переяславле Рязанском, 3-го проехал Старую Рязань («теперь почти вся разрушенная и заросшая травой»), 4-го проехал Терехов монастырь («замок», укрепленный монастырь), 6-го — Касимов, 8-го «прибыл в прекрасный город Муром», а 11-го — в Нижний Новгород. Таким образом, все путешествие от Москвы до Нижнего Новгорода по воде продолжалось примерно 15 дней.

Из Нижнего Новгорода Дженкинсон выехал 19 мая. 22-го числа он проехал Васильгород (Васильсурск), 25-го Чебоксары, 27-го Свияжск, 29 мая прибыл в Казань. В дальнейший путь из Казани путешественник двинулся 13 июня и 14 июня проехал устье Камы, 16 июня проехал Тетюши («мимо нескольких рыбацких хижин, называемых Тетюши»), 22-го минули устье Самары, 28-го прошли мимо Увека и 6 июля прибыли на Переволочку. Путешествие закончилось 14 июля прибытием в Астрахань¹⁸.

Впрочем, путешествие Дженкинсона не вполне показательно. По расчетам других англичан, относящимся к тому же времени, «от Ярославля до Астрахани едут 30 дней и 30 ночей»; «от св. Николая до Астрахани всего 46 дней пути». То же известие добавляет следующую замечательную черту, рисующую значение Волги как торговой магистрали: «Вниз по Волге каждое лето плывут до 500 судов, больших и малых, из всех мест по верхней Волге; некоторые из них имеют 500 тонн водоизмещения. Они идут за минеральной солью и за осетрами»¹⁹.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Во второй половине XVI в. русские поселенцы в Казанской земле еще тонули среди массы нерусского населения. Значительное количество земель оставалось в руках старинных жителей Казанского ханства, во владении татар, мордвы, чувашей, марийцев. Про такие земли в документах так и писалось, что они «изстари татарския и чувашския и мордовския». В окрестностях города Казани находились селения, сплошь носившие старые татарские названия (село Тарлаши, починок Екшенков, село Караиш, починок Девлет Килдеево и пр.). Некоторые деревни вновь возникали на месте старых татарских поселений («деревня Четова, стала на Четовском селище»)²⁰ и получали прежние названия. Население многих деревень и сел в Казанском крае было смешанным. «Татаровя и чуваша» жили в непосредственном соседстве с русскими —

¹⁸ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке, стр. 169—170.

¹⁹ Там же, стр. 237. Св. Николай — монастырь в устье Северной Двины, откуда англичане начинали свое путешествие.

²⁰ Писцовая книга Казанского уезда, стр. 67.

переселенцами и бывшими русскими пленными («половняниками») и их потомками.

Русские поселенцы, оседавшие в присоединенных землях Казанского царства, занимали обычно лучшие, открытые и плодородные земли. Вековые же поволжские леса с их бортными ухояями и бобровыми гонами оставались в руках старых владельцев. Московское правительство, заинтересованное в регулярном получении ясака с покоренных земель, иногда стремилось охранить владения местных народов от захватов русских служилых людей. Однако русские служилые люди постепенно оттесняли татар и другие народности в более отдаленные места. Этому способствовало и то обстоятельство, что во второй половине XVI в. на территории бывшего Казанского ханства продолжались непрерывные войны и восстания, причем в первую очередь страдали открытые и плодородные пространства, окружавшие Казань. Немалое значение имела также политика русского правительства, передавшего лучшие земли поблизости от Казани во владение русским помещикам. Процесс захвата татарских земель русскими феодалами довольно четко прослеживается по писцовым книгам.

В первую очередь в раздачу русским феодалам перешли земли, принадлежавшие казанским ханам. В одном из таких казанских сел, которое было передано казанскому архиепископу, межевыми границами еще долго считались «старые царевы товруи»²¹.

Правительство Ивана Грозного стремилось создать в Казанском крае в первую очередь крупное церковное землевладение. Первый же Казанский архиепископ Гурий получил большое количество земель, переданных царем архиерейскому дому в Казани. Эти земли были известны в писцовых книгах под названием «прежнево государева жалованья». Они состояли из 4 сел, сельца, деревни и 4 починков, в которых стояли 2 двора архиепископских детей боярских, 30 крестьянских, 32 татарских, 33 чувашских, следовательно, всего 97 дворов. Архиепископские села и деревни были наделены громадными угодьями. Только одной пашни «добрые земли» были 452 чети, не считая перелога, зарослей и пашенных дубрав. Обширные пространства занимали луга, примыкавшие к городу Казани (на них ставилось 8650 копен). Щедрой рукой были отмерены лесные угодья. Кроме 450 десятин пашенного леса архиепископ получил пашенного и непашенного леса вместе с бортными ухояями «по смете в длину 17 верст, а поперег 9 верст»²². Земельные владения получили также вновь основанные казанские монастыри: Преображенский в городе Казани и Зилантьев под городом.

Вместе с церковным землевладением в Казанском крае постепенно устанавливается крупное боярское землевладение. Оно осо-

²¹ Писцовая книга Казанского уезда, стр. 72.

²² Там же, стр. 69.

бенно расширяется со времени опричнины, когда Казанский край становится местом для ссылки некоторых княжат²³. Тем не менее до самого конца XVI в. Казанский край оставался территорией, на которой крупное русское землевладение было сравнительно слабо развито. Служилые татарские и чувашские мурзы продолжали еще сохранять свои земли.

Рядом с новым русским феодальным землевладением в Казанском крае сохранилось служилое татарское землевладение. Надел такого служилого татарина равнялся примерно 50 четям «в поле, а в дву потому ж»²⁴. Прежние феодальные порядки держались на татарских землях с поразительной живучестью. Еще во второй половине XVIII в. некоторые служилые татары умудрялись собирать ясак на себя лично «украдом», утаивая его от царской казны²⁵.

Во второй половине XVI в. население Казанского края оставалось смешанным, с явным преобладанием татар и чувашей в починках, поставленных «ново», или «на нове». В починке Тархашевском считалось 12 дворов, «а живут в нем татаровя и чуваша». Точно такой же состав населения указан в починке Екшейкове, в селах Караиш, Велик-Кабан, принадлежавших архиепископу.

Казанские села, перешедшие во владение русских феодалов, были населены как русскими, так и чувашами и татарами. В описании села Петрицы Большие перечисляются крестьяне. Рядом с русскими или полурусскими именами (Митька Микифоров, Захарий Люткин) упоминаются чуваша Курмаш Килдияров, Акбулат Агишев и т. д. Русские люди приносили присягу по обычному крестоцеловальному обряду, а татары и чуваша «по своей вере, по шерти»²⁶.

Землевладение татарских князей и мурз в Казанском уезде и после взятия Казани оставалось в неприкосновенности, как показывают писцовые книги 1603 г. О правах татарских феодалов на землю в этих книгах сказано следующее: «За служилыми за князьями, за новокрещены, и за мурзами, и за татары в поместьях, а владеют по государевым грамотам и по выписям с казанских дач, а иные татаровя живут в тех же деревнях, а поместными жеребьи владеют без грамот и без выписей с казанских дач по старине»²⁷.

В поместных владениях татарских служилых людей обычно жили не только татары, но и чуваша, из числа которых формировались страдные люди, работавшие на помещичьих землях.

²³ О ссылке ростовских князей в Казань имеются записи в разрядных книгах.

²⁴ С. Мельников. Акты исторические и юридические Казанской и других соседственных губерний, т. I. Казань, 1869, стр. 7.

²⁵ Там же, стр. 49.

²⁶ С. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи, вып. 6. «Чтения ОИДР», 1911, кн. 3, стр. 13—16.

²⁷ ЦГАДА, Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 гг., л. 1.

Кроме поместных земель татарским служилым людям принадлежали отдельные вотчины. Такова была деревня, принадлежавшая князю Богишу Якушеву: «деревня вотчинная Шигаи, что была за племянником его за князь Иванаем, а прежь того за братом его за князем Кадышем» и т. д.

Вотчинные деревни принадлежали и татарским вдовам. Названный выше князь Богиш владел поместными и вотчинными землями вместе с тяготевшими к ним угодьями по реке Каме, бортными ухояями и бобровыми гонами. На его земле стоял кабак, что на реке Каме, доход с которого получал сам князь.

Татарские князья владели вотчинами по жалованным грамотам русских царей. Князь Богиш Якушев владел вотчиной деревней Кошарь совместно с племянником князем Иванаем Кадышевым, которому наследовала его жена Девленееля. По этому поводу в писцовой книге записано такое интересное распоряжение: «Пока место будет жива сноха ево, князь Кадышевская жена Девленееля, до тех мест ис деревни ис Кошарь не высылати, а пашню ей того двора велети похаты своими людьми до своего живота»²⁸.

Указания на царские грамоты и на различного рода записи в более ранних писцовых книгах нередко встречаются в книге 1602 г.

Из той же книги видно, что вотчинное татарское землевладение всюду было оттеснено на второй план землевладением поместным. Помещики татары получают землю «за службу», иногда они владеют землей совместно с «ясачной чувашей». Кто понимается под ясачной чувашей, из книги неясно, но чтобы ни обозначал этот термин в смысле национальности, можно сказать определенно: положение ясачной чуваша примерно соответствовало положению русских черных крестьян.

Писцовая книга 1603 г. упоминает о многочисленных мельницах и о кабаках. Но что понималось под словом «кабак» в мусульманских селах начала XVII в., определить трудно. Возможно, это были не русские «кабаки» с зеленым вином, потому что кабаками владели «за службу» служилые татары.

Типичным поселением в Казанском царстве была деревня с помещицей усадьбой. Документы указывают, что отвод земли проводится в Казанском царстве обычно «на усадище, под двор, и под огород, и под гуменное место», с добавлением: «а к тому усадищу отмерено пашни».

Большинство сел, деревень и починков отличались значительными размерами. Например, архиепископу принадлежало 13 селений, в которых стояли татарские и чувашские дворы. В сельце Сакурдан стоял 21 двор, в селе Белик-Кабан 18 дворов. Следовательно, в Казанском крае мы встречаемся с иной картиной, чем в центральных частях России, где к селу или к погосту с неболь-

²⁸ Там же, л. 3 об.

шим количеством дворов тянуло множество деревень и починок с 1—3 дворами.

Село Петрицы Большие в Зюрейской «дороге» Казанского уезда, принадлежавшее ранее кн. Булгакову и перешедшее во владение Троице-Сергиева монастыря, состояло из 19 крестьянских и 2 бобыльских дворов. В селе был храм «рублен клетчки с трапезою» и монастырский двор. К селу была приписана в большей части «добрая» земля и пашенный лес по реке Меше. При другом монастырском селе, Царицыне, стояла мельница «большое колесо». Другая такая же мельница отмечена на реке Солонице; раньше она принадлежала князю Булгакову²⁹.

Интересно отметить, что даже на поместных землях с их дробным хозяйством в Казанском уезде мы видим стремление расселяться не отдельными деревеньками, а жить в одном селении. За 155 помещиками Казанского уезда считалось примерно 80 селений с 219 дворами. Из этого количества дворов крестьянам принадлежало всего 50 дворов, остальные дворы были помещичьи — усадьбами или «людскими». Таким образом, надо предполагать, что хозяйство на помещичьих землях велось с помощью страдных людей-холопов. Новым казанским жильцам, т. е. новым помещикам, в уезде в 1567 г. принадлежало 568 людских дворов. Интересно отметить, что татары и чуваша, жившие на землях архиепископа, платили вместо оброка «ясака». При этом чуваша его платили медом³⁰.

КАЗАНЬ

Старинный центр Казанского царства Казань была расположена в нескольких километрах от Волги, у берегов реки Казанки.

Казанский кремль стоял на холме, впрочем, не в центральной части города, а с краю. Судя по названиям ворот (Аталыковы, Муралеевы и пр.), кремль занимал во второй половине XVI в. то же место, что и во времена казанской независимости. Вместо деревянных укреплений времен Казанского царства в середине XVI столетия в Казани стоял уже каменный город. Вероятно, этот белокаменный город; о постройке которого будет далее сказано, был сооружен из камней царского дворца и мечетей, которые находились в разрушенном состоянии уже через 10—15 лет после казанского взятия.

К кремлю примыкало обширное пространство острога, окруженного деревянными укреплениями. Острог был построен с учетом местного рельефа, «по горам и по заразам». Там, где он проходил по ровному месту, были выкопаны небольшие рвы. Острожная стена, укрепленная башнями, имела несколько ворот.

²⁹ С. Шумаков. Обзор грамот коллегии экономии. «Чтения ОИДР», 1911 г., кн. 3, стр. 13—16.

³⁰ Писцовая книга Казанского уезда, стр. 69—70.

Проток Булак делил острог на две неравные половины. За Булаком находились слободы, населенные беломестцами: Ямская слобода, Архиепископля, слобода Преображенского монастыря. К городу примыкали огороды и обширные луга.

Луга, можно сказать, обступали Казань со всех сторон. Они были настолько обширны, что в первые годы после взятия Казани находились в пользовании всех казанских жителей, начиная от воевод и кончая посадскими людьми. На вопрос о межах и урочищах под Казанью годовальщик, отводивший покосы под городом, ответил: «не ведает же, пока места косят воеводы и дьяки и всякие люди, и меж тем лугом всем урочищ и по межам порознь не указал, хто по кои места косит»³¹.

«Казань — прекрасный город, построенный по русскому и татарскому образцу, с крепким замком, стоящим на высоком холме», — пишет английский путешественник Дженкинсон³².

В 1565—1568 гг. была составлена писцовая книга Казани, которая дает представление о бывшей татарской столице. В городе и остроге жило русское население. Татары составляли меньшинство городских жителей и обитали в особой Татарской слободе. Из предосторожности им запрещался даже вход в казанский кремль. По писцовым книгам, кремлевские укрепления имели протяженность в 893 сажени, т. е. больше чем 2 км в окружности. Они были построены из камня и дуба («обоего каменные и дубовые городовые стены»). В город вели пять ворот, из которых четверо были каменными, а одни деревянными.

Строительство казанского кремля производилось русскими мастерами во главе с Посником Яковлевым, одним из строителей Василия Блаженного в Москве. Грамота об отправлении в Казань церковного и городского мастера Посника Яковлева с поручением «новый город Казань камен делати» датирована 15 декабря 1555 г.³³ Считают, что Посником был построен современный казанский кремль. Однако этот кремль сложен из кирпича, Дженкинсон же видел в Казани кремль, поставленный из белого камня, по-видимому, тот самый, описание которого сохранилось в писцовой книге 1565—1568 гг. В кратком летописце о городах, построенных в конце XVI в., о котором говорилось выше, сказано, что в Казани новый каменный кремль был построен в 1595 г.³⁴ По-видимому, кирпичный казанский кремль конца XVI в. и остался до нашего времени, заменив собой первоначальный кремль из белого камня.

³¹ Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани, стр. 51.

³² Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке, стр. 166.

³³ Дополнения к Актам историческим, т. I, стр. 136, № 82.

³⁴ «В 103 году почали делать град каменной в Казани».

Казанский кремль охранялся очень тщательно. «В городе, — читаем мы в писцовой книге, — боярин и воевода большой всегда еженочей объезжает город, ездит подле городовую стену, а против его по городу ходят от него дети боярские с фонари... пересматривают на сторожах людей»³⁵.

Внутри кремля стоял каменный старый царский двор («царев двор»), т. е. бывший ханский дворец. В его помещении и в других каменных зданиях казанского кремля хранились порохи, пища, ядра и различные железные и медные изделия (кирки, гири, цепи и пр.). Писцовые книги указывают, что на цареве дворе находились каменные «палаты» старые. Одна из них названа «Муралеевой» по имени крупнейшего казанского князя времен независимости царства.

Новый царский двор был выстроен из дерева, но стоял на каменных погребках. Это было сложное деревянное строение с лестницами, переходами и светелками, где жил «большой воевода». Рядом с царским двором на «часовне» висел «колокол большой», который отбивал время. В кремле находились также царские житницы, обширный двор архиепископа с хозяйственными постройками, дворы воевод, боярских детей, дворовых людей архиепископа, сторожей, часовников. Мастеровые люди жили в городе только в виде исключения (3 двора), как и стрельцы (7 дворов).

На месте мечетей и палат прежних казанских царей, приходивших в быстрое разрушение, появились каменные и деревянные соборы и церкви, превратившие Казань в типичный русский город XVI в. В кремле стояли каменный собор Благовещения, две каменные церкви над городскими воротами, несколько деревянных церквей.

Пришлое русское духовенство получило большие земельные пожалования, не считая постоянного содержания — «царской руги». Достаточно сказать, что соборный благовещенский протопоп получал оклад, неслыханный для внутренних областей России: 15 рублей денег, 2 рубля за сукно, 50 четей ржи и 50 четей овса «в большую меру», 50 пудов соли.

К кремлю примыкал обширный посад, улицы которого носили сплошь русские названия: Спасская, Воскресенская, Проломная и т. д. Посадское население составилось из переселенцев из других городов. Основную массу переведенцев в Казань составляли москвичи (25) и жители поволжских и северных городов: вятчане (17), вологжане (13), володимерцы (13), костромичи (15), устюжане (13). Среди переведенцев находим 24 человека из Полоцка, в их числе названы 23 «дрябов полоцких», зачисленных в казанские пушкарки и стрельцы. Кроме того, выделяются рязанцы (10) и псковичи (15). Переселенцы иногда сели-

³⁵ Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани, стр. 1.

лись целыми улицами. Две улицы так и назывались Псковская и Вологодская. Татарское население совершенно тонуло среди пришельцев. В городе насчитывалось всего 43 человека татар, чувашей и «новокрещенов», т. е. недавно окрещенных мусульман³⁶.

Стрелецкое население жило в Казани в двух слободах, которые располагались «на посаде в остроге». В них насчитывалось 570 дворов рядовых стрельцов и стрелецкого начальства. В 1565—1568 гг. стрелецкий гарнизон в Казани делился на два «прибора» или два приказа с двумя стрелецкими головами. Особое поселение составляла Ямская слобода за Булаком, где стояло 62 двора. Рядом с ней помещались 8 дворов царских плотников. Стрельцы, ямщики и плотники составляли особый беломестный мирок. Они с посадскими людьми «ни в которые дела не тянут».

Такой же характер имели слободки на церковных землях. В Архиепископской слободке числилось 96 человек. В ней стоял двор «архиепископля боярина», коровий двор и дворы дворовых людей архиепископа. Крестьяне строили и чинили на дворе казанского архиерея хоромы и городьбу, возили дрова и воду, пахали огороды и т. д.

К городу примыкала Татарская слобода, в которой считалось 150 дворов. Писцовые книги указывают, что в этих дворах татарские семьи живут только зимой или в «заворошню», когда бывает смятение или опасность от ратных людей. Можно подумать, что Татарская слобода за Булаком состояла преимущественно из осадных дворов. Но в известиях конца XVI в. уже сообщается, что татары начали ставить в своей слободе мечети «близко посаду», хотя это было строгойше запрещено после взятия Казани³⁷. Это один из признаков того, что Татарская слобода стала уже прочно на ноги и сделалась своего рода татарским центром с постоянным населением.

Писцовые книги дают представление о торговле и ремесле казанских жителей. Посадских людей, занимавшихся ремеслом, насчитывалось 318 человек из общего числа в 425 человек, принимавших участие в торговле. Таким образом, посадские люди в Казани занимали господствующее положение в торговле, как, впрочем, и в ремеслах. Из 532 перечисленных ремесленников 60% (323 человека) были посадскими людьми. Наиболее значительными

³⁶ Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани, стр. 181—183. В издании крайне некритически соединены в одну категорию татары, чувашы, «басурманы» и новокрещены. Русское население существовало в Казани и в период его самостоятельности. Под Казанью находилось русское кладбище, которое называли «старым русским кладбищем». На нем был похоронен Иоанн, замученный казанцами в 1529 г. якобы за отказ принять мусульманство. (Историческое описание памятника... на Зилантовой горе. Казань. 1855, стр. 60).

³⁷ ААЭ, т. I, № 358, стр. 436—439. Московское правительство указом 1593 г. вновь приказало уничтожить в Казани все татарские мечети.

ремесленными группами являлись сапожники (27), скорняки (23), кожевники (24), овчинники (5), шубники (4). Следовательно, ремесленники, связанные с производством кожаных изделий, составляли большую группу примерно в 80 человек.

Однако основным занятием ремесленников в Казани было изготовление съестных припасов и различного рода мелких предметов. Достаточно сказать, что продажей съестных припасов на рынке занималось около половины всех торговцев, их насчитывалось более 200 человек. Крупнейшие группы торговцев составляли калачники (33), хлебники (28), рыбники (23), рыболовы (18), мясники (16), квасники (9). Большое развитие приготвления съестных припасов в Казани объясняется скоплением в ней служилых людей и постоянным приездом торговцев и купцов из других городов и стран, а также различного рода людей, стекавшихся в Казань как административный центр.

Большое значение Казани как городского центра подчеркивалось существованием в ней некоторых редких ремесленных специальностей. В городе жили ремесленники, занимавшиеся оружейным делом. Среди них находим лучников (6), бронников (4), накрачеев (2), делавших боевые бубны «накры», стрельников (2), кузнецов (6), налучников (2). Значительную группу составляли серебряники (13). Видную группу ремесленников составляли плотники (32), тогда как во всем городе показан 1 каменщик. Нельзя не отметить также упоминания об 1 бумажнике.

Большая отпускная торговля проходила в Казани через гостиные дворы. Гостиный двор стоял на посаде по соседству с таможенной избой. Во двор вели трое ворот, на нем стояли амбары и пять изб. Общая же площадь его равнялась 2688 саженям.

Казанская ярмарка была одной из самых оживленных. В Казани происходил большой торг солью и рыбой. Сюда приезжали «из всех верховских городов с товары», из Перми и Вятки, из Астрахани с солью и рыбой. Суда обычно останавливались под Зилантовым монастырем или на Бежболде. В документе конца XVI в. названы прибывавшие к Казани «большие суда»: белозерские и устюженские насады, пермские дощаники, коломенки, а также лодки, стружки, неводники, сплавные лодки, ботники³⁸. Казань снабжала тесом и другими лесными материалами Нижнее Поволжье и Астрахань³⁹. Особенно крупное значение имела Казань для торговли со Средней Азией и Закавказьем. Здесь восточные купцы закупали товары для отправки их за границу — воск, мед, меха, вино и т. д.⁴⁰

³⁸ ААЭ, т. I, № 329, стр. 389—390.

³⁹ АИ, т. I, № 184, стр. 346; № 193. «А на все то строенье лес, бревна и доски и лубье и тес проводил, купя, из Казани», — пишет игумен нового монастыря в Астрахани.

⁴⁰ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I, Л., 1932, № 4, стр. 99—100. Челобитные бухарских послов 1585 г. О во-

Казанский торг помещался на посаде. На нем стояло 376 лавок, а также скамьи, прилавки, шалаши и пр., всего до 644 торговых предприятий вместе с кузницами и квасными бочками. Названия рядов только еще устанавливались. Крупнейший из них назывался Псковским, или «Пскова ряду», потому что в нем торговали псковские «сведенцы». Эти торговые люди, переведенные из Пскова в Казань, имели жалованные грамоты, о которых в момент создания писцовых книг, уже говорилось: «была жалованная».

На рынке стояли ряды: Железный, Серебряный, Рыбный, Костромской, Молочный, Хлебный и др.

Лавки ремесленников, как и в других городах, нередко представляли собой небольшие мастерские. Так только можно понять указание писцовой книги, что серебряному мастеру Рудаку Борису «в той лавке серебряного дела с огнем не делати»⁴¹.

Конечно, далеко не все ремесленники имели лавочные помещения на рынке. В этом смысле интересные сведения дает сводная таблица распределения населения Казани в 1565—1568 гг. по занятиям. Оказывается, что из 33 калачников только 7 человек имели скамьи на рынке. У 21 кожевника вообще не было лавочных помещений. То же самое мы можем сказать о скорняках. Из 27 сапожников только один имел лавку.

Совсем иное видим с такими специальностями, как серебряники. Тринадцать серебряникам соответствуют 13 лавок. Здесь, видимо, процесс ремесла был тесно связан с рынком. Из трех иконников двое имели лавки на торгу⁴².

Большое классовое расслоение особенно типично для Казанского посада. Об этом дает представление распределение торговых помещений среди посадских людей. На 450 человек «молодых» людей в Казани приходилось только 70 лавок и 30 скамей, шалашей и т. д. 40 человек «средних» людей владели 12 лавками и 1 скамьей, тогда как 9 человек «лучших» держали в своих руках 11 лавок. Соответственно каждый «лучший» посадский человек платил в три раза больше оброка, чем «молодой» и в два раза больше «среднего»⁴³.

Казанский посад был одним из крупнейших среди русских городов середины XVI в. По писцовым книгам, в нем насчитывалось, согласно подсчетам Н. Д. Чечулина, 598 дворов. Конечно, этот подсчет носит условный характер. К сожалению, в новом издании казанских писцовых книг подворный состав совершенно

сточной торговле см. М. В. Фехнер. Торговля Русского государства со странами востока в XVI веке. М., 1956.

⁴¹ Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани, стр. 60.

⁴² Там же, стр. 184—189.

⁴³ Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 241. «...средним числом приходится к торгующего: молодого в Казани 40 денег, среднего — 60 и доброго — 112».

не указан, так как в основу подсчетов положены «люди», а крайняя условность этой категории в русских документах XVI в. мешает дать конкретное понятие о том, кто именно понимается под этой рубрикой. Тем не менее и подобный подсчет позволяет сделать вывод о том, что количественно посадское население Казани стояло не на первом месте. Так, служилых людей в Казани вместе с духовенством считалось 1058 человек, а «посадских и слободских людей» 765. Таким образом, общее количество «людей» в Казани вместе с Татарской слободой, где стояло 150 дворов, подходило к двум тысячам. Имея в виду, что в понятие «людей» входило только указание на самостоятельного взрослого человека, можно, не колеблясь, установить численность населения в 10 тыс. человек⁴⁴.

Количество населения в городе резко увеличивалось «в заворощию», во время военной угрозы, когда в Казани спасались окрестные жители, в том числе татары.

Среди служилых людей в Казани наиболее мощной группой были стрельцы, которых вместе с воротниками, пушкарями, часовниками и т. д. насчитывалось 690 человек. Дворян и детей боярских разных категорий было около 180, представителей духовенства — 80. Общее число посадских людей составляло 488 человек.

Классовая дифференциация среди посадских людей подчеркивается тем, что только 9 посадских людей отнесены к категории «добрых», 40 — к «средним» людям, остальную массу (439) составляли «молодые» люди. В целом посадские люди составляли только 1/4 часть городского населения. Таким образом, в Казани посадские люди явно отступали на второй план по сравнению с другими категориями городского населения. Кроме посадских людей, в городе сидели различные зависимые люди: 88 крестьян архиепископа, 32 монастырских крестьянина.

В XVI в. Казань сохраняла значение крупнейшего торгового центра Поволжья, имеющего большие торговые связи со странами мусульманского Востока, в первую очередь с Персией и Средней Азией.

НЕБОЛЬШИЕ ГОРОДА КАЗАНСКОГО ЦАРСТВА

Для защиты Казанского края правительство проводило усиленное строительство городов. Еще до завоевания Казани в 1551 г. был построен Свияжск, о котором говорилось выше. После завоевания Казани несколько городов возникло на Каме. В 1557 г. был построен город **Лаишев** в том месте, где существовал старинный переход ногайских людей через Каму в направлении на Казань.

⁴⁴ Н. Д. Чечулин определяет население Казани в 15 тыс. человек (Указ. соч., стр. 206).

Лаишев, по свидетельствам документов, построили «от прихода погайских людей». Есть предположение, что и другой казанский город **Тетюшев** возник в том же 1557 г., хотя впервые о нем упоминается в 1574 г. Тетюши, или Тетюшев, надолго сделался самым южным городом в Поволжье. Подобно тому, как Лаишев прикрывал путь к Казани по луговой стороне Волги, Тетюшев защищал на правой, горной, стороне дороги из степи в Казанское царство⁴⁵.

Крепость Лаишев была сооружена из дерева с тремя башнями. Вокруг нее был вырыт глубокий ров. Внутри города помещалась церковь. Посад Лаишева был населен бывшими русскими пленными (150 человек). В целом Лаишев был типичной порубежной крепостью, так и не развившейся в сколько-нибудь значительный город⁴⁶.

ЗЕМЛИ МАРИ И УДМУРТОВ

Левый берег Волги между Нижним Новгородом и Казанью, как уже говорилось, с давнего времени носил название Луговой стороны. В этом наименовании прекрасно выражены географические особенности территории, населенной марийцами и удмуртами, с их просторными лугами и глухими лесами.

Жители Луговой стороны в наших источниках обозначались собирательным именем «черемисов», среди которых, впрочем, уже различали черемисов ветлужских и черемисов кокшайских («кокшаских»). Под последним названием перед нами выступают современные марийцы. Казанский летописец, откуда взяты эти сведения, знал и удмуртов под именем «отяков» (вотяков), о которых в XVI в. сохранялось предание, как о ростовской «черни», бежавшей на Волгу, чтобы избежать крещения.

Во времена самостоятельности Казанского ханства жители Луговой стороны платили ясак казанскому хану и посылали ему на помощь вспомогательные отряды. Отсюда приходили те «злии ратницы», о которых пишет Казанский летописец.

На Луговой стороне с давнего времени феодалы, как правило, были мусульманами, но коренное население, черемисы, большей частью сохранили старые обычаи и языческую веру.

В русских документах середины XVI столетия нередко упоминаются «Арская земля» и арские князья. Обычно Арской землей и Арским городком считают небольшую территорию в верховьях реки Казанки, как это вытекает из показаний Казанского летописца. Действительно, городок Арск, или Ареск, находился на реке Казанке примерно в 60 верстах от Казани. Однако понятие

⁴⁵ Г. Перетяткович. Указ. соч., стр. 241.

⁴⁶ Писцовая книга Казанского уезда, стр. 81; Г. Перетяткович. Указ. соч., стр. 240.

«Арской страны» («Арские места») и арских сел было значительно шире, как это показывает исследование П. Н. Луппова. Наряду с арскими князьями, подчиненными Казани, существовали арские князья и в Вятской земле. П. Н. Луппов пишет, что «в Казанском ханстве очень значительная часть его, прилегавшая к Вятской земле и населенная арами (удмуртами), называлась Арским даругом (податным участком) или в русских источниках Арской дорогой. Эта территория никогда не входила в состав Вятской земли»⁴⁷.

Арские князья, жившие на территории, ближайшей к Казани, своей историей были тесно связаны с Казанским царством. Они сопротивлялись русским воеводам довольно долгое время после взятия Казани в 1552 г., причем не всегда ясно, о ком идет речь, об арских ли князьях, живших в бассейне реки Казанки, или о тех, какие занимали земли в отдалении от Казани, на Луговой стороне Волги.

В числе арских князей были и такие, которые находились во вражде с казанскими ханами. Еще до взятия Казани «арские князья с Вятки» (каринские князья) получали от московского правительства пожалования и помощь. Великий князь Василий III предоставил арскому князю в Карине право судить удмуртов и чувашей и собирать с них пошлыны. Каринские князья были наследственными отчичами тех земель, которыми они владели в Вятской земле поблизости от позднейшего города Слободска. Им принадлежали на реке Чепце различные угодья, луга, перевесы и пожни. Все это владение они держали истари. В грамоте царя Ивана Васильевича 1548 г. отмечено, что каринские князья имеют право ведать и судить «беляков, вотяков и чувашу и пошлыны на них имати, как преж того брат их Муса судил и ведал во всем и пошлыны на них имал».

Черемисы составляли зависимое население Каринской волости. К верхушке принадлежали татары или отатарившиеся удмурты и чувашаи. Как и в других частях Казанского ханства, коренное население подвергалось угнетению со стороны татарской верхушки, которая перешла в ислам, тогда как остальное население придерживалось своих старых языческих верований.

Фактическое подчинение Луговой стороны московскому правительству произошло только в конце XVI в., когда на Луговой стороне были построены крепости Царево-Кокшайск, Санчурск и Яранск.

Однако и после построения новых городов Луговая сторона оставалась покоренной землей, связанной с Россией формально, но сохранявшей свой прежний строй. Это четко сказалось во времена народных восстаний начала XVII в. «Еранская и Шанчюрин-

⁴⁷ Документы по истории Удмуртии XV—XVII вв. Составитель доктор исторических наук П. Н. Луппов. Ижевск, 1958, стр. 29.

ская черемиса» восстали против правительства Василия Шуйского и объединились с другими народностями Поволжья. По словам очевидца, в движении народов Поволжья принимали участие татары, мордва и черемисы. Под последними понимаются не только марийцы и удмурты, но и чуваша, потому что изменниками в документе названы свияжские, чебоксарские, кокшайские и алатырские люди ⁴⁸.

К черемисским городам в начале XVII в. причисляли три города. Один из них известен был под названием Царева (впоследствии Царево-Кокшайска), другой назывался Санчюриным, или Санчюрском, третий Яранском. В событиях начала XVII столетия все эти городки действовали порознь. Во главе движения против Василия Шуйского стояли мурзы, совершавшие большие насилия. Это упоминание о мурзах указывает на то, что на Луговой стороне в начале XVII в. местные феодалы еще сохраняли свою власть.

Однако население вновь основанных городков в основном состояло уже из русских служилых людей. Так, в составе делегатов от Еранского городка, которых насильно отправляли на Вятку агитировать в пользу Лжедмитрия II («Тушинского вора»), названы соборный поп, два стрельца и два «писчика». Одним из «писчиков» оказался соборный дьячок. Название «писчик», вероятно, обозначает писцов при канцелярии ⁴⁹.

Яранск, называемый в документах XVI в. «Еранским городом», состоял из крепости («города») и острога, где находился посад. Город был тесным. «В городе теснота неприменитая», — писал один из приставов, посланный в Яранск при Борисе Годунове. В городе стояли соборная церковь Успения и дворы ратных людей ⁵⁰.

Жители Луговой стороны получали жалованные грамоты от правительства. О такой грамоте, данной царем Иваном Грозным и называемой марийцами Царево-Кокшайского уезда «крепью», рассказывается в одном предании. Столкновение из-за «крепи» с соседними русскими крестьянами в XVIII в., когда один крестьянин похитил у марийцев грамоту Ивана Грозного, привело даже к бунту ⁵¹.

⁴⁸ АИ, т. II, № 45, стр. 168.

⁴⁹ Там же, № 103, стр. 234.

⁵⁰ Там же, № 38, стр. 38—39.

⁵¹ «Казанские губернские ведомости», 1865, № 50.

Глава XXVII

АСТРАХАНСКОЕ ЦАРСТВО, СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ И БАШКИРИЯ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Присоединение Казани и Астрахани закрепило за Россией все течение Волги до ее впадения в Каспийское море. Но берега Волги, не говоря уже о пространствах, прилегающих к этим берегам, за исключением дельты Волги, почти все XVI столетие оставались пустынными.

Только в последние годы XVI в. появляются на Волге русские города Самара, Саратов и Царицын.

Лишь Астрахань с окружающими ее землями практически вошла в состав России уже в 1556 г.

Что касается русских поселений на Северном Кавказе, то они появились раньше нижеволжских городов, что находит объяснение не только в политических событиях того времени, но и в том, что русские поселения на Северном Кавказе, существовали с давнего времени и, видимо, продолжали существовать в XVI столетии. Однако история сношений России с народами Северного Кавказа, описанная в ряде монографий, не входит в тематику этой книги.

К концу XVI в. относится и присоединение Башкирии к России.

Волга была той мощной водной артерией, вдоль которой располагались в Поволжье новые русские города, но эти города были построены только в конце XVI столетия. До этого времени в областях по нижнему течению Волги поселения группировались только в ее дельте, в районе, где стояла Астрахань — бывший центр Астраханского царства.

О значении Астрахани, являвшейся как бы ключом ко всему Поволжью, кафинский наместник выразил такое мнение: «Се деи

приходят в Азсторохань из многих земель гости торговати воденным путем многие. И казна деи с Асторохани Московскому государству сходит добре великая».

Это значение Астрахани как города, через который шел единственный удобный путь из Персии и Средней Азии в Россию, подчеркнут и в другом высказывании турецких чиновников: «А от Астор[x]ани деи х Кизылбаши добре ближе», т. е. из Персии в Астрахань ближе, чем из Турции. «А опричь деи Азсторохани проходу из Кизылбаши никуды торговым людем не будет»¹.

РЫБНЫЕ И СОЛЯНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

Нижнее Поволжье славилось своими рыбными и соляными богатствами. Щедрая природа наделила Нижнее Поволжье соляными озерами там же, где добывалась соль, столь необходимая для сбережения рыбы.

Обширные рыбные угодья располагались на Волге ниже впадения в нее Камы. Уже вскоре после построения Самары в ее окрестностях большие рыболовные участки на Волге были захвачены крупными монастырями.

Под Самарским городом на Волге находились рыболовные участки Нижегородского Печерского монастыря, который владел здесь различного рода заводами вплоть до нижнего устья реки Самары с озерками еще ниже по Волге. Рыбу полагалось возить на монастырский обиход беспошлинно, но не продавать, что, вероятно, неоднократно нарушалось монастырем².

В непосредственном соседстве с Астраханью находились рыбные промыслы. Они принадлежали различным владельцам, в том числе и монастырям. Астраханский Троицкий монастырь, например, владел несколькими «учюгами» в дельте Волги. Он получил право держать на Волге «белозерку» или «дощеник» длиной в 30 сажень, чтобы беспошлинно возить рыбу Волгой до Ярославля и Окой до Коломны³. Торговля солью производилась и другими крупными монастырями. Она считалась столь же выгодной, как и торговля рыбой. Например, Ярославский Спасский монастырь выхлопотал себе право беспошлинной покупки 10 тыс. «длинных» осетров; взамен рыбы, монастырь мог нагрузить свое судно солью из астраханских озер⁴.

О размерах соляной торговли говорят некоторые документы конца века. Один английский гость взял у Бориса Годунова взаи-

¹ ЦГАДА. Дела по сношениям России с Турцией, кн. II, лл. 99 об.— 101.

² «Нижегородские губернские ведомости», 1848, № 9, 1600 г.

³ АИ, т. I, № 193, стр. 356—357.

⁴ Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, т. I, стр. 67.

мы 3 тыс. рублей, заложив ему за эти деньги насад с 30 тыс. пудов соли, который шел по Волге от Казани к Ярославлю⁵.

Рыбная ловля в Астрахани производилась хищническим путем; рыбы вылавливалось много и она гнила на земле, «и от того де дух людям тяжел»⁶.

АСТРАХАНСКОЕ ЦАРСТВО

В царском титуле Астраханское царство стояло на втором месте после царства Казанского, выше многих земель, обладателем которых считал себя русский царь. И это в какой-то мере соответствовало действительному значению Астраханского царства в составе России XVI в.

В это столетие Астрахань представляла собой международный центр с пестрым населением, где жили не только русские и татары, но и бухарцы, персы, армяне.

Наказ астраханскому воеводе 1591 г. ярко показывает тревожное пограничное положение Астрахани. Воевода должен был разведывать о том, что делается в соседних землях, и посылать в Москву гонцов для скорости через степь, если «на поле будет тихо», в других же случаях водой⁷.

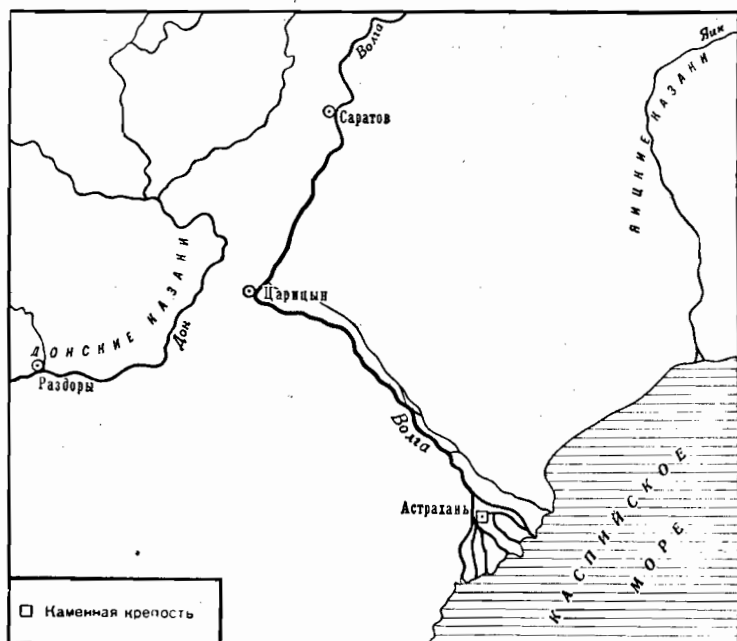
Интересные сведения об Астрахани сообщают иностранцы. Один из путешественников конца XVI в., известный под именем дона Хуана Персидского, пишет: «Город Астрахань имеет 500 жителей. Все дома его деревянные, только крепость, очень сильная, где живет главный начальник, выстроена из камня; стены ее значительной высоты и толщины. Сюда съезжается множество купцов из Москвы, Армении, Персии, Турции». Указание дона Хуана на 500 жителей в Астрахани заставляет думать о неточности этой цифры, явно преуменьшенной. Другие данные рисуют нам Астрахань как значительный центр, в котором постоянно жили стрельцы и посадские люди.

Дженкинсон, посетивший Астрахань в середине XVI в., оставил значительно более подробное описание города: «Город Астрахань стоит на острове, на высоком берегу с замком внутри города, обнесенным земляным валом и деревянными стенами; замок некрасив, но крепок. Город также весь окружен земляным валом. Строения и дома (кроме тех, где живут начальники и некоторые другие дворяне) низкие и очень простые. Остров очень беден, без лесов и пастбищ, и земля не родит хлеба; воздух здесь зараженный, как думаю, от множества рыбы, в особенности осетров; рыбой единственно и питается население, между тем как мяса

⁵ С. Г. Г. и Д., ч. 2, № 53, стр. 87.

⁶ АИ, т. I, № 230, стр. 442—443, 1591 г.

⁷ Там же, № 230, стр. 436. 1591 г.

Нижнее Поволжье в XVI столетии

и хлеба очень мало. Здесь производится некоторая торговля нужными населению товарами, столь малая и нищенская, что не стоило бы о ней упоминать, но все же купцы приезжают сюда из разных мест. Главнейшие товары, привозимые сюда русскими, — сырые кожи, сырые овечьи шкуры, деревянная посуда, уздечки, седла, ножи и другая мелочь, а также хлеб, свинина и другие съестные припасы. Татары привозят сюда разные сорта товаров из хлопчатой бумаги и шелковые материи; приезжающие из Персии, а именно из Шемахи, привозят шелковые нитки, которые более всего употребляются в России, материи, различные сорта пестрых шелков для поясов, кольчуги, луки, мечи и т. п. вещи, а в иные годы привозят хлеб и грецкие орехи, но все это привозят в очень малом количестве, потому что купцы так нищенски бедны, что не стоит об этом писать, так же как не стоит надеяться, что торговля здесь будет стоить того, чтобы ее продолжать»⁸.

Последним словам Дженкинсона доверять трудно. Вероятнее всего, они были продиктованы неудачей замыслов Дженкинсона, увидевшего, что наладить беспощадную торговлю через Россию

⁸ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке, стр. 171—172.

невозможно. Другое более надежное известие читаем в летописи. В нем сообщается о приезде в Астрахань купцов из Шемахи, Дербента, Тюмени в Дагестане, из Ургенча и Сарайчика (1558 г.)⁹.

В 1588 г. в Астрахани начали строить каменный кремль, материал для которого брали в 80—100 верстах от города в «ближних Сараях», остатках города Сарай-Бату. Известь для строящегося города осматривал «церковный и палатный мастер» Федор Конь, архитектор Белого города в Москве, бывший и строителем астраханского кремля. «И зделан город безчисленно хорош, и кругом его пояс мраморен да красен»¹⁰.

Снабжение Астрахани различного рода необходимыми предметами производилось водой по Волге. Лесные материалы иногда закупали в Казани. На строение церкви в Троицком монастыре в Астрахани «лес, бревна и доски, и лубье, и тес привозили купцы из Казани». Хлебные запасы доставлялись в Астрахань также водой. Обратное вверх по реке везли соль и рыбу. Путешествие по Волге было долгим не только из-за большого расстояния, но и вследствие задержек со стороны приказных людей, вымогавших взятки. Суда часто не успевали совершить путь за один сезон туда и обратно. На обратном пути они обычно зимовали на Волге, не успевая добраться до Казани¹¹.

Хозяйство астраханского торгового человека начала XVII в. предстает перед нами в описи имущества Первого Изборенина. Первому (Первуше) Изборенину принадлежали двор, лавка и амбар. Лавка стояла в рыбном ряду. В ней оказалось 36 белужьих и осетровых тешок и 75 пудов соли. Двор состоял из хором, двух деревянных изб, чердака и наледницы. Характерно, что на дворе лежали строительные материалы: 500 кирпичей, тес, дранка, луб. Во дворе лежали под прикрытием 1000 савров (кожаных подколпников у седла), 300 коровьих кож и 30 опоек. Хозяину принадлежала корова во дворе и две коровы в стаде. Одежда хранилась в сундуках и коробьях, отличаясь разнообразием и в иных случаях дороговизной отделки¹².

Астрахань даже в конце XVI в. сохраняла еще свой татарский характер. По сообщению иностранных путешественников начала XVII столетия, в Астрахани «живут несколько тысяч татар, подчинившихся москвитам, и находится много древних татарских памятников и усыпальниц, которые мы осматривали с большим вниманием. Между ними есть несколько таких, где похоронены знаменитые стародавние татарские князья и где татары до настоящего времени возжигают большое количество лампад и свечей. Они похожи на наши небольшие часовни, выстроены в виде

⁹ ПСРЛ, т. XX, стр. 585.

¹⁰ АИ, т. I, № 230, стр. 438; Пискаревский летописец, стр. 91.

¹¹ АИ, т. I, № 184, стр. 346; № 230, стр. 437, 1591 г.

¹² С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом. «Чтения ОИДР», 1888, кн. 3, стр. 328—329.

круглых, сквозных башенок и покрыты внутри татарскими надписями, высеченными на камне»¹³.

Из всех русских городов Астрахань по своим особенностям была самым своеобразным углом, самым азиатским городом тогдашней России. Здесь старые татарские традиции чувствовались сильнее, чем в других городах Поволжья. Тут скапливалось большое количество гулящих людей, занятых на соляных промыслах и на рыбной ловле, сюда убегали всякие беспокойные люди. На эту обособленность Астрахани и надеялся во время смутных событий начала XVII в. атаман Заруцкий, пытавшийся основать здесь свое государство во главе с Мариной Мнишек и ее сыном, называемым русскими летописями Воренком.

Астрахань имела немалое значение как опорный укрепленный пункт на крайнем юго-востоке России. Здесь стоял по крайней мере 1 стрелецкий приказ с 500 стрельцами, которых отсюда посылали на Терек. Сношения с Терекком шли через Кайсу на судах¹⁴, а зимним путем на саях¹⁵.

От Астрахани начинался путь в Среднюю Азию, куда ездили двумя дорогами — морской и сухопутной. Расписание этого пути мы знаем из английского известия, основанного на показаниях татарина, подданного бухарского хана. Сухопутная дорога вела на Сарайчик в устье реки Яика. До Сарайчика ездили 10 дней, от Сарайчика до Ургенча — 15 дней, от Ургенча до Бухары — 15 дней, от Бухары до Кашгара — 30 дней, от Кашгара до Китая — 30 дней, если путешественники двигались медленно.

Морской путь считался более безопасным и до берегов Туркмении продолжался 15 дней. А оттуда на верблюдах до Ургенча двигались 10 дней¹⁶.

Морские суда, «бусы», находились во владении астраханских татар, которые пользовались своим монопольным положением и брали сверх царских пошлин с купцов большие «поминки» с каждого вьюка. Это вызывало жалобы со стороны среднеазиатских купцов, предпочитавших вместо поездки в Астрахань «на государевых бусах», ездить со своими товарами в Турцию и Шемаху¹⁷.

ПОНИЗОВЫЕ ГОРОДА

К югу от Казани русские поселения располагались отдельными участками, разделенными обширными степями. Они группировались вокруг новых городов, построенных в конце XVI в. В 1586 г.

¹³ Какаш и Текандер. Путешествие в Персию через Московию. 1602—1603 гг. «Чтения ОИДР», 1896, кн. 2.

¹⁴ Акты Юшкова, стр. 279.

¹⁵ АИ, т. I, № 230, стр. 440.

¹⁶ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке, стр. 189.

¹⁷ Материалы для истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I, № 5, стр. 101. Челобитная 1589 г.

был поставлен город **Самара** при впадении реки Самары в Волгу¹⁸. Это была типичная крепость, однако с самого начала получившая некоторое торговое значение. Самара стояла в том месте, где Волга образует большую излучину — Самарскую луку, обращенную на восток. Тем самым Самара была близко связана со степью, по которой проходили так называемые «ордобазарные» дороги из Средней Азии, упоминаемые в документах конца XVI в. Из Самары можно было при необходимости добраться «в Бухары полем». Впрочем, нет никаких указаний на то, что торговля Самары со Средней Азией имела в XVI в. значительные размеры, хотя в город приезжали «нагаи ордобазарцы с торгом»¹⁹.

Построение нового города поблизости от Заволжской степи, где кочевали погайские татары, заставило ногайских князей настроиться, так как появление русских военных сил на границе их кочевий было для них неприятной неожиданностью, заверения же московского правительства о том, что город поставлен для охраны самих ногайских улусов, звучали неубедительно. Впоследствии погайские татары даже безуспешно осаждали Самару (в 1615 г.), желая вырвать эту занозу из своих владений²⁰.

Наши сведения о Самаре XVI в. несколько пополняются известиями более позднего времени. В записках купца Котова, ездившего в 1623 г. в Персию, находим такую заметку. «Город Самара стоит на луговой стороне, от Волги песок залег, а город стар, рубленой, низок, и острог по тому же по городовому месту. А под городом река Самара течет из степи, устье под городом пало в Волгу по нижнюю сторону города, а над рекою бани, а посадки и ряды в городе, а около степь». В этой записи, дано в сущности краткое, но четкое представление о Самаре, которое позволяет судить об этом городе и в более раннее время, когда рубленый деревянный город был еще новым. Все городские строения скрывались за деревянной стеной, потому что «около», вокруг города, простиралась степь.

Самара еще долгое время оставалась крепостью, экономически более связанной с Волгой, чем с окружающей ее черноземной округой. Такой она выступает перед нами и в переписной книге 1646 г.²¹

Несколько позже были построены **Саратов** и Царицын. Основание Саратова относится к 1590 г.²², но развитие его падает уже

¹⁸ М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники. «Исторические записки», т. 10, стр. 94.

¹⁹ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I, № 7, стр. 102.

²⁰ П. А. Преображенский. Очерк истории Самарского края. Самара, 1919, стр. 17—18.

²¹ Материалы по изучению Самарского края. 1928 (Общество археологии, истории, этнографии и естествознания в Самаре). Самара в половине XVII века, стр. 11—13.

²² М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники, стр. 94.

на XVII в. Одной из важнейших крепостей на нижнем течении Волги был **Царицын**. Он стоял «на переволоке», т. е. в том месте, где Волга и Дон подходили особенно близко друг к другу. Это значение «переволоки» было хорошо известно туркам и крымским татарам. Во время осады Астрахани в 1569 г. турки пытались даже прокопать «переволоку» и устроить канал для соединения Дона и Волги. Речные суда от Азова до «переволоки» шли несколько недель, в 1569 г.— пять недель. Там, где были мели, турки «пушки на берег возили, да суды волочили». Турки простояли на «переволоке» две недели, «пытались копать, каторги волоčiti, но сил не было копати»²³.

Место для нового города было найдено на правом берегу Волги. Царицын был поставлен в 1588 г., но не сразу. В грамоте 1589 г. сообщается, что сюда были посланы суда из Казани «для лесовой возки»²⁴. Целью экспедиции была постройка города и острога. Указание на острог показывает, что новый город заранее уже мыслился не только как форт, но и как город, имеющий некоторое экономическое значение, так как острог обычно был населен посадскими людьми.

ПРОДВИЖЕНИЕ РОССИИ НА СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

Ко второй половине XVI столетия относится появление постоянных русских поселений на Северном Кавказе. Это произошло вскоре после завоевания Казани и Астрахани, точнее сказать, в период окончательного падения независимости Казанского и Астраханского царств.

Застрельщиками сближения с Россией в противовес наступательному движению Турции и Крымского ханства явились кабардинские князья. Первое посольство от них появилось в России в 1552 г. Согласно летописи, в ноябре этого года «черкасские государи князи» били челом Ивану Грозному с просьбой взять их с землями «к себе в холопи и оборонить их от Крымского царя». Летопись употребляет здесь обычную приказную терминологию, в силу которой всякое принятие в подданство русского царя приравнивалось к обращению в холопство, т. е. к зависимому положению.

Летопись и дальше продолжает сообщать сведения о переговорах черкесских князей с царем Иваном, из которых выясняется,

²³ Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I. XVI в., стр. 111. Каторги — галеры.

²⁴ М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники, стр. 94. В грамоте от 2 июля 1589 г. говорится об отправлении из Казани судов с материалами для города и острога «на переволоке» (Дополнения к Актам историческим, т. I, № 133, стр. 212).

что речь идет не о полном подчинении черкесских и кабардинских князей России, а об установлении их феодальной зависимости. Тем не менее обращение черкесских и кабардинских князей в Москву было несомненным успехом российской политики на Северном Кавказе. Вслед за кабардинским князем Темрюком в Москву стали обращаться правители соседних областей Северного Кавказа, в том числе Тарковский шамхал и Тюменский князь, владения которого были расположены на реке Тюмени, впадающей в Терек²⁵.

Н. А. Смирнов, которому принадлежит исследование о политике России на Кавказе, отмечает, что русский царь с этого года рассматривал кабардинцев как своих подданных, добавляя, что в 1560 г. «была предпринята обычная в отношении присоединенных к России народов попытка обратить кабардинцев в христианство, для чего в Кабарду из Москвы были направлены представители духовенства»²⁶. Но эти замечания не вполне правильно отражают намерения царского правительства и действительное положение на Кавказе. Приезжие черкесские князья не сделались обыкновенными подданными, а стали «служилыми князьями» наподобие русских «служебных князей», сохранявших, как мы видели выше, свои уделы.

Таким образом состоялся акт присоединения Кабарды к России на условиях сохранения прав местных князей как удельных. Что касается обращения Кабарды в православие, то в действительности таких попыток сделано не было. Некоторые кавказские князья обратились в христианство в Москве, но они уже не уезжали на Кавказ, а остались в России.

Царское правительство прекрасно понимало невозможность насильственного обращения кабардинцев в христианство, что проводилось с осторожностью даже в завоеванных татарских царствах. Н. А. Смирнов далее и сам говорит не о подданстве кабардинских князей России, а о союзе русских с кабардинцами. Это подчеркнуто было и тем, что Иван Грозный женился на дочери князя Темрюка Идаровича, известной в наших источниках под именем царицы Марии Темрюковны.

Важнейшим моментом в истории утверждения России на Северном Кавказе явилось построение Терского городка. В 1567 г. для этого городка на Северный Кавказ были отправлены многие люди с артиллерией «для городового дела»²⁷.

Место для постройки городка было выбрано при впадении реки Сунжи в Терек. Эта река носит в наших источниках также другие

²⁵ ПСРЛ, т. XIII, стр. 228, 233—236, 276—277, 283—284.

²⁶ Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1959, стр. 27—28.

²⁷ ПСРЛ, т. XIII, стр. 407.

пазвания: Сунца, Сюенча, Сююнча. Место для городка выбрано было не только потому, как это обычно заявляется в наших исторических работах, что оно выделялось своими удобными природными особенностями, но и потому что здесь, возможно, уже с давнего времени существовали русские поселения. Подобное замечание может показаться неожиданным и мало обоснованным, но нельзя не обратить внимания на поразительное совпадение двух летописных известий, отделенных друг от друга двумя с половиной столетиями. В 1318 г. «на реце на Севенце» стоял город Деяков, где был убит Михаил Ярославич Тверской. Через 250 лет после этого события на той же реке (Сююнче, Сунже или Севенце) возник новый русский город.

Между двумя указанными событиями как будто не существует никакой связи, но в действительности она имеется. В XVI в. на Терек оказываются гребенские казаки — загадочные русские люди, жившие на Терек там, где находились Гребенские горы. Появление этих казаков может быть объяснено тем, что на Северном Кавказе еще сохранились русские поселения, как это было и в низовьях Дона, несмотря на подавляющее соседство мусульманских народов.

Появление русской крепости на реке Терек вызвало крайнее недовольство турецкого султана и крымского хана. Для них Терский город был настоящим бельмом на глазу. Возникла посольская переписка по поводу нового городка, в которой турецкие и крымские власти особенно настаивали на том, что этот город поставлен в Кабардинской земле, которая, по словам турецкого султана, являлась его вотчиной.

Царь Иван Васильевич обещал в 1571 г. уничтожить новый городок. Впрочем, постановление о срытии Терского городка было передано турецкому султану в такой неопределенной форме: «И нечто будет тот город ныне с того не снесен для того, што за далеким государево слово о том не дошло».

Уже в 1578 г. городок был возобновлен, о чем Иван Грозный сообщил кабардинскому князю Мамстрюку Темрюкову. Русские казаки в конце XVI в. уже прочно утвердились на Терек. Они в это время громили турецкие посольства. В царских грамотах сообщается о том, что волжские казаки и другие казаки направляются на Терек, «а живут на Терке воры беглые казаки без государева ведома». Вопрос о терских и донских казаках явился предметом для новых переговоров с Турцией. Но никаких серьезных изменений не произошло, и Терский город продолжал оставаться главным русским оплотом на Северном Кавказе²⁸.

Путь к Терскому городку из Астрахани шел морем и далее рекой Терек, по которой, впрочем, больших судов провести было

²⁸ Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., т. I, XVI—XVII вв. М., 1957, стр. 29, 35, 36, 46.

невозможно. Построение Терского городка сблизило Россию с Грузией, недалеко от границ которой стоял Терской городок²⁹.

Дорога в Грузию из России шла из Астрахани на Тюмень (2 дня), далее до города Тарки, резиденции Шамхала (2 дня), до Кафиркумыка (1 день), до Козаныча (1 день), до Казыкумука Сафурского (2 дня), Сафурский князь был вассалом грузинского царя.

Другая дорога в Грузию шла на владения Ших-мурзы (2 дня), до Аварского князя (3 дня), до Черного князя (1 день), до Грузии (Иверской земли) — 10 дней, всего же 15 дней³⁰.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ БАШКИРИИ

Башкирская земля упоминается в русских летописях уже под 1470 г. по случаю рассказа о сборе казанских войск под начальством хана Абрейма. В этом известии сообщается о всех землях, которые в это время были подчинены Казанскому царству, в том числе и о Башкирии. Царь «дополнил собрал свое войско, чтобы догнать русский отряд и отомстить за разорение предместий Казани и ее окрестностей»³¹.

Однако и после присоединения Казанского царства Башкирская земля в сущности осталась самостоятельным владением. Поэтому вывод, сделанный авторами статьи о Башкирии в «Очерках истории СССР (конец XV — начало XVII в.)», согласно которому «процесс присоединения башкир к Русскому государству в основном завершился к 1557 г.» (стр. 679), нельзя считать правильным. Ведь принятие в подданство, или, вернее, признание своего служебного положения по отношению к русскому царю со стороны того или иного феодала еще не является показателем того, что вся страна, в которой жил этот феодал, вошла в состав России.

Во всяком случае, никаких сведений о городах или просто о русских укреплениях в Башкирии до построения Уфы нет. По-видимому, утверждение русских поселений в Башкирии происходит уже в конце XVI в., когда в Поволжье и в других районах строятся новые города. О постройке этих новых городов сообщается в небольшом летописном отрывке, кончающемся на известии 1602 г., о котором уже неоднократно упоминалось.

В этом произведении под 1586 г. читаем такую заметку: «В 94 году поставили на Волге город Самару, того же году поставили город Уфинский, того же году поставлен город на Юмени в Сибири». Таким образом, в один и тот же год на окраинах тогдашней России в еще не освоенных пространствах были постав-

²⁹ РИБ, т. III, Александро-Невская летопись, стр. 286.

³⁰ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 36—59.

³¹ ПСРЛ, т. XX, стр. 281.

лены три крепости. Такое стремительное строительство, естественно, было результатом большой политики, которую проводил Борис Годунов. Постройка одного города за другим продолжалась и далее.

Построение новых городов на окраинах России нельзя считать какими-то изолированными явлениями. Это было прямым следствием в первую очередь присоединения Сибирского царства к России. Недаром же летописный отрывок, из которого взяты сведения о городах, высокопарно заявляет, что царевич Федор Иванович венчался царским венцом и что при его благодатной державе Российское царство начало особенно расширяться, связывая это с завоеванием Сибирского царства: «поручи ему, государю, бог царство Сибирское»³².

Присоединение Сибирского царства к России оказало громадное влияние на положение Башкирии, оказавшейся с этого времени, как бы зажатой между сибирскими и поволжскими укрепленными городами. Отдельные башкирские племена уже вскоре после взятия Казани стали платить ясак царскому правительству, как показывают башкирские «шежере».

Башкирские феодалы получили от Ивана IV жалованную грамоту, «предоставляющую возможность башкирам свободно распоряжаться своими землями»³³. Тогда же был установлен и ясак, который башкиры обязаны были платить в царскую казну. Размеры этого ясака определены Н. В. Устюговым. В 1631 г. башкиры выплачивали более 1500 рублей ясака, которым было обложено свыше 6 тыс. человек. Впрочем, судить о том, был ли этот ясак очень высоким или низким для этого времени, крайне затруднительно, так как цифра в 6 тыс. плательщиков, конечно, включает не все взрослое мужское население тогдашней Башкирии, а исчислена по каким-то неясным для нас приказным основаниям.

Само понятие русского подданства представлялось башкирским князьям совершенно по-иному, чем русским приказным людям. Башкирские феодалы рассматривали себя в качестве «вольных слуг», т. е. считали себя находящимися на положении русских «служилых князей». Признанные царским правительством «тарханы» или «мурзы» освобождались от платежа ясака. Позднее, в конце XVI столетия, царское правительство, впрочем, усиливало зависимость башкирских феодалов и налагало ясак, на что башкиры вынуждены были соглашаться³⁴.

³² М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники XVI в. стр. 93—94.

³³ Н. В. Устюгов. Башкирское восстание 1737—1739 гг. М.—Л., 1950, стр. 3—7.

³⁴ Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1952. Р. К. Кузеев. Новые источники о присоединении Башкирии к Русскому государству.

Первоначально русские поселенцы в Башкирии состояли главным образом из ратных людей. В 1592—1594 гг. по указу царя Федора Ивановича было «велено на Уфе уфинских жильцов, детей боярских, и сотников стрелецких, и стрельцов, и оброчников, пушкарей и воротников устроить на Уфе пашню: детей боярских и сотников стрелецких по окладу, а стрельцов, и пушкарей, и воротников, и новокрещенов, и татар, и всяких оброчников противно их окладов хлебново жалования».

Из этого перечисления выясняется состав тех воинских людей, которые получили пашню около нового города на Уфе. Это были по преимуществу ратные люди, составлявшие гарнизон новой крепости в Башкирии: стрельцы, пушкари, воротники и пр. Обращает на себя внимание упоминание о сотниках стрелецких во множественном числе. Дальше выяснено, что в новом городке на Уфе стояло по крайней мере две сотни стрельцов. При крепости находилась особая татарская слобода, а также близости от города существовало какое-то городище, поскольку в документе упоминается местность «за городищем в большой луке к перевозу к Белой Волошке»³⁵.

Даточная книга по городу Уфе 1592—1594 гг. отмечает очень интересный момент в истории Башкирии и города Уфы, момент заведения пашенного хозяйства непосредственно в окрестностях нового городка. Книга дает яркое представление о пустынном характере той местности, в которой возникла Уфа. В непосредственной близости к городу находились леса, иногда называемые «дубравами», среди которых располагались отдельные поляны. К лесам примыкали степные пространства. Даточная книга иногда отмечает, что раздача земель производилась «в великом поле». Это типичная картина нашей восточноевропейской лесостепи, где леса и открытые поля так красиво перемежаются друг с другом.

О земле, данной одному пушкарю, сообщается, что ему даны были пахотные земли «иа Турове поляне 20 чети в поле, а в дву по тому ж». Тут же добавлено следующее топографическое обозначение: «К ево дачи на великом поли выехав из дубровы направи на 10 чети в поле, а в дву по тому ж, оклад ево сполна».

Таким образом, раздача пахотных земель около Уфы уже с самого начала производилась таким же способом, как и в самой России — из расчета пашни в трех полях. Трехполье в Башкирию, следовательно, приходило из России без промежуточных способов землепользования.

Конечно, при раздаче земель кроме пашни принимались во внимание и сенные покосы, располагавшиеся иногда рядом

³⁵ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, Отводная книга города Уфы, № 517, лл. 1—11 об. Даточная книга по городу Уфе 1592—1594 гг. Этот документ мне сообщил В. Н. Шумиловым.

с самой пашней, выделенной тому или иному ратному человеку. Новокрещен Федоров получил сенные покосы напротив крепости, за рекой за Белой Волошкой, о которых сказано, что покосы располагаются «около ево пашни на 30 копен». Такие же сведения сообщаются и о сенных покосах, данных другим ратным людям, причем постоянно с обозначением: «около их пашен».

Земледелие в новом крае начинало только развиваться и на первых порах требовало государственной поддержки. Возможно, оно началось не в 1592—1594 гг., а несколько раньше, так как в книгах упоминается о «первой даче» пахотных земель на великом поле по реке Уфе, сделанной двум детям боярским, следовательно, раньше 1592 г., а также о пашне «што бывала пашня сотника стрелецкого Гаврила Чечагова». Семена для посева приходилось привозить из Казани. Так, отсюда в 1592 г. привозили семена для детей боярских. Главными хлебами, как и в самой России были рожь, овес и ячмень. Так, об одном служилом человеке, сказано, что ему были даны деньги на семена: «две чети овса, две чети ячменя, две чети ржи». То же самое сообщается и о других ратных людях, иногда с подведением итога. Оказывается, что в 1591—1592 гг. выданы были деньги для покупки 152 четвертей ржи, 100 четвертей овса, 50 четвертей ячменя. Деньги на семена были выданы взаимобразно. Получившие семена обязаны были вернуть их в 1595 г. («а взяти на них тот хлеб в 103-м году») ³⁶. В даточных книгах отмечена также государева пашня. Одна пашня названа «ближней», другая находилась в некотором отдалении.

Даточная книга дает и некоторое представление о населении Уфы вскоре после ее построения, всего только через 5 лет после возникновения самого городка. Выше было сказано, что первоначально городок назывался Уфимским, но вскоре за ним утвердилось современное название города — Уфа. По крайней мере, даточные книги говорят о раздаче земель «на Уфе» уфимским жильцам. В данном случае Уфа — обозначение города. Оно сообщается без каких-либо дополнительных пояснений, следовательно, это название уже утвердилось.

Как выше уже говорилось, основное население Уфы составилось из ратных людей. Среди них на первом месте стоят дети боярские: «Осопчук да Иван Третьяковы дети Каловского». Они получили по 50 четвертей пахотной земли и сенные покосы. Другие дети боярские, Воин Офонасьев сын Толстово и Неупокой Никифоров сын Лилашов, получили по 30 четвертей.

За ними следуют стрелецкие сотники, получившие также по 30 четей пахотной земли и сенные покосы. Особо отмечены два

---

³⁶ О некоторых стрельцах, получивших семена взаимобразно, сказано: «А взяти на них тот семенной хлеб во 104-м году, как вдругорядь хлеб соимут».

новокрещена, которые носят чисто русские имена «Ондрюша, а прозвище Рудак Федоров» и Семен Иванов. Это, вероятно, башкиры или татары, принявшие крещение и получившие русские имена и прозвища. Они получили по 8 четей земли в качестве только что окрестившихся мусульман, как особо высокое пожалование.

Кроме новокрещенов по 8 четей земли получили три пушкаря. По размерам дачи к новокрещенам и пушкарям приближался толмач Кондраша Кузьмин (7 четвертей). Существование должности толмача в новом городе указывает на необходимость сношения с местным населением при помощи переводчика.

По 5 четвертей давалось воротникам, казенным сторожам и кузнецу. Таких людей насчитывалось примерно 7 человек.

Кроме того, отмечены стрельцы, которых насчитывалось в общем 150 человек.

Отдельно отмечены «уфинские вожи», т. е. проводники. Они получили всего по 4 четверти. Это были два башкирина Шугур Кокузов да Игелик Коземанов. Кроме них в слободе под городом жили «слободские татаровья», которые получили по 4 четверти земли на человека, но не пользовались хлебным жалованием.

В даточной книге отмечены также «оброчники», о которых сказано коротко и неясно: «велено их устроить на Уфе пашнею противо их окладу хлебново жалованья».

Каких-либо сведений о новом городке на Уфе как о городском поселении даточные книги не дают. И все-таки рисуется картина небольшой крепости, затерявшейся среди раздольных лесостепных пространств, на берегу большой реки, среди заливных лугов, вековых дубрав и нетронутой степи. И только одна маленькая деталь напоминает о том, что жизнь в новом городке на Уфе была опасной и отнюдь не сладостной для гарнизона и городского населения: о семи стрельцах сказано, что они сбежали («а семь человек служилых стрельцов, не сеяв ржи, збежали»), — своеобразная краткая реплика, сопровождающая очень часто наши сведения о новых городках России XVI в. на ее окраинах.

Некоторые новые сведения об Уфе получаем из документа 1602 г., связанного со ссылкой Ивана Романова. Уфа представляется в этом документе отдаленным и ссыльным городом, но все-таки более близким, чем Пелымь в Сибири³⁷.

Построение Уфы в 1586 г. явилось важным этапом для утверждения господства России в Заволжье, хотя даже в XVIII в. русское население с большой медленностью осваивало лежавшие здесь земли. Во второй половине XVI в. в Заволжских степях, точнее в бассейне реки Яика, современного Урала, появляются русские поселения и возникает Яицкое казачье войско, о котором неоднократно упоминается в посольских книгах. История яицкого

³⁷ АИ, т. II, № 38, стр. 43.

казачества остается до сих пор еще очень неясной, но о существовании его уже во второй половине XVI в. можно говорить с полным основанием.

Как и когда образовалось здесь русское казачество, жившее своей особой жизнью, сказать пока затруднительно. Оно появляется как бы внезапно. Во всяком случае, появление казачьего войска в этом районе именно во второй половине XVI в. тесно связано с присоединением Поволжья к России. Сюда, в эти отдаленные места, к которым примыкают обширные и голые степи, бежали беглые люди из закрепощаемой России. Здесь-то и возникло то своеобразное и суровое общество, которое прославилось в нашей истории под названием яицкого (позже уральского) казачества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эта обширная работа казалось бы должна была иметь и обширное заключение. Но в действительности она в таком заключении не нуждается. «Чертеж земли Российской», показанный в предыдущих главах, в достаточной мере говорит сам за себя. Перед нами великое и обширное государство. Оно сложилось на территории к северу от Оки, населенной русским народом, и в течение одного века расширилось до Уральских гор и почти до Черного моря. Россия уже в XVI столетии сделалась крупнейшей международной державой. Никакие внешние враги, использовавшие внутренние затруднения и пытавшиеся нагреть руки на той классовой борьбе, которая развернулась в начале XVII в., не были ей страшны. Интервенция начала XVII в. разорила, но не покорила Россию и не могла ее покорить.

Россия XVI в. включила в свой состав не только русские земли, но и земли других нерусских народов, построивших теперь совместно с русским народом социалистическое государство, носящее гордое имя: Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, крупнейшая среди равных братских республик СССР.

СПИСОК НАИБОЛЕЕ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты археографической экспедиции, т. I—II. СПб., 1836 (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук).
- АИ — Акты исторические, т. I—II. СПб., 1841.
- АЮ — Акты юридические. СПб., 1838.
- Акты Юшкова — А. И. Юшков. Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ. М., 1899 (напечатано в «Чтениях ОИДР», 1898, кн. 1—2).
- Чтения ОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских.
- ПК — Писцовые книги Московского государства. Под ред. Н. В. Калачова. СПб., отделение I (1875), отделение II (1877).
- С. Герберштейн — Записки о московитских делах. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина. СПб., 1908.
- Флетчер — Флетчер. О государстве Русском. СПб., 1905.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
- ГИМ — Государственный исторический музей.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абреим, башкирский хан 518
Август, римский император 26
Августин Блаженный, церковный писатель 315
Агафьяца Михайлова, московская швея 92
Агичеев Алдеяр, «черемисин» 480
Агитшев Акбулат, чуваш, крестьянин деревни Петрицы Большие в Казанской земле 496
Адриан Тушин, вотчинник 102
Адрианова-Перетц В. П. 157, 477
Акакий, епископ тверской 191
Аксаков Леонтий, писец 303, 304
Аксаков Юрий, защитник Великих Лук 330
Александр, вел. кн. и король литовский 348, 349
Александр Лапушнян, воложский воевода 138
Александр Ошевенский, игумен 53, 54
Александра, княгиня-«старлица», вдова кн. Юрия Васильевича 210
Александров Андрей, помещик в Медынском уезде 375
Алексеев Иван (Вешняк), серпуховский торговый человек 143, 144
Алексей, митрополит 137, 144, 427
Алексей Михайлович Романов, царь 50, 82, 123, 390, 418, 486
Алексей Растегай, пастух Иосифова Волоколамского монастыря, 113
Алтын, перяславский суконник, 169
Амбал, остяцкий князь 456
Анастасия, царица, жена Ивана Грозного 95, 104
Андреев Михаил, псковский литейный мастер, 338
Андреев Тимофей, псковский литейный мастер 338
Андрей Васильевич Большой, брат Ивана III, кн. углецкий 213, 214
Андрей Дмитриевич Можайский, кн., сын Дмитрия Донского 122, 240, 241
Андрей Дмитриевич Мосальский, кн. 55
Андрей Иванович, московский удельный кн., сын Ивана Калиты 69, 138
Андрей (Ондрей), кн. 120
Андрриан Мовзенский, монах 221, 224
Андрриашев А. М. 6, 7, 292
Анна, кн. рязанская, сестра Ивана III, 17
Антоний, игумен Герасимова Болдина монастыря, позднее епископ Великой Перми, 367
Антоний, основатель Антониева монастыря в Новгороде 302
Антоний, игумен Соловецкого монастыря 270
Антыков Гаврила, помещик в Северной земле 411
Арабшах, татарский царевич 439
Ардашов Н. Н. 479
Арсений, церковный писатель 135
Арсений, старец Благовещенского монастыря в нижнем Новгороде 476
Арсеньевы, дворянский род 38
Арслан-Алей Кайбулин, касимовский царь 44, 124
Арциховский А. В. 279, 280, 303, 356
Арык, чувашин 472
Атычин, сотник «горной черемисы» 469
Атяков Чюряш, чувашин 479
Афанасий, митрополит 95
Афремов И. 382
Adelung F. (Аделунг Ф.) 339

- Бабинов Артюшка, крестьянин, открыватель дороги из Соликамска в Верхотурье 464
 Бабичевы, кн. род 408
 Багалай Д. И. 419, 420, 423, 425, 427
 Бакшеев Иван, серпуховский торговый человек 143
 Бакшеев Семен, серпуховский торговый человек 143
 Баранов, помещик в Коломенском уезде 120
 Барма, архитектор 98
 Барсуков А. 55, 84
 Басманов Алексей, боярин 55, 56
 Басманов Петр, боярин 55
 Басманов Федор, боярин 55
 Басмановы, бояре, служилые люди 204, 398
 Батый, монгольский хан 376
 Бахрушин С. В. 6, 8, 13, 52, 72, 73, 84, 86, 125, 128, 142, 169, 174, 193, 211, 212, 218, 242, 244, 248, 266, 305, 307, 316, 350, 365, 366.
 Бебяк, вогульский князь 456
 Беда Кассиодор, пресвитер, церковный писатель 315
 Бедिशев Янглыч, мордовский князь 438
 Безнин Мисаил, келарь Иосифова Волоколамского монастыря 200
 Безобразов Харитон Осипович, постельничий, последний третний наместник 69
 Безсон Антоний, крестьянин 239
 Белевские, кн. род 48
 Белозерские, кн. род 202
 Белов Треня, сын боярский 411
 Белокуров С. А. 446, 512, 518
 Белоцерковский Г. М. 380, 383, 384, 386, 387
 Бельский, кн. 177
 Бельский Богдан Яковлевич, кн., любимец Ивана Грозного 312, 366, 377, 423, 424
 Бельский Иван, кн. 36, 147
 Белый Василий Афанасьев сын, помещик в Торопецком уезде 353
 Белый Истома (Ыстома), сын Василия Белого 353
 Белый Олеша, сын Василия Белого 353
 Белый Ушатый, сын Василия Белого 353
 Бережков М. Н. 209
 Берх В. 457, 459, 462, 463
 Бессонов Иван Васильевич, дьяк 473, 474
 Бесстужев Замятня, помещик в Нижегородской земле 432
 Бибилов Тимофей Степанов сын, писец 361
 Биркин Родион Петров, помещик в Рязанской земле 396
 Биркины, помещики в Рязанской земле 396
 Битяговский Михаил, убийца царевича Дмитрия 215
 Бобринцев-Пушкин Василий Иванович, воевода в Великих Луках 330
 Богдан Александрович, воложский воевода 138
 Богословский М. М. 5, 6, 229, 234, 238, 258
 Богоявленский С. К. 72, 86
 Богусевич В. А. 338
 Богусевич В. Б. 300
 Болдинский Герасим, игумен, основатель Болдина монастыря 367, 368
 Болотников Иван, дьяк 476
 Болотников Иван, руководитель крестьянского восстания 67, 100, 379, 381, 382, 410, 414, 424
 Болтин Иван, писец 492
 Болязин Елизарий, волостной человек в Вятской земле 450
 Борецкая Марфа, новгородская помещица 286, 342
 Борецкие, боярский род в Новгороде 249
 Борис, дьякон церкви Пятницы в Торопце 362
 Борисов В. 178
 Борисов Хот (Хотка), крестьянин Рославльского уезда 356
 Борисовичи (Борисовы, Бороздины), тверичи 191
 Боровский Василий Ярославич, кн. 69
 Бородатов, помещик в Рязанской земле 395
 Бородатый Степан, писец 158, 159
 Борятинский Иван, помещик в Нижегородской земле 424
 Бочина, своеземец в Новгородской земле 289
 Бруно, епископ, церковный писатель 315
 Буганов В. И. 465
 Бугославский Г. 350, 351
 Булгаков, кн. 498
 Булгаков Н. А. 123
 Булич О. П. 148
 Булыгин Ивашко Семенов сын, крестьянин села Покровского Дмитровского уезда 41
 Бундов Яков Степанович, житель Москвы 84

- Бурцев Иван, помещик в Рязанской земле 396
- Бутурлин, писец 405
- Бычкова М. Е. 330
- Валуев Григорий Михайлович, московский житель 82
- Варлаам, игумен Никольского Корельского монастыря 231
- Варсонофий, старец, монах Никольского Корельского монастыря 231, 232
- Василец (Васплий), московский тысяцкий 102
- Василий Блаженный, московский юродивый 74, 78, 93
- Василий II Васильевич Темный, вел. кн. московский 15, 122, 123, 172, 208, 214, 462
- Василий Великий, церковный писатель 153
- Василий III Иванович, вел. кн. московский 18, 19, 35—37, 39, 45, 48, 50, 71, 73, 74, 78, 105, 106, 123, 168, 181, 200, 208, 237, 300, 318, 319, 321, 348—350, 356, 415, 506
- Василий Иранович, кн. рязанский 17
- Василий Михайлович, кн. верейский 122
- Васильев А. А. 335
- Васька, мельник, углицкий посадский человек 215
- Васька, торопецкий посадский человек 362
- Васьян, епископ коломенский 147
- Введенский А. А. 263, 264
- Вельяминов Иван Васильевич, сын последнего московского тысяцкого 69
- Вельяминов-Зернов В. В. 42, 44—46, 124
- Вельяминовы, боярский род 103, 381
- Веригины, помещики в Рязанской земле 395
- Верхдеревские, помещики в Рязанской земле 396
- Веселовский С. Б. 9, 11, 30, 57, 124, 161, 183, 209, 361, 412
- Виноградов И. П. 365
- Вискогатый Иван Михайлов, печатник 56
- Витовт, вел. кн. литовский 348, 349
- Вишневецкие, польский кн. род 47, 52, 419, 424
- Вишневецкий Адам, польский магнат 374, 390
- Владимир, дьякон церкви Пятницы в Новгороде, иконник 307
- Владимир Андреевич, кн. серпуховский 101
- Владислав, польский король 434
- Воейков Большой Иван Васильевич, воевода в Великих Луках 330
- Волконские, кн. род 381
- Волопкине, кн. род 122
- Волоцкий Борис Васильевич, кн., сын Василия Темного 122
- Волынский Василий, писец 367
- Воренок, сын Марфы Мнишек 513
- Воробьевы, боярский род 101
- Воропих И. Д. 439
- Воронин Н. Н. 29
- Воронцов Василий Михайлович, дмитровский купец 134
- Воронцов Михаил, дмитровский купец 134
- Воронцова Олена Ивановна, жена Василия Воронцова 134
- Воропаев, торговый человек московской Гостинной сотни 77
- Воротынские, кн. род 18, 48, 51, 371, 487, 488
- Воротынский Владимир Андреевич, кн. 186
- Воротынский Михаил Иванович, кн., воевода Большого полка 50
- Вохромеев Иван Семенович, писец 410
- Враский Афанасий, помещик в Торопецком уезде 353
- Вундерер Иоганн, немецкий путешественник 339
- Выродков Иван, дьяк, строитель 222, 331
- Гавренев Иоанн, служилый человек 214
- Гарренева Ксения, жена Иоанна Гарренева 214
- Гаврепевы, служилые люди углицкого кн. Андрея Васильевича Большого 214
- Гаврила Иванович, житель Смоленска 360
- Галыцкий С. С. 295
- Галицкий Юрий Дмитриевич, кн. 204
- Гамель 90
- Ганс — см. Иоганн, герцог шлезвиг-гольштинский
- Геннадий, епископ новгородский 306, 315
- Геннадий Костромской, основатель монастыря 238
- Георгий, сын боярыни Настасьи 54
- Георгий (Егорий) Иванович, кн. 134
- Герасим, инок 196

- Герасимов Дмитрий, новгородский книжник и переводчик 315
- Герасимов Дмитрий, русский посол 68
- Герберштейн Сигизмунд, барон 3, 48—50, 66, 68, 131, 142, 156, 157, 208, 209, 214, 216, 253, 255, 356—358, 364, 378, 394, 404, 410, 447, 465, 478
- Гиляров Ф. 208
- Глинская Елена, вел. кн., мать Ивана Грозного 78, 105, 290
- Глинский Михаил, кн. 357
- Глухой Александр, кн. 487
- Гневушев А. М. 283
- Годунов Борис Федорович, царь 41, 64, 70, 71, 85, 98, 99, 173, 210, 214, 219, 236, 245, 310, 357, 378, 388, 390, 399, 400, 409, 411, 418, 424, 425, 433, 507, 509, 519
- Годунов Григорий, боярин 218
- Годунов Дмитрий Иванович, боярин 94, 96, 236, 242, 246
- Годунов Михаил, вотчинник 186
- Годунов Никита Васильевич, боярин 353
- Годунов Петр Васильевич, боярин 354
- Годунов Степан Васильевич, боярин 218, 354
- Годуновы, боярский род 218, 220, 236, 353
- Головин Петр Иванович, боярин-вотчинник 118
- Головины, боярский род 117, 118
- Голохвастов Игнатий Борисович, боярин 178
- Голубинский Е. Е. 134
- Гольшев И. 166
- Горбатов Михаил Васильевич, кн. 56
- Горбатов Александр Борисович, кн. 469
- Горохов Т. А. 418
- Горюшкины, помещики в Рязанской земле 396
- Готье Ю. В. 5, 28, 29, 32, 67, 112, 159, 204
- Грей Ричард, английский торговый агент 250
- Грек Максим, церковный писатель 191
- Греков Б. Д. 57, 147, 282—284, 286, 287, 290
- Гречин Феофан, художник, иконописец 300
- Грибов Гаврила, купец 214
- Григорий, житель Великого Устюга 248
- Григорий Великий, церковный писатель 315
- Григорий Отрепьев — см. Дмитрий Самозванец
- Григорьев Жук, дворовый человек 354
- Григорьев Матфей, псковский литейный мастер 338
- Грязной Григорий, опричник, главный судья на Земском дворе 70
- Губастый Иван, помещик в Торопецком уезде 353
- Губастые, помещики в Торопецком уезде 353
- Губин Лука, бортник в Рязанской земле 394
- Губин Третьяк, посол Василия III в Стамбул 50
- Гурий, архиепископ казанский 484, 489, 495
- Гурий, старец, вологодский приказчик Никольского Корельского монастыря 232
- Густав Адольф, шведский король 334
- Даль В. И. 75, 93, 108, 142, 147, 185, 189, 211, 212, 308, 321, 344, 398, 429, 431, 492
- Даниил, митрополит 49, 58, 99, 123, 160, 169
- Даниил Александрович, вел. кн. московский 77, 100
- Данила (Донила), помещик в Рославльском уезде 355
- Данило «Вострые Саблы», помещик в Рязанской земле 395
- Данилов Гаврилка, человек Олены Ивановны Воронцовой 134
- Дебольский В. П. 7, 36
- Девленееля, жена татарского князя Ивана Кадышева 497
- Девлет Гирей (Довлет Кирей), крымский хан 382, 416
- Девлизер, татарский мурза 472
- Делиль 423
- Дементьев П. М. 313
- Дементьев Семен, дворовый дьяк 77
- Демехов Мишка, торопецкий посадский человек 362
- Денисов Богдан, помещик в Северной земле 411
- Денисов Василий, помещик в Северной земле 411
- Денисов Фома, торопецкий посадский человек 362
- Детков Михаил, псковский «большой гость» 345

- Дженкинсон Аптон, английский путешественник, купец и дипломат 67, 129, 130, 243, 493, 494, 499, 510, 511
- Дзялынский Лука, участник походов Стефана Батория на Россию 329
- Дионисий, архим. 125, 129
- Дмитриев А. 263, 457—459, 461—464
- Дмитриев Иван Васильев сын, помещик в Рязанской земле 396
- Дмитриев Леонтий, каргопольский торговый человек 268
- Дмитриев Юрий Васильев сын, помещик в Рязанской земле 396
- Дмитрий, дяк в Новгороде 313
- Дмитрий, «некий государь» в Путивле 49
- Дмитрий, сын кн. Андрея Васильевича Большого 214
- Дмитрий Иванович Донской, вел. кн. московский 21, 99, 101, 122, 153, 427
- Дмитрий Иванович, кн. углицкий, сын Ивана III 35—37, 39, 41, 208, 210, 213, 306
- Дмитрий Иванович, царевич, сын Ивана Грозного 38, 144, 198, 213—215, 390
- Дмитрий Самозванец (Григорий Отрепьев, Лжедмитрий) 53, 61, 66, 91, 96, 98, 217, 221, 375, 409, 412, 418
- Добролюбов И. 391, 396—398
- Долгово Андрей Федорович, владелец двора в Дмитрове 133
- Долгорукий Юрий Владимирович, вел. кн. 167
- Долгоруков Иван, опричник, судья Земского двора 70
- Дон Хуан Персидский 405, 442, 510
- Дорогобужский Иван Иванович, кн. 191
- Дорофей, епископ Тирский 144
- Досифей 244, 270, 302, 338
- Дробышев Богданко, торопецкий посадский человек 362
- Дуровы, помещики в Рославльском уезде 355
- Дьяконов М. 105, 106, 124, 131, 136, 166, 170, 173, 441
- Дыхолов Иванко, торопецкий посадский человек 362
- Евдокия, вдова кн. Семена Ивановича Микулинского 197
- Евмений, епископ Гортунский 239
- Евфимий, блаженный 315
- Еломской Герасим, вкладчик в Антониев Сийский монастырь 233
- Елагины, дворянский род 381
- Екимов Ефимко, торопецкий посадский человек 362
- Екимов Темко, торопецкий посадский человек 362
- Еникеев Кулунчук, мордовский князь 445
- Епифаний Премудрый, церковный писатель 257
- Ермак Тимофеевич, покоритель Сибири 461, 464, 466
- Ермолин Кисьяль, торопецкий посадский человек 362
- Ершов Степан, атаман 429
- Есипов Иван, помещик в Рязанской земле 396
- Есипов Трофимко, торопецкий человек 362
- Еськин Якушко, писец 361
- Ефименко А. Я. 234
- Ефрем Новоторжский, игумен 196
- Ефрем Сирин, церковный писатель 153
- Ждан Данилов сын Серпуховитин, торговец медом 286
- Жданко, слуга Вежицкого монастыря 307
- Животинин Нечай Леонтьев сын, житель Солигалича 223
- Жилин Иван Матвеев, житель Нижнего Новгорода 442
- Забелин И. Е. 71, 75, 77, 80—82, 85, 87, 89—92, 99, 193, 427, 490
- Заболоцкие-Всеволожские, боярский род 167
- Загряжский Алексей, писец 188
- Замысловский Е. 3, 4
- Замятнин Иванка, сын боярский 412
- Заруцкий Иван Мартинович, атаман 218, 462, 513
- Захарьин Иван, новгородский землевладелец 287
- Зачесломский Нелюб Тимофеевич, вотчинник 55, 120
- Зборовский Яп, участник походов Стефана Батория на Россию 329
- Зворыкин Иван Михайлович, вотчинник 161
- Зворыкины, вотчинники 161
- Зевендук, остяцкий князь 456
- Зимин А. А. 40, 53, 122
- Зиновий, крестьянин 240
- Зиновьев Андрей, дворянин 424
- Зиновьев Хера, вотчинник 397

- Злоба, помещик в Торопецком уезде 352
- Зубатая Агриппина 339
- Зубовы, помещики в Рославльском уезде 355
- Зырянов Левонтий Стачка Савельев сын, крестьянин 234
- Зырянов Филипп Левонтьев, крестьянин 234
- Ибн-Фадлан, арабский посол 21
- Иван, боярин 54
- Иван III Васильевич, вел. кн. Московский 16, 17, 35—37, 53, 54, 57, 71, 75, 76, 132, 181, 208, 210, 213, 217, 245, 249, 255, 275, 279, 282, 287, 293, 295, 447
- Иван Васильевич, кн. рязанский 17
- Иван IV Васильевич Грозный, царь 22, 24, 36—41, 43, 46, 50, 56, 58, 59, 61, 62, 70, 78, 93, 95, 97, 100, 102—104, 123, 141, 155, 158, 168, 167, 170, 176, 178, 183, 197, 209, 210, 217, 218, 220, 235, 238, 243, 245, 248, 267, 270, 273, 275, 279, 280, 281, 300, 302, 303, 310, 319, 365, 375, 388, 398, 405, 416, 423, 438, 455, 460, 467, 469—471, 489, 495, 506, 507, 515—517, 519
- Иван Данилович Калита, вел. кн. московский 39, 53, 69, 102, 240
- Иван Иванович, кн. рязанский 17
- Иван Иванович Молодой, кн. тверской, сын Ивана III 16, 181
- Иван Иванович, царевич, сын Ивана Грозного 41, 365, 469
- Иванов Богдан, слуга Иосифова Волоколамского монастыря 61
- Иванов Плакида, помещик в Арзамасском уезде 435, 436
- Иванов Роман, серпуховский торговый человек 143
- Иванов Семен, повокрещен из башкир 522
- Ивашкины, дворянский род 381
- Ивашко, дьяк Троице-Сергиева монастыря в селе Туракове 136
- Иероним, церковный писатель 315
- Иерофей 377
- Изборенин Первый (Первуша), казанский торговый человек 512
- Измайлов Василий Петрович, защитник Великих Лук 330
- Измайловы, помещики в Рязанской земле 396
- Илейка, сын Тимофея Кузьмина из села Дунилова 167
- Илиодор 196
- Ильин, помещик 120
- Ильинский П. В. 168
- Ильмураа Юсупов, сын ногайского князя Юсупа 44
- Илья Муромец, герой народных былин 331
- Иоанн блаженный, московский «чудотворец» 78
- Иоанн, русский, замученный казанцами 501
- Иоанн, сын кн. Андрея Васильевича Большого 214
- Иоанн, шведский король 279
- Иоанн Златоуст, церковный писатель 96, 97, 153
- Иоасаф, митрополит московский 58
- Иоганн (Ганс), принц шлезвиг-гольштинский 197, 294
- Иона, архиепископ 315
- Иона, епископ вологодский и великопермский 96, 261
- Иона, епископ рязанский 398
- Иосиф Волоцкий, церковный писатель, основатель Иосифова Волоколамского монастыря 40, 59, 61, 123
- Иртегов (Иертигов) Андрей Иевлев сын, крестьянин 234
- Иртегов (Иертигов) Сидор Иевлев сын, крестьянин 234
- Иртегов Тимофей, крестьянин 234
- Иртеговы, крестьянский род 235
- Исаков Кирилл Григорьевич, купец 220
- Исаков Онкудинко, торопецкий дворянин 362
- Исакова Марфа — см. Борецкая Марфа
- Истленцев Иван, стрелецкий голова в Великих Луках 330
- Кадыш, татарский князь 497
- Калышев Иванай, татарский князь 497
- Казимир, польский король 47, 328
- Казы-Гирей, крымский хан 99
- Кайсим, татарский царевич, основатель города Касимова 42
- Какаш, путешественник 513
- Калайдович К. Ф. 130
- Калачев Н. В. 11, 51, 55, 203
- Калита — см. Иван Данилович Калита
- Каловский Иван Третьяков сын, сын боярский 521
- Каловский Осончук Третьяков сын, сын боярский 521
- Каменевич Рвовский, монах Афанасьевского монастыря 208, 209
- Карагуз Яковлев сын, «горный черемисин» 479

- Карамзин Н. М. 27, 49, 61, 75
 Карпик, кожевник, новгородский ремесленник 307
 Катеринка, жена Нестера Чернышева, жительница Пскова 320
 Катырев-Ростовский 99
 Кашин Михаил Федорович, кн. 330
 Кашкаров В. М. 138
 Килдияров Курмаш, чуваш, крестьянин деревни Петрицы Большие в Казанской земле 496
 Киприан, митрополит 163, 441
 Киселев Иван Игнатьев, житель Тотьмы 247
 Киселев Истома, житель Тотьмы 247
 Киселева Мария, жена Истома Киселева 247
 Клестов Андрей, владелец соляной варницы в Соликамске 463
 Клешнин Андрей, приближенный царя Бориса Годунова 390
 Климент, папа римский 168
 Климент Смолятич, митрополит 315
 Ключевский В. О. 27, 108, 238
 Кобелев Федор, купец, владелец соляных варниц в Неноксе 231
 Коваль Митька Васильев сын, житель Вологды 235
 Ковров Иван Семенович, кн. 157
 Ковровы, кн. род 157
 Кожина Борис Иванов сын, помещик в Дмитровском уезде 41
 Козманов Игелик, башкир 522
 Козлов Иван, сын боярский 412
 Кокорев Федор Михайлов сын, помещик в Новгородской земле 289
 Кокоскин Юрий Иванов сын, служилый человек 339
 Кокузов Шугур, башкир 522
 Колонтаев Владимир, сын боярский из Болхова 376
 Колтовские, дворяне 118
 Колычев Иван, помещик в Медынском уезде 375
 Колычев Филипп, игумен Соловецкого монастыря, позднее митрополит 58, 269, 270
 Комелец Григорий Микитин сын, житель Великого Устюга 250
 Кондраш, оловячник, углецкий посадский человек 215
 Конецпольский, польский магнат 390, 419
 Константин Багрянородный, византийский император 427
 Контювская Анна, жена Ивана Грозного 41
 Конь Федор, архитектор 79. 512
 Копанев А. И. 240, 242
 Копнины, бояре-вотчинники 118
 Корандеевы, помещики в Рязанской земле 396
 Кородкой Санька, торопецкий дворянин 362
 Косой Федосий, церковный писатель 315
 Костоков Софонко, торопецкий посадский человек 362
 Костяев Ондрюша, крестьянин из Вятской земли 449
 Котенев, помещик в Коломенском уезде 120
 Котов, купец 514
 Котошихин Г. 486
 Кочин Г. Е. 11, 147
 Кошелев Михайло, помещик в Рязанской земле 396
 Кошкарев Яков, помещик в Горной стороне 473
 Красов, помещик в Углицком уезде 203
 Красовкин Васка Иванов сын, торопецкий посадский человек 362
 Красовкин Тушко Иванов сын, торопецкий посадский человек 362
 Крюковы, дворянский род 381
 Кубышкины, помещики в Рославльском уезде 355
 Кузеев Р. К. 519
 Куземка, брат своеземца Бочины 289
 Кузнецов И. И. 78, 93, 94
 Кузьмин Кондраша, толмач из Уфы 522
 Кузьмин Семен, серпуховский торговый человек 143
 Кузьмин Сидорко, бортник из деревни Ногавицыной в Арзамасском уезде 439
 Кузьмин Тимофей, непахотный крестьянин села Дунилово 166, 167
 Куломзины, служилые люди 204
 Кунцевич Г. З. 221, 222, 225
 Курбские, кн. род 202
 Курбский Андрей Михайлович, кн. 26, 95, 417, 478
 Кучкин В. А. 148, 405
 Кучковский Иоанн, «иноземец» 214
 Лаврентий, купец 214
 Ламинты, тверские торговые люди 195
 Лаппо И. И. 181, 172, 173
 Лаппо-Данилевский А. С. 27
 Ларионов Василий Иванович, московский боярин 74
 Левонтий Опаньин сын, дьяк 272
 Лелечин Василий Федорович, вотчинник 397
 Ленин В. И. 33, 34, 62, 65, 248, 477

- Леонид 109, 111
 Леонтьев Басарга, опричник 235, 256, 273
 Лешоков Федор, крестьянин Рославльского уезда 356
 Лжедмитрий II («Тушинский вор») 507
 Лилашов Неупокой Никифоров сын, сын боярский 521
 Лихачев Н. П. 74, 103, 159, 160, 206, 371, 394, 397
 Лопатин Огафон, помещик в Арзамасском уезде 437
 Лука, крестьянин 240
 Лукьян, купец из Любеча 413
 Луния, житель деревни Панино Переяславского уезда 159
 Луппов П. Н. 452, 506
 Лурье Я. С. 40
 Львов Иван Андреевич, кн. 235
 Лыков Федор Иванович, князь, воевода в Великих Луках 330
 Лыковы, кн. род 137
 Лытка, ключник боярыни Настасьи 54
 Любавский М. К. 4, 5, 7, 238, 348, 419
 Любомиров П. Г. 441, 442
 Лютавар, посол 364
 Люткин Захарий, крестьянин деревни Петрицы Большие в Казанской земле 496
 Ляпунов Прокопий, помещик в Рязанской земле 396
 Ляпунов Федор, помещик в Рязанской земле 396
 Ляпуновы, помещики в Рязанской земле 396

 Магмет-Аминь, казанский царь 140, 472, 477, 479
 Майков В. В. 303
 Макарий 240, 251, 445
 Макарий, архиепископ новгородский, позже митрополит 314, 315
 Макарий, игумен монастыря на Пинеге 239
 Макарий, митрополит 96, 97, 441
 Макарий Калазинский, игумен 132
 Максим, митрополит 57
 Максимка, брат своеземца Бочины 289
 Малахов Алексей, подьячий 410
 Маленин А. И. 49
 Малиновский 316
 Мальшев В. И. 334
 Мамай, татарский хан (XIV в.) 99
 Мамай, татарский князь (XVI в.) 489
 Мамин Иван, вологжанин 235

 Мамонов Леонтий, целовальник 236
 Мамстрюк Темрюкович, кабардинский князь 517
 Мансуровы, дворяне, жители Москвы 82
 Мария Борисовна, вел. кн. 16, 181
 Маркович Якуб, виленский питролигатор (переплетчик) 360
 Мартинов Нефедка, торопецкий посадский человек 362
 Марья, царица, вдова Бориса Годунова 66
 Марья Нагая, царица 215
 Марья Темрюковна, царица, жена Ивана Грозного 148, 516
 Мартышко, пастух Иосифова Волоколамского монастыря 113
 Марфа Посадница — см. Исакова Марфа
 Маскевич 91, 92, 368
 Маслов, помещик в Рославльском уезде 355
 Масловы, помещики в Рославльском уезде 355
 Масловы, помещики в Рязанской земле 396
 Масса, путешественник 377
 Матвей Михайлович, кн. великопермский 457
 Матфейко Губин сын, крестьянин деревни Коренево 41
 Мацевич Арсений, митрополит ростовский 172
 Машин Васька, сын боярский 412
 Медведко, житель деревни Панино Переяславского уезда 159
 Мезецкие (Мещовские), кн. род 18, 56, 117, 160, 371
 Мельников П. 438, 445
 Мельников С. 496
 Менилко, сапожный мастер из деревни Плосково 165
 Меншиков Семен Фофанов, помещик 327
 Мерзон Ц. А. 247
 Мерцалов А. Е. 243
 Мерчуков Федор, помещик в Мединском уезде 375
 Мещерские, кн. род 50, 51, 204
 Мещерский Федор, кн. 50, 303, 304
 Микифоров Митька, крестьянин села Петрицы Большие в Казанской земле 496
 Микулинские, кн. род 182, 197
 Микулинский, кн. 16, 289
 Микулинский Василий Андреевич, кн. 198
 Микулинский Дмитрий Иванович, кн. 182

- Микулинский Семен Иванович, кн. 172, 197
- Милевский О. Р. 329, 334
- Милоков П. Н. 48
- Минин-Сухорук Кузьма, нижегородский купеческий староста 431, 442
- Мисюр Мунехин, дьяк Псковской воеводской избы 319, 324
- Митяй, священник, претендент на митрополичий престол 153
- Михайл, отец Симона Нового 239
- Михайл Андреевич, кн. верейский 122
- Михайл Андреевич, кн. белозерский 241
- Михайл Борисович, кн. тверской 16
- Михайл Кайболович, царевич 178
- Михайл Пермский, кн. 457
- Михайл Темрюкович, кн. 148
- Михайл Федорович Романов, царь 26, 93, 175, 218, 319, 376, 418, 460
- Михайл Яков, служилый человек кн. Василия Ивановича Шемячича 49
- Михайло, портной из деревни Плосково 165
- Михайло Александрик, бортник из деревни Палца в Арзамасском уезде 439
- Михайло Кузьма, псковский мастер-колокольник 338
- Михайловский, Н. 33
- Михалко Косолап — см. Хлопко Косолап
- Мичурины, служилые люди 204
- Мишури Федор, дьяк 397
- Мнишек Марина, жена Лжедмитрия 217, 513
- Можайский Иван Андреевич, кн. 122
- Можайский Семен Иванович, кн. 18
- Моисеева Г. Н. 477
- Моклаков Безсон, помещик в Торопецком уезде 355
- Моклаков Иван, помещик в Торопецком уезде 353
- Мокшеев, помещик в Рязанской земле 395
- Моложские, кн. род 203
- Морозов Федор, боярин 297
- Мосальские, кн. род 48, 50, 53, 122, 371, 375
- Мосальский Василий, кн. 53, 375
- Мосейко, жидец во дворе Ивашки Яковлева, жителя Старой Русы 297
- Мохаммед, хан — см. Магмет-Аминь
- Мстиславец Петр Тимофеев, печатный мастер 86, 97
- Мстиславские, кн. род 51, 387, 388
- Мстиславский, кн. 205
- Мстиславский (Ижеславский) кн. 49
- Мстиславский Иван Федорович, кн. воевода Большого полка 50—52, 55, 377, 388, 389, 390, 424
- Мурдасовы, помещики в Рославльском уезде 355
- Муса, каринский князь 506
- Мухамедьяров Ш. Ф. 492
- Мышецкие, кн. род 371
- Мясищев, помещик в Рязанской земле 395
- Мяснов Андрей, помещик в Тульском уезде 387
- Мятлев Иван, опричник, судья Земского двора 70
- Назаров Е. И. 421
- Настасья, боярыня 54
- Нацекин, кн. 236
- Нашокин Петр, зависимый человек М. Я. Строганова 462
- Невежа Андроник Тимофеев, московский печатник 97, 98
- Невежин Иван Андроников сын, печатный мастер 98
- Неверов, помещик в Нижегородской земле 432
- Неволин К. А. 285, 286, 292, 293
- Неелов Иван, повгородский городской приказчик 313
- Неелов Роман, сын Ивана Неелова 313
- Неклюд, мельник из деревни Плосково 165
- Неклюдка Юрьев сын, целовальник из Тотмы 246
- Нелидовы, служилые люди 204
- Нестеров В. А. 467
- Нефедьев Маруша, печатный мастер 316
- Никита (Микита), помещик в Торопецком уезде 351
- Никитин Сергей, владелец соляной варницы в Соликамске 463
- Никифор, отец Александра Ошевского 53
- Николай св. 364
- Никольский Н. К. 242
- Нил Столбенский, монах 180
- Нифонт, епископ новгородский 315
- Новосельский А. А. 417
- Новосильские, кн. род 48
- Носов Павел Микитин сын, капинский городской воевода дмитровского князя Юрия Ивановича 41
- Оболенские, кн. род 53
- Оболенский Немов Дмитрий, кн. 134

- Оболенский-Репнин Василий, наместник во Пскове 319
 Оболенский Тимофей, кн. 288
 Оболенский Юрий Андреевич, кн. 83
 Образцов Г. Н. 240
 Овсянников Н. Н. 195
 Одоевские, кн. род 18, 48, 50, 371
 Оксентьев Василий, промышленник 263
 Окулич-Казарин Н. 334
 Омельянов Андрей, серпуховский торговый человек 143
 Онтипов Иван, житель Торопца 362
 Онтухов Филиппо, торопецкий посадский человек 362
 Орлеанский Гастон, французский герцог 35
 Орлов Карп, житель Солигалича 223
 Орлов П. 334
 Ортемьев Михайлко, бортник из деревни Палца в Арзамасском уезде 439
 Оскарев Тимофей Псковитянин, колокольный мастер — 338
 Осрутины, крестьянская семья 240
 Острожские, кн. род 47, 52
 Отенский Зиновий, инок Отенского монастыря, церковный писатель 315
 Ощерин Иван Иванов, бывший владелец села Иевле 136
- Павел Иовий Новокомский, епископ 68, 93
 Павлов Чурила, житель Торопца 362
 Павлов-Сильванский В. Б. 367
 Павлов-Сильванский Н. П. 62, 63, 234
 Паисий (Павел), основатель Покровского монастыря в Угличе 214
 Палецкие, кн. род 117, 204
 Палецкий, имя на надгробной плите 339
 Панин Никифор, купец 214
 Паршин Григорий, серпуховский торговый человек 143
 Патрикеевы, кн. род 72
 Патрикей, «лебедчик» дмитровского князя Юрия Ивановича 132
 Пафнотий, митрополит Крутицкий 214
 Пеньков, кн. 170
 Перемышльский Александр Иванович, кн. 374
 Пересветов И. С. 22
 Перетяткович Г. 6, 484, 505
 Черхушков Давыд, человек Троице-Сергиева монастыря в селе Рождественском Дмитровского уезда 119
- Петр, митрополит 168
 Петр I, царь 278, 294
 Петр Дмитриевич, кн. 131
 Петр Турк, новокрещенный князь в Югорской земле 161
 Петров Алексей, помещик в Рязанской земле 396
 Петров Михайло, помещик в Рязанской земле 396
 Петрок Малый Фрязин, архитектор 76
 Петрушка, самозванец 428
 Пямин, архиепископ новгородский 58
 Пимин, игумен Макарьева Калязинского монастыря 132
 Пимин, казначей Никольского Корельского монастыря 232
 Пимин, митрополит 393
 Пискарев А. И. 394, 395
 Питирим, епископ Пермский 260
 Платонов С. Ф. 4, 5, 13, 31, 150, 204, 215, 289, 368, 416
 Плешкин Тимофей, крестьянин из Вятской земли 449
 Побойнин И. 362
 Погодин А. 487
 Пожарские, кн. род 158
 Пожарский Дмитрий, кн. 110, 157, 472
 Покровский В. 181
 Покровский И. Т. 131
 Померанцев М. С. 171
 Полозовы, служилые люди 204
 Полосин И. И. 70
 Попов Андрей Афанасьев сын, житель Нижнего Новгорода 442
 Преображенский П. А. 514
 Преподобов Иван Семенович, псковский купец 335
 Преподобов Михаил Семенович, псковский купец 335
 Преподобов Семен Захарьев сын, псковский староста 342, 345
 Преподобовы, псковские купцы 335
 Пресняков А. Е. 15
 Приемков, кн. 288
 Прозоровские, кн. род 203, 209, 210
 Прокопий Устюжский, монах 248
 Пронштейн А. П. 281, 282, 301, 303—306, 312
 Пронька, дворовый человек помещика Маслова 355
 Псковитин Иван Матфеев сын, псковский колокольный мастер 338
 Путятичев Юрий, кн. 408
 Путятичевы, кн. род 408
 Пыжев, вотчинник 159

- Радонежский Никон, монах 469
 Радонежский Сергей — см. Сергей Радонежский
 Ригельман А. А. 427, 428
 Родионов Василий, бронный слуга 158
 Рождественский В. А. 144
 Рождественский Н. А. 125, 138
 Рождественский С. В. 52, 53, 158, 203, 375
 Ролвон, швед 339
 Рожков Н. А. 7, 8, 108, 109, 111, 159, 202, 233, 285
 Рожновы, помещики в Вяземском уезде 354
 Романов Александр (Олександр) Никитич, боярин 388
 Романов Василий Никитич, боярин 388
 Романов Иван Никитич, боярин 388, 522
 Романов Никита Иванович, боярин 390
 Романов П. Р. 478
 Романовы, боярский род 104, 117, 387, 388, 390
 Ростовец Григорий, иконописец 173
 Ростовский Андрей Иванович, кн., свияжский воевода 474, 475
 Ростовский Никита Дмитриевич, кн. 473
 Рубцов М. 188
 Рюрик, легендарный родоначальник русских князей 26
 Рюриковичи, кн. род 47, 371
 Рязя Михаил, владелец соляной варницы в Соликамске 463
 Ряполовские, кн. род 157
- Сабашниковы М. и С. 70, 465
 Сабуровы, помещики в Вяземском уезде 354
 Савва, плотник, углицкий посадский человек 215
 Саввантов П. 85, 287
 Савин Дмитрий, крестьянин села Еремеевское 206
 Савин Иван Клементьев, тверской гость 195
 Савин Федор, владелец бумажной мельницы 103
 Савич А. А. 270, 271
 Сагайдачный, атаман 391
 Садиков П. А. 231, 235, 256
 Салкин, посланец казанского хана 490
 Салтыков, воевода 471
 Салтыков-Щедрин М. Е. 330
- Самозванец — см. Дмитрий Самозванец
 Самоквасов Д. Я. 198, 199, 284, 286, 288, 289, 293
 Сапега Лев Александр, литовский канцлер 363
 Сафагирей, татарский царь 489
 Свибловы, боярский род 103
 Свирский Александр, игумен Свирского монастыря 237
 Седельников А. Д. 490
 Сеид-Бурхан, касимовский царевич 43
 Семевский М. 364
 Семейка, холщевник, углицкий посадский человек 215
 Семен (Симеон) Иванович, кн., сын Ивана III 35—37
 Семенов А. И. 308
 Семенов П. 10, 220, 249, 259, 264, 346, 464, 471
 Семенов Сазонко, торопецкий посадский человек 362
 Семенов-Тян-Шанский В. П. 10
 Сементовский Н. 331, 332
 Серапион П. архиепископ 316
 Сербина К. Н. 16, 94
 Сергеев В. И. 10
 Сергеев Савелий, «колачник», углицкий посадский человек 215
 Сергей Радонежский, игумен, основатель Троице-Сергиева монастыря 24, 134, 153, 469
 Серебрянский Н. 322, 324
 Серебряный Семен, кн. 48
 Серкиз, боярин, 104
 Сигизмунд, польский король 48, 328
 Сигизмунд Август, польский король 328
 Сидоров Белая, бортник в Рязанском крае 394
 Сильвестр, монах 78
 Симеон Бекбулатович (Саид Булат), касимовский царевич 44, 63, 117, 181, 183—185, 188—190, 195, 196, 366
 Симеон Касаевич, касимовский царь 114
 Симон, митрополит 457
 Симон Новый, основатель Волоцкого монастыря 238, 239
 Симсон П. Ф. 139—143, 144
 Сицкие, кн. род 203
 Скамай, имя на надгробной плите 339
 Скорюка, дворник из Торонца 362
 Скрибины, служилые люди 204
 Скуратов Малюта, приближенный Ивана Грозного 123, 270

- Слугин, писец 437
Смердовы, помещики в Рязанской земле 396
Смирнов И. И. 290, 409
Смирнов Н. А. 429, 515, 516
Смирнов П. П. 8, 9, 12, 44, 45, 66, 108, 150, 170, 173, 176—178, 193, 199, 218, 281, 303, 336, 358, 375, 376, 378, 380, 388, 390, 399, 413, 425, 445, 483
Смирнов С. И. 160
Смирнова Е. 137
Снегирев В. 86
Снегирев И. М. 81
Собакин Григорий Степанович, помещик 104
Соболевский А. И. 97, 490
Соколовы, дворянский род 381
Соколов Ияков, старец Иосифова Волоколамского монастыря 113
Соловьев С. М. 386
Соломенны, помещики в Вяземском уезде 355
Сортемов Левонко, торопецкий посадский человек 362
Соутмен Томас, английский путешественник 272
Спяговы, вотчинники 182
Срезневский И. И. 145
Старицкий Андрей Иванович, кн. 35, 37, 38, 42, 195, 197, 289, 290
Старицкий Василий Владимирович, кн. 39, 41, 132
Старицкий Владимир Андреевич, кн. 37—42, 116, 123, 132, 146, 195, 197
Стародубский (Шемячич) Василий Семенович, кн. 48, 49
Степанко, купец из Любеча 413
Степанов Иван, крестьянин села Еремеевское 205
Степанов Федко, крестьянин села Покровское 41
Степашко, пастух Иосифова Волоколамского монастыря 113
Стерляг Демешка, ростовский дворянин 173
Стефан Баторий, польский король 318, 324, 326, 329—335, 337, 338
Стефан Храп, первый пермский епископ 257
Сторожев В. Н. 392
Строганов Аника (Аникей) Федоров сын, купец 263, 460
Строганов Григорий, купец 461
Строганов Максим Яковлевич, купец 462, 466
Строганов Федор, купец 263
Строганова Софья, жена Аники Строганова 460
Строгановы, именитые люди, купцы 263, 264, 274, 459—462, 464—466
Строков А. А. 300
Струмилин С. Г. 295
Субботин Осорьин, московский житель 84
Субота, крестьянин Рославльского уезда 356
Судовщиковы, московские гости 89
Суздадец Митя, каменщик, углицкий посадский человек 215
Суздальские, кн. род 53
Сумкин Васко, торопецкий посадский человек 362
Сумкин Нестер, торопецкий посадский человек 362
Сумкин Антипко, торопецкий посадский человек 362
Сумкин Фетко, торопецкий посадский человек 362
Сунбуловы, помещики в Рязанской земле 396
Сурмин Иван Федорович, писец 188
Сухобоков Степан, стрелецкий сотник 148
Сухолтин Федор, купец из Закамья 456
Сухонины, служилые люди 204
Сухорук Кузьма Захарьев сын — см. Минин Кузьма
Сухотин Григорий, помещик 120
Сухотины, дворянский род 381
Сырковы, новгородские купцы 312
Сысарев Кирдиш, мордвин 428
Сюдес Алекин, мордвин 428
Тараканов Петр, новгородский купец 312
Тараканов Федор, новгородский купец 312
Таракановы, новгородские купцы 312
Тараско, жилец во дворе Ивашки Яковлева, жителя Старой Русы 297
Тарасьев Никита, московский печатный мастер 97
Татаринов Иван, сын боярский 476
Татищевы, боярский род 121
Татьянка Иванова дочь, московская швея 92
Тверской Михаил Ярославич, кн. 517
Тектандер, путешественник 513
Телепов, помещик в Коломенском уезде 120
Телятевский Федор Андреевич, кн. 197

- Темрюк Идарович, кабардинский князь 516
- Тешлый Третьяк, подьячий 90
- Тимофеев Невежа, московский печатный мастер 97
- Тимохно, зять Ивашки Яковлева, жителя Старой Русы 297
- Тимур (Тамерлан), хан 34
- Тит, сапожник, углицкий посадский человек 215
- Титов А. А. 172, 251, 405
- Тихомиров М. Н. 26, 38, 39, 73, 86, 97, 112, 122, 133, 283, 414, 465, 467, 471, 514, 515, 519
- Тихонов Ю. А. 247
- Тишков Офона Микитин сын, сын боярский 36
- Тищенко А. В. 274
- Токмаков Иван Юрьевич, кн. 104
- Толмачев Ефрем Малафеев сын, угличанин 216
- Толстов, помещик 120
- Толстово Воин Афанасьев сын, сын боярский 521
- Травчетов Н. П. 406
- Траханиотов Юрий, боярин 80
- Траханиотовы, боярский род 103, 104
- Тренка, сын Митьки Васильева сына Ковала 235
- Трифон Васильев сын, новгородский укладник и откупщик 312
- Трифон Вятский, основатель Успенского монастыря в Хлынове 451, 453, 454, 456, 457, 464, 466
- Тростенские, кн. род 354
- Трофимов Левка, «гулящий человек» из Цывильска 471
- Трубецкие, кн. род 48, 50, 51, 374
- Трубецкой, кн. 357
- Трубецкой Алексей Никитич, кн. 50
- Трубецкой Дмитрий Тимофеевич, кн. 462
- Труфанович Осип, вотчинник в Вятской земле 449
- Турок, купец из Любеча 413
- Тучин Арсений, конюший старец Иосифова Волоколамского монастыря 113
- Тучин Григорий, боярин 297
- Тучковы, вотчинники 164
- Тушинской Гаврила Ондреев, тверской торговый человек 194, 195
- Уанаш Улац, владелец двора в Удомельской волости 199
- Угримов Василий Стефанов сын, дьяк 272
- Ульфельд Яков, датский посланник 335
- Ульянин Алексей Давыдович, писец 361
- Ундольский В. М. 248
- Урвихвостов Юрий (Юшка), московский купец 78, 90
- Уразлин, черемисский князь 479
- Урюпин Василий, кузнец с Унского промысла 231
- Устинов Осип, земский целовальник из села Дунялова 166
- Устюгов Н. В. 266, 519
- Ушаков Михалко, торопецкий посадский человек 362
- Ушатый Иван, кн. 48
- Ушатый Петр Федорович, кн. 465
- Ушатый-Третьяк Иван Васильевич, кн. 203
- Фалин Н. В. 243
- Фальковский Н. И. 75, 84
- Федор Борисович, кн. волоцкий 35, 40, 122, 199
- Федор Борисович, царевич, сын Бориса Годунова 66
- Федор Васильевич, кн. рязанский 17
- Федор Иванович, царь 26, 41, 58, 74, 98, 135, 168, 169, 188, 213, 218, 236, 239, 310, 357, 378, 410, 411, 418, 423, 433, 442, 445, 460, 471, 483, 519, 520
- Федоров, новокрещен из башкир 521
- Федоров Иван, первопечатник 76, 86, 97
- Федоров Иван Петрович, московский боярин 236
- Федоров Корень, купец из Любеча 413
- Федоров Рудак (Ондруша), новокрещен из башкир 522
- Федорова Марья, вдова торопецкого посадского человека 362
- Федосеев Иван, крестьянин 233
- Феодосий, игумен Спасского монастыря в Рязани 394
- Феодосий, игумен углицкого Покровского монастыря 213
- Феодосий Тотемский (Сумарин), игумен 246, 247
- Фетко, колачник, торопецкий посадский человек 362
- Фехнер М. В. 502
- Филатов Иван, новгородский льяльник и откупщик 311
- Филиппов А. В. 338, 339
- Филя, дехтярник, углицкий посадский человек 215

- Флетчер Д. 27, 69, 79, 156, 191, 203, 214, 247, 320, 359, 365, 443
- Фома, крестьянин деревни Коренево 41
- Фоминь, помещики в Рязанской земле 396
- Фотий, митрополит 204, 441
- Фофанов Меншик Иванов, помещик 327
- Фредерик II, король датский 273, 275
- Фрязин Петр, архитектор 330
- Фуников Василий Семенович, кн. 139, 140
- Хвостовы, боярский род 100
- Хлопко Косолап, руководитель крестьянского восстания 412
- Хмелевский, ротмистр 86
- Хмельницкий Богдан, украинский гетман 47
- Хованский, воевода 283
- Хрущов Александр (Олександр), стрелецкий голова 410
- Цветков И. Ф. 138
- Чеглоков Злобин Алексей, помещик в Торопецком уезде 353
- Чеглоков Черный Василий Иванов сын, помещик в Торопецком уезде 353
- Челюсткин Федор Иванов сын, помещик 355
- Челяднин Иван Иванович, московский житель 76, 160
- Черешнин Л. В. 15, 33, 47, 279
- Черепов Федор Михайлович, помещик в Северной земле 411
- Черкасский Дмитрий Мамстрокович, кн. 476
- Черкасский Семен Ардасович, кн. 121
- Чернышев Нестер, житель Пскова 320
- Чечагов Гаврило, стрелецкий сотник из Уфы 521
- Чечулин Н. Д. 6, 126, 128, 142, 146—150, 211—213, 267, 293, 294, 296, 337, 339, 340, 342, 362, 363, 383—387, 403, 482, 483, 503, 504
- Чиркин Михайло, помещик в Рязанской земле 396
- Чичаговы, служилые люди 204
- Чохов Андрей, пушечный мастер 84
- Чубаров Юрий, сын боярский 412
- Чумиков А. 296
- Шахматов А. А. 192, 315
- Шеины, князья 103
- Шеламанова Н. Б. 429
- Шелом Иван Иосифов сын, служилый человек из Хлынова 453
- Шемака Дмитрий Юрьевич, кн. 15, 18, 49, 122, 408
- Шемачич Василий Иванович, кн., внук Дмитрия Шемаки 18, 48—50, 408, 422
- Шереметев Большой Иван Васильевич, боярин 52, 397
- Шереметев С. Д. 220
- Шереметев Семен Васильевич, боярин-вотчинник 117
- Шереметев Федор Васильевич, боярин 117
- Шереметев Федор Иванович, боярин 117
- Шереметевы, боярский род 117, 119, 388
- Шестаков Илья, дьяк 132
- Шехманов, помещик в Рязанской земле 395
- Шиг-Алей (Шах-Алия), казанский, позже касимовский царь 43, 46, 140, 469, 472
- Шиловские, дворянский род 397
- Ширяев Роман Михайлович, помещик в Путивльском уезде 410
- Шипонко В. 263
- Шляпин В. П. 248, 251
- Шолохов М. А. 428
- Шохов Ивашка, торопецкий посадский человек, 362
- Штаден Генрих, опричник 56, 70, 77, 267, 268, 271, 274
- Шубин Нечай, владелец соляной варницы в Соликамске 463
- Шудеб, владелец двора в Дмитрове 134
- Шудебов Демид, дмитровский купец 134
- Шудебов Иван, дмитровский купец 134
- Шуйские, кн. род 103, 117, 134, 158, 178, 236
- Шуйский Василий Иванович, царь 66, 70, 92, 144, 219, 236, 382, 464, 493, 507
- Шумаков С. А. 110, 116, 119, 131, 133, 136, 159, 161, 166, 168—170, 174, 175, 186, 188, 191, 194, 197, 203, 204, 206, 207, 210, 216, 219—221, 223, 236, 237, 244, 273, 274, 277, 400, 439, 445, 449, 478, 480, 483, 496, 498
- Шумилов В. Н. 361, 410, 520

- Щелкан Дудентевич, герой былины 191
- Щелканов Андрей, дьяк Посольского приказа 63
- Щелканов Василий, дьяк 56, 103
- Щепкина М. В. 269
- Щербатов Меркурий, писец 188
- Щетинин Гаврила Остафьевич, помещик в Северной земле 411
- Экземплярский А. В. 122
- Эмаусский А. В. 438
- Энгельс Ф. 282
- Юрий, сын боярыни Настасьи — см. Георгий
- Юрий Васильевич, кн. дмитровский 132, 134, 210
- Юрий Васильевич, кн. можайский 122
- Юрий Глебович, наместник в Смоленске 350
- Юрий Дмитриевич, кн. звенигородский 123
- Юрий Иванович, кн. дмитровский 35, 36, 38, 39, 41, 42, 115, 130, 132, 195, 196
- Юрий Иванович, кн. звенигородский 123
- Юрьев Григорий Романович, боярин-вотчинник 118
- Юрьев Иван Михайлович, боярин 54
- Юрьев Никита Романович, боярин-вотчинник 103, 104, 118
- Юрьев Протасий Васильевич, боярин 103
- Юрьевы-Романовы, боярский род 118
- Юхотские, кн. род 55
- Юхотский Федор Иванович, кн. 55
- Юшков А. И. 151, 196, 217, 353, 369, 376, 393, 396, 397, 403, 513
- Яблонские К. 360
- Язвцов Иван, помещик в Рязанской земле 396
- Яковлев, помещик в Рязанской земле 395
- Яковлев Васек, торопецкий посадский человек 362
- Яковлев Ермолка, торопецкий посадский человек 362
- Яковлев Ивашка, житель Старой Русы 297
- Яковлев Посник, архитектор 98, 499
- Яковлев Семен, боярин 118
- Яковлева Анница, московская швея 92
- Яковлевы, боярский род 117, 118
- Якубов К. 319
- Якушев Богиш, татарский князь 497
- Якушко, колпачник из села Медное 187
- Якбарс, посланец казанского хана 490
- Янглычев Богдан, мордовский мурза 438
- Янгурчей, чуваш 473
- Ярославские, кн. род 53
- Яцунский В. К. 13

**УКАЗАТЕЛЬ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ, ТОПОГРАФИЧЕСКИХ
И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ**

- Азия 255, 464
 Азов, город 14, 379, 420, 426—429, 515
азовские татары 427
 Азовское море 25, 416
 Аккерман (Белгород Днестровский), город 412
 Алатырь, город 468, 484
 Александрова слобода (совр. Александров) 14, 39, 111, 167, 168, 170
 — крепость 167
 — посад 167
 Алексин, город 14, 37
 Алтыновское, селище, вотчина суконника Алтына из Переяславля 169
англичане 90, 217, 227, 242, 243, 246, 250, 274, 443
 Англия 34, 220, 227, 242, 250, 310
 Андома, река 292
 Андреевская слобода, вотчина Костромского Богоявленского монастыря 207
 Андреевское, село в Вяземском уезде Смоленской земли 354
 — церковь (деревянная) 354
 Андреевское, село в Звенигородском уезде, вотчина Троице-Сергиева монастыря 117
 Андреевское, село в Тверской земле 186
 Андреевское, село на границе Ярославского и Угличского уездов 203
 Анисимов, погост в Окологородном стане Чердынского уезда 458
 Антониев Сийский монастырь 232, 233, 239, 240, 273
 — собор (каменный) 240
 Арзамас, город 431, 445
 — кремль 445
 — острог 445
 — посад 445
 — Спасский монастырь 445
 Арзамасский уезд 432, 434—438
 Армения 510
армяне 21, 90, 510
 Арская земля (сторона, «дорога») в Казанском ханстве 448, 469, 505, 506
 Арский городок (Арск, Ареск) 505
 Архангельск (Архангельский город), город 14, 72, 94, 130, 218, 229, 231, 250—252
 — крепость (деревянная) 251
 Архангельский монастырь 251, 260
 Астраханское ханство (царство) 26, 486, 508, 510, 515
 Астрахань, город 4, 14, 24, 57, 93, 194, 199, 209, 218, 416, 429, 440, 443, 446, 453, 485, 493, 494, 502, 508—510, 512, 513, 515, 517, 518
 — вал 510
 — кремль 510, 512
 — рыбный ряд 512
 — Троицкий монастырь 509, 512
 Афанасьевский («Колопей») монастырь (у устья Мологи) 208
 Афганистан 311
 Афон, «святая гора» в Греции 78
 Ахтуба, рукав Волги в нижнем течении 20

- Бабенка, река 42
 Балахна («Соль на Балахне»), город
     23, 168, 444
 — кремль 444
 — посад 444
 Балахнинский уезд Нижегородского
 края 432, 433
 Балтийское море 294
 Баренцево море 19, 230, 275
 Бармазовская волость Переяслав-
 ского уезда 158
 «Бахтин колодец», урочище на
 р. Оскол 423
 Башкирия 508, 518—520
башкиры 518, 519, 522
 Бебря («Бебря»), река 365, 367,
     368
 Бежбатман, деревня в Свияжском
 уезде 473
 Бежболд, урочище под Казанью
 502
 Бежецк (Городецк), город 180, 199
 Бежецкая пятина Новгородской зем-
 ли 198, 199, 276, 278
 Бежецкий Верх 37, 179, 186, 198, 199
 Бежецкий уезд 186, 198
 «Безуева гать», урочище в Рязан-
 ской земле 394
 Бейшихово, деревня в Свияжском
 уезде 473
 Белая, река 364
 Белая Волошка, река 520, 521
 Белгород, город 422, 423
 Белгородский монастырь 425
 Белгородский уезд 425
 Белов, город 18, 373, 376
 — посад 376
 — Спасский монастырь 373, 374,
     376
 Белевский уезд 373
 Беликово, сельцо в Тульском крае,
 вотчина князей Волконских 381
 Белое (Студеное) море 19, 58, 216,
     227, 229—231, 233, 239, 242, 249,
     251, 269—274, 274
 Белое озеро 131, 209, 232, 241, 242,
     266
 Белозерская округа 241
 Белозерские Углы, волость 241
 Белозерский край 227, 233, 236, 240,
     241
 Белозерский уезд 229, 237
 Белоозеро (Белозерск), город 130,
     194, 201, 206, 214, 229, 230, 240,
     241, 266, 268
 — гостиные дворы (два) 241
 Белоомут («Бел-Омут»), село в Ря-
 занской земле 393
- Белопесоцкий Троицкий монастырь
     14, 109, 154, 155
белорусы 47
 Бельский уезд Смоленской земли
     357
 Белый, город в Торопецком уезде
 Смоленской земли 364
 Березов, город 256, 465, 466
 Березовец, волость в Новгородской
 земле 286
 Березовский, ряд в Новгородской
 земле 291
 Берендеев стан 118, 121
 Берль, речка 473
 Берлюково, село в Ростовском уезде,
 вотчина Троице-Сергиева мона-
 стыря 165
 Берюха, речка 411
 Беседы, подмосковное село 93, 94
 Бирюченский порог на Онеге 267
 Бирево, поместье в Копевском стане
 Коломенского уезда 120
 Благовещенский монастырь (на реке
 Костроме) 224
 Богданова, деревня в Вяземском
 уезде 355
 Боголюбовский стан Суздальского
 уезда 161
 Богон, ямская станция между Алек-
 сандровой слободой и Переяслав-
 лем 39
 Богородицкое, село в Перехотцком
 стане 214
 Богородицкое, сельцо, вотчина Трои-
 це-Сергиева монастыря 136
 Богородское, село в Нижегородской
 земле 431
 Богоявленская слобода — см. Мстера
 Богоявленское, дворцовое село в
 Поморье 236
 Богоявленское, село на Ерге в Над-
 порожском стане, вотчина боя-
 рина Ивана Петровича Федорова
 236
 Болоново, озеро 394
 Болхов, город 376
 — посад 376
 — слободка сына боярского Влади-
 мира Колонтаева 376
 Большая Городенка, речка 117
 Большие Пинеги, волость в Печор-
 ском крае 254
 Большое Итяково, село в Чувашии
     475
 Большое озеро 344
 Большое (Новое) Хозяшьюво, дерев-
 ня в Свияжском уезде 473
 Большой Микулин стан Коломен-
 ского уезда 117—119, 258

- Борисов — см. Царев-Борисов
 Борисовское, дворцовое село во Владимирском уезде 162
 — царский двор 162
 — церкви (две) 162
 Борисоглеб, село — см. Холопий Городок
 Борисоглебская слобода 207
 Борисфен — см. Днепр
 Борково, село, вотчина Троице-Сергиева монастыря 136
 Боровая, деревня в Соликамском уезде 458
 Боровск, город 14, 107, 123, 124
 — зеленый амбар 124
 Боровские волости 106
 Боровский Пафнутьев монастырь 14
 Боровский уезд 119
 Бортинки, село на реке Осетре, вотчина Веневского Никольского монастыря 381
 «Боянов колодезь», урочище в Рязанской земле 394
 «Боярщины» (волости) в Важской земле (Афонасовская, Борецких, Васильевская, Володимирская, Грузовская, Едемские деревни, Ивановская, Исаковская, Крюковы деревни, Нижне-Едемская, Труфановская, Федоровская, 249)
 Брабант, провинция в Нидерландах 231, 273
 Бретань, историческая область во Франции 35
 Бросовский, город в Северной земле 414
 Брусенок (Брусенск), городок 245, 246
 Брусса, город в Малой Азии 309
 Брынские (Брянские) леса 368, 374
 Брянск, город 12, 18, 35, 365, 372, 374, 376, 377
 — крепость 377
 — Петровская гора 377
 — посад 377
 — слободка Свенского монастыря 377
 Брянский край 371, 372
 Брянский Свенский Успенский монастырь 372, 374, 377
 — собор (каменный) 377
 — церковь 377
 Брянский уезд 370, 372, 373, 377
 Бужарово, село, вотчина Иосифова Волоколамского монастыря 121
 Бужениново, село в Переяславском уезде 161
 — церковь Николы чудотворца 161
 Бузаново, пустошь в Переяславском уезде 160
 Буйгород, дворцовое село, позднее вотчина Иосифова Волоколамского монастыря 121
 — церкви (две) 121
 Буйгородок (Буй), город в Заволжье 226
 — крепость 226
 Бусурманская слобода, деревня в Свяжском уезде 474, 475
 Бухань, местность под Тверью 194
 Бухара, город в Средней Азии 513, 514
 Быстрая Сосна, река 421—423
 Вага, волость 99, 227, 245
 Вага, река 229, 232, 236, 249
 Важгорт, погост в Удорской волости 255
 — церкви (две) 255
 Важская земля 249
 Важский край 249
 Валаамский монастырь (на Ладозском озере) 231
 Валдай, город 14
 Валдайская возвышенность 276, 277
 Валитов остров (на Белом море) 272
 Валуйка, река 423
 Валуйки, город 422, 423
 Варгалеи, река 435
 Варгалеи, село в Арзамасском уезде 435
 — церковь Рождества Христова с колокольницей 435
 Вардехус, порвежский замок в Лапландии 275
 Варзуга, погост в Кольской земле 272, 273, 275
 — двор для царских гонцов 273
 — «дворишко на приезд» Никольского Корельского монастыря 272
 — церковь Успения 273
 Варзужская волость 272
 Варшава, город, столица Польши 358
 Васильсурск (Васильгород), город 430, 445, 484, 494
 — крепость (деревянная) 484
 Васильцев стан Московского уезда 102, 108
 Ватушино, сельцо в Вяземском уезде 354
 Вахрома, речка 207
 Везложская волость Нижегородского края 432
 Велиж, город 329, 331, 332
 — вал 332

- городище 331
- замок 332
- палисад 332
- посад 332
- ров 332
- частокол 332
- Велик-Кабан, село в Казанском царстве 491, 496, 497
- Великая, река 318—320, 324, 325, 333—336, 342
- Великая Ворона, река, приток Дона 427
- Великие Болгары (Великий Булгар), город 21
- Великие Луки, город 12, 278, 298, 329, 330
- крепость (деревянная) 329
- ров 329
- Великий Порог на реке Мсте 291
- Великое озеро (в Тверском крае) 181
- Великолудский уезд 328, 329
- великорусская народность — см. *русские*
- великорусское государство — см. Россия
- Велье, город 327
- Велье, озеро 327
- Вельск, посад 229, 249
- Вельский уезд Псковской земли 320
- Веля, река, приток Дубны 129, 130, 167
- Венденга, погост в Удорской волости 255
- церковь (деревянная) 255
- Венева, река 51
- Веневский посад (Венев) — см. Городецк
- Веневский уезд 52
- Вера, речка 410
- Верейский удел 122
- Верейский уезд 27, 119
- Верея, город 14, 37, 107, 122, 124
- Верхне-Тагильский городок 466
- Верхний стан Чердынского уезда 458
- Верховажский погост 229, 249
- гостиный двор 229, 249
- Верховые земли (княжества), земли (княжества) по верховьям реки Оки 17, 18
- Верхотурье, город 247, 463, 464, 466
- Веряжон Новая, деревня в Торопецком уезде 361
- церковь Николая чудотворца 361
- Весовка, речка, приток Ламы 124
- весь* 241
- Весь Егонская, село в Заволжье, вотчина Симонова монастыря 209, 210
- Ветлуга, река 433, 477
- Ветрилова, деревня Раменской волости 137
- Вилегоцкая Пермца, волость 263
- Вилель, река 263
- Вильгорт, погост в Верхнем стане Чердынского уезда 458
- мельница 458
- Вильна (Вильнюс), город, столица Литвы 358, 360
- Витебская губерния 331
- Витланова, слободка Троице-Сергиева монастыря 206
- Вишера, река 261, 262
- Вишера, погост 262
- Вишки, пустошь в Переяславском уезде 55
- Владимир, город 14, 23, 31, 46, 57, 94, 107, 156, 157, 161, 166—168, 171, 174, 175, 177, 405, 406, 447
- воеводская изба (в кремле) 174
- губная изба (в кремле) 174
- деревянная стена 174
- кремль 174, 175
- патриарший двор (в кремле) 174
- Подол 174
- посад 174
- Рождественский монастырь (в кремле) 161, 174, 175
- слободка Рождественского монастыря 174
- Старый город 174
- съезжая изба (в кремле) 174
- улицы
- — Бибирева 174
- — Богородицкий переулоч 174
- — Пробойная 174
- — Фроловская 174
- урочища
- — Всполье 174
- — «на колене» у реки 174
- — «под Глебовскою» 174
- церкви
- — Дмитрия Селунского (соборная) 174
- — Успения (соборная) 174, 175, 177
- Владими́ро-Суздальская земля 32
- Владими́ро-Суздальский край 174
- Владимирская земля 26, 137
- Владимирский край 109, 159
- Владимирский уезд 162, 163
- Вобловичи, стан в Слободском уезде 450, 454
- церковь Ильи пророка 450
- Вогуличи, земли вогулов 462
- вогулы (вогуличи)* 253, 456, 457, 462
- Водская (Вотская) пятина Новгородской земли 276, 278, 295

- Воже, озеро 242, 266
 Вознесенский Обнорский монастырь 204
 Воздвиженское, дворцовое село 135
 Волга, река 20—24, 44, 94, 107, 130, 131, 144, 157, 169, 179, 180, 182, 184—186, 188, 190, 192—194, 197, 201—204, 206, 207, 209, 216, 217, 219, 221, 224, 234, 241, 266, 270, 278, 364, 393, 427, 430—433, 435, 440, 444, 445, 461, 467—469, 477—480, 485, 486, 490, 491, 493, 494, 498, 505, 506, 508—510, 512, 514, 515, 518
 Воляжская Булгария — см. Камская Булгария
 Волковичи, сельцо в Тарусском уезде 138
 Воловичи, волость в Тверской земле 182
 Волмы, место на реке Кичменге 239
 Вологда, город 14, 19, 23, 72, 94, 130, 201, 217, 229—232, 237, 239, 241—247, 249, 251, 259, 270, 320, 367
 — дворы
 — — архиерейский 243
 — — воеводский 243
 — — Кириллова монастыря 243
 — — Соловецкого монастыря 243
 — «известная» (известковая) гора 243
 — кремль (каменный) 243
 — мельница 243
 — Никольская слободка вологодского Софийского дома 244
 — посады
 — — верхний 243
 — — нижний 243
 — рвы 243
 — Соборная гора 243
 — Софийский собор (каменный) 243
 — Спасо-Прилуцкий монастырь 244, 246
 — — собор (каменный) 244
 Вологда, река 242, 244
 Вологодская епископия 244
 Вологодский уезд 237
 Володимерец, городище в Псковской земле 327
 — верхний посад 327
 Волок в районе Белого озера 276
 Волоколамск (Волок Ламский), город 14, 94, 106, 107, 122—125, 139
 — вал 124, 125
 — кремль (деревянный) 124
 — посад 125
 — церкви
 — — Никола Гостунского 125
 — — Никола Мокрого 125
 — — «Пречистая на Возмище» в Возмицком монастыре (соборная) 125
 — — соборная (в кремле) 124
 Волоколамский (Волоцкий) Иосифов монастырь — см. Иосифов Волоколамский монастырь
 Волоцкий монастырь 238
 Волонга, река 253
 Волоса, речка 286
 Волосынино (Мугреево), село, вотчина кн. Пожарского 157, 158
 — церковь (деревянная, шатровая) 158
 Волоцкий удел 35, 122
 Волоцкий уезд 115, 116
 Волоцкое (Волоколамское) княжество 122
 Волочек, селение в Вяземском уезде 364, 366, 367
 — посад 367
 — торг 367
 Волхов, река 179, 276, 277, 299, 309
 Волчьи Воды, река 424
 Волинский ручей 194
 Воробьевы горы, водораздел между бассейнами Ловати и Западной Двины 361
 Воронеж, город 422, 423, 426
 Воронеж, река 422, 427, 428
 Вороноч, город в Псковской земле 319, 326, 327
 — «зеленая варница» 326
 — крепость 326
 — посад 326
 — торг 326
 Вороночский уезд 327
 Воротыгск-на-Оке, город 31, 50, 371, 375, 376
 Ворскла, река 411, 417
 Воря, волость 136
 Воскресенское, село в Двинской земле, вотчина боярина Ивана Петровича Федорова 236
 — тын 236
 — церкви (две) 236
 Восток, страны Востока 485, 502, 504
 Восточная Европа 20, 22, 25, 27, 68, 464, 485
 Вохна, черная волость в Московском крае 116
 Вохонка, река 116
 Врев, городище в Псковской земле 327
 Вревский уезд 328
 Всероссийская империя — см. Россия
 Восточная (совр. Сходня), река 102, 103

- Выбор, город 328
 — крепость 328
 Выг, река 271, 272
 Выдропуск, город 14
 Вымская земля 64, 260—262
 Вымская округа 260
 Вынь, река, приток Вычегды 257, 260—262
 Выползово, село в Рязанской земле, вотчина Богословского монастыря 394
 Выпрягово, село в Вологодском уезде 244, 245
 Вырский стан Белевского уезда 373
 Высокое (Высокий), село (погост), позднее город Егорьевск 14, 120, 137, 156
 Высокая волость Коломенского уезда 119, 137
 Высоцкое, село в Псковской земле, вотчина Меньшика Иванова Фофанова 327
 Вытегра, река 293
 Вычегда, река 229, 249, 257, 259—263
 Вычегодская земля 64, 463
 Вышгород, город 327
 Вышневолоцкий канал 278
 Вышний Волочек (Никольский погост на Вышнем Волочке), город 14, 194, 291—293
 — мельница 292
 — пристань на реке Лсне 291
 — церкви (две) 291
 — Ямская слобода 292
 — Ямчужный селитренный амбар 292
 Вяземский уезд 27, 347, 348, 350, 352—354, 366
 Вязники, город 177
 Вязьма, город 18, 94, 106, 346, 348, 358, 364—366
 — крепость 365
 — посад 365
 — собор Николая чудотворца 365
 Вязьма, река 354, 364
 Вяловские горы, возвышенность на Средней Волге 468
 Вятка, город — см. Хлынов
 Вятка, река 447—452, 454, 458, 506, 507
 Вятская земля 16, 17, 24, 430, 447—453, 456, 486, 488, 506
 Вятский край 449—451, 453, 454
 Вятский уезд 448
 Вятское, митрополичье село в Костромском уезде 204, 207
 — дворы
 — — митрополита 207
 — — поповский 207
 — слободка за речкой Вахромой 207
 — церкви (две) 207
 «Галицкая Украина» 222
 Галицкий уезд 222
 Галицкое озеро 222
 Галицкое озерко 114
 Галич, город 23, 201, 221—223
 — вал 222
 — «городище» («староторжье») 222
 — острог 222
 — посад 222, 223
 — ров 222
 — Рыбная слобода 223
 — собор Спаса Преображения (деревянный) 222
 — «Столбище» 222
 — торговая площадь 223
 Гам, погост в Яренской округе 260
 Гдов, город 14, 322, 323
 — крепость (каменная) 322
 — посад 322
 — стрелецкая слобода 322
 — торг 322
 Гдовский уезд 321—324
 Германия 35, 67, 310, 334, 371
 Гledenский Троицкий монастырь 249
 Глинково, село в Московском крае, вотчина Троице-Сергиева монастыря 136
 Глотова слободка (в верховьях реки Мезени) 254
 — церкви (две) 254
 Гнездиловск, город 35
 Гнездиново, село под Солиталичем, вотчина Троице-Сергиева монастыря 225
 Гнездово, село под Смоленском 357
 Гнилицы («в Стрелице»), деревня в Нижегородском крае 431
 Гоголичи, область в Зауралье 465
 Голландия 250, 273, 310
голландцы 274
 Голшина, деревня в Рославльском уезде Смоленской земли 355
 Горетов стан Московского уезда 36
 Горицкий девичий монастырь 14, 237
 Горицкое, село в Суздальском уезде 165
 Горицы, монастырское село в Опольском стане Юрьевского уезда 161
 Горная сторона, западный возвышенный берег Средней Волги 23, 24, 430, 467—473, 477—480, 484, 486, 490, 505

- Городенка, речка, приток Ламы 117, 124
- Городенск (Веневский посад), город 51, 52, 174, 380, 387, 388, 391, 403, 419, 424
- башня с воротами 51
  - двор кн. Мстиславского 52
  - конюшенный двор 52
  - посад 51
  - псарский двор 52
  - «сруб медвежий» 52
  - Стрелецкая слободка 51
  - торг 51
  - церкви
  - — Параскевы Пятницы 51
  - — Преображения 51
- Городец — см. Касимов
- Городецк — см. Бежецк
- городецкие татары* — см. *касимовские татары*
- Городище, село в Коломенском уезде 119
- церковь (каменная) 119
- Городище, торгово-ремесленное село в Тверском крае 184, 188, 189
- дворы
  - — поповский 189
  - — «темьянный» 189
  - Микулинская дорога 189
  - «монастырек особой» 188
  - сад Симеона Бекбулатовича 184
  - улицы
  - — Большая 189
  - — Дуплева 189
  - церкви
  - — Николы чудотворца (шатровая, в монастырьке) 189
  - — теплая (в монастырьке) 189
  - — приходская 189
- Городишна, село в Посухонье 246
- Городна, село в Большом Микулине стане Коломенского уезда 117
- церковь (каменная, шатровая) 117
- Городненское городище в Северной земле 408
- Городок, местность в Закамье 460
- Городок, село под Радонежем 131
- Гороховец, город 23, 177
- городище 177
  - крепость 177
  - острог 177
  - церковь (соборная) 177
  - частокол 177
- Гребенские горы на Кавказе 517
- греки* 90
- Грузия (Иверская земля) 518
- Гуслица, река 119
- Гуцино, деревня в Звенигородском уезде, вотчина кн. Пожарского, позже Троице-Сергиева монастыря 110
- Давыдовское, село в Сурожском стане 120
- Дания 273, 453
- Данциг (совр. Гданьск), город 243
- датчане, «датские немцы»* 274
- Двина — см. Северная Двина
- Двинская губа 231, 252
- Двинская земля 227, 229, 232, 233, 236, 240, 250, 253, 256, 265
- Двинский край 229
- Двинский уезд 235, 273
- Двинское устье — см. Двинская губа
- Дебала, село в Ростовском уезде, вотчина Троице-Сергиева монастыря 164, 165
- Девичьи горы (на Волге) 493
- Девлет Килдево, починок в Казанском уезде 494
- Дедилов, город 30, 391
- крепость 391
  - посад 391
  - царский двор 391
- Дедаков, город 517
- Дема, река 21
- Демково, село в Тверском крае 185
- Деревская пятнина Новгородской земли 276, 278, 291, 286, 297
- Дербент, город в Дагестане 512
- Десна, река 371, 377, 407
- «Дикое поле» (степь) 8, 20, 51, 120, 121, 380, 381, 385, 386, 388, 390, 392, 397, 403, 408, 415, 416, 418, 420, 421, 423, 424, 427, 437
- Дикое Раменье, деревня в Нижегородской земле 431
- Дмитрейцово, село в Заволжье, вотчина Троице-Сергиева монастыря 205
- Дмитров, город 6, 14, 35, 39—41, 72, 80, 94, 114, 130—134, 151, 214, 241, 266
- вал 132
  - дворы
  - — Троице-Сергиева монастыря (в кремле) 133
  - — Троице-Сергиева монастыри (на посаде) 133, 134
  - Конюшенная слобода 133, 134
  - Красильная улица 133
  - кремль 132
  - монастыри
  - — Борисоглебский 132
  - — Пятницкий 132
  - посад 133, 134

- слободка, принадлежавшая Медведевой пустыни 133
- — мельница «о дву колесах» 133
- — монастырский двор 133
- церкви
- — соборная (каменная) в Борисоглебском монастыре 132
- — соборная (каменная) 132
- Дмитровский край 116
- Дмитровский уезд 133
- Дмитровский уезд 28, 35, 39, 107, 109, 110, 118, 130
- Дмитровское княжество 129
- Днепр, река 179, 346, 356—358, 364, 366—368
- Добрый Сот, село в Рязанской земле 396
- «усада» Прокопия Ляпунова 396
- церковь Георгия (на «усаде» Ляпунова) 396
- Добрыницы, село в Комарицкой волости Северной земли 409
- Дон, река 25, 93, 379, 388, 391, 393, 420, 421, 426—429, 446, 515, 517
- Донец, река 25, 379, 415, 416, 418, 420, 422, 423
- Донецкие сторожи 407
- Донков, город 380, 391, 426
- Донская беседа, урочище на Дону 93
- Донская земля (земля Войска Донского) 420, 428, 429
- Дорогобуж, город 106, 128, 346, 358, 360, 364, 366
- Архангельский монастырь 366
- крепость («верхний замок») 366
- посад 366
- Дорогобужский Болдин Троицкий (Герасимов Болдин) монастырь 91, 128, 351, 360, 365, 367
- Дорогобужский уезд 27, 351, 366
- Досадное, село в Арзамасском уезде 437
- Древняя Русь 11
- Друсса, река 330
- Дубна, река 94, 107, 109, 129—131, 167
- Дубков, городище в Псковской земле 327
- огород 327
- сад 327
- Дубовичи, село в Рязанской земле 397
- Дубок, город 391, 421
- Дунай, река 427
- Дунилово, промысловое село 166
- Дуниловское, село в Суздальском уезде 165
- Дюдикова пустынь под Вологодой 244
- Дютково, село в Звенигородском уезде, вотчина Саввино-Сторожевского монастыря 117
- Дягилевский стан Можайского уезда 128
- Европа 20, 22, 34, 67, 79, 227, 255, 419, 464
- Европейская Россия 95, 346
- Егорьевск — см. Высокое
- Егорьевское, село Верейского уезда 119
- церковь (каменная) 119
- Екиматово, сельцо Коломенского уезда, вотчина Троице-Сергиева монастыря 121
- Екшейков, починок в Казанском уезде 494, 496
- Елец, город 421, 422, 426, 427
- Елизарово, село в Переяславском уезде 55
- церковь Никиты Мученика 55
- Елисеево, село в Брянском крае 372
- церковь (деревянная, шатровая) 372
- Емонец, речка 331
- Емец, селение 229, 230
- Епифаниев луг 338
- Епифанский уезд 52
- Епифань, городок 52, 388—391, 403, 419
- забор 389
- крепость (острог) 388, 389
- посад 389
- слободы
- — Булгаковская Брыскина 389
- — Голина Левинская Одреева 389
- — Козловская Ждановская Романова 389
- — конных стрельцов 389
- — Олтабаевская 389
- — ратных людей 389
- — Смирновская Чегодаева 389
- — Солюновская Коробина 389
- — Шевыревская Чюркина 389
- — черная 389
- тын 388, 389
- церкви
- — Георгия 389
- — Николы 389
- — Пятницы 389
- Ерга, река 236
- Еремеевское, село в Ярославском уезде 205
- Ермолина, деревня в Рославльском уезде Смоленской земли 355

- Есипово, село в Каширском уезде 115
- Железная, река 253
- Железоборовский монастырь 207
- Железный Борок, волость Железоборовского монастыря 207, 225
- Желивы, село в Большом Микулине стане Коломенского уезда, вотчина Яковлевых 118
- Жижехта, река 56, 160
- Жиздра, река 368, 374
- Жилецкая слобода под Свияжском 475
- Жошерт, погост в Яренской округе 260
- Заболотье, местность по верховьям Дубны и Вели 167
- Заволжская степь 514, 522
- Заволжские уезды 204
- Заволжье 32, 201—206, 208, 216, 225, 522
- Заволочье, крепость у Ржевского рубежа 199
- Заволочье, местность на реке Онеге близ Каргополя 54
- Закавказье 21, 502
- Закамье (Прикамский край) 264, 456—462
- Залесская земля 137
- Залесье, волость в Заволжье 225
- Замосковные города 4, 31, 32, 179
- Замосковский край 5, 6, 15, 28, 29, 32, 56, 156—161, 163, 165, 177, 204, 213
- Заонежье (Заонежские погосты) 229, 265—267, 272
- Заостровская волость в Двинском крае 228
- церковь Троицы 228
- Заопкая земля 12, 18, 47, 371
- Заопские города 12, 48, 53
- Заопкий край 50, 151, 368, 370, 371, 379, 407
- Заопко-Брянские города 375, 376
- Заопко-Брянский край 370, 372—375, 377, 380
- Запад, страны Запада — см. Западная Европа
- Западная Двина, река 179, 276, 330, 332, 346, 361, 364
- Западная Европа (Запад, страны Запада) 19, 40, 84, 182, 216, 227, 243, 251, 282, 359
- Западная Россия 75
- Западное полестье 7
- Запольский Ям, город 331
- Запрудное, селище в Новгородской земле 434
- Зарайск (город Николы Зарайского), город 14, 391, 402, 403
- кремль 402, 403
- Круглый монастырь 402
- Назарьевская слобода 403
- острог 402
- посад 402, 403
- торг 403
- церковь Николы 402
- Заузьольская волость Нижегородского края 432
- Заупский стан Тульского края 380, 381
- Захожая волость Тверского края 186
- Звенигород, город 14, 35, 107, 117, 123
- Городище 124
- посад 123
- собор (каменный) 123, 124
- Звенигородский уезд 35, 110, 117
- Зеленово, селище в Московском уезде 109
- Змиевы горы (на Волге) 493
- Золотая Орда 20, 21, 62, 72, 427
- Золотица, местечко на Белом море 231
- золотоордынские татары* 370
- Зубачево, село, вотчина Троице-Сергиева монастыря 136
- Зубцов, город 36
- Зубцовский уезд 188, 199
- Зуша, река 417
- зыряне* — см. *коми*
- Зырянова, деревня в Поморье 234
- Зыряново, деревня в Закамье 458
- «Зырянский городок» в Мангазее 465
- Зюрейская «дорога» (податная область) в Казанском уезде 498
- Ивангород, город 19, 293, 295, 296
- Девичья гора 295
- концы
- — Заболоцкий 296
- — Исковский 296
- крепость 296
- посад 296
- Слуд 295
- улицы
- — Вотская 296
- — Заболоцкая 296
- — Запольская 296
- — Крест 296
- Ивановское, дворцовое село Нильского стана Переяславского уезда 160
- двор царского приказчика 161
- церковь 160

- Игнатьево, село в Коневском стане Московского края, вотчина Головинных 118
- Игошка, река 162
- Иевле, село в Московском крае, вотчина Троице-Сергиева монастыря 136
- Ижво, озеро 114
- Ижевск, город 506
- Ижорская земля Новгородского государства 295
- Изборск, город 19, 323—325
- винная и пивная варница 324
- крепость 323
- посад 323, 324
- стрелецкая слобода 324
- Ик, река 21
- Илмехотский стан Замосковского края 161
- Ильинский ручей 194
- Ильмень, озеро 276—278, 297, 299
- Илья Святой на Воре, монастырь 136
- Индига, река 253
- Инобожеская волость Дмитровского уезда 130
- Иосифов Волоколамский (Волоцкий) монастырь 14, 58, 60, 61, 107, 112, 113, 115, 121—123, 128, 192, 199, 200, 239, 297, 313, 365
- слободка 123
- церковь (соборная, каменная) 123
- Ирехов остров (на Волге) 480
- Иржа, река 188
- Иртыш, река 465
- Искань, сельцо в Тарусском уезде 138
- Искор, погост в Верхнем стане Чердынского уезда 458
- часовня 459
- Испания («Шпанская земля») 67, 231, 251
- Истра (Истреца), река 28, 107, 121
- церковь Рождества Христова в погосте на Истре, принадлежавшем Татищевым 121
- Италия 67
- Кабарда, Кабардинская земля, область на Кавказе 516
- кабардинцы («черкасы»)* 149, 516
- Кабул, город, столица Афганистана 311
- Кавказ 21, 440, 446, 512, 516
- Кадничье, село в Нижегородском крае 434
- Казанка, речка 490, 498, 505, 506
- Казанская губерния 496
- Казанская земля 469, 470, 489, 494
- казанские татары* 21, 22, 222, 444, 477, 489, 493
- Казанский край 489—491, 494—496, 504
- Казанский уезд 473, 485, 486, 491—493, 495, 496, 498, 499, 505
- Казанское ханство (царство) 16, 21—23, 26, 30, 221, 222, 225, 245, 415, 430, 448, 450, 467—470, 477, 479, 484—486, 488—495, 497, 498, 504—506, 510, 515, 518
- Казань, город 6, 14, 21—24, 30, 43, 50, 55, 57, 72, 103, 175, 194, 197, 199, 209, 218, 220, 222, 303, 337, 382, 416, 430, 434, 440, 448, 453, 469—472, 474, 482, 484—491, 493—496, 498—506, 510, 512, 513, 515, 518, 521
- Булак, проток 499, 501
- ворота
- — Аталыковы 498
- — Муралеевы 498
- Гостиный двор 502
- Зилантова гора (под Казанью) 501
- кремль 337, 498—500
- монастыри
- — Зилантьев 495, 502
- — Преображенский 495
- Муралеева палата 500
- острог 498, 499, 501
- посад 500—503
- рвы 498
- слободы
- — Архиепископия 499, 501
- — Преображенского монастыря 499
- — Ямская 499, 501
- Собор Благовещения (каменный) 500
- старое русское кладбище 501
- Татарская слобода 487, 499, 501, 504
- торговые ряды
- — Железный 503
- — Костромской 503
- — Молочный 503
- — Псковский 503
- — Рыбный 503
- — Серебряный 503
- улицы
- — Вологодская 501
- — Воскресенская 500
- — Проломная 500
- — Псковская 501
- — Спасская 500
- царев луг 491
- царский дворец 498, 500
- часовня 500
- Казыкмулк Сафурский, город на Кавказе 518

- Кай (Кайгород, Кайгородок), город 464
- Кайса, город на Каспийском море 512
- Калуга, город 14, 32, 37, 39, 95, 137, 376—378, 415, 424, 493
- посад 378
- Калужская губерния 8
- Калужская епархия 138
- Калужский уезд 109
- Кальмиус, река 429
- Калязин, город 14
- Калязинский Макарьев монастырь 14, 58, 132, 134, 197
- собор (каменный) 134, 197
- Кама, река 20, 22, 263, 448, 454, 456, 457, 459, 461—463, 485, 486, 492—494, 497, 504, 509
- Каменка, река 176
- Вознесенский брод под Суздалем 176
- «Каменные горы» (на Волге) 480
- Каменный пояс — см. Урал
- Камская (Волижская) Булгария 21
- «Камский езд», дворцовые рыболовные угодья на Волге 493
- Кандалакша, волость в Кольской земле 273
- Кандалакша, село в Кольской земле 275
- Кандалашская губа 275
- церковь Рождества Иоанна Предтечи 275
- Караиш, село в Казанском царстве 494, 496
- Каракчей-Кабан, село в Казанском царстве 491
- Карачарово, село под Муромом 406
- Карачев, город 376
- крепость 376
- посад 376
- Караш, митрополичья волость в Замосковном крае 163
- Каргополь, город 14, 53, 240, 245, 250, 265—269
- гостинный двор 269
- посад 268
- собор (каменный) 267
- Каргопольская область 54
- Каргопольский уезд 233, 236
- Карина (Каринская волость), волость на реке Вятке 506
- каринские татары* 448
- Карины, село 448
- Касимов, город 14, 43, 44, 46, 404, 487, 494
- башня (против старого городища) 43
- крепость 43
- дворы
- — Пушкарский 43
- — Рассыльщиков 43
- — царевича Сеид-Бурхана 43
- — царя Арслана 44
- мечеть 42, 43
- минарет 42
- осыпь (вал) 43
- русский городок 43
- съезжая изба 43
- Татарская слобода 43, 44, 46
- тюрьме 42
- Ямская слобода 43
- касимовские татары* 42—46, 473
- Касимовский уезд 393
- Касимовское ханство (царство) 42, 44, 488
- Каспийское (Хвалынское) море 21, 107, 201, 440, 508
- Каспля, река 346
- Кафиркумык, город на Кавказе 518
- Кашгар, область в Центральной Азии 513
- Кашин, город 14, 35, 41, 195—197, 266
- двор Троице-Сергиева монастыря 197
- Клобуков монастырь 196
- крепость 196
- мельница Клобукова монастыря 196
- посад 197
- пруд 196
- церкви
- — соборная 196
- — Фрола и Лавра 196
- Кашинка, река 196
- Кашира, город 14, 44, 106, 109, 137, 138, 142, 153—155, 415
- кремль (деревянный) 153
- мельница на реке Каширке 155
- слободы
- — «большая слобода за рекой Каширкой» 154
- — Каширского Белопесоцкого монастыря 154
- — рассыльщиков 154
- — Рыболовская 154
- — Ямская 154
- торг 154
- церкви
- — Пречистенская (на посаде, соборная) 155
- — Успения (соборная, деревянная) 153
- Каширка, речка 154, 155
- Каширский Белопесоцкий монастырь — см. Белопесоцкий монастырь
- Каширский уезд 12, 51, 115, 120, 137, 458

- Кемь, посад 271
 — острог 271
 — собор 271
 Кемь, река 272
 Кемьская волость 270, 271
 Кереть, посад 272, 273, 275
 Кереть, река 270
 Керженец, река 433
 Киганова, деревня в Брянском уезде 372
 — мельницы (три) 372
 Кигор, селенне в Кольской земле 275
 Кижма, речка 259, 260
 Киев, город 9, 57, 315, 418, 425, 440
 Киевская Русь 5, 13, 62
 Кидлеево, деревня в Свяжском уезде 475
 Киликейский ручей 194
 Кимра (Кимры), город 131, 133, 266
 Кинга, речка 162
 Кинешма, город 131, 201
 Кинобаль, село в Юрьевском уезде, вотчина Троице-Сергиева монастыря 158, 162
 — церкви (две) 162
 Киржач, погост 136, 137
 — Благовещенский монастырь 136, 170
 — колокольня (деревянная) 136
 — мельница (двухколесная) 136
 — церкви
 — — Благовещения (каменная) 136
 — — Сергия (каменная) 136
 — часовня (деревянная) 136
 Киржач, река 136, 159
 Кириллов, город 242
 Кириллов Белозерский монастырь 14, 58, 59, 105, 122, 174, 216, 237, 240—243, 266
 — слободка (позднее город Кириллов) 242
 Киров, город 438; см. также Хлынов
 Киселево, сельцо в Окологородном стане Рязанского уезда 395
 Киструское (Киструсь), село в Рязанской земле 394
 Китай 513
 Кичменга, река 239
 Климова, деревня Волоцкого уезда 116
 — мельница 116
 Клиско-Дмитровская гряда 131
 Кличен, городок 199
 Клязьма, река 103—105, 107, 156, 157, 161, 166, 174
 Кобылкин монастырь 235
 Кобылье, городище в Псковской земле 323
 — крепость 323
 — наместничий двор 323
 Ковалево, монастырское село в Опольском стане Юрьевского уезда 161
 Ковда, посад в Кольской земле 273
 Ковров, город 107, 157
 — церкви
 — — Покрова 157
 — — Рождества Христова 157
 Козаныч, город на Кавказе 518
 Козельск, город 37, 376, 415
 — вал 376
 — ров 376
 Козьмодемьянск, город 471
 Козьмодемьянский уезд 479
 Кокина, деревня в Вяземском уезде Смоленской земли 355
 Кокшага, река 477
 Кола, город 19, 273—275
 — Гостинный двор 274
 — пристань 273
 Кола, река 275
 Колоденский стан Тульского края 381
 Коломенка, речка, приток Москвы-реки 118, 119, 145
 Коломенская епархия 145
 Коломенские волости 106
 Коломенский уезд 12, 28, 116—121, 137, 257, 258
 Коломна, город 14, 46, 93, 94, 107, 119, 137, 138, 144—152, 201, 378, 415, 494, 509
 — Брусная царская изба 146
 — владычные слободки
 — — «у Пятницы святыя на Ямках» 147
 — — «у Троицы на Репне» 147
 — ворота
 — — Водяные 145
 — — Косые 145
 — — Мельничные 145
 — — Михайловские 145
 — — Молаховские 145
 — — Пятницкие 145
 — дворы
 — — Государев 146
 — — Житничий 146
 — — Конюшенный 146
 — — князя Владимира Андреевича Старицкого 146
 — — князя Ивана Бельского 147
 — — коломенского епископа 146
 — «зелейня» 152
 — кремль (каменный) 145—148, 151
 — колокольня с большими боевыми часами 145.
 — монастыри
 — — Бобренев 119, 145, 149, 153

- -- Голутвин 119, 153
- -- Девичий (в кремле) 145, 148
- -- Спасский («на посаде за торгом») 148, 153
- -- Успенский «у Брусеные» (Брусенский) 146, 148, 153
- -- церковь Успения (шатр-
вая) 146, 153
- -- мост через реку Москву 151
- -- «онбар соляной кладовой» Стро-
гановых 151
- -- «Поле Девичье» 148
- -- посад 145, 147, 148, 150, 151
- -- слободы
- -- Затинщикова 148
- -- каменщиков 148
- -- кирпичников 148
- -- Михайловская 148
- -- пушкарские дворы 148
- -- Свищовская 148
- -- Степановская Сухобокова
(стрелецкая) 148
- -- «у Спаса за торгом» 148
- -- Ямская 148
- -- Соляной гостиный двор 151
- -- торг 148, 153
- -- торговые ряды
- -- Большой (Большой суконный)
151, 152
- -- Ветошный 151
- -- Горшечный 151
- -- Железный 151, 152
- -- Иконный 151
- -- Калачный 151
- -- Колпачный 151
- -- Льяной 151
- -- Малый Щепетинный 151
- -- Масляный 151
- -- Мясной 151, 152
- -- Овощной 151
- -- Овчинный 151
- -- Пушной 151
- -- Рогожный 151
- -- Рыбный 151, 152
- -- Саложный 151, 152
- -- Сермяжный 151
- -- Солодейный 151
- -- Соляной 151
- -- Сырейный 151
- -- Хлебный 151
- -- Хмелейной 151
- -- Чупрунный 151
- -- Шалашной 151
- -- Щепетинный 151
- -- Щепной 151
- -- церкви
- -- Воскресения (дворцовая в
кремле) 146
- -- Спаса 148
- -- Успенье «Донская» (собор-
ная) 145, 152
- Колоцкий монастырь 128
- Колпь, волость в Замосковном крае
161
- Кольская волость 274
- Кольская земля 272, 273
- Кольский полуостров 265, 272, 275
- Кольчуг, погост в Верхнем стане
Чердынского уезда 458
- Комарицкая волость в Северной
земле 409, 414
- коми (зыряне) 257, 263, 458
- Конда, село в Кольской земле 273,
275
- Конеvский стан Коломенского уезда
118, 120
- Конкор, городок в Прикамье 460
- Константиновское, село в Переяс-
лавском уезде 159
- Константинополь, город 22, 315, 429
- Копнино, село в Московском крае,
вотчина Троице-Сергиева мона-
стыря 136
- Коприно, село в Заволжье 203
- Копорье, город 19, 293—295
- замок 295
- посад 295
- Копотня, подмосковное село, вотчи-
на Николо-Угрешского монасты-
ря 93
- Корбачево, село в Звенигородском
уезде, вотчина Саввино-Сторо-
жевского монастыря 117
- Корзенево, волость в Московском
крае 136
- Корега, волость в Заволжье 226
- Корела (позднее Кексгольм), город
6, 296
- крепость 296
- мельницы (шесть) 296
- посад 296
- Сванский Волочек 296
- Корельское устье 230
- Коренево, деревня в уделе дмитров-
ского князя Юрия Ивановича 41
- Корнике, городок 421
- Корницкая засека 421
- Корницки, селение 421
- Коровичи, село под Вологодой, вот-
чина Спасо-Прилуцкого мона-
стыря 244
- Короткое (Коротково), село на пере-
путье между Каргополом и Бел-
лоозером 268
- Корчагина, деревня в Окологородном
стане Рязанской земли 395
- Кослонский погост на реке Мезени
254

- Кострома, город 14, 19, 23, 201, 202, 208, 210, 213, 217, 219—221, 224
 — вал 220
 — Кирпичная слободка 219, 220
 — кремль 220
 — монастыри
 — — Богоявленский 207, 220
 — — Ипатьевский 204, 219, 220
 — — — церковь Троицы 220
 — посад 219
 — слободки
 — — Богословского монастыря 219
 — — Ипатьевского монастыря 219
 — церкви
 — — Воскресения на Дебре 220
 — — соборная (каменная) 220
 — — «что в Киршишной и Каменщицкой слободке» 220
 Кострома, река 219, 220, 224
 — порог «Барон» 224
 Костромской уезд 55, 207
 Котельнич, город 451
 Которосль, река 217
 Кошарь, деревня в Казанском царстве, вотчина князя Богиша Якушева 497
 Крапивна, город 421
 Красивая Меча, река 417, 421
 Красное, село во Владимирском уезде 166
 Красносельский стан Вяземского уезда Смоленской земли 354
 Красный, город в Псковской земле 326
 — крепость 326
 — Стрелецкая слобода 326
 — торг 326
 Кременец, городок 49
 Кривой Наволок, погост в Удорской волости 255
 Кромы, город 411, 422—424
 Круглая гора (на реке Свяге) 23
 Крым, Крымское ханство 20, 22, 95, 407, 412, 424, 489, 515
крымские татары (крымцы) 20, 50, 51, 106, 146, 370, 373, 381, 382, 398, 402, 403, 408, 409, 416, 417, 422, 423, 515
 Кубаево, село в Юрьевском уезде, вотчина Троице-Сергиева монастыря 162
 Кубышкина, деревня в Рославльском уезде Смоленской земли 355
 Кувакино, село в Заволжье, вотчина Троице-Сергиева монастыря 205
 Куда, остяцкое княжество на реке Оби 465
 Кудрино, монастырское село в Муромском крае 406
 Кудьма, село в Нижегородском крае 434
 Кузнецова слободка на Мезени 254
 Куликово поле 101, 104
 Кулой, река 253
 Кунганово, торговое село в Тверском крае 188
 — дворы
 — — монастырский 188
 — — поповский 188
 — церковь 188
 Кура, озеро 166
 Курмыш, город 445, 446
 Курмыш, река 430, 467, 480
 Курмышский уезд Нижегородской земли 433—435, 476
 Курск, город 408, 421—423, 426
 Курская губерния 418
 Курский уезд 418
 Кучина Веретея, деревня на реке Свяге 474
 Кучка, речка 162
 Кучки, село в Юрьевском уезде, вотчина Троице-Сергиева монастыря 162
 — церковь (деревянная, шатровая) 162
 Ладога, город 293—296
 — дворы
 — — зеленый 293
 — — наместника 293
 Ладожское озеро 271, 277, 286, 296
 Лаишев, город 504, 505
 — крепость 505
 — посад 505
 — ров 505
 Лама, река 124.
 Лампожня, город 253, 254
 Лапландия (Лопская земля, Лопь) 273, 275
латыши 44, 45
 Лаче, озеро 242, 265—267
 Лебедянский уезд Тульского края 388
 Леванидцово, деревня в Угличском уезде 203
 Левобережная Украина 47
 Леднево, село в Юрьевском уезде, вотчина Троице-Сергиева монастыря 162
 Лелечино, село в Рязанской земле 397
 Лена, река 259
 Ленинград, город 330
 Лепо, озеро 271
 Ливны, город 422, 423
 Ливония 19, 32, 43, 44, 288, 296, 317, 324

- ливонцы 208, 344, 345
 Ликург, волость в Заволжье 226
 Лишицы, перевоз на реке Оке под
 Каширой 154
 Лисицынская, деревня в Каргополь-
 ском уезде 54
 Литая, речка 388
 Литовская Украина 4, 31, 288, 298,
 328
 Литовский рубеж 330
 Литовское великое княжество, Лит-
 ва 17, 18, 20, 47, 50, 97, 122, 199,
 310, 324, 328, 330, 348, 350, 353,
 359, 360, 363, 364, 370, 371, 375,
 408
 Литовско-Русское государство 349
литовцы 442
 Лифляндия, Лифляндская земля 32
 Лихвин, город 376
 Лобня, озеро 352
 Лобь, река 104, 189
 Ловать, река 276, 277, 309, 361
 Лозьвинский городок 466
 Локотна, село в Звенигородском
 уезде, вотчина Саввино-Сторо-
 жевского монастыря 117
 Лондон, город, столица Англии 27,
 79, 84, 453
лопарь 274, 275
 Лопь — см. Лапландия
 Лотошино, торговое село в Твер-
 ском крае 186, 189
 — рынок 189
 — церкви (две) 189
 Лопь, река 433
 Лсна, река 291, 292
 Лубно (Лубны), город, резиденция
 кн. Вишневецких 47, 52
 Луга, река 294
 Луговая сторона, восточный низ-
 менный берег Средней Волги
 430, 467, 469—471, 485, 486, 504—
 507
 Луза, река 263
 Луковниково, село в Московском
 крае, вотчина Иосифова Во-
 локоламского монастыря 113,
 114
 Луские Пермцы, волость 263
 Лух, город 177
 — дом кн. Бельского 177
 — «город» (земляной вал) 177
 — мельница 177
 — ров 177
 Лух, река 177
 Луцыно, село в Звенигородском
 уезде 117
 Лучинское, село на реке Истре 121
 — церковь Николы 121
 Лучкино, село в Замосковном крае,
 вотчина кн. Мезецких 56, 160
 — княжеский двор 56
 — мельница 56, 160
 — пруд 56, 160
 Львовский монастырь 394
 Лыбедь, река 174, 398
 Лысцово Цепово, село в Большом
 Микулине стане Коломенского
 уезда 118
 Лысьва, речка 460, 461
 Любино, село в Каширском уезде
 154
 Любеч, город 413
 Любим, город 208, 225, 226
 — крепость 226
 Любутск, город 37
 Любуты, село в Псковской земле 318
 Майна, река 21
 Макариев Жолтоводский монастырь
 445
 Макариев Калязинский мона-
 стырь — см. Калязинский Мака-
 рьев монастырь
 Малая Азия 309
 Малоярославец (Ярославец), горо-
 док 14, 49, 138
 Малоярославецкий уезд 119, 137
 Малые Пинеги, волость в Печорском
 крае 254
 Мангазея 465
марийцы, мари 20, 21, 24, 448, 467,
 468, 485, 486, 488, 489, 494, 505,
 507
 Махрицкий Стефанов монастырь
 109, 111
 Мачкова, деревня, вотчина Спасо-
 Евфимьевского монастыря в
 Суздале 166
 Мачково озеро 166
 Медведова (Медвежья) пустынь, мо-
 настырь (Рождества Богороди-
 цы) 14, 109, 129, 131
 — каменная церковь 131
 Медведица, река, приток Волги 179
 Медведкова, деревня на озере Сели-
 гер, вотчина Иосифова Волоко-
 ламского монастыря 199
 Медное (Медно), село посадского
 типа в Тверском крае 14, 187, 188
 — дворы
 — — монастырский 187
 — — поповский 187
 — церковь Николы 187
 Медуши, митрополичье село в За-
 московном крае 157, 161
 Медынский уезд Заозко-Брянского
 края 375

- Мезенская губа 253
 Мезенская волость 254
 Мезенская округа 253
 Мезень, город 254
 Мезень, река 250, 254, 255
 Мезеческ — см. Мещовск
 Меша, река 498
 Мещера, Мещерская сторона, местность на левом берегу нижнего течения Оки 50, 137, 157, 393, 438, 446
 Мещерский городок (Мещера), город 23, 42, 45
 Мещовск (Мезеческ), город 14, 18, 36, 371, 375, 376
 Мещовский уезд 373
 Мигина, речка 476
 Мигино, село в Курмышском уезде 476
 Микулин, город 195, 197, 198
 — вал («осьпь») 198
 — колокольница (брусная) 198
 — крепость 198
 — посад 198
 — Посадская улица 198
 — слободы
 — — кн. Василия Андреевича Микулинского 198
 — — Острокольская 198
 — церковь Михаила Архангела (соборная, каменная) 198
 Микулинский стан в Тверской земле 182
 Микульское, сельцо в Переяславском уезде 160
 Минск, город 358
 Михайлов, город 390, 403
 — городище 403
 Михайлов остров (на реке Сии) 239
 Михайловское, село в Ростовском уезде, вотчина Троице-Сергиева монастыря 165
 Михайловское, сельцо в Московском крае, вотчина Троице-Сергиева монастыря 136
 Мишутин стан Дмитровского уезда 130
 Можай, река 125
 Можайск, город 14, 95, 106, 107, 122, 123, 125—129, 303, 358
 — Гостинные дворы (два) 128
 — «государев сад» 126
 — деревянный мост «на взрубех» 125
 — кремль (деревянный) 125
 — Монастыри
 — — Благовещенский (девичий) 126
 — — Борисоглебский 126
 — — Иоакима и Анны 126
 — — — деревянная шатровая церковь 126
 — — — каменная церковь 126
 — — Лужецкий (Лужковский) Рождества Богородицы 126, 127
 — — — каменная церковь о пяти верхах 126
 — — — колокольница с боевыми часами 126
 — — Петровский (девичий) 126
 — — Петропавловский 126
 — — Сретенский 126
 — — Троицкий 126
 — ров 125
 — слободки монастырские
 — — Благовещенская 127
 — — Лужецкая 127
 — — — церковь Ивана Богослова 127
 — — Лужковская (другая) 127
 — — — церковь Ильи Пророка 127
 — — Сретенская 127
 — — Якиманская 127
 — Стрелецкая слободка 127
 — царский двор 126
 — церкви
 — — Николы Можайского (соборная, каменная) 125
 — — Николы Мокрого 129
 — Ямская слобода 128
 Можайский удел 122
 Можайский уезд 128
 Моклокова, деревня в Свяжском уезде 476
 Мокша, река 438, 446
 Мокшанск, город 446
 Молога, город 14
 Молога, река 39, 130, 131, 168, 201, 202, 203, 209, 211
 Монастырев городок в Северной земле 414
 Монза, река 224
 Моравка, село в Новгородской земле 284
 мордва 20, 21, 24, 430, 435—440, 445, 446, 467, 468, 470, 472, 473, 476, 494, 507
 Мордовская АССР 439
 Мордовская земля, Мордовские земли 430, 435, 438—440, 475
 Мorkваша, речка 479
 Мorkваши, деревня в Свяжском уезде 474
 Морозово, село в Московском крае, вотчина Троице-Сергиева монастыря 136
 Мосальск, город 14, 18, 53, 55, 371, 375, 376
 — посад 53, 375

- Мосальский уезд 52, 53, 375
 Москва, город, столица 15—18, 23,
 35, 38, 49, 61, 63, 66—82, 84—95,
 97—100, 102, 103, 105—109, 114,
 118—121, 123, 125, 127, 129, 138,
 139, 144, 150—152, 156, 164, 167,
 168, 172, 173, 178, 181, 192, 193,
 195, 201, 205, 214, 216, 218, 219,
 237—239, 241, 248, 266—268, 278,
 280, 282, 289, 294, 301, 302, 304,
 307, 311—316, 319, 338, 350, 358—
 361, 364, 365, 392, 393, 398, 402,
 408, 409, 412, 424, 429, 440, 441,
 443, 457, 463, 469, 490, 493, 494,
 499, 510, 512, 516
 — Балчуг 82
 — Белый («Царев») город 72, 73,
 79—82, 86, 512
 — Болото 82
 — «Большие» царские конюшни в
 Чертолье 79
 — Большой посад в Новом камен-
 ном (Цареве) городе 68, 79
 — Бульварное кольцо 79
 — Варварский крестец (перекресток
 улиц) в Китай-городе 90
 — Васильевский луг 76, 77
 — ворота
 — — Арбатские (Смоленские) 80
 — — Варварские (в Китай-городе)
 81
 — — Водяные (в Китай-городе) 88
 — — Всесвятские (в Китай-городе)
 76
 — — Кузьмодемьянские (в Китай-
 городе) 76, 77
 — — Мясницкие (совр. Кировские)
 81
 — — Никитские 80
 — — Никольские (в Кремле) 75, 76
 — — Пречистенские (совр. Кропот-
 кинские) 79, 80
 — — Сретенские (в Китай-городе)
 76
 — — Таганные (в Земляном горо-
 де) 82
 — — Тверские 73
 — — Троицкие (в Китай-городе) 76
 — — Фроловские (позднее Спасские,
 в Кремле) 91, 139
 — — Яузские (в Белом городе) 82
 — Воспитательный дом 76, 77
 — дворы
 — — Алевизовский (на Успенском
 овраге) 84
 — — Английский 77, 90
 — — Армянский 91
 — — Василия Ивановича Ларионова
 74
 — — Владимира Андреевича Серпу-
 ховского 101
 — — Воропаева, торгового человека
 77
 — — Гостинный 88—91
 — — Григория Михайловича Валуге-
 ва 82
 — — Денежный 77
 — — Земский (на месте совр. Исто-
 рического музея) 69, 70
 — — Ивана Ивановича Челяднина
 75, 76
 — — Кречетный 80
 — — Купецкий (Купецкая палата)
 88—90
 — — Литовский 91
 — — «Новый» Земский (на месте
 Манежа) 69, 70
 — — Панский 87
 — — Печатный 77, 98
 — — Пущечный 76, 81, 84
 — — Рыбный 90
 — — Семена Дементьева, дворового
 дьяка 77
 — — Старый Денежный 89, 90
 — — Субботина Осорьина 84
 — — Троицкое подворье 121
 — — Тютрюмов 78
 — — Устюженский (Устужный) 78
 — — Устужский Гостинный 90, 248
 — — Хиландарского (сербского) мо-
 настыря 78
 — — Юрия Андреевича Оболенского
 83
 — — Юрия (Юшки) Урвихвостова
 (Юшковский) 78, 90
 — — Якова Степановича Бундова
 83, 84
 — Деревянный город (первоначаль-
 ная Китайгородская стена) 75, 76
 — Деревянный город «кругом Мос-
 квы около всех посадов», «Ско-
 родум», «Скородом» (предшест-
 венник Земляного города) 68,
 69, 79
 — дороги
 — — Архангельская 94
 — — Болвановская 82
 — — Владимирская (Великая Вла-
 димирская, совр. Шоссе Энтузи-
 астов) 94, 440
 — — Волоколамская (Волоцкая) 80,
 94
 — — Дмитровская (Большая Дмит-
 ровская) 104
 — — Можайская 94
 — — Стромьнка (совр. улица) 94
 — — Тверская 80, 94
 — — Ярославская 107

- «живой мост» (соединявший Китай-город с Замоскворечьем) 93
- Замоскворечье 69, 72, 82, 93, 99, 100
- Занеглименье 68, 79, 81
- Зарядье 76, 77, 87, 88, 90, 96
- Заяузые 72, 96
- Земляной город 71, 79—82
- Ильинский крестец (перекресток улиц) 91
- Китай-город (Новый каменный город) 67—69, 74—78, 80—82, 87—93
- Китайгородский холм 90
- колокольня «Иван Великий» (в Кремле) 73
- конюшня великого князя (в Кремле) 74
- Красная площадь 67, 73, 74, 88, 139
- Красная Пресня 80
- Кремль (Старый каменный город) 68, 73—81, 85, 87, 88, 91, 95, 96, 98, 100, 191, 333, 440
- «Крутицы» 100
- Кучково поле 69
- Ленинские горы 101
- Лобное место на Красной площади 71, 74
- Лосиный остров под Москвой 102
- Мироваренная палата в Кремле 98
- Монастыри
  - Андроньев (Андроников) 96, 100
  - — соборная церковь (каменная) 100
  - Богоявленский (в Китай-городе) 77, 78, 119
  - Введенский (в Китай-городе) 77
  - Вознесенский (девичий, в Кремле) 74
  - Данилов 99, 119
  - Донской 99, 427
  - — церковь Донской Богоматери (каменная) 99
  - Никитский 80
  - Никола Старый (Большая глава), греческий 76, 78
  - Николы на Перерве 101
  - Ново-Девичий 96, 100, 441
  - Петровский 80
  - Рождественский 80
  - Саввинский (на Арбате) 84
  - Симонов 96, 100, 111, 209, 210, 225, 433, 493
  - Спасский 118
  - Чудов (в Кремле) 74, 95, 96, 104, 119, 137, 188, 493
- Остожье 80
- Острый конец 76, 77
- памятник первопечатнику Ивану Федорову 76
- переулки
  - Армянский 90
  - — Столешников 81
  - — Трехгорный 101
  - — Хвостов 100
- площадь «у колокольницы» в Кремле 74
- «Подол» Кремля 74
- посад 74, 81, 87
- пруды у стен Кремля 73
- реки
  - Москва-река 68, 69, 74—77, 79, 82, 87, 88, 93, 99—102, 333
  - Неглинная 68, 75, 76, 79, 81, 84, 333
  - Сетунь 101
  - — Сосенка 104
  - — Яуза 68, 69, 79, 82, 100, 103, 104
- рвы
  - — вокруг Белого города 79
  - — вокруг Китай-города 75, 76
  - — вокруг Кремля 73
- рынок — см. торг
- Садовое кольцо 79
- Свиблова стрельница (башня) 76
- села (вошедшие позднее в состав Москвы или находившиеся в ее ближайших окрестностях)
  - — Вантеево 103
  - — — бумажная мельница 103
  - — Воздвиженское 105
  - — царский дворец 105
  - — Воробьево 100, 101
  - — — царский дворец 100
  - — — церковь 100
  - — Всесвятское 81
  - — Голенищево (митрополичье) 74, 101
  - — Добрятинское 102
  - — — борть 102
  - — «Васильцев стол» 102
  - — Дорогомилово 100
  - — Дьяково 101
  - — — церковь Иоанна Предтечи 101
  - — Елохово 82
  - — Измайлово, вотчина Никиты Романовича Юрьева 103
  - — Кожухово, вотчина Крутицкого митрополита 101
  - — Козодавлево, вотчина Траханиотовых 103, 104

- — Коломенское 67, 101
- — — царский дворец 67
- — — церковь Вознесения 101
- — Красное — см. Красносельская слобода
- — Крылатское 102
- — Курово, вотчина Шейных 103
- — Кусково 68
- — — дворец 68
- — Медведково 103
- — Мячково 102
- — — каменоломни 102
- — Напрудное (Напрудское) 82, 100
- — — церковь Трифона (каменная) 100
- — Образцово, вотчина Спасо-Евфимьева монастыря в Суздале 105
- — Остров 101, 102
- — — церковь (каменная) 101
- — Пирогово, вотчина Кириллова Белозерского монастыря 104
- — Покровское-Рубцово 82
- — Пушкино (митрополичье) 105
- — — мельница на реке Уче 105
- — — перевоз 105
- — — церковь Николая 105
- — Ростокино, вотчина Троице-Сергиева монастыря 104
- — — мельница на реке Яузе 104
- — — перевоз 104
- — — церковь Вознесения 104
- — Рубцово, вотчина Протасия Васильевича Юрьева 103
- — Свиблово 103
- — Семчинское 79, 80
- — Степаново, вотчина кн. Шуйских 103
- — Сущево 82
- — Тайнинское (Танинское) 103
- — Тушино 102, 103
- — — монастырь Спаса на Восходе 102
- — — дворы
- — — «задний» (коровий) 103
- — — — монастырский 103
- — — мельницы (четыре) на реке Восходе 103
- — — церкви (две, каменные) 102
- — Федосьино, вотчина Вельяминовых 103
- — Хвостово, вотчина бояр Хвостовых 100
- — Хорошево 102
- — — церковь (каменная) 102
- — Чальиново (совр. Чашниково), вотчина Никиты Романовича Юрьева 104
- — — церковь Троицы с приделом Алексея божьего человека (каменная) 104
- — Черкизово (Серкизовское), вотчина Чудова монастыря 104, 114
- — Черная Грязь (совр. Царицыно) 102
- — Ясенево 102
- Сивцев Враг (Вражек) 82
- слободы
- — Барашская 87
- — Бронная 73
- — Гончарная 73
- — Данилова 82
- — Кадышевская (Кадашевская) 82, 85
- — Казенная 82
- — Кожевники 73
- — Конюшенная (в Остожье) 80
- — Котельническая 72
- — Красносельская (Красное село) 66, 67, 82, 100
- — Кудрина 82
- — Пушкарская 81
- — Сущева — см. село Сущево
- Сокол, поселок (совр.) 81
- сотни
- — Гостиная 71, 77, 92
- — Суконная 71
- — торг (рынок) 75, 76, 87—93
- — торговые ряды
- — Белильный 88
- — Вандышный 88
- — Ветошный 88, 92
- — Ветчинный 87
- — Дынный 88
- — Железный 88, 92
- — Жемчужный 88
- — Завязочный 87, 89
- — Замочный 87
- — Золяной 88
- — Игольный 88
- — Иконный 86—89
- — Калачный 87—89
- — Калачный («что в Зарядье») 88
- — Коробейный 92
- — Котельный 87, 88, 91, 92
- — Красный 88, 89
- — Луковый 88
- — Масленный 87, 88
- — Медвяных (два) 88
- — Молочный 88
- — Москотильных (два) 88, 89, 92
- — Мыльный 88, 89
- — Овощной 92
- — Оконичный 92
- — Орешный 88

- — Пирожный 88
- — Плетной 88
- — Подошвенный 88, 89
- — Пушной 88
- — Рыбный 87
- — Ряд белорыбицы 88
- — Ряд гороховников 88
- — Ряд грешневиков 88
- — Ряд капустников 88
- — Ряд квасников ячных 88
- — Ряд сдобных калачников 88
- — Ряд селедочников паровых 88
- — Ряд столовых калачников 88
- — Ряд становых квасников и калашников 88
- — Саадачный 87—89
- — Самопальный 88
- — Сапожный 87—89
- — Свежий 87
- — Свечной 88, 89, 92
- — Седельный 87—89
- — Семенной 88
- — Скобяных (два) 87, 88
- — Соляной 88
- — Судовой 88, 89
- — Суконный старый 88
- — Тележный 92
- — Харчевный 88
- — Хлебных (два) 88, 89
- — Чесноковый 88
- — Щепетильный 88
- — Яблочный 88
- Трехгорная мануфактура 101
- Три горы 101
- тюрьмы 77
- улицы
  - Арбат (Орбат) 79, 80, 84
  - Бронные (Большая и Малая) 80
  - Варварка (Варьская, Варварская, совр. ул. Разина) 76, 77, 87, 88, 90
  - Великая 77
  - Дмитровка (совр. ул. Пушкина) 80
  - Знаменка (совр. ул. Фрунзе) 80
  - Иконная 80
  - Ильинская 76, 87, 88
  - Красносельская (совр.) 100
  - Лубянка 81, 91
  - Мясницкая 81
  - Никитская (совр. ул. Герцена) 80
  - Никольская 76—78, 87, 88
  - Ордынка 72
  - Песчаные (совр.) 81
  - Поварская 80
  - Покровка 72
- — Пречистенка (совр. Кропоткинская) 80
- — Пушечная (совр.) 84
- — Солянка 77, 82
- — Сретенская 81
- — Тверская (совр. ул. Горького) 69, 80
- — Тверские-Ямские 73
- Успенский овраг 84
- урочища
  - «в Басманниках» 81
  - «в Бронниках» 80
  - «в Гончарах» 82
  - «в денежных мастерах» 82
  - «в Ендове (Яндове)» 82
  - «в Кадышеве, что на грязи» — см. Кадашевская слобода
  - «в Котельниках» 82
  - «в Кошелях» 82
  - «в Кузнецях» 82
  - Кулишки 81, 82
  - «в Лучниках» 81
  - «в Мясниках» 81, 86
  - «в Плотниках» 80, 86
  - «во Псарех» 80
  - «в Псковичех» 81
  - «в Пушкарях» (Пушкарская слобода) 81
  - «в Серебрянниках» 82
  - «в Старой Кузнецкой» 82
  - «в Старых палатах» 80
  - «в Старых садах» 82
  - «в Столешниках» 81
  - «в Таганной слободке» 82
  - «в Трубниках» 80
- царский дворец 73, 74
- Грановитая палата («Большая палата, что на площади») 73, 98
- — каменные терема 73
- — Оружейная палата 85
- церкви
  - Архангельский собор (в Кремле) 73, 192
  - Благовещенский собор (в Кремле) 192
  - Варвары 76
  - Василия Блаженного (Покровский собор) 67, 74, 88, 98, 499
  - Введения (на Варварке) 87
  - Вознесения (на Сивцевом Враге) 83
  - Гребенская (на Лубянке) 91
  - Зачатия св. Анны 76, 77, 90
  - Ильи (под Соснами) 100
  - Кузьмы и Демьяна 76, 77
  - Максима Исповедника (на Варварке) 77, 90
  - Николы Мокрого (в Зарядье) 96

- — Никиты Мученика (в Заяузые) 96, 100
- — Покрова на рву 98
- — Спаса на Бору (в Кремле) 192
- — Троицы 98
- — Троицы в Старых полях 76
- — Успенский собор (в Кремле) 96
- — Федора (на Арбате) 79
- — Фрола Великого 74
- — частокол вокруг Белого города 79
- — черные сотни, полусотни и $\frac{3}{4}$ сотни
- — Арбатская ($\frac{3}{4}$ сотни) 72
- — Дмитровская 72
- — Кожевницкая (полусотня) 72
- — Митрополья ($\frac{3}{4}$ сотни) 72
- — Мясницкая 72
- — Новгородская 72
- — Ордынская 72
- — Покровская 72
- — Прибылая (полусотня) 72
- — Ржевская 72
- — Ростовская 72
- — Сретенская 72
- — Устюжская (полусотня) 72
- — Чертольская ($\frac{3}{4}$ сотни) 72
- — Чертолье 72, 79, 82
- Москва-река 28, 93, 94, 107, 116, 117, 123, 127, 129, 144, 145, 149, 152, 364 (см. также — Москва, реки).
- — каменная плотина близ села Беседы 94
- московиты* — см. *русские*
- Московская губерния 125
- Московская земля 137, 241, 266
- Московская область 137
- Московская Русь 7
- Московский край 32, 106—113, 115—118, 120, 121, 123, 125, 129—132, 136, 137, 167, 180, 183
- Московский уезд 28, 35, 36, 57, 156
- Московское государство (Московия) 3, 4, 6, 7, 9, 11, 46, 28, 44, 45, 52, 53, 67, 103, 105, 124, 126, 134, 158, 176, 199, 230, 243, 254, 272, 275, 336, 375, 376, 378, 383, 388, 390, 393, 407, 410, 412, 413, 416, 417, 420, 432, 434, 445, 499, 509, 511, 513
- Московское великое княжество 17, 18, 26, 30, 144, 157, 183, 198, 201, 289, 290, 310, 353
- Московское царство 33, 34, 62, 64, 197, 304, 462, 487
- Мста, река 179, 190, 194, 277, 278, 291, 309
- Мстера (Богоявленская слободка), погост 166
- Мстиславль, город 86
- Мстиславский стан Каширского уезда 51
- Мулы, местность в Прикамье 456
- Муравский татарский шлях 417
- Мурманское море — см. Баренцево море
- Муром, город 14, 23, 156, 404—406, 468, 494
- — дворы
- — воеводский 405
- — Гостинный 405
- — «государев поледенный» 405
- — кремль 404, 405
- — посад 405, 406
- — Пушкарская слобода 406
- — торговые ряды
- — Калачный 405
- — Рыбный 405
- — Соляной 405
- — церкви
- — Николы Мокрого 405
- — Рождества Богородицы 404
- Муромский край 404
- Муромский уезд 404
- Муромцево, сельцо в Замосковном крае, вотчина Троице-Сергиева монастыря 136
- Мценск, город 30, 421
- Мышага, городок и область 49, 371
- Нагавицына, деревня в Нижегородском крае 439
- Надпорожский стан в Двинской земле 236
- Нара, река 139—141, 144
- Нарва, город 293, 295
- Нарова, река 19, 276, 293, 295
- Нахабна, река 188
- Нева, река 19, 276, 294
- Невельский уезд 328
- Невельское озеро 331
- Невль, город 331
- — замок 331
- Негинское, село в Брянском крае, вотчина кн. Трубецких 374
- Немецкая Украина 4, 31
- «Немецкий Волочек» 292
- немцы* 120, 142
- немцы*, собирательное название для иностранцев 230, 231, 251, 274, 310
- Ненокса («Ненокотское усолье»), селение на берегу Двинской губы 231
- — корабельное пристанище 231
- — «Смердьи места» (варница) 231

- пенцы («самоядь») 253, 254, 256
 Непрядва, река 427
 Нерехта, город 225
 — Егорьевская улица 225
 — посад 225
 — слободки (две) 225
 Нерль, река 162, 167, 169
 Неро, озеро — см. Ростовское озеро
 Неруса, река 374
 Нея, река 226
 Нижегородская губерния 438
 Нижегородский Благовещенский монастырь 431, 433, 434
 Нижегородский край 430—432, 434, 436, 444—446, 467
 Нижегородский уезд 431, 433
 Нижегородское княжество 444
 Нижнее Поволжье 24, 31, 406, 502, 509
 Нижние Метески, чувашская деревня 492
 Нижний Ландех, село в Замосковном крае, вотчина кн. Пожарских 158
 Нижний Новгород, город 4, 14, 20, 21, 23, 25, 94, 130, 177, 194, 208, 218, 378, 406, 430—435, 439—443, 445, 494, 505
 — вал («осыпь») 441
 — верхний острог 441
 — ворота
 — — Дмитровские 440
 — — Егорьевские 440
 — — Ивановские 440
 — — Никольские 440
 — деревянная стена вокруг посада 441
 — Зарядье 443
 — кремль 440, 441
 — монастыри
 — — Благовещенский Печерский «на Бичеве» 431, 433—435, 438—441, 443—445, 475, 476, 480, 509
 — — Никольский Дудин 434
 — мост (каменный) 440
 — нижний острог 441, 443
 — Никольская сторона 442
 — «Отводная башня» 440
 — «подол» 440
 — посад 441, 442
 — Почайна (Почайинский овраг) 442
 — ров 440
 — слободы
 — — Благовещенского Печерского монастыря 441
 — — Духова монастыря 441
 — — Кунавинская 441
 — — «немец и литвы» 442
 — — Немецкая 442
 — — Ямская 441
 — торговые ряды
 — — Большой 443
 — — Ветошный 443
 — — Горшечный 443
 — — Женский 443
 — — Житный 443
 — — Иконный 443
 — — Колпачный 443
 — — Корельский 443
 — — Коробейный 443
 — — Красильный 443
 — — Крупяной 443
 — — Лоточный 443
 — — Луковный 443
 — — Москотильный 443
 — — Мыльный 443
 — — Мясной 443
 — — Подошвенный 443
 — — Рыбный 443
 — — Сапожный 443
 — — Солодяной 443
 — — Соляной 443
 — — Хлебный 443
 — — Холщевный 443
 — урочища
 — — Елья 441
 — — Наговицыно 441
 — — Ягодное 441
 — церкви
 — — Georgia 441
 — — Дмитрия Селунского 441
 — — Преображения (соборная) 440
 — — Спасская (соборная) 443
 — — Фрола и Лавра 441
 Нижняя Вязень, деревня в Северной земле 411
 «Низовская земля», междуречье Оки и Волги 179, 234, 280, 281
 Нильский стан Переяславского уезда 161
 Никола на Угреше, Николаевский Угрешский монастырь 93, 119, 433
 Николаевский Корельский монастырь 230, 231, 235, 272
 Николаевский Прилуцкий монастырь 233
 Никольский Коряженский монастырь 264
 Никольский погост в Новгородской земле (на реке Андоме) 292
 Новая, деревня в Свияжском уезде 474
 Новая Руса, ряд в Шелонской пятине Новгородской земли 292
 Новгород, Новгород Великий, город 6, 14, 16, 17, 27, 30, 57, 72, 86, 92, 168, 179, 187, 190, 193—196,

- 198, 217, 243, 245, 247, 269, 270,
276—283, 285, 287—289, 292, 296—
316, 321, 325, 328, 336, 340, 342,
350, 360, 363, 406, 447, 463
- Белая башня 300
  - вал 300
  - вечерая гридница 299
  - государев двор 299
  - двор гостиный тверской 308, 312
  - Денежный двор 306
  - Дом святой Софии 281, 282, 286,
290, 299, 315
  - дьячья изба 313
  - кремль (каменный) 299, 301
  - монастыри
    - — Антониев 290, 299, 300, 302
    - — собор (каменный) 299
    - — Вежитский 307
    - — Деревяницкий 287
    - — Отенский 315
    - — Святодуховский 302
    - — Хутынский 290, 298, 300
    - — Юрьев 287, 290, 298, 300
    - — собор 300
  - мост (между Торговой и Софий-
ской сторонами) 299, 309
  - Мячино (урочище) 300
  - Немецкий двор 308
  - Неревский конец 302
  - подворье Соловецкого монастыря
302
  - посад 300, 301, 303
  - Прусское Заполье 301
  - Псковский гостиный двор 308, 312
  - Пятницкий двор 307
  - Софийская сторона 299, 300, 301,
305, 306, 312
  - торг 299, 307—309
  - Торговая сторона, 280, 299, 300,
301, 305—307, 309
  - Торговые ряды
    - — Белильный 307
    - — Бобровный 307, 308
    - — Великий (Большой, Корыст-
ный, Пробойный, Сурожский)
307, 308, 311
    - — Ветошный 307, 308
    - — Заволоцкий 307
    - — Иконный 307
    - — Кафтанный 307
    - — Кожевенных (два) 307
    - — Котельный 307
    - — Кошурный 307, 308
    - — Красильный 307
    - — Кривой 307
    - — Льянной 307
    - — Мыльный 307
    - — Овчинный 307
    - — Пирожный 307
  - — Прибылой 307, 308
  - — Пушной 307, 308
  - — Ременный 307
  - — Рыбный свежий 307
  - — Сапожных (четыре) 307
  - — Серебряный 307
  - — Сермяжный 307
  - — Скорнячный 307
  - — Средний 307
  - — Сумочный 307
  - — Сыромятный 307
  - — Терличный 307, 308
  - — Тимовный 307
  - — Хлебный 307
  - — Холщевный 307
  - — Чупрунный 307, 308
  - — Шпанный 307
  - — Шубный 307, 308
  - тюрьма 313
  - улицы
    - — Загородная 302
    - — Ильина 307
    - — Прусская 301
  - церкви
    - — Ивана Предтечи на Опоках
307, 310, 312
    - — Климента 299
    - — Николы на Дворище 301
    - — Пятницы (на Торговой сторо-
не) 307
    - — Софийский собор (в кремле)
299, 303, 305, 314
  - Ярославль двор 299
- Новгород Северский, город 18, 48, 50,
412, 413
- крепость 413
  - Новгородская епископия (митропо-
лия) 245
  - Новгородская земля 6, 7, 12, 26, 30—
32, 38, 57, 105, 183, 241, 276—278,
283—293, 296, 299, 308, 322, 328,
329
  - Новгородская область 293
  - Новгородский край 297
  - Новгородский уезд 273, 275
  - Новгородско-Псковская область 7
  - Новое, село в Московском крае, вот-
чина Медведевой пустыни 131
  - Новое, село в Юхотской волости
Углицкого уезда 55
  - торг 55
  - Новое, село на реке Саре, вотчина
боярина Ивана Челяднина, поздне-
нее Троице-Сергиева монастыря
160, 164, 165
  - пруды 160
  - церковь Михаила Архангела 160
  - Новое Раменье, село в Нижегород-
ском крае 431

- Новоселки, деревня в Рязанской земле, вотчина Богословского монастыря 395
- Новосиль, город 376, 421
- Новосильский уезд Брянского края 373
- Новоторжский уезд 188
- погайские татары* 274
- Норвегия 273—275
- норвежцы* 274
- Нормандия, историческая область во Франции 35
- Нугри, река 376
- Нудола, река 118
- Нурдулатово, татарская и чувашская деревня 477
- Обва, река 456
- Обдорск, город 466
- Оболенск, город 53
- Оболенский уезд 53, 119
- Обонежская пятина Новгородской земли 276, 278, 292
- Обь, река 465
- Одоев, город 18, 376, 415, 421
- «черная слобода» 376
- Озерецкое, село на пути из Москвы в Дмитров 114
- Озерецкое, село на Галицком озере, на пути из Дмитрова в Троице-Сергиев монастырь 114
- Озерище, город 332
- вал 332
- крепость 332
- ров 332
- Озерищенский уезд 328
- Озерна, река 114
- «Озерный край» — см. Новгородская земля
- Ока, река 14, 18, 20, 25, 37, 42, 45, 46, 106, 107, 109, 118, 120, 137, 138, 144, 151, 153—155, 157, 370, 371, 373, 377, 379, 382, 389, 390, 392—394, 397, 404, 415, 418, 422, 425, 431, 440, 441, 467, 493, 509, 524
- Окладникова слободка на реке Мезени (позднее составная часть города Мезень) 254
- Оковский (Волковский) лес, лес в истоках Волки 179
- Околотородный стан Рязанского уезда 395
- Оксинино, село в Маковском стане Коломенского уезда 117
- Оксиньинское, село в Звенигородском уезде 117
- Олабышево, сельцо в Московском крае 120
- Олешково, деревня в Вяземском уезде Смоленской земли 353
- Олонедская губерния 233
- «Олшняг», лес в Дорогобужском уезде Смоленской земли 367, 368
- Ольявидово, село в Дмитровском уезде 116, 118
- церковь (деревянная, шатровая) 118
- «Ольявидовщина», округа села Ольявидова 116
- Онега, река 54, 227, 229, 242, 265—267, 273
- Онежская губа 231, 271
- Онежское озеро 272, 276, 277, 283
- Онуфриевский монастырь 114
- Опольский стан Юрьевского уезда 159, 161
- Опочецкий уезд Псковской земли 318, 326
- Опочка, город 19, 319, 324, 325, 330
- Жидовская улица 325
- Жидовский конец 325
- крепость 325
- Кузьмолемьянская слободка 325
- посад 325
- торг 325
- Ордынская волость Путивльского уезда 410
- Орел, город в «диком поле» 377, 422, 425
- Орел (пермяцкое название Кергедав), городок в Закамье, резиденция Строгановых 461
- Орел, река 422
- Орешек (позднее Шлиссельбург), город 293—295
- крепость (каменная) 294
- Орлов, город в Вятской земле 451
- Орловская епархия 377
- Орловский уезд 425, 426
- Орнема, село в Заонежье 265
- Орудьево, село в Дмитровском уезде 110
- Осетр, река 381
- Оскол, город 422, 423
- Оскол, река 417, 423
- Осник, село в волости Караш Замосковного края 163
- Остапковичи, деревня в Рославльском уезде Смоленской земли 355
- Осташковская слобода 199, 313
- Остров, город 14, 319, 324—326, 339
- крепость (каменная) 324
- мельницы (две) 325
- посад 325
- Стрелецкая слобода 325
- торг 325

- Островский монастырь 298
 Островский уезд 325
 Острог, город 51
 остьяки 456, 458, 462, 463, 466
 Остяцкая, деревня в Закамье 458
 Отяево, деревня в Замосковном крае 56
 Офонасево, село в Московском крае, вотчина Троице-Сергиева монастыря 136
 Ошевенский монастырь Николы Чудотворца 54
 Павлов, город 14
 Павлов Обнорский монастырь 169
 Павлова, деревня в Юхотской волости Углицкого уезда 55
 Павловичи Верхние, деревня в Брянском крае 374
 Павлово, село в Нижегородском крае 444, 445
 — торг 445
 Павловские села, округа в Нижегородском крае 445
 Павловский острог 445
 Пажа, село в Оболенском уезде Московского края 119
 Палац, деревня в Нижегородском крае 439
 Панина (Панино), деревня в Бармазовской волости Переяславского уезда 158, 159
 Панино, село в Московском крае, вотчина Троице-Сергиева монастыря 136
 Панфилово, село под Муромом 406
 Параскевы Пятницы погост в волости Вохна Московского края 115
 Париж, город, столица Франции 84, 335, 341
 Парфеньев, посад 225, 226
 — вал 225
 — «воеводин двор» 226
 — посад 226
 Пафнугиев Боровский монастырь 107, 122, 123
 Пахра, река 102
 Педма, село в Каргопольском уезде 268
 Пеза, река 255
 Пельмь, город в Сибири 522
 Пенза, город 435
 Пензенская губерния 8, 438
 Переволока, местность на Волге, где она ближе всего находится к Дону 494, 515
 Передол, село в Угодском стане Московского края, вотчина Троице-Сергиева монастыря 119
 Перекоп, местность в Крыму 50
 Перемышль, город 376
 — вал 376
 Перемышльское княжество 374
 Перехотцкий стан Углицкого уезда 214
 Переяславль Залесский, город 14, 39, 94, 156, 157, 160, 167—170
 — башни
 — — Карашская 167
 — — Тайницкая 167
 — «волость Рыболовская на посаде» 169
 — двор Спасского Ярославского монастыря 170
 — крепость («город») 167, 168
 — монастыри
 — — Борисоглебский 168
 — — Данилов 168, 169
 — посад 169
 — слободы
 — — Большая Слобода (Троице-Сергиева монастыря) 169
 — — Борисоглебского монастыря 168
 — — Данилова монастыря 169
 — — Рагозинская Ямская 169
 — — Рыбная 169
 — — «Рыболовля царская» 169
 — — царских сокольников 169
 — «старый земляной вал» 167
 — церкви
 — — Климента папы римского 168
 — — Петра митрополита (каменная) 168
 — — Спаса (соборная, в крепости) 167
 Переяславль Русский, город 167
 Переяславль Рязанский — см. Рязань
 Переяславский уезд 28, 35, 129, 158—163, 167
 Переяславское княжество 129, 156
 Переяславское (Клещино) озеро 157, 167
 Переяславщина 107
 Пермская земля 229, 253, 256—258, 260, 261, 275, 457, 463—465
 Пермская епархия (епископия) 243, 257
 Пермский край 457
 Пермь (Великая Пермь), город 23, 263, 367, 457, 461, 463, 502
 Персия (Иран) 21, 440, 504, 509—511, 513, 514
персы (кизылбаши) 510
 Песношский монастырь (монастырь св. Николая на Песноше) 14, 130, 131
 — церкви (каменные, две) 131
 — колокольня 131

- Нестушино (Петровское), сельцо в Горетовом стане Московского уезда 36
- Петриды Большие, село в Казанском царстве 496, 498
— монастырский двор 498
— церковь 498
- Петровские озера (в Тверском крае) 180
- Петровское, село близ впадения Истры в Москву-реку 28
- Петровское, село в Московском крае, вотчина Троице-Сергиева монастыря 136
- Петрозаводск, город 272
- Петрокова, деревня в Тверском крае 186
- Печенга, река 275
- Печерники, городок в Тульском крае 388, 390
— вал («осыпь») 390
— ров 390
— стрелецкая «новая» слобода 390
- Печерский монастырь — см. Псково-Печерский монастырь
- Печора, река 227, 250, 253, 255, 256, 456, 465
- Печорский край 227, 253, 255
- Пильгорская волость в Печорском крае 254
- Пинега, городок 253, 256
- Пинега, река 229, 239, 250, 253—255
- Пирво Городище, село во Владимирском уезде, вотчина Троице-Сергиева монастыря 162
- Пирютинское («Тегнинское тож»), село в Тульском крае, вотчина кн. Волконских 381
- Плесовская волость на Вычегде 259, 261
- Плесская волость на Волге 221
- Плосково, деревня Суздальского уезда, вотчина Покровского монастыря в Суздале 165, 166
- Плотинское, село в Курмышском уезде Новгородского края 435
- Плюс, город в Швеции 19
- Побережная сторона, область Казанского ханства 470
- Повенец, городок на Онежском озере 272, 292
- Поволжье 5, 6, 21, 22, 24, 107, 115, 393, 415, 431, 440, 484, 488, 504, 505, 507, 508, 513, 518, 523
- Погорелое городище, городок 200
- Погорельский стан Белевского уезда Заозско-Брянского края 373
- Подвязье, село в Нижегородском крае 431
- Подмосковный край 108
- Подмосковье 99, 102, 104—107
- Поднепровье 7
- Поемчье, село в Заволжье, вотчина Троице-Сергиева монастыря 205
- Покровский (Конявинский) монастырь близ Чухломы 225
- Покровский погост в Новгородской земле (на реке Вытегре) 292, 293
— Гостин берег 293
— «Немецкий Волочек» 292
- Покровское, село в Звенигородском уезде, вотчина Саввино-Сторожевского монастыря 117
- Покровское, село в уделе дмитровского князя Юрия Ивановича 41
- Покровское, сельцо в Двинской земле, вотчина кн. Нашекина 236
— «княж двор» 236
— попов двор 236
— церковь 236
- Покча, погост в Окологородном стане Чердынского уезда 458
— мельница 458
- Пола, река 297
- Полоцк, город 20, 328, 500
- Полоцкий повет 328
- Польские (степные) города 31, 379, 416, 422
- Польша 20, 59, 359, 379, 390, 407
поляки 357—359, 368
- Помоложье, бассейн реки Мологи 202, 203
- Поморские города 31, 227
- Поморье, Поморский край 5, 6, 131, 227, 229, 232—235, 240, 248, 252, 256, 265, 276, 277
- Понизовые города 4, 31, 32, 486, 513
- Поной, река 275
— погост с церковью Петра и Павла 275
- Порхов, город 298, 318
— крепость (каменная) 298
- Посухонье, область по реке Сухоне 245
- Похрянский стан Коломенского уезда 118
- Почап, село в Московском уезде 109
- Почеп («Завалье тож»), село в Холохолском стане Ярославского уезда 119
- Пошехонье, город 206
- Пречистое, село на реке Онеге 266
- Прибалтика 32
- Прикамье 7, 258
- Прилуки, село Углицкого уезда, вотчина Троице-Сергиева монастыря 202, 204, 206, 207

- монастырский двор 206
- церкви (две) 206
- Приуралье 8, 465, 485
- Причерноморье 311
- Прозорово, село в Заволжье, вотчина кн. Прозоровских 209
- Пронск, город 396, 401, 402
- крепость 401, 402
- надолбы 401
- ров 401
- острог 401
- слободы
  - — Затинщикова 401, 402
  - — Казачья 402
  - — Казенных плотников 402
  - — Стрелецкие (две) 402
  - — Ямская 402
- торг 402
- церкви
  - — Бориса и Глеба (каменная) 401, 402
  - — Покрова (деревянная) 401, 402
  - — Стефана Сурожского 402
- Пронск, село в Рязанской земле на речке Сошне 396
- Пронский уезд 394, 401
- Проня, река 393, 396, 403
- Протва, река 119
- Прус, село в Похрянском стане Коломенского уезда 118, 119
- церковь (каменная) 118
- Псков, город 6, 12, 14, 15, 30, 61, 72, 81, 86, 212, 280, 292, 318—321, 326—328, 333—340, 342—345, 350, 360, 440
- башни
  - — Большая Покровская 333, 334
  - — Варлаамская наугольная 334
  - — Гремячая 334
  - — Кузьмодемьянская 334
  - — Свиногорская 333
- дворы (гостинные)
  - — Большой 343
  - — «для московских людей» 343
  - — Льняной 343
  - — Соляной 343
  - — Тверской 343
- Денежный двор 343, 345
- Довмонтов город (Довмонтова стена) 333
- Завеличье 334, 335, 338
- Запсковье 333—335, 337, 338
- Застенья 333
- Кром 333, 334
- мельницы на реке Пскове 336
- монастыри
  - — Иоанно-Предтеченский 335
  - — Спасо-Мирожский 335
- Немецкий берег (в Запсковье) 337
- Немецкий двор (в Завеличье) 335, 342
- Окольный город 333—335
- пловучий мост 334
- «полота каменная» купцов Преподобовых 335, 342
- посад 333
- решетки
  - — верхние (на реке Пскове) 334
  - — нижние (на реке Великой) 333, 334
- Средний город 333, 336
- Таможенная изба 343
- торг 340
- Торговая площадь 334
- торговые бани 336
- торговые ряды
  - — Большой 341
  - — Ведерный 341
  - — Вершаный 341
  - — Ветошный 341
  - — Грешневый 341
  - — Женский 341, 342
  - — Запсковский 341
  - — Игонный 341
  - — Кисельный 341
  - — Котельный 341
  - — Котманный 341
  - — Кузнецкий 341
  - — Москотильный 341
  - — Мясной 342
  - — Новый 341
  - — Овчинный 341
  - — Однорядочный 341
  - — Полоницкий 341
  - — Просольный 344
  - — Ременный 341
  - — Рукавичный 341
  - — Рыбный 341, 344
  - — Саадачный 341
  - — Седельный 341
  - — Серебряный 341, 342
  - — Сермяжный 341
  - — Скорнячный 341
  - — Соляной 341, 343
  - — Суконный 340—342
  - — Сурожский 340—342
  - — Сушевый 344
  - — Тверской 341
  - — Шубный 341
  - — Щепетинный 341
- улицы
  - — Васна 335
  - — Луцкая 342
  - — Покровская 342

- — Яблонный переулочек 335
- урочища
- — Большая нива 336
- — Кожевнная нива 336
- — Оржаная нива 336
- — Сенная нива 336
- церкви
- — Георгия со Взвоза 339
- — Покрова 342
- — Троицкий собор (каменный) 334
- Пскова, река 333, 334, 336
- Псково-Печерский монастырь 14, 19, 324, 339
- крепость (каменная) 324
- Псковская земля 17, 19, 30—32, 105, 278, 318—329, 339
- Псковский край 317, 318, 320, 333
- Псковское озеро 19, 318, 320, 321
- Птиное озеро (на Ладожском озере) 286
- Пудожемское устье 230
- Пушкина, деревня в Рязанской земле, вотчина Богословского монастыря 395
- Пустозерск, город 255, 256
- церкви
- — Введения 256
- — Спаса Преображения 256
- Пустозерская волость 255, 256
- Путивль, город 12, 18, 32, 48, 50, 365, 407, 410, 412, 413, 418, 428
- крепость (каменная) 412
- монастырь Никола Можайского (женский) 413
- посад 412
- «Путивльские места» 48
- Путивльский уезд 409—411
- Путилово, село в Московском крае, вотчина Троице-Сергиева монастыря 136
- Пушлахта, селение на Белом море 231
- Пчельня, село на юге России 424
- Пшага, река 292
- Пьяна, река 437—439, 480
- Пызноская курья 461
- Пысковка, речка 460
- Пыскорский Благовещенский Преображенский монастырь 454, 459, 460
- мельница на реке Люсьеве 460
- соляная варница на речке Пысворке 460
- Пятница Берендеево, село на реке Истре в Московском крае 121
- Пятницкий монастырь 121
- Радогощ, город 414
- Радонеж, городок 130, 131, 135, 136
- земляные укрепления 131
- Раздоры, местность на Дону 429
- Раменская волость Московского края 138
- Раставский стан Каширского уезда 458
- Речь Посполита — см. Польша
- Ржева (Ржев), город 36, 72, 94, 122, 199
- Ржевский уезд 199
- Рига, город в Прибалтике 330
- Рогачево, село в Московском крае 14, 94, 130, 131, 133
- Рождественское, село в Берендеевском стане Дмитровского уезда, вотчина Троице-Сергиева монастыря 118
- Рождественное, село, вотчина кн. Ковровых — см. Ковров
- Рождественское, село в Заволжье, вотчина кн. Прозоровских 209
- Романов на Волге, удел татарских царевичей 44
- Татарская слобода 44
- двор Ильмуры Юсупова сына княжова 44
- Романов городок 207, 388
- острог 388
- Романовский уезд 44
- Рославль, город 355, 368, 369
- Бурцева гора 368
- вал 368
- Городище 368
- крепость (острог) 368
- мельницы 369
- посад 369
- пруд 369
- Сотниково городище 368
- Спасский монастырь 369
- торговые ряды 369
- церкви
- — Афанасия 369
- — Благовещения 369
- — Воскресения 369
- — Ильи Пророка 369
- — Никола Чудотворца 369
- — Пятницы 369
- Рославльский уезд 347, 351, 352, 355, 356, 368
- Россия, Российское государство 3—5, 7—13, 15, 17—21, 23—27, 29—35, 39, 42, 45, 47, 49, 52, 53, 55—57, 59—65, 68, 73, 77, 84, 89, 90, 93, 95, 97, 98, 105, 107—109, 111, 134, 138, 144, 145, 147, 152, 156, 158, 164, 165, 179, 186, 190, 197, 201, 205, 206, 212—214, 216, 218,

- 222, 227, 237, 239, 242, 243, 250, 255, 256, 265, 266, 274, 275, 278, 281—285, 287, 288, 290, 293, 302, 304, 309, 312, 314, 316—320, 329, 331, 332, 334, 335, 338, 340, 342, 346, 348—350, 352, 354, 357, 359—361, 368, 370, 371, 375, 379, 386, 387, 392—394, 404, 406—408, 410—412, 415, 416, 418—420, 422—423, 424, 426, 429—431, 440, 446—448, 456, 457, 464—468, 470, 472, 478, 479, 484—488, 490, 497, 500, 502, 506, 508, 509—513, 515, 516, 518—524
- Ростов Великий, город 14, 53, 72, 81, 94, 131, 156, 171—174, 247
- «Горица» 172
- дворы
- — митрополита 171
- — Троице-Сергиева монастыря 172, 173
- Златоустовский приход 172
- кремль 171, 172
- посад 172, 173
- слободы
- — Авраамиева Богоявленского монастыря 172
- — Кузнецкая 173
- — Ладанная 172
- — Рыболовская 172, 173
- — Сокольничья 172
- — Сторожевская 172
- — Ямская старая 173
- собор Успения (в кремле) 171, 172
- Ростовский уезд 162, 164, 165
- Ростовское княжество 156
- Ростовское озеро (Неро) 157, 165, 171—173
- Рпень, река 175
- РСФСР 25, 524
- Ругодив, город в Ливонии 295
- Рудино, деревня в Скульневском стане Коломенского уезда 117
- Рудка, река 372
- Руза, город 14, 35, 44, 107, 122, 124, 357
- насыпной вал 124
- посад 124
- Руза, река 107, 124
- «княжий луг» 124
- Рузский уезд 27, 28, 35, 108
- Руна, местность на реке Мокше 446
- Русская земля 22, 26, 62, 357, 439
- русские (московиты)* 7, 20—22, 25, 26, 43, 208, 253—255, 257, 272, 275, 419, 428, 435, 436, 458, 475, 477, 494, 496, 510, 511, 516
- Русские земли 64
- Русь 26, 27, 29, 33, 48, 62, 63 172, 308, 493
- Руцкий стан Белевского уезда 373
- Рыльск, город 12, 18, 48, 364, 407, 413, 421, 422
- Рябеево, деревня в Тверском уезде, вотчина братьев Спяговых 182
- Ряд на Великом Пороге на Мсте 291
- Рязк, город 403
- крепость 403
- острог 403
- посад 403
- торг 403
- Рязанцы, село в Московском крае, вотчина Троице-Сергиева монастыря 136
- Рязанская губерния 8
- Рязанская земля 17, 19, 51, 115, 137, 151, 156, 370, 380, 387, 388, 392—395, 397, 401, 403, 404
- Рязанская сторона (правый берег реки Оки) 393
- Рязанские места 408
- Рязанский край 17, 107, 392, 394—403
- Рязанский уезд 12, 393, 394, 397
- Рязанское княжество 15, 17, 392, 393, 395, 396
- Рязань (Переяславль Рязанский), город 14, 17, 32, 46, 82, 94, 157, 167, 378, 392, 395, 397—402, 415, 494
- ворота
- — Глебовские 400
- — Рязанские 400
- кремль 398, 399, 401
- монастыри
- — Богословский 395
- — Спасский 400
- посад («острог») 398, 400, 401
- ряды (на посаде)
- — Горшечный 401
- — Крутяной 401
- — Мясной 401
- — Соляной 401
- слободы
- — Владычная («архиепискуля») 399
- — Пушкарская 400
- — Стрелецкая 400
- — «Черная» 400
- — Ямская 400
- торги
- — в кремле 401
- — на посаде 401
- улицы
- — Большая 399, 401
- — Борисоглебская 399
- церкви

- — Архангельский собор 398
- — Бориса и Глеба 399
- — Николая Чудотворца 399
- — Усекновения главы Иоанна Предтечи 398
- — Успенский собор 398
- «юстовые» пекарни (две, каменные) 398
- Ряполово, село в Замосковном крае, вотчина князей Ряполовских 157
- Сабурово, село в Коломенском уезде, вотчина Троице-Сергиева монастыря 116, 120
- Саввино-Сторожевский монастырь 14, 84, 107, 114, 117, 122, 123
- собор (каменный) 123
- Сакурдан, сельцо в Казанском царстве 497
- Самара (совр. Куйбышев), город 14, 508, 509, 514, 518
- бани 514
- крепость 514
- острог 514
- посады 514
- ряды 514
- Самара, река 21, 494, 509, 514
- Самарская лука, излучина реки Волги 514
- Самарский край 514
- самоеды* — см. *ненцы*
- Санническая волость Владимирского уезда 175
- Санчурск (Санчюрин), город 506, 507
- Сара, река 160, 164
- Сарай-Бату («Ближний Сарай»), город 512
- Сарайчик, город при устье Яика 512, 513
- Саранск, город 440
- Саратов, город 14, 493, 508, 514
- Сароевская, деревня («весь») в Двинской земле 239
- Сапожок, острог 395
- Сверковы Луки, монастырь 28, 368
- Свидь, река 242
- Свинь (Свень), река 377
- Свирский монастырь 237, 305
- церковь (каменная) 237
- Свирь, река 277
- Свияга, река 23, 467, 468, 470, 474, 475, 480, 482
- Свияжск, город 6, 23, 24, 209, 468—470, 472—475, 477, 480—483, 486, 494, 504
- «Бусурманский враг» 474
- ворота
- — Рождественские 481
- — Серебряные 483
- — Гостинный двор 481, 482
- крепость (деревянная) 480, 482
- монастыри
- — Богородицкий 473
- — Троицкий 474
- — Успенский 481
- пивоварня 481
- посад (острог) 481—483
- Самойные часы 481
- Татарский двор 481
- торговые ряды
- — Большой 482
- — Мясной 482
- — Хлебный 482
- церковь Успения (каменная, в Успенском монастыре) 481
- Ямская слобода 482
- Ямской двор 481
- Свияжский уезд 24, 470, 472—475, 477, 478, 483
- Св. Николая бухта (Св. Николай — монастырь в устье Северной Двины) 229, 230, 494
- Святой Нос, местность на Кольском полуострове 275
- Себеж (Иван-город на Себеже), город 330, 331
- крепость 331
- посад 331
- частоколы (надолбы) 331
- Себеж, озеро 330
- Себежский уезд 331
- Север России, Русский север, северные области России 5, 227—230, 232, 234—237, 243, 250, 251, 256, 270, 283, 385, 419
- Северка, речка 117
- Северная Двина, река 94, 131, 209, 227—233, 242, 245, 249—251, 274, 277
- Северная Русь 122
- Северная страна — см. Швеция
- Северный Донец, река 417
- Северный Кавказ 25, 508, 515—517
- Северный Ледовитый океан (Окиян-море) 19, 227, 265, 275
- Северо-Восточная Русь 9, 57, 109
- Северская земля (Северщина) 8, 12, 18, 25, 47—49, 286, 368, 370—372, 377, 379, 406—413, 415, 428
- Северская Украина 407, 408
- Северские города 12, 410, 428
- Северские княжества 17
- Северский край 379, 407, 412
- Севск (Севский), город 409, 414
- Севский уезд 409
- Севь, река 374
- Сейм, река 407, 408, 417
- Селигер, озеро 180, 199, 200, 286

- Селигерский путь 248
 Селище, деревня в Соликамском уезде 459
 Семеновка, село Троицкой волости Щигровского уезда 418
 Семеновская, деревня в Коневском стане Коломенского уезда 120
 Семеновское, поместье в Смоленской земле 352
 Сен-Сир, аббатство во Франции 100
 Сенежская (митрополичья) волость Московского края 157
 Сенкино, перевоз через Оку под Каширой 154
 Сеньга, митрополичья волость в Замосковном крае 161
 Сербиевский город 479
 Сергиевское, промысловое село в Заволжье 204
 Сергиевское (Грива тож), село в Заволжье, вотчина Троице-Сергиева монастыря 206, 207
 Серпейск (Серенск), город 14, 18, 35, 371, 376
 — вал 371
 Серпухов, город 12, 14, 94, 106, 107, 137—144, 286, 385
 — Владычный монастырь 138, 141, 144
 — — мельница 144
 — — слобода 144
 — — собор Введения (каменный) 144
 — — трапеза 144
 — концы
 — — Богоявленский 139
 — — Острый 139, 143
 — кремль (каменный) 138, 139
 — оброчные слободки
 — — Бобровая 140
 — — Ивановская 140
 — — Ключничья (Подключничья) 140
 — — Конюшенная («дворы, что были оброчные конюшенные») 140
 — — Кузьмодемьянская 140
 — — «на посаде дворы, что были оброчные» 140
 — — «слободка, что была за татарами» 140
 — «подол» 139
 — посад 139, 140, 144
 — слободы
 — — Благовещенская 140, 143
 — — Зелёная 140
 — — Пищальникова 140
 — — Сокольничья 140
 — собор Троицы 139
 — Спасские ворота (в кремле) 139
 — торг 139, 143
 — торговые ряды
 — — Большой 143
 — — Сапожный 143
 — — Хлебный 143
 — улицы
 — — Богоявленская 143
 — — Егорьевская 139
 — — «за Фролом святым» 139
 — — Ильинская 139
 — — Пищальная 143
 — — «у Пятницы» 139
 — — Фроловская 139, 143
 — церковь Фрола и Лавра 139
 Серпуховское княжество 140
 Серпуховский уезд 137
 Сестра, река 94, 109, 129—131, 206
 Сибирские города 94
сибирские татары 462
 Сибирь (Сибирское царство, Сибирская земля) 8, 25, 26, 142, 247, 261, 440, 462—465, 518, 519, 522
 Сивково зимовье 378
 Симбирская губерния 8, 438
 Синьково, село в Дмитровском уезде, вотчина Троице-Сергиева монастыря 118, 205
 Сия, река 239
 Скопин, острожек, позднее город в Тульском крае 388, 390, 403
 Скульневский стан Коломенского уезда 117
 Слобода, волостка в Каргопольской области на реке Чурюге 54
 Слободск (Слободский верхний городок), город 448, 451, 454, 506
 — крепость 454
 — посад 454
 — тюрьма 454
 Слободский уезд 450
 Словенский волочек (волок между Белым озером и Сухоной), волость 242, 276, 277
 Смоленск, город 14, 18, 80, 94, 95, 129, 175, 279, 346—350, 355—360, 363—367, 384, 415, 440
 — Заднепровская сторона 358
 — крепость (дубовая) 356
 — Литовский гостиный двор 358
 — монастыри
 — — Авраамиев 359
 — — Архангельский 358
 — — Борисоглебский 358
 — — Петровский 359
 — — Свято-Духовский 358
 — — Спасский 358
 — — Троицкий 358
 — Монастырские и церковные слободки

- — Авраамиева монастыря 359
- — Архангельского монастыря 359
- — Архиепископия 359
- — Петровского монастыря 359
- — Свято-Духовского монастыря 359
- мосты через Днепр (два) 358
- посад 358
- ров 356
- слободы
- — Загородненская 358
- — Ямская 358
- стена (каменная) 357—359
- Фроловские ворота 357
- церкви
- — Богородицы (соборная) 357, 358
- — Иоанна Богослова (каменная) 358
- — Петра и Павла (каменная) 358
- — Успения (соборная) 358, 359
- Ясеная (улица) 350
- Смоленская губерния 366
- Смоленская земля (Смоленщина) 8, 17, 18, 86, 346—352, 354, 355, 360, 364
- Смоленская епископия 28
- Смоленская область 31
- Смоленский край 346, 352, 367
- Смоленский уезд 350, 351
- Смоленское великое княжество 347
- Смядынь, река 358
- Согильский стан Ростовского уезда 165
- Сойга, река 261
- Соликамск (Соль Камская), город 266, 298, 457, 462—464, 466
- крепость 464
- острог 464
- посад 463
- соляные варницы 463
- судовая пристань 463
- Соликамский уезд 458, 459
- Соловецкий архипелаг 269
- Соловецкий монастырь 58, 77, 218, 231, 239, 240, 244, 248, 269—273, 302, 338
- крепость (каменная) 269
- острог 269
- пристань 269
- собор Спаса Преображения (каменный) 269
- Соловки, остров 269
- Солоденцева пустошь в уделе дмитровского кн. Юрия Ивановича 41
- Солониha, речка 284
- Солоница, речка 498
- Солотча, река 397
- Солотчинский Рождественский монастырь 395, 397
- городьба 397
- мельница 397
- трапеза (каменная) с церковью 397
- церкви
- — «под колоколы» (каменная) 397
- — Рождества Богородицы 397
- Сольвычегодск, город 14, 249, 263, 264, 298, 464
- острог (строгановский двор) 264
- посад 263, 264
- тарасы 263
- тын 263
- церковь Воздвижения креста (каменная) 263
- Соль Галицкая (Солигалич), город 221—224
- варницы
- — Вага 223
- — Ватага 223
- — Верхняя 223
- — Нижняя 223
- монастырский двор у Николы на Наволоке 224
- посад 224
- церковь Николы на Наволоке 224
- Соль Переяславская (позже Усолье), село 170
- Киржацкая соляная варница 170
- улицы
- — Борисоглебская 170
- — Преображенская 170
- церкви
- — Бориса и Глеба 170
- — Спаса 170
- Сольцы, село (или посад) в Новгородской земле на р. Шелони 292, 309
- Сораж, река 332
- Сорока, деревня, вотчина Соловецкого монастыря 271
- Сороть, река 326
- Сорочнево, сельцо в Псковской земле, вотчина Семена Фофанова Меншикова 327
- Софьино, село в Звенигородском уезде, вотчина Саввино-Сторожевского монастыря 117
- Сожня, речка 396
- Спасо-Евфимьев монастырь 157
- Спасо-Сумарин монастырь в Тотме 247
- церковь Спаса (деревянная, патровая) 247
- Спасский монастырь в Рязанской земле (Зарецкий Спас) 394

- Спасский монастырь (на р. Вычегде) 261
 — конюшенный двор 261
 — церкви (две) 261
 Спасский погост в Новгородской земле (на р. Шале) 252
 Спасский уезд Рязанской земли 393
 Среднее Поволжье 6, 22—24, 31, 471, 488
 Средняя Азия 21, 440, 502, 504, 509, 513, 514
 СССР 10, 67, 70, 71, 316, 361, 465, 466, 518, 524
 Стамбул, город, столица Турции 50, 488 (см. также Константинополь)
 Становая, речка 368
 Старая Руса, город 14, 297, 298
 — крепость 297
 — концы 297
 — — Мининский 297
 — — Рогов 297
 — — Середка (или Песий) 297
 — собор (каменный) 297
 Старая Рязань, город 494
 Старица, город 37, 39, 40, 195, 197, 357
 — крепость 197
 — посад 197
 — царский дворец 197
 — частокол 197
 Старицкий удел 39
 Стародуб, город 18, 48, 122, 410, 414
 — земляной город 414
 — посад 414
 Стародуб на Клязьме (Клязьменский городок), городок 206
 Стародуб Ряполовский, город 56, 160, 177
 Старое Городище у устья Шексны 206
 — слободка Троице-Сергиева монастыря 206
 Старцово («Шиталово тож»), сельцо в Вяземском уезде Смоленской земли 355
 Старый Холопий городок — см. Холопий городок
 Степаново, село в Большом Микулине стане Коломенского уезда 118
 — мельница 118
 — пруды 118
 — церковь (каменная) 118
 Стреленская, деревня («весь») в Двинской земле 239
 Стрелецкий стан Нижегородского уезда 431
 Стрелица, волость в Нижегородском уезде 431
 Стрешнево, село в Тульском крае 391
 Студеное море — см. Белое море
 Судиславль, город 225
 Суздаль, город 14, 41, 53, 94, 105, 156, 165—167, 174—177, 447
 — Большая улица 176
 — Водяные ворота (в кремле) 176
 — кремль 176
 — монастыри
 — — Борисоглебский 165, 176
 — — Покровский («девичий») 165, 176
 — — Спасо-Евфимьев 105, 166, 176
 — погост на Куре-озере с церковью 166
 — посад 176
 — слободки
 — — «Борисова сторона» 176
 — — «Иванова сторона» 176
 — — Покровского монастыря 176, 177
 — церкви
 — — Пятницы (на посаде) 176
 — — Рождества Богородицы (соборная, каменная, в кремле) 176
 Суздальская епархия 57
 Суздальский уезд 161, 162, 165
 Суздальское княжество 156
 Суземская волость в Тверском крае 185
 Сумь (Великие Сумы, Сумский острог), посад 270, 271
 — монастырский двор 271
 — острог 271
 — церковь Николая Чудотворца 271
 Сумская волость 270, 271
 Сунжа (Сунца, Сюенча, Сююнча, Севенец), река 516, 517
 Супонево, село в Брянском крае 372, 373, 376
 — мельница 372
 — церкви (две) 372
 Супружа, село в Тульском крае, вотчина кн. Волконских 381
 Сура, река 446, 468, 478, 480, 484
 Сурожский стан Московского края 120
 Сухарино, село в Тверском крае 186
 Сухона, река 227, 229, 230, 232, 242, 245—249
 Сушино, сельцо в Вяземском уезде Смоленской земли 354, 355
 Сызрань, город 493
 Сылта, река 456
 Сысола, река 257, 262

- Сысольская волость 262
 Сысольская земля (Сысола) 262
 Сысольское, село, позднее город
 Устьсысольск 63, 259
- Таджикская ССР 502, 513, 514
 Тайчуков стан Орловского уезда
 426
 Талавск, исад (рыбачье селение)
 321
 — церковь 321
 Талавск, остров на Псковском озе-
 ре 321
 Талдом, город 14
 Талец (Тальчик), река 421
 Талецкий брод 223
 Талецкий острожек (совр. село Та-
 лец) 421, 423
 — церковь 421
 Тамбовская губерния 8, 438
 Тарки, город на Кавказе 518
 Тарлаши, архиепископское село в
 Казанском царстве 491, 494
 Таруса, город 14, 30, 137, 138
 — вал («осыпь») 138
 — посад 138
 — торг 138
 — церковь Николая Чудотворца
 (деревянная) 138
 Тарусская десятина 138
 Тархашевский, починок в Ка-
 занском царстве 491, 496
 Татарская АССР 21, 471, 499, 500,
 501, 503
татары 20, 21, 24, 43, 44, 48—50, 94,
 99, 101, 120, 140, 153, 154, 208,
 254, 376, 392, 397, 416, 417, 423,
 435, 437, 443, 445, 457, 467, 472,
 473, 476, 477, 482, 483, 486—489,
 491—494, 496—499, 501, 504, 506,
 507, 511—513, 520, 522 (см. также
казанские татары, касимовские
татары, крымские татары)
 Татищево, село в Московском крае
 на реке Истре 121
 Тверская губерния 181
 Тверская земля 16, 32, 35, 63, 179,
 181—183, 241, 276
 Тверское княжество 16, 17, 179,
 181—183, 192
 Тверской край 107, 179—181,
 184—186, 189, 199, 202, 289
 Тверской уезд 179, 181—184, 190
 Тверца, река 179, 187, 188, 190, 194,
 196, 278
 Тверь, город 14, 16, 30, 31, 99, 130, 131,
 180, 183, 187, 188, 190—196, 241,
 266, 271, 278, 398, 463, 471
 — вал («осыпь») 192
- Волынская слободка 192
 — ворота
 — — Благовещенские 192
 — — Волжские 192
 — — Никольские 192
 — — Володимерские 192
 — «за Тьмакою» 192
 — Загорский посад 192
 — Гостинный двор 195
 — двор Г. Тушинского 195
 — деревянная стена 192
 — житницы 192
 — княжеский дворец 191, 192
 — кремль 191—193
 — монастыри
 — — Афанасьевский 192
 — — Михайловский 191
 — — посад 192, 193, 195
 — — Заволжская (часть) 193
 — — Загородская 193
 — — Затверецкая 193
 — — Затымацкая 193
 — приходы
 — — Ильинский («Ильинский бе-
 рег») 194
 — — Кузьмодемьянский 194
 — — Пречистенский 194
 — церкви
 — — Благовещения 191
 — — Бориса и Глеба (каменная)
 192
 — — Ивановская (Ивана Милости-
 вого, каменная) 192
 — — Ильи Пророка 194
 — — Михаила Архангела (камен-
 ная) 192
 — — Спаса Преображения (собор-
 ная, каменная) 191, 192
 — — Троицы (Белая Троица) с при-
 делом Николая Чудотворца
 (каменная) 195
 Теза, река 178
 Темников, город 445, 446
 — крепость 445
 Тепловодье, село в Рязанской зем-
 ле, вотчина Богословского мона-
 стыря 395
 Тероботунь, село Бежецкого уезда
 186
 — церковь Успения 186
 Терек, река 25, 513, 516, 517
 Терехов монастырь 397, 494
 Терешкова слобода в Зубцовском
 уезде 188
 — дворы
 — — монастырского слуги 188
 — — «монастырской на приезд»
 188
 — церкви (две, деревянные) 188

- Терская сторона (Тре), волость на Кольском полуострове 272
- Терский городок (на Северном Кавказе) 516—518
- Тетюши (Тетюшев), город 377, 378, 393, 394, 505
- Тепилово, село 154
- Тилва, река 456
- Тимофеевская слободка на озере Селигер 199, 200
- Тобольск, город 214, 247, 266
- Токат, город в Малой Азии 309
- Токлино, село в Рязанской земле, вотчина Богословского монастыря 395
- Толстая тундра 253
- Томск, город 466
- Торжок, город 14, 131, 190, 194—196
- Борисоглебский монастырь 196
- земляной вал 196
- крепость (деревянная) 196
- посад 196
- ручей Здоровец 196
- торг 196
- Троицкий монастырь 196
- церкви
- — Борисоглебского монастыря (каменная) 196
- — Спаса Преображения (соборная, каменная) 196
- Торопец, город 20, 317, 346, 350, 351, 360—364
- крепость 362, 364
- Никольский монастырь 363
- посад 361—363
- ров 364
- торг 363
- церковь Георгия (соборная) 363
- Торопец, река 362
- Торопецкая область 31
- Торопецкий край 362
- Торопецкий уезд 346, 347, 350—353, 356, 357, 360, 361
- Тотьма (Тотемская Соль), посад 23, 229, 230, 236, 245—247
- Большой ряд на площади 246
- кремль 246, 247
- посад 246
- Троица в Березниках, монастырь 136
- Троице-Сергиев монастырь 14, 58, 59, 94, 102, 104, 105, 107, 110, 114, 116, 118, 120, 122, 133—136, 158, 159, 161, 162, 164, 166, 169, 170, 177, 187, 188, 190, 197, 203, 206, 207, 216, 217, 219, 224, 225, 231, 272, 275, 404, 426, 444, 475, 478, 498
- посад (село Клементьево, совр. город Загорск) 135
- церкви
- — Св. Духа 134
- — собор Троицы (каменный) 134
- — собор Успения (каменный) 134
- — в селе Клементьево (две) 135
- Троицкая волость Щигровского уезда 418
- Троицкий (Трифонов) Печенгский монастырь 275
- Тростенское озеро 114
- Трубеж, река 169, 398
- Трубецк (Трубецкой город), город 48, 50
- Трызново, село, вотчина Иосифова Волоколамского монастыря 113
- Тула, город 14, 30, 94, 142, 201, 378—387, 393, 415, 417, 420, 421, 424
- деревянная стена вокруг посада 383
- земляной город, «завитай» 383
- кремль (каменный) 382, 383, 417
- мельница на реке Уге 383
- Никитский конец 383
- острог 382
- Острожные Никитские ворота 383
- посад 383, 385
- Предтеченский монастырь 383
- слободка Предтеченского монастыря 383
- церкви
- — Архистратига Гавриила («на каменное дело») 382
- — теплая 382
- Тулица, речка 383
- Тульская губерния 8, 382, 383, 421
- Тульский край 379—381, 388
- Тульский уезд 29, 51, 380, 381, 383
- Тура, река 466
- Тураново, село 136
- «двор большой» 136
- Турень, историческая область во Франции 35
- Турийск, город 466
- турки 515
- Туркменская ССР 502, 513, 514
- Турова поляна, местность близ Уфы 520
- Турская волость Торопецкого уезда Смоленской земли 361
- Турция, Турецкая империя 20, 22, 416, 429, 488, 489, 509, 510, 513, 515, 517
- Турчасов, погост 265—270, 273
- гостинный двор 269

- посад 267
- соляной двор Соловецкого монастыря 270
- Турья, погост в Вымской земле 261
- церкви (две) 261
- Тутотыма, место в Лапландии 275
- Тьма, река 188
- Тьмака, река 192, 195
- Тюменский волок 462
- Тюмень, город в Дагестане 512, 518
- Тюмень, город в Сибири 466
- Тюмень, река на Северном Кавказе 516
- Тюмень (Юмень), река в Сибири 518
- Увек, местность в среднем течении Волги 493, 494
- Углицкая область 203
- Углицкий удел 213
- Углицкий уезд 55, 202—204, 426
- Углич, город 14, 36, 39, 41, 131, 201—204, 206, 207, 210, 213—216, 266
- вал 214
- Воскресенская улица 216
- Гостиный двор 216
- избы
- — Дьячья 215
- — Разрядная 215
- княжеский дворец (каменный) 214, 215
- кремль 214, 215
- кормовой дворец 215
- Покровский монастырь 213, 214
- — церковь (каменная) 214
- посад 214—216
- ров 214
- торг 215
- церкви
- — Воскресения Христова (на посаде) 216
- — Спаса Преображения (в кремле) 215
- Угодский стан Московского края 119
- Угожский стан Московского края 117
- Угра, река 48, 370, 377, 415
- Удмуртия 506
- удмурты (вогаки)* 24, 24, 448, 454, 485, 488, 489, 505—507
- Удомельская волость Бежецкой пятины Новгородской земли 199
- Удора (Вашка), река, приток Мезени 254
- Удорская волость («а Вашка тож») 254, 255
- Удорская земля 254
- Удра, река, приток Мологи 208
- Узбекская ССР 502, 513, 514
- Узола, волость Балахнинского уезда Нижегородского края 432
- Узола, река 432
- Украина 20, 346, 379, 413, 418, 419
- Украинные города (города Северской украины) 410, 426
- украинцы («черкасы»)* 149, 409, 423, 428
- Умба, волость в Кольской земле 273
- Умба, посад в Кольской земле 273, 275
- Уна, местечко на берегу Двинской губы 231
- Унжа, город 225
- вал 225
- городище 225
- крепость 225
- Унжа, река 483
- Унский соляной промысел 231
- Унуковичи, деревня в Рославльском уезде Смоленской земли 355
- Упа, река 381—383, 387
- Урал, Уральские горы (Каменный пояс) 25, 253, 255, 456, 464, 465, 524
- Урал, река — см. Яик
- Ургенч (Хива), город в Средней Азии 512, 513
- Уркут (Аркут), местность на Средней Волге 473
- Усвят, город 331
- крепость 331
- Усвятский уезд 328
- Услоп, село в Свияжском уезде 480
- баня (монастырская) 480
- церковь 480
- Услонские горы, возвышенность на Средней Волге 468
- Усолка, речка 263, 463
- Усолье, погост в Соликамском уезде 461
- Усть-Вымская округа 259
- Усть-Вымь «владычный» город 63, 247, 257, 259—262
- городище 261
- посад 261
- церкви
- — Архангела Михаила (соборная) 261
- — Николая Чудотворца (теплая) 261
- — Стефана Пермского (шатровая) 260
- часовня с гробницами пермских епископов 260
- Усть-Мехренга, погост 465
- Усть-Мошь, погост 265

- Усть-Сысольск — см. Сысольское село
- Усть-Цыльма (Усть-Цылемская слобода) 255
- Устьянские волости 236, 249
- Устюг (Устюг Великий), город 14, 23, 229, 230, 239, 246—251, 256, 270
- архиерейский дом 247
- Большой острог 247
- Государев гостинный двор 247
- колокольня 247
- Михаило-Архангельский монастырь 248, 251
- «осышь» 247
- посад (нижний) 248
- ряды 247
- церкви
- — Соборная 247
- — Симеона Столпника 247
- Устюженский уезд 210
- Устюжна Железопольская, посад 12, 36, 210—213, 236
- избы
- — Губная 213
- — Таможенная 213
- Тихвинский посад 212
- тюрьма 213
- Устюжская епархия 234
- Устюжский уезд 233, 247
- Уфа (Уфимский городок), город 25, 518—522
- крепость 520, 521
- Татарская слобода 520, 522
- Уфа, река 521, 522
- Уча (Учя), река 103—105
- Федоровское, село в Большом Микулине стане Коломенского уезда 117
- Федоровское, село, вотчина Троице-Сергиева монастыря 205
- Федоровское, село, вотчина Ярославского Спасского монастыря 207
- Ферапонтов монастырь 14, 237, 241, 242
- Финляндия 276
- Финский залив 19, 276, 293—295, 314
- Франция 34, 35, 67, 182, 231, 252, 273, 371
- Харьков, город 301
- Хвалынское (Хвалиское) море — см. Каспийское море
- Хиландарский (сербский) монастырь на Афоне 78
- Хлопенки, деревня, вотчина Григория Романовича Юрьева 118
- Хлынов (Вятка, совр. Киров), город 23, 25, 438, 447, 449—454, 463
- крепость («острог») 452, 453
- посад 450
- Слудные ворота 453
- улицы
- — Бритовская 452
- — Спенцынская 452
- — Чернышевская 452
- Успенский Трифонов, монастырь 447, 448, 450, 451, 453, 454
- церкви
- — Богоявления 452, 423
- — Николая Чудотворца 453
- — Покрова 453
- — Пятницы 453
- — Успения 453
- Хлыновский уезд 450
- Хованский стан Волоцкого уезда 116
- Холмогорская епархия 234
- Холмогоры, город 94, 130, 229, 232, 233, 243, 247, 249—251, 270, 272—274
- Глиняный двор 236
- Глинский посад (Глинки) 250
- городище 250
- Гостинный двор 251
- Никольский (нижний) посад 250
- посад 250
- Спасский собор 250
- «торговый берег» 250
- Холопий городок (Холопий торг), городок 168, 208—210, 266
- Холохольский стан Ярославского уезда 119
- Холуй, промысловое село (посад) 166, 177, 178
- соляные варницы 166
- Хорезм, город и ханство в Средней Азии 21
- Хотунская волость 28
- Хрепелево, село в Суздальском уезде, вотчина Покровского монастыря в Суздале 165
- Царев-Борисов, город 175, 420, 422—424, 428, 429
- Царево-Кокшайск, город 506, 507
- Царево-Кокшайский уезд 507
- Царево-Константиновский монастырь 163
- Царицын, город (совр. Волгоград) 14, 508, 515
- крепость 515
- острог 515
- Царицыно, село в Казанском уезде, вотчина Троице-Сергиева монастыря 498
- мельница 498
- Царьград — см. Константинополь

- Центр (Центральные области России) 243, 419
 Центральная Азия 311
 Цивиль, река 468, 470, 471
 Цильма, река 255
 Цна, река 137
 Цивильск, город 471, 484
 Чакольская волость в Печорском крае 254
 Чалымский городок в Северной земле 414
 Чаранская округа 236
 Чаронда, волость 236, 242
 Чаронда, селение 242
 — гостиный двор 242
 Чашниче, село в волости Караш 163
 — митрополичий двор 163
 — церковь 163
 Чебоксара, река 470
 Чебоксары, город 14, 467, 470, 471, 484, 494
 Ченстохов, город в Польше 59
 Чепца, река 447, 506
 Червленый Яр 427
 Чердынский уезд 457—459
 Чердынь, город 25, 457, 458, 462—464
 — монастыри
 — — Иоанно-Богословский 457, 463
 — — Успенский 463
 — посад 457, 462
 — торг 462
 — церкви
 — — Воскресения (соборная) 463
 — — Николы Великокорецкого 463
черемисы (*«черемиса»*), собирательное название народов Среднего Поволжья 23, 24, 222, 468—472, 475—478, 480, 485, 505—507
 Черкас, село в Тверском крае 184
 — «посады» (два) 184
черкасы — см. *украинцы*; *черкесы*; *кабардинцы*
черкесы (*черкасы*) 149
 Черленково, село в Волоцком уезде 115, 121
 — церковь (каменная) 115, 121
 Черная, деревня Хованского стана Волоцкого уезда 116
 Чернеево, село, вотчина Медведевой пустыни 131
 Чернигов, город 12, 14, 18, 122, 410, 413
 Черниговская губерния 427
 Черниговская земля 423
 Черниговский уезд 409
 Черниговское княжество 406
 Черное море 412, 415, 524
 Чернь, город 421
 Чертаг, «враг» (овраг) на р. Пьяне 438
 Четова (Четовское селище), деревня в Казанском уезде 494
 Чиркино, село в Большом Микулине стане Коломенского уезда 117
 — каменная церковь 117
 Чирьюга (Чюрдюга), река 54
чуваши 20, 21, 23, 24, 438, 446, 467, 470—473, 475, 476, 478, 483, 486, 488, 489, 491, 492, 494, 496—498, 501, 506, 507
 Чувашия 467, 470—472, 478
 Чувашская АССР 467, 478
 Чудское (Великое) озеро 19, 276, 318, 320—323
 Чусовая, остров 461
 Чусовая (Чюсовая), река 461, 462
 Чухлома, город 201, 221, 222, 225
 — крепость 225
 — посад 225
чужна 120
 Шаблыкино, село Ярославского уезда в Бежецком Верхе 186
 — церковь Успения 186
 Шала, река 292
 Шать, река 421, 446
 Шацк, город 155, 446
 Шацкие (Шатские) ворота 446
шведы 208, 271, 275
 Швеция («Северная страна», «Свейская земля») 19, 144, 275, 279, 310, 314, 319
 Шеволово, пустошь в Заозко-Брянском крае 375
 Шексна, река 131, 201, 206, 209, 230, 241, 266
 Шелонская пятина Новгородской земли 6, 7, 276—278, 283, 287, 292, 296, 297
 Шелонь, река 277, 278, 292, 309
 Шемаха, город в Азербайджане 511—513
 Шенкурск, посад 229, 249
 Шерапово, село в Звенигородском уезде, вотчина Саввино-Сторожевского монастыря 117
 Шершовка, речка 437
 Шестаков (Шестаковский городок), городок 451, 452, 454, 455
 — крепость 455
 — посад 455
 — церкви
 — — Архангела Михаила 455
 — — Николая Чудотворца 455
 Шивронь, река 391
 Шигай, деревня, вотчина князя Боггиша Якушева 497

- Шигалеев Царев городок — см. Касимов
- Шилово, село в Рязанской земле, вотчина Шиловских 397
- Шоша, река 188, 198
- Шпанская земля — см. Испания
- Шуерецкий посад (Шуя) 271, 272
- Шуйское, село в Посухонье 245
- Шухобалово, село в Суздальском уезде, вотчина Троице-Сергиева монастыря 162
- Шуя, город, первоначально Борисоглебская слобода 23, 178, 213
- вал («осышь») 178
- деревянная стена («острог») 178
- ров 178
- торг 178
- Шуя, река 272
- Щербинино, село в Тверском крае 184, 190
- княжеский сад 184
- Скоморошья слободка 190
- Щербинино, село Захожей волости Тверского края 186
- Щигровский уезд 418
- Юг, река 247, 249
- Югра (Югорская земля), область на севере 261, 262, 465
- Юрьев, город 105
- Юрьев Польский, город 44, 94, 167, 170, 171
- осыпь 170, 171
- посад 171
- собор (каменный) 170
- Юрьев-Польский уезд 28, 158, 159, 161
- Юрьеvec на Волге, город 23
- Юрьево, деревня в уделе дмитровского князя Юрия Ивановича 41
- Юхотская волость (Юхоть), волость в Углицком уезде 55
- Ягодное, село в Арзамасском уезде 437
- Ядрин, город 471, 484
- Ядринская волость 480
- Яжолбицы, «ряд» 14, 291
- Яик (Урал), река 420, 513, 522
- Яйва, острог 461
- Яма, город 6, 19, 293—295
- Янидор, погост в Верхнем стане Чердынского уезда 458
- Яранск, погост 257, 259, 260
- посад 260
- церкви (две), в том числе:
- — Спаса Преображения (деревянная, шатровая) 260
- Яренга, река 257, 259
- Яренск (Еренск), городище 257
- Яренская округа («Вычегодская земля») 258—261
- Яренский уезд 254, 257, 259, 261, 262
- Ярогомжа, село в Белозерском крае 233
- Ярокурский стан Устюжского уезда 233
- Ярополч, село, вотчина Иосифова Волоколамского монастыря 121
- Ярополчь, город 177
- деревянные стены 177
- Ярославец — см. Малоярославец
- Ярославецкий уезд — см. Малоярославецкий уезд
- Ярославль, город 14, 19, 41, 53, 55, 81, 94, 201—203, 208—210, 213, 214, 216—218, 230, 320, 493, 494, 509, 510
- «большой острог» (стена вокруг крепости и посада) 217
- вал 217
- «Гончарные дворы» 218
- каменные стены вокруг Спасского монастыря 217
- кремль («острог») 217
- Ловецкий присуд 218
- «меньший острог» (деревянная кремлевская стена) 217, 218
- Норское село (Ловецкая слобода) 217
- посад (Большой посад) 217, 218
- слободка «Новгородские дворы» 217
- Спасский монастырь 55, 170, 207, 217, 493, 509
- Ярославская область 203
- Ярославский край 218
- Ярославский уезд 202, 203, 205, 207
- Ярославский уезд в Бежецком Верху 186
- Яслици, волость в Замосковном крае 161
- Яхрома, река 94, 107, 130—133, 206

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

Введение

Глава I. Историография и источники	3
Историография (3). Источники (11).	
Глава II. Территория России	15
Складывание Российской территории в XVI в. (15). Российское, или русское, государство (25). Территориальное деление России (27).	
Глава III. Феодалное устройство России	33
Высказывание В. И. Ленина о Московском царстве XVI в. (33). Уделы князей московского правящего дома (34). Касимовское ханство и уделы татарских царевичей (42). Уделы служебных князей (46). Княжеские и боярские вотчины (52). Церковные и монастырские земли (57). Крестьянские и городские общины (62). Общие выводы о феодално-территориальном делении России XVI в. (64).	

Раздел II

Центральные области России

Глава IV. Москва — столица государства	66
Население и территория Москвы (66). Московский посад (69). Кремль (73). Китай-город (74). Белый и земляной город (79). Московское ремесло (84). Московский торг (87). Москва — центр водных и сухопутных путей России (93). Москва — центр книжности и образованности России (95). Подмосковье (99).	
Глава V. Московский край	106
Общий обзор (106). Пашня и лес (108). Земледелие, садоводство и огородничество (109). Скотоводство (113). Рыбные и бортные угодья (114). Деревенские поселения (115). Землевладение (117). Крестьянские повинности (120). Западные уезды и города Московского края (121). Можайск (125). Северная окраина Московского края (129). Дмитров (132). Троицкий Сергиев монастырь (134). Восточные волости Московского края (136). Южная окраина Московского края (137). Серпухов (138). Коломна (144). Кашира (153).	
Глава VI. Замосковский край	156

Общий обзор (156). Сельское хозяйство и промыслы (158). Землевладение (160). Положение крестьян (163). Промысловые села (165). Переяславль Залесский и его округа (167). Александрова слобода и Юрьев Польский (170). Ростов и его округа (171). Владимир (174). Суздаль (175). Небольшие города, примыкавшие к Суздалью и Владимиру (177).

Глава VII. Тверская земля 179

Общий обзор (179). Пережитки феодальной раздробленности (181). Сельское хозяйство (183). Землевладение и положение крестьян (184). Напашенные села и дворы (186). Тверь (190). Другие города Тверской земли (195). Бежецкий верх (198). Городки в верховьях Волги (199).

Глава VIII. Заволжье 201

Общий обзор (201). Сельское хозяйство (202). Землевладение (203). Положение крестьян (204). Промысловые села (206). Торги в Холопьем городке (208). Устюжна Железопольская — промышленный посад (210). Углич (213). Ярославль (216). Кострома (219). Костромской край (221). Галич (222). Солигалич (223). Небольшие города Заволжья (225).

Раздел III

Поморье

Глава IX. Двинская земля и Белозерский край 227

Общий обзор (227). Водный путь по Сухоне и Северной Двине (229). Морские и соляные промыслы на Севере (230). Сельское хозяйство (232). Край черного крестьянского землевладения (234). Монастырское землевладение и легенда о монастырской колонизации (237). Белозерский край и город Белоозеро (240). Вологда и ее округа (242). Посухонье и Тотьма (245). Великий Устюг и его округа (247). Важская земля (249). Холмогоры (250). Архангельск (251).

Глава X. Печорский край и Пермская земля 253

Мезенская округа (253). Удорская земля (254). Печорский край и Пустозерская волость (255). Пермская земля и Яренский уезд (257). Вымская земля (260). Сысольская земля (262). Сольвычегодск (263).

Глава XI. Заонежье и Кольский полуостров 265

Заонежье (265). Каргополь (267). Соловецкий монастырь (269). Волости и посады на западных берегах Белого моря (270). Кольская земля (272).

Раздел IV

Западные области России

Глава XII. Новгородская земля 276

Общий обзор (276). Остатки новгородской вольности (279). Сельское хозяйство (283). Рыболовство, бортничество и охота (286). Землевладение (287). Ряды, или рядки (291). Северные города Новгородской земли (293). Южные города Новгородской земли (296).

Глава XIII. Великий Новгород	299
Территория и население (299). Ремесло (303). Новгородский торг (307). Таможенная реформа в Новгороде (310). Новгород — старинный центр книжности и просвещения (314).	
Глава XIV. Псковская земля	317
Общий обзор (317). Остатки прежней вольности (318). Сельское хозяйство и рыболовство (319). Землевладение и положение крестьян (321). Северные псковские пригороды (322). Южные псковские пригороды (324). Порубежные города от Литовской Украины (328).	
Глава XV. Псков	333
Топография и население (333). Ремесло (337). Псковский торг (340). Купеческие организации (343).	
Глава XVI. Смоленская земля	346
Общий обзор (346). Особое положение Смоленской земли в России (348). Сельское хозяйство, рыболовство и бортничество (350). Землевладение (352). Смоленск (356). Торопецкий уезд и Торопец (360). Вязьма и ее округа (364). Рославль и его округа (368).	

Раздел V

Южные области России

Глава XVII. Заозеро-Брянский край	370
Общий обзор (370). Сельское хозяйство (372). Землевладение (374). Города (375). Калуга (377).	
Глава XVIII. Тульский край	379
Общий обзор (379). Сельское хозяйство и землевладение (380). Тула (382). Владычьи города (387). Небольшие города Тульского края (391).	
Глава XIX. Рязанская земля	392
Общий обзор (392). Сельское хозяйство и лесные промыслы (393). Край поместного и вотчинного дворянства (395). Переяславль Рязанский (398). Другие города Рязанской земли (401). Муромский край (404). Муром (404).	
Глава XX. Северская земля	407
Общий обзор (407). Сельское хозяйство и землевладение (410). Города Северской земли (412).	
Глава XXI. Заселение степной окраины	415
Дикое поле (415). Крестьянская колонизация (418). Новые города на южной окраине России (422). Сельское хозяйство и промыслы (424). Донское казачество (426).	

Раздел VI

Нижнее Поволжье и Закамье

Глава XXII. Нижегородский край и земли мордвы	430
Общий обзор (430). Сельское хозяйство (431). Рыболовство и бортничество (433). Землевладение и положение крестьян (434). Арзамасский уезд и Мордовские земли (435). Нижний Новгород (440). Другие города Нижегородского края (444).	

Глава XXIII. Вятская земля	447
Общий обзор (447). Сельское хозяйство и рыболовство (448). Землевладение и положение крестьян (449). Земское самоуправление (450). Хлынов (Вятка) (452). Другие вятские города (454).	
Глава XXIV. Закамье	456
Общие замечания (456). Сельское хозяйство и промыслы (457). Церковное землевладение и Пыскорский монастырь (459). Строгановские земли (460). Города Закамья (462). Продвижение в Сибирь (464).	
Глава XXV. Горная сторона Волги и земли чувашей	467
Общий обзор (467). Особое положение Горной стороны (469). Землевладение и захват татарских, чувашских и мордовских земель (472). Сельское хозяйство, рыболовство и бортничество (477). Свияжск (480). Другие города Горной стороны (484).	
Глава XXVI. Казанское царство и Луговая сторона	485
Общий обзор (485). Положение татар в России после завоевания Казани (486). Сельское хозяйство (490). Рыболовство и судоходство на Волге (493). Землевладение (494). Казань (498). Небольшие города Казанского царства (504). Земли мари и удмуртов (505).	
Глава XXVII. Астраханское царство, Северный Кавказ и Башкирия	508
Общие замечания (508). Рыбные и соляные промыслы (509). Астраханское царство (510). Понизовые города (513). Продвижение России на Северный Кавказ (515). Присоединение Башкирии (518).	
Заключение	524
Список наиболее употребительных сокращений	525
Указатель имен	526
Указатель географических, топографических и этнографических названий	541

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СР

Михаил Николаевич Тихомиров
Россия в XVI столетии

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

Редактор издательства *В. В. Зеленин*
Оформление художника *С. П. Чахирьяна*
Технический редактор *П. С. Кашина*

РИСО АН СССР № 69—84В. Сдано в набор
5/III 1962 г. Подписано к печати 30/V 1962 г.
Формат 60×90^{1/16}. Печ. л. 36,5+3 вкл.
Уч.-издат. л. 38,4. Тираж 3000 экз.
Т-06822. Изд. № 567. Тип. зак. № 358.

Цена 2 р. 46 к.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

АН.
ТЮНИРОВ
РОССИЯ
ЕХVI
СТОЛЕТИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКЦИОНЕРНОГО
ОБЩЕСТВА
"ВУК"
С П. П. П.